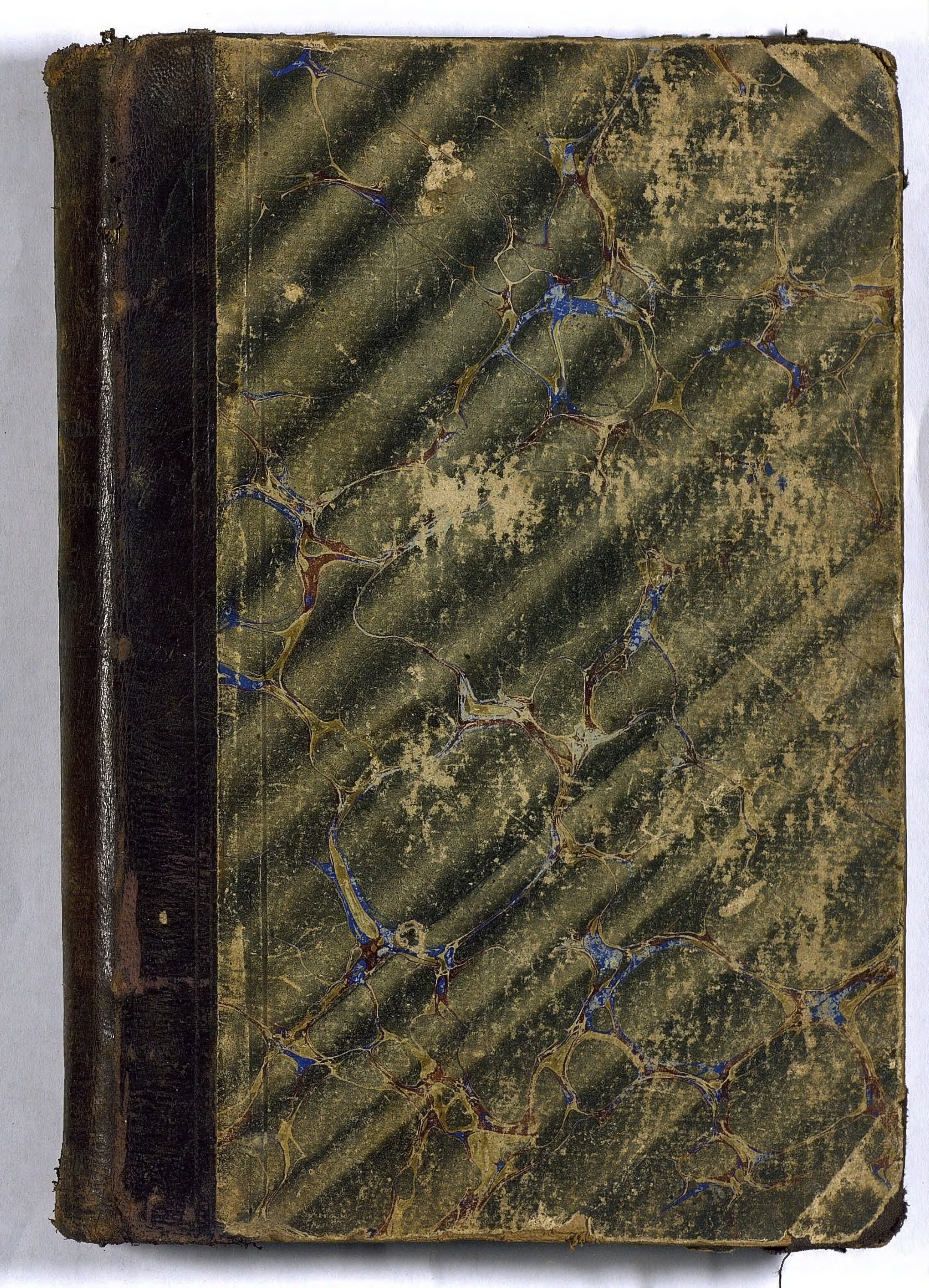
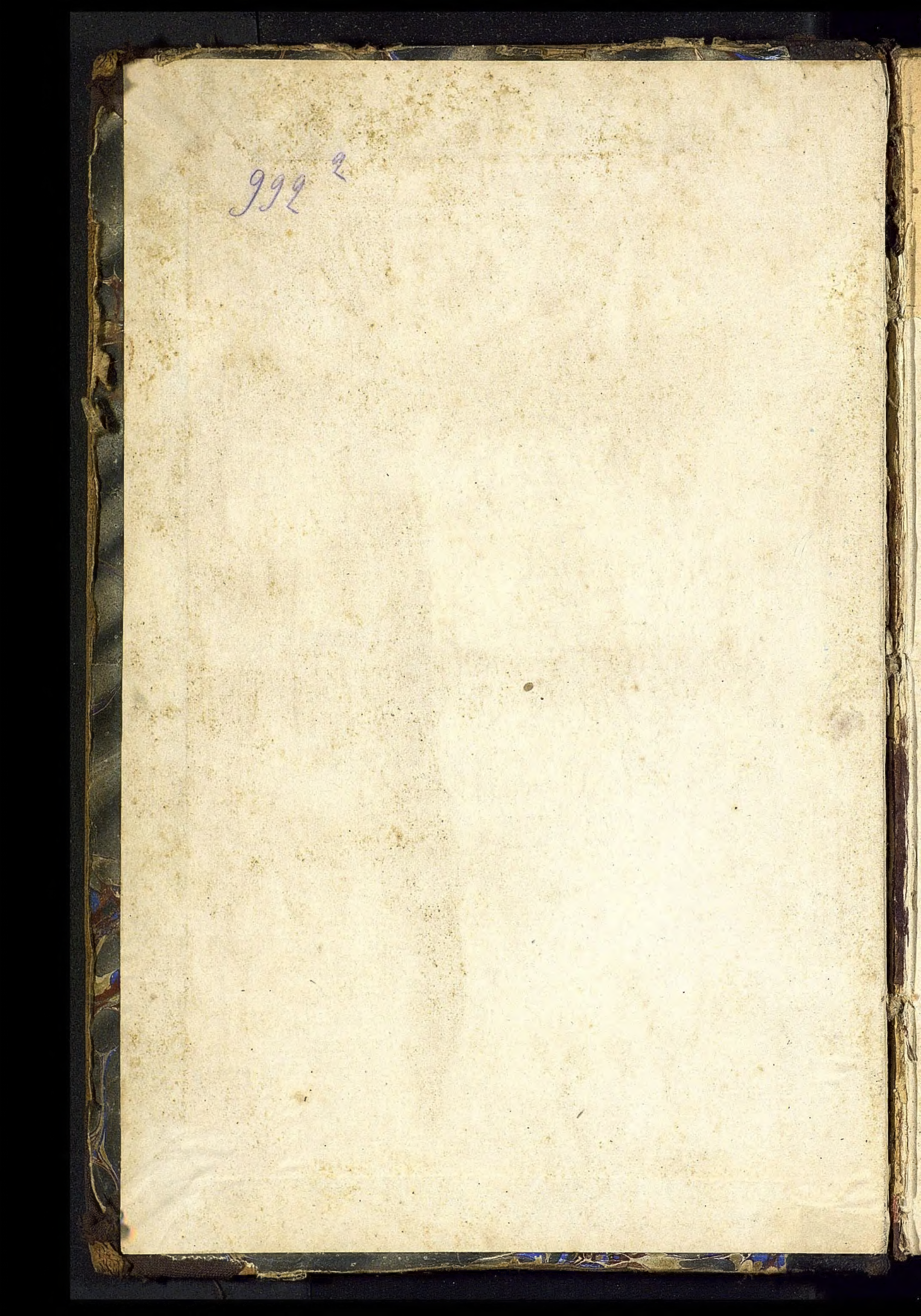




ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

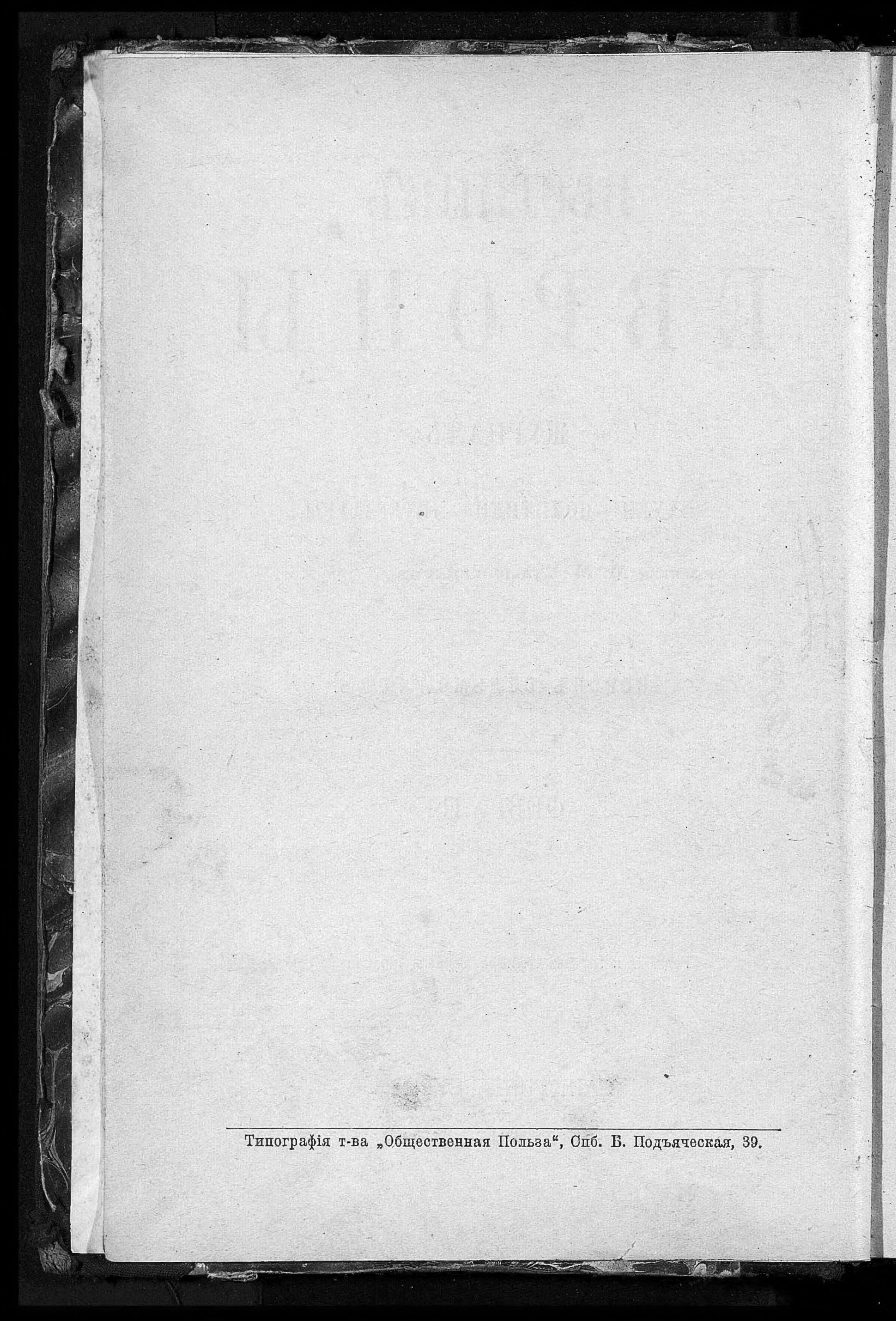
СОРОКЪ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ.

ФЕВРАЛЬ.

Редакція и Главная Контора журнала Моховая 37.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1912.



Типографія т-ва „Общественная Польза", Спб. Б. Подъяческая, 39.

ЗЕМЛЯКЪ.

(Разсказъ).

— My!..
— Chceme!..
— Pivo!... [1]).

Чехи поютъ оглушительнымъ хоромъ и послѣ каждаго слова выдерживаютъ паузу. Краткая пѣсня, но выразительная. Это стихійная жажда поетъ, глубокая, какъ море.

Шумно у Флека. Широкія темныя залы, а въ залахъ столы изъ стараго дуба. Ни скатертей, ни даже полотенецъ. Низкія скамьи, рѣзные табуреты, высокіе стулья съ фигурными спинками. На черныхъ стѣнахъ старинные гербы богемскихъ городовъ, Праги и Плзна, Хрудима, Будиссина и Моравскаго Брна.

Огромныя жерла каминовъ, дубовыя балки, узкія окна съ цвѣтными стеклами. Большая пивоварня устроена на славу, и обстановка стильна до мелочей. Словно старинный рыцарскій замокъ, просторный и крѣпкій и мрачный. Но только вмѣсто стальныхъ топоровъ и панцырей повсюду разставлены стопы кружекъ тусклаго зеленаго стекла, и за столами сидятъ не чешскіе рыцари и не гусситскіе воины Великаго и Голаго Прокоповъ, а просто приказчики, писцы, слесаря и ткачи, съ женами или съ подругами, и дуютъ черное пиво, сладкое и пьяное, густое, какъ смола. Выпили мѣрки по три, по четыре и хоромъ поютъ:

My... Chceme... Pivo...

Значитъ, скорѣй подавайте.

Двѣ тысячи народу сошлось въ пивоварню. Прислужницы сбились съ ногъ и едва успѣваютъ даже отмѣчать на подстав-

---

[1]) Мы хотимъ пива!

кахъ крестами число выпиваемыхъ мѣрокъ. Мы сидимъ за огромнымъ столомъ. Мой сосѣдъ визави черезъ столъ окрещенъ крестами кругомъ, словно заклинаемый дьяволъ. Но его, видно, не беретъ ни пиво, ни кресты. Только пьетъ и пыхтитъ, сдувая свѣжую пѣну съ коричневыхъ усовъ, и коситъ глазами на насъ, какъ норовистая лошадь. Не нѣмцы ли молъ? Вѣдь сразу видать, что какіе-то чужіе.

— Працлики, працлики!..

Между столами ходятъ разносчики, будто на улицѣ, и продаютъ по крейцеру дешевыя заѣдки:—працлики, а по нашему бублики; вишни въ сахарѣ, вздѣтыя на палочку, пять вишенъ на копейку; орѣхи въ патокѣ. Можно купить за гривенникъ цѣлый соленый ужинъ, но только потомъ не взыщите. Кажется, выпьешь озеро пива,—не хватитъ и у Флека.

— На Матицу давайте!..

Отъ столика къ столику ходятъ сборщики съ кружками чешской Матицы, великаго школьнаго союза. Каждый кладетъ по копейкѣ. Никто не пропуститъ, хотя бы пропился до гроша.

— Не дать на Матицу,—да лучше ужъ выйти на улицу голымъ,—какъ объяснялъ мнѣ на прошлой недѣлѣ веселый гуляка въ другой пивоварнѣ, у Прима.

Изъ этихъ народныхъ копеекъ потомъ выростаютъ школьные дворцы въ каждой скромной деревнѣ въ Судетскихъ горахъ и въ Бескидахъ.

Весело, шумно. Смѣются, поютъ, топаютъ ногами, какъ кони, задираютъ другъ друга. Хватаютъ за руки прислужницъ и собственныхъ женъ. Жены пьютъ не хуже мужей. Гуляетъ рабочая Прага. Съ каждаго рыла по кронѣ на пиво, благо сегодня суббота.

Вся Прага сегодня гуляетъ. Старое и Новое Мѣсто; рабочія предмѣстья: Жижковъ и Смиховъ, Кралевы Винограды, Голышовицы-Бубны.

Буйный Жижковъ, недавній притонъ головорѣзовъ, воровъ, хулигановъ (по-пражски—«пепиковъ») и всякаго сброда. О Жижковѣ прежде острили, что это государство независимое даже отъ Праги, ибо чеканитъ собственную монету (конечно, фальшивую, тайно).

Смиховъ—твердыня эс-дековъ. Сегодня въ театрѣ «Арена» смиховскій отдѣлъ соціалъ-демократической партіи даетъ для рабочихъ особый спектакль по пониженнымъ цѣнамъ. Будетъ представлено: «Дама отъ Максима». Пьеса, положимъ, весьма

безпартiйная. Но доходъ отъ спектакля пойдетъ на партiйныя цѣли, какъ сказано въ афишѣ [1]).

— Ma ucta, Rus. (Мое почтенiе, русскiй).

Огромная черная лапа безъ церемонiи тянется ко мнѣ черезъ столъ. Сосѣдъ разобралъ нашу рѣчь, и лицо его внезапно просвѣтлѣло... Ай, Господи!.. Лапа дотянулась и стиснула мою руку, какъ будто клещами... Русскiе, братья!..

Весело русскому въ Прагѣ. Какъ объяснялъ мнѣ сегодня старый профессоръ NN:—Мы любимъ русскихъ всѣхъ безъ разбору, худыхъ и хорошихъ.

— Откуда такое обилiе любви?—полюбопытствовалъ я.

— Да какъ же, славянское царство. Десять тысячъ верстъ ширины, полтораста миллiоновъ народу. Даже вонъ въ ссылку у васъ посылаютъ за 8000 верстъ, какъ будто на другую планету. А вамъ ничего, nitschevo, какъ любилъ говорить еще покойный Бисмаркъ.

Не знаю, смѣялся ли старый профессоръ или просто говорилъ отъ искренняго сердца. Но только въ послѣднiе годы любвеобильные чехи стали наконецъ понемножку разбираться въ деталяхъ «славянскаго царства». Даже «русскiй кружокъ» въ Прагѣ, извѣстная славянская твердыня, свихнулся съ пути. Весною въ кружкѣ былъ прочитанъ рефератъ по поводу пятидесятилѣтiя крестьянской реформы. Послѣ этого реферата кружокъ раскололся. Русскiе священникъ и консулъ и нѣсколько чеховъ постарше вышли изъ кружка и основали новое общество: «Православная Бесѣда». Трудно въ Прагѣ найти православныхъ... Только въ Волынской губернiи есть православные чехи. Да и тѣ не по вкусу россiйскимъ нацiоналистамъ...

— Русскiй, вы русскiй?..

Съ другого конца залы раздался голосъ, низкiй и сочный и даже какъ будто бы нѣсколько влажный отъ пива.

— Русскiй, идите сюда,—настойчиво звалъ голосъ, какъ будто трубила труба.

— То—Владивой,—отозвался вмѣсто меня сосѣдъ черезъ столъ, осклабляясь дружески навстрѣчу гудѣвшему призыву.—Онъ тоже вашъ русскiй, краянъ (землякъ). Ступайте къ нему...

Я всталъ и перешелъ черезъ залъ къ столу Владивоя. Тамъ сидѣло шесть человѣкъ, грузныхъ и черныхъ, сверху до низу перепачканныхъ масломъ и сажей. То были кочегары, и въ противность обычаю они даже не переодѣлись. Видно, прежде

---

1) Изъ дѣйствительной жизни.

чѣмъ вымыть лицо, они заторопились прополоскать себѣ горло. Пахло отъ этого стола, какъ будто изъ бочки. Впрочемъ они вшестеромъ, пожалуй, и выпили бочку. Всѣ они были на подборъ, словно болванки чугунныя, но съ лѣваго краю сидѣлъ совсѣмъ великанъ, уже не съ болванку, а съ добрую чугунную статую. На темномъ лицѣ сверкали бѣлки, какъ у негра, да на головѣ изъ-подъ чернаго налета выступали свѣтлыя пятна волосъ, должно быть бѣлокурыхъ.

— Я Владиміръ, не Владивой,—гудѣлъ недовольно огромный «краянъ».—Такъ по-чешски меня перезвали. А я Владиміръ Бештинскій... Сидайте съ нами. Просимъ...

— Свѣжаго пива,—стукнулъ онъ мѣркой объ столъ.

— Же видимъ, что русскій...

Онъ говорилъ: *просимъ*, *видимъ*, *слышимъ* по чешскому примѣру. Въ чешскомъ языкѣ это—единственное число, а не множественное.

— Сидайте, а ну...

Я поглядѣлъ съ опасеніемъ на его сосѣдей. Сѣсть съ такими шестью молодцами за свѣжее пиво—не шуткою пахнетъ. Станутъ предлагать тосты за русскій народъ и за чешскій. Какъ тутъ откажешься?..

— Вацлавъ, подвинься,—буркнулъ землякъ и вдругъ прибавилъ такое словечко на самомъ чистомъ жижковскомъ діалектѣ, что другіе кочегары только крякнули. Онъ двинулъ легонько Вацлава локтемъ въ бокъ и сразу очистилъ на лавкѣ широкое мѣсто. Потомъ положилъ мнѣ на плечо свою пудовую руку, ласково и нѣжно, какъ будто ребенку. Я не успѣлъ и опомниться, какъ уже сидѣлъ за столомъ, затиснутый въ середку, и передъ самымъ моимъ носомъ стоялъ огромный кухоль пива.

— Ну, вотъ, — проворчалъ великанъ удовлетворенно.— *Радъ есмь, же бы помулвить по-руску*,—сказалъ онъ въ видѣ объясненія.

— Вы и по-чешски умѣете не плохо,—улыбнулся я.

— А цо?—встрепенулся землякъ.—Да оно все-равно поческу и по-руску. Только по-ческу надо мулвить съ натугомъ, изъ полнаго горла, вотъ такъ:

«*Стрчь прстъ скрзь кркъ*» (просунь палецъ сквозь шею).

Чехи опять засмѣялись.

— Я былъ кочегаромъ,—гудѣлъ Бештинскій—и есмь кочегаромъ и буду кочегаромъ. Пускай другіе голодные ходятъ, я голодный не буду. Изъ самаго Вѣдня пѣшки [1]) пришелъ ажъ

1) Пѣшкомъ.

до Праги, а голодный не буду. Вотъ выпью сейчасъ, а послѣ закусимъ...

Выпили и закусили.

Бештинскій стукнулъ мѣркой о столъ, чтобъ подозвать прислужницу, но вдругъ задумался и тихонько замурлыкалъ:

Ой сѣлъ голубь на калину,
Голубка на грушу.
Полюбилъ козакъ та чужую дивчину,
Сгубитъ свою душу...

— Гей, пива!..

— Ты думаешь, то пѣсня,—спросилъ онъ неожиданно,—то правда сущая.

Онъ обвелъ сосѣдей тяжелыми злыми глазами и вдругъ съ силой ударилъ кулакомъ по дубовому столу. Мѣрки звякнули, и одна упала, какъ раненая, и залила доску своею обильною черною кровью.

— Правда ще хуже бываетъ... Шло, зацѣпило... По усахъ молъ текло, а въ ротъ не попало.

Служанка принесла на подносѣ новую батарею:—Прямо изъ бочки...

Но Бештинскій замоталъ головой. Онъ порылся въ карманѣ, досталъ серебряный гульденъ и бросилъ сосѣду.

— *Заплать за меня, Вацлавъ!..*

— Пойдемте отсюда, — сказалъ онъ мнѣ тѣмъ же рѣшительнымъ тономъ,—больше я пить не хочу. Пойдемъ на Волтаву.

Мы вышли на берегъ Волтавы и сѣли на лавочкѣ подъ свѣтлымъ фонаремъ. Волтава шумѣла внизу и пѣнилась и перекатывала гальку.

— Въ камушки играетъ, — сказалъ кочегаръ съ неожиданною мягкостью.—Какъ наши дивчата играютъ...

Полюбилъ козакъ та чужую дивчину...

Онъ всталъ съ мѣста и сталъ спускаться съ обрыва къ рѣкѣ.

— Пойду до воды, *чи мыться, чи топиться.* Пьяному море по колѣно...

Слышно было, какъ онъ черпаетъ воду руками, третъ лицо и поливаетъ себѣ голову. Наверхъ онъ вернулся, должно быть, трезвѣе, чѣмъ прежде, но ни капли не чище. Лицо его изъ темнаго сдѣлалось пѣгимъ и даже полосатымъ. Волосы блестѣли

мокрыми и пестрыми пятнами, и при свѣтѣ фонаря глаза его тоже блестѣли, какъ мокрые.

— Чужая, чужая... Да я и не знаю, чiя и откуда... Панская дочка по виду, а можетъ, и гречанка.

Я любилъ, полюбилъ молоду гречанку,
Посадилъ ее на дрожки, повезъ у Бердянку...

— А, можетъ еще и жидовка. Господь ее знаетъ. Черная, вся кучерявая, а маленькая такая, какъ зябликъ. Въ нашей Бердянкѣ всякихъ народовъ намѣшано мною. Вы не бывали въ Бердянкѣ, на морѣ Азовскомъ?.. Милое море.

Я вспомнилъ запахи знакомаго Сиваша и ничего не отвѣтилъ. Впрочемъ, если признаться по правдѣ, я тоже съ дѣтства люблю милое Азовское море.

— Мелкое, говорятъ, и гнилое, —продолжалъ кочегаръ въ тонъ моему безмолвному согласiю.—А по нашему цѣлое царство.—Сколько рыбы одной...

Онъ безнадежно махнулъ рукой.

— *Хочете, то я вамъ разскажемъ.* Имъ не разсказывалъ, а какъ вы краянъ мой, то я вамъ разскажемъ, *вшехно разскажемъ.*

«Я самъ изъ Чернаго Кургана, а жилъ у Бердянкѣ. Работалъ на заводѣ. Жили мы тихо, не журились. Хата была у меня, зеленыя окна, садокъ... Пошла эта клотня. Такой, напримѣръ, молоденькiй паршукъ встрѣнетъ въ переулкѣ и одъ разу: «Дяденька, руки вверхъ». Не знаю, смѣется, чи що. «Ахъ ты, говорю, поганецъ. Спустить бы тебѣ штанишонки, да всыпать полсотни горячихъ».

А вмѣстѣ сойдутся, сейчасъ другъ друга за грудки.

«Черти проклятые, что вы?» А они на меня съ кулаками.

Отсталъ я отъ нихъ. Можетъ и вся ваша правда, что нашему брату, простому, на бѣломъ свѣтѣ некуда податься. Напримѣръ, напустили французовъ. Русская наша земля, а заводы не наши. Почему я долженъ работать на французовъ?.. Но ежели драться, то я не согласенъ. Кулакъ у меня не подходитъ. Прямо несчастье отъ Бога. Хлопну разъ, такъ мокро останется.

Сталъ я сидѣть дома, даже ворота на запорѣ. Оторопь такая находитъ. Досада, страхъ. Мѣста найти не могу. Старенькая мати у меня. «Оженись,—говоритъ:—Дѣти пойдутъ, то будетъ тебѣ веселѣе». А я только головой помотаю. Много дѣвокъ въ Бердянкѣ, да жадныя очень. Знаю я ихъ.

Слыхали когда нашу бердянскую пѣсню:

На бульварѣ дѣвки модны
По три дни сидятъ голодны,
Безъ ужина спать ложатся,
Лишь бы къ милому прижаться...

Богъ съ ними, не надо.

Жили мы тихо и сумно. Разъ было: копаю въ огородѣ, а мама въ церковь ушла. Слышу: казаки скачутъ. Почту возили по нашей дорогѣ съ парохода на поѣздъ. Вдругъ трескъ такой, будто земля раскололась. Дымъ столбомъ, чуть не до неба. И кто-то какъ крикнетъ страшнымъ голосомъ: «Ратуйте, кто въ Бога вѣруетъ». Гомонъ, содомъ. «Держите, держите»,—кричатъ. А я смотрю на ворота и думаю: «Вотъ оно явилось. Сейчасъ залѣзетъ и сюда».

И вправду лѣзетъ. Слышу: царапкается вверхъ по доскамъ, какъ котъ. Выросла голова на заборѣ. Незнамый человѣкъ. Сейчасъ перекинулся во дворъ и летитъ безъ памяти прямо на меня. Лица на немъ нѣту, а въ рукахъ пистолетъ и грозитъ пистолетомъ. А я на него заступомъ: «Уйди, убью». Застукали въ калитку. «Отворяй, такъ и такъ, не то ворота поломаемъ». Распахнули ворота. Скачутъ конями во дворъ. «Куда вы, куда, потопчете мои кавуны!» А они на меня съ нагаями. «Что вы, трясця бы вашей матери!»... Бросили коней, да сами въ огородъ. А оно стрѣляетъ оттуда, ажъ изъ самой капусты. Разъ, разъ, разъ!.. Потомъ вижу: выскочилъ. Такой молодой да высокій, раззявилъ ротъ и пистолетъ засунулъ въ ротъ, словно хочетъ глотать, какъ цапля змѣю. Разъ!.. И лица не осталось. И падаетъ въ капусту, какъ мѣшокъ. Казаки сейчасъ подхватили и ходу... И мнѣ кулакомъ погрозили изъ самыхъ воротъ. И всѣ пропали до разу, какъ не было ихъ. Тихо опять, ажъ слышно, какъ шершень гудитъ въ бузинѣ. Можетъ, мара находила, да развѣялась вѣтромъ. Только та голова вспоминается страшная, красная, какъ разбитый кавунъ. Тоже, должно быть, матерь была, а его волокутъ, какъ будто падлюку.

Взялся я снова за заступъ. Копать не могу. Пошелъ по огороду. Знатно дорогу, какъ протащили его черезъ мои кавуны. А на капустѣ кровь и бѣлое такое. Вырвалъ я съ корнемъ широкую зелень, засыпалъ землею. Дикіе люди... Пришли, опоганили мой огородъ...

А у самаго забора сложена куча кизяку (навозныхъ плитокъ).

Сами топтали на зиму на Черномъ Курганѣ. Высокая такая, какъ сарай, выше человѣческаго роста.

Вдругъ слышу, что-то вздохнуло. Ажъ я подскочилъ. Съ нами крестная сила, чи не вертается оно?.. Еще разъ вздохнуло тихесенько «охъ» и снова замолкло. А ничего не видать. Негдѣ быть ему, какъ только за кучей. Знаю: осталася узкая стежка (дорожка) земли отъ кучи къ забору, чтобъ вѣтромъ хватало кизякъ. Можетъ залѣзло туда. Пошелъ на цыпочкахъ, крадусь, какъ воръ, заглянулъ за кизякъ. Лежитъ дивчина, малая такая, какъ воробчикъ, личико бѣлое, какъ мѣлъ, а черныя кудлы, словно у шленской овцы, и очи закрыты. Смотрю на нее, какъ дуракъ. Откуда ты взялась? Никто и не видалъ... Словно подбитая птичка упала за кизякъ. Шелковая юбка на ней, кисейная кофта, а лежитъ, какъ сметье, на навозѣ.

Прислушался: дышитъ. Значитъ, живая, да только сомлѣла. Что мнѣ съ тобой дѣлать? Вытащилъ я ее изъ того узкаго мѣста, взялъ на руки, какъ малую дитину, понесъ домой. А дома нѣту ни одного человѣка, только я да она.

Положилъ ее на свою кровать, на ситцевое одѣяло, хотѣлъ разболокать, только хуже завязки запуталъ. Все связано такъ хитро и крѣпко. Попробовалъ зубами и то не могу распустить, а подъ кофтой корсетъ, твердый, какъ будто лубокъ. Взялъ я ножикъ со стола, разрѣзалъ всѣ завязки, вылупилъ ее до гола, словно орѣхъ изъ скорлупки. О, и бѣлое тѣло, бѣлѣе сметаны, а гладкое и круглое, какъ жердель (абрикосъ). Осмотрѣлъ я ее кругомъ. Никакой раны нѣту, ни пятнышка не видно. А лежитъ не шелохнется, какъ задавленный цыпленокъ.

Набралъ въ ротъ воды, попрыскалъ ей въ лицо. Открыла глаза.—«Гдѣ я?»

— «У насъ на слободкѣ. Я Владиміръ Бештинскій. Это моя хата».

А она заводитъ глаза и говоритъ на отвѣтъ такъ громко и жалостно: «Вася, держи меня, я падаю».

Зло меня разобрало.

— «Какой я тебѣ Вася?.. Васю твоего,—говорю,—черти забрали. Что мнѣ съ тобой дѣлать, развѣ въ полицію представить»...

Кругомъ себя озирается быстрымъ глазомъ, ровно синичка въ западнѣ.

— «Холодно мнѣ»,—говоритъ и схватилась рукою за грудь. Тутъ она увидала, что голая лежитъ передо мной, какъ ощипанная гуска. Кровью вся залилась, и шея, и плечи, и руки, словно морозомъ ее нащипало.

Посмотрѣла на меня и проситъ шепоткомъ:

— «Покройте меня».

Принесъ съ маминой кровати другое одѣяло, покрылъ ее.

— «Спасибо,—говоритъ,—воды бы мнѣ».

Далъ ей напиться изъ ковшика. Сижу, молчу и гляжу на нее. И она молчитъ и глядитъ на меня.

— «А можетъ,—говорю,—ты мимо шла да попала?»

Она головой покачала: «Нѣтъ, молъ».

— «Значитъ ты тоже бросала эти, какъ ихъ, чѣмъ лошадямъ ноги рвутъ?»

— «Бросала»,—говоритъ. И голосъ такой спокойный, словно она бросила не бомбу, а мячикъ резиновый, которымъ дѣти играютъ.

— «Ахъ, ты, злодѣйка,—говорю.—Какъ же у тебя поднялась рука на этакое злое дѣло?..»

— «Люди съ нами по злому, мы съ ними тоже по злому...»

— «Разбойники вы,—говорю.—Разбоемъ живете. Видно, не даромъ начальство съ вами и поступаетъ по своему».

Она пыхнула, словно огонь, взглянула на меня такими острыми глазами и рѣзко говоритъ:

— «Ты врагъ мой. Уйду я отъ тебя!..»

Сбросила прочь одѣяло и хочетъ сѣсть на кровати, а тѣло не слушаетъ. Верхняя половина живая, а нижняя словно, какъ мертвая. Уперлась локтями, выпнулась вверхъ и упала назадъ, какъ доска. Да какъ застонетъ на всю горницу:—«О-ой!..» Видно, разбередила себѣ внутри. Внутреняя рана у нея.

— «Лежи,—говорю,—теперь никуда не уйдешь».

А она сверкнула глазами и шипитъ на отвѣтъ:—«Ступай въ полицію, доноси на меня». И снова:—«О-ой». И вцѣпилась зубами въ собственную руку, чтобы больше не стонать. Затихла, лежитъ. А по глазамъ вижу: больно ей, чуть не до смерти. Поневолѣ жалко стало.

— «Гдѣ у тебя болитъ?»—говорю.

— «Мм...»—А зубовъ не разжала.

— «Вѣрно, ты спину свернула. Вотъ мама придетъ, она тебѣ вправитъ».

А мама моя вправду была костоправка. Головы даже вправляла и вязы скрученные.

Тутъ и мама вернулась.

— «Ой,—говоритъ,—что это у васъ такое?»

— «Идите,—говорю,—мамо, скорѣе. Тутъ человѣкъ помираетъ».

А мама такъ и затрусплась.

— «Ой,—говоритъ.—Не пойду. Знаю, какой человѣкъ».

— «Да вы посмотрите»,—говорю.

— «Не стану смотрѣть. Боюсь я... Еще п меня разорветъ...»

— «Мамо,—говорю,—чего его бояться? Оно вродѣ котенка задавленнаго».

Такъ да сякъ завелъ таки старуху въ горницу. Лежитъ моя дивчина, вся протянулась на кровати, и вправду не больше котенка.

Мама посмотрѣла и затихла, только головой покачала. Потомъ отослала меня на дворъ и дверь притворила. Печку затопила и воду согрѣла и стала водиться съ этой приблудной дѣвченкой, какъ будто съ роженицей. Ужъ я не знаю, что у нихъ было и какъ она вправляла.

Потомъ черезъ часъ мѣста выходитъ и кличетъ меня.

— «Володя,—говоритъ,—что съ нами теперь будетъ?.. Попали мы съ тобой, сыночекъ, какъ мухи въ чужую сметану. Схватятъ насъ и законопатятъ, куда и воронъ костей не заноситъ».

— «Нѣтъ за нами вины»,—говорю.

— «Ой,—говоритъ,—лихо, хоть нѣту вины!.. Сходилъ бы ты лучше въ полицію, да объявилъ, кому надо»...

Махнулъ я рукой.

— «Постой,—говорю,—вотъ я ее спытаю (разспрошу)».

И вошелъ въ горницу. Смотрю, а она стала совсѣмъ по иному. Мама обрядила ее. Постлала на кровать простыню, хоть толстую, да чистую. Достала накрывало бѣлое, а на голову надѣла собственный очипокъ, тоже какъ бѣленькій снѣгъ. Добрая моя мама... Волосы ей подобрала подъ очипокъ и руки выправила. Лежитъ на спинѣ, и лицо у ней, какъ бумага. Совсѣмъ какъ покойница, только образовъ въ головахъ не хватаетъ. Да очи блискаютъ, какъ угли.

— «Ну,—говоритъ,—надумалъ, пойдешь въ полицію?..»

Тьфу, мара!.. Въ одно слово съ мамой...

— «Нѣтъ,—говорю,—не пойду. А только и ты отъ насъ уходи, ради Христа».

— «Рада бы я,—говоритъ,—да ноги не идутъ. Если бы былъ у меня пистолетъ, то я бы застрѣлилась».

Ахъ, ты, Господи...—«Да кто ты такая,—говорю.—Есть ли у тебя родъ и племя, и знакомые люди въ нашей Бердянкѣ? Я бы сходилъ».

— «Есть,—говоритъ,—да не знаю. Развѣ къ товарищу Танѣ

сходить, если ее не забрали. Или къ товарищу Марку писцу, что стоялъ на углу. Такъ этого, можетъ, убили. Я видѣла, какъ онъ упалъ».

Подумала немного.

— «Вотъ что,—говоритъ,—сходи ты къ Востошинымъ въ домъ. Спросишь тамъ Алешу гимназиста. Скажешь ему пароль: Кровавое сердце».

— «Какой пароль и какое сердце? Я не понимаю?»

— «Пароль—слово такое. Вродѣ какъ пропускъ. Бываетъ у солдатъ на войнѣ. Мы тоже солдаты. Разскажешь Алешѣ про Варьку. Такъ зовутъ меня: Черная Варька».

— «А онъ тебѣ кто,—говорю.—Женихъ или такъ, кругомъ куста вѣнчались?»

Она головой покачала.

— «У насъ жениховъ не бываетъ... Алеша Сосулька, такое у него имя. А только навѣрное знаю, что Сосульку не тронутъ».

И закрыла глаза. Пошелъ я. Зашелъ черезъ кухню. Домъ богатый, лакеи, кучера. Черезъ кучера вызвалъ.

— «Вы ли товарищъ Алеша и знаете ли вы кровяное сердце?»

Стоитъ онъ и трусится весь. Напуганъ до смерти.

— «Я,—говоритъ,—ничей не товарищъ и кровяного сердца не знаю».

— «Ну, говорю,—Алеша Сосулька, если вамъ больше нравится».

А братишка выскочилъ за нимъ, въ матросской рубашкѣ и голыя колѣнки.

— «Я,—говоритъ,—знаю, кровяное сердце».

— «Цыцъ, Федька,—говоритъ.—Я мамѣ скажу».

— «Я и самъ скажу,—говоритъ,—Сосулька противная»...

И вправду Сосулька. Мальчикъ безусый такой, какъ цыпленокъ ощипанный. Синій мундирчикъ на немъ, серебряныя пуговки.

— «Вотъ что,—говорю.—Я имѣю до васъ дѣло. Пойдемте со мной на бульваръ».

Пошли, ничего. А по дорогѣ вижу, онъ все глазами на меня косится, какъ собака на кнутъ. Потомъ не стерпѣлъ.

— «Куда,—говоритъ,—вы ведете меня, и какое у васъ дѣло? Вы, можетъ, жандаръ переодѣтый».

— «Тю,—говорю.—Попалъ, молъ, пальцемъ въ чужія ворота. Какой же я былъ бы жандаръ, ежели я грамотѣ не знаю? А дѣло у меня такое: Черная Варя у меня въ хатѣ помираетъ»...

Какъ онъ ухватится за голову, да какъ зареветъ на весь бульваръ. Даже я вздрогнулъ отъ него. Вотъ тебѣ и кровяное сердце...

Схватилъ онъ меня за рукавъ, причитываетъ, плачетъ.

— «Миленькій, добренькій, Васю забили и Мишу Полтавскаго тоже забили, и Вареньку нашу. А Марка забрали, и Таню, и Егора, и Колодца. Всѣхъ нашихъ, всѣхъ... Никого не осталось»...

Вцѣпился въ меня обѣими руками, какъ клещъ.

— «Бросьте,—говорю,—плакать. Вѣдь вы не дѣвченка. Лучше ступайте за мной. И ежели Варенька ваша, такъ берите ее».

— «Куда, куда, я не знаю, куда. Мнѣ мама не позволитъ».

— «Я тоже не знаю, куда».

Онъ руку засунулъ въ карманъ.

— «Деньги,—говоритъ,—есть у меня. Я могу вамъ денегъ дать».

И вынимаетъ кошелекъ и протягиваетъ мнѣ.

Я толкнулъ его руку, и кошелекъ на землю упалъ.

— «Мнѣ,—говорю,—денегъ не надо. Человѣческой жизни деньгами не купишь».

Пошелъ я отъ него.—«Вотъ, думаю, время. Такіе сморкачи полѣзли на воинскую силу, какъ утята на ястреба. Антихристово время. Сами себя младенцы избиваютъ, и Ирода не надо».

Домой, пришелъ, а ужъ солнце садится. Мать меня встрѣтила въ сѣнцахъ.

— «Спитъ,—говоритъ.—А что, ты нашелъ какихъ-нибудь добрыхъ людей?»

— «Людей,—говорю,—не нашелъ только щенковъ необлизанныхъ, драть бы ихъ плетью».

— «Ой, лихо намъ. Ежели ты не докажешь, другіе скорѣе докажутъ».

— «Какіе другіе?»

— «Созонтычъ,—говоритъ,—заходилъ за яйцами, такъ онъ ее видѣлъ».

Яйцами торговалъ Созонтычъ и у насъ тоже забиралъ яйца. Деньгами платилъ только мѣдными. Серебряныхъ у него не бывало. А если примется спорить изъ-за гроша, даже глаза кровью нальются и борода затрясется. «Я,—говоритъ,—своего не отдамъ». Словно возжа ему за хвостъ заскочила.

Схватился я за голову.

— «Ахъ,—говорю,—зачѣмъ же ты показала ему?»

Обидѣлась мама.

— «А куда,—говоритъ,—я ее спрячу? Вѣдь она не иголка... Да и онъ,—говоритъ,—ничего. Только яицъ не забралъ, пошелъ по сосѣдямъ. Пускай же поищетъ дешевле, кацапская морда. Ну, да до дому пойдетъ, такъ еще разъ зайдетъ. Насъ тоже мимо не обойдетъ».

И вправду, щеколда стукъ...—«Хозяева дома?».. Дверь отворилась, и входитъ Созонтычъ.

Маленькій, въ черной рубахѣ. Корзины поставилъ на землю. Весь употѣлъ, даже борода употѣла.

— «Миръ,—говоритъ,—вамъ, и мы,—говоритъ,—къ вамъ... А что, молъ, Петровна, надумалась? По десять отдашь?..»

Разсердилась моя мати.

— «Да это,—говоритъ,—и квочки мои меня просмѣютъ и класться не станутъ. Иди ты откуда пришелъ. Не зачепай лиха».

— «Петровна,—говоритъ,—не сердись. Всѣ помирать будемъ. А между прочимъ, краля-то ваша еще не померши?..»

И меня тоже зло забрало.—«Какая,—говорю,—краля? Можетъ тебѣ она краля, а намъ она чужая. Но если больная собака придетъ, и ту я не выгоню»...

— «Что жъ,—говоритъ.—А по моему собакѣ собачья смерть. Но между прочимъ это дѣло ваше. Моя,—говоритъ—хата съ краю... А что, молъ, Петровна, по десять не отдашь?»

Сердце у меня упало. Вижу: доходитъ до квиты. Надо чего-нибудь дѣлать, такъ или сякъ. Не то и свою голову вправду загубишь.

— «Отдай,—говорю,—мамо. Богъ съ нимъ, пусть наше пропадаетъ».

Созонтычъ ушелъ, и на дворѣ потемнѣло. Ворчитъ моя мама.

— «Бросай на вѣтеръ. Не жалко тебѣ. По десять копѣекъ»...

А потомъ потихла и подошла поближе и шепчетъ въ потемкахъ:—«Сходилъ бы ты, сыночекъ, да объявилъ, покамѣстъ спитъ она».

Жутко мнѣ стало. Какъ будто темная сила на ухо шепчетъ. А вѣдь это мати. Взялъ я шапку, хотѣлъ идти на дворъ, а вошелъ въ горницу. Лампу зажегъ, стою, смотрю на нее. Душу мою какъ вѣтромъ качаетъ, то влѣво, то вправо. А она лежитъ на кровати, не шелохнется. Спитъ, очи закрыты. Покрыта полотномъ, и бѣлая сама, какъ полотно.

«Ахъ, думаю, не просыпалась бы ты, развязала бы руки и намъ, и себѣ, и начальству»...

Часы въ горницѣ, старая кукушка еще отцова, прокуковала десять разъ. Вдругъ словно кто ее толкнулъ. Открыла глаза и подняла голову.

— «Что,—говоритъ,—никого не привелъ?»

— «Нѣтъ,—говорю,—не привелъ. Алеша не идетъ».

— «Я такъ и ожидала».

— «Что жъ,—говорю,—мнѣ дѣлать съ тобой?!

А она головой покачала:—Что хочешь, то, молъ, и дѣлай.

Стою я надъ ней, такой большой да корявый. А она маленькая, мягкая, бѣлая...

Будто я орелъ, а то горлинка.

— «Вотъ,—говорю,—ты вся въ моей власти. Что схочу, то надъ тобой и сдѣлаю».

А она посмотрѣла на меня смирнымъ окомъ и говоритъ потихоньку:—«Я васъ не боюсь».

Выкнула мнѣ. А то мы все больше ты на ты говорили, какъ бродяги въ лѣсу.

Укусило меня за сердце.

— «Слушай,—говорю.—Вотъ есть у меня турокъ знакомый, рыбакъ. Возьму у него лодку, поѣду съ тобой до рейду. На рейдѣ стоятъ два парохода, англинскій и турецкій... А ты не умрешь по дорогѣ? Можешь ты ѣхать».

— «Все равно,—говоритъ.—Здѣсь тоже смерть. Кругомъ смерть».

— «Только скажи,—говорю,—ради Христа, съ чего вы такіе отчаянные? Съ виду, какъ дѣти, а сердцемъ такъ злѣе японцевъ»...

— «Спичка,—говоритъ,—хоть меньше оглобли, а дома поджигаетъ».

— «А зачѣмъ поджигать,—говорю.—Пускай бы стояло, пока бы не упало... Нѣтъ, видно, вы Бога не боитесь и людей не страшитесь»...

— «Чего ихъ страшиться,—говоритъ.—Развѣ они желѣзные, что ли»?

Ахъ ты, Господи...—«А правда,—говорю,—будто васъ катъ полосуетъ и жилы вамъ выдираютъ изъ самыхъ суставовъ»?

— «Душу намъ выдираютъ, не жилы изъ суставовъ».

— «Богъ съ вами, говорю.—Я васъ не понимаю. А жалко мнѣ тебя одную. Ты все равно бѣлая мышка передъ большими котами».

— «Бывало и такъ,—говоритъ,—что мыши кота хоронили».

— «Ахъ,—говорю,—не женское это дѣло. И притчи твои я не понимаю, что и къ чему»...

А она не отвѣчаетъ, глядитъ прямо на окно. Рамы у насъ подняты, жарко. Подъемныя рамы. А ставни закрыты. И въ каждой ставнѣ на самой середкѣ вырѣзано сердце.

И я поглядѣлъ на окно. Вижу: въ сердцѣ блеститъ человѣческій глазъ. Какъ обожгло меня варомъ. Ужъ ходятъ подъ окнами. Кто онъ?.. Выскочилъ въ сѣни, да къ воротамъ, схватилъ дрючокъ, которымъ ворота закладаютъ, да прямо на улицу. А онъ услыхалъ, да бѣжать. Маленькій, черный да шустрый, ровно чертенокъ.—«Стой, кричу, стой!!!» А догнать не могу. Какъ я размахнулся дрючкомъ и бросилъ въ догонку. Ловко пришлось, по затылку. Даромъ, что темно. Онъ упалъ, лежитъ, не шевелится.

Вернулся я домой.—«Вотъ,—говорю,—можетъ, я сейчасъ человѣка за тебя убилъ. Сбирайся поскорѣй, надо намъ уходить отсюда».

А она вся насторожилась, слушаетъ что-то иное. И лицо у нея страшное, будто съ того свѣта къ ней голосъ доходитъ.

— «Пришли,—говоритъ,—по душу мою пришли».

Выскочилъ я снова на дворъ. Стою, слушаю. Не слыхать ничего. Вспомнилъ я старыя повадки, какъ коней пасли па степу, припалъ ухомъ къ землѣ, слушаю, жду. Вотъ приходитъ издали топотъ и гулъ. Скачутъ на коняхъ по нашей улицѣ. Правда, за нею...

Боже мой, а у меня ворота не заперты и дрючокъ на улицѣ. Выскочилъ я, только дрючокъ подхватилъ, а они уже тутъ... Скачутъ, стучатъ копытами о твердую глину. Не видать въ темнотѣ, а должно быть, ихъ человѣкъ двадцать. Отнимутъ ее у меня.

Осатанѣлъ я. Чортъ чортомъ сталъ. Самого себя страшно.—«Не дамъ,—говорю.—Пропадай моя голова вмѣстѣ съ вашими».

Они ко двору наѣзжаютъ, а я какъ побѣгу навстрѣчу, да какъ махну дрючкомъ. Разъ, разъ, разъ!.. Да по конскимъ ногамъ, только кости трещатъ. Падаютъ люди и лошади, словно я въ кегли играю. Три раза махнулъ. Хрясь, и дрючокъ пополамъ. Тутъ я опомнился, глянулъ. Лошади скачутъ назадъ отъ меня, и люди уходятъ, кто верхомъ, а кто пѣшкомъ, а кто и на карачкахъ. Двѣ лошади лежатъ передъ воротами и мотаютъ разбитыми ногами. Я стою передъ ними, какъ лѣшій, и дубина въ рукахъ.

Бросилъ я ее прочь, заскочилъ въ хату.

— «Бѣжимъ,—говорю.—Я ихъ побилъ. Теперь я тоже разбойникъ, не хуже вашего».

Схватилъ я эту Варьку съ кровати, завернулъ ее въ покрывало, легче пуху она мнѣ показалась. Побѣжалъ вонъ, даже шапку забылъ захватить. Задами побѣжалъ, сперва на огородъ. А оттуда перелѣзъ черезъ заборъ, къ сосѣду на дворъ. Собаки напали на меня, да знакомыя,—такъ я ихъ унялъ. Еще разъ перелѣзъ, и попалъ на пустырь, совсѣмъ на другую дорогу. Думаю: скоро опомнятся, вернутся. Такъ это, чтобъ запутать слѣды. Тутъ была узкая балка, уходила на самое море, вся заросла орѣшникомъ и мелкими дубками. Сталъ я драться по этой балкѣ. Такая гущина, — всѣ руки себѣ ободралъ и лицо исхлесталъ. Варьку, какъ могу, оберегаю.

— «Живая»?—говорю. Слышу: «живая!». За шею меня обхватила руками, голову на плечо положила. Хлещетъ и ее по спинѣ орѣховыми прутьями, словно ужъ вправду злые каты полосуютъ ее кнутьями.

Молчитъ, только вздрогнетъ и крѣпче прижмется ко мнѣ.

Выбрался я на море, пошелъ по песку. Лодку ищу. Нашелъ одну и другую, а веселъ пѣту. Весла домой унесли. Безъ веселъ по морю не поѣдешь. Мой турокъ съ лодкою на старой пристани. Городомъ напрямь хоть близко идти, да не смѣю; а по берегу далеко, надо огибать полуостровъ. Да еще и застану ли ночью...

Повернулъ я отъ города вправо. Пошелъ въ родное село къ Черному Кургану... Берегъ неровный, ямы, криницы (колодцы), песокъ, огромные камни. Иду, спотыкаюсь, вязну въ пескѣ. Разъ провалился въ криницу, чуть не по поясъ. Выскочилъ сразу. Ноги мои, какъ стальныя, и весь, какъ стальной. Темно, не видно дороги. Только бѣлѣетъ передъ самымъ лицомъ покрывало. Щупаю, слышу: изодрано въ клочья. Голое тѣло подъ руками моими, мягкое и теплое, какъ пухъ.

Ударило мнѣ въ голову.

— «Живая?—говорю,—ясочка моя, касаточка моя!»..

А она подняла голову повыше къ самому моему уху и шепчетъ что-то, а что, разобрать не могу.

«Люба моя!»

Повернулъ я голову, нашелъ ея губы. И впился своими губами, какъ бѣшеный. И она обнимаетъ и цѣлуетъ. А потомъ губы отняла и шепчетъ опять на ухо. Теперь разобралъ: «Вася, сердце мое»...

Осатанѣлъ я опять. Сдавилъ ее лапами изо всей силы. Только кости хрустнули, бѣдныя полумертвыя косточки.

«Къ чорту твоего Ваську. Я тебѣ не Васька. Я Володька Бештинскій изъ Новой Слободки!..»

Реву и бѣгу, спотыкаюсь, и пѣна на губахъ, и ноги устали, и ноша тяжелѣетъ у меня на рукахъ, и умъ мой мутится. Уже не могу разобрать, кого я несу. Любу мою, или, можетъ, русалку, морскую царевну. По край моря бѣгу. Холодное, темное море. И люба моя тоже холодная, какъ море, и скользкая, какъ рыба... Бѣгу, убѣгаю, какъ Каинъ. Весь песокъ пробѣжалъ, выбѣжалъ на твердыя скалы. Онѣ нависли обрывомъ надъ самой водой передъ Чернымъ Курганомъ. Надо карабкаться вверхъ, внизу у воды не осталось дороги... Господи, дай намъ хоть свѣту. Безъ свѣту мы себѣ шеи поломаемъ...

И услышалъ Господь. По слову моему на востокѣ вышла запоздалая луна, кривая, какъ серпъ, и желтая, какъ дынная корка, и освѣтила дорогу. Сталъ я наверхъ забираться. Невысокій утесъ, а крутой. Весь я перепотѣлъ. Вышелъ передъ самымъ Курганомъ. Широкій и круглый курганъ, какъ будто черепъ плѣшивый. А на темени Каменная Баба. Бабой неправо зовутъ. Не баба, мужикъ. Идолъ досельный. Морду скривилъ, тонкіе усы опустилъ книзу и держитъ на поясѣ руки. А за курганомъ, я знаю, село.

Ноги не держатъ меня. Двадцать верстъ я отмахалъ по берегу ночью. Ноша моя была легкая, какъ пухъ, а теперь стала тяжелая, какъ глина. Всталъ я на колѣни, положилъ мою любу на гладкій и голый камень. Лицомъ кверху, къ самому небу. Высоко забралась луна, ярко свѣтитъ Варѣ въ открытыя очи.

— «Богъ съ тобою, живая?»—Молчитъ.

— «Варя, живая?»—Молчитъ.

— «Люба моя, ясочка моя, ненаглядная моя. Откликнись. Я твой Вася. Посмотри на своего Васю»...—Молчитъ.

Господи, да она холодная, какъ рыба... Кончилась Варя. Полжизни утромъ потеряла, а другую половину не я ли выдавилъ своими медвѣжьими лапами...

Взялъ я Варю на руки, сталъ забираться на Черный Курганъ, взошелъ на самое темя и положилъ я мертвое тѣло передъ огромнымъ идоломъ. Его пустые глаза подъ желтой луной свѣтились зеленымъ. Онъ словно поводилъ на Варю своимъ тонкимъ тараканьимъ усомъ и крѣпко уперся руками о поясъ.

— «На тебѣ, каменный дьяволъ. Отнялъ ты у меня невѣсту. Чортъ съ тобою, владѣй... Холодные оба»...

— «Варя, прощай»...

Поцѣловалъ я покойную любу въ холодныя вялыя губы, и отвернулся отъ тѣла. И словно что-то оторвалось отъ моего

сердца и камень свалился съ плечей. И въ головѣ прояснилось. Сталъ я такой самый, какой былъ я прежде до этого дня.

«Ой, думаю, надо уходить отсюда. Поймаютъ меня, вытянутъ жилы изъ самыхъ суставовъ, вынутъ изъ меня живкомъ это самое кровяное сердце. Надо идти на чужбину...»

Всталъ я на Черномъ Курганѣ и взглянулъ съ Кургана сперва вправо, потомъ влѣво.

Справа Азовское море лежитъ и лоснится подъ желтой луной, будто политое нефтью, крѣпко спитъ, какъ посыпано макомъ, убаюкано вѣтромъ. Слѣва степъ мой широкій. Хлѣба подъ луной отливаютъ, какъ темная шуба. А дальше по той цѣлинѣ тырса (ковыль) дрожитъ и мелькаетъ, какъ будто кисея. А подъ самымъ курганомъ село, какъ бѣлые ульи съ черными крышками разсыпаны промежъ деревьевъ. И за селомъ вѣтряки, словно большія летучія мыши. Подальше другое село. А по краю неба чуть темнѣетъ и третье.

«Прощай, степъ, прощай, море, прощайте, родныя села и густые хлѣба, надо идти на чужбину. И больше я васъ не увижу, должно быть, до смерти»...

Поклонился я влѣво и вправо до самой земли, поцѣловалъ тѣ холодные камни, такіе холодные камни, какъ Варины губы. Словно и люба и родина умерли вмѣстѣ... Сошелъ я съ кургана.

Нашелъ подъ курганомъ пещеру, залѣзъ и заснулъ, сразу, какъ умеръ. Спалъ, спалъ, цѣлый день до вечера проспалъ, а вечеромъ ушелъ таки въ городъ назадъ къ этому самому турку, и онъ меня отвезъ на пароходъ, да только безъ Вари.

Вышли на Черное море, пошли до Истамбула. Звали меня въ кочегары на томъ пароходѣ, да мнѣ не показалось. Въ Истамбулѣ я прожилъ полгода, работалъ на пристани носильщикомъ, *хамаломъ*, тюки таскалъ, перекатывалъ бочки съ орѣхами.

Потомъ наскучили мнѣ гололобые турки. Нехристи, вѣра чужая, языкъ непонятный. Потянуло меня на христіанскую землю. Уѣхалъ я до Вѣдня. Въ Вѣднѣ работалъ на фабрикѣ, купорилъ струны. Ящикъ набьешь, пудовъ шесть или восемь, запечатаешь, проволокой свяжешь, а потомъ и потащишь по лѣстницѣ вверхъ. Работы вездѣ много. На наши руки отыщемъ себѣ муки.

Сталъ было я въ Вѣднѣ деньги копить, крона по кронѣ ей Богу. Въ кассѣ на книжкѣ держалъ. Чешка меня женить на себѣ захотѣла, умная, степенная дѣвка. Она мнѣ и про Прагу разсказала и надоумила: «Послѣ свадьбы на родину уѣдемъ». Думаю: «Чья же это родина. Не моя это родина... Обида моя...» Сталъ я курить да фукать, всѣ свои кроны про-

фукалъ, одежу съ себя пропилъ, ходилъ, какъ босявка. А невѣста говоритъ: «Я тебя одѣну на свои». Избилъ я ее чуть не до смерти, насилу отняли. Ушелъ отъ нея пѣшкомъ изъ Вѣдня ажъ въ самую Прагу. Опять поступилъ кочегаромъ, какъ было въ Бердянкѣ. Возжаюсь съ этими чехами.

Добрые чехи и добрая у нихъ землица, а за сердце сосетъ. Словно меня подмѣнили. Былъ я человѣкъ тихій, сталъ я человѣкъ буйный. Два раза подъ судъ попадался за увѣчье въ дракѣ. Былъ я человѣкъ трезвый, сталъ я человѣкъ пьяный. Вы сами видали.

Четыре года я маюсь по той заграницѣ. Еще моя мама живая. Въ той же хатѣ живетъ на слободкѣ. Я ей когда посылаю три златки [1]), а когда и четыре. Старенькая, много ли ей надо... А гдѣ схоронили Варино тѣло, того я не знаю. Написалъ бы я мамѣ, да страшно. Оба неграмотные. Не вышло бы бѣды черезъ чужого человѣка. Такъ я полагаю, что у церкви въ селѣ, подъ Чернымъ Курганомъ.

Пятый годъ наступаетъ, а я ничего не забылъ. Помню тотъ день и ту ночь и Варино каждое слово. И снится мнѣ часто, будто бѣгу я по берегу моря, и вязну въ пескѣ, и падаю въ колодцы, и ношу несу на рукахъ, легкую, какъ пухъ, и тяжелую, какъ глина, теплую, какъ женская ласка, и холодную, какъ ледъ. Бѣлѣетъ предъ самымъ лицомъ покрывало, мягкія руки обнимаютъ мою шею, сладкія губы цѣлуютъ и жмутся къ губамъ.

Люба моя, Варя, злая моя, чужая моя, незнамая моя... Одна ты на свѣтѣ была и другой уже не будетъ. Хотя бы глазкомъ посмотрѣть на могилку твою...

Снится мнѣ Черный Курганъ, гладкій и круглый, какъ черепъ. Стою я передъ каменнымъ чортомъ. Справа стелется море, лежитъ, какъ политое масломъ. Слѣва стелется степъ, одѣтый хлѣбами. И я кланяюсь имъ въ землю и цѣлую холодные камни.

«Прощай, мое море, прощай, мой степъ. Больше я васъ не увижу, должно быть, до смерти».

Пятый годъ я бунтуюсь по той заграницѣ. Тѣсно по всей заграницѣ. Вся земля обмѣрена и кусочки подѣлены, будто могилы на кладбищѣ. Маленькія земли у нихъ: Бемія, Сербія. Ежели лечь поперекъ и вытянуть ноги, достанешь изъ Беміи на самое Шленско.

---

[1]) Златка—гульденъ, 80 коп.

А у насъ широко, и полямъ нѣту конца и краю. Хоть и не наша мужицкая земля, а взглянешь, и радость глазамъ, у глазъ не отнимешь простора. Широкая, великая Рассея.. Разсѣяла ты насъ по бѣлому свѣту и не хочешь собрать...

Онъ замолчалъ и поникъ головой. И его суровое лицо окрасилось какимъ-то страннымъ зелено-землистымъ оттѣнкомъ. То поздняя луна всходила на небѣ, узкая, какъ серпъ и желтая, какъ дынная корка. Такая самая луна, какая свѣтила на мертвое тѣло передъ каменнымъ идоломъ.

— Скажите, панъ,—глухо заговорилъ Бештинскій,—придется вернуться назадъ, хотя бы передъ смертью?.

Я покачалъ головой.

— А если вернуться теперь самовольно, что со мной сдѣлаютъ?

— Вы знаете сами.

— Голову снимутъ съ меня. Подвѣсятъ за шею, какъ я заслужилъ...»

— Хоть бы маму увидѣть,—вздохнулъ онъ опять, и въ голосѣ его было безнадежное томленіе и страсть. Не знаю, что это было, тоска ли по матери, или по морю и широкому степу, или по той одинокой могилѣ, что затеряна на кладбищѣ подъ Чернымъ Курганомъ. Должно быть, все вмѣстѣ.

— Прощайте, панъ,—прогудѣлъ Владивой на прощанье и сталъ спускаться къ Волтавѣ опять, не знаю, «чи мыться, чи топиться».

Т а н ъ.

БЛИЗЪ УСТЬЯ.

Струйка журчала
  Сѣрой скалѣ:
Я ужъ устала
  Течь по землѣ.
Встрѣчу я вскорѣ
  Берегъ родной...
Близко ужъ море
  Близокъ покой.
Съ нимъ я разсталась
  Слишкомъ легко,
Къ небу умчалась
  Я высоко.
Паромъ летала
  Я въ облакахъ,
Снѣгомъ упала
  Въ дальныхъ краяхъ.
Въ почву спустилась
  Ранней весной,
Долго сочилась
  Я подъ землей.
Вышла я въ двери
  Яркаго дня—
Люди и звѣри
  Пили меня.
Въ людяхъ текла я
  Въ теплой крови
Страстно желая
  Счастья любви.

Къ истинѣ жажду
    Вѣчно тая,
Каплею каждой
    Вѣрила я.
Знала страданья,
    Знала любовь,
Въ дѣтскомъ дыханьи
    Вышла я вновь.
На́-землю пала
    Яркой росой,
Снова я стала
    Чистой струей.
Все я узнала!
    Долгъ былъ путь...
Время настало
    Мнѣ отдохнуть.
Буду я вскорѣ
    Синей волной...
Близко ужъ море,
    Близокъ покой!..

Николай Морозовъ.

ЭЛЕКТРА.

ТРАГЕДІЯ СОФОКЛА.

ПРОЛОГЪ.

Сцена представляетъ переднюю часть Микенскаго кремля. Передъ зрителемъ фасадъ царскаго дворца Атридовъ, богатый и мрачный. По серединѣ—широкая дверь между двухъ колоннъ, деревянная, но облицованная бронзой. Она наглухо заперта. Надъ дверью треугольная выемка, заставленная почернѣвшей отъ времени известковой плитой съ рельефнымъ изображеніемъ двухъ геральдическихъ львовъ по обѣ стороны колонны. Справа и слѣва передъ дворцомъ, другъ противъ друга, кумиры Аполлона и Артемиды въ строго архаическомъ стилѣ: Аполлонъ—нагой, Артемида—въ длинномъ складчатомъ хитонѣ, оба съ опущенными руками, съ выставленной впередъ ногой и съ застывшей улыбкой на устахъ. Передъ каждымъ по жертвеннику. Далѣе, на краяхъ сцены, кумиры Гермеса и Геры. Въ отдаленіи строгіе профили горъ. Время предразсвѣтное.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Появляются, одѣтые странниками, трое: старый **Талѳибій**, пѣстунъ Ореста, за нимъ двое молодыхъ людей—**Орестъ** и **Пиладъ**.

ТАЛѲИБІЙ.

О сынъ вождя ахейскихъ силъ подъ Троей!
Теперь воочію ты видѣть можешь
Все то, къ чему стремился ты душой.
Здѣсь древній Аргосъ твой желанный; въ немъ же
Святая сѣнь неистовой Іо;
Тамъ прямо, другъ мой, бога-волкобойцы
Ликейскій торгъ; налѣво отъ него

Прославленный богини-Геры храмъ;
А передъ нами золотыхъ Микенъ
Ты стогны видишь, видишь обагренный
Обильной кровью Пелопидовъ домъ.
Здѣсь палъ отецъ твой. Въ день его убійства
Тебя я принялъ отъ сестры твоей,
Унесъ и спасъ—и выростилъ героя,
Чтобъ за отца убійцамъ ты отмстилъ.
Итакъ, Орестъ, и ты, кунакъ любезный,
Пиладъ, скорѣй рѣшайте, какъ намъ быть.
Уже восходитъ яркій солнца кругъ;
Его встрѣчаетъ утреннимъ привѣтомъ
Безпечныхъ птичекъ голосистый рой,
И звѣздной ночи мракъ покинулъ землю.
Еще недолго—выйдутъ люди. Живо
Совѣтъ держите. Въ положеньи нашемъ
Не время медлить—дѣйствовать пора.

ОРЕСТЪ (съ жаромъ).

О, другъ-слуга, сколь ясныя являешь
Ты вѣрности свидѣтельства своей!
Какъ благородный конь на склонѣ жизни
Въ опасности не никнетъ головой—
Онъ грозно уши выпрямляетъ, мѣдный
Услышавъ звонъ сраженія вдали,—
Таковъ и ты: и насъ ты ободряешь
И среди первыхъ самъ стремишься въ бой.
Свой замыселъ тебѣ я обнаружу;
Ты жъ, острымъ слухомъ воспринявъ его,
Поправь меня, коль въ чемъ изъянъ примѣтишь.
Когда я въ Дельфахъ Феба вопрошалъ,
Какимъ путемъ мнѣ за отца убійство
Возмездье отъ убійцъ его взыскать,—
Такое слово богъ мнѣ возвѣстилъ:
Чтобъ я одинъ, безъ щитоносной силы,
Какъ тать коварный, праведной рукою
Кровавой мести подвигъ совершилъ.
Теперь мы всѣ узнали волю бога;
Услышьте же и исполненья путь.
Ты въ домъ войди, когда удобный случай
Тебя введетъ; свидѣтелемъ всему,

Что тамъ творится, будь—и съ вѣрнымъ словомъ
Ко мнѣ вернись. Узнать тебя не могутъ:
Ушелъ давно ты и успѣлъ съ тѣхъ поръ
Состариться; не заподозрятъ даже
Въ сребристомъ цвѣтѣ сѣдины твоей.
А рѣчь такую имъ держи: пришелъ ты
Гонцомъ къ нимъ отъ фокейца Фанотея—
Онъ имъ ближайшимъ кунакомъ слыветъ—
Съ надежной вѣстью (не жалѣй тутъ клятвы),
Что принялъ смерть, по непреложной волѣ
Судьбы, Орестъ: съ бѣгущей колесницы
Упалъ онъ на ристаніяхъ пиѳійскихъ.
Вотъ рѣчь твоя: ее запомни твердо.
А мы, покорные завѣту бога,
Отца курганъ обильнымъ возліяньемъ
И прядью срѣзанныхъ волосъ почтимъ.
Затѣмъ вернемся съ урной мѣднобокой
(Ее зарапѣе въ кустахъ я спряталъ)
И вѣсть обманную имъ подтвердимъ
Обманнымъ словомъ, что Ореста тѣло
Ужъ сожжено и обратилось въ прахъ...

(Невольно вздрагиваетъ; затѣмъ спохватывается:)

Къ чему боязнь? Лишь на словахъ умру я,
На дѣлѣ жъ жизнь и славу обрѣту.
Нѣтъ въ словѣ прибыльномъ дурной примѣты.
О многихъ слышалъ я, о мудрыхъ людяхъ,
Что слухи ложные про смерть свою
Они пускали, а затѣмъ, вернувшись,
Съ сугубой славой доживали вѣкъ.
Дастъ богъ, и я надъ тьмой молвы зловѣщей
Звѣздою яркой на враговъ сверкну!
Вы жъ, боги предковъ, ты, земля родная,
Благословите мой приходъ, молю;
Равно и ты, мой отчій домъ. Пришелъ я
Подъ сѣнью правды, по завѣту бога,
Тебѣ былую чистоту вернуть.
Не допусти же, чтобъ въ безчестьи изгнанъ
Отсюда былъ я; власть отца верни мнѣ
И родъ его дай основать мнѣ вновь.
Теперь довольно. Ты иди, старикъ,
Не упусти рѣшающей минуты.

Уйдемъ и мы: зоветъ насъ Добрый Часъ,
Вершитель всѣхъ великихъ дѣлъ для смертныхъ.

Собирается уйти. Въ эту минуту слышится изъ дворца

ГОЛОСЪ ЭЛЕКТРЫ.

О, горе, горе!

ТАЛѲИБІЙ (останавливаясь).

Ты слышишь, сынъ мой? Полный скорби стонъ
Прислужницы раздался изъ чертоговъ.

ОРЕСТЪ.

То не страдалицы-ль Электры плачъ?
Послушать бы, о чемъ она горюетъ!

ТАЛѲИБІЙ.

Нельзя. Что Фебъ намъ приказалъ, съ того
Начать—нашъ долгъ, ничѣмъ не отвлекаясь.
Отца могилѣ первой дань заботы!
Вотъ силы намъ и одолѣнья путь.

Уходитъ направо, Орестъ съ Пиладомъ—налѣво.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Солнце взошло. Тяжелая бронзовая дверь дворца медленно отворяется. Выходитъ Электра. Это—дѣвушка лѣтъ двадцати, съ прекраснымъ, блѣднымъ, строгимъ лицомъ, съ остриженными до шеи волосами; на ней темное платье скорбящихъ, перевязанное простымъ поясомъ.
Тихая маршевая музыка сопровождаетъ ея появленіе и всю слѣдующую сцену.

ЭЛЕКТРА.

О нетлѣнное солнце, о ясный, землѣ *Стр.*
Сопредѣльный эѳиръ,
Вы—свидѣтели горькаго плача,
Вы—свидѣтели жесткихъ ударовъ
Окровавленныхъ рукъ въ истомленную грудь,
Чуть разсѣется ночи туманной покровъ!

А какъ сна я усладу привыкла вкушать,
Это знаетъ чертога постылаго одръ;
Да, онъ знаетъ, что вѣчно я плачу о немъ,
О несчастномъ отцѣ. Его въ вражьемъ краю
Упокоить не смогъ кровожадный Аресъ:
Онъ отъ матери нашей и друга ея,
Точно дубъ, дровосѣкомъ подрубленный, палъ,
Пораженный кровавой сѣкирой въ чело.
Такъ обидно, такъ жалко погибъ ты, отецъ,
И никто не дерзаетъ оплакать тебя
Кромѣ дочери сирой, Электры.
Но зато не умолкнетъ печальная пѣснь, *Ант.*
Моей жалобы стонъ,
Пока звѣздъ я алмазныхъ теченье,
Пока дня я сіяніе вижу!
Точно мать безутѣшная, птичка лѣсовъ,
Точно эхо унылое отчихъ хоромъ,
Буду вѣчно мольбу я лихую твердить:
О чертогъ Персефоны, Аидова сѣнь,
О подземный Гермесъ и Проклятія Духъ,
О святыя Эриніи, дщери боговъ!
Вы, что́ видите жертвы безбожныхъ убійствъ,
Вы, что́ видите ложа растлѣнье во тьмѣ,
Помогите, явитесь, отмстите врагамъ
За страдальца отца нечестивую казнь!
И пришлите мнѣ брата скорѣй моего,
Ослабѣла я, силъ нѣтъ одной выносить
Наростающей скорби обузу.

Послѣднюю молитву Электра произнесла на колѣняхъ, сопровождая ее ударами въ землю плоской рукой, чтобы привлечь вниманіе силъ преисподней. Теперь она, утомленная, опускается и тихо плачетъ.

ПАРОДЪ.

Подъ звуки маршевой музыки, сопровождающей плачъ Электры, вошли на сцену, незамѣтно для нея, **пятнадцать микенскихъ дѣвушекъ**, ея подругъ; это — хоръ трагедіи. Теперь, когда она умолкла, онѣ подходятъ къ ней и участливо поютъ ей слѣдующую пѣснь. Характеръ музыки соотвѣтственно мѣняется. Электра поднимается.

ХОРЪ.

О несчастной матери дочь! *Стр. I.*
Вѣчно ль будутъ слезы твои

Въ плачѣ течь ненасытномъ, другъ Электра?
Столько ужъ минуло лѣтъ, какъ родителя
Гнусно сгубила супруга коварная,
Какъ трусъ-предатель кровь героя пролилъ.
Будь проклятъ онъ! Богъ проститъ намъ злобу.

ЭЛЕКТРА.

Дѣти отцовъ благородныхъ,
Вижу, утѣшить пришли вы печальную,
О, понимаю я ваше усердіе,
Но не хочу отказаться отъ плача я—
Плача о смерти отца горемычнаго.
Любви моей
Каждую ласку всегда возвращали вы:
Оставьте жъ пѣсню горя
Въ устахъ подруги!

ХОРЪ.

Ахъ, безсиленъ жалобы стонъ, *Ант. I.*
Стонъ мольбы; не властенъ отецъ
Къ намъ отъ сонныхъ Аида водъ вернуться.
Тщетно, о мѣру въ печали забывшая,
Душу ты точишь тоской неустанною;
Въ ней нѣтъ рѣшенья бѣдственной загадки:
Къ чему-жъ нести мукъ безплодныхъ бремя?

ЭЛЕКТРА.

Тотъ неразуменъ, кто павшихъ
Смертью лихой забываетъ родителей!
Ей отдалась я душою, что въ заросляхъ
Итія, Итія кличетъ безъ устали,
Птица печальная, Зевсова вѣстница.
И ты мнѣ богъ,
Мать Ніобея, страданьемъ вѣнчанная,
Чьи въ каменной могилѣ
Не сохнутъ слезы!

ХОРЪ.

Тебѣ ль одной, подруга, *Стр. II.*
Мракъ горя жизнь покрылъ?

Возьми въ примѣръ   тамъ подъ сѣнью дома
Твоихъ сестеръ,   кровь тебѣ родную,
Вспомни, какъ Хрисоѳемида живетъ, или Ифіанасса!
И тотъ въ безбольи юныхъ лѣтъ
Блаженъ, кого отчій градъ
Сыновней любви вѣнцомъ
Скоро украситъ, лишь Зевсовымъ маніемъ
На радость намъ вернется онъ—Орестъ.

ЭЛЕКТРА.

Его весь вѣкъ безплодно дожидаясь,
Безъ брачныхъ узъ,   безъ дѣтей я чахпу,
Слезы безъ отдыха лью, неутѣшнаго
Горя обузу влача. Забываетъ онъ
Долю свою и мои наставленія.
Вѣсти одпѣ посылаетъ онъ лживыя!
Тоскуетъ онъ   вѣчно, да,
И все жъ въ тоскѣ   къ намъ явиться медлитъ.

ХОРЪ.

Дерзай, дерзай подруга!   *Ант. II.*
Вѣдь живъ великій Зевсъ:
Все видитъ онъ,   все объемлетъ властью,
Ему довѣрь   гнѣвныхъ силъ избытокъ
И, не прощая врагамъ, отъ чрезмѣрной вражды откажися.
Богъ времени—надежный богъ.
И вѣрь, не забывчивъ онъ,
Парнасской равнины гость,
Сынъ Агамемнона—какъ незабывчивы
И духи тьмы у Ахеронта волнъ.

ЭЛЕКТРА.

Ахъ, долгій вѣкъ унесъ мои надежды!
Проходятъ дни,   силы пѣтъ бороться.
Столько ужъ лѣтъ сиротой изныраю я,
Ласки не зная супруга любимаго;
Точно наемница я недостойная,
Въ домѣ отца я брожу, облаченная
Въ нарядъ такой,   въ поздній часъ
Съ пустыхъ столовъ   крохи яствъ сбирая!

ХОРЪ.

Стонъ стоялъ въ возврата ночь, *Стр. III.*
Стонъ стоялъ надъ ложемъ мукъ,
Стонъ сѣкиры встрѣтилъ взмахъ,
Надъ главой царя взнесенной.
Ее хитрость вручила, любовь подняла;
Они ужаса образъ потомству всему,
Сговорившись, явили, — будь смертный иль богъ
Казни той вершитель.

ЭЛЕКТРА.

О черный день! Изъ всѣхъ онъ сердцу
Былъ ненавистнѣй моему.
О ночь кровавая! О ты
Неизреченная трапеза,
Обуза горя навсегда!
Тамъ, тамъ принялъ онъ
Двойную смерть отъ рукъ двойныхъ!
Будьте прокляты вы, руки!
Жизнь сгубили вы мою.
Пусть же Зевсъ, судья небесный
Вамъ воздастъ сугубой болью,
Пусть не раскинется деревомъ радости
Отпрыскъ ужаса для васъ!

ХОРЪ.

Стань на мѣстѣ, рѣчь твоя! *Ант. III.*
Взвѣсь умомъ, откуда зло:
Знай, мятежной распри вихрь
Въ вольный грѣхъ тебя ввергаетъ.
Ты несчастія чашу сама долила,
Разжигая вражду омраченной душой;
А въ враждѣ приближаться къ владыкамъ своимъ
Безпобѣдный подвигъ.

ЭЛЕКТРА.

Ахъ ужасъ, ужасъ сердце давитъ;
Строптивъ мой духъ, сомнѣнья нѣтъ.
Простите. Въ ужаса тискахъ
Грѣха я сдерживать не стану
Пока въ немъ держитъ жизнь меня.

Нѣтъ, нѣтъ! Все прошло,
Погибъ навѣки цвѣтъ надеждъ.
Кто шепнетъ мнѣ слово вѣры,
Кто, съ огнемъ живымъ въ груди?
Бросьте жъ, бросьте утѣшенья:
Крѣпко стянутъ рока узелъ,
Нѣтъ избавленья отъ горя мнѣ лютаго,
Нѣтъ слезамъ моимъ конца!

ХОРЪ.

Слово дружбы молвлю я, *Эп.*
Словно мать, полна любви:
Не плоди грѣхомъ грѣха!

ЭЛЕКТРА.

Знаетъ ли мѣру тоска безпросвѣтная?
Дѣло ли чести—измѣна умершему?
Гдѣ среди смертныхъ обычай такой?
Пусть позоръ меня покроетъ,
Пусть послѣдній лучъ добра
Вмигъ въ груди моей угаснетъ,
Если долгъ отцу воздать
Я забуду, и повиснутъ
Крылья жалобы моей!
Дланью враговъ своихъ
Въ прахъ обращенъ, въ ничто
Спитъ въ могилѣ онъ,
А убійцъ чета
Мзды не знаетъ за кровь его.
Гдѣ-жъ быть тутъ страху,
Гдѣ быть стыду въ жалкомъ родѣ смертныхъ?

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Музыка прекращается. Электра, произносившая свои ответы хору со все возраставшимъ волненіемъ, утомленная, покрываетъ лицо руками и плачетъ. Изъ группы микенянокъ выдѣляется **старшая дѣвушка** (корифейка) и озабоченно подходитъ къ Электрѣ.

СТАРШАЯ ДѢВУШКА.

Подруга милая, для общей пользы
Къ тебѣ пришли мы. Если жъ мы не правы—
Ты побѣждай; съ тобой мы за одно.

ЭЛЕКТРА (спокойно).

Мнѣ совѣстно, подруги, вѣчнымъ плачемъ
Вамъ досаждать, но будьте милосердны!
Ахъ, не моя въ томъ воля, вѣрьте мнѣ.
Возможно ль дѣвѣ благородной крови,
Принявъ такое горькое наслѣдье
Обидъ отцовскихъ, сдерживать себя?
А для меня съ днемъ каждымъ, съ каждой ночью
Оно цвѣтетъ скорѣй, чѣмъ убываетъ.
Вездѣ лишь горе. Матери родной
Я ненавистна; въ собственныхъ хоромахъ
Должна съ отца убійцами я жить,
Ихъ властной волѣ слѣпо подчиняться,
Отъ нихъ подачку и отказъ терпѣть.
Подумайте, какой мнѣ день сіяетъ,
Когда Эгисѳа на отца престолѣ
Въ отца я вижу царственныхъ парчахъ,
Когда предатель въ пламя очага,
Что̀ былъ свидѣтелемъ его злодѣйства,
Богамъ струю святого приношенья
Изъ чаши льетъ убитаго царя?
И, въ довершеніе позора, вижу,
Какъ на родительскій онъ всходитъ одръ,
Убійца подлый, съ матерью несчастной...
Да полно! Звать ли матерью ее,
Что сонъ въ его объятіяхъ вкушаетъ?
Нѣтъ; точно мало ей грѣха и срама,
Что съ осквернителемъ она живетъ,
Забывъ о гнѣвѣ бдительныхъ Эриній,—
Она въ насмѣшку надъ своимъ злодѣйствомъ,
Дня улучивъ возвратъ, когда отецъ
Ея коварства жертвою погибъ,
Овецъ приводитъ, хороводы ставитъ—
И мѣсячнымъ молебствіемъ «боговъ
Спасенья»—такъ зовя ихъ—ублажаетъ!
Все это видѣть я должна—не даромъ
Я взаперти сижу—и плачу, плачу,
Въ слезахъ свою кручину изливаю,
И проклинаю пиръ тотъ нечестивый,
Что̀ именемъ отца ужъ нарекла
Молва народная; но тихо, тихо,

Сама съ собой—вѣдь даже плакать вволю
Мнѣ не даютъ. Она,—она, что всюду
Въ рѣчахъ своихъ достоинство блюдетъ!—
Въ такихъ словахъ скорбящую поноситъ:
«О, тварь безбожная! Одна ль на свѣтѣ
«Отца лишилась ты? Никто другой
«Не взысканъ горемъ? Сгинь лихою смертью!
«И пусть печали этой никогда
«Съ тебя не снимутъ преисподней боги!»
Вотъ ласкъ ея примѣръ вамъ. Если жъ кто
Ей намекнетъ на возвращенье сына,
Она, себя не помня, съ дикимъ воплемъ
Летитъ ко мнѣ. «Не ты-ль всему виною?
«Не ты-ль, изъ рукъ моихъ его похитивъ,
«Отправила въ далекій край? Но вѣрь мнѣ:
«Достойная тебя постигнетъ кара!»
И дальше льется словъ потокъ безстыдныхъ,
И достославный вторитъ ей супругъ,—
Онъ, этотъ трусъ презрѣнный, эта язва,
Онъ, что руками женщинъ бой ведетъ!
И жду я, жду, когда жъ святая грянетъ
Ореста месть—и въ ожиданьи чахну.
Онъ вѣчно медлитъ, изсушая корни
И нынѣшнихъ и будущихъ надеждъ.
Въ такомъ несчастьи мѣста нѣтъ почтенью
И добрымъ нравамъ, милыя; не диво,
Что въ злой судьбѣ и злыя мысли зрѣютъ.

СТАРШАЯ ДѢВУШКА.

Скажи одно мнѣ: близокъ ли Эгисѳъ
Къ бесѣдѣ нашей, иль ушелъ изъ дома?

ЭЛЕКТРА.

Ушелъ, конечно. Не была бъ я съ вами,
Будь дома онъ. Въ поляхъ онъ, далеко.

СТАРШАЯ ДѢВУШКА.

За вѣсть спасибо. Легче будетъ мнѣ
Собраться съ духомъ и спросить тебя.

ЭЛЕКТРА.

Спроси о всемъ, чего душа желаетъ.

СТАРШАЯ ДѢВУШКА.

Изволь, спрошу. Что говорятъ о братѣ?
Спѣшитъ, иль медлитъ? Все я знать хочу!

ЭЛЕКТРА.

Спѣшить готовъ онъ,—ахъ, давно готовъ!

СТАРШАЯ ДѢВУШКА.

Не сразу мужъ великихъ дѣлъ творецъ.

ЭЛЕКТРА.

Но все же жизнь ему спасла я сразу!

СТАРШАЯ ДѢВУШКА.

Онъ благороденъ, не теряй надежды!

ЭЛЕКТРА.

Одной надеждой жизнь моя сносна.

СТАРШАЯ ДѢВУШКА.

Теперь ни слова! Изъ дому выходитъ
Хрисоѳемида, кровь тебѣ родная,
Въ рукахъ у ней даровъ заупокойныхъ
Сосудъ, подземнымъ божествамъ привѣтъ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Изъ дому выходитъ **Хрисоѳемида.** На видъ она много моложе Электры, съ добрымъ, но не особенно глубокимъ выраженіемъ лица. Одѣта, какъ подобаетъ царевнѣ. Въ лѣвой рукѣ у нея прислоненная къ груди урна. У дверей она останавливается и нѣкоторое время взоромъ, полнымъ участія, смотритъ на Электру; затѣмъ спускается къ ней.

ХРИСОѲЕМИДА.

И вотъ ты снова у дверей, сестра,
И все поешь старинной скорби пѣсню.
Ужель тебя не отучило время
Порывамъ тщетнымъ угождать души?
И мнѣ—настолько знаю я себя—

И мнѣ тяжелъ насущной жизни обликъ,
И будь я въ силѣ—вмигъ они бъ узнали,
Какъ я нещадно осуждаю ихъ.
Но нѣтъ намъ вѣтровъ ласковыхъ,—и парусъ
Мы свой спустить должны и бросить мысль
О показныхъ ударахъ, отъ которыхъ
Не больно имъ. Такое же рѣшенье
Я и тебѣ желала бы внушить.
Конечно, правда не моимъ словамъ
Сопутствуетъ, а твоему сужденью;
Но я свободы жажду, а она
Лишь послушанью полному награда.

ЭЛЕКТРА, все время укоризненно смотрѣвшая на сестру и приводившая ее въ смущеніе своимъ гложущимъ взоромъ, рѣзко:

Ужель совсѣмъ забыла ты отца,
Родившаго тебя, и только помнишь
О матери? Вѣдь вся твоя премудрость—
Ея заученный урокъ; ни слова
Ты отъ себя сказать мнѣ не могла.
Что жъ, выбирай! Иль ты должна сознаться,
Что нѣтъ въ дѣяньяхъ разума твоихъ,
Иль, что владѣя разумомъ и волей,
Друзей природныхъ забываешь ты.
Ты только что сказала, что охотно—
Будь въ силѣ ты—дала бы волю гнѣву.
Зачѣмъ же мнѣ, въ стараньи неусыпномъ
За честь отца не хочешь ты помочь?
Нѣтъ, и меня ты совратить стремишься,
Чтобъ съ малодушіемъ безчестье слить!
Зачѣмъ? Скажи мнѣ—иль тебѣ скажу я,
Что́ мнѣ наградой будетъ, если плачъ
Умолкнетъ мой. Живу и такъ я—жалко,
Не стану спорить; что жъ? Съ меня довольно.
Но ихъ я мучу и изъ ихъ мученій
Вѣнокъ отрады для отца сплетаю—
Если во тьмѣ онъ чувствуетъ любовь.
Твоя же ненависть словами лишь
Грозна, на дѣлѣ жъ заодно ты съ ними,
Съ убійцами отца. Не буду я

Покорна имъ, хотя бъ они мнѣ дали
Всѣ тѣ дары, что такъ милы тебѣ.
И пышный столъ, и полную до края
Тебѣ я чашу жизни уступлю;
Мнѣ жъ будутъ пищей лишь враговъ мученья:
Они вкуснѣе почестей твоихъ.
И ты бы такъ судила, еслибъ разумъ
Ты обрѣла. Подумай: величаться
Державнѣйшаго дочерью отца
Могла бы ты—и что жъ? Ты предпочла
Чтобъ матери лишь дочерью твоей
Тебя назвали! Въ добрый часъ! Позоромъ
Себя покрыла всенароднымъ ты,
Предавъ отца и крови общей узы!

СТАРШАЯ ДѢВУШКА.

Ради боговъ, не отдавайся гнѣву!
Въ рѣчахъ обѣихъ правда есть; могли бы
Вы поучиться другъ у друга смѣло.

ХРИСОѲЕМИДА.

Ахъ, милыя, не привыкать мнѣ, видно,
Къ ея рѣчамъ. Смолчала бъ и теперь,
Но вижу, горе ей грозитъ такое,
Что плачъ ея умолкнетъ самъ собой.

ЭЛЕКТРА (равнодушно).

Скажи-жъ, какое. Жизнь моя и такъ
Сплошное горе; если хуже участь
Ты назовешь, я покорюсь тебѣ.

ХРИСОѲЕМИДА.

Узнаешь все, что мнѣ самой извѣстно.
Они рѣшили,—если жалобъ вѣчныхъ
Не прекратишь ты—заточить тебя
Въ подземный теремъ; тамъ ужъ не увидишь
Сіянья солнца ты. За рубежомъ
Страны родной, жива въ могильной сѣни,
Ты про себя затянешь скорби пѣснью.
Итакъ, блюди себя, меня жъ въ несчастьи
Не упрекай: теперь прозрѣть пора.

ЭЛЕКТРА (пораженная).
Такъ поступить они со мной рѣшили?

ХРИСОѲЕМИДА.
Въ тотъ самый часъ, когда Эгисѳъ вернется.

ЭЛЕКТРА (поборовъ свою слабость).
Пусть съ богомъ онъ вернется—хоть сейчасъ!

ХРИСОѲЕМИДА.
Да знаешь ли, о чемъ ты молишь бога?

ЭЛЕКТРА.
Чтобъ онъ, вернувшись, мысль свою исполнилъ.

ХРИСОѲЕМИДА.
Исполнилъ, для чего? Въ умѣ ль своемъ ты?

ЭЛЕКТРА.
Чтобъ дальше, дальше мнѣ уйти отъ васъ!

ХРИСОѲЕМИДА.
А жизнь свою совсѣмъ въ ничто ты ставишь?

ЭЛЕКТРА.
На диво вѣдь прекрасна эта жизнь!

ХРИСОѲЕМИДА.
Была бы лучше, кабъ за умъ взялась ты.

ЭЛЕКТРА.
Опять предательству меня ты учишь?

ХРИСОѲЕМИДА.
Тебя учу я силѣ уступать.

ЭЛЕКТРА.
Смиренье это не по нраву мнѣ.

ХРИСОѲЕМИДА.
Что пользы намъ въ паденьи безразсудномъ?

ЭЛЕКТРА.

Падемъ, коль надо, за отца отмстивъ!

ХРИСОѲЕМИДА.

Отецъ проститъ насъ, уповаю твердо.

ЭЛЕКТРА.

Такъ утѣшать себя лишь трусъ способенъ!

ХРИСОѲЕМИДА.

А ты ни въ чемъ мнѣ уступить не хочешь?

ЭЛЕКТРА.

Не дай мнѣ богъ настолько стать безумной!

ХРИСОѲЕМИДА.

Тогда прощай! Иду, куда послали.

ЭЛЕКТРА.

Куда жъ идешь ты? Для кого дары?

ХРИСОѲЕМИДА.

Ихъ мать велѣла посвятить отцу.

ЭЛЕКТРА.

Не можетъ быть! Тому, кого изъ злобы...

ХРИСОѲЕМИДА.

Сама убила—мысль твою дополню.

ЭЛЕКТРА.

Кто могъ рѣшенье это ей внушить?

ХРИСОѲЕМИДА.

Тревожный сонъ приснился ночью ей.

ЭЛЕКТРА (торжественно).

О боги предковъ! Хоть теперь вступитесь!.

ХРИСОѲЕМИДА.

Тебѣ отвагу страхъ ея внушаетъ?

ЭЛЕКТРА.

Сонъ мнѣ повѣдай—все потомъ скажу.

ХРИСОѲЕМИДА.

О немъ немного лишь извѣстно мнѣ.

ЭЛЕКТРА.

Хоть этимъ подѣлись. Изъ словъ немногихъ
Нерѣдко смерть мы черпаемъ и жизнь.

ХРИСОѲЕМИДА.

Есть слухъ такой. Приснилось ей, что видитъ
Она отца; для новаго общенья
На свѣтъ вернулся онъ. И вотъ, схвативъ
Свой царскій посохъ—нынѣ имъ владѣетъ
Эгисѳъ—въ очагъ его онъ водрузилъ.
И посохъ отпрыскъ далъ, и отпрыскъ этотъ
Все росъ и росъ—и наконецъ покрылъ
Зеленой сѣнью весь микенскій край.
Такъ мнѣ свидѣтель разсказалъ, при коемъ
Она видѣнье солнцу открывала.
Вотъ все, что знаю я. Меня жъ она
Съ дарами шлетъ того же страха ради.

Электра со все возрастающимъ упоеніемъ слушала разсказъ сестры. Теперь, когда онъ конченъ, она нѣсколько секундъ стоитъ въ радостномъ оцѣпенѣніи; затѣмъ внезапно бросается на землю и нѣсколько разъ ударяетъ ее плоской рукой. Хрисоѳемида, испуганная, насильно старается ее поднять.

Электра! Именемъ родныхъ боговъ
Тебя я заклинаю: уступи мнѣ!
Не дай безумію тебя повергнуть.
Вѣдь если нынѣ оттолкнешь меня—
Увидишь, съ плачемъ призовешь обратно.

ЭЛЕКТРА (судорожно обнимая сестру).

Сестра моя! Не оскверняй могилы
Ея дарами. Не потерпятъ Правда
И Благочестье, чтобы ты отцу
Несла даянья отъ жены преступной.
Развѣй ихъ по вѣтру; а то въ песокъ
Зарой поглубже, чтобъ они покоя
Его не потревожили и ей,

Когда умреть, сохранными остались.
Не будь она преступнѣйшей изъ женъ—
И мысль бы не могла у ней возникнуть
Купить убитаго супруга гнѣвъ
Подачкою надгробныхъ возліяній!
Сама подумай: милостиво ль приметъ
На днѣ могилы дремлющій отецъ
Ея дары? Она жъ его убила
И, какъ врагу поруганному, руки
Отсѣкла, и затѣмъ, чтобъ скверну смыть,
Живую кровь, пятнавшую сѣкиру,
О голову убитаго обтерла!
Такъ и теперь она твоей услугой
Съ себя стереть клеймо убійства мнитъ.
Нѣтъ, такъ нельзя. Все это брось, отцу же
Волосъ своихъ прядь крайнюю отрѣжь,
Да отъ меня прибавь—убогій даръ,
Но это все, чѣмъ дочь его богата—
Мой скромный поясъ, да волосъ кольцо
Запущенныхъ. И помолись, къ могилѣ
Склонившись, чтобъ изъ мглы подземной онъ
Усердную намъ помощь на враговъ
Своихъ явилъ, и чтобы сынъ его
Орестъ, живой, стопой побѣдоносной
Его злодѣевъ головы попралъ.
Тогда мы впредь щедрѣйшею рукою
Его почтимъ, чѣмъ можемъ чтить теперь.
Я вѣрю, да, я вѣрю—этотъ сонъ
Нерадостный не безъ его велѣнья
Приснился ей. Но все жъ, сестра моя,
Въ угоду мнѣ, самой себѣ въ угоду
Послушайся меня—всего же болѣ
Блюдя любовь къ дражайшему изъ смертныхъ,
Въ обитель душъ сошедшему отцу!

СТАРШАЯ ДѢВУШКА (Хрисоѳемидѣ).

О благочестіи радѣетъ дѣва;
Разумна будь, послушайся ея.

ХРИСОѲЕМИДА (послѣ минутнаго колебанія).

Послушаюсь. Не терпитъ двоерѣчья
И споровъ. Правда—дѣломъ служать ей.

Но вы молчанья, милыя, покровомъ
Моей попытки смѣлость осѣните;
Не то—узнаетъ объ исходѣ мать,
И поплачусь я за нее жестоко.

Уходитъ съ урной налѣво, боязливо озираясь. Электра радостно смотритъ ей вслѣдъ; затѣмъ обращается ко дворцу съ движеніемъ торжества и угрозы и во время слѣдующаго стасима остается на сценѣ, прислоненная къ кумиру Артемиды и погруженная въ глубокое, но радостное раздумье.

ПЕРВЫЙ СТАСИМЪ.

ХОРЪ.

Если вѣщій мой умъ тьмой не окутанъ, *Стр.*
Если мыслью не празденъ онъ—
Къ намъ грядетъ предтечей
Святая Правда съ силой праведной въ рукѣ.
Недолго ждать, взыщетъ кровь за кровь она.
Отваги грудь полна,
Сладкой надеждой дышитъ ночи благодатный сонъ.
Знать, помнитъ недруговъ родитель,
Эллиновъ почившій царь,
И помнитъ ихъ сѣкиры древней
Челюсть мѣдная вовѣкъ,
Она, что̀ въ грѣхѣ безмѣрномъ
Жизнь его исторгла.

Мѣдной поступи звонъ слышу во мглѣ я *Ант.*
Вижу взмахи несмѣтныхъ рукъ:
Сонмъ грядетъ Эриній!
Кровавой свадьбы зудъ несладостный проникъ
Чету убійцъ Правдѣ въ поношеніе.
Возмездья часъ насталъ!
Вѣрю я, вѣрю; кары исполненьемъ сонъ грозитъ
Творцамъ и пѣстунамъ злодѣйства;
Если правда есть для насъ
И въ сновидѣніяхъ тревожныхъ
И въ реченьяхъ божества,
То призракъ минувшей ночи
Благо намъ готовитъ.

О ты, что надъ пѣной волнъ *Эп.*
Свершилъ многослезный путь,
Наѣздникъ лихой Пелопъ! [1])
На горе позналъ тебя
Край родной.
Пылаетъ надъ пѣной волнъ
Златой колесницы свѣтъ;
Съ златой колесницы вглубь
Низринутъ тобой Миртилъ;
Застылъ на устахъ его
Безмѣрной обиды стонъ.
Съ той поры
Не зналъ многослезный домъ
Покоя отъ мукъ грѣха.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Дверь дворца опять отворяется. Выходитъ въ пышномъ облаченіи царицы **Клитемнестра,** съ царскимъ посохомъ въ одной рукѣ и съ чашей для возліяній въ другой. Это — женщина лѣтъ сорока, величавая и съ остатками прежней красоты; на лицѣ отпечатокъ надменности и жестокости. За ней прислужница несетъ кувшинъ для возліяній и корзинку съ жертвенными принадлежностями; другая прислужница подходитъ къ жертвеннику Аполлона и разводитъ на немъ огонь. Туда же направляется и Клитемнестра; но она замѣчаетъ обращенный на нее вызывающій взоръ Электры и невольно, вздрогнувъ, останавливается. По всему видно, что эта встрѣча передъ жертвоприношеніемъ ей крайне непріятна, но отослать свою дочь она не въ силахъ. Нравственное, почти магнетическое превосходство Электры сказывается во всей слѣдующей сценѣ. Не спуская съ матери своихъ торжествующихъ глазъ, она завораживаетъ ее своимъ взоромъ; иногда она чуть замѣтно дѣлаетъ шагъ впередъ, чѣмъ каждый разъ заставляетъ Клитемнестру отступить. Противъ своей воли, послѣдняя отъ нападенія переходитъ къ защитѣ, отвѣчая на укоризну въ глазахъ своей молчаливой противницы.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Опять на волѣ, вижу, ты гуляешь.
Что дѣлать! Нѣтъ Эгисѳа: онъ одинъ
Тебя обуздывалъ, чтобъ хоть на людяхъ
Ты не позорила семьи родной.
Но нѣтъ его, а на меня вниманья
Не обращаешь ты...
А все жъ ты много
И передъ многими коришь меня,

---

1) Софоклъ слѣдуетъ здѣсь болѣе древнему преданію о Пелопѣ, согласно которому Эномай, отецъ Ипподамія, былъ царемъ Лезбоса, а не Элиды. Добывъ Ипподамію благодаря предательству возницы ея отца, Мартила, Пелопъ съ обоими отправился въ Пелопонесъ на колесницѣ, запряженной крылатыми конями, полученными имъ въ даръ отъ Посидона. Проѣзжая надъ моремъ, онъ столкнулъ въ него Мартила; это былъ первородный грѣхъ въ домѣ Пелопидовъ,

Что я надменно, злобно, безпричинно
Тебя и горе поношу твое.
Надменность мнѣ чужда, тебя жъ браню я
Отвѣдавъ много бранныхъ словъ твоихъ...
    Всегда отецъ тебѣ предлогомъ ссоры,
Что отъ меня онъ принялъ смерть свою.
Да, отъ меня! Не стану запираться:
Моей рукой его сразила Правда.
И, будь разумна ты,—ты помощь ей
Сочла бы долгомъ принести...
                    Вѣдь онъ,
Тотъ твой отецъ, о комъ ты вѣчно плачешь,
Всѣхъ эллиновъ бездушьемъ превзошелъ—
Онъ въ даръ богамъ сестру твою зарѣзалъ.
Счастливый мужъ! Не такъ болѣлъ онъ тѣломъ,
Когда онъ жизнь давалъ малюткѣ нашей,
Какъ я, что̀ въ мукахъ родила ее...
    Скажи же мнѣ, за что, кого онъ ради
Ее заклалъ? Аргивянъ, скажешь ты?
Откуда жъ право ихъ на дочь мою?
Иль Менелаю-брату угождая,
Ему онъ въ жертву кровь мою принесъ?
По праву жъ взысканъ онъ своею кровью!
Скажи сама: вѣдь двухъ дѣтей отцомъ
Былъ Менелай! Не имъ ли надлежало
Скорѣе пасть, грѣхъ матери своей,
Войны причину, смертью искупляя?..
Иль такъ ужъ жаждалъ царь тѣней Аидъ
Моихъ дѣтей отвѣдать плоти юной?
    Иль ихъ отцу преступному постылымъ
Сталъ *мой* ребенокъ, Менелай же нѣжность
Къ своей супруги дѣтямъ сохранилъ?
Вотъ, гдѣ онъ черствость выказалъ свою!
    Такъ мыслю я,—пускай съ тобою розно,
Зато согласно съ дочерью убитой.
Вотъ почему и не скорблю о дѣлѣ
Руки моей. Тебѣ жъ совѣтъ: сама
Будь праведна, коль мать корить ты хочешь!

ЭЛЕКТРА (съ притворнымъ смиреньемъ).

    Теперь не скажешь ты, что мною вызванъ
Твоихъ рѣчей неласковыхъ потокъ.

А впрочемъ, если ты согласна, правду
Сказать готова я—и за отца
И о сестрѣ покойной заодно.

КЛИТЕМНЕСТРА (удивленная, ласковѣе).

Согласна, говори. Когда бъ и раньше
Со мной ты такъ почтительна была,
Безъ горечи могла бъ тебя я слушать.

ЭЛЕКТРА (внезапно подымая голову).

Вотъ рѣчь моя. Отца убила ты—
Сама сказала. Мыслимо ль признанье
Ужаснѣе—по правдѣ-ль ты убила
Его, иль нѣтъ? Но я скажу тебѣ,
Что правды не было въ твоемъ дѣяньи,
Что ты злодѣя подчинилась ласкѣ—
Того же, съ кѣмъ и нынѣ ты живешь!
Спроси—ловцовъ богиню Артемиду,
За что на насъ прогнѣвалась она
И вѣтровъ рать въ Авлидѣ задержала...
Иль лучше я тебѣ скажу: ее
Вѣдь не потребуешь къ отвѣту. Слушай!
Отецъ мой—такъ сказали мнѣ—гуляя
Въ лѣсу богини, шумомъ ногъ своихъ
Спугнулъ пятнистаго оленя; мѣткимъ
Его онъ выстрѣломъ убилъ—и слово
На радостяхъ кичливое сказалъ.
За это гнѣвомъ воспылала дѣва;
Ахейцевъ ждать заставила она,
Пока отецъ въ возмездіе за звѣря
Свое дитя ей въ даръ не принесетъ.
Вотъ поводъ гибели ея; и въ Трою,
И вспять домой былъ прегражденъ имъ путь.
Тогда отецъ подъ гнетомъ принужденья
И послѣ долгой, тягостной борьбы
Заклалъ ее—не Менелая ради.
Но пусть права ты; пусть его хотѣлъ онъ
Возвысить. Что же? Неужели смерть
Онъ отъ тебя за это заслужилъ?
Гдѣ ты законъ такой нашла? Смотри же!
Ты на себя накличешь грѣхъ и горе,
Являя смертнымъ приговоръ такой.

Какъ будемъ другъ за друга убивать мы—
Тебѣ по праву первой пасть придется.
Но нѣтъ; предлогъ тотъ вымышленъ тобой.
Не то—скажи, какой отплаты ради
Погрязла въ срамѣ ты такомъ? Зачѣмъ
Съ отверженнымъ ты ложе дѣлишь мужемъ,
Съ которымъ раньше ты отца сгубила?
Зачѣмъ дѣтей ему рожаешь, тѣхъ же,
Что въ ложѣ чести рождены тобой,
Чужими почитаешь? Какъ за это
Тебя одобрить? Иль и тутъ ты скажешь,
Что дочери утрату возмѣстить
Ты ими хочешь? Стыдное признанье!
Позоръ, хотя бъ и дочери въ угоду,
Врага-злодѣя мужемъ называть!
Да что! И слова не даешь сказать ты;
Всегда упрекъ я слышу, что на мать
Я клевещу. Я жъ госпожей скорѣе
Тебя считаю для дѣтей твоихъ.
Живу я, какъ раба, терплю обиды
И отъ тебя и отъ него, что другомъ
Твоимъ явился. Сынъ же твой, Орестъ,
Съ трудомъ руки твоей избѣгшій, въ горѣ,
Среди чужихъ изгнанникомъ живетъ.
И за него корить меня ты любишь,
Что мстителемъ тебѣ его рощу.
Да, ты права: была бъ лишь сила—мести
Его бъ я жаждой вдохновила, знай!
Вотъ рѣчь моя. Зови меня предъ всѣми
Дурной, сварливой и безстыдной—пусть!
Когда такой по истинѣ я стала—
Что жъ! матери я не срамлю своей.

СТАРШАЯ ДѢВУШКА.

Царица гнѣвомъ дышитъ, вижу я:
Но съ ней ли правда—нѣтъ о томъ заботы.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Достойна же заботы дочь такая,
Что мать свою такъ злобно оскорбить
Отважилась—она, младая дѣва!

Вы сами видите, на все она
Способна, нѣтъ въ стыдѣ для ней преграды.

ЭЛЕКТРА.

Неправда. Стыдно мнѣ, до боли стыдно.
Судья—не ты. Сама я понимаю,
Что не дѣвичье дѣло я творю,
Но гдѣ исходъ? Твои навѣты злые,
Твои поступки къ этому меня
Принудили. Въ средѣ порочной зрѣютъ
Сами собой порочныя дѣла.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Рѣчей не мало, дерзкая, внушаютъ
Тебѣ поступки и слова мои!

ЭЛЕКТРА.

Ты имъ виною. Ты дѣла дурныя
Творишь—они жъ въ слова облечься жаждутъ.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Да знаетъ же святая Артемида:
Тебѣ припомнитъ спесь твою Эгисѳъ!

ЭЛЕКТРА.

Вотъ и угрозы! Ты жъ сама велѣла
Мнѣ говорить, а слушать не умѣешь!

КЛИТЕМНЕСТРА (иронически).

Велѣла, да. Но все жъ—хоть помолиться
Ты разрѣшишь въ благоговѣньи мнѣ?

ЭЛЕКТРА.

Изволь, молись. И вообще довольна
Ты будешь мной. Отнынѣ я молчу.

Отступаетъ и вновь занимаетъ прежнее свое мѣсто у кумира Артемиды, Клитемнестра вмѣстѣ со второй прислужницей приближается къ жертвеннику Аполлона, на которомъ ярко горитъ огонь, возженный первой прислужницей. Молитву она произноситъ, по временамъ недовѣрчиво озираясь на Электру, которая продолжаетъ смотрѣть на нее взоромъ полнымъ ненависти и торжества. Одновременно съ молитвой она послѣдовательно льетъ или бросаетъ въ огонь: вино, смѣсь полбы съ солью, разные сухіе плоды и, напослѣдокъ, ладонъ.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Подай сюда съ плодами мнѣ кошницу,
Прислужница. Хочу къ владыкѣ Фебу

Смиренную молитву вознести,
Чтобъ снялъ онъ съ сердца гнетъ ночного страха.
Окружена немилою средою,
Къ тебѣ взываю, Фебъ-предстатель мой.
Внемли моей мольбѣ ты сокровенной.
Я не могу при дочери строптивой
Облечь желанье въ ясныя слова:
Она способна съ крикомъ ликованья
Ихъ разгласить по городу всему.
Нѣтъ, такъ внемли, какъ я молиться буду.
Тотъ сонъ двуликій, что во мракѣ ночи
Явился мнѣ—его, ликейскій царь,
Коль онъ мнѣ другъ, исполни дружелюбно,
Коль врагъ,—на вражью обрати главу!
И если кто растить крамолу тайно,
Дабы съ престола счастія меня
Низвергнуть въ прахъ—ты заступись, владыка.
Дай, чтобъ и впредъ, живя безбольной жизнью,
Атридовъ домъ и этотъ власти посохъ
Хранила я, въ кругу друзей, что нынѣ
Меня блюдутъ. Благослови меня
Съ дѣтьми моими—я о тѣхъ молюсь,
Что не привыкли злобною враждою
И горечью мнѣ сердце отравлять.
Будь милостивъ, ликейскій Аполлонъ,
И дай намъ всѣмъ мольбамъ согласно нашимъ.
Услышь и то, о богъ непогрѣшимый,
Что я таю въ молчаньи осторожномъ:
Все видятъ очи Зевсовыхъ сыновъ.

Бросаетъ обильную горсть ладона въ пламя; поднявшееся облако голубого дыма заволакиваетъ кумиръ Аполлона и всю сцену. Клитемнестра стоитъ, молитвенно поднявъ руки и неслышно шевеля губами. Когда облако дыма разсѣивается, изъ него, рядомъ съ кумиромъ Аполлона, вырисовывается старческая фигура **Талѳибія**.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Видя, что Клитемнестра продолжаетъ молиться, Талѳибій въ полголоса обращается къ ближайшимъ ему дѣвушкамъ.

ТАЛѲИБІЙ.

Гражданки-дѣвы, какъ бы мнѣ узнать,
Здѣсь ли чертогъ властителя Эгисѳа?

СТАРШАЯ ДѢВУШКА.

Ты самъ ужъ догадался, гость. Онъ здѣсь.

ТАЛѲИБІЙ.

А вѣрно ль я въ молящейся женѣ
Призналъ его супругу? Видъ державный
Ея—царицу, мнится, выдаетъ.

СТАРШАЯ ДѢВУШКА.

Опять ты правъ: царица передъ тобою.

Пауза. Талѳибій почтительно ждетъ, чтобы Клитемнестра перестала молиться. Тогда только онъ заговариваетъ съ ней.

ТАЛѲИБІЙ.

О, радуйся, владычица! Несу
Благую вѣсть отъ вѣрнаго я мужа.

Электру какъ бы подкосило отъ этихъ словъ; судорожно прижимая руки къ сердцу, она тихимъ шагомъ подкрадывается къ говорящимъ. Клитемнестра, вся занятая Талѳибіемъ, ея не замѣчаетъ.

КЛИТЕМНЕСТРА (съ радостной улыбкой).

Спасибо на примѣтѣ; все жъ вопросъ
Тебѣ мой первый: кто тебя отправилъ?

ТАЛѲИБІЙ.

Фокеецъ Фанотей, съ извѣстьемъ важнымъ.

КЛИТЕМНЕСТРА (еще милостивѣе).

Съ какимъ, мой гость? Отъ друга ты, навѣрно,
Приносишь дружелюбную мнѣ рѣчь?

ТАЛѲИБІЙ.

Орестъ погибъ,—вотъ вкратцѣ смыслъ ея.

ЭЛЕКТРА (съ крикомъ падая на землю).

О, жизнь моя! разбита ты сегодня.

КЛИТЕМНЕСТРА (точно въ оцѣпенѣніи).

Что ты сказалъ, мой гость? Ея не слушай!

ТАЛѲИБІЙ.

Скажу еще разъ: нѣтъ въ живыхъ Ореста.

ЭЛЕКТРА (глухо, не вставая).

Погибла я! Нѣтъ мѣста мнѣ на свѣтѣ.

КЛИТЕМНЕСТРА (Электрѣ).

Оставь ты насъ! А ты, мой гость, скажи мнѣ
По истинѣ, какой онъ смертью палъ.

ТАЛѲИБІЙ.

Все разскажу я; съ тѣмъ сюда и посланъ.

Клитемнестра его уводитъ на лѣвую часть сцены ближе къ кумиру Артемиды, и становится лицомъ къ нему и спиной къ Электрѣ. Эта послѣдняя, слегка приподнимаясь, жадно прислушивается къ разсказу, изрѣдка прерывая его слабыми стонами.

На поле славныхъ эллинскихъ стязаній
Явился онъ, дельфійскихъ ради игръ.
И вотъ, когда раздался громкій кличъ
Глашатая, и первымъ былъ объявленъ
Ристанья подвигъ—предъ людьми предсталъ онъ,
Блестящій, юный, всѣмъ на восхищенье.
И оправдалъ природы благодать
Исходъ бѣговъ. Съ вѣнкомъ побѣды славнымъ
Оставилъ онъ парнасскую стезю.
Въ словахъ немногихъ, многихъ дѣлъ величье
Я возвѣщу: не видѣлъ я донынѣ,
Чтобъ столько славы мужъ одинъ стяжалъ.
Одно запомни: сколько видовъ спора
Блюстители ни объявляли игръ—
Во всѣхъ побѣды цвѣтъ сорвалъ твой сынъ.
И ликованье слышалось въ отвѣтъ,
Когда глашатай объявлялъ, что первый—
Аргивянинъ, по имени Орестъ,
Сынъ Агамемнона, что всей Эллады
Повелъ въ походъ прославленную рать.
Блаженный мигъ! Но если богъ враждебенъ,
Злой доли не избѣгнетъ и герой.
Прошли тѣ дни. И снова встало солнце,
И скакуновъ открыло вѣтроногихъ
Ретивый бѣгъ. Явился онъ опять
И съ нимъ возницъ испытанныхъ немало.
Былъ тамъ ахеецъ, былъ спартанецъ; двое
Изъ Ливіи далекой колесницы
Къ намъ привезли: межъ нихъ былъ пятымъ онъ,

Съ коней четверкой ѳессалійскихъ. Далѣ—
Этолянинъ съ четверкою гнѣдыхъ,
Седьмой—съ гористой области магнетовъ,
Восьмой—наѣздникъ эніанскій, сивыхъ
Коней владыка; съ богозданныхъ родомъ
Аѳинъ девятый; а дополнилъ рядъ
Соперникомъ десятымъ—беотіецъ.
Метнули жребій, стали по порядку,
Какъ имъ по жребью мѣсто указали
Блюстители. Вотъ звукъ трубы раздался.
Бѣгъ начался. Возницы съ громкимъ крикомъ
Поводьями стегнули скакуновъ,
И понеслись со скрипомъ колесницы
По пыльному ристалищу впередъ.
Вначалѣ вкупѣ были всѣ, но каждый
На волю рвался, не щадя бича,
Чтобъ миновать передней колесницы
Чеку и ржущихъ головы коней,
И каждому четверки задней жаръ
Затылокъ жегъ, и брызги бѣлой пѣны
И спину и колеса покрывали.
Искусно бѣгъ свой направлялъ Орестъ:
Всегда вплотную огибалъ онъ мету,
Давая волю пристяжному справа
И лѣваго отвагу укрощая.
И долго прямо всѣ впередъ неслись.
Вдругъ эніанца кони, закусивши
Въ упрямствѣ удила, метнулись вправо—
А былъ шестой то иль седьмой ужъ кругъ—
И въ поворотѣ головой о кузовъ
Ударились ливійской колесницы;
На нихъ другіе налетѣли. Всюду
Паденье, грохотъ, общій крикъ и ужасъ;
Обломки конскаго крушенья вмигъ
Наполнили крисейскую поляну.
Завидя во время бѣду другихъ,
Аѳинянинъ, разсчетливый возница,
Рванулъ направо—и пронесся мимо
Бушующей пучины. Нашъ Орестъ
Послѣднимъ правилъ: утомлять коней
Онъ не хотѣлъ и возлагалъ надежды
На состязанія конецъ. Увидя,

Что изо всѣхъ одинъ соперникъ цѣлъ,
Онъ поднялъ бичъ и сильнымъ, острымъ свистомъ
Надъ самыми ушами скакуновъ
Погналъ впередъ ихъ. Вотъ они сравнялись,
Несутся рядомъ, и главами лишь
Коней поочередно выдаются,
То тотъ, то этотъ. Всѣ почти круги
Благополучно совершилъ онъ, прямо
На устремленной колесницѣ стоя.
Несчастный! Вотъ при огибаньи меты,
Онъ лѣвый поводъ отпустилъ—и осью
Ударился о выступъ. Вмигъ чека
Разбилась; онъ, упавши съ колесницы,
Въ рѣзныхъ запутался ремняхъ, а кони
Въ испугѣ по полянѣ понеслись.
Крикъ ужаса тутъ вырвался у всѣхъ;
Всѣ плакали о юношѣ прекрасномъ,
Что послѣ столькихъ подвиговъ такую
Несчастную онъ участь испыталъ.
Его жъ все дальше волочили кони
По жесткой почвѣ; то лицомъ къ землѣ онъ
Былъ обращенъ, то навзничь лежа въ прахѣ,
Безпомощно колѣни возносилъ
Къ безжалостному небу. Наконецъ
Наѣздники, съ трудомъ остановивши
Коней безумный бѣгъ, изъ путъ его
Освободили. Кровью истекая,
Неузнаваемъ былъ онъ для друзей.
Немедленно огню его предавъ,
Героя тѣло въ урнѣ невеликой,
Печальный пепелъ, избранные люди
Страны фокейской къ вамъ несутъ, чтобъ витязь
Гробницей былъ почтенъ въ землѣ родной.
Такъ умеръ онъ. И на словахъ плачевенъ
Его исходъ; для насъ же, очевидцевъ,
Онъ всѣхъ несчастій нашей жизни злѣй.

СТАРШАЯ ДѢВУШКА.

О горе намъ! Теперь владыкъ исконныхъ
До основанья весь разрушенъ домъ.

КЛИТЕМНЕСТРА (точно очнувшись).

Какъ мнѣ назвать, о Зевсъ, твое рѣшенье?

Неужто—счастьемъ? Иль грозой, но все же
Спасительной? О жребій безотрадный!
Своимъ же горемъ жизнь спасать свою!

ТАЛѲИБІЙ (испытующе).

Тебя въ унынье вѣсть моя ввергаетъ?

КЛИТЕМНЕСТРА (во внезапномъ порывѣ чувства).

Я родила его, и въ этомъ ужасъ!
Нѣтъ той обиды, чтобы мать рѣшилась
Возненавидѣть дѣтище свое.

ТАЛѲИБІЙ.

Напрасенъ былъ приходъ мой, вижу я.

КЛИТЕМНЕСТРА (стараясь совладать со своими чувствами).

Напрасенъ? Нѣтъ! Не говори: напрасенъ!
Ты вѣрныя примѣты мнѣ принесъ
О гибели того, кто, мной рожденный,
Отсталъ отъ груди и любви моей
И на чужбинѣ межъ чужими выросъ.
Покинувъ край родной, меня ни разу
Не видѣлъ онъ; убійцею отца
Меня онъ звалъ и угрожалъ мнѣ местью
Ужасною; не осѣнялъ меня
Ни ночью сонъ привѣтливый, ни днемъ
Покой отрадный; каждый новый часъ
Лишь гибели отсрочкой мнѣ казался.
Но этотъ день свободу мнѣ вернулъ,
Прошелъ мой страхъ предъ нимъ—

Крикъ негодованія вырывается изъ груди Электры; Клитемнестра, оглянувшись, торжествующе и презрительно смотритъ на нее и затѣмъ продолжаетъ:

И передъ нею.
Она вѣдь большей язвой мнѣ была.
Живя со мною, кровь мою сосала
Изъ нѣдръ души моей. Теперь довольно!
Ужъ не смутятъ меня ея угрозы,
Покоя не нарушатъ моего.

ЭЛЕКТРА.

О, горе мнѣ! Теперь твою кончину,
Орестъ, вдвойнѣ оплакать я должна.

Въ судьбѣ такой—такое посрамленье
Отъ этой матери! Ужель, о боги,
Достойно съ нами поступили вы?

КЛИТЕМНЕСТРА (насмѣшливо).

Съ тобою—нѣтъ, но съ нимъ—вполнѣ достойно.

ЭЛЕКТРА (бѣшено ударяя рукой въ землю).

Внемли, оплотъ усопшихъ, Немезида!

КЛИТЕМНЕСТРА.

Она вняла молитвѣ справедливой
И справедливо порѣшила все.

ЭЛЕКТРА.

Кощунствуй смѣло; власть—твоя отнынѣ.

КЛИТЕМНЕСТРА (съ обиднымъ смѣхомъ).

Не ты ль съ Орестомъ прекратишь ее?

ЭЛЕКТРА.

Въ изступленіи срывается съ мѣста и становится противъ матери съ такой рѣшимостью, что послѣдняя невольно отступаетъ, какъ бы ища защиты у Талѳибія; послѣ паузы:

Прекращены во вѣкъ надежды наши:
Не намъ безчинства прекращать твои!

КЛИТЕМНЕСТРА (Талѳибію).

Благословенъ приходъ твой, гость, за то ужъ,
Что крикъ ея ты вѣчный прекратилъ!

ТАЛѲИБІЙ.

Итакъ, спокойно я уйти могу?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Нѣтъ, такъ нельзя: и насъ бы ты обидѣлъ
Такимъ уходомъ, и того, кто въ путь
Тебя отправилъ. Нѣтъ, войди въ нашъ домъ,
Ее жъ оставь на площади: пусть вволю
Себя оплачетъ и друзей своихъ.

Уходитъ въ домъ, съ нею Талѳибій. Бронзовая дверь съ тяжелымъ шумомъ наглухо затворяется. Электра, проводивши Клитемнестру своимъ взоромъ, движеніемъ руки посылаетъ проклятіе ей вслѣдъ.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

ЭЛЕКТРА (хору).

Вотъ мать! Не правда ль, въ изступленьи горя
Безумнымъ воплемъ огласила стогны
Бѣдняга, про страдальческую смерть
Родного сына услыхавъ? Такъ нѣтъ же!
Ушла со смѣхомъ! Горе, горе мнѣ!
Орестъ мой милый, всю меня сгубилъ ты
Своею смертью. Изъ души моей
Послѣднюю надежду вырвалъ ты—
Что день придетъ, когда грозою ясной
Ты мести грянешь—за отца въ могилѣ
И за меня несчастную. Теперь же
Что дѣлать мнѣ? Одна на свѣтѣ я,
Безъ брата, безъ отца. Опять рабой
Убійцъ презрѣнныхъ стать! Ужель со мною
Достойно, боги, поступили вы?
Нѣтъ, я не въ силахъ подъ одною кровлей
Жить съ ними долѣ; здѣсь у входа дома
Лежать хочу я внѣ семьи, покуда
Въ конецъ я не исчахну. Если жъ кто
Изъ домочадцевъ вида моего
Не вынесетъ—пусть смерть мнѣ дастъ. Спасибо
Ему скажу. Обузой стала жизнь:
Нѣтъ болѣ въ ней предмета для желанья.

Въ изнеможеніи бросается на землю у подножія кумира Аполлона. Молчаніе.

ВТОРОЙ СТАСИМЪ.

Музыка—въ началѣ первыхъ строфъ рѣзкая и сильная, дальше глухая и таинственная, во второй парѣ строфъ—тихая и унылая. Хоръ обращается къ Электрѣ.

ХОРЪ.

Гдѣ жъ ты, перунъ Зевса, и ты *Стр. I.*
Яростный лучъ Солнца? Зачѣмъ
Злобу такую
Спокойно ты терпишь?

ЭЛЕКТРА.

О горе мнѣ, горе!

ХОРЪ.

Къ чему эти слезы?

ЭЛЕКТРА.

Горе!

ХОРЪ.

Оставь твои стоны!

ЭЛЕКТРА.

Пожалѣй!

ХОРЪ.

Что?

ЭЛЕКТРА.

Онъ подъ землей, знаешь сама;
Если-жъ ты вновь свѣточъ надеждъ
Въ сердцѣ возжешь, станетъ кругомъ
Вдвое чернѣй горе!

ХОРЪ (значительно).

Слушай: былъ царь Амфіарай [1]; *Ант. I.*
Златомъ жены въ мрака чертогъ
Былъ онъ отправленъ.
Теперь среди мертвыхъ —

ЭЛЕКТРА.

О горе мнѣ, горе!

---

1) Амфіарай, царь и прорицатель, былъ мужемъ Эрифилы, сестры аргосскаго царя Адраста. Согласно заключенному между шуриномъ и зятемъ договору, Эрифила разъ навсегда была признана третейскимъ судьей во всѣхъ могущихъ возникнуть между ними разногласіяхъ. Когда Адрастъ въ угоду Полинику снаряжалъ походъ противъ Ѳивъ („походъ Семи Вождей“), Амфіарай, не одобрявшій его, отказался послѣдовать за Адрастомъ. Тогда Полиникъ подкупилъ Эрифилу драгоцѣннымъ ожерельемъ своей родоначальницы Гармоніи; по ея приговору, Амфіарай долженъ былъ принять участіе въ походѣ. Предвидя свою смерть, онъ завѣщалъ своему сыну Алкмеону отомстить за него. Его заживо поглотила земля. Алкмеонъ же, исполняя долгъ мести, убилъ свою вѣроломную мать и этимъ возвеличилъ своего отца въ подземномъ царствѣ.

ХОРЪ.

Онъ властвуетъ мощно!

ЭЛЕКТРА.

Горе!

ХОРЪ.

Да, горе: убійца —

ЭЛЕКТРА (точно осѣненная новою мыслью).

Сражена?

ХОРЪ.

Да!

ЭЛЕКТРА (послѣ паузы, уныло).

Знаю, сразилъ мститель ее:
Горе отца сынъ утолилъ.
Былъ и у насъ мститель такой.
Взяли его боги!

ХОРЪ.

Ахъ жалка жизнь твоя, жалка! *Стр. II.*

ЭЛЕКТРА.

Испытала я вдоволь усладу ея,
Какъ за мѣсяцемъ мѣсяцъ, что мутный потокъ,
Вереницей унылой тянулся!

ХОРЪ.

Знаемъ грусть твою.

ЭЛЕКТРА.

Будь же нѣмъ, зовъ любви!
Тамъ, ты видишь нѣтъ...

ХОРЪ.

Чего?

ЭЛЕКТРА.

Надежды нѣтъ на крови участье родной,
Крови отца-героя!

ХОРЪ.

Смертнымъ всѣмъ смерти часъ сужденъ. *Ант. II.*

ЭЛЕКТРА.

Суждено ли и то, чтобъ въ ристанья пылу
Безнадежно повиснуть въ тенетахъ возжей
И въ мученіяхъ духъ испустить свой?

ХОРЪ.

Горю мѣры нѣтъ!

ЭЛЕКТРА.

Гдѣ жъ ей быть? Домъ чужой
Безъ руки моей—

ХОРЪ.

Увы!

ЭЛЕКТРА.

Огню предалъ несчастнаго брата; молчалъ
Плачъ упокойной пѣсни!

Перевелъ Ѳ. Зѣлинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ТАИНА ПУСТЫРЯ.

Въ синемъ небѣ мѣсяцъ бродитъ,
Бродитъ мѣсяцъ до зари,
Свѣтъ безжизненный наводитъ
На глухіе пустыри.
Безучастно никнутъ ивы,
Ивы смотрятъ въ темный логъ,
А кругомъ—кусты крапивы
И сѣдой чертополохъ.
Въ полночь кто-то тихо стонетъ,
Стонетъ—плачетъ за селомъ...
Мѣсяцъ ниже шапку клонитъ,
Вспоминая о быломъ...
Къ заревому перепутью,
Къ перепутью ночь спѣшитъ,
А пустырь, хранимый жутью,
Въ тишинѣ, какъ мертвый, спитъ.
Только стонъ неуловимый,
Стонъ печальный, стонъ глухой,
Будто крылья херувима,
Шевелитъ бурьянъ сухой.
Въ этомъ стонѣ одинокомъ
Одинокій чей-то духъ
Тщетно хочетъ о далекомъ
Разсказать кому-то вслухъ.

Алексѣй Липецкій.

БУНТЪ.

Это было въ одинъ изъ голодныхъ годовъ.

Стояла зима съ зябкими морозными днями, долгими безъ мѣры ночами, съ хрусткой поземкой, инеемъ и обычной деревенской скукой, которая отличается отъ всякой другой скуки тѣмъ, что все чего-то будто бы ждешь, а чего именно — неизвѣстно. Про мужиковъ, впрочемъ, всѣ знали, что ждутъ они продовольственной ссуды, «способія».

Особенно крѣпко волновались изъ-за способія крестьяне нашего села, Вѣтры. Народъ, когда-то зажиточный, остался вдругъ безъ куска. Ни со ржаного, ни съ ярового не собрали сѣмянъ. Травы пожгло. Сады поѣлъ червь. Даже листъ лѣсной— и тотъ повертѣло. Только и выгнало въ ростъ лебеду, да дурманъ. На смѣхъ, точно.

Съ ранней осени сходы пошли и по воскресеньямъ, и по буднямъ. Сойдутся въ общественной сборнѣ, спорятъ, галдятъ, приговоры составляютъ, выбираютъ уполномоченныхъ хлопотать по начальству... Начальство молчало.

Около зимней Казанской не выдержали: не подождавъ позволенья, самовольно раздѣлили мірскіе запасы изъ общественной «гамазеи». По душамъ раздѣлили: богатымъ и бѣднымъ. Послѣ того стало еще тревожнѣй. Запасовъ хватило не на долго, а начальство прогнѣвили.

Стали продавать все: сбрую, лѣсъ, постройки, скотину... По рублю за голову шли великолѣпные телята швицкой породы, до того старательно разводимые земствомъ.

Наконецъ, въ одно изъ воскресеній Филиппова поста земскій начальникъ назначилъ сходъ. Обѣщалъ пріѣхать самъ, чтобъ окончательно порѣшить и со способіемъ, и съ «гамазеей».

Двое десятскихъ съ дубовыми подожками въ рукахъ еще до обѣдни пробѣжали по селу изъ конца въ конецъ, повѣщая на сходъ:

— На сходъ, на сходъ, — кричали они,—эй, на сходъ послѣ обѣда.—Всѣмъ домохозяевамъ вручили квитки за номеромъ, съ именемъ-прозвищемъ. Значитъ, сходъ будетъ серьезный: кто не явится—штрафъ! А штрафы—не по такому году.

— Будетъ баталія!—говорилъ ветеринарный врачъ, когда мы вмѣстѣ съ нимъ шли къ сельской управѣ, чтобы послушать и посмотрѣть.

Земскій посулился быть къ вечеру, а управа гудѣла народомъ съ самыхъ полденъ. Изъ открытыхъ форточекъ, изъ распахнутой настежь двери валилъ клубами паръ, крутился и тутъ же замерзалъ, разсыпаясь хрустальнымъ инеемъ, такимъ чистымъ, такимъ нѣжнымъ, будто не люди надышали его. И по уѣзженной, утоптанной площади кругомъ управы толпились кучки спорящихъ, говорящихъ мужиковъ. Держась особнякомъ отъ народа, разгуливали стражники. А вдали, у церковной ограды, съ веселыми криками, какъ и въ урожайные годы, играла въ шары молодежь.

У дверей управы, на склизкихъ обледенѣлыхъ ступенькахъ крыльца стоялъ урядникъ, провѣрялъ квитки: кого пропускалъ, кого—нѣтъ.

Насъ съ ветеринаромъ не пустилъ:

— Постороннихъ лицъ пропускать не приказано!

Мы отошли къ толпѣ мужиковъ.

Идутъ два степенныхъ домохозяина. Оба въ крытыхъ суконныхъ шубахъ, валенкахъ, крымскихъ шапкахъ. Оба съ серебринкой въ толстыхъ бородахъ, оба румяные. Изъ толпы скидаютъ имъ шапки. Они, не торопясь, обѣими руками приподнимаютъ дымчатыя крымки, кланяются низко, почти въ поясъ. Урядникъ передъ ними сторонится, но они и ему кладутъ вмѣстѣ по поясному поклону, какъ въ церкви при архіерейской службѣ попы.

Со стороны слышенъ ихъ разговоръ.

— Даютъ, и списковъ не спрашиваютъ!—говоритъ одинъ убѣжденно.—Прошенье подалъ, развернулъ онъ его... взглянулъ такъ: «выдать!»

— Выдадутъ! какъ можно!..—подтвердилъ другой, тяжело ступая на шаткую ступеньку крыльца.

— Про што это они?—кивнулъ вслѣдъ мужикамъ маленькій замухрястый сапожникъ въ пиджакѣ изъ разноцвѣтныхъ заплатъ, въ бабьихъ лаптишкахъ на тонкихъ чулкахъ.

Никто не отвѣтилъ сапожнику.

— Должно, про способіе! — заключилъ онъ самъ и пояснилъ:

— Имъ, знамо, дадутъ! вонъ сколь земли понакуплено, подъ сто десятинъ... Такому какъ не дашь?

— Чего ты говоришь?—спросилъ высокій сутулый старикъ, только что пришедшій со двора.

Онъ строго уставилъ въ сапожника черные молодые глаза, спрятанные подъ густой щетиной сивыхъ бровей.

— Нащетъ способія, ссуды тоись...—обрадовался сапожникъ собесѣднику.—Михалъ Терентичъ прошелъ, даютъ, гворитъ, и списковъ не спрашиваютъ...

— Не спрашиваютъ?

— Нѣтъ.

Мужикъ ухмыльнулся нежданно добродушной стариковской улыбкой, почесалъ пальцемъ подъ вязанковой шапкой.

— А враки, я полагаю... враки твои.

Сапожникъ обидѣлся.

— Ты что больно? Мнѣ дали вопросъ, и я далъ тему... вотъ и весь разговоръ.

Въ сердцахъ, повернувшись мозглявымъ лицомъ, столкнулся съ ветеринаромъ.

— Позвольте васъ узнать, чьи такіе будете?

Мы не отвѣтили, но сапожникъ не смутился. Ужъ очень крѣпко хотѣлось ему захватить чье-либо вниманье:

— Мм... трензель имъ въ ротъ!.. злыдни!.. коннаго дохтура не пустить? па-а-рядки!

— Не спроста!—подсказалъ кто-то.

— А знамо дѣло не спроста! Въ Рыбинѣ что было намедни, у-у-у!.. Вы, позвольте вамъ спросить, знаете рыбинскаго вертинарнаго дохтура?

— Коли имъ не знать... Ванъ Василича?

— Ну, знаю,—подтвердилъ ветеринаръ, ухмыляясь.

— Такъ вотъ, онъ. Пришелъ на сходъ и давай лудить старшину! давай подтягивать! давай пропекать! Я, говоритъ, васъ сукиныхъ сыновъ, извините за выраженіе, въ острогѣ сгною! Вы людей морить? Какъ вы смѣли народу ссуду ржаную задержать?.. Людей съ голоду пучитъ, скотина не жравши реветъ, а вы?!. Въ секундъ Государственной Думѣ знать дамъ! Старшина туды и суды... я-ста, не я-ста... вы-ы-ыдалъ! на другой день выдалъ! по-о-олностью!.. по двадцать пять пудиковъ на душу!.. мое почтенье!..

Разсказывая, сапожникъ вопилъ на всю площадь неистовымъ голосомъ, топалъ бабьими лапотками о гулкій снѣгъ, чуть не плакалъ. И желанная толпа собралась таки около него, довольнымъ смѣхомъ принимая разсказъ.

— Замѣтьте, ничего подобнаго не было,—шепнулъ ветеринаръ.

— Для чего жъ онъ такъ вретъ?

— Хочетъ, вѣроятно, чтобъ такъ оно было... можетъ быть льститъ.

— А ржицы-те доброй дали?—спросили изъ толпы.

Сапожникъ смутился:

— Оно, положимъ не ржицы дали, а какъ ее?.. вотъ паскуда!.. забываю все...

— Должно, бѣлотурки! — посмѣялись сзади, — пшенички ярой?..

— Кукурузы! — радостно поправился сапожникъ,—кукуруза была...

— Кукуруза, пучитъ пузо!—съострилъ молодой мордастый парень.

Всѣ засмѣялись, а сапожникъ, чтобъ поддержать настроенье, подпрыгнулъ, посемѣнилъ ногами, подулъ въ красныя, какъ у гуся, лапы.

Въ это время изъ-за угла сборни круто вывернулась рослая сытая пара рыжихъ, гусемъ, съ бубенцами, въ наборной сбруѣ, въ широкихъ теплыхъ пошевняхъ. Мужики, какъ овцы на водопоѣ, шарахнулись отъ крыльца, поснимали наскоро шапки. Урядникъ вытянулся. Подъѣхалъ земскій начальникъ. Рослый, полный, довольно еще молодой, одѣтый въ тяжелую золотистую доху и пыжиковую шапку. Онъ съ большой натугой вылѣзъ изъ саней. Два стражника подбѣжали-было, чтобы помочь, но изъ чувства ли страха, или чрезмѣрнаго почтенья, еле коснулись массивныхъ локтей.

— О чемъ толкуете?—спросилъ онъ въ сторону мужиковъ, разминая отерпшую ногу.

Голосъ у земскаго былъ басовитый, низкій, съ рокотомъ.

Изъ толпы выдѣлился сапожникъ. Маленькій, мизерный передъ великаномъ земскимъ, посѣменилъ онъ бабьими лапотками, заговорилъ сладко:

— Объ кукурузѣ, вашескородь, балакаемъ... объ кукурузѣ! Въ Рыбинѣ выдали, сказываютъ, мужикамъ кукурузу. Ха-арошая вещь!..

— Хорошая, говоришь? а? что?

— Такъ точно, вшескородь!.. скусная!

Въ толпѣ мужиковъ зароптали.

— Да кто сказывалъ-то? что ты мелешь зря! вотъ подхалюга!—негодующе крикнулъ старый мужикъ съ молодыми глазами.

— А? что?—окинулъ земскій толпу мужиковъ лѣнивымъ, слегка пьянымъ взглядомъ:—и вы кукурузы хотите?

— Она намъ не пригодна, ваше благородіе,—рѣшительно заявилъ угрюмый рыжій мужикъ, глядя со злобой на улыбавшагося урядника,—свиней у насъ нѣтъ, а лошади ее не ѣдятъ!

— Какъ?.. что? вѣдь люди-жъ ѣдятъ? Онъ говоритъ: вкусно... А?

Сапожникъ почувствовалъ, что зашелъ далеко, и залепеталъ торопливо, точно извиняясь:

— Это двиствительно, вашескородь, ежели люди, ѣдятъ. Своякъ мой изъ Рыбина сказывалъ: кусокъ съѣшь—такъ во рту и деретъ! Прямо такъ вотъ, ровно стопку перцовки выпилъ... не во гнѣвъ вашей милости... и свинья ежели жретъ, не дохнетъ... а лошади—нѣтъ! Испробовали, а она нѣтъ. Два дня мѣсиво стоитъ, воротитъ морду, да и на поди!..

— Зря, совсѣмъ зря!.. почему-бъ ей не ѣсть? что?

Повернувшись назадъ, земскій узналъ ветеринара и меня.

— А—а! вотъ кстати! что? Весьма радъ.

Я пожалъ крупную горячую руку начальника, и это очистило мнѣ дорогу въ управу. Для урядника я пересталъ ужъ быть постороннимъ.

Земскій подхватилъ ветеринара подъ руку, повелъ въ сторону, къ отъѣхавшимъ лошадямъ. Они долго возились около взмыленной пары: щупали бока гусевой, хребетъ кореннику, совѣщались.

Мужики, какъ пчелы въ непогоду, втянулись въ гудящую сборню.

Воздухъ обновлялся здѣсь слабо, несмотря на открытыя фортки и дверь. Было не только душно и тяжело, но прямо жарко, какъ въ дешевой банѣ. Щекотало въ носу, першило въ горлѣ, а въ виски ударяло чѣмъ-то тяжелымъ: ту-ту-ту, ту! ту-ту-ту, ту! И кружилась голова.

Вмѣстѣ съ ввалившейся гурьбой мужиковъ я пробрался къ задней отъ двери стѣнѣ, гдѣ были окна съ открытыми фортками, и легче дышалось, хоть и дуло смертельно въ ноги и въ бокъ.

Какъ все-таки можно думать о чемъ-нибудь въ этомъ аду?

А сборня гудитъ непрерывно, какъ встревоженный рой. И сегодня мужики немало рѣшили общественныхъ дѣлъ въ ожиданіи земскаго.

Гуломъ и крикомъ рѣшаютъ, подобно бойцамъ въ кулачномъ бою.

Вообще, разнотонный гулъ голосовъ для крестьянскаго схода такъ же, видимо, нуженъ, какъ и для пчелъ, для шмелей, для летающихъ стаями галокъ, какъ «дубинушка» для рабочей артели.

Гуломъ и ревомъ выражаютъ мужики свои мнѣнья, подобно морскому прибою: то громко, то тихо, то съ воркотней, а то всплесками. Здѣсь нѣтъ ораторовъ, говорящихъ по два часа безъ перерыва, нѣтъ голосовъ, которые можно подать, нѣтъ мотивировокъ, особыхъ мнѣній... Все это на засѣданіяхъ въ городѣ. Здѣсь—гулъ. Согласны—гудятъ! Несогласны—гудятъ! Похвала, порицанье, нападки—все то же! И кто въ первый разъ попадетъ сюда,—тотъ ни за что не пойметъ хода общественныхъ дѣлъ. Знать надо тонъ и оттѣнки многоликаго гула.

Гуломъ же встрѣтили земскаго, когда показался онъ на порогѣ управы въ золотистой дохѣ, въ пыжиковой шапкѣ, строгій, но добродушный.

— О-о-о-о...ый-ы-ы-ы...—гудѣли, какъ казалось, мужицкія спины.

И раньше въ управѣ было, какъ у пасхальной заутрени, полно, душно, тѣсно. Потомъ народу прибавилось вдвое. И, думалось, не только нельзя будетъ пройти, но даже руку просунуть нельзя межъ сомкнутыхъ плечъ мужиковъ. Но какимъ-то чудомъ для тучной фигуры земскаго очистился широкій проходъ. Качнулись передніе, шарахнулись задніе, и толпа всосала въ себя лишнихъ, мѣшавшихъ проходу.

— Дорогу!.. дайте дорогу!—простонало лишь нѣсколько сжатыхъ грудей.

Земскій пошелъ на передъ, гдѣ на возвышеньи за прочной рѣшеткой высился столъ подъ зеленымъ сукномъ съ позументомъ, и ждало его дубовое кресло,—ручки топориками, спинка дугой.

Сотни широкихъ мужицкихъ спинъ, горбатыхъ, придавленныхъ тягой земли, заколыхались предъ лицомъ человѣка иной породы. Склонились и волосатыя головы: кудрявыя, гладкія, примоченныя квасомъ и маслицемъ, причесанныя и дерзко всклокоченыя, по большей части сивыя отъ нужды и времени. И непрекращающійся гулъ упалъ до низкаго басоваго рокота.

Съ возвышенья, гдѣ стояли староста, старшина и писарь обнесенный заборомъ изъ книгъ и бумагъ, поднялась кверху рука съ конторскими счетами. Быстро, проворно щелкаютъ счеты въ густомъ сизомъ воздухѣ. Костяшки звякаютъ и дрожатъ. Это староста призываетъ къ порядку:

— Старики! стари-ики-и!—льется слѣдомъ за боемъ костяшекъ хриплый вопль старосты.

— Старики-и! господинъ земскій начальни-къ!.. слу-уште!

— Ш-ш!.. чшш!..—зашипѣла повелительно голова схода: каштаны и міроѣды.

Гулъ еще больше умѣрился, сталъ походить на далекіе вздохи уставшей бури въ еловомъ лѣсу.

Земскій начальникъ пыхтя поднялся за рѣшетку. Сняли съ него доху. Сѣлъ въ кресло.

Сходъ смолкъ, какъ только могъ смолкнуть.

Заговорилъ земскій. Голосъ его, низкій и бархатный, съ ласковымъ рокотомъ, какъ мурлыканье звѣря, приковалъ къ себѣ сходъ:

— Ваши продовольственные списки,—прокатилось надъ головами мужиковъ,—я провѣрилъ!.. а?.. что?.. Я нашелъ: нужда преувеличена!.. Ссуду сократилъ! что?

Прокатилась волна протестующаго рокота, глухая и сдержанная.

— Во-первыхъ,—продолжалъ земскій,—что? тихо! тихо!!. прошу меня слушать! Это во-первыхъ...

Рокотъ окрѣпъ, тоны выросли, и въ заднихъ рядахъ уже плескалось что-то свое, отдѣльное отъ общаго настроенія: не то недоумѣніе, не то задоръ. Земскій, точно подчиняясь кому-то дающему тонъ болѣе высокій и звучный, какъ бываетъ передъ концертомъ въ церкви, повысилъ голосъ:

— Это во-первыхъ!

Плотная толпа стала сбиваться плотнѣй, словно попала въ плавильный котелъ. Изъ сотенъ отдѣльныхъ головъ, думающихъ каждая отдѣльную думу, готово было вылиться одно прямоугольное тѣло съ большой обиженной головой. Такъ изъ разныхъ крупицъ мѣди и олова отливается одинъ колоколъ, бьющій тревожный набатъ.

— Это во-первыхъ!—повышался все болѣй и болѣй голосъ земскаго начальника.—Долженъ напомнить: самовольныя дѣйствія строго... что?—Горбатыя спины выровнились, волосатыя головы поднялись кверху.

*

— Вы самоуправно раздѣлили запасы! а? это не можетъ быть оставлено!.. что?

Земскій уловилъ отдѣльные, уже кричащіе, голоса.

— Что такое-е-е? «Сами пахали, сами и сѣяли»? Кто говоритъ?.. Не получите ссуды!

Земскій говорилъ уже высокимъ обрывающимся голосомъ, сильнымъ, властнымъ, какъ гонгъ на охотѣ. Бархатные переливы пропали безслѣдно. Ихъ замѣнила поющая сталь. А гулъ возрасталъ, возрасталъ, силился.

— Не получите ссуды! что-о? ка-акъ?

Обида была брошена, принята, почувствована. Тѣло схода слилось. Родились гдѣ-то тайныя нити, невидимыя, но крѣпкія, какъ желѣзныя цѣпи. Вяжутъ онѣ, путаютъ въ одинъ общій комокъ сотни и тысячи огорченій, обидъ, разбитыхъ надеждъ. И должно быть, земскій, стоявшій лицомъ къ лицу передъ этимъ многоликимъ живымъ существомъ, увидалъ, что оно красно и гнѣвно, такъ какъ и самъ покраснѣлъ, сдѣлался гнѣвенъ.

Точеные счеты опять поднялись изъ угла, на помощь земскому. Пальмовые кружки заплясали по проволокѣ, защелкали съ неровнымъ сухимъ трепетомъ. Рука у старосты дрожала.

И странно: этотъ привычный трескучій бой дерева, такъ часто утишавшій страсти, не только не успокаивалъ ревущаго схода, но самъ метался, подобный сполоху.

А земскій не унимался, говорилъ. Голосъ его, напряженный высокій, не хотѣлъ уступать бушующей бурѣ:

— И въ-третьихъ! что-о?! Нѣтъ ссуды!!!

— Ууу-гуу!!! гооо-ооо!!! ррррр!!!—отвѣчалъ многоликій.

И сплошной, ревущій вздохами, скрежетомъ, онъ взметалъ сѣдыя метлы бородъ, сверкалъ угольками горящихъ глазъ, будто разсыпанный, взорвавшійся въ небѣ фейерверкъ.

— А-а-а! умники-и! крамолу!! бунтъ?!! нѣтъ!!!

Горло земскаго напряглось до крайности. Вмѣсто воркующихъ бархатныхъ словъ, которыми недавно оно клокотало, теперь вылетали звенящіе тугіе осколки, готовые каждую секунду лопнуть, разлетѣться въ мелкія дребезги.

— Я!!! власть!!!

Земскій умолкъ, и что-то щелкнуло, прозвенѣло, оборвалось.

Умолкло и большое живое тѣло схода. Пришла странная, небывалая на сельскомъ сходѣ минута: минута могильной тишины.

Стало такъ жутко, такъ остро и больно отъ этой неждан-

ной, нечаянной тишины, что я, посторонній, еле сдержался: хотѣлось крикнуть неистовымъ голосомъ, взвизгнуть, бѣжать.

Но молчанье было оборвано. Откуда-то, сверху ли, сбоку ли, крикъ рѣзкій и тонкій, заразительный какъ истерика, похожій на стонъ подстрѣленной галки:

— Жрать нечего!

— Аааа! жжра-аать!.. ииииии! ууууу!!! нечего жрать!—завылъ прорвавшійся сходъ.

Будто огромная стая голодныхъ волковъ увидала добычу, ринулась на нее, хочетъ терзать.

Захудалые мужики, стоявшіе въ заднихъ рядахъ около меня и кричавшіе, какъ казалось мнѣ, громче другихъ, свирѣпо подняли вверхъ кулаки, сжатые, корявые, будто вырѣзанные изъ коры стараго морщинистаго дуба. Кинулись впередъ, въ общую толщу. Какая-то сила втянула туда ихъ, и я на секунду остался одинъ на просторѣ. Но въ слѣдующій мигъ и мое плечо наваливалось, и я ушелъ въ гущу, грудь затрепетала, и вмѣстѣ съ другими я ужъ чувствовалъ съ болью, что «нечего жрать». По задраннымъ кверху волосатымъ головамъ, по бѣшено открытымъ ртамъ, выпрямленнымъ плечамъ, поднятымъ кулакамъ, а главное—по той бурѣ, которая закипѣла во мнѣ самомъ, я понялъ, что кроется подъ этимъ простымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страннымъ крикомъ: «нечего жрать». По чувствительнымъ мѣстамъ моей кожи пробѣжалъ острый, колющій токъ, словно включили меня въ сильную гальваническую цѣпь. Милліоны возбуждающихъ искръ пронеслись по спинѣ, по ногамъ, по затылку. Я больше и больше заряжался общей энергіей схода и сталъ чувствовать, понимать, что чѣмъ путаннѣе голоса, чѣмъ громче и диче они, чѣмъ больше похожи на бурлящіе всплески воды, тѣмъ яснѣе ихъ смыслъ. Какъ малая свѣтлая капля воды перестаетъ быть каплей въ рѣкѣ, такъ и я растворился въ этомъ бушующемъ тѣлѣ. Я понялъ вмѣстѣ со всѣми, что «нечего жрать»—значитъ ненавидѣть вонъ того высокаго холенаго человѣка съ громкимъ рокочущимъ голосомъ, съ опрятной бородкой и гордымъ независимымъ видомъ. Ненавидѣть его! ненавидѣть за то, что какъ ястребъ влетѣлъ онъ сюда въ галчью стаю! за то, что дерзко надѣлъ на орлиный носъ золотое пенсне, подстригъ свои золотистые волосы ершиковъ, за пухлыя бѣлыя руки, за цѣпочку на груди, за все... за все!..

А точеные счеты все щелкали, били, пальма по пальмѣ, сухимъ кашляющимъ боемъ, и никто ихъ не слушалъ.

Земскій начальникъ стоялъ все такъ же вызывающе, но

блѣдный, какъ отраженная въ омутѣ луна, и все же спокойный, какъ сама опасность... несознанная...

Сколько прошло времени? Можетъ быть часъ, можетъ быть мгновеніе. Счеты все щелкали, кашляли, били. И земскій, подъ этотъ сухой и трескучій бой, сдѣлалъ попытку усмирить бушующій сходъ. Голосъ его, переполненный дрожью, сказалъ:

— Мо-олчать!

Но въ этомъ рѣшительномъ, повелѣвающемъ словѣ уже не слышалось повелѣнья. Въ немъ чудился вопль, дрожала мольба, сочилось отчаяніе.

Въ открытую дверь просунулись шапки лохматыя, черныя, съ желтымъ крестомъ на тульяхъ.; выглянули тупыя, равнодушныя лица стражниковъ. Винтовки лязгнули прикладами объ полъ, и концы граненыхъ штыковъ гребешкомъ обозначились поверхъ возбужденныхъ мужицкихъ головъ. Сзади въ сѣняхъ метлешилась шинель становаго пристава. Приставъ поднимался на носки, прислушивался къ голосу земскаго, къ реву и стонамъ бурнаго схода, дѣлалъ видъ, что хочетъ, но не можетъ протискаться къ земскому. А тотъ не замѣчалъ своихъ вѣрныхъ союзниковъ, все больше и больше блѣднѣлъ, опускался.

И вотъ, тамъ и сямъ, на поверхности общаго гула стали выскакивать особенно рѣзкіе кричащіе голоса, какъ брызги и пѣна въ клокочущемъ морѣ. И староста, которому наскучили счеты, или, можетъ быть, устала рука, крикнулъ обычнымъ хриплымъ говоромъ:

— Эй! Иванъ!.. Сайковъ! да полно, что ли!?

И земскій инстинктивно, спасаясь, обернулся къ старостѣ:

— Староста! узнать, кто?

— Всѣ-ѣ-ѣ! ээ-ээ!!! пиши всѣ-ѣхъ!

Но староста съ холодной исполнительностью сталъ урезонивать сходъ. Зналъ онъ, или не зналъ, что для усмиренія только того и не хватало, чтобъ называть имена? Иванъ Сайковъ, какъ только назвали его по имени и фамиліи, почувствовалъ себя единицей и, громче другихъ кричавшій, сразу умолкъ.

— Хворостовъ! помолчи-ка и ты!—продолжалъ староста откалывать кусочки большого, плотно сбитаго настроенія.

— Миколай Терентичъ! Петька Силовъ!.. надо и честь знать, пошумѣли, да и будетъ!

Сходъ ревѣлъ еще, но по мѣрѣ того, какъ среди плотнаго стоглаваго тѣла стали обозначаться отдѣльныя лица, настроеніе падало. Въ хаотическихъ крикахъ, которые продолжались съ большей еще злобой и настойчивостью, въ крикахъ тоскливыхъ,

болѣзненныхъ, безпорядочныхъ, похожихъ на повторные рокоты уходящей грозы, капля по каплѣ начала таять накипѣвшая злоба.

Староста не унимался, и чѣмъ тише, мирнѣй становился сходъ, тѣмъ съ большимъ спокойствіемъ называлъ имена, уже безъ увѣщаній, словно синодикъ читалъ.

Было замѣтно, какъ большое единое таяло, распадалось на сотни маленькихъ горестей, на тысячи кровныхъ обидъ. Напрасно все тотъ же острый всхлипывающій голосъ крикнулъ поверхъ разбитаго шума:

— И скотина не жрамши!

Староста назвалъ и его по имени, а писарь записалъ на бумагѣ перомъ.

Приставъ въ этотъ моментъ рѣшилъ проявить свою распорядительность. Громко, словно стараясь перекричать свою робость, крикнулъ на стражниковъ:

— Впередъ! Очистить проходъ!!

Все еще гудящая масса схода втянула въ себя кого надо, и для полиціи очистился ходъ, какъ лѣсная просѣка. Стражники прошли, звякая ружьями, встали впереди, отгородивъ земскаго начальника отъ лица схода. И только теперь испугался земскій, сталъ суетиться, чуть не прятался. Боязнь за себя стали обнаруживать и мужики. Многіе оглядывались, искали глазами открытую дверь. Приставъ становился храбрѣй и храбрѣй. Нагнувшись къ растерянному, не знавшему что предпринять земскому, онъ что-то шепнулъ, потомъ выправилъ грудь, закричалъ съ натугой, рѣзко:

— Бунтовать?! Я васъ, сукиныхъ сыновъ!!! разстрѣляю!

И, погрозивъ трясущимся пальцемъ, скомандовалъ:

— Смирррно!

Мужики смолкли, затаили дыханье, какъ въ церкви передъ проповѣдью.

— Назаренковъ!—продолжалъ орать приставъ черезъ головы приникшихъ мужиковъ,—запереть дверь! никого не пускать!..

Стоявшій въ дверяхъ урядникъ хлопнулъ обмерзшимъ полотнищемъ двери, самъ сталъ па порогѣ. Приставъ взялъ со стола запись именъ, сталъ вопящимъ голосомъ выкликать:

— Иванъ Сайковъ! Василій Хворостовъ! Семенъ Сосновцевъ!

Молча продирались названные мужики сквозь плотную стѣну своихъ и съ упавшими на грудь головами отходили за широкія спины стражниковъ, подъ ограду штыковъ.

Было арестовано человѣкъ двѣнадцать, при полномъ молчаніи земскаго и мужиковъ. Вдругъ неизвѣстно откуда вынырнулъ замухрышка сапожникъ, продрался на самый передъ. Сморщенный весь, бородка въ слезахъ, руки дрожатъ, самъ весь трясется въ порывѣ запоздалаго возбужденія. Гдѣ-то досталъ полкаравая плоскаго хлѣбца, чернаго какъ грязь на дорогѣ, обкусаннаго прямо зубами. Протянулъ земскому:

— На, вашблародь... остальный. Коль ежели ближніе мои съ голоду должны быть ни при чемъ—я съ ними!

Положилъ хлѣбъ на рѣшетку, повернулся къ сходу лицомъ, окрестилъ узкую грудку широкимъ крестомъ:

— На! прими Христа ради!..

Непрошенная кривая улыбка пробѣжала подъ пышными усами земскаго. Улыбнулись и близъ стоявшіе мужики, и староста, и стражники. Только становой разсердился:

— Взять его!

И не дождавшись другихъ, приставъ самъ схватилъ сапожника за грудки, приподнялъ, тряхнулъ и вдругъ оттолкнулъ отъ себя. И оттолкнулъ такъ сильно, что тотъ ударился о толпу, упалъ.

Приставъ сплюнулъ. Кто-то засмѣялся неестественно громко.

Молодой курчавый мужикъ поднялъ сапожника на ноги, повернулъ лицомъ къ сходу и шутя подпихнулъ въ спину:

— Иди-и! Шутъ гороховый!

Пришло длинное молчаніе, неловкое для всѣхъ, даже для станового пристава.

Изъ-за стола приподнялся черный, какъ жукъ, гладко остриженный писарь и ровнымъ читающимъ голосомъ предложилъ:

— Прослушайте, старики, продовольственные списки въ исправленномъ видѣ?

Сходъ молчалъ. Чей-то одинокій робкій голосъ сказалъ:

— Читай.

При лѣнивомъ молчаньи писарь лѣниво сталъ вычитывать имена и пуды.

Земскій начальникъ всталъ; ему подали доху.

Стѣна мужиковъ, уходя въ себя, раздвинулась. Остался пустой широкій проходъ для выхода снова величественной, снова гордой фигуры земскаго. Повернувшись съ порога, онъ сказалъ тихо съ дрожью въ голосѣ:

— Если что... а? можно прошенье подать... я посмотрю тамъ... счастливо оставаться.

— Благодаримъ, — донесся изъ передняго угла нерѣшительный голосъ и стыдливо осѣкся.

При выходѣ изъ управы я снова встрѣтился съ ветеринаромъ. Молча, со взаимнымъ укоромъ посмотрѣли мы другъ другу въ глаза, молча пошли, стыдясь повернуть головы въ сторону цѣлой толпы арестованныхъ мужиковъ, хмуро идущихъ подъ конвоемъ въ холодную. На долго ли? Можетъ быть на три дня, можетъ быть на три мѣсяца, или даже на всѣ три года.

Впереди и сзади насъ шли со схода домой мужики въ одиночку и гурьбами. Молчали, или говорили тихо, въ полголоса; только руками разводили широко. Но вотъ мы поровнялись съ однимъ, который кричалъ на всю улицу, разсказывалъ своимъ спутникамъ:

— И былъ урожай семь лѣтъ подрядъ... Да такой урожай, что диву давши останешься! Ладно, урожай... Полнымъ полно вездѣ, полнешенько... Тутъ бы надобно имъ Господа Бога взблагодарить, они—давай пьянствовать! По кабакамъ, по трактирамъ... море разливанное! Ной ихъ усовѣщевать: «угомонитесь! эй, угомонитесь, люди добрые!.. не гнѣвите лицо Господа Бога! потопъ можетъ произойтить». Куды тебѣ!—смѣются только. Не повѣрили. Нанялъ тоды Ной плотниковъ: «Стройте», гворитъ, «братцы, копчекъ!» Построили плотники копчекъ, честь честью, обсмолили, проконопатили... И полыхнулъ тутъ кормилецъ-дожжичекъ, и полилъ жаланный, и полилъ... Ной—въ копчекъ, они—въ кабачекъ! «Что-де тамъ толковать? Господь дожжичка посылаетъ,—опять урожай!..» Ну и вотъ, погодимши малое время, на горы лѣзть довелось, на деревья гнѣздиться... Тутъ ужъ кои увѣровали, да шалишь... Всѣ потопли, одинъ Ной остался! Такъ-то и мы вотъ...

Мы съ ветеринаромъ обошли разсказчика, прибавили шагу, свернули въ проулокъ... Это былъ мѣстный черносотенецъ, Осипъ Никановъ. Онъ велъ очередную агитацію.

С. Аникинъ.

ВЪ СТЕПИ.

Когда заснутъ мои желанія
И ночь зажжетъ мою звѣзду,
Уставъ отъ скорби и страданія,
Я въ степь безлюдную иду.
Съ собой въ пустыню одиночество
Нераздѣленнымъ я унесъ.
Здѣсь я—пророкъ. Мое пророчество
Сбылось въ дѣйствительности грезъ.
Здѣсь о волненіяхъ обыденныхъ
Душѣ не нужно вспоминать.
Я прелесть сновъ, когда-то видѣнныхъ,
Могу изъ прошлаго призвать.
Цвѣты шиповника таинственно
Алѣютъ въ зелени кустовъ,
И хоръ кузнечиковъ воинственно
Поетъ свой гимнъ во тьмѣ луговъ.
Сухого сѣна благовонія
Струятся въ сонной тишинѣ,
И безконечная гармонія
Царитъ въ природѣ и во мнѣ.
Средь міра, сумракомъ объятаго,
Я счастливъ тѣмъ, что я одинъ,
Что я ушелъ безъ провожатаго
Въ просторъ темнѣющихъ равнинъ.
Нѣтъ одиночества тревожнаго,
Нѣтъ ожиданья полюбить...
Душа желаетъ невозможнаго,
Чтобъ невозможное свершить...

Александръ Рубакинъ.

ОДНА.

Какъ странно и грустно плещутся волны. Онѣ точно сказать хотятъ, что и имъ тоже холодно подъ этимъ унылымъ сѣвернымъ небомъ, что и имъ надоѣло одиноко и безсмысленно разбиваться другъ о дружку, не зная, зачѣмъ и почему? Цѣлый день, не переставая, дуетъ сильный и рѣзкій вѣтеръ. Соленыя, острыя брызги летятъ на мокрую палубу. Въ головѣ тяжелая пустота. Нужно вспомнить что-то—и не удается; надо бы забыть, не думать... и нельзя.

Утромъ—тусклое пробужденіе въ тѣсной и душной каютѣ. Въ наглухо завинченный иллюминаторъ колотится снаружи сѣрая вода. Стучитъ однообразная машина. Гдѣ-то близко, за тоненькой перегородкой, слышны глухіе, разговаривающіе голоса. Кто это говоритъ?.. Лучше снова спать. Но сонъ не идетъ. Мысли тянутся и ползутъ въ усталомъ мозгу безъ конца. И опять забытое, проклятое стоитъ передъ глазами. Оно не хочетъ уйти. А какъ радостно было бы, какъ хорошо! Но отчего же душа не горитъ и не рвется туда, гдѣ за этими уходящими къ низко нависшему небу волнами ждетъ, быть можетъ, счастливая новая жизнь? Зачѣмъ назадъ все оглядываться? Нужно впередъ теперь смотрѣть...

А сумерки на сердцѣ все ближе и темнѣе. Воспоминанія проходятъ одно за другимъ. Какая уродливая, косматая тьма!..

Плещутся волны. Пароходъ куда-то идетъ. Все дальше и глубже отодвигается въ прошлое то, что было такъ недавно еще томительнымъ и безконечнымъ настоящимъ. Но не все ли равно? Отъ него вѣдь нигдѣ не скроешься, никуда не убѣжишь. Оно всюду настигнетъ, вездѣ найдетъ. Лучше забыть и постараться не думать ни о чемъ.

Въ каютъ-компанію надо пойти. Тамъ кто-то, кажется, играетъ на піанино. Разбитое только оно, старенькое. Но что за бѣда? Лишь бы только одной съ самой собой наединѣ не оставаться. А тамъ все равно.

— Fräulein, повидимому, не боится моря?

Ну зачѣмъ это? Развѣ же можно такъ вздрагивать и пугаться? Вѣдь онъ только хочетъ «занимать» разговоромъ. Онъ замѣтилъ, что я одна и скучаю, ну и подсѣлъ. Отвыкла уже я отъ человѣческой рѣчи. Кажется страннымъ...

— О, нѣтъ... Нисколько. Наоборотъ, я море очень люблю.

Но гдѣ я видѣла раньше эти противные рыжіе усы? Этотъ алчный ротъ съ оскаленными желтыми зубами? И лицо какое— багровое, мясистое... Ахъ да... вспомнила!.. Нѣтъ, далеко это все отъ меня, далеко! Я не Маруся больше, я—Fräulein Spiss. Я ѣду обратно въ свой Ганноверъ изъ одного почтеннаго русскаго семейства, гдѣ три года была гувернанткой. Три года. Больше, должно быть. Если считать предварительное, то придется еще 7 мѣсяцевъ накинуть.

— И Fräulein никогда не страдаетъ отъ морской болѣзни?

Господи, вотъ присталъ. Чего ему нужно отъ меня?

— Нѣтъ, никогда. Я уже привыкла.

— Fräulein навѣрно возвращается къ роднымъ? Это должно быть такъ пріятно.

Нѣтъ, положительно я больше не могу. Зачѣмъ онъ смотритъ на меня такими оловянными выпученными глазами? Онъ навѣрно знаетъ прекрасно, что я вовсе не «Fräulein Шписсъ». Его моимъ паспортомъ не обманешь. Но вѣдь я же говорю, какъ настоящая нѣмка. Не даромъ Эмма Карловна прожила у насъ въ домѣ десять лѣтъ. Милая Эмма Карловна... Если бы знала она, на что пригодятся мнѣ ея уроки... Но надо что-нибудь отвѣтить поскорѣе.

— Да... да... Я возвращаюсь къ роднымъ. Вы угадали.

— А Fräulein, по всей вѣроятности...

— Извините, я должна уйти... У меня голова начинаетъ кружиться отъ качки. Я лягу...

— О, помилуйте... Самое необходимое...

— До свиданья.

Опять въ каютѣ. Духота и мракъ. Волны судорожно бьются снаружи о тонкую стѣну. Пароходъ весь дрожитъ. Въ вискахъ стучатъ глухіе, томительные молоточки.

Нѣтъ, это просто должно быть какой-нибудь разговор-

чивый комми-вояжеръ. Для сыщика онъ слишкомъ сытъ и добродушенъ.

Но какое мученье сидѣть здѣсь одной, когда теперь такъ хочется быть на людяхъ. Достаточно ужъ. Будетъ съ меня. Сколько времени я не видала человѣческихъ физіономій. Нѣтъ, не думать... не думать... Лягу спать.

Незамѣтно подкрадывается длинный, тягостный вечеръ. Ослѣпительно ровный свѣтъ электрической лампочки рѣжетъ глаза. Бѣлыя стѣны каюты и потолокъ блестятъ, точно свѣже вымытые. Въ углу шевелятся тѣни. Волны совсѣмъ перестали плескаться. Тишина.

Скучно и пусто. На палубу развѣ пойти? Тамъ навѣрно никого сейчасъ нѣтъ. Ну, конечно. Всѣ въ каютъ-компаніи. Какъ хохочутъ они. Имъ весело...

Ich bin der Preusse—ich bin der Preusse
Und bin ich stolz damit—bin ich stolz.

— Ну и голосъ. Это мой комми-вояжеръ должно быть старается...

Счастливый, онъ можетъ гордиться тѣмъ, что онъ нѣмецъ, что у него рыжіе усы. Er ist der Preusse... А я... я то вѣдь тоже Fräulein Шписсъ сейчасъ. «Компатріотка». Мнѣ тоже нужно... а, нѣтъ. Глупо это. Господи, скорѣй бы до берега добраться. Впрочемъ развѣ знаю я, что меня тамъ ждетъ? Хотя всѣ наши теперь... Нѣтъ, не всѣ.

И снова слетаются изъ мрака ушедшаго прошлаго тоскливыя, близкія тѣни. Онѣ кружатся въ кровавомъ и безумномъ хороводѣ одна за другой. Онѣ вспыхиваютъ яркими искрами въ всколыхнувшемся воспоминаньи. И снова маленькая, одиноко прижавшаяся къ темному борту огромнаго парохода женская фигурка невольно шепчетъ про себя:

— Володя на каторгѣ... Леночка тоже... Марницкій погибъ, защищаясь. Одна я осталась. А прочіе... Развѣ Грицько? Гдѣ-то онъ теперь? Говорили, что ему удалось благополучно скрыться... Но кто знаетъ?

Темная ночь закрываетъ море и небо мглистымъ, сумрачнымъ туманомъ. Все сливается въ безконечность. Все тайно и тягостно молчитъ. Только волны тихо всплескиваютъ и стучитъ гдѣ-то внизу невидимая, но близкая въ темнотѣ машина.

Холодно. Вѣтеръ снова подымается. Пора идти. А въ каютѣ, какъ въ камерѣ, ни повернуться, ни встать, и тѣ же неотвязныя мысли все по прежнему мучаютъ и не даютъ забыться.

Быстро, безумно быстро промчались первые дни. Какое чудное опьяненіе свободой, солнцемъ, движущейся людской толпой, блескомъ электрическихъ фонарей среди черной ночи и особенно этимъ радостнымъ сознаніемъ, что все прежнее исчезло безвозвратно и навсегда. Теперь можно уже ходить, куда захочешь, встать, когда вздумается, вечеромъ отправиться въ театръ, днемъ бродить безцѣльно и точно нехотя по шумнымъ и солнечнымъ улицамъ чужого, незнакомаго города и жить. Главное—жить. Какъ долго и тягостно совсѣмъ не было жизни! Все только хмурыя стѣны были вокругъ да тоскливая вечерняя мгла. Одинокіе, крадущіеся шаги по безконечному безмолвному корридору... Но все прошло теперь. Точно во снѣ вспоминаются одни лишь разбросанные блѣдные обрывки. Ничего больше нѣтъ...

Мчись же смѣло впередъ, моя новая жизнь!.. Не буду назадъ оглядываться. Да и надоѣло уже. Одно и то же каждый разъ. Точно по заказу.

— Ахъ, Боже мой, неужели это вы? Прямо не вѣрится... Мы вѣдь васъ совсѣмъ уже похоронили и вдругъ...

— Да, «вдругъ»... Взяла вотъ и явилась къ вамъ, какъ снѣгъ на голову. Точно выходецъ съ того свѣта. Могла бы и не придти. Оттуда немногіе возвращаются.

— Но какъ же? Какъ это? Просто голова идетъ кругомъ. Во всѣхъ газетахъ было о вашемъ побѣгѣ. Мы читали... Но прямо невѣроятно.

— Ничего невѣроятнаго. Просто, какъ Божій день. Надоѣло сидѣть, вотъ и побѣжала.

— Что же вы теперь намѣрены дѣлать?

— Не знаю. Пока что—отдыхать.

— Ну, конечно... конечно...

Но къ чему всегда этотъ вопросительно испытующій взглядъ? Зачѣмъ меня разсматриваютъ, точно не живую? Чего всѣ ждутъ отъ меня? И этотъ всюду упорно и неотступно преслѣдующій шопотъ:

— Смотри, смотри... вонъ, видишь, эта маленькая въ очкахъ... ты знаешь, это та самая, которая...

— Да неужто? Эта?

Да, «эта», именно та самая, «которая». Но что же тутъ такого удивительнаго, чтобы оборачиваться и смотрѣть? Вы всѣ вѣдь, въ мысляхъ по крайней мѣрѣ, хотѣли или должны были хотѣть сдѣлать то же самое? Вы же братья мои по духу—мы вмѣстѣ, рука объ руку идемъ. Зачѣмъ же это непонятное, чуждое любопытство? Къ чему отдѣлять меня отъ «васъ»? Вотъ, молъ, «она»?...

И даже «тамъ», тѣ люди, передъ которыми раньше такъ трепетно билось сердце, каждое слово которыхъ заставляло глубже чувствовать, больнѣе и радостнѣе страдать... Даже они... Не забуду никогда нашей первой, такой неожиданной и такой тягостной встрѣчи.

— Маруся... Вы?...

И онъ, бѣлый какъ лунь старикъ, который самъ брявцалъ когда-то каторжными цѣпями, самъ угасалъ когда-то въ сибирскихъ снѣгахъ, медленно наклоняется и цѣлуетъ руку... Чувствую, какъ горячая старческая слеза тепло и бережно катится по моей ладони.

Нѣтъ, это же Богъ знаетъ что! Я же вѣдь не чудо какое-нибудь. Я—ничто! Я только пошла и сдѣлала то, что лежало у всѣхъ тѣмъ же камнемъ на сердцѣ, о чемъ всѣ тайно думали, къ чему призывали явно. Зачѣмъ же эта перегородка теперь, которая отдѣлила меня отъ остальныхъ?

Но какъ странно—всѣ они спрашиваютъ такъ участливо, такъ задушевно, всѣ они милые, славные, такимъ искреннимъ тепломъ вѣетъ отъ нихъ, а на душѣ почему-то чудится прежняя холодная тревога? Чего же нужно мнѣ еще? Я свободна теперь, меня любятъ мои близкіе по духу, меня уважаютъ, обо мнѣ говорятъ, но чего-то все еще нѣтъ, чего-то хочется еще, съ мучительной и непонятной болью. Чего только? Не знаю. Устала я. А какъ пусто, какъ холодно жить. Работать надобно больше, читать, заниматься. Должно быть нервы все-то еще въ порядокъ не пришли. Буду бороться!..

Шуршатъ и крутятся по черной землѣ осенніе мертвые листья. Блѣдно-синее небо съ равнодушной ясностью смотритъ сверху на пустынное молчанье однообразныхъ и грустныхъ аллей. Огромныя деревья темнѣютъ обнаженными сучьями. Кое-гдѣ трепещетъ еще оставшаяся темно-красная листва. Среди тишины вздыхаетъ и жалуется чуть слышный задумчивый вѣтеръ.

Одинокая маленькая фигурка устало двигается впередъ.

Пожалуй, домой пора возвращаться. Но вѣдь и дома меня никто не ждетъ? А все же дома какъ-то лучше. Уюту больше. Можно работать по крайней мѣрѣ, читать... Чужія мысли такъ славно замѣняютъ свои собственныя, ни къ чему не ведущія размышленія. И потомъ въ моей комнаткѣ подъ крышей не кажешься себѣ такой маленькой и одинокой, какъ здѣсь.

И на улицахъ то же. Всѣ какіе-то торопливые, чужіе.

Всѣ бѣгутъ по своимъ дѣламъ, не обращая вниманія, хоть тутъ же упади передъ ними на тротуарѣ и умри. Одинъ за другимъ перешагнутъ, покамѣстъ ближайшій городовой не обратитъ вниманія на «безпорядокъ». Почему же я всегда думала о нихъ? Вѣдь для нихъ же я тогда... Впрочемъ, нѣтъ. Холодно какъ. Вотъ ужъ и осень настоящая наступила!..

Медленно поворачиваюсь и иду. Въ прозрачномъ и синемъ воздухѣ дрожитъ таинственное золото умирающаго среди сумерекъ заката. Кровавые отблески горятъ на сѣрыхъ крышахъ однообразно вытянувшихся домовъ. Какъ небо вдругъ стало далекимъ и опустѣло! Наверху холодная бездонная мгла. Кое-гдѣ только вспыхиваютъ одна за одной робко мерцающія блѣдныя звѣзды. Но ихъ такъ мало еще. Можно пересчитать...

А теперь вотъ не хочется возвращаться въ свой темный и одинокій уголъ! Подумать только: лѣзть на седьмой этажъ по безконечной лѣстницѣ, брести по темному корридору въ самый дальній уголъ и, наконецъ, войти...

А въ комнатѣ душный и тусклый полумракъ. Тоскливо бѣлѣютъ при отраженномъ свѣтѣ уличныхъ фонарей надвинувшіяся со всѣхъ сторонъ безмолвныя стѣны. Потолокъ нависъ низко и тяжело.

Чудится, никогда больше не будетъ жизни. Все умерло. Вездѣ тишина. Развѣ только откуда-то снизу, съ далекой улицы, случайно донесется звонокъ пробѣгающаго мимо трамвая. И опять попрежнему все тихо и темно.

Но что это? Боже мой. Письмо... Мнѣ? Какъ странно. Откуда? Жаль, что лѣстница такъ плохо освѣщена—придется до своей комнаты дожидаться. Четвертый... пятый... Слава Богу. Насилу дошла. Какъ ноги дрожатъ!.. Устала я... Гдѣ же спички? Вотъ онѣ, подъ рукой... Странно. Городское письмо и такой знакомый почеркъ. Кто бы это могъ быть? Неужели? Грицько? Боже мой. Вотъ не ожидала никогда. Но какой же онъ, ей Богу... Что пишетъ:

«Боюсь, что вамъ и такъ надоѣдаютъ своими визитами всѣ жаждущіе васъ видѣть. Вы вѣдь знаменитость у насъ теперь. Всякому лестно. Давно, поэтому, собираюсь навѣстить, да все откладывалъ. Дай, думаю, публика маленько отхлынетъ. Тогда приду. Хочется повидать въ васъ прежнюю милую и славную товарища Марусю, съ которой связано столько хорошихъ воспоминаній.

«А сидѣть скромненько въ углу да помалкивать, когда у васъ куча чужого народу толпится—не охота было. Столько накопи-

лось, о чемъ переговорить, а при чужихъ я разговаривать не мастеръ. Такъ обрадовался, когда узналъ».

Нѣтъ, но вѣдь это же Богъ знаетъ что. Они воображаютъ себѣ, будто у меня отъ посѣтителей отбою нѣтъ и поэтому воздерживаются «безпокоить». А я, точно сычъ, все одна да одна. По недѣлямъ человѣческаго лица не вижу. Но какъ же я рада опять съ нимъ повидаться. Сколько вѣдь лѣтъ прошло .. Да ужъ пожалуй, что и очень много. Пишетъ, завтра въ 7 часовъ «будетъ имѣть честь». Все такой же остался: не можетъ не побалагурить! Милый Грицько! Точно тепломъ мнѣ въ душу пахнуло. Не усну навѣрное сегодня. Всю ночь думать буду. Всколыхнулось прежнее, не скоро сладить съ нимъ...

И маленькая фигурка, зябко кутаясь въ большой пуховый платокъ, начинаетъ ходить изъ угла въ уголъ размѣренными ровными шагами. За послѣдніе годы привыкла такъ ходить.

Да и комната все кажется ей камерой по старой привычкѣ.

Но сейчасъ у нея свѣтло и уютно на душѣ. Она вспоминаетъ свои далекіе студенческіе годы.

Вотъ проносится передъ ея глазами блестящій балъ «въ пользу недостаточныхъ товарищей», какъ объявлено въ афишахъ. Безчисленная праздничная толпа тѣсно и весело движется по огромнымъ заламъ. Гремитъ оркестръ, мелькаютъ танцующія пары; но ей не до того. Пусть себѣ другіе веселятся. Точно маленькая черная мышь, скользитъ она между плотными рядами смотрящихъ на танцы людей. Близорукіе глаза остро и напряженно всматриваются въ выраженія всѣхъ этихъ чужихъ и далекихъ физіономій.

— «Вотъ тотъ»—рѣшаетъ мысленно она, и черезъ минуту передъ толстымъ и благодушнымъ брюхомъ какого-то инженера появляется ея неожиданный и нѣжный силуэтъ.

— На помощь политическимъ заключеннымъ, на нелегальный красный крестъ.

Въ маленькомъ бархатномъ мѣшечкѣ бряцаютъ раньше собранные полтинники и серебрянные рубли; настойчивый голосъ съ увѣренностью звенитъ:

— На помощь политическимъ...

Толстыя щеки инженера внезапно багровѣютъ. Онъ усиленно и тяжело сопитъ, наконецъ, украдкой оглянувшись, суетъ ей въ ладонь первую попавшуюся монету.

— Спасибо, товарищъ!

И она исчезаетъ въ толпѣ съ тѣмъ же дѣловымъ и озабоченнымъ видомъ. Инженеръ, оставшись одинъ, съ облегченіемъ вытираетъ обильно струящіяся по физіономіи капли пота.

«Уфъ, чортъ. Накрыли таки. Кажется, никто меня не замѣтилъ?» И съ повеселѣвшими глазами онъ направляется бодрой поступью въ буфетъ праздновать благополучное окончаніе «посильной жертвы».

А маленькая фигурка неустанно скользитъ и скользитъ. Она ловко прячется отъ наблюдающихъ за ея маневрами нѣсколькихъ безукоризненно одѣтыхъ господъ съ прекрасными манишками, но съ бѣгающимъ и тяжелымъ взглядомъ. Ея осторожный и настойчивый голосъ звенитъ то на одномъ концѣ зала, то на другомъ.

— На нелегальный красный крестъ. На помощь политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ.

И покамѣстъ кругомъ идетъ беззаботное веселье, праздникъ молодости и радостныхъ надеждъ, она, тоже молодая, какъ и всѣ, но уже отмѣченная навсегда, въ своемъ вѣчномъ черномъ платьѣ, печатью неизживаемой печали, хлопочетъ, старается и бѣгаетъ «для другихъ»...

Зато по окончаніи вечера съ какимъ торжествомъ она приноситъ куда слѣдуетъ свою собранную за это время добычу.

— Цѣлыхъ 85 рублей. Шутка ли? На улицѣ такихъ денегъ не подберешь.

И ея утомленное блѣдное лицо свѣтится счастьемъ.

Удѣляетъ моментъ она и «для души». Это бываетъ въ антрактахъ между танцами, когда публика вся толпится въ фойэ или въ буфетѣ. Тогда она уходитъ со своимъ мѣшечкомъ въ «артистическую», гдѣ все биткомъ набито нетанцующимъ народомъ, гдѣ произносятся рѣчи и поются нелегальныя пѣсни.

Тамъ уже нераздѣльно и общепризнанно властвуетъ Грицько.

Онъ стоитъ высоко надъ толпой, не то просто на столѣ, не то на какомъ-то подобіи эстрады, и горячая, смѣлая рѣчь его льется размашистымъ, полнымъ опьяняющей дерзости потокомъ.

Красивые каріе глаза мечутъ искры. Малороссійская вышитая рубашка такъ эффектно выдѣляется при матовомъ свѣтѣ электрическихъ лампъ. Черные волосы растрепаны непокорно и буйно.

— Я кончилъ, товарищи!

Громъ апплодисментовъ и общій восторженный крикъ.

— Не все еще. Стойте... Басы, сюда. Дубинушку... Тише!..

И опять его могучій и пламенный баритонъ разносится среди затихающаго шума.

Много пѣсенъ слыхалъ я въ родной сторонѣ.
Не про радость—про горе въ нихъ пѣли,
Но изъ пѣсенъ одна въ память врѣзалась мнѣ—
Это пѣсня рабочей артели...

Нѣтъ, хорошо было тогда въ то время!.. Такъ неудержимо искренно, такъ бурно!.. Милый, славный Грицько. Сколько народу увлекъ онъ за собою своимъ чуднымъ голосомъ, своими рѣчами. И самъ всегда вѣдь и всюду былъ впереди. Такъ и думала про него, что непремѣнно онъ въ первую же голову пропадетъ. А однако же удалось... Везетъ ему. Во всемъ везетъ. Интересно, сильно ли онъ съ тѣхъ поръ перемѣнился? Какой это онъ тогда былъ?.. Да, вспомнила: всегда въ вышитой малороссійской сорочкѣ, смушковой шапкѣ на бекрень. Его и въ партіи все «гетманомъ» звали. Глаза каріе, смѣющіеся. Посмотришь на него и улыбнешься. Кто это мнѣ про него говорилъ: когда, съ Грицько встрѣчаешься, невольно хочется самому въ присядку пуститься. Гопъ, куме, не журысь. Не помню ужъ, кто! Ну, да это не важно. Главное—что я его завтра увижу опять. Боже мой, сколько же воды съ тѣхъ поръ утекло, подумать страшно. Заставлю его украинскія пѣсни пѣть. То-то сосѣди мои будутъ удивлены: жила, молъ, тутъ рядомъ съ нами какая-то глухонѣмая барышня, смирно, благородно. Тишина у нея была, какъ въ могилѣ, и вдругъ—пожалуйте. Хорошо!..

Тушу лампу и ложусь. Хочется немного помечтать въ потьмахъ. Потомъ снова зажгу ее и стану читать и работать. А сейчасъ этотъ свѣтъ только мѣшаетъ. Но о чемъ же я буду думать? Сама не знаю, да и не хочу знать. Одно только ясно, одно лишь сознаніе наполняетъ меня радостной тревогой.

— Завтра, въ 7 вечера онъ ко мнѣ придетъ! Съ завтрашняго дня въ моей комнатѣ уже не будетъ больше такъ непривѣтливо и одиноко.

— Какъ, и вы тоже здѣсь?

— Странный вопросъ. А почему бы мнѣ здѣсь и не быть? Вы же тутъ ходите.

— Нѣтъ... Я это просто такъ... Конечно... Я вообще... Я думала, что васъ эти вещи не интересуютъ.

— Какія именно «эти вещи»?

— Ну вотъ тряпки тамъ всякія женскія... наряды... Я думала, что вы...

— И вы не ошиблись. Я ничего здѣсь не покупаю, а такъ себѣ, чтобы только посмотрѣть.

— Я поэтому и спросила.

— Ну, конечно.

Еще обмѣнъ ничего не значущихъ банальныхъ фразъ. Двѣ-три бѣглыя, ничего не выражающія, «товарищескія» улыбки, и обѣ разошлись. Каждая въ свою сторону. Одна—изящная, элегантная, съ неуловимо увѣренными движеніями женщины, которая привыкла нравиться и любить сейчасъ сама, другая—маленькая, невзрачная, точно высохшій нѣжный цвѣтокъ, забытый въ ученой и пасмурной книгѣ. И обѣ думали каждая о другой:

«Однако. «Святая» и все прочее,—а къ бантикамъ да рукавчикамъ тоже льнетъ. Сказалось все-таки женское естество. А между прочимъ съ виду такой сухарь—и не подумаешь».

А та медленно плелась между назойливыхъ пристающихъ приказчиковъ огромнаго моднаго магазина, и въ головѣ у нея вертѣлось мучительно и неотступно:

«Зачѣмъ я ей сейчасъ солгала? Вѣдь это же неправда, что я только и думаю, что о какихъ-то отвлеченныхъ идеяхъ. И я тоже вѣдь хочу жить, какъ всѣ. И у меня могутъ быть свои вкусы, радости и стремленія. Нѣтъ... странно какъ. Языкъ не повернулся признаться. А еслибы она вдругъ увидѣла, какъ я купила этотъ японскій пеньюаръ?..»

И невольная краска стыда заливаетъ ея прозрачныя, блѣдныя щеки.

Ей самой досадно на себя, что она стыдится,—и въ то же время она рада, что та, другая, не застала ее «на мѣстѣ преступленія».

«Глупо это—думаетъ она, выходя на залитую солнцемъ шумную улицу.—А все же хорошо, что я догадалась попросить прислать на домъ. Ужасно было бы непріятно, еслибы она меня замѣтила съ пакетомъ».

Маленькая фигурка торопливо шагаетъ среди чуждой равнодушно бѣгущей мимо нея толпы. Сегодня у нея свой собственный праздничный день. Она пришла сегодня утромъ къ рѣшенію, что и ей пора уже начать жить. Пора и ей попробовать добиться для себя самой того невѣдомаго, все ускользающаго въ другія руки счастья. И она чувствуетъ, какъ въ груди у нея

что-то и ширится, и растетъ. Новая, яркая и смутная волна подступаетъ къ горлу, тѣснитъ дыханіе. Хочется громко крикнуть, смѣло и радостно запѣть. Но ей стыдно невольно, и страшно, и какъ будто чего-то мучительно жаль...

Она идетъ, все ускоряя шаги. Но вдругъ она останавливается. На углу улицы, морщинистая и дряхлая старуха продаетъ свѣжіе цвѣты. Она покупаетъ сразу цѣлую охапку. Внезапно славно и весело становится на душѣ. Точно съ этимъ неуловимо тающимъ въ осеннемъ воздухѣ ароматомъ вернулась обратно далекая и свѣтлая весна.

И странно, и смутно кажется ей все вокругъ. Чуть грѣющее желтое солнце сіяетъ мертвой улыбкой на громадахъ холодныхъ и пасмурно сѣрыхъ домовъ. Но жизнь отсюда еще не ушла. Она смѣется и радуется самой себѣ въ случайно подмѣченномъ бѣгломъ взглядѣ какого-нибудь солдата, украдкой покосившагося въ зеркальное окно на свой собственный воинственный видъ, въ мимолетной улыбкѣ красивой горничной, торопливо бѣгущей въ лавочку съ непокрытой головой, въ звонѣ трамваевъ, въ стукѣ колесъ по мостовой, и въ этомъ общемъ опьяняюще разлитомъ въ воздухѣ желаніи быть нужнымъ и необходимымъ кому-то, кого-то тоскливо и съ нетерпѣніемъ ждать.

Неясныя мысли скользятъ и снова исчезаютъ. На душѣ становится то весело безъ причины, то неожиданно сумрачно и темно.

«Зачѣмъ сказалъ онъ мнѣ, что я будто бы похорошѣла? Онъ, должно быть, всѣмъ это говоритъ. Вообще онъ страшно за это время перемѣнился. Когда въ первый разъ пришелъ— насилу узнала. Какой-то элегантный, чужой господинъ,—точно не онъ, прежній Грицько кудлатый!.. И манеры тоже совсѣмъ другія стали. Особенно какъ-то смотритъ, по новому странно говоритъ. Только никогда я раньше не думала, что и я тоже смогу на него какъ-нибудь иначе смотрѣть!.. Грицько. Прежній?.. Какъ странно: я шучу съ нимъ, смѣюсь, какъ тогда,—а душа у меня къ нему уже другая стала. Развѣ замѣчала я когда-нибудь раньше, что онъ красивъ? Какія у него изящныя, нѣжныя руки?.. Нѣтъ, не до того было совсѣмъ. Теперь только я все это чувствую и сознаю. Я тоже другая стала теперь. Но онъ?.. А въ прошлый разъ онъ такъ мнѣ и не сознался, было ли у него тутъ какое-нибудь увлеченье. Все отшучивается только. Можетъ не хочетъ сказать? Нѣтъ, не думаю; иначе зачѣмъ бы онъ мнѣ говорилъ въ тотъ вечеръ, что изъ всѣхъ знакомыхъ женщинъ онъ охотнѣе бываетъ откровеннымъ лишь со мной?»

И она съ повеселѣвшимъ лицомъ входитъ въ свой подъѣздъ, темнѣющій на фонѣ огромнаго сѣраго дома. Это съ виду только входъ къ ней такой шикарный. Дальше приходится идти по черной лѣстницѣ. Не даромъ Грицько въ первый свой визитъ смѣялся надъ ней:—Я, говоритъ, сперва было чуть въ обморокъ не упалъ. Неужто, думаю, Маруся теперь въ эдакихъ палатахъ живетъ? Только на черной лѣстницѣ пришелъ въ себя: слава Богу, по крайней мѣрѣ хоть здѣсь знакомая обстановка.

— А это что? Изъ магазина, говорите? Уже? Спасибо, это для меня. Благодарю васъ. Спасибо!...

Порывисто прижимая къ груди воздушную бѣлую картонку, она взбѣгаетъ къ себѣ на верхъ. Торопливый и стремительный поворотъ ключа. Унылая тѣсная комната. Но теперь ей все это безразлично!..

Съ нетерпѣніемъ распутываетъ она тесемки пакета, обрываетъ некстати затянувшіеся узлы и, наконецъ, волнуясь и стыдясь своего волненья, достаетъ оттуда свою сегодняшнюю покупку: красивый, весь расшитый фантастическими цвѣтами и птицами японскій пеньюаръ.

«Глупо какъ. А вѣдь, ей-Богу, въ первый разъ... Въ послѣдній тоже быть можетъ... Ну да послѣ, потомъ объ этомъ. Не стоитъ думать, нужно жить»...

Неумѣло и медленно начинаетъ она переодѣваться въ эти чуждо красивыя, такъ необычно облегающія ея худенькое тѣло яркія ткани.

«Непривычно, какъ будто. Слишкомъ открыто, или нѣтъ? Должно быть просто такъ только кажется съ непривычки. Никогда вѣдь я еще... А почему другія только, а не я? Нѣтъ, не думать объ этомъ... не надо думать. Нужно лучше разставить цвѣты. Вотъ здѣсь надо будетъ, тамъ... Какая глупая!.. Я и забыла на себя въ зеркало посмотрѣться! Можетъ не идетъ еще? Нѣтъ, ничего. На японку только стала какъ будто похожа; удивительно, какъ отъ костюма мѣняется лицо. Это черное платье меня вдвое блѣднѣе дѣлало. И землистая я такая была. А сейчасъ ничего. Точно изъ Гейши... Право... Какъ это тамъ она поетъ?

— Ахъ, Гейша, пой, играй, пляши,
Скрывай тоску своей души...»

Неувѣренно срывающійся слабый голосъ внезапно умолкаетъ. Она слышитъ себя среди этой насмѣшливо обступившей ее тягостной тишины, и ей почему-то становится неловко.

«Рано, пташечка, запѣла—какъ бы кошечка не съѣла»— пытается мысленно посмѣяться она надъ собой; но подкравшаяся тоска холодной рукой сжимаетъ ея развеселившееся было сердце. Что-то темное встаетъ, и прежняя радость исчезаетъ.

Пора лампу зажечь. Можетъ скоро придетъ... И чайникъ надо поставить на машинку.

Она окидываетъ себя въ зеркалѣ послѣднимъ, непривычно внимательнымъ взглядомъ. Право, въ лицѣ у нея есть что можетъ нравиться и даже производить впечатлѣніе. И блѣдность обычная куда-то пропала, и глаза такъ странно и призрачно сверкаютъ въ полумракѣ.

«Нужно абажуръ только еще ниже опустить. Вотъ такъ. Тогда не видны будутъ за тѣнью эти впалыя, все еще «тюремныя» щеки. Усталость эта... И потомъ...

«Но довольно заниматься разглядываніемъ. Будетъ. Разставлю сейчасъ цвѣты и сяду читать. Будто бы и не ожидала его совсѣмъ.

«Можетъ еще успѣю перемѣнить прическу? Или не стоитъ, пожалуй?.. Лучше такъ... А можетъ до его прихода?.. Господи! время-то какъ идетъ. Хорошо, что на часы догадалась взглянуть. Уже пять минутъ, какъ онъ долженъ былъ придти. Скорѣе, скорѣе... чайникъ на машинку!..»

— Что вы такъ странно смотрите? Не ждали?

— Во-первыхъ, здравствуйте. Когда пай-мальчики приходятъ въ гости, они прежде всего здороваются, а послѣ уже задаютъ вопросы. А во-вторыхъ, я васъ сегодня дѣйствительно не ждала.

— Но вѣдь я же, кажется, предупредилъ. . Ахъ, впрочемъ, виноватъ. Здравствуйте. Хочу быть пай-мальчикомъ по вашему рецепту.

Его мускулистая, твердая ладонь сжимаетъ ея хрупкую нѣжную руку. Она точно случайно задерживаетъ ее, не отнимая. Ей такъ пріятно это сильное и въ то же время такое неуловимо легкое прикосновеніе. На секунду ихъ взгляды встрѣчаются. Они невольно и быстро опускаютъ глаза.

— Что съ вами сегодня, Маруся? Вы больны?

— Почему вы такъ думаете?

Въ ея голосѣ звучитъ плохо скрываемая раздраженная нотка. Какъ глупо и нелѣпо завязывается первый же разговоръ.

— У васъ лицо все въ красныхъ пятнахъ и глаза такіе блестящіе.

— Успѣли разглядѣть? А между тѣмъ освѣщеньемъ-то кажется, я не могу похвастать.

— Ничего. Я на аршинъ сквозь землю вижу. У меня, зрѣніе—точно буравъ. Въ степи родился.

— Мы здѣсь съ вами не въ степи. Нечего меня разглядывать, а садитесь лучше и пейте чай.

— Постойте, Маруся. Да вы никакъ иначе одѣты? Ну, понятное дѣло! Вотъ почему мнѣ и показалось, что и вы какъ будто въ чемъ-то перемѣнились.

— Въ какую сторону?

— Странный вопросъ. Вы хотите, чтобы я вамъ началъ говорить сейчасъ комплименты?

— Да... хочу. И очень даже.

— Гм... боюсь, какъ бы въ данномъ случаѣ краснорѣчіе мое мнѣ не измѣнило.

— Отчего же такъ? Или я по вашему мнѣнію недостойна?

— Нѣтъ... не то совсѣмъ. А просто у меня какъ-то языкъ не поворачивается вамъ ихъ говорить.

— Вотъ какъ? А всѣмъ другимъ женщинамъ можно?

— Такъ то вѣдь другія, не вы...

— А чѣмъ я хуже ихъ?

— Вы ихъ лучше, Маруся.

— Мерси. Вы начинаете дѣлаться любезнымъ. За это получите чашку чая изъ моихъ рукъ. Вамъ какого цвѣта?

— Сѣраго. Я другого не пью.

— Безъ глупостей, пожалуйста. Да ну же?

— Мнѣ все равно. А знаете, эта штука японская вамъ очень къ лицу. Совсѣмъ, совсѣмъ другое выраженіе.

— Именно? Нельзя ли быть болѣе точнымъ?

— Затрудняюсь опредѣлить. Но вы сейчасъ какая-то непохожая на прежнюю Марусю. Что-то новое появилось у васъ. А что именно—не могу никакъ вспомнить.

— То есть какъ это такъ?

— Да мнѣ кажется, что гдѣ-то я уже видѣлъ такое же, какъ у васъ сейчасъ выраженіе. Во снѣ, должно быть. Но вы сейчасъ ужасно похожи, не знаю только на кого.

— Вотъ такъ запутался человѣкъ! Что-то весьма мудреное—сразу и не разберешь. Похожи, не похожи... Ха... Ха... Ха!..

— Зачѣмъ вы смѣетесь такъ, Маруся? Вѣдь вамъ сейчасъ нисколько не смѣшно.

— А вы откуда знаете, что не смѣшно?

— Я чувствую это. Вы смѣетесь, а мысли ваши гдѣ-то далеко.

— Скажите, какой глубокій сердцевѣдецъ! И къ тому же вы, кажется, еще извѣстный сердцеѣдъ?

— Что съ вами, Маруся? Ей-Богу, вы какая-то странная сегодня.

— Да что вы пристаете ко мнѣ: странная, да что съ вами. Ничего со мной нѣтъ. И оставьте меня, пожалуйста, въ покоѣ!..

— Ну ей-Богу же, Маруся... что вы? Ну не сердитесь же, Я вѣдь такъ только. Ну, хотите, я замолчу? Хотите?..

Она тоскливо поворачивается къ нему. Душа ея пустѣетъ съ мучительной, невыносимой болью. Какіе у него славные каріе глаза. Съ какимъ ласковымъ дружескимъ участіемъ смотрятъ они на нее и какъ ей хочется, чтобы они вспыхнули сейчасъ инымъ, внезапнымъ и искрящимся взглядомъ. Но нѣтъ! Должно быть этого не будетъ никогда.

— О чемъ вы думаете сейчасъ? У васъ такое грустное лицо, Маруся.

Она дѣлаетъ надъ собой усиліе и коротко и рѣзко отвѣчаетъ:

— Ни о чемъ. О прошлогоднемъ снѣгѣ вспомнила!..

И снова ненужное и тягостное молчаніе. Видно, какъ онъ ищетъ, о чемъ бы еще заговорить. Но ничего не находитъ. Ей становится его жаль.

— Грицько,—мягко начинаетъ она, но тутъ же прежняя острая боль поднимается въ ней съ новой силой. Ей хочется говорить ему рѣзкія жестокія слова, хочется быть раздражительной и несправедливой.

— Чего вы молчите?—ужъ сухимъ и враждебнымъ тономъ продолжаетъ она.—Вы скучаете со мной? Васъ гдѣ-нибудь ждутъ, и вы уже жалѣете, что пришли? Такъ я васъ, кажется, не держу. Вы свободны!..

Въ его большихъ, добрыхъ глазахъ свѣтится открытое недоумѣніе. Тонкія брови сдвигаются въ усиліи понять, что съ ней? Но онъ только безпомощно и молча пожимаетъ плечами.

— Вы опять молчите?—окончательно раздражается она.—Вы со всѣми женщинами такой? Или для меня только вы прибегаете ваше загадочное молчаніе?

Онъ робко и жалобно смотритъ на нее. Онъ похожъ сейчасъ на огромную провинившуюся собаку.

— Ей-Богу, Маруся...—съ замѣшательствомъ произноситъ онъ,—вы сегодня... честное слово...

Но она уже теряетъ всякую власть надъ собой. Въ головѣ ея мутится тяжелая злоба. «Господи, есть же женщины, на ко-

торыхъ онъ иначе глядитъ, съ которыми голосъ его загорается нѣжностью и страстью!.. Почему же онѣ только, а не я?..»

— Да что вы, словно воды въ ротъ набрали?—почти съ ненавистью кричитъ она на него, чувствуя, какъ сердце у нея обрывается и холодѣетъ.—Говорите же. Пойте... Разсказывайте что-нибудь. Вѣдь нельзя же такъ все время играть въ молчанку. Я смѣяться и разговаривать хочу. Съ другими вѣдь вы умѣете быть веселымъ?

— Маруся, милая, но что такое случилось у васъ? За что вы такъ вдругъ на меня разсердились? Я голову теряю въ догадкахъ. Вѣдь кажется, я...

Она порывисто поднимается и начинаетъ по старой привычкѣ расхаживать по комнатѣ взадъ и впередъ. Нѣтъ, все кончено! Не будетъ больше ничего. Не годится она для этой новой и чуждой ей роли. Слишкомъ поздно. Лучше быть одной, какъ всегда, чѣмъ возбуждать въ другихъ лишь жалость да презрительное недоумѣніе!..

Его участливый дружескій взглядъ слѣдитъ за ней съ невольнымъ безпокойствомъ. Онъ искренно привязанъ къ ней, но онъ ее сейчасъ не можетъ понять.

«Какая это ее муха укусила?»—думаетъ онъ про себя и, не находя отвѣта, скучаетъ въ неопредѣленномъ ожиданіи.

Она останавливается у окна и долго смотритъ въ его темныя, блестящія отъ свѣта лампы стекла. Она, повидимому, совсѣмъ забыла о немъ. Онъ чувствуетъ, что его присутствіе становится здѣсь излишнимъ.

— Маруся,—тихонько окликаетъ онъ.

— Что?

Она попрежнему не отрывается взглядомъ отъ темнаго окошка. Ея худенькія плечи, такія странныя въ этихъ пышныхъ и разрисованныхъ яркими узорами рукавахъ, чуть вздрагиваютъ, точно отъ сдержанныхъ рыданій.

— Маруся!

Нѣтъ отвѣта. Онъ медленно и осторожно встаетъ.

— Такъ я пойду покамѣстъ... Я лучше завтра... Вамъ, можетъ, не до меня?..

— Идите,—почти беззвучно отвѣчаетъ она.

И снова плечи ея еще сильнѣе вздрагиваютъ подъ пышными рукавами.

Онъ тихо одѣваетъ пальто, точно стыдясь чего-то передъ ней, такой трепещущей и жалкой, такъ одиноко прижавшейся въ углу съ своей невѣдомой ему непонятной тайной.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ безпомощно топчется онъ на порогѣ.

— До свиданья, Маруся,—грустно, наконецъ, говоритъ онъ.

— До свиданья.

Она чуть замѣтно оборачивается и киваетъ ему головой. Онъ медленно выходитъ, почему-то стараясь не хлопнуть дверью. Шаги его звучатъ все дальше и блѣднѣй. Черезъ нѣсколько секундъ они сливаются съ молчаніемъ поглотившаго ихъ коридора.

Шатаясь отъ стыда и боли, она отходитъ отъ окна. Потухшіе глаза ея обводятъ опустѣвшую комнату безучастнымъ, невидящимъ взглядомъ.

— Ушелъ—съ тоскливой мукой неслышно шепчетъ она, и губы ея шевелятся съ усиліемъ, точно чужія.

Кругомъ все прежняя, ни малѣйшимъ шорохомъ не нарушимая тишина. Звенятъ гдѣ-то за окномъ далекіе, бѣгущіе внизу, трамваи. Безсонный городъ сверкаетъ огнями въ темнотѣ. Глухіе отзвуки жизни доносятся оттуда умирающими искрами среди осенняго тумана. Холодно и пусто на душѣ.

Машинально она снимаетъ съ себя всѣ эти расшитыя цвѣтами и птицами яркія ткани.

«Невѣста революціи,—неясно думаетъ она, переодѣваясь въ свое старенькое черное платье.—Господи, только бы онъ никогда не догадался... Только бы не узналъ... Я пулю себѣ въ лобъ пущу, если онъ когда-нибудь узнаетъ. Никогда... никогда... Боже мой, какъ стыдно. Нѣтъ силъ моихъ»...

Переодѣвшись, она тихо ложится на кровать, лицомъ къ стѣнѣ. Ночныя тѣни смотрятъ на нее изъ темныхъ угловъ загадочно и равнодушно. Дыханье смерти чудится вокругъ. Безразличный свѣтъ лампы освѣщаетъ складки измятаго, брошеннаго на полъ японскаго пеньюара...

А. Деренталь.

ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ ЛѢТЪ [1].

ГЛАВА II.

I.

Енисейскъ—много-прославленный центръ сибирской золотопромышленности, при самомъ бѣгломъ обзорѣ, при слѣдованіи съ «партіей» по нѣкоторымъ его улицамъ, по направленію къ полицейскому управленію, произвелъ на меня благопріятное впечатлѣніе. Послѣ Ялуторовска, Ишима, Тюкалинска, даже послѣ Кургана, этотъ окружный городъ, отстоящій отъ Петербурга на 5099 верстъ, даже внѣшней физіономіей своей напоминалъ не захолустный сибирскій городишко, а среднихъ размѣровъ уѣздный городъ Европейской Россіи. Послѣ убійственно-тоскливаго вида разныхъ Тюкалинсковъ и Ялуторовсковъ, взоръ съ удовольствіемъ останавливался на красивомъ каменномъ соборѣ, на монастыряхъ (мужскомъ и женскомъ), на каменныхъ приходскихъ церквахъ, на немногихъ каменныхъ домахъ, на каменномъ гостинномъ дворѣ, съ приличными магазинами, лавками и складами, на довольно чистыхъ, даже отчасти мощеныхъ (хотя и плохо) улицахъ. Попадались даже приличные извозчики.

Первый невольный визитъ мой былъ, само собою разумѣется, въ окружное полицейское управленіе. Когда я поджидалъ здѣсь «на крылечкѣ» прибытія исправника, явился туда изъ мѣстныхъ «политическихъ» административно сосланный *Левъ Марковичъ Закъ*. Оказалось, что по заведенному въ Енисейскѣ доброму обычаю, ему—какъ бы признанному старшинѣ мѣстныхъ политиче-

---

[1] См. январь, стр. 121.

скихъ ссыльныхъ — тотчасъ дали знать изъ полицейскаго управленія о прибытіи «новичка», а онъ, также по заведенному порядку, явился немедленно принять «новичка».

Исправникъ К. не заставилъ себя долго ждать. Привѣтливо принявъ меня, онъ черезъ нѣсколько минутъ меня отпустилъ на полное попеченіе Л. М. Зака, на квартиру котораго я и отправился.

Левъ Марковичъ (уже давно, увы! покойный) представлялъ собою лучшій образчикъ тогдашняго политическаго ссыльнаго. Онъ былъ готовъ дѣлиться съ товарищами по судьбѣ рѣшительно всѣмъ до послѣдняго куска хлѣба включительно. На одной съ нимъ квартирѣ проживали еще трое. Закъ получалъ изъ дома отъ брата денежную помощь въ размѣрѣ 25 рублей въ мѣсяцъ; другіе ничего ни откуда не получали и хотя самоучками и сапожничали, принимая въ починку обувь, но работа эта доставляла имъ жалкіе гроши. А между тѣмъ жизнь въ Енисейскѣ, какъ и вообще въ Восточной Сибири, была значительно дороже не только въ сравненіи съ Ялуторовскомъ или Курганомъ, но и вообще съ Западной Сибирью. Въ Восточной Сибири рѣшительно все становилось замѣтно дороже: и хлѣбъ, и масло, и мясо, и квартира. Дороговизна жизни давала себя особенно чувствовать въ Енисейскѣ, такъ какъ это былъ тогда (остается отчасти и теперь) центръ золотопромышленности, которая уже по самому характеру своему значительно вліяетъ на повышеніе цѣнъ.

Товарищи Льва Марковича получали, правда, казенное пособіе въ размѣрѣ 6 руб. на человѣка, но при дороговизнѣ енисейской жизни пособія этого не хватило бы даже на одно жилье и хлѣбъ. Живя коммуной и располагая, кромѣ 18 руб. казеннаго пособія, еще 25-ю рублями Льва Марковича, компанія Зака кое-какъ могла существовать, разумѣется — обходясь безъ прислуги и исправляя по очереди всѣ домашнія работы, что, впрочемъ, вполнѣ соотвѣтствовало ихъ основнымъ принципамъ. И все-таки приходилось отказываться отъ говядины, замѣняя ее лошадинымъ мясомъ, которое стоило во много разъ дешевле говядины (1—1$^1/_2$ коп. фунтъ). Въ Енисейскѣ и его окрестностяхъ жили татары; для нихъ отъ времени-до-времени били лошадей, мясомъ которыхъ они кормились и потребителями котораго въ Енисейскѣ, кромѣ нихъ, была лишь К° Зака, благодаря дешевизнѣ употреблявшая его вдоволь, часто разрѣшая себѣ даже два «мясныхъ» блюда. Я, грѣшный человѣкъ, къ этому мясу никакъ не могъ привыкнуть: его жесткость, сладковатый вкусъ были мнѣ противны. Послѣ двухъ разъ я совершенно отъ него отказался.

Вообще, отшельнически-суровая обстановка жизни К° Зака пришлась мнѣ не по вкусу, и, отдавая полную дань уваженія и даже нѣкотораго удивленія самоотверженію Льва Марковича, я рѣшилъ поселиться отдѣльно [1]).

Такъ какъ жизнь въ Енисейскѣ была значительно дороже, чѣмъ въ Ялуторовскѣ, то той маленькой денежной помощи, какую я получалъ отъ родныхъ, еле хватало бы на покрытіе расхода по квартирѣ и ея отопленію, да и эта помощь должна была прекратиться въ самомъ скоромъ времени. Необходимо было позаботиться о «заработкѣ».

II.

Давно уже привлекала меня журнально-литературная работа. Мой первый критико-публицистическій очеркъ появился въ мартѣ 1871 г. въ издававшемся тогда въ Одессѣ подъ редакціей Серебряникова «Новороссійскомъ Телеграфѣ». Это былъ юношески-задорный полемическій фельетонъ подъ заглавіемъ: «Субъектъ изъ темнаго царства», направленный противъ бывшаго товарища моего по гимназіи *Гоняева*, съ успѣхомъ подвизавшагося тогда на страницахъ «Одесскаго Вѣстника». Гоняевъ обрушился на вышедшій въ свѣтъ и пользовавшійся большимъ успѣхомъ въ средѣ молодежи романъ Омулевскаго: «Шагъ за шагомъ», окрестивъ при этомъ огульно всѣхъ героевъ этого романа «субъектами изъ мертваго царства». И вотъ я, благоговѣвшій тогда передъ всѣми «новыми людьми» обоего пола, принялъ подъ защиту свою *Свѣтлова* и К°, воспылалъ гнѣвомъ и негодованіемъ неофита и впервые взялся за перо. Въ пылу полемики я ударился въ другую крайность и призналъ также огульно всѣхъ героевъ романа лучезарными идеалами, а ихъ хулителей и порицателей, съ Гоняевымъ во главѣ—«субъектами изъ мертваго царства».

Этотъ первый литературный опытъ мой понравился Серебряникову, и онъ усиленно приглашалъ меня къ сотрудничеству въ «Новор. Телеграфѣ». Наши газеты вообще, а провинціальныя въ особенности, влачили тогда крайне жалкое матеріальное существованіе («*розницы*» почти не было, и число

---

[1]) Впослѣдствіи я жилъ совмѣстно съ Осташкиными — Викторомъ Александровичемъ, судившимся вмѣстѣ со мною по процессу 193-хъ, и его женой, Вѣрой Спиридоновной урожденной Любатовичъ, осужденной по процессу 50-ти: оба они водворены были въ г. Тарѣ (Тобольской губ.), но послѣ какого-то столкновенія Вѣры Спиридоновны съ тарскимъ исправникомъ, она была выслана въ Енисейскъ, куда послѣдовалъ за нею и мужъ.

подписчиковъ въ 2—2$^1/_2$ тысячи было идеаломъ одесскаго издателя). Издатели могли еще кое-какъ покрывать расходы по печатанію газеты и весьма скромно оплачивать трудъ крайне ограниченнаго штата «постоянныхъ» сотрудниковъ, но временные сотрудники, за весьма малыми исключеніями довольствовались честью «быть печатаемыми». А при такихъ условіяхъ волей-неволей приходилось отдавать почти все свое время «урокамъ», и необходимаго для литературной работы досуга не оказывалось. Весьма скоро «Новор. Телеграфъ» подъ редакціей Серебряникова вынужденъ былъ, за недостаткомъ средствъ, прекратить свое существованіе. Да и я, какъ и большинство моихъ сверстниковъ, находилъ тогда служеніе народу въ подцензурныхъ изданіяхъ малопроизводительнымъ и предпочиталъ служеніе ему на другихъ поприщахъ...

Въ 1872 г. я принималъ въ теченіе около полугода ближайшее и самое дѣятельное участіе въ подпольномъ студенческомъ рукописномъ журнальчикѣ: «*Впередъ*». Во время содержанія моего въ одесскомъ тюремномъ замкѣ я нѣсколько мѣсяцевъ, съ разрѣшенія прокурора судебной палаты Г. А. Евреинова, писалъ статейки по вопросамъ дня и пересылалъ ихъ отъ времени до времени въ возобновившійся «Новор. Телеграфъ». Эта газета выходила подъ редакціей архитектора Озмидова, который тогда не только былъ еще чуждъ юдофобства и мракобѣсія, а даже, при главномъ сотрудничествѣ весьма популярнаго въ то время «барона Икса» (Герцо-Виноградскаго), водрузилъ въ молодой одесской печати знамя либерализма и демократизма. Нѣкоторыя изъ этихъ статеекъ изданы были въ 1876 г. моими друзьями отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: «Мысли незаписного публициста. С. Л. Ч.».

Въ Ялуторовскѣ, Курганѣ и Тобольскѣ я, хотя и слабо, но все же грѣшилъ корреспонденціями въ столичныя газеты. Попавъ въ Енисейскъ, я рѣшилъ возобновить корреспонденческіе грѣхи. Енисейскъ (при его, правда, далеко не значительномъ населеніи: 7.000 душъ обоего пола) въ этомъ отношеніи оказался въ гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ, какъ по объекту для изученія (бытъ инородцевъ, бытъ золотопромышленниковъ и ихъ рабочихъ), такъ и по пособіямъ (кое-у-кого изъ частныхъ лицъ, напр., у бр. Востротиныхъ, оказались порядочныя библіотечки; существовала даже, хотя и довольно жалкая, «библіотека для чтенія» прасола Скорнякова), то я рѣшилъ посвятить себя въ Енисейскѣ болѣе обстоятельной журнальной работѣ.

III.

Рѣшенію моему благопріятствовали въ значительной степени слѣдующія обстоятельства.

Какъ разъ около этого времени въ Томскѣ положено было основаніе «*Сибирской Газетѣ*». Редакція послѣдней усердно привлекала къ сотрудничеству разсѣянныхъ по всей Сибири политическихъ ссыльныхъ, не безъ основанія усматривая въ нихъ наиболѣе подходящій контингентъ для газетной работы. Хотя на всю обширную Сибирь существовала до того времени (въ Иркутскѣ) одна лишь небольшая еженедѣльная газета «*Сибирь*», а «Сибирская Газета» являлась, такимъ образомъ, лишь вторымъ (тоже еженедѣльнымъ) органомъ печати для громаднаго и своеобразнаго края, тѣмъ не менѣе въ сотрудникахъ ощущался тамъ большой недостатокъ, въ особенности въ корреспондентахъ; а по условіямъ тогдашней сибирской жизни отдѣлъ корреспонденцій признавался наиболѣе существеннымъ и важнымъ, такъ какъ существовала настоятельнѣйшая потребность въ освѣщеніи всѣхъ темныхъ сторонъ жизни этой обширной колоніи и въ огласкѣ дѣятельности сибирскихъ администраторовъ. Для подобной, столько же щекотливой, сколько и отвѣтственной работы, нужны были люди, безпристрастію, добросовѣстности и даже мужеству которыхъ можно бы было довѣриться. Стоявшіе во главѣ обѣихъ этихъ газетъ чрезвычайно преданные интересамъ Сибири люди (*Загоскинъ* и *Писаревъ*—въ «Сибири», *Адріановъ* и *Муромовъ*—въ «Сиб. Газетѣ»), правильно оцѣнивъ положеніе вещей, принимали съ распростертыми объятіями сотрудничество политическихъ ссыльныхъ, усиленно ихъ къ этому приглашали и, по мѣрѣ возможности, оплачивали даже ихъ трудъ 3 — 5 коп. за строку, хотя бюджетъ газетъ (при 1000 — 1500 подписчиковъ) былъ очень скромнымъ.

Для меня лично сотрудничество въ «Сиб. Газетѣ» было особенно желательно и цѣнно потому, что однимъ изъ членовъ редакціи этой газеты почти съ самаго ея основанія состоялъ мой любимый другъ, талантливый *Феликсъ Вадимовичъ Волховской*. Не будучи лично знакомъ съ другими, я могъ быть увѣренъ, что пока Ф. В. участвуетъ въ редакціи, сотрудничество мое не встрѣтитъ никакихъ чисто-редакціонныхъ затрудненій и что, въ предѣлахъ цензурной возможности, я буду свободенъ въ своей газетной дѣятельности.

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній я съ большимъ удовольствіемъ принялъ приглашеніе «Сиб. Газ.» и прежде всего помѣстилъ въ ней тотъ статистико-экономическій очеркъ гор. Кургана, который составленъ былъ мною на основаніи личныхъ наблюденій и матеріаловъ, собранныхъ для меня Сидорацкимъ. А затѣмъ я принялся за періодическія корреспонденціи.

IV.

Но и эта работа не могла, разумѣется, вполнѣ меня удовлетворить. Не могъ же я, конечно, расчитывать на возможность помѣщать въ «Сиб. Газ.»—газетѣ еженедѣльной—больше одного-двухъ писемъ въ мѣсяцъ; а этого было во всѣхъ отношеніяхъ мало. Я мечталъ о болѣе систематическомъ изученіи края, въ который забросила меня судьба, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о такой работѣ, которая доставляла бы мнѣ болѣе вѣрное матеріальное обезпеченіе. Судьба немного улыбнулась мнѣ и въ этомъ отношеніи.

Хотя Енисейскъ былъ и «окружный», а не «губернскій» городъ, въ немъ (въ отличіе отъ многихъ другихъ, болѣе крупныхъ русскихъ городовъ) имѣлась и 6-ти классная мужская прогимназія, и полная 8-ми классная женская гимназія, не считая пяти низшихъ учебныхъ заведеній. Преподавательскій персоналъ этихъ учебныхъ заведеній, за ничтожными исключеніями, былъ крайне неудовлетворителенъ и большею частью пополнялся лицами съ среднимъ образованіемъ, пользовавшимися той или другой протекціей. Въ числѣ преподавателей этой категоріи былъ и нѣкій П—цкій, обучавшій (и довольно неудачно) юнцовъ и юницъ математикѣ, спотыкаясь на каждомъ шагу при рѣшеніи самыхъ несложныхъ задачъ. Въ своей «учености» онъ недалеко ушелъ отъ помощника енисейскаго исправника Б—ча, который какъ-то въ обществѣ хвастался тѣмъ, что онъ былъ студентомъ кіевскаго университета по медицинскому факультету. Когда же одинъ врачъ спросилъ, кто при немъ въ Кіевѣ преподавалъ остеологію, онъ, не задумываясь, отвѣтилъ, что въ то время анатомія изучалась безъ остеологіи...

Этотъ-то П—цкій и явился какъ бы посланцемъ самой судьбы для осуществленія столь сильно плѣнившей меня задачи.

Сравнительно не задолго передъ этимъ «Сибирскій Отдѣлъ Географическаго Общества» распался на два отдѣла: «Западно-Сибирскій», съ центромъ въ Омскѣ, и «Восточно-Сибирскій», съ

центромъ въ Иркутсткѣ. Оба эти отдѣла, въ общемъ, немало цѣннаго внесли въ дѣло изученія Сибири и Востока вообще; но, въ погонѣ за увеличеніемъ числа своихъ членовъ, а больше всего благодаря тому, что въ качествѣ ихъ «покровителей» состояли генералъ-губернаторы Западной и Восточной Сибири по принадлежности, отдѣлы вербовали членовъ безъ особенной разборчивости во всѣхъ «вѣдомствахъ»,—въ томъ числѣ и между педагогами. Только этимъ и можно себѣ объяснить, что въ число членовъ «Восточно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества» попалъ П—цкій. Это, впрочемъ, было бы еще съ полъбѣды. Но мириться, подобно многимъ другимъ чиновникамъ, однимъ лишь почетнымъ званіемъ П—цкій не хотѣлъ; онъ былъ настолько смѣлъ, что рѣшилъ принять непосредственное участіе въ «ученыхъ» работахъ Отдѣла.

И вотъ, онъ прежде всего исхлопоталъ для себя субсидію отъ «Восточно-Сибирскаго Отдѣла» въ нѣсколько сотъ рублей для обслѣдованія въ каникулярное время р. Енисея, и побывалъ по нѣскольку дней въ городахъ Красноярскѣ и Минусинскѣ, наслаждаясь почестями, воздававшимися ему, какъ члену «Императорскаго» Географическаго Общества и принимавшимися имъ на свой личный счетъ. Раздобывъ нѣсколько цѣнныхъ книгъ по исторіи Сибири, онъ вернулся въ Енисейскъ, не въ шутку возомнивъ себя «ученымъ» и, повидимому, даже съ серьезнымъ намѣреніемъ приняться за «ученый» трудъ. Однако, «ученый» багажъ его былъ на столько легковѣсенъ, что его работа ни на іоту не подвигалась впередъ, хотя мечты о славѣ и лаврахъ ученаго не давали ему покоя...

Въ одинъ прекрасный день, этотъ ученый мужъ нанесъ мнѣ визитъ и предложилъ мнѣ принять участіе въ совмѣстной съ нимъ работѣ по изслѣдованію енисейскаго края, причемъ я долженъ былъ составить историческій очеркъ, а онъ—географическій. Вначалѣ онъ предполагалъ было выпустить трудъ этотъ отъ своего имени съ указаніемъ лишь, что таковой-де составленъ при моемъ участіи, но потомъ онъ сдался, и между нами заключено было такое (словесное) условіе: такъ какъ другого источника существованія у меня нѣтъ, то я, пока будетъ продолжаться работа, долженъ получать отъ П—цкаго (изъ выданной ему отъ Отдѣла субсидіи) по 30 рублей въ мѣсяцъ; когда же нашъ совмѣстный трудъ будетъ оконченъ, онъ долженъ быть изданъ какъ общая работа съ равнымъ участіемъ въ гонорарѣ, причемъ изъ моей доли будетъ вычтенъ полученный авансъ.

Собравъ все, что можно было найти въ Енисейскѣ въ печатной литературѣ, я бодро и съ энергіей принялся за работу. Мы условились съ П—цкимъ, что обязательно собираемся еженедѣльно по пятницамъ и каждый изъ насъ читаетъ свою недѣльную работу для совмѣстнаго обсужденія и общей редакціи. Въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ я регулярно являлся каждую недѣлю къ П—цкому съ частью своей работы, П—цкій же, подъ всевозможными предлогами, все оттягивалъ ознакомленіе меня со своей работой, объясняя, что послѣдняя подвигается у него очень туго—то вслѣдствіе усталости, то по болѣзни семьи, то изъ-за безотлагательныхъ служебныхъ порученій и т. д. Для меня ясно стало, что онъ рѣшительно не въ состояніи что-либо составить, что никакихъ у него матеріаловъ по географіи Енисея нѣтъ, что вся его задача сводится къ тому, чтобы какъ-нибудь выпустить часть работы, принятую мною на себя, подъ общимъ нашимъ именемъ и этимъ оправдать себя передъ Отдѣломъ Географическаго Общества и поддержать свой престижъ, а тамъ уже какъ-нибудь, подъ тѣмъ или другимъ благовиднымъ предлогомъ, совсѣмъ увильнуть отъ работы. Участвовать въ подобной мистификаціи я не хотѣлъ и категорически заявилъ П—цкому, что если онъ не представитъ хоть небольшую часть своей работы въ теченіе двухъ-трехъ недѣль, то я буду считать наше (словесное) условіе уничтоженнымъ и предоставлю себѣ полную свободу дѣйствій по отношенію къ начатой мною работѣ. Прошелъ мѣсяцъ: П—цкій не написалъ ни одной строчки. Я прекратилъ съ нимъ и знакомство и совмѣстную работу, рѣшивъ пріурочить часть заготовленнаго мною труда къ задуманному мною, по поводу приближавшагося тогда 300-лѣтняго юбилея завоеванія Сибири, очерку Енисейской губерніи.

V.

Параллельно съ изученіемъ Енисейскаго края я писалъ корреспонденціи въ «Сиб. Газету» изъ мѣстной жизни и составилъ, на основаніи бывшихъ въ моихъ рукахъ документальныхъ данныхъ и печатныхъ матеріаловъ, очеркъ положенія рабочихъ на золотыхъ промыслахъ Енисейскаго округа. Очеркъ этотъ напечатанъ былъ (кажется въ 1882 г.) въ журналѣ «Устои», издававшемся (весьма короткое время) артелью литературныхъ работниковъ, во главѣ которой стояли (если память мнѣ не измѣняетъ) С. А. Венгеровъ и Н. Н. Златовратскій.

Здѣсь же въ Енисейскѣ составлена была мною, на основаніи личныхъ наблюденій и обильнаго фактическаго матеріала, для газеты «Сибирь» статья: «Колонизаціонное значеніе сибирской ссылки», въ которой я путемъ неопровержимыхъ цифръ отмѣтилъ совершенно ничтожное и чуть ли не отрицательное значеніе въ колонизаціонномъ отношеніи сибирской ссылки и крайне-деморализующее и развращающее вліяніе ея на мѣстное населеніе. Статью эту я отправилъ въ редакцію журнала: «Русская Мысль» (въ которой она и была напечатана), черезъ посредство проживавшаго тогда въ Енисейскѣ *Максимиліана Осиповича Маркса*, который—привлеченный по дѣлу Карокозова—пробылъ нѣсколько лѣтъ въ ссылкѣ въ глухой и довольно дикой волости (Кежемской) Енисейскаго округа, затѣмъ переведенъ былъ въ г. Енисейскъ, гдѣ существовалъ частными уроками и завѣдывалъ имъ же оборудованной метеорологической станціей. Ко времени прибытія моего въ Енисейскъ Марксъ былъ уже амнистированъ, и могъ вернуться въ Европейскую Россію, но безъ права жительства въ Царствѣ Польскомъ. Это онъ не находилъ возможнымъ и оставался въ Енисейскѣ, перебиваясь кое-какъ уроками, хотя былъ уже очень старъ и съ довольно-таки надорваннымъ здоровьемъ. «Политика» въ сущности его, повидимому, никогда особенно не занимала; мало интересовался онъ ею и въ Енисейскѣ, хотя былъ большой охотникъ до всевозможныхъ анекдотовъ относительно разныхъ высокопоставленныхъ особъ. Енисейскіе золотопромышленники чтили въ немъ человѣка, пострадавшаго за свои убѣжденія, и считали своимъ долгомъ доставлять ему въ той или иной формѣ средства къ существованію, тѣмъ болѣе, что онъ былъ хорошій математикъ и знающій натуралистъ.

Марксъ радушно принималъ у себя политическихъ ссыльныхъ позднѣйшихъ формацій, которые въ большинствѣ своемъ неохотно, однако, посѣщали его, находя мало точекъ соприкосновенія съ нимъ, а въ особенности съ его семьей. Административныя особы, — исправникъ, его помощникъ, стряпчій въ дни большихъ праздниковъ неизмѣнно являлись къ старику съ визитами, отводя при этомъ душу въ малыхъ дозахъ «либерализма». Вскорѣ послѣ прибытія моего въ Енисейскъ чуть-было не вышелъ со мною казусъ, который могъ бы повлечь за собою непріятныя для меня послѣдствія.

На второй день Пасхи сидѣлъ я у старика Маркса и по случаю торжественнаго праздника угощался прекрасной наливкой домашняго приготовленія, И я, и Марксъ вообще «не пили»,

но въ данномъ случаѣ мы «разрѣшили» себѣ и по-маленьку потягивали крѣпкій польскій напитокъ, при чемъ Марксъ смаковалъ свои анекдоты. Былъ я изрядно «на-веселѣ». Вдругъ явились съ визитомъ исправникъ и стряпчій. Я увильнулъ въ сосѣднюю комнатку, гдѣ жена Маркса, пока онъ занятъ былъ гостями, продолжала угощать меня наливкой и преаппетитными «мазурками». Наугостившись вдоволь, я распрощался со старухой и собрался домой, но какъ на зло въ передней столкнулся со стряпчимъ, который—будучи уже въ довольно высокомъ градусѣ—бросился ко мнѣ «христосоваться» по всей формѣ. Я, въ отвѣтъ на его: «Христосъ воскресе», сухо и задорно отвѣтилъ: «Совершенно напрасно! Вы его, навѣрное, опять распнете». Присутствовавшій при этомъ исправникъ сильно поморщился и поторопился уйти и увезти съ собою стряпчаго.

На другой день я вызванъ былъ раннимъ утромъ въ полицейское управленіе. Одинъ-на-одинъ исправникъ таинственно замѣтилъ мнѣ: «Вы никому ради Бога не разсказывайте о томъ, что Вы вчера говорили стряпчему. За это вѣдь васъ могутъ упрятать Богъ знаетъ куда, да и намъ со стряпчимъ не сдобровать!» Разумѣется, онъ тревожился не столько за меня, сколько за себя самаго; я успокоилъ его, и инцидентъ этотъ былъ исчерпанъ.

Я долженъ при этомъ случаѣ замѣтить, что поднадзорное положеніе ссыльныхъ (политическихъ) въ Енисейскѣ, какъ и вообще во всей Восточной Сибири, было гораздо болѣе сносно, чѣмъ въ Ялуторовскѣ, Курганѣ и другихъ городахъ Западной Сибири. Объясняется это какъ инымъ составомъ политическихъ ссыльныхъ, попадавшихъ по волѣ судебныхъ и административныхъ учрежденій въ Восточную Сибирь, такъ и болѣе самостоятельнымъ и болѣе общественно-стойкимъ характеромъ населенія послѣдней. Тароватые золотопромышленники и «именитые» купцы держали полицію въ полной отъ себя зависимости, совершенно не считались со взглядами и воззрѣніями полицейскихъ чиновъ и, находя выгоднымъ привлекать къ себѣ на службу политическихъ ссыльныхъ, дѣлали это открыто, безъ всякихъ опасеній. Мало того. Въ этомъ направленіи поддерживала ихъ часто и сама администрація, которая, въ свою очередь, отнюдь не брезговала услугами политическихъ ссыльныхъ. Культурно-просвѣтительное значеніе ихъ для Сибири почти всѣ администраторы признавали, если не тотчасъ по прибытіи въ Сибирь, то въ самомъ скоромъ времени послѣ поступленія ихъ тамъ на службу.

Умственно-культурный уровень енисейскаго (какъ и, вообще,

сибирскаго) населенія былъ, однако, далеко не изъ высокихъ. Главнымъ развлеченіемъ являлись здѣсь «карты», въ которыя «дулись» цѣлыя ночи на-пролетъ. Съ этой цѣлью устроенъ былъ даже въ Енисейскѣ весьма приличный клубъ, въ собственномъ зданіи, а при немъ было чистенькая и аккуратная сцена съ недурными декораціями, для театральныхъ представленій и концертовъ, исполнителями на которыхъ являлись, главнымъ образомъ, «любители». Карточная игра неизмѣнно сопровождалась обильными возліяніями Бахусу, при не менѣе обильныхъ всякаго рода закускахъ.

Въ Енисейскѣ «пили», вообще, довольно жестоко. Пили всѣ, и больше всего чиновники и именитые купцы. Въ рѣдкомъ домѣ, при появленіи гостей, не устанавливался столъ батареями бутылокъ всевозможныхъ напитковъ. Свирѣпа была въ особенности настойка «звѣробоя»—травы, произрастающей въ обиліи въ Енисейскомъ округѣ. Дѣйствіе этой настойки пришлось мнѣ испытать на себѣ по слѣдующему поводу.

Уже и въ то время, хотя еще о нашей теперешней своеобразной «конституціи» рѣчи не было, по высшимъ государственнымъ соображеніямъ стали водворять ссыльныхъ въ ужасномъ Туруханскомъ краѣ, который, при колоссальной площади въ полтора милліона кв. верстъ, составляетъ самую сѣверную часть Енисейской губерніи, расположенную почти цѣликомъ за полярнымъ кругомъ, до 78° сѣв. шир. Край этотъ, значительнѣйшая часть котораго состоитъ изъ неизмѣримыхъ тундръ, заселенъ, конечно, до чрезвычайности рѣдко; числилось въ немъ тогда всего на всего около 10.000 душъ об. п. или, въ среднемъ, около 1 жителя на 150 кв. верстъ. Политическихъ ссыльныхъ поселяли въ административномъ центрѣ этого края—въ заштатномъ городѣ Туруханскѣ, причисляемомъ (вмѣстѣ съ краемъ) къ Енисейскому округу. Каковъ былъ этотъ «городъ», достаточно ясно изъ того, что въ немъ, расположенномъ подъ 65°55 с. ш., всѣхъ жилыхъ строеній было 35, всѣхъ жителей—185 д. о. п., всѣхъ городскихъ доходовъ — 242 р., всѣхъ городскихъ расходовъ — 213 руб. Сообщенія съ этимъ несчастнымъ краемъ были самыя ужасныя. Раза два въ годъ, во время навигаціи по Енисею (а она здѣсь очень кратковременна), туда отправлялись изъ Енисейска суда и нѣсколько частныхъ пароходовъ, доставляющіе туда муку и разные товары, а также невольныхъ «пассажировъ», и забиравшіе оттуда пушной и рыбный товаръ. Хлѣбъ составляетъ тамъ почти недоступную роскошь, какъ и мясо. Кормятся почти исключительно рыбой, которая добы-

вается въ большомъ изобиліи какъ туземцами, такъ и наѣзжающими арендаторами «песковъ». Бѣда только въ томъ, что приходилось питаться почти исключительно тухлой рыбой, такъ какъ ее здѣсь не умѣли (вѣроятно и теперь не умѣютъ) заготовлять въ прокъ и очень плохо ее солили, хотя одно время туда для обученія населенія солкѣ приглашенъ былъ изъ Гельголанда спеціалистъ *Бойлингъ*, котораго я еще засталъ въ Енисейскѣ, гдѣ онъ доживалъ свои дни въ большой бѣдности. Мѣстное населеніе до того уже привыкло къ тухлой рыбѣ, что иногда предпочитало ее свѣжей, въ чемъ я лично могъ убѣдиться въ нѣкоторыхъ енисейскихъ рыбныхъ лавкахъ, гдѣ спрашивали рыбу «съ душкомъ», какъ лакомство...

И вотъ, въ этомъ-то замѣчательномъ Туруханскѣ, во время моего пребыванія въ Енисейскѣ, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ политическихъ ссыльныхъ томился южанинъ *Хоржевскій*. Насъ извѣстили, что послѣдній тяжко заболѣлъ и необходимо перевести его хоть въ Енисейскъ, такъ какъ въ Туруханскѣ не было никакой врачебной помощи (туда разъ въ годъ наѣзжалъ на нѣсколько дней докторъ изъ Енисейска). Я взялъ на себя ходатайство о переводѣ Хоржевскаго у енисейскаго исправника, въ вѣдѣніи котораго находился Туруханскъ. Помощникъ исправника Б-чъ, исправлявшій тогда должность исправника, поставилъ условіемъ удовлетворенія моего ходатайства—побывать у него въ гостяхъ и выпить у него звѣробою. Я долженъ былъ, скрѣпя сердце, согласиться. Настойка оказалась изъ очень пріятныхъ, но удивительной крѣпости, при чемъ дѣйствуетъ она совершенно своеобразно: «опьяненія» въ буквальномъ смыслѣ слова не замѣчается, голова все время сохраняетъ полную свѣжесть и ясность, но постепенно тяжелѣютъ ноги и какъ бы пригвождаются къ полу.

Б-чъ угощался изъ всѣхъ бутылокъ, установленныхъ баттареей на длинномъ столѣ, ничѣмъ почти не закусывая, и допился до того, что потребовалъ для себя «лоханку». Я же ограничивался однимъ «звѣробоемъ» и обильно при этомъ закусывалъ, такъ что «лоханка» для меня не потребовалась; однако, ноги совсѣмъ почти отказались служить; пришлось спуститься съ лѣстницы при помощи прислуги и добраться до дома на извозчикѣ. На прощанье Б-чъ совсѣмъ заплетающимся языкомъ заявилъ, что я обязанъ еще разъ посѣтить его на другой день, иначе ходатайство не будетъ удовлетворено. Скрѣпя сердце, я опять явился на другой день и вновь испыталъ дѣйствіе звѣробоя. Когда же Б-чъ потребовалъ, чтобы я пришелъ въ третій разъ, я энергически запротестовалъ и пригрозилъ телеграфной жало-

бой губернатору. Б-чъ сдался, написалъ, подписалъ и при мнѣ же отправилъ распоряженіе о переводѣ Хоржевскаго, а я поѣхалъ на извозчикѣ домой, закаявшись повторять впредь подобные эксперименты [1]).

Народъ въ Восточной Сибири очень гостепріимный. Какъ только вы явились въ гости, васъ безъ угощенія ни за что не отпустятъ. На столъ ставятся напитки и яства, всякія сладости и неизмѣнные кедровые орѣшки, съ приглашеніемъ «побесѣдовать», т. е. угощаться этими орѣшками. Сибиряки ими такъ увлекаются, что готовы по получасу и больше ихъ щелкать, не произнося при этомъ ни звука; потребность въ бесѣдѣ совсѣмъ устраняется. Вскорѣ послѣ моего прибытія въ Енисейскъ, я отправился къ одному не крупному золотопромышленнику, Ч-ну. Я былъ принятъ весьма привѣтливо. Появились на столѣ кедровые орѣшки. Въ это время служащій позвалъ Ч-а по какому-то дѣлу, и Ч-ъ, извинившись передо мною, попросилъ меня «побесѣдовать», а онъ скоро вернется. Въ первый разъ я наткнулся на это выраженіе и былъ изумленъ: съ кѣмъ же мнѣ «бесѣдовать», когда я остался одинъ. Вскорѣ это объяснилось.

VI.

Кромѣ компаніи Зака и семьи Маркса въ Енисейскѣ проживали многіе поляки, сосланные въ Сибирь за то или иное участіе въ возстаніи 1863 г. Нѣкоторымъ изъ нихъ пришлось предварительно отбыть разные сроки каторжныхъ работъ, другіе попали прямо на поселеніе или житье, а кое-кто угодилъ сюда въ административномъ порядкѣ.

Значительная часть этихъ поляковъ были уже амнистированы, но оставались въ Енисейскѣ, сжившись съ новымъ краемъ и занимаясь здѣсь торговлею и промыслами или состоя на службѣ на золотыхъ пріискахъ и въ разныхъ другихъ предпріятіяхъ и учрежденіяхъ. Были между ними люди разныхъ профессій, между прочимъ врачи, которые занимались отчасти врачебной практикой, отчасти золотопромышленностью и торговлею.

Эта группа ссыльныхъ поляковъ весьма мало интересовалась современной русской политикой, держалась совершенно

---

[1]) Переводъ Х-му уже не помогъ: вскорѣ по прибытіи въ Енисейскъ, онъ умеръ. Это была первая на моихъ глазахъ смерть въ средѣ товарищей-ссыльныхъ. Вскорѣ послѣ этого скончалась въ Енисейскѣ въ высшей степени симпатичная административно-сосланная (изъ Кіева) *Ширмеръ*.

въ сторонѣ отъ политическихъ ссыльныхъ позднѣйшихъ формацій и погружалась цѣликомъ въ интересы мѣстной обыденно-практической жизни. Но при мнѣ (точно не припомню, въ 1881-мъ или въ 1882-мъ году) прибыла въ Енисейскъ группа сосланныхъ въ административномъ порядкѣ молодыхъ поляковъ совсѣмъ другого характера и направленія: *Балицкій, Черневскій, Мондшейны, Гальперинъ, Геринги, Гласко, Конколовичъ, Грабовскій, Вериго.* Это были уже представители польскихъ соціалистовъ, — если не ошибаюсь, предтечи (а, можетъ быть, и вдохновители) вскорѣ (черезъ годъ или два) послѣ нихъ попавшихъ въ Сибирь «пролетаріатцевъ».

Эта новая формація ссыльныхъ поляковъ не только не чуждалась русскихъ политическихъ ссыльныхъ, а жила съ ними въ полномъ согласіи и мирѣ, считая ихъ своими ближайшими и наиболѣе естественными союзниками. Домъ *Герינговъ* сдѣлался центральнымъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ енисейскихъ политическихъ ссыльныхъ, безъ различія національности и политической окраски. Самъ Герингъ былъ высокообразованный человѣкъ и тонкій знатокъ политической экономіи, которою продолжалъ очень толково и серьезно заниматься. Его благородная, чрезвычайно отзывчивая и безконечно-добрая, мягкая и деликатная натура привлекала къ нему всеобщія симпатіи. Въ его домѣ почти ежедневно собирались члены мѣстной колоніи политическихъ ссыльныхъ, чтобы въ дружеской бесѣдѣ коротать свободное время. Умныя, увлекательныя, всегда научно-обоснованныя сужденія Геринга по разнымъ вопросамъ политической экономіи и соціологіи бывали всегда весьма назидательны и отличались мѣткостью и оригинальностью. Лично я состоялъ въ наилучшихъ отношеніяхъ со всей молодой польской колоніей, которая въ свою очередь относилась ко мнѣ, какъ и ко всей колоніи русскихъ политическихъ ссыльныхъ, дружески и сердечно.

Герингъ принадлежалъ къ очень зажиточной варшавской семьѣ. Онъ и жена его (урожденная *Конъ*) получали изъ дома регулярно солидную денежную помощь, такъ что, даже и при дороговизнѣ енисейской жизни, могли бы жить на свои средства довольно комфортабельно. Но оба они считали своимъ долгомъ помогать всѣмъ товарищамъ по судьбѣ,—да они, по безконечной добротѣ своей, и *не могли бы* кому бы то ни было отказать въ помощи. Поэтому они всегда во всемъ нуждались, вѣчно занимали деньги, постоянно закладывая ту или другую часть своего довольно цѣннаго движимаго имущества. Частенько встрѣчалъ я милѣйшаго Геринга мчащимся на извозчикѣ съ громад-

нымъ узломъ: это онъ, позаложивъ уже все болѣе цѣнное, отправлялся къ какому-нибудь ростовщику съ частью носильнаго платья, чтобы раздобыть подъ закладъ его нѣсколько десятковъ рублей и имѣть возможность заткнуть ту или другую дыру въ своемъ хозяйствѣ, или чтобы оказать кому-либо изъ близкихъ экстренную помощь до полученія изъ дома денегъ.

Остальные члены молодой польской группы ссыльныхъ хотя и не отличались зажиточностью, но получали изъ дома необходимыя для существованія средства, такъ что казеннымъ пособіемъ (кромѣ одного-двухъ) почти вовсе не пользовались.

VII.

Въ Енисейскѣ же очутился и судившійся одновременно со мною по процессу 193-хъ и тогда оправданный *Алексѣй Алексѣевичъ Дробышъ-Дробышевскій.* Онъ угодилъ въ административномъ порядкѣ въ дикую и глухую кежемскую волость енисейскаго округа, откуда ему кое-какъ удалось перебраться въ Енисейскъ. Здѣсь мы прожили нѣкоторое время на одной квартирѣ, т. е. въ одной комнатѣ. Какъ и я, онъ принялся усердно практиковаться въ литературной работѣ, пробуя свои силы на поприщѣ критики. Это былъ человѣкъ очень начитанный и любознательный; онъ очень много работалъ надъ выработкой стиля. Трудолюбіе его было изумительное. Онъ часто прямо поражалъ меня своей кропотливостью и своимъ терпѣніемъ: въ первое время онъ десятки разъ переправлялъ и перерабатывалъ каждую строчку, имъ написанную; просиживалъ до 2—3 часовъ ночи, временами и цѣлыя ночи напролетъ. Въ концѣ концовъ ему-таки удалось выработать изъ себя очень полезнаго рецензента-критика. Онъ работалъ въ сибирской печати, а впослѣдствіи въ по-волжской, и его псевдонимъ: «Уманьскій» [1]) пріобрѣлъ въ провинціи почетную извѣстность.

Незадолго до оставленія мною Енисейска, колонія политическихъ ссыльныхъ этого города увеличилась нѣкоторыми изъ ссыльныхъ, проживавшихъ прежде въ губернскомъ городѣ Красноярскѣ. Вслѣдствіе доносовъ разныхъ темныхъ силъ, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири распорядился о выселеніи всѣхъ политическихъ ссыльныхъ изъ Красноярска, какъ изъ центральнаго трактоваго пункта, черезъ который постоянно слѣдовали

[1]) Называю его, такъ какъ онъ многократно былъ разоблаченъ въ печати.

«партіи» ссыльныхъ. Красноярцевъ распредѣлили по другимъ городамъ губерніи, и часть изъ нихъ попала въ Енисейскъ. Сюда переселены были сестры Рубанчикъ, изъ коихъ старшая была замужемъ за бывшимъ студентомъ *Козловымъ*, а младшая занималась часовымъ мастерствомъ, доставлявшимъ ей довольно солидный заработокъ; дѣвушка *Клейнъ*, нажившая въ ссылкѣ чахотку и въ скоромъ времени нашедшая могилу въ Енисейскѣ; двоюродный братъ жены Геринга, *Максъ Гальперинъ*, свѣдущій натуралистъ и прекраснѣйшій человѣкъ. Енисейская колонія стала довольно многолюдной (по масштабу *того* времени), и жизнь кое-какъ разнообразилась взаимнымъ общеніемъ и болѣе или менѣе интереснымъ времяпрепровожденіемъ. Нѣкоторые продолжали усердно заниматься предметами своей спеціальности, нѣкоторые пополняли свое общее образованіе усиленнымъ и разностороннимъ чтеніемъ.

VIII.

Я усердно работалъ надъ статистико-публицистическими очерками енисейской губерніи, черпая для нихъ матеріалы изъ разныхъ сочиненій, изъ мѣстныхъ органовъ печати за все время ихъ существованія и изъ личныхъ наблюденій.

Въ виду предстоявшаго въ 1884 г. трехсотлѣтняго юбилея завоеванія Сибири, красноярская городская дума объявила конкурсъ на сочиненіе по исторіи Енисейской губерніи. Для такого спеціальнаго труда у меня матеріаловъ не было, но я полагалъ, что если къ назначенному сроку не будетъ представлено спеціальное изслѣдованіе, то дума найдетъ цѣлесообразнымъ и возможнымъ премировать мою работу, посвященную освѣщенію разныхъ сторонъ жизни Енисейской губерніи,—тѣмъ болѣе, что вмѣсто вступленія къ моимъ очеркамъ я предпослалъ имъ составленный мною общій историческій очеркъ всей Сибири за всѣ 300 лѣтъ ея существованія.

Первыя главы этихъ «очерковъ», высланныя мною еще изъ Енисейска, печатались въ «Сибирской Газетѣ»; затѣмъ вся рукопись, препровожденная мною въ красноярскую городскую думу, была ею премирована, а редакція «Сиб. Газ.» отпечатала ее отдѣльной книжкой, въ видѣ безплатнаго приложенія къ газетѣ, съ предоставленіемъ красноярской думѣ опредѣленнаго количества экземпляровъ. Къ этому времени я уже былъ, впрочемъ, въ Томскѣ.

Когда верховная комиссія, подъ предсѣдательствомъ гр. Лорисъ-Меликова, пересматривала дѣла объ административно-ссыльныхъ, она не нашла никакихъ основаній къ принятой противъ меня, С. Жебунева и Чернявскихъ административной карѣ — высылкѣ изъ Западной Сибири въ Восточную, и распорядилась объ освобожденіи насъ изъ административной ссылки, т. е. о предоставленіи намъ права вернуться къ statu quo ante—вернуться въ тобольскую губернію согласно приговора суда и именно въ Ялуторовскъ, первоначально намъ назначенный. Енисейская администрація распоряженіе это поняла (какъ и во многихъ другихъ случаяхъ) совершенно своеобразно. Въ одинъ прекрасный день я былъ приглашенъ въ енисейское окружное полицейское управленіе; тамъ мнѣ объявили распоряженіе комиссіи и *потребовали*, чтобы я собрался въ путь, такъ какъ я-де подлежу отправкѣ въ Ялуторовскъ *этапнымъ порядкомъ!..*

Читатели уже знаютъ, что въ культурно-просвѣтительномъ отношеніи и въ смыслѣ возможности заработка и какого-либо матеріальнаго обезпеченія Енисейскъ имѣлъ большія преимущества передъ Ялуторовскомъ. Для меня не представляло рѣшительно никакого интереса обратное переселеніе въ Ялуторовскъ, да еще *этапнымъ* порядкомъ, что потребовало бы около двухъ мѣсяцевъ времени и сопряжено бы было со всевозможными тяжелыми неудобствами. Я заявилъ, поэтому, енисейскому исправнику К-ну, что я отказываюсь отъ права возвращенія въ Западную Сибирь. К-нъ серьезнымъ и строго-начальническимъ тономъ заявилъ мнѣ, что такова «воля высшаго начальства» и что я обязанъ подчиниться этой «волѣ». Большихъ усилій и большого труда стоило мнѣ поколебать этого мудраго администратора въ его государственныхъ соображеніяхъ, хотя я на всѣ лады доказывалъ ему, что отмѣна наложенной въ административномъ порядкѣ кары и сопутствующее этой отмѣнѣ право возвращенія въ Западную Сибирь являются по отношенію ко мнѣ и моимъ товарищамъ *смягченіемъ* участи и «милостью», а отъ того и другого каждый, какъ говоритъ элементарная логика, въ правѣ отказаться. Добился я лишь одного: исправникъ согласился *отсрочить* отправку мою въ Ялуторовскъ до полученія отвѣта на докладную записку, отправленную мною черезъ него министру внутреннихъ дѣлъ. Послѣдній съ доводами моими, конечно, согласился,—и я остался въ Енисейскѣ, гдѣ въ общемъ мнѣ пришлось пробыть около двухъ лѣтъ.

Тѣмъ временемъ возникшая въ началѣ 1881 г. въ Томскѣ «Сибирская Газета» успѣла пустить прочные корни. Редакція

ея состояла изъ людей убѣжденныхъ, ставившихъ себѣ задачей служить, по мѣрѣ силъ и возможности, интересамъ своей родины, стараясь пріобщить ее ко всѣмъ благамъ западно-европейской культуры. Основана была газета небольшимъ кружкомъ томской интеллигенціи, во главѣ котораго стояли бухгалтеръ томскаго отдѣленія государственнаго банка *Иннокентій Гавриловичъ Муромовъ* и піонеръ книжной торговли въ Сибири, искренній и въ высшей степени энергичный ревнитель просвѣщенія—книгопродавецъ *Петръ Ивановичъ Макушинъ*, оффиціальный издатель. Редакторомъ юридическимъ и фактическимъ приглашенъ былъ изъ Иркутска молодой натуралистъ *Александръ Васильевичъ Адріановъ*, человѣкъ не съ особенно широкимъ публицистическимъ горизонтомъ, но безукоризненно честный, съ весьма твердыми и устойчивыми прегрессивно-демократическими убѣжденіями. Впрочемъ, редакція «Сиб. Газ.» была не единоличная, а коллегіальная: въ составъ редакціонной коллегіи,—кромѣ Адріанова, Макушина и Муромова,—входили еще чиновникъ томской контрольной палаты *Адамъ Михайловичъ Войцеховскій*, а затѣмъ и *Феликсъ Вадимовичъ Волховской*, заведшій въ газетѣ отдѣлъ оригинальнаго фельетона.

Главная сила «Сибирской Газеты» лежала въ многочисленномъ контингентѣ корреспондентовъ, рекрутировавшемся преимущественно изъ среды политическихъ ссыльныхъ, разбросанныхъ по всѣмъ угламъ Западной и Восточной Сибири. Они безпощадно выводили на свѣжую воду всѣ злоупотребленія, всѣ баззаконія и всѣ язвы, которыя тогда подтачивали нормальную жизнь Сибири. «Сибирская Газета» стала грозой для всѣхъ мелкихъ и крупныхъ насильниковъ, для взяточниковъ и хищниковъ, опутавшихъ крестьянскую и мѣщанскую массу тонкой паутиной грабительства и вымогательства. Гроза эта становилась особенно чувствительной, когда разныя мелкія и отрывочныя сообщенія корреспондентовъ попадали въ фельетонную отдѣлку Волховского—въ его «зигзаги» или «сказки». Псевдонимъ его: «*Иванъ Брутъ*» сталъ скоро очень популяренъ во всей Сибири и вызывалъ въ мірѣ захолустныхъ чиновниковъ панику и скрежетъ зубовный...

Я работалъ въ «Сиб. Газ.», случайно, преимущественно какъ бытописатель г. Енисейска. Но роль «корреспондента», какъ она ни почтенна и необходима особенно въ Сибири (въ описываемое время), не удовлетворяла меня. Мнѣ хотѣлось примкнуть тѣснѣе къ редакціонной коллегіи и получить возможность непосредственно вліять на всю физіономію газеты.

И вотъ, я задумалъ переселиться въ Томскъ. Но *какъ* это сдѣлать? Въ Енисейскѣ я состоялъ, подъ гласнымъ надзоромъ полиціи и какъ *поднадзорный* не имѣлъ права на передвиженіе безъ надлежащаго на то разрѣшенія. Хотя я въ Восточной Сибири остался добровольно, но, разъ зачисленный въ ссыльные этой полосы Сибири, я могъ передвинуться въ Западную Сибирь не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ или, вѣрнѣе, съ разрѣшенія департамента полиціи. Особенно трудно было надѣяться получить разрѣшеніе на переселеніе въ *губернскій* городъ Томскъ, въ которомъ сосредоточены были многія учебныя заведенія и долженъ былъ въ скоромъ времени открыться первый сибирскій университетъ.

Нужно было дѣйствовать окольнымъ путемъ.

Во главѣ департамента полиціи стоялъ въ то время столь прославившійся впослѣдствіи Петръ Николаевичъ Дурново. Въ кругу тогдашнихъ ссыльныхъ извѣстно было, что вліяніе и значеніе послѣдняго были обширны въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ вообще, а въ особенности при рѣшеніи вопросовъ, находившихся въ непосредственномъ вѣдѣніи этого департамента. Ходатайствовать прямо о переводѣ въ Томскъ—значило бы сразу и навѣрняка проиграть дѣло. Я обратился, поэтому, къ министру внутреннихъ дѣлъ съ прошеніемъ о разрѣшеніи мнѣ временной отлучки въ г. Томскъ для леченія глазъ, такъ какъ тогдашній инспекторъ томской врачебной управы считался лучшимъ спеціалистомъ въ Сибири по глазнымъ болѣзнямъ. Одновременно съ этимъ прошеніемъ я отправилъ конфиденціальное письмо на имя П. Н. Дурново, въ которомъ просилъ его непосредственнаго содѣйствія въ скорѣйшемъ удовлетвореніи моего ходатайства. Мотивируя послѣднее болѣзнью глазъ, я—собственно говоря—мало погрѣшилъ противъ истины, такъ какъ мое зрѣніе было значительно ослаблено во время продолжительнаго одиночнаго заключенія по россійскимъ тюрьмамъ и въ Петропавловской крѣпости.

Не дольше, какъ недѣли черезъ три (а въ то время почтовое сообщеніе въ оба конца между Енисейскомъ и Петербургомъ требовало приблизительно именно столько времени) получено было уже распоряженіе департамента полиціи о разрѣшеніи мнѣ временнаго переселенія въ Томскъ для излеченія глазъ—и переселенія не на казенный счетъ въ этапномъ порядкѣ, а по моему усмотрѣнію на свой счетъ.

Я опять воспрянулъ духомъ. Стало быть, поживемъ еще!

Я добылъ необходимыя на переѣздъ въ Томскъ средства

(поѣздка на почтовыхъ изъ Енисейска въ Томскъ, при разстояніи около 800 верстъ, требовала при наличности «попутчика» около 25-ти рублей), наскоро собрался, получилъ изъ полицейскаго управленія «проходное свидѣтельство», распрощался съ енисейскими товарищами, и весною 1883-го года отправился въ Томскъ.

С. Чудновскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЛЮБА.

(Изъ воспоминаній дѣтства).

Какъ живучи и ярки впечатлѣнія дѣтства! Мнѣ теперь 45-й годъ и, не угодно ли вамъ,—годъ тому назадъ мнѣ снилось: я, маленькій Миша, сижу въ кругу такихъ же маленькихъ моихъ товарищей на скамьѣ подъ акаціей. Саша держитъ небольшую черную гармонику, которую подарилъ ему помѣщикъ нашей деревни, и играетъ, а мы подъ гармонику напѣваемъ вотъ эту нехитрую пѣсенку: «а Любушка, Любушка, сизая голубушка»...

Послѣдній аккордъ гармоники еще замиралъ въ моихъ ушахъ, когда я проснулся. Сонъ былъ такъ реаленъ, такъ полонъ подробностей сцены и мѣста, что я, проснувшись, былъ подъ его обаяніемъ. Я уже на яву сказалъ:

— Ну, Саша, еще!

И затѣмъ только спохватился:

Постой, да, вѣдь, мнѣ 44 года, и я совсѣмъ не въ родной мнѣ деревнѣ, а... а здѣсь... Но и это не остановило меня. Предо мной пронеслась вереница воспоминаній, пока я не остановился на одномъ изъ нихъ.

Я вспомнилъ нашъ острогъ (такъ называли въ нашей деревнѣ маленькую тюрьму) и единственнаго узника его—Никиту.

Я подумалъ: быть можетъ, это первый острый шипъ въ моей жизни, пронзившій впервые мою безмятежную дѣтскую душу.

Разскажу. Пусть узнаютъ современныя дѣти, какъ жили нѣкія дѣти въ крѣпостной деревнѣ, невольные свидѣтели канувшей въ вѣчность крѣпостной неволи, и какъ она отдавалась въ ихъ дѣтскихъ душахъ, когда они подошли къ ней въ лицѣ Никиты, жертвы этой неволи.

Но тутъ предстала предо мной бѣлокурая головка съ искрящимися голубыми глазками, головка Любы, дѣвочки 6—7 лѣтъ. Глазки эти словно говорили мнѣ:

«Это я, Люба, помнишь? Ты хочешь разсказывать о Никитѣ? Ну, Богъ съ тобой, только мнѣ стыдно». И мои воспоминанія понеслись въ сторону Любы.

Но нѣсколько словъ о нашей деревнѣ. Наша деревня, если вы въѣзжаете по единственной дорогѣ, ведущей въ нее, представлялась въ такомъ видѣ: направо море; впереди вдали лиманъ. Въ сторону лимана квадратная площадь, посреди которой возвышалась бѣлая каменная церковь, утопавшая въ зелени тѣнистыхъ деревьевъ, которыми была засажена ограда. За ней вплоть до лимана, на разстояніи полуверсты, и влѣво отъ нея тянулся барскій садъ. Лѣвую сторону площади замыкалъ рядъ домовъ: барская контора и дома духовенства, предъ которыми протянулась аллея изъ акацій. Передъ церковью барскій домъ, образуя третью сторону площади. Справа къ площади прилегала улица дворовыхъ крестьянъ. А за улицей дворовыхъ протянулись ряды улицъ деревни къ морю. Позади конторы находился острогъ, а сзади барскаго дома «вітряки» (вѣтряныя мельницы) далеко разбросались вдоль дороги. Кончимъ на этомъ о деревнѣ и перейдемъ къ Любѣ.

Было воскресенье. Обѣдня кончилась, народъ разошелся по домамъ. Возвращается и духовенство домой.

Навстрѣчу своимъ отцамъ бѣгутъ Люба и Анюта. Люба завернулась полой рясы отца, только головка торчитъ.

— Папа,—обратилась она къ отцу,—Петя говоритъ, что дѣдова Любка еще вчера пошла въ Николаевку и до сихъ поръ ея нѣтъ, и дѣду некому сегодня обѣдъ варить.

— Что-жъ, ты, что ли, думаешь замѣнить сегодня Любку?— пошутилъ о. Θеодосій.

Люба выпорхнула изъ-подъ полы рясы и надула губки, ровно собралась заплакать.

— Ну полно же, дурочка, вѣдь, я пошутилъ. Конечно, нужно дѣду обѣдать. Иди же, веди дѣда чай пить, у насъ и пообѣдаетъ.

— Нѣтъ, о. Θеодосій,—заразившись примѣромъ Любы, вмѣшалась Анюта:—У васъ дѣдъ будетъ чай пить, а у насъ обѣдать, или, какъ хотите, у насъ будетъ чай пить, а у васъ обѣдать.

Батюшки засмѣялись.

— Да, вы прежде убейте медвѣдя, а потомъ ужъ и шкуру дѣлите,—замѣтилъ другой батюшка,—дотащите ли вы дѣда?

Въ самомъ дѣлѣ, дѣдъ, отбывшій свою барщину мельникомъ, былъ старый, престарый, почти не видѣвшій глазами. Для такого дѣда было истиннымъ подвигомъ пройти пространство, отдѣлявшее его землянку у мельницъ отъ домовъ батюшекъ.

— Ну, что же, идите, тащите, своего дѣда,—шутилъ о. Ѳеодосій надъ затрудненіемъ Любы и Анюты. Люба и Анюта молчатъ. Онѣ понимаютъ, что безъ посторонней помощи имъ не совладать съ дѣдомъ.

— Анимпадистъ,—крикнулъ о. Ѳеодосій барскому буфетчику, дородному молодцу, стоявшему на крыльцѣ барскаго дома,—иди, братъ, помоги нашимъ дѣвицамъ дѣда притащить, вызволь ихъ изъ бѣды.

Анимпадистъ подхватилъ ту и другую на руки и понесъ ихъ въ землянку дѣда. Вскорѣ изъ землянки вышла группа въ такомъ порядкѣ: справа Анимпадистъ поддерживаетъ дѣда подъ руку; въ лѣвой рукѣ у дѣда костыль, на который онъ опирается. Анюта и Люба идутъ впереди, то лицомъ къ дѣду дѣлаютъ шаги назадъ, словно соображаютъ, глядя на дѣда: дойдетъ ли, молъ, дѣдъ; то поворачиваются лицомъ впередъ, чтобы измѣрить пространство, которое предстоитъ еще побѣдить дѣду...

Вспомнилась и еще одна сценка. Мы, дѣти, идемъ въ садъ. Наступило давно ожидаемое Преображеніе. Съ этого дня Валентинъ, барскій садовникъ, открываетъ намъ входъ въ садъ. Съ тѣхъ поръ, какъ прошелъ сезонъ вишенъ и абрикосовъ, и впредь до Преображенія двери сада были для насъ закрыты, и мы могли попасть въ садъ только тайно отъ Валентина, проще говоря—воровски, подъ предводительствомъ Пети, сына нашего дьячка. Но Валентинъ зорко слѣдилъ за нами, такъ зорко, что трудно было попасть за ограду сада. Петя положительно утверждалъ, что Валентинъ знается съ чортомъ и что въ его сношеніяхъ съ чортомъ видную роль играетъ его картузъ съ большимъ козырькомъ.

— Потому онъ и носитъ этотъ картузъ лѣтомъ,—говорилъ Петя. Но сегодня Преображеніе, и Валентинъ самъ явился послѣ обѣда вести насъ въ садъ. Онъ сегодня, по приказу барина, открываетъ садъ для дѣтей духовенства. Его угостили водкой оба батюшки и дьячекъ. Онъ зашелъ даже къ дьякону, и тамъ ему поднесли, хотя у дьякона дѣти еще не въ такомъ возрастѣ, чтобы идти въ садъ. Но такъ ужъ повелось. Валентинъ отъ выпитаго подъ хмѣлькомъ и словоохотливъ. Онъ ведетъ дружески разговоръ съ Любой, которая у него на рукахъ.

А о чемъ я хочу спросить тебя, Валентинъ, — говоритъ Люба.

— Что, Любочка, что, милая барышня?

— Только ты скажи правду, Валентинъ.

— Истинную правду скажу, Любочка, зачѣмъ мнѣ васъ обманывать!

— Скажи, правда ли, что ты съ чортомъ знаешься?

— Вотъ ужъ отъ васъ, такой доброй барышни, я не ожидалъ, чтобы вы меня, старика, такъ опорочили. Да я знаю,— это не ваши слова, это вамъ Петя сказалъ. Это ты, сукинъ котъ, Петя, такое нехорошее про меня выдумалъ,—обратился Валентинъ, уже совсѣмъ охмелѣвшій, къ Петѣ.

Петя поднялъ брошенную ему перчатку.

— Скажешь, небось, нѣтъ? — спросилъ убѣжденно Петя.

— Прямо скажу — нѣтъ. На мнѣ вотъ крестъ. Вотъ смотрите, Любочка. Валентинъ становится однимъ колѣномъ на землю, спускаетъ Любу и вынимаетъ изъ-за пазухи крестъ.

Мы всѣ подходимъ и удостовѣряемся. Дѣйствительно, у Валентина крестъ, какъ у всѣхъ крестьянъ, мѣдный, немного позеленѣвшій отъ пота. Но Петя не сдается.

— Ну, хорошо, ты такъ говоришь. А я тебя спрошу: въ ту субботу я вонъ откуда, отъ лимана зашелъ; это съ версту будетъ отъ твоей сторожки. Только я подошелъ къ грушѣ, а ты тутъ, какъ тутъ. Кругомъ никого не было, да тебѣ никто и не скажетъ; всякій знаетъ, какъ трясешься надъ своими яблоками. Ну, говори, кто тебѣ сказалъ?—допрашивалъ Петя Валентина.

— Дурачекъ ты, Петюшка, вотъ что! Я тебѣ прямо скажу по-нашему по-мужицкому: ты только за дугу—а я уже на возъ. Перво на перво знай: ты только вышелъ изъ своей калитки и обогнулъ церковь, какъ я уже знаю твои намѣренія. А что ты называешь меня скрягой, и это опять же твоя неправда. Ты хоть и жаловался барину, что я тебя обижаю, а я вовсе тебя не обижаю.

— Я барину жаловался, — возмутился Петя. — Спроси у Щербака, какъ было дѣло. Конюхи поили лошадей, вывели «Красавчика», и баринъ приказалъ Щербаку подвести Красавчика къ окну. Баринъ погладилъ Красавчика, а Щербакъ и говоритъ: «Скучаетъ, баринъ, Красавчикъ по Никитѣ; не будетъ, думаетъ, у барина такого форейтора, какой былъ Никита». Баринъ усмѣхнулся и перевелъ разговоръ на меня.—Ну, что, говоритъ, Петя, хороши яблоки въ этомъ году?—Ну, я и сказалъ: «А я почемъ знаю, спросите у Валентина».—Баринъ на это и ска-

залъ: «вижу, Петя; обижаетъ тебя Валентинъ». Вотъ какъ было дѣло,—закончилъ Петя.

— Противъ этого я тебѣ ничего не могу сказать, потому я тамъ не былъ. А скажу только, всякому извѣстно, что ты у насъ молодчикъ. И на дерево безъ себя я тебя не пущу. При мнѣ—изволь, полѣзай на грушу ли, скажемъ, на яблоню, слова тебѣ не скажу. А безъ меня—нѣтъ! Ужъ тамъ, какъ хочешь, прямо тебѣ говорю—нѣтъ! Потому ты, напримѣръ, вѣтки обломаешь, а вѣтки-то, дурачекъ, и плоды родятъ, а ты этого не понимаешь. Такъ я и барину сказалъ: «пусти, говорю, козла въ огородъ, то онъ не столько съѣстъ, сколько потопчетъ». Ужъ тамъ серчай, не серчай, а ты прямой козелъ, Петюха! — Люба вмѣшалась опять.—Петя говоритъ, что ты и картузъ носишь съ такимъ козырькомъ, чтобъ тебѣ не смотрѣли люди въ глаза.— Пустое онъ говоритъ, Любочка. Картузъ баринъ мнѣ купилъ. Въ городѣ всѣ садовники въ такихъ картузахъ. Потому, напримѣръ, я смотрю вверхъ на дерево, нужно, скажемъ, обрѣзать сухой сукъ, а солнце бьетъ въ глаза, мѣшаетъ мнѣ видѣть. Чѣмъ мнѣ постоянно рукой прикрывать глаза, такъ лучше ужъ козырекъ,—онъ всегда при мнѣ на головѣ, и руки у меня свободны: работаю себѣ пилой или ножомъ.—Пока Валентинъ съ Петею перекорялись, мы пришли къ сторожкѣ, на затѣненной сторонѣ которой мы увидѣли, прикрытые рогожей, предметы нашихъ вожделѣній. Но Петя, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, освѣдомился у Валентина, собралъ ли онъ плоды съ той груши, которая тамъ гдѣ-то, какъ ему доподлинно извѣстно. На что ему Валентинъ отвѣтилъ нѣсколько просительно: —Не замай ты ее пока; черезъ недѣлю самъ скажешь мнѣ спасибо, потому сейчасъ она не въ своей порѣ. Черезъ недѣлю, сдѣлай милость. Мнѣ, говорю, не жаль, а только сказываю, сейчасъ она не готова.

Петя удовлетворился, и мы приступили къ дѣлу—наѣлись и съ собой набрали. Собираемся домой. Валентинъ накладываетъ корзинки Любѣ и Анютѣ, причемъ говоритъ послѣдней:

— Вотъ тутъ въ вашу корзинку, Анюточка, я положу узелочекъ для Зиньки. Скажите ей, шлетъ, молъ, тебѣ гостинецъ Валентинъ. А это,—подавая другой узелокъ Петѣ, сказалъ Валентинъ, — ты ужъ, Петя, похлопочи: это значитъ отъ меня гостинчикъ Никитѣ.

Перейдемъ и мы къ Никитѣ. Никита—крѣпостной нашей деревни. Онъ былъ сначала форейторомъ, а въ то время, къ

которому относится этотъ разсказъ, онъ отбывалъ барщину въ качествѣ кузнеца.

Помѣщикъ нашей деревни былъ старикъ, разбитый параличемъ. Не владѣлъ онъ ни руками, ни ногами. Онъ обыкновенно сидѣлъ въ трехколесномъ креслѣ, въ которомъ лакеи возили его въ церковь. Въ этомъ же креслѣ лѣтомъ возили его по аллеямъ сада, и онъ говаривалъ въ такихъ случаяхъ: «я сегодня гулялъ». Въ креслѣ же онъ попадалъ и въ поле; только въ рѣдкихъ случаяхъ здоровье позволяло ему выѣзжать въ поле въ каретѣ. Помѣщикъ нашъ былъ, кажется, добрый человѣкъ, по крайней мѣрѣ въ моей памяти не сохранилось ничего о немъ, что было бы похоже на тѣ звѣрства крѣпостного права, о которыхъ я узналъ потомъ. Съ нами, дѣтьми, онъ былъ ласковъ, дарилъ намъ въ праздники игрушки. Но при немъ въ барскомъ домѣ жила бывшая его подруга жизни, отъ которой онъ имѣлъ единственную дочь, находившуюся гдѣ-то въ институтѣ и никогда на моей памяти не пріѣзжавшую въ нашу деревню. Эту женщину за глаза всѣ называли Сашкой, а въ глаза— Александрой Николаевной. Она была крѣпостной его же деревни. Что она изъ себя представляла — не знаю. Но, кажется, и она была не злая женщина, только вѣчно пьяная. Братъ ея былъ главнымъ конторщикомъ въ господской экономіи.

При барскомъ дворѣ держали нѣсколько дворовыхъ дѣвушекъ, занятія которыхъ состояли въ томъ, что онѣ приготовляли все барское бѣлье: столовое, спальное и пр. Баринъ жилъ на широкую ногу; въ его домѣ всегда толпились гости, особенно, если вблизи были расквартированы войска (самъ баринъ былъ полковникъ, въ молодости служившій въ кавалеріи).

Въ числѣ этихъ дворовыхъ дѣвушекъ была Зинаида, красивая брюнетка. На эту Зинаиду, какъ на жену, имѣлъ виды Григорій Николаевичъ, братъ Сашки; но красавица Зинаида предпочла ему Никиту. Сашка, конечно, радѣла въ пользу брата. И вотъ, за непокорность барскому выбору, Зинаида была разжалована изъ дворовыхъ дѣвушекъ и отдана батюшкѣ въ кухарки. А Никита ударился въ бѣга. Казалось бы и хорошо, бѣги себѣ, скатертью дорога!.. Но, очевидно, не безъ умысла изобрѣлъ онъ такой путь протеста. Дѣло въ томъ, что наша деревня съ одной стороны только заливомъ моря отдѣляется отъ Кубанской области, а съ другой стороны только двѣнадцативерстное разстояніе отдѣляетъ ее отъ Земли Войска Донского. Ясно, что у Никиты былъ планъ, въ который онъ не посвятилъ насъ, своихъ друзей. Теперь только я могу догадываться, что Никита хотѣлъ сначала

пристроиться гдѣ-нибудь, а затѣмъ ужъ явиться за Зинаидой. Впрочемъ, какъ я ужъ сказалъ, это моя догадка; а въ чемъ состоялъ планъ Никиты, объ этомъ зналъ только онъ самъ, да Свиридъ. Свиридъ—такъ зовутъ Спиридона малороссы—былъ старикъ лѣтъ шестидесяти, своеобразная личность въ нашей деревнѣ. Онъ состоялъ въ привилегированномъ отношеніи къ барщинѣ. Такое отношеніе Свирида къ барщинѣ установилось не на моей памяти. Разсказывали, что разъ Свиридъ въ числѣ прочихъ былъ приведенъ къ барскому окну, гдѣ по воскресеньямъ чинился судъ за провинности прошлой недѣли. Когда дошла очередь до Свирида, староста сказалъ:

— Не слушается, баринъ, а скажешь что, ругается.

— Какъ ты смѣешь не слушать и грубить старостѣ!—обратился къ нему баринъ.

— А такъ смію, бо я не вашъ кріпостной, — отвѣтилъ Свиридъ, неизвѣстно на какомъ основаніи.

— Вотъ что, а чей же ты?—удивился баринъ.

— Я батюшкинъ дворецкій,—отвѣтилъ невозмутимо старикъ.

— Когда же ты пересталъ быть моимъ крѣпостнымъ и сталъ дворецкимъ батюшки? — продолжалъ любопытствовать баринъ.

— А съ тіхъ поръ, якъ и помню, — говоритъ Свиридъ:—тамъ імъ хлібъ-сіль, тамъ и барщину отбуваю.—Говорятъ, помѣщикъ такъ былъ подкупленъ смѣлостью и оригинальностью Свирида, что тутъ же сказалъ ему:

— Ну, ты правъ, а я и не зналъ этого до сихъ поръ.

Помѣщикъ охотно разсказывалъ своимъ гостямъ о столкновеніи со Свиридомъ. Свиридъ же съ тѣхъ поръ состоялъ разсыльнымъ при конторѣ и, вѣроятно на правахъ дворецкаго, проводилъ большую часть дня во дворѣ или на току батюшки.

Вотъ этотъ-то старикъ и принялъ близкое участіе въ судьбѣ Никиты и Зинаиды. Никита нѣсколько разъ порывался бѣжать, и его каждый разъ ловили, наказывали и сажали въ острогъ. Но какъ только выпускали на волю, онъ вновь бѣжалъ. Никитѣ всѣ въ деревнѣ сочувствовали, но посѣщать его въ заключеніи никто не осмѣливался, кромѣ насъ дѣтей да Свирида, который какъ-то умудрился соединять должность разсыльнаго съ должностью тюремнаго сторожа. Мы были настоящими посѣтителями тюрьмы—постоянно кто-нибудь изъ насъ, а то и всѣ вмѣстѣ стояли у рѣшетки окна тюрьмы. Печетъ ли Зинаида хлѣбъ—испечетъ Никитѣ калачъ или пышку; соберетъ ли Щербакъ

яйца въ ясляхъ конюшни для Никиты—черезъ насъ все это попадало Никитѣ въ острогъ.

Да и сами мы не меньше Зинаиды заботились о Никитѣ; правда, не всегда, быть можетъ, по безкорыстнымъ побужденіямъ—такой грѣхъ за нами водился на первыхъ порахъ, но потомъ, когда мы больше сблизились съ Никитой и прониклись его судьбой, корыстныя побужденія все больше отходили на задній планъ, и мы вмѣстѣ съ другими стали жалѣть Никиту. Никита охотно отплачивалъ намъ за наши добрыя чувства къ нему: дѣлалъ намъ долотца для выдалбливанія изъ поплавковъ волокушъ баркасовъ. Разсказывалъ намъ о донскихъ и черноморскихъ казакахъ, какъ они живутъ вольно, необязанные никакой барщиной. Мы въ свою очередь передавали ему новости деревни и все то, что намъ удавалось узнать о его судьбѣ. Словомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все бо́льшими друзьями Никиты мы дѣлались. Онъ все больше забывалъ, что мы дѣти, а мы, какъ дѣти, не смыслили, что онъ уже въ такомъ возрастѣ, когда въ жизни людей играетъ могучую роль любовь. Разъ какъ-то мы всѣ были въ сборѣ у рѣшетки. Никита плелъ Любѣ и Анютѣ корзинки изъ куги. Разговоръ коснулся его судьбы.

— Отчего, Никита, ты не живешь, какъ всѣ мужики?—спросила его Люба—вотъ какъ Митрофанъ? Ковалъ бы ты съ нимъ, какъ прежде, и тебя бы не наказывали и въ острогъ не запирали.

— А я васъ спрошу, Любочка, за что я стану на него работать? Если бы, скажемъ, онъ что доброе сдѣлалъ мнѣ,—другое дѣло, работалъ бы и я; все равно намъ, простымъ людямъ нужно гдѣ-нибудь работать. А какое, Любочка, онъ мнѣ добро сдѣлалъ? Я ему форейторомъ служилъ. Потомъ въ кузню поставили; три года въ кузнѣ пекся, ровно на родного батька работалъ. А онъ мнѣ что за это? Жену, и ту бери не какую самъ выбралъ, а какую онъ тебѣ указалъ. Нѣтъ, пускай на него чортъ работаетъ, а я не стану! Пускай лучше волки меня въ степи съѣдятъ, чѣмъ я покорюсь ему. Вы думаете, Любочка, сладко такъ жить, какъ я живу: бѣгать по камышамъ, да слушать волчьи пѣсни. Разсказалъ бы я вамъ, Любочка, какъ это сладко, да вы еще маленькая барышня. Ну что, хорошо такъ?—прервалъ Никита рѣчь о себѣ, показывая корзинку.—Мало куги. Погодите, можетъ, Свиридъ за чѣмъ пойдетъ въ Николаевку; я ему скажу, чтобы онъ побольше нарѣзалъ куги, тогда я сдѣлаю всѣмъ по большой корзинкѣ, и будетъ вамъ память объ Никитѣ.

— Развѣ ты ужъ совсѣмъ, Никита, не будешь жить въ нашей деревнѣ?—спросили мы.

Никита улыбнулся и сказалъ:—тамъ ужъ какъБогъ дастъ,—волки съѣдятъ, лихой человѣкъ убьетъ, мало ли что можетъ случиться.—Никита сказалъ это такимъ грустнымъ тономъ, такъ жалостно подѣйствовалъ на наши сердца дѣтскія, что мы всѣ умолкли и нѣсколько минутъ слѣдили, какъ его пальцы перебирали кугу. Петя прервалъ молчаніе.

— А все это, Никита, Ревенко да Сашка. Баринъ бы ничего, самъ баринъ ничего бы не сдѣлалъ. Да и Сашка бы ничего, если бы ее Ревенко не научалъ.

— Пускай Ревенко что хочетъ дѣлаетъ, по ихнему не будетъ,—закончилъ Никита.

На этомъ насъ прервала Зинаида. Она пришла звать насъ чай пить. Зинаида не подошла близко къ намъ, а издали поклонилась, улыбаясь, Никитѣ. Никита отвѣтилъ тоже улыбкой, и мы пошли за Зинаидой домой. Вскорѣ послѣ этого Никиту выпустили изъ тюрьмы, и мы въ теченіе нѣсколькихъ дней приходили къ нему въ кузню съ нашими заказами. Но въ одно утро съ грустью услышали, что Никита опять бѣжалъ. Долго о немъ не было слышно. Разспрашивали мы о немъ и писаря Пантюшку.

— Ничего,—говоритъ,—не слышно.—Приставали съ разспросами и къ Свириду, но Свиридъ отдѣлывался отъ насъ сердитымъ и лаконическимъ отвѣтомъ:

— Отчипит сь, бачь имъ треба все знать! Що я хожу за вашимъ Микитой. — А между тѣмъ мы чутьемъ отгадывали, что Свиридъ знаетъ. Мы замѣчали, что Свиридъ подойдетъ, напримѣръ, къ забору, отдѣлявшему нашъ дворъ отъ конторы, и крикнетъ:—Зинька, а Зинька! Чи нема тамъ у батюшки якого ледащаго кавуна? Така жара: пивъ, пивъ воду, дай лышень кавуномъ чи не перебью жажду!

Зинька несетъ кавунъ Свириду, и онъ о чемъ-то таинственно съ ней переговариваетъ. Разъ какъ-то Зинаида отжимала творогъ на сырнѣ [1]) около кухни. Свиридъ подошелъ къ забору, позвалъ ее, но увидѣвъ, что она занята, сказалъ:

— Тоби николы, стрівай, я самъ пріду.—Пришелъ. Мы тутъ же около старика юлили.

— А вамъ чего тутъ треба, идить собі гуляйте! Никуды отъ васъ не спрячешься.

И въ ожиданіи, пока мать, замѣтивъ, что мы тамъ лишніе, позоветъ насъ, онъ присѣлъ на корточкахъ около сырна и, очевидно, занятый своими мыслями, взялъ кусочекъ творога и въ ротъ.

---

1) Низенькій столъ, за которымъ малороссы обѣдаютъ.

— Діду, шо то вы робіте—це жъ сыръ!

— А сукиному сынові дочка, оскоромила діда! Сыръ, сыръ, тьфу, тьфу.—Скоро, какъ дѣдъ и ожидалъ, мать крикнула намъ:

— Дѣти, ступайте сюда, что вамъ тамъ надо!

И мы, покоряясь судьбѣ, только и могли запищать на разные голоса въ отместку по адресу Свирида: «сыръ, сыръ, тьфу, тьфу»! Мы съ добрыми намѣреніями интересовались Никитой, хотя, быть можетъ, не подозрѣвая того, оказывали ему медвѣжью услугу, приставая съ разспросами къ Свириду. Но не одни мы интересовались Никитой, и не съ добрыми намѣреніями слѣдили за Свиридомъ и Зинаидой другіе. Вскорѣ послѣ этого Зинаида съ дѣдовой Любкой отправились на лиманъ полоскать бѣлье, и Зинаида возвратилась съ лимана печальная и молчаливая. А утромъ Петя имѣлъ уже свѣдѣнія отъ Пантюшки, что Никита пойманъ и что его передъ обѣдомъ будутъ наказывать у барскаго окна.

— Вы только дома не говорите,—наставлялъ насъ Петя,—а то вѣдь все равно загонятъ въ комнаты, и ничего не увидимъ. Петя былъ правъ. Не будь наши отцы въ отъѣздѣ,—въ это время ходили съ крестнымъ ходомъ по хлѣбамъ—они, быть можетъ, раньше насъ узнали бы эту новость. Но теперь наши матери могли узнать только отъ насъ и, конечно, мы вполнѣ согласились съ Петей, что нужно воспользоваться случаемъ и молчать, иначе загонятъ въ комнаты, и мы ничего не узнаемъ и не увидимъ. И вотъ, мы сидимъ въ аллеѣ и поглядываемъ на уголъ церкви: оттуда будутъ вести Никиту. Аллея была вся въ цвѣту: акаціи распустили свои пышныя кисти цвѣтовъ. Солнце такъ ярко освѣщало площадь. Воздухъ былъ насыщенъ благоухающимъ ароматомъ цвѣтущей акаціи. Это было вскорѣ послѣ Троицы, день былъ еще нежаркій, тихій. Въ воздухѣ рѣяли стрижи или, какъ у насъ ихъ называютъ, щуры; словомъ, природа ликовала. Но люди всегда умудряются испортить праздникъ природы. Такъ и на этотъ разъ. Первый показался изъ-за ограды Никита со связанными назадъ руками. Рядомъ съ нимъ староста съ бляхой на груди и съ шапкой въ рукѣ. Позади ихъ два сотскихъ съ розгами въ рукахъ и, наконецъ, немного на отлетѣ сзади старуха, мать Никиты, съ сжатой въ рукѣ бѣлой хусточкой у щеки. Барское окно раскрылось, и у окна суетилось нѣсколько человѣкъ подъ командой конторщика Ревенко. Картина молчаливая, но такъ много говорившая даже намъ, дѣтямъ. Мы переглядываемся; у Любы губки начинаютъ складываться, ровно собирается заплакать. И только Анюта успѣла сказать: «а Люба плачетъ»,—сама заплакала. Люба громко зарыдала, и со словами: «не нужно Никиту наказывать, не нужно, ахъ не нужно

наказывать!» ровно невѣдомая сила ее подхватила, и Люба понеслась къ барскому крыльцу. Съ крыльца ей навстрѣчу лакей Алфей кричитъ:

— Любочка, воротитесь, нельзя, Любочка, нельзя, баринъ насъ накажетъ.—Выбѣжалъ другой лакей Аронъ, что-то сказалъ Алфею, и тотъ посторонился съ дороги. Люба скрылась отъ насъ въ барскомъ домѣ. Минуты двѣ-три спустя побѣжалъ Аронъ навстрѣчу группѣ съ Никитой во главѣ. Группа поворотила къ острову. Но тутъ въ калиткахъ нашихъ домовъ раздались встревоженные голоса нашихъ матерей:

— Дѣти, ступайте домой!

Какъ только мать узнала отъ насъ, въ чемъ дѣло, отобрала у меня и у брата фуражки, а у сестры платокъ и пригрозила:

— Только кто изъ васъ выйдетъ у меня, разую, ходи босые. Ахъ, подлыя дѣти, и вездѣ вамъ дѣло!

Спустя полчаса, мать Любы подошла къ окну нашего дома.

— Что съ вашей Любой?—спросила наша мать у нея.

— Лежитъ въ постели, дрожитъ, плачетъ, цѣлуетъ руки. Немного успокоилась теперь, уснула. Не знаю, какъ и быть! Не позвать ли Сашку? Какъ вы посовѣтуете? Такая непріятность... Подумаетъ еще, научили. А тутъ еще и Ѳеодосія Степановича нѣтъ.

— Нѣтъ ужъ, Мавра Егоровна, подождемъ, пріѣдутъ, тогда и подумаемъ, что и какъ.

— Да, пріѣдутъ! Скажетъ, зачѣмъ не смотришь, зачѣмъ волю имъ даешь!

— Ну мало ли что, пусть самъ и смотритъ,—успокаивала Мавру Егоровну мать.—Усмотришь за ними, какъ же! Я ужъ у своихъ платокъ и картузы поотобрала. А только кто изъ нихъ выйдетъ, разую, пусть босые ходятъ,—закончила, адресуя послѣднее скорѣе къ намъ, чѣмъ къ Маврѣ Егоровнѣ. А мы сидимъ и слушаемъ съ братомъ, молча, а Анюта плачетъ.

Тревога нашей матери сообщилась и намъ, и намъ стало казаться, что мы совершили какое-то преступленіе. Къ вечеру возвратились наши отцы. Не успѣла мать передать отцу о случившемся, какъ явился Алфей съ обычной формой приглашенія: «Баринъ приказали просить васъ, батюшка, къ себѣ».

— Ну, а что баринъ? Какъ?—спросилъ отецъ.

— Никого не пускаютъ къ себѣ, одинъ Аронъ при нихъ. Пыталась Сашка къ нимъ, не пустили.

— Да что тамъ у васъ случилось, разскажи?—вновь спросилъ отецъ.

— Да вбѣжали это Любочка,—началъ Алфей,—бѣгутъ, плачутъ и все это твердятъ: «Не нужно наказывать Никиту, ахъ не нужно наказывать».—А потомъ, что съ ними случилось, я не умѣю вамъ, батюшка, сказать. Баринъ приказали посадить ее на кресло. А онѣ ровно имъ воздуху мало: все вотъ такъ,—при этомъ Алфей началъ изображать, какъ Люба истерически всхлипывала.—Баринъ опять приказываютъ: «дай ей понюхать одеколону и потри виски». Послѣ этого онѣ ровно стали успокаиваться. Взялъ я ихъ на руки, чтобы нести домой,—онѣ опять заплакали, и все время, какъ несъ ихъ, онѣ на рукахъ у меня сначала ровно птичка встрепенутся, а потомъ такъ это глубоко вздохнуть.—Алфей замолчалъ. На порогѣ показался отецъ Ѳеодосій. Оба батюшки пошли въ отдѣльную комнату, сговорились наскоро и отправились къ барину.

Матушки ждутъ съ нетерпѣніемъ батюшекъ и вполголоса дѣлятся своими впечатлѣніями, вздыхаютъ и заканчиваютъ: «а вотъ придутъ, узнаемъ».—Наконецъ возвратились батюшки. Отецъ вошелъ въ калитку и, направляясь къ крыльцу, сказалъ Конону, работнику, метущему дворъ: «позови ко мнѣ Зинаицу». Потомъ вошелъ въ комнату, посмотрѣлъ, улыбаясь, на насъ и сказалъ:

— Ну что сидите, надувшись, какъ мышь на крупѣ, идите погуляйте.—Я съ братомъ получили картузы, Анюта платокъ, и не заставили просить себя больше.

Анюта пошла къ Любѣ, а мы, мальчики, собрались въ аллеѣ. На крыльцѣ конторы сидѣлъ Свиридъ. Мы къ нему съ разспросами:

— Свиридъ Ивановичъ, гдѣ Никита? въ острогѣ?

— Отъ я вамъ покажу Микиту,—погрозилъ онъ намъ палкой,—наробили діла!

— Эй ты, сыръ, сыръ, тьфу, тьфу!—огрызнулись мы. Въ калиткѣ показалась Зинаида, такая сіяющая:

— Діду,—крикнула она Свириду, идить—спасибі вамъ сюды!

— Иду, що таке? Що такъ сяешь?

— Идить скажить Микитѣ, шо баринъ приказавъ насъ перевінчать.

— Успію, говори товкомъ, що таке?

— Симъ часомъ батюшка пришли отъ барина и сказали: «Ну, Зинаида, готовься къ свадьбѣ,—баринъ согласился, чтобы васъ перевѣнчать. Иди скажи свою радость Никитѣ!»—И я, якъ стояла, такъ и повалилась батюшкѣ въ ноги.

— Отакъ-то лучше, бачь, стара собака диждався, поки дітина его научила.—Изъ калитки другого батюшки показались Анюта

и Люба, держась за руки. Люба блѣдная, со стыдливой улыбкой на лицѣ.

Зинаида побѣжала къ нимъ и со словами: «Ахъ вы, наша милая барышня, наша заступница», — схватила Любу на руки и начала цѣловать ее...

М. Поповъ.

Шлиссельбургъ, 1896 года 14 ноября.

ДОМОЙ.

I.

Вмѣсто двухъ дней—какъ разсчитывалъ Леонидъ Иванычъ—дѣла задержали его въ губернскомъ городѣ почти на цѣлую недѣлю.

Все это время, несмотря на конецъ сентября, дулъ знойный сухой вѣтеръ, днемъ было жарко и пыльно, а по вечерамъ некуда было дѣваться отъ скуки. Зимній театральный сезонъ открывался только въ октябрѣ; въ тощихъ загородныхъ садахъ не было ничего, кромѣ грязныхъ и пьяныхъ кафе-шантановъ. Поневолѣ пришлось просидѣть всѣ вечера въ душной гостинницѣ, гдѣ, послѣ недавняго ремонта, нестерпимо пахло масляной краской и политурой.

Ежедневная бѣготня по всевозможнымъ канцеляріямъ, скучные дѣловые разговоры, духота и безконечные трескучіе звонки въ гостинницѣ—все это раздражало и угнетало Леонида Иваныча. Онъ злился, нервничалъ и тосковалъ по дому. Хотѣлось отдохнуть въ большихъ, чистыхъ и прохладныхъ комнатахъ, принять ванну, повидать друзей и знакомыхъ—такихъ же, какъ и онъ, образованныхъ, учтивыхъ и остроумныхъ людей, случайно занесенныхъ судьбою въ тусклый уѣздный городишко, расположенный въ степи, въ двухъ верстахъ отъ станціи желѣзной дороги.

— Засѣданіе продолжается!—смѣясь, говорилъ Леониду Иванычу наканунѣ отъѣзда докторъ Новицкій, страстный любитель садоводства, шахматной игры и музыки,—завтра вечеромъ мы опять къ вамъ, несмотря на ваше отсутствіе... Удивляюсь терпѣнію Софьи Михайловны!.. Говорятъ—не въ пору гость хуже татарина. Но каждый день по десяти татаръ, это... это просто

нашествіе!.. Ха-ха-ха!.. Чингисханство какое-то, честное слово!.. Ну, bon voyage!.. Не забудьте ноты, Леонидъ Иванычъ, и привезите пріятныя новости!..

А на другой день утромъ, прощаясь съ мужемъ, Софья Михайловна привычно цѣловала его въ лобъ и говорила медленно, вязкимъ, разслабленнымъ голосомъ:

— Ждемъ тебя въ понедѣльникъ. Привези же ноты... и, пожалуйста, телеграфируй.

Понедѣльникъ давно прошелъ, теперь уже была пятница и только сегодня вечеромъ расчитывалъ Леонидъ Иванычъ уѣхать домой, если не задержатъ опять въ казенной палатѣ.

II.

Около четырехъ часовъ дня, побывавши въ палатѣ, въ сиротскомъ судѣ и въ казначействѣ, Леонидъ Иванычъ закончилъ, наконецъ, всѣ дѣла и поѣхалъ въ ресторанъ обѣдать.

Изнѣженное лицо его, съ тонкими капризными губами, было усталымъ и блѣднымъ. Онъ мало ѣлъ, щурилъ глаза и брезгливо ковырялъ вилкой котлеты, словно не зналъ, изъ чего онѣ сдѣланы.

— Пожалуйста, Францъ... — сухо, но вѣжливо приказалъ онъ бритому пожилому лакею;—узнайте, когда отходитъ поѣздъ.

Лакей молча погремѣлъ на сосѣднемъ столѣ тарелками; потомъ, обернувшись и мягко вильнувъ обвисшими фалдами фрака, негромко спросилъ:

— Петербургскій?..

— Да нѣтъ же, почтовый... на Харьковъ.

— Такъ точно, изъ Севастополя... въ семь тридцать, на Петербургъ... Кофе прикажете?..

До отхода поѣзда оставалось еще достаточно времени. Леонидъ Иванычъ, не торопясь, выпилъ кофе и просмотрѣлъ газеты.

Изъ ресторана онъ отправился пѣшкомъ по магазинамъ, купилъ нѣсколько новыхъ книгъ и толстую тетрадь нотъ—всего «Фауста», спеціально аранжированнаго для рояли. Возвращаясь въ гостинницу, вяло перебиралъ въ памяти, не забылъ ли чего-нибудь; потомъ вдругъ вспомнилъ, зашелъ въ почтовое отдѣленіе и послалъ женѣ телеграмму: «Здоровъ. Пріѣду сегодня ночью почтовымъ».

III.

На вокзалѣ пришлось ждать поѣзда, который опоздалъ на полчаса. Отъ нечего дѣлать, Леонидъ Иванычъ выпилъ чаю въ

буфетѣ; перелисталъ послѣдній номеръ журнала «Право», купленный тутъ же въ книжномъ кіоскѣ; потомъ вышелъ на перронъ и долго шагалъ взадъ и впередъ, высокій и тонкій, въ лѣтнемъ короткомъ и просторномъ пальто, въ перчаткахъ и въ сѣрой фетровой шляпѣ.

За городомъ медленно погасалъ закатъ въ мутно-розовомъ пыльномъ туманѣ. Вѣтеръ стихъ и красный кирпичный фасадъ вокзала былъ уже въ тѣни, когда молодой кудреватый носильщикъ принесъ Леониду Иванычу билетъ второго класса до Кайгорополя.

— Скоро поѣздъ. Повѣстка была сейчасъ... съ послѣдней станціи...

— Ага... хорошо... — обрадовался Леонидъ Иванычъ.— Мѣсто найдите самое лучшее... Что?.. Ничего, ничего, жарьте впереди всѣхъ! Локти у васъ хорошіе!..

Прежняя усталость Леонида Иваныча какъ-то сразу прошла. Онъ пересталъ нервничать и раздражаться, словно и не было раньше ничего досаднаго, а впереди все было только забавно, интересно и мило. Какъ и всегда въ дорогѣ, онъ испытывалъ теперь пріятное ощущеніе какой-то молодой легкости, внезапнаго освобожденія отъ всѣхъ заботъ, обязанностей и привычекъ. Умными смѣющимися глазами смотрѣлъ на разливавшуюся вокругъ него густую волнующуюся жизнь, всю въ движеніи, въ пестрыхъ веселыхъ краскахъ, въ сочныхъ, разсыпающихся звукахъ множества голосовъ, смѣха и восклицаній.

Остановившись въ сторонѣ и улыбаясь собственному легкомыслію, разглядывалъ онъ проходившихъ мимо него важныхъ губернскихъ дамъ, офицерскихъ женъ, чиновницъ, купчихъ, кокотокъ и гимназистокъ. Потомъ, съ тайной, несознаваемой завистью, долго смотрѣлъ на красавца-студента, въ высокихъ сапогахъ и въ голубой шелковой рубахѣ подъ разстегнутой сѣрой тужуркой. А тотъ стоялъ у самаго края перрона, держалъ въ рукахъ смятый бумажный картузъ и, скаля крѣпкіе блестящіе зубы, вкусно грызъ лѣсные орѣхи.

IV.

Было уже совсѣмъ темно, когда, полыхая ослѣпительными огнями переднихъ фонарей, длинный почтовый поѣздъ, съ тяжелымъ шумомъ и грохотомъ подошелъ къ станціи. Плавно замелькали вдоль перрона освѣщенныя окна вагоновъ, смѣющіяся

лица пассажировъ, свѣтлыя пятна шляпъ, женскихъ кофточекъ и накидокъ. Рядомъ съ ними побѣжали носильщики съ чемоданами, коробками и узлами; къ остановившимся площадкамъ хлынули взволнованные, нетерпѣливые люди; началась обычная нелѣпая толкотня; отовсюду слышались рѣзкіе, возбужденные голоса, споры и жалобы.

Въ узкомъ, тускло освѣщенномъ проходѣ, среди сѣрыхъ громоздкихъ коекъ и одномѣстныхъ боковыхъ креселъ, невозможно было двинуться съ мѣста. Впереди Леониду Иванычу загородилъ дорогу длинный, худощавый господинъ, съ большой плетеной корзиной и скрипкой въ ободранномъ картонномъ футлярѣ. Двѣ пожилыя женщины, въ старомодныхъ соломенныхъ шляпахъ и въ чесунчевыхъ тальмахъ, энергично напирали сзади и съ ожесточеніемъ требовали перевода въ вагонъ перваго класса.

— Погодили бы, баринъ...—нерѣшительно совѣтовалъ Леониду Иванычу носильщикъ.—Въ первомъ часу скорый пойдетъ... Малость доплатить... рубля два, не больше, съ плацкартой...

— Да вотъ здѣсь... здѣсь есть свободная койка...—неожиданно перебилъ его чей-то низкій пѣвучій голосъ.

Леонидъ Иванычъ обернулся. Съ верхней койки спокойно и дружелюбно смотрѣли на него большіе темные глаза какой-то молодой женщины, какъ показалось ему—довольно изящной и миловидной.

— Вотъ здѣсь.. — продолжала она, приподнимаясь на локоть и указывая носильщику на сосѣднюю верхнюю койку.— Кладите сюда... Да нѣтъ же, это мои вещи... Господи, какой безтолковый!..

Она засмѣялась и, быстро заглянувъ въ глаза Леониду Иванычу, спросила очень наивно:

— Вамъ ничего, что наверху?.. Вѣдь это же все равно, не правда ли?

Леонидъ Иванычъ вѣжливо приподнялъ шляпу.

— Ужасная тѣснота!—сказалъ онъ, отпуская носильщика.— Осенью всегда страшно тѣсно въ вагонахъ на нашей дорогѣ...

— Въ тѣснотѣ да не въ обидѣ!—наставительно перебилъ его чей-то густой хриплый басъ изъ сосѣдняго отдѣленія.— Не въ тѣснотѣ, сударь, дѣло... А вотъ блохъ здѣсь, дѣйствительно, тьма тьмущая!.. Все равно какъ на псарнѣ, честное слово! Чистота, чортъ бы ихъ дралъ наканунѣ!..

Леонидъ Иванычъ замолчалъ и нахмурился. Потомъ улыбнулся и, закусивъ губы, медленно перевелъ взглядъ на свою спутницу. Она сразу прыснула, быстро закрыла лицо руками и,

отвернувшись, расхохоталась бурнымъ, неудержимымъ смѣхомъ. И какъ-то сразу этотъ смѣхъ показался Леониду Иванычу давно-давно знакомымъ, такимъ чистосердечнымъ и милымъ.

Они разговорились просто и весело, а черезъ нѣсколько минутъ она уже угощала Леонида Иваныча яблоками и виноградомъ, и говорила, вытирая губы маленькимъ кружевнымъ платочкомъ:

— Это все, что есть хорошаго въ вашемъ противномъ Крыму. Груши, яблоки и виноградъ... да еще персики! Только и всего!.. Воображаю, какая здѣсь скука зимою.

V.

Когда поѣздъ отошелъ отъ станціи, Леонидъ Иванычъ зналъ уже, что его спутницу зовутъ Ниной Васильевной, что она не курсистка, какъ онъ думалъ сначала, а жена студента академіи художествъ... Павла Захарыча Зотикова.

— Лѣто я провела въ Алуштѣ... и вотъ ѣду въ Петербургъ къ мужу. У него конкурсъ въ нынѣшнемъ году... что?.. Нѣтъ, жанристъ. Изъ мастерской Чистякова... Ну, а вы?.. Кто вы такой? Артистъ?.. Писатель?.. Адвокатъ?.. Адвокатъ, я такъ и знала! У васъ и лицо такое.

Леонидъ Иванычъ засмѣялся.

— Лицо?.. Какое же у меня лицо?

— А вотъ такое... хорошее. Прекрасная была бы модель для рисунка.

Леонидъ Иванычъ лежалъ на боку, подперевъ голову рукою и, улыбаясь слушалъ Нину Васильевну. Ему было пріятно то, что она говорила о его лицѣ, нравился ея низкій грудной голосъ и тонкія красивыя руки съ розовыми шлифованными ногтями. И то, что она говорила обо всемъ такъ просто и откровенно, и такъ по-женски, безпорядочно переходя отъ одного предмета къ другому, нисколько не удивляло его и не казалось страннымъ. Все это было такъ искренне, такъ ново и занимательно.

Нина Васильевна подробно разсказывала о своей жизни лѣтомъ въ Алуштѣ, остроумно высмѣивала тамошнихъ дачницъ и дачниковъ, бранила южное, черезъчуръ жаркое солнце, и пыль, и противный постоянный вѣтеръ.

Бойкая, непринужденная болтовня ея была наивна и сбивчива, но говорила она какъ-то особенно ясно и увлекательно, славнымъ языкомъ сѣверянъ, мѣткимъ и живописнымъ.

Леонидъ Иванычъ разспрашивалъ ее о Петербургѣ и вспоминалъ свои студенческія увлеченія театромъ и музыкой, товарищескіе кутежи, прогулки на острова и дачную жизнь въ Финляндіи.

Нина Васильевна слушала его очень охотно, смѣялась, когда онъ шутливо говорилъ о своей далекой молодости, и поминутно перебивала его, нетерпѣливая и любопытная, какъ ребенокъ.

— Гдѣ вы жили тогда?.. Кстати, какъ васъ зовутъ?.. Сколько вамъ лѣтъ? Тридцать пять?.. Только?.. Боже мой, какая же это старость?..

И она громко смѣялась звонкимъ разсыпчатымъ смѣхомъ.

VI.

Въ Таганашѣ Леонидъ Иванычъ купилъ пирожковъ и бутербродовъ въ буфетѣ и принесъ ихъ Нинѣ Васильевнѣ завернутыми въ сѣрую оберточную бумагу. Она съ аппетитомъ ѣла слоеные, пропитанные масломъ пирожки и говорила, весело поблескивая красивыми большими глазами.

— Господи, какой смѣшной!.. Ну зачѣмъ вамъ столько пирожковъ, скажите?.. А бутербродовъ... ба-а-атюшки!..

Она смѣялась задорно и заразительно, а Леонидъ Иванычъ смотрѣлъ на ея сочныя замасленныя губы, на растопыренные пальцы и тоже смѣялся, тихо и ласково, не говоря ни слова.

Успокоившись, Нина Васильевна передала ему оставшіеся въ бумагѣ бутерброды, вымыла руки одеколономъ и долго искала подъ подушкой свой кружевной смятый платочекъ. Стараясь улечься удобнѣй, она то и дѣло взбивала подушку, ворочалась и поправляла юбку, и тогда Леониду Иванычу видны были ея маленькія ноги въ изящныхъ туфляхъ и тугіе изгибы къ икрамъ, обтянутые тонкими черными чулками.

Разговоръ снова зашелъ о Петербургѣ, о прошлогоднихъ концертахъ Зилоти, о выставкахъ, о русскомъ балетѣ въ Парижѣ. Леонидъ Иванычъ слушалъ очень внимательно и учтиво, улыбаясь смотрѣлъ Нинѣ Васильевнѣ въ лицо и смутно видѣлъ передъ собою ее всю, гибкую и тонкую, вѣющую теплой волнующей истомой.

Они по прежнему лежали на своихъ койкахъ, близко склонившись другъ къ другу. И отъ этой ли случайной близости, или отъ того, что Нина Васильевна говорила вполголоса, слова ея казались Леониду Иванычу полными какой-то чуткой интимности, странныхъ, загадочныхъ намековъ...

VII.

За Таганашемъ пассажиры скоро улеглись спать. Въ вагонѣ стало совсѣмъ тихо; слышалось только легкое посапываніе пожилой расплывшейся женщины внизу, въ глубокомъ одноместномъ креслѣ. Рядомъ было открыто окно и оттуда тянуло степной свѣжестью, прянымъ запахомъ новой ржаной соломы.

Отъ выставокъ и балета Нина Васильевна перешла къ театру, разсказала о гастроляхъ московскихъ художниковъ въ Петербургѣ и о постановкѣ Тургеневской пьесы «Мѣсяцъ въ деревнѣ». Леонидъ Иванычъ видѣлъ эту пьесу въ Москвѣ, гдѣ онъ былъ прошедшей зимою по дѣлу. Съ искреннимъ наслажденіемъ слушалъ онъ теперь Нину Васильевну, поминутно напоминалъ ей различныя подробности исполненія, восхищался декораціями Добужинскаго и безмѣрно хвалилъ актеровъ. Потомъ онъ вспомнилъ постановку «Вишневаго сада», «Чайку» и «Дядю Ваню». Говорилъ онъ объ этомъ—о Чеховѣ и о художественномъ театрѣ—очень долго, проникновенно и нѣжно, какъ о чемъ-то безконечно родномъ и близкомъ, искренне и горячо любимомъ. Когда же замолчалъ, взволнованный и странно опечаленный этими воспоминаніями, Нина Васильевна потянулась къ нему еще ближе, заглянула въ лицо и сказала тихо, растягивая слова:

— Какой вы... милый!.. Вы настоящій поэтъ, право!.. настоящій художникъ!..

И долго смотрѣла на него молча большими задумчивыми глазами.

VIII.

Скоро поѣздъ остановился у какого-то полустанка, тускло освѣщеннаго двумя низкими керосиновыми фонарями. Въ открытое окно слышно было, какъ впереди отдувался паровозъ тихимъ усталымъ шипомъ. Потомъ донеслись чьи-то гулкіе шаги и голоса на платформѣ; кто-то изъ пассажировъ торопливо прошелъ къ выходу и тяжело хлопнулъ дверью.

Леониду Иванычу часто приходилось ѣздить въ губернскій городъ, и онъ хорошо зналъ этотъ маленькій степной полустанокъ. Отсюда до Кайгорополя оставалось не больше двухъ часовъ ѣзды, и теперь это его невольно пугало; мучительно не хо-

тѣлось такъ скоро разставаться съ Ниной Васильевной, прерывать интересную бесѣду и глупо трястись еще двѣ версты въ грязныхъ ободранныхъ дрожкахъ по темной и пыльной дорогѣ...

И, словно угадывая его мысли, Нина Васильевна спросила его, послѣ непродолжительнаго молчанія:

— Ну зачѣмъ вы живете здѣсь въ этой глуши, среди какихъ-то татаръ, устрицъ, бузы и чебурековъ?.. Что у васъ здѣсь имѣніе?.. жена?.. дѣти?..

И засмѣялась по прежнему весело и задорно.

— Поѣдемте въ Петербургъ... право!.. Я познакомлю васъ съ интересными людьми, съ красивыми женщинами... Васъ будутъ любить и... какъ знать, можетъ быть вы будете счастливы...

Она подробно разсказала о своихъ петербургскихъ знакомыхъ художникахъ, писателяхъ и актерахъ, имена которыхъ давно уже были извѣстны Леониду Иванычу. Вспомнила различные случаи изъ ихъ жизни, то очень забавные и смѣшные, то безконечно трогательные, волновавшіе Леонида Иваныча яркими представленіями о какой-то далекой, умной и красивой жизни, такой заманчивой и такъ обидно для него недоступной...

IX.

Съ грустью думалъ теперь Леонидъ Иванычъ о томъ, какъ непоправимо отсталъ и одичалъ онъ въ провинціи, какъ далеко въ сторону отнесла его судьба отъ настоящей, большой и широкой дороги. И все, что ожидало его дома—безвкусное убранство комнатъ, болѣзненная, вѣчно встревоженная чѣмъ-то жена, Новицкій и предстоящая музыка, «Фаустъ» на старой плохо настроенной рояли— все это казалось ему теперь такимъ ничтожнымъ и жалкимъ, такъ невыносимо тягостнымъ, ненужнымъ и лживымъ. Захотѣлось сразу уничтожить и порвать все, бросить жену, бѣжать отъ этой проклятой лжи, позорной, недостойной и глупой. И на одно мгновенье показалось ему, что это было бы такъ легко и просто, честно и справедливо.

— Поѣдемте въ Петербургъ...—мягко и вкрадчиво прошептала Нина Васильевна и снова потянулась къ нему въ ласковой сладкой истомѣ.—Поѣдемте, милый...

Отъ этихъ словъ что-то вдругъ встрепенулось въ груди Леонида Иваныча. Какая-то иная, новая, чудесная жизнь представилась ему на одно мгновеніе, безумно счастливая, озаренная ослѣпительнымъ свѣтомъ...

— Билеты до Кайгорополя!.. Вашъ билетъ, будьте любезны.

Леонидъ Иванычъ медленно поднялся, горячей рукой провелъ по волосамъ и, машинально отдавши билетъ кондуктору, снова откинулся на подушку:

— Итакъ... вы ѣдете?...—настойчиво повторила Нина Васильевна.—Ѣдете?.. Леонидъ Иванычъ?..

Онъ ничего не отвѣтилъ. Хотѣлось просто вотъ такъ взять и поѣхать, но почему-то вдругъ стало страшно: отчетливо вспомнилось блѣдное, болѣзненное лицо жены, ея встревоженные глаза и слабыя, худыя руки...

Леонидъ Иванычъ быстро всталъ съ койки и отошелъ къ окну, тяжело переводя дыханіе.

— Ну что жъ?.. Рѣшайте...

Онъ обернулся и молча покачалъ головой. Потомъ подошелъ къ Нинѣ Васильевнѣ, пристально посмотрѣлъ на нее вдумчивыми, печальными глазами, вынулъ часы и, нервно засмѣявшись, сказалъ:

— Вотъ... половина второго... Черезъ пятнадцать минутъ мы простимся, а черезъ часъ... даже раньше... я буду у себя дома... Татары, устрицы и чебуреки... да!.. Позволите ли вспомнить о васъ когда-нибудь... о нашей доброй счастливой встрѣчѣ...

Нина Васильевна загадочно усмѣхнулась и пожала плечами.

— А какъ вспомните? Хорошо или дурно?..

— Боже мой, что вы!.. Съ самымъ искреннимъ... самымъ дружескимъ чувствомъ...

Онъ замолчалъ, не зная, что сказать ей еще, стараясь подавить охватившее его волненье. Снова отошелъ къ окну и оттуда неожиданно увидѣлъ въ противуположной сторонѣ вагона знакомую голубую рубаху студента, его низко остриженную голову и свѣсившееся съ койки байковое коричневое одѣяло, съ широкой розовой каймой и узоромъ.

Студентъ лежалъ, небрежно подмявъ плечомъ подушку, курилъ и сердито, въ упоръ, смотрѣлъ на Леонида Иваныча.

X.

До прихода въ Кайгорополь оставалось еще около десяти минутъ, но какъ-то вдругъ не о чемъ стало говорить, не хватало словъ, безпорядочно спутались слова и мысли. Смущенный этимъ тягостнымъ молчаньемъ, Леонидъ Иванычъ медленно собралъ свои вещи и сталъ прощаться.

— Не поминайте лихомъ...—сказалъ онъ, очень волнуясь и крѣпко пожимая маленькую теплую руку Нины Васильевны.— Всего хорошаго!.. Желаю вамъ радости и удачи во всемъ...

Нина Васильевна ласково задержала его руку.

— Прощайте... Будете въ Петербургѣ—найдите меня... непремѣнно!.. Въ адресномъ столѣ... Зотикова, жена художника...

Леонидъ Иванычъ еще разъ снялъ шляпу и поклонился. Потомъ неловко отошелъ въ сторону и, съ чемоданомъ въ рукахъ, присѣлъ у закрытаго окна въ свободномъ креслѣ. Оттуда ему видны были маленькія подошвы туфель и край свѣтло-сѣрой дорожной юбки Нины Васильевны. Неожиданно что-то заскрипѣло въ противуположномъ концѣ вагона, и, оглянувшись, Леонидъ Иванычъ снова увидѣлъ студента, задумчиво сидѣвшаго на своей койкѣ, свѣсивъ ноги и туго упершись кулаками въ сѣрое сукно обивки. Потомъ студентъ ловко соскочилъ на полъ, размашистымъ движеніемъ сдернулъ свое коричневое одѣяло, снялъ небольшой кожаный саквояжъ и подушку, небрежно надѣлъ на затылокъ свою измятую форменную фуражку. Волоча по полу конецъ одѣяла и четко цапаясь подошвами по твердой клеенчатой подстилкѣ, онъ увѣренно и спокойно перешелъ къ освободившейся койкѣ и свободно расположился тамъ рядомъ съ Ниной Васильевной.

Черезъ минуту оттуда донесся ея веселый разсыпчатый смѣхъ и густой, немного осипшій голосъ студента.

Тревожное, ревнивое чувство шевельнулось въ душѣ Леонида Иваныча; еще разъ его неудержимо потянуло остаться здѣсь, въ вагонѣ, поѣхать дальше, ну хоть до Харькова, побыть еще немного съ этой интересной, красивой и милой женщиной... Однако онъ по прежнему держалъ на колѣняхъ свой небольшой кожаный чемоданъ и сидѣлъ, низко понуривъ голову, стараясь не смотрѣть въ ту сторону, гдѣ студентъ то и дѣло смѣшилъ чѣмъ-то Нину Васильевну.

— Я человѣкъ холостой...—говорилъ онъ противнымъ фамильярнымъ тономъ—смертельно люблю пріятное обхожденіе...

XI.

Когда поѣздъ подошелъ къ станціи, Леонидъ Иванычъ, не оборачиваясь назадъ, быстро вышелъ изъ вагона и въ нерѣшительности остановился на площадкѣ. Къ нему тотчасъ же подбѣжали носильщики, хорошо знавшіе его въ лицо, и спросили

нѣтъ ли еще вещей въ багажѣ, заказанъ ли раньше извозчикъ. Леонидъ Иванычъ тупо смотрѣлъ на нихъ, не понимая въ чемъ дѣло; потомъ очнулся, передалъ свой чемоданъ и поручилъ нанять экипажъ въ городъ. Самъ же прошелъ въ залъ къ буфету, громко спросилъ швейцара, долго ли стоитъ поѣздъ, и снова вышелъ на перронъ, еще болѣе разстроенный и печальный.

Онъ постоялъ немного противъ багажнаго отдѣленія, потомъ рѣшительно пошелъ къ выходу, но скоро вернулся снова и торопливой, неровной походкой почти побѣжалъ по перрону къ вагону второго класса. Видно было, какъ онъ остановился тамъ у открытаго окна и тотчасъ же отшатнулся отъ него, словно его сильно толкнули въ грудь.

Плавно и медленно двинулся мимо него поѣздъ, и еще разъ увидѣлъ Леонидъ Иванычъ веселое оживленное лицо Нины Васильевны и ея бѣлыя прекрасныя руки, довѣрчиво протянутыя къ студенту. Тотъ, не спѣша, спокойно и вкусно цѣловалъ эти руки, то одну, то другую, смѣялся и скалилъ свои красивые блестящіе зубы...

XII.

Былъ уже третій часъ ночи, когда Леонидъ Иванычъ подъѣхалъ къ невысокому крыльцу своего дома. Сквозь щели ставенъ виденъ былъ свѣтъ въ окнахъ гостиной и по вздрагивающему мерцанію этого свѣта можно было догадаться, что кто-то ходилъ тамъ взадъ и впередъ быстрой, безпокойной походкой.

— «Опять не спитъ...—съ раздраженіемъ подумалъ Леонидъ Иванычъ и больно закусилъ губы.—Скажите, какое вниманіе!..»

Онъ рѣзко позвонилъ разъ, другой, третій, оборвалъ звонокъ и, сойдя съ крыльца, снова заглянулъ въ окно. Въ гостиной теперь было темно; свѣтъ показался въ окнахъ столовой, но и тамъ тотчасъ же погасъ, метнувшись куда-то внизъ. Послышались мелкіе торопливые шаги въ корридорѣ; потомъ продолжительная возня за дверью. Знакомый разслабленный голосъ тревожно спросилъ:

— Кто тамъ..? это ты, Леонидъ?..

Леониду Иванычу захотѣлось вышибить дверь, ударить въ нее ногою. Однако онъ сдержалъ себя и, стиснувъ зубы, глухо отвѣтилъ Софьѣ Михайловнѣ:

— Я... я... Перестань, наконецъ, бояться!..

Дверь отворила заспанная босая горничная. За ея спиной стояла Софья Михайловна въ бѣлой ночной кофточкѣ, съ жидкими распущенными по плечамъ волосами. Въ одной рукѣ она держала свѣчу, въ другой—маленькій никкелированный револьверъ, давно уже испорченный и никуда не годный.

Леонидъ Иванычъ съ ненавистью посмотрѣлъ на этотъ револьверъ, на дрожащія руки жены и на ея некрасивое блѣдное лицо, съ большими синими пятнами подъ глазами. Онъ холодно поцѣловалъ ей руку.

— Отчего ты не спишь?.. Я вѣдь просилъ никогда не ждать меня ночью...

— Не сердись, Леонидъ...—едва слышно пробормотала Софья Михайловна, тревожно слѣдя за мужемъ широко открытыми испуганными глазами,—надо же было открыть дверь... Я такъ безпокоилась... Ѣсть хочешь?..

Леонидъ Иванычъ, не отвѣчая, махнулъ рукой и прошелъ въ комнаты.

— Можетъ быть съѣшь что-нибудь?..—слабѣющимъ, горестнымъ голосомъ повторила Софья Михайловна, поспѣшая за нимъ въ гостиную.

— Ничего я не хочу!.. Оставьте меня въ покоѣ!—грубо, со злостью отвѣтилъ Леонидъ Иванычъ.—Идите спать... ужъ третій часъ ночи...

— Что съ тобой, Леонидъ?.. Что случилось?..

— Ничего... такъ...—отвѣтилъ онъ, снова овладѣвъ собою, и нѣсколько разъ провелъ рукою по темени.—Усталъ... и немного болитъ голова. Ложись спать... не безпокойся...

XIII.

Въ эту ночь Леонидъ Иванычъ легъ спать не въ спальнѣ, а у себя въ кабинетѣ, на широкомъ турецкомъ диванѣ, обитомъ матовой коричневой кожей. Онъ долго не могъ уснуть, ворочался, слышалъ, какъ за стѣной плакала и поминутно сморкалась жена, и эти слезы нисколько не трогали его, не вызывали никакой жалости. Ему было грустно и холодно, и безконечно жалко себя, несчастнаго и одинокаго, честно принесшаго въ жертву всю свою жизнь, молодость, мечты и надежды...

Онъ то и дѣло протяжно вздыхалъ и закрывалъ глаза, и тогда отчетливо вставала передъ нимъ Нина Васильевна, прелестная, нѣжная, съ немного развратными, но такими жгучими,

такими зовущими глазами. Онъ видѣлъ ея бѣлыя атласныя руки и блестящіе хищные зубы студента, вспоминалъ его дерзкіе поцѣлуи—и отъ этого кружилась голова, спирало дыханіе...

Заснулъ Леонидъ Иванычъ только въ шестомъ часу утра, когда было уже совсѣмъ свѣтло. Спалъ крѣпко, какъ послѣ утомительной тяжелой работы, не видѣлъ никакихъ сновъ, не слышалъ утренняго грохота возовъ по мостовой, за низкими окнами кабинета.

Его не будили, и всѣ въ домѣ ходили наципочкахъ, пока онъ не проснулся, наконецъ, въ первомъ часу, какъ разъ къ завтраку. День стоялъ ясный и жаркій, но въ кабинетѣ, по обыкновенію, было прохладно, и ни одинъ лучъ свѣта не проникалъ туда сквозь плотно-притворенныя складныя ставни. Послѣ сна Леонидъ Иванычъ чувствовалъ себя бодрѣй и спокойнѣй, и видъ у него былъ кроткій, задумчивый и печальный.

За завтракомъ неловко было смотрѣть на жену, заплаканную, съ измученнымъ, въ пятнахъ, лицомъ и красными припухшими вѣками. Онъ мало ѣлъ, хмурился и тихо благодарилъ Софію Михайловну всякій разъ, когда она придвигала къ нему блюдо, или соль, или корзинку съ хлѣбомъ.

Послѣ кофе они еще долго сидѣли за столомъ, молча, подавленные тягостнымъ, неопредѣленнымъ раздумьемъ. Софья Михайловна, съежившаяся, безпомощная и хрупкая, первая посмотрѣла на мужа виноватыми, словно умоляющими о чемъ-то глазами. И отъ этого болѣзненно напряженнаго взгляда Леониду Иванычу вдругъ стало жалко ее, мучительно стыдно за свою вчерашнюю грубость... Съ громкимъ, дѣланнымъ кашлемъ, всячески стараясь скрыть отъ жены свое волненье, онъ всталъ и, отойдя къ большому венеціанскому окну, посмотрѣлъ на улицу.

— Леонидъ... — услышалъ онъ позади себя тихій умоляющій шепотъ—милый... прости меня...

Леонидъ Иванычъ бросился къ ней, обнялъ ее и, прижимая къ груди эту маленькую, больную и некрасивую женщину, говорилъ ей ласковыя нѣжныя слова:

— Милая... голубка моя... мой славный... мой единственный другъ...

И цѣловалъ ей руки, и гладилъ волосы, растроганный до слезъ ея одинокой покорной любовью...

Александръ Кипенъ.

НА СНѢЖНОЙ ВЕРШИНѢ.

(Продолженіе).

Романъ І. Ц. Геера.

Переводъ съ нѣмецкаго З. Журавской [1]).

IX.

Въ мрачную повѣсть о гибели Зельмата ворвался болѣе веселый звукъ. Раздался звонокъ телеграфа: это Гансъ Штюнци извѣщаетъ меня, что онъ благополучно вернулся домой, вмѣстѣ съ Готлобой.—«Привѣтъ волшебнику снѣжной вершины!»— телеграфируетъ онъ.—«А поцѣлуй?»—спрашиваю я.—«До этого, разумѣется, еще не дошло», выстукиваетъ онъ въ отвѣтъ, «сперва должна сдаться непріятельская твердыня: Хангштейнеръ. Но пѣли мы съ Готлобой на обратномъ пути, какъ птицы весною, и она превесело подшучивала надъ тѣмъ, кто продаетъ и покупаетъ коровъ въ Цвейбрюкенѣ. А сколько мы понастроили плановъ будущаго. И все же, то удивительно доброе и хорошее, что ты говорилъ мнѣ, сидитъ у меня въ головѣ, какъ птичка на вѣткѣ, и я ежеминутно боюсь, что вотъ-вотъ оно вспорхнетъ и улетитъ. И самъ себѣ я еще не успѣлъ выяснить, вправѣ ли я принять твое великодушное предложеніе. Я все время какъ въ чаду отъ радости, что есть на свѣтѣ такой великодушный человѣкъ. Благодарю тебя, уважаемый другъ, изъ глубины переполненной радостью души».

---

1) См. январь, стр. 218.

Да, еслибъ на дворѣ была весна, вотъ тогда бы ты дѣйствительно увидалъ кое-что волшебное, Гансъ. Но зима отрѣзала мнѣ всякую возможность письменнаго сообщенія, а по телеграфу такой крупной суммы, составляющей бо́льшую часть моего состоянія, затребовать нельзя. И какъ это я сразу не передалъ Гансу письма... Но у меня у самого рѣшеніе сложилось такъ внезапно. И потомъ, вѣдь, я ужъ не такой шалый, какъ былъ: старость разсудительна и не поддается первому побужденію. Но весной... подожди только до весны, Гансъ.

Въ Цвейбрюкенѣ я нашелъ Дуглору въ крестьянской семьѣ, пріютившей ее изъ жалости. Видя, что моя близость благотворно дѣйствуетъ на убитую горемъ дѣвушку, добрые люди, ея хозяева, пригласили погостить и меня и отвели мнѣ свободную комнатку.

Первое время я ходилъ, какъ потерянный, словно кто треснулъ меня по головѣ, и въ разстройствѣ своемъ даже позабылъ спросить Дуглору, какъ же она спаслась. И узналъ это только тогда, когда насъ всѣхъ, уцѣлѣвшихъ, пригласили въ цвейбрюкенское училище для составленія протокола о нашемъ спасеніи.

Прерывая разсказъ свой рыданіями, Дуглёрли сообщила слѣдующее: «Я сидѣла у нашего шалаша и пѣла по молитвеннику всѣ тѣ церковныя пѣсни, которыя поютъ за обѣдней. Вдругъ откуда-то сзади раздался трескъ и грохотъ, какъ будто отъ удара грома. Я испугалась, стала оглядываться, гдѣ другіе, которые тоже не пошли къ обѣднѣ и остались со стадомъ. Въ это время задрожала земля. Стадо мигомъ устремилось по дорогѣ, которая ведетъ внизъ, въ деревню. Я за нимъ. И со мной другіе пастушки. Но, какъ только мы добѣжали до края, гора зашаталась и стала валиться. Внезапно поднялся такой вѣтеръ, что насъ смело съ горы, какъ сухіе листья. Тутъ все закружилось, завертѣлось, засвистѣло, загрохотало; я совсѣмъ одурѣла, лежу и не знаю, гдѣ я и что со мной. Лишь нѣсколько времени спустя я замѣтила, что лежу все-таки на твердой землѣ. Въ ротъ и въ носъ у меня набилась такая масса пыли, что я чуть не задохлась; попробовала глаза открыть — не открываются: слишкомъ еще много пыли летало въ воздухѣ. Когда я, наконецъ, взглянула, все уже стихло. Поднялась — солнце сквозь синюю дымку блестѣло матовымъ блескомъ жести. Я увидѣла Зельматъ разрушеннымъ, опустошеннымъ; стала звать мать и отца. Тутъ прибѣжалъ Мельхи Хангштейнеръ; его домъ въ Зеляхѣ почти

уцѣлѣлъ; только крышу снесло, да вдавило внутрь одну стѣну; въ этомъ домѣ и пріютилась я, вмѣстѣ съ другими спасенными».

Итакъ, Мельхи тоже остался въ живыхъ, и съ нимъ вся семья его, кромѣ параличнаго отца, плотовщика, который умеръ день спустя послѣ обвала—не пережилъ испуга; Мельхи же и добылъ первую помощь въ Цвейбрюкенѣ. Люди, принявшіеся за раскопки на томъ мѣстѣ, гдѣ они предполагали засыпанной бывшую церковь, въ понедѣльникъ, около трехъ часовъ пополудни, втыкая въ разныхъ мѣстахъ въ землю трубу, наткнулись на меня. Я былъ единственнымъ, кого извлекли изъ-подъ развалинъ живымъ. Да и труповъ нашли немного; большинство погибшихъ, и среди нихъ много молодежи, такъ и остались лежать подъ развалинами домовъ и грудами камней. Всего уцѣлѣло 23 человѣка.

Если не считать нашихъ душевныхъ страданій и того, какъ мучительно было въ сто первый разъ снова и снова разсказывать уже сто разъ описанныя переживанія и подробности катострофы,—въ общемъ, намъ жилось хорошо. Мы были окружены общимъ сочувствіемъ; деньги и предложенія помощи сыпались со всѣхъ сторонъ. Всѣхъ щедрѣе жертвовалъ Гансъ Конрадъ Бальмеръ изъ Гамбурга; но на меня это имя почти не произвело впечатлѣнія. Я все еще жилъ въ тяжеломъ чаду, застилавшемъ отъ меня дѣйствительность; я былъ, какъ выздоравливающій послѣ опасной болѣзни, который лишь постепенно возвращается къ жизни. И тѣмъ не менѣе, передъ нами самъ собой всталъ вопросъ: «Какъ же мы теперь будемъ жить?»

Многія зажиточныя семьи наперерывъ предлагали взять къ себѣ въ домъ одного или нѣсколькихъ осиротѣвшихъ дѣтей, словно чая себѣ отъ того удачи въ дѣлахъ и благословенія дому. И на насъ съ Дуглорой нашлось немало охотниковъ, особенно на нее, миловидную и хорошо воспитанную, о которой далеко окрестъ шла слава, что она играетъ на органѣ, какъ ангелъ. И участіе, которое намъ оказывали, не давало намъ окостенѣть въ своей скорби.

Въ числѣ посѣтившихъ мѣсто катастрофы была одна пожилая чета, супруги Ц'бинденъ, которыхъ добрый цвейбрюкенскій пасторъ, сердечно насъ полюбившій, привелъ къ Дуглорѣ. Съ перваго взгляда видно было, что это люди съ достаткомъ и добрые. Фрау Ц'бинденъ съ материнскою лаской взяла за руку Дуглёрли и предложила ей поселиться у нихъ, заступивъ мѣсто ихъ единственной дочери, умершей годъ тому назадъ.—Для моего мужа и для меня—говорила она—это было бы большимъ счастьемъ.

Семья у насъ небольшая: только насъ двое, да еще два сына; старшій—студентъ и живетъ не дома; младшій еще учится въ школѣ. Живемъ мы въ Хагенахѣ; у насъ небольшая фабрика и красивый домъ съ большимъ садомъ; окна выходятъ на Фейерштейнъ и на горы. Такъ что вы, Дуглора, каждый день могли бы посылать привѣтъ своей родинѣ; а ужъ о томъ, чтобы вы у насъ чувствовали себя родной и какъ дома,—объ этомъ ужъ мы позаботимся. Мы будемъ относиться къ вамъ во всемъ, какъ къ дочери. Что вы скажете на это, милое дитя?

Слегка вздрогнувъ, Дуглора подняла голову и посмотрѣла въ лицо фрау Ц'бинденъ; лицо это было доброе и привѣтливое. Дѣвушка могла только пролепетать:—Благодарю васъ.—Но тутъ же разрыдалась, жалобно повторяя сквозь слезы:—Нѣтъ, не хочется мнѣ въ Хагенахъ; я бы лучше вернулась въ Зельматъ.

— Ну, это пока невозможно, Дуглора,—ласково улыбаясь, возразилъ Ц'бинденъ, — тамъ сейчасъ нѣтъ ни единой живой души.—А г-жа Ц'бинденъ, гладя по головкѣ плачущую дѣвушку и успокаивая ее добрыми словами, прибавила:—Гармоніумъ вы найдете и у насъ: мы знаемъ, что трогательная церковная пѣснь иной разъ больше можетъ утѣшить сокрушенное сердце, чѣмъ всѣ человѣческія слова.—Дуглора подняла голову.—Я понимаю,—прибавилъ Ц'бинденъ,—что предложеніе наше слишкомъ ново и неожиданно для васъ. Подумайте денекъ другой; мы еще заглянемъ въ Цвейбрюкенъ и надѣемся услыхать отъ васъ, что вы согласны. Болѣе пріятныя условія жизни, чѣмъ у насъ, врядъ ли кто сможетъ предложить вамъ. — По уходѣ ихъ, пасторъ долго уговаривалъ Дуглору принять предложеніе добрыхъ супруговъ Ц'бинденъ, доказывая, что помощь, посланную самимъ Богомъ, слѣдуетъ принять съ благодарностью, а не отвергать. Но дѣвушка, задумчивая и печальная, отвѣчала лишь упорнымъ молчаніемъ.

Только когда пасторъ ушелъ, окаменѣлое лицо слегка оживилось и въ глазахъ, обведенныхъ темными кругами, засвѣтилась жизнь.—Іостъ, — выговорила она дрожащимъ голосомъ,—я вижу, что намъ таки приходится жить и считаться съ жизнью, хотя я предпочла бы лежать въ могилѣ, вмѣстѣ съ моими родителями. Но разъ ужъ насъ обоихъ постигло такое тяжкое горе, не будемъ разлучаться, Іостъ. У меня одна мысль, какъ будто подсказанная мнѣ во снѣ моимъ покойнымъ отцомъ. Давай, признаемся пастору, что мы женихъ и невѣста, и будемъ просить его, чтобъ онъ обвѣнчалъ насъ. Хоть мы и молоды немного, по здѣшнимъ обычаямъ, но, я думаю, онъ не

откажетъ. А потомъ вернемся въ Зельматскую долину, построимъ тамъ себѣ, на деньги, которыя причитаются на нашу долю изъ пожертвованій, хотя бы самый скромный домикъ, гдѣ-нибудь на красивомъ, солнечномъ мѣстѣ, и будемъ жить тамъ, возлѣ могилъ нашихъ родителей. Правда, Боденской пажити уже не существуетъ, но въ горахъ, около Срѣтенскаго кольца, найдется еще два-три лужка, которыхъ достаточно, чтобъ прокормить пару коровъ. Мнѣ думается, Іостъ, что лучшаго мы съ тобою не выдумаемъ.—И въ первый разъ со времени катастрофы какъ будто солнечный лучъ упалъ на ея блѣдное, измученное горемъ лицо, и въ омраченной скорбью душѣ воскресла надежда. Рука ея нѣжно коснулась моей руки.

Но я не могъ одобрить этого плана. — Ты героиня, Дуглора, но я не такъ силенъ духомъ, какъ ты,—признался я.— Мнѣ стоитъ только взглянуть на Зельматскую долину, какъ у меня кровь стынетъ въ жилахъ отъ ужаса. А жить тамъ, все время среди этихъ страшныхъ воспоминаній—нѣтъ, нѣтъ! У меня не было бы тамъ ни одной счастливой минуты, я бы затосковалъ, съ ума бы сошелъ. Я только разъ схожу еще въ Зельматскую долину помолиться за упокой моихъ и твоихъ родителей, а тамъ пусть она хоть лѣсомъ заростетъ, мнѣ все равно. Основывать въ этой долинѣ ужасовъ свой домашній очагъ, строить тамъ свою будущую жизнь—нѣтъ, милая Дуглёрли, этого я не могу.

Мнѣ не пришлось убѣждать ее, но лучъ надежды въ ея измученномъ личикѣ сразу потухъ; она молча поникла головкой, какъ ребенокъ, увидѣвшій въ клѣткѣ мертвой свою любимую птичку. Даже ея желаніе, чтобы мы, по крайней мѣрѣ, вмѣстѣ нанялись въ услуженіе къ какому-нибудь зажиточному крестьянину, не нашло во мнѣ отклика. Я, Іостъ Вильди—батракъ! Дуглора—служанка! Во мнѣ зашевелилась гордость. Да никто и не звалъ насъ къ себѣ въ батраки. Когда богатый крестьянинъ съ сосѣдней равнины предложилъ мнѣ поселиться у него, обѣщая предоставить въ мое распоряженіе лошадь и экипажъ, мнѣ захотѣлось принять его предложеніе. А Дуглорѣ я посовѣтовалъ пожить въ семьѣ Ц'бинденовъ, гдѣ она могла научиться многому, что впослѣдствіи пригодится намъ для нашего будущаго хозяйства. Но она никакъ не могла рѣшиться, да и мое положеніе въ семьѣ богатѣя, который звалъ меня къ себѣ, оставалось невыясненнымъ. Въ это время старикъ пасторъ сообщилъ мнѣ, что меня желаетъ видѣть начальникъ кантона и проситъ завтра побывать у него въ Гауенбургѣ. Дуглора и я изу-

мленно переглянулись. Я спросилъ: «Что же угодно господину начальнику кантона?»

— Этого я не знаю. Пойдемъ въ пасторатъ. Быть можетъ, въ числѣ пожертвованныхъ костюмовъ найдется платье, которое будетъ тебѣ больше впору и приличнѣе, чѣмъ это.

Яснымъ осеннимъ утромъ я отправился въ Гауенбургъ. Я въ первый разъ ѣхалъ на лошадяхъ, и это мнѣ нравилось. Новое платье пришлось мнѣ впору, и я чувствовалъ себя въ немъ свободно. И когда передо мною встали башни городка, куда я столько лѣтъ стремился, гнетъ и приниженность, давившіе меня съ того ужаснаго дня, понемногу стали ослабѣвать, и я опять могъ интересоваться жизнью. А сознаніе, что я долженъ предстать передъ первымъ по положенію человѣкомъ въ нашемъ кантонѣ, наполняло меня торжественностью. Но зачѣмъ же онъ вызвалъ меня?

Только что я сталъ озираться въ просторныхъ сѣняхъ городской ратуши, украшенныхъ портретами какихъ-то важныхъ стариковъ и оружіемъ, развѣшаннымъ по стѣнамъ, какъ ко мнѣ подошелъ курьеръ, съ серебряною бляхой на груди и сказалъ: «Вы, навѣрное, Іостъ Вильди? Пожалуйте». И мигъ спустя я уже стоялъ въ красивой комнатѣ, съ старинными картинами на стѣнахъ и цвѣтными стеклами въ окнахъ, передъ начальникомъ кантона.

— Добро пожаловать, молодой г. Вильди!—Какъ тяжелая и въ то же время звонкая мѣдь звучалъ голосъ высокаго, широкоплечаго старика, показавшагося мнѣ однимъ изъ тѣхъ героевъ-полководцевъ, о которыхъ разсказывалъ намъ школьный учитель Каспаръ. Не диво, что такой человѣкъ занимаетъ выдающееся положеніе въ родномъ краю. Онъ скользнулъ благожелательнымъ взглядомъ по всей моей фигурѣ; глаза у него были зоркіе и спокойные.—Настоящій горный дубокъ,—сказалъ онъ, улыбаясь.— Истый сынъ своего народа. Мнѣ очень пріятно, что я могу, наконецъ, выразить уроженцу Зельмата, юному и полному надеждъ, ту глубокую скорбь, которую я и всѣ мои земляки испытываемъ по поводу гибели доблестной горной общины.—И онъ незамѣтно вовлекъ меня въ разговоръ, задавая мнѣ вопросы и заставляя отвѣчать на нихъ. Отъ времени до времени онъ одобрительно кивалъ головой и, наконецъ, спросилъ:—Вамъ, вѣроятно, знакомо имя вашего земляка, тоже уроженца Зельмата, Ганса Конрада Бальмера? Вотъ письмо отъ него, касающееся васъ.

И ландамманъ протянулъ мнѣ письмо. Но, замѣтивъ, что мнѣ

трудно читать этотъ неразборчивый почеркъ, снова взялъ его у меня изъ рукъ.—Я самъ вамъ прочту.—«Дорогой другъ. Наконецъ-то я узналъ подробности о зельматской катастрофѣ. Къ чему слова; тутъ нужно дѣло. Предоставляю въ распоряженіе уцѣлѣвшихъ кредитъ, въ такомъ размѣрѣ, какой ты найдешь желательнымъ. Меня интересуетъ откопанный живымъ Іостъ Вильди. Повидимому, это даровитый юноша. Школьный учитель Имоберштегъ прошлой зимою въ письмахъ ко мнѣ превозносилъ его до небесъ. Вызови его на пробу къ себѣ. Если онъ тебѣ понравится, можешь сказать ему, что я охотно готовъ взять его къ себѣ въ Гамбургъ и что это открываетъ ему блестящія перспективы. Если онъ согласится, я сдѣлаю изъ него человѣка, которымъ наша родина будетъ гордиться».—Серьезнымъ тономъ ландамманъ продолжалъ:—Ну-съ, милѣйшій г. Вильди, послѣ краткаго разговора съ вами у меня получилось впечатлѣніе, что вы въ правѣ принять великодушное предложеніе моего друга. Я вижу въ васъ хорошій, прочный матеріалъ, изъ котораго жизнь куетъ сильныхъ людей, и полагаю, что для родины нашей не вредно имѣть такихъ людей и внѣ своихъ предѣловъ. Наоборотъ, мы взираемъ на нихъ съ особенной гордостью. А вы что скажете? Какъ вамъ нравится предложеніе г. Бальмера?

— Мнѣ надо сначала подумать,—добросовѣстно отвѣтилъ я. Онъ отъ души разсмѣялся такому сухому отвѣту.—Хорошо, подумайте, но черезъ нѣсколько дней я жду рѣшенія. Сейчасъ я больше не задерживаю васъ, я очень занятъ; но, г. Вильди, надѣюсь, вы отобѣдаете съ нами. Моя жена будетъ рада познакомиться съ вами, во-первыхъ, какъ съ однимъ изъ спасенныхъ, во-вторыхъ, какъ съ человѣкомъ, который, по всей вѣроятности, будетъ жить въ Гамбургѣ, у г. Бальмера. Она очень дружна съ г-жей Бальмеръ. Вы еще не видали нашего музея. Сходите, посмотрите. Я дамъ вамъ спутника, который вамъ тамъ все покажетъ и затѣмъ проводитъ васъ обратно ко мнѣ на обѣдъ.

Въ Цвейбрюкенъ я возвращался совсѣмъ очарованный радушіемъ и добротой начальника кантона и его супруги. Передъ глазами у меня стояли витрины музея, который я, наконецъ, увидалъ такъ неожиданно; въ ушахъ звенѣли отдѣльныя фразы изъ письма Бальмера; на душѣ у меня было какъ-то странно— и радостно, и грустно. Въ груди кипѣли жизненныя силы, съ самаго дѣтства втайнѣ искавшія выхода и не находившія его. Въ этотъ моментъ приподнятаго настроенія я вдругъ почувствовалъ, какой великій и благословенный даръ Божій—жизнь. Почему же мнѣ и не уйти въ широкій міръ, который такъ привѣтливо манитъ

меня и сулитъ такъ много?—А Дуглёрли? Эта мысль кольнула меня въ сердце. Въ душѣ поднялась мучительная борьба между любовью и жаждой жизни.

На обратномъ пути, невдалекѣ отъ Цвейбрюкена, я встрѣтилъ Мельхи Хангштейнера.—Откуда ты?—спросилъ я. На его толстомъ веснушчатомъ лицѣ появилась довольная гримаска.—Да тоже изъ Гауенбурга; тотъ богатѣй, что хотѣлъ взять тебя къ себѣ, возвращался домой, съ полдюжиною молодыхъ бычковъ, купленныхъ имъ въ Цвейбрюкенѣ; ну, я и помогъ ему пригнать ихъ въ Гауенбургъ и погрузить на желѣзную дорогу. Онъ разсердился на тебя, зачѣмъ ты такъ долго думаешь, рѣшилъ, что ты недостаточно серьезно отнесся къ его выгодному предложенію, и сталъ спрашивать меня, не желаю ли я поступить къ нему. Я и согласился.

— Ну что-жъ, желаю тебѣ счастья, Мельхи,—небрежно бросилъ я. Но въ глубинѣ души я сожалѣлъ объ этомъ, съ тревогой сознавая, что обстоятельства толкаютъ меня къ Гансу Конраду Бальмеру.

— Дуглорѣ тоже, должно быть, пришлось дать сегодня окончательный отвѣтъ,—продолжалъ разсказывать Мельхи.—По дорогѣ въ Гауенбургъ намъ повстрѣчался Ц'бинденъ съ женою; они ѣхали въ экипажѣ, спускаясь внизъ, въ долину.—Мы поговорили еще о разныхъ пустякахъ и на околицѣ деревни распрощались. Чѣмъ ближе я подходилъ къ дому, гдѣ мы съ Дуглёрли нашли пріютъ, тѣмъ тяжелѣе становилось у меня на сердцѣ.

Осенній вечеръ былъ сырой и теплый. Я нашелъ свою невѣсту въ палисадникѣ, на скамеечкѣ подъ деревьями. Она сидѣла въ раздумьѣ, сложивъ руки на колѣняхъ; увидавъ меня, она пошла мнѣ навстрѣчу, вялая и грустная.—Слава Богу, ты, наконецъ, вернулся,—молвила она.—Посовѣтуй мнѣ, что мнѣ дѣлать. Сегодня я должна дать рѣшительный отвѣтъ Ц'бинденамъ. А у тебя какія вѣсти?—Я присѣлъ возлѣ нея, но не рѣшался разсказать ей о Конрадѣ Бальмерѣ.—Іостъ, что же ты молчишь? Это ужасно! Скажи же, зачѣмъ тебя вызывали въ Гауенбургъ.—Я, торопливо и волнуясь, разсказалъ ей все, что произошло въ Гауенбургѣ, но не высказалъ собственнаго мнѣнія. Нѣкоторое время она слушала, молча и не поднимая глазъ, но вдругъ вскочила и кинулась ко мнѣ на шею.—О Іостъ! И ты готовъ ѣхать туда!—вырвалось у нея взволнованнымъ шепотомъ.—Отъ меня ты не скроешься. Бальмеръ хочетъ отнять тебя у меня, и онъ имѣетъ власть надъ тобой; я знаю это

давно. Но я не отдамъ тебя, не отдамъ! Не пущу!—Ея руки судорожно сжимали мои плечи.—Іостъ, милый Іостъ!

— Я люблю тебя больше жизни,—нѣжно шепталъ я ей на ухо.—Ты—моя Дуглёрли, а я—твой Іостъ, и останусь имъ, гдѣ бы я ни былъ. Никто не властенъ отнять меня у тебя, даже если я и буду въ Гамбургѣ.

— Да, я твоя Дуглёрли, — нерѣшительно сказала она.— Но у дѣвушекъ на чужбинѣ тоже есть глаза. И онѣ увидятъ все, что увидала я. Ты былъ красивѣе всѣхъ парней въ горахъ—и на берегу моря будешь самымъ красивымъ. И твой смѣхъ, и твои рѣчи, и твое молчаніе будутъ нравиться дѣвушкамъ на чужбинѣ такъ же, какъ нравились мнѣ. И онѣ будутъ любоваться темнымъ блескомъ твоихъ глазъ и, помимо воли, будутъ летѣть къ тебѣ, какъ мошки на свѣтъ. И настанетъ день, когда ты уже не будешь моимъ Іостомъ, и я не смогу больше быть твоей Дуглёрли. Но знай, милый Іостъ, что бы онѣ ни говорили тебѣ, ты не найдешь ни одной, которая бы любила тебя больше, чѣмъ я—не найдешь болѣе вѣрнаго сердца.—Съ совершенно несвойственнымъ ей пламеннымъ краснорѣчіемъ лились слова изъ ея устъ. Вдругъ она смолкла и, нагнувшись впередъ, уронила руки на колѣни. Послѣдній лучъ заката игралъ на ея челѣ, на ея косахъ, бровяхъ и рѣсницахъ, удивительно тонкой черточкой спускался отъ завитковъ на лбу къ подбородку и шейкѣ; но губы ея сжимались страдальчески и траурный нарядъ придавалъ ей такую торжественность, что я испытывалъ въ эту минуту почти благоговѣйный страхъ передъ нею. И ради этого воплощенія скорби уже готовъ былъ похоронить свои мечты о жизни.

Но тутъ она подняла глаза на меня.—Не гляди на меня такъ мрачно, Іостъ!—сказала она. И въ звукѣ ея голоса мнѣ почудился укоръ.—Итакъ, Дуглора, я поѣду въ Гамбургъ,— выговорилъ я сквозь зубы, самъ дивясь, какъ холодно, рѣзко и злобно прозвучали въ моихъ устахъ слова отреченія.

Дуглора вздрогнула всѣмъ тѣломъ, подскочила, какъ раненая лань, и тотчасъ же упала опять на скамью. Нѣкоторое время между нами царило тягостное, жуткое молчаніе. Затѣмъ ея дрожащія губы почти беззвучно прошептали:—Іостъ, поѣзжай въ Гамбургъ. Быть можетъ, я и потеряю тебя, но потерять тебя все же легче, чѣмъ слышать, что ты говоришь со мной этимъ тономъ, отъ котораго леденѣетъ сердце. Тяжка утрата, но не менѣе тяжко жить съ сознаніемъ, что я загородила тебѣ дорогу

къ счастью. Поѣзжай, Іостъ.—Послѣднія слова звучали несказанно мягко и нѣжно, но и несказанно грустно.

— Нѣтъ, Дуглора, я останусь съ тобой! — хотѣлъ было воскликнуть я. Но въ это время послышались шаги. Блѣдная дѣвушка кинулась навстрѣчу подходившей г-жѣ Ц'бинденъ, протягивая ей обѣ руки.—Я ѣду къ вамъ въ Хагенахъ и буду вамъ доброй, старательной, преданной дочерью,—выговорила она тихо, но внятно. Какъ смиренная служанка, стояла она, дрожащая, въ сумеркахъ; но г-жа Ц'бинденъ, угадывавшая, какая борьба кипитъ въ груди молодой дѣвушки, съ материнской нѣжностью заключила ее въ свои объятія и поцѣловала ее въ лобъ. «Дуглора, съ этой минуты ты—наше дитя, наша милая дочка». Я пытался убѣдить себя, что Дуглора сама рѣшила свою и мою участь, но какая-то тупая тяжесть сковывала мои мысли. Въ тотъ вечеръ мы больше съ ней не разговаривали и лишь трепетнымъ поцѣлуемъ сказали другъ другу, что мы все же соединены любовью, хоть и огорчаемъ другъ друга.

Всю ночь я мучился и ничего не могъ подѣлать съ собой: жажда жизни и дѣятельности сладкою отравой впивалась все глубже и глубже въ мою душу; казалось, что отказаться отъ предложенія Ганса Конрада Бальмера—значило бы растоптать ногами лучшее, что есть во мнѣ, добровольно отречься отъ рая, о которомъ я такъ долго мечталъ. Утромъ я всталъ не только безъ опредѣленнаго рѣшенія, но, наоборотъ, еще болѣе колеблющійся, чѣмъ вечеромъ. Тѣмъ болѣе изумился я, когда блѣдная Дуглора еще немного грустно, но твердо заговорила о моей поѣздкѣ въ Гамбургъ, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ.

— Какъ же ты представляешь себѣ твою жизнь въ далекомъ, чудномъ городѣ, милый Іостъ?—спрашивала она меня за завтракомъ.—Когда мы снова увидимъ тебя на родинѣ?—Я зналъ, какого усилія надъ собой ей стоило говорить такъ и былъ тронутъ стараніями Дуглоры облегчить мнѣ рѣшеніе.—Я думаю,—отвѣтилъ я, запинаясь, — что мнѣ придется пробыть тамъ года три. Всѣ эти годы я буду работать очень усердно, чтобы пріобрѣсти какъ можно больше знаній. А затѣмъ вернусь на родину, и тогда мы поселимся съ тобой въ Гауенбургѣ, или иномъ хорошенькомъ городкѣ, и я заведу свое собственное дѣло; а ты, Дуглёрли, тѣмъ временемъ тоже научишься у Ц'бинденовъ многому такому, что впослѣдствіи скраситъ нашу жизнь. Тогда мы, по крайней мѣрѣ, будемъ жить съ людьми, а не въ глухой долинѣ, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ страшныхъ и тягостныхъ воспоминаній.—Я взялъ руку Дуглоры, молча слушавшей меня.

—Вѣдь, въ сущности, это твой отецъ указалъ мнѣ этотъ путь и толкнулъ меня на него. Помнишь его письмо?

— Да, помню. И твой отецъ вѣдь тоже, умирая, говорилъ, чтобы ты ѣхалъ въ Гамбургъ. И такъ какъ это было предрѣшено нашими родителями, мнѣ будетъ легче отпустить тебя. Отъ нашихъ дорогихъ усопшихъ можетъ исходить только доброе, и, какъ бы ни сложилась наша участь, я надѣюсь, они будутъ нашими заступниками и передъ Богомъ, и передъ людьми. Я горячо молилась ночью и много думала объ этомъ—и еще о многомъ другомъ. Я знаю, ты не можешь поступить иначе, Іостъ. Это у тебя въ крови. То, что гонитъ тебя прочь отъ меня, вдаль, на чужбину—вѣдь, это то самое, за что я тебя такъ несказанно люблю: твой великій, свободный духъ. И потому, Господь съ тобою; я отпускаю тебя и буду молить Бога, чтобъ Онъ послалъ мнѣ силъ перенести разлуку.

Въ ея серьезныхъ, глубокихъ глазахъ свѣтилась беззавѣтная преданность. У меня дрогнуло сердце. «Глупецъ!—говорилъ я себѣ.—Зачѣмъ тебѣ уходить отъ такой дѣвушки? Лучше, краше, благороднѣе Дуглоры ты не сыщешь въ цѣломъ мірѣ».—Душа моя безмолвно склонялась передъ этой самоотверженной любовью... А голосъ совѣсти продолжалъ твердить: «Смотри же, если ты и уѣдешь, Дуглора не должна страдать отъ этого». Я, наконецъ, прервалъ молчаніе: «Дуглора, я каждую недѣлю буду писать тебѣ обо всемъ, что я дѣлаю, о всемъ, что у меня на душѣ.

Глаза ея засіяли радостью и благодарностью. — О, милый Іостъ! Да, конечно, ты будешь мнѣ писать. И я буду писать тебѣ большія письма. Вѣдь, это почти то же, что разговаривать между собою. Все еще можетъ устроиться хорошо и пріятно.

— А что касается женщинъ и дѣвушекъ на чужбинѣ,— шепнула она нѣжно,—не забывай, что ни одна изъ нихъ не будетъ любить тебя, какъ я люблю; болѣе вѣрнаго сердца ты не сыщешь. — О Дуглора, — пробормоталъ я, запинаясь, —я знаю это. Это начертано огненными буквами въ моей груди. Я закрылъ ей ротъ горячимъ поцѣлуемъ. И долго сидѣли мы рука съ рукой, познавая душою, что любовь бываетъ всего горячѣй и глубже передъ разлукой.

Какъ я счастливъ и доволенъ, что моя Готлоба и Гансъ уже побывали у меня. Чиррокумули — мелкія бѣлыя облачка, несущія съ собою снѣжные цвѣты, уже плывутъ на западѣ; горы заволоклись дымкой; ртуть въ барометрѣ стремительно падаетъ.

Скоро мой Фейерштейнъ увѣнчается ярко блистающей короной льдовъ и снѣговъ.

X.

Снѣгъ идетъ. Хлопья, почти такіе же большіе, какъ листы моей рукописи, скользятъ беззвучно и таинственно, пронизывая ночную тьму. Тихо падаетъ снѣгъ, отдѣляя меня непроницаемой стѣной отъ міра и людей. Мой шпицъ лежитъ, свернувшись клубочкомъ, у печки, а галка, Пюкъ, спрятала головку подъ крылья. Тоска давитъ мнѣ сердце. Какъ хорошо, что я могу найти забвеніе въ своей исповѣди! Сегодня вечеромъ настроеніе у меня какъ разъ подходящее, чтобъ разсказать о моемъ прощаніи съ родиной.

Въ слегка приподнятомъ настроеніи шелъ я въ Гауенбургъ, чтобъ сообщить ландаману о своемъ рѣшеніи. Почтенный старецъ встрѣтилъ меня привѣтливой улыбкой и снова оглядѣлъ меня съ ногъ до головы, словно наслаждаясь зрѣлищемъ юноши, только что принявшаго важное рѣшеніе, отъ котораго зависитъ вся его жизнь.

— Я такъ и думалъ, что вы примете предложеніе моего друга,—выговорилъ онъ пріятнымь звучнымъ голосомъ.—Еслибъ вышло иначе, это значило бы, что я не понялъ вашей натуры. Ну, поздравляю васъ, г. Вильди, и дай Богъ вамъ счастья. Работайте усердно, будьте честны и вѣрны, и подъ руководствомъ нашего милаго и уважаемаго земляка въ Гамбургѣ вы, навѣрно, съумѣете проложить себѣ дорогу въ жизни. Если вы серьезно задумали черезъ нѣсколько лѣтъ вернуться на родину и начать самостоятельное дѣло, будьте увѣрены, что вамъ будетъ оказано всяческое содѣйствіе. Какъ бы вамъ ни жилось на чужбинѣ, не забывайте, что вы гражданинъ страны, не крупной по размѣрамъ, но любящей своихъ дѣтей и добросовѣстно заботящейся о нихъ.

Мнѣ казалось, что устами этого статнаго, величаваго старца со мной говоритъ сама моя родина. Порывистымъ быстрымъ движеніемъ я протянулъ руку ландаммачу.—Нѣтъ!—воскликнулъ я,—я никогда не забуду, какою благодарностью я вамъ обязанъ, и всегда съ вѣрной любовью буду думать о нашихъ родныхъ горахъ.—Еще теплѣе, еще ласковѣе взглянули на меня мудрыя очи старца. Улыбнувшись, онъ закончилъ нашъ разговоръ словами:—Теперь, г. Вильди, пройдите къ моей женѣ: она упросила меня доставить ей радость собрать васъ въ дорогу. Пусть

видятъ тамъ, куда вы ѣдете, что вы пріѣхали не изъ чужихъ краевъ, а съ родины.

Все уладилось само собой; хлопотливая супруга ландаммана выбрала для меня все самое лучшее, что только можно было найти въ Гауенбургѣ. И юноша изъ богатой бюргерской семьи не получилъ бы лучшаго приданаго.

Свой новый темный костюмъ изъ дорогого тонкаго сукна я обновилъ впервые на торжественной заупокойной мессѣ, отслуженной на мѣстѣ катастрофы. Страшно тяжело было это прощанье съ родиной!.. На другой день мы всѣ разъѣхались: я—въ Гамбургъ, Дуглора—въ Хагенахъ, Мельхи—къ своему богатѣю. Осиротѣвшія жертвы катастрофы нашли себѣ снова кровъ и пріютъ.

И снова передо мною лежала моя родная деревня, засыпанная обваломъ со всѣми ея мертвецами, словно разрушенные Содомъ и Гоморра. Гдѣ прежде высилась Столовая гора, съ ея скалами и утесами, поросшими елями и соснами, гдѣ темные пастушескіе шалаши привѣтливо глядѣли въ долину съ Боденской пажити, тамъ теперь зіяла вновь образовавшаяся расщелина и въ ней почти гладкая, сѣро-стального цвѣта шиферная стѣна. И по этой стѣнѣ хлесталъ мелкій холодный осенній дождикъ; вершина Фейерштейна была окутана тучами.

Надъ грудой мусора и щебня высился холмъ голышей, набросанный цвейбрюкенцами въ то время, какъ они выкапывали меня, заживо погребеннаго, изъ пещеры, образовавшейся подъ упавшимъ кленомъ. На этомъ холмѣ водрузили обитый траурнымъ крепомъ амвонъ, съ котораго престарѣлый цвейбрюкенскій пасторъ произнесъ свою трогательную надгробную рѣчь: «Плачьте и рыдайте—сто девяносто два въ одной могилѣ». Перечисленію погибшихъ, казалось, не будетъ конца, какъ и слезамъ и рыданіямъ присутствовавшихъ. Плотной стѣной стояли горцы, не обращая вниманія на дождь и ненастье, на мѣстѣ обвала, освященномъ пасторомъ и превращенномъ въ кладбище. Они обнесли изгородью небольшой четырехугольникъ, внутри котораго были погребены тѣ немногіе изъ погибшихъ, тѣла которыхъ удалось найти, и водрузили на холмѣ большой темный крестъ съ краткой, зловѣщей надписью: «Здѣсь покоится Зельматъ».

Постепенно цвейбрюкенцы разбрелись по домамъ; мы, спасенные зельматцы, остались еще на часокъ, предаваясь на свободѣ своимъ грустнымъ мыслямъ и молясь за погибшихъ близкихъ и за всѣхъ, засыпанныхъ обваломъ. Благоговѣйно вспоминая о своей покойной матери, я подумалъ, что она и въ могилѣ порадовалась бы, еслибы я, по пути въ Гамбургъ, заглянулъ

на ея родину, въ прирейнскую деревню, гдѣ она провела свое дѣтство. Въ это время ко мнѣ подошла Дуглора.—Іостъ,—сказала она,—одинъ изъ цвейбрюкенцовъ нашелъ мой молитвенникъ, который я выронила, когда буря смела меня съ горы. Онъ, правда, поврежденъ немного вѣтромъ и дождемъ, но все же я хочу подарить его тебѣ, Іостъ. На память обо мнѣ клади его каждую ночь подъ подушку; пусть онъ будетъ защитой тебѣ отъ всякаго зла и утѣшеніемъ мнѣ.

Я принялъ изъ ея рукъ этотъ необычный залогъ любви, и мы безмолвно простились съ опустошенною родиной. Я радовался каждому шагу, отдалявшему меня отъ мѣста обвала. Я дѣйствительно не могъ бы жить въ этой вѣчно окутанной туманами горной расщелинѣ: я сошелъ бы съ ума. А Дуглора и Мельхи, шедшіе рядомъ со мною, говорили о томъ, какъ больно и жалко, что приходится отдавать родную землю зайцамъ и лисицамъ.

— Страшно подумать, что по вечерамъ тутъ не засвѣтится ни одного огонька, — съ горестью говорила Дуглора. Мельхи отвѣчалъ ей:—Я, навѣрное, вернусь въ Зельматъ. Если даже никто другой этого не сдѣлаетъ, я буду жить тамъ. Гора рухнула; въ долинѣ теперь безопаснѣе прежняго.

«Туда тебѣ и дорога», подумалъ я; но глаза Дуглоры засвѣтились сердечной признательностью. — Іостъ, собственно говоря, слѣдовало бы и намъ сдѣлать то же,— говорила она мнѣ въ тотъ же вечеръ въ Цвейбрюкенѣ.

Томительно тягостно было наше прощанье.—Какъ я буду жить безъ тебя?—рыдала Дуглора.—Помоги мнѣ Боже вынести разлуку.—И цѣплялась за меня и не хотѣла пустить. Я почти насильно вырвался изъ ея рукъ и вздохнулъ свободнѣе, когда всѣмъ волненьямъ насталъ конецъ, и я очутился одинъ.

Погода за ночь прояснилася; день вставалъ ясный, солнечный. Въ послѣдній разъ я видѣлъ алѣвшую въ лучахъ восхода вершину Фейерштейна. Черезъ часъ ѣзды по желѣзной дорогѣ онъ уже маячилъ только смутнымъ призракомъ за темными лѣсами и высокими, окутанными голубоватою дымкой холмами, и чуть бѣлѣли на вершинѣ его вѣчные снѣга. А когда я снова оглянулся, его уже не было видно.

Сердце мое билось, точно выскочить хотѣло. «Ты изъ страны честныхъ людей, Іостъ Вильди,—говорилъ мнѣ внутренній голосъ.—Не посрами же своей родины: докажи, что ты мужественный и честный человѣкъ. Самъ Богъ благословилъ твою любовь къ Дуглорѣ. Ты долженъ пребыть ей вѣрнымъ до

смерти». И я, взволнованный, внималъ этому святому, таинственному голосу.

— Подбодритесь, молодой человѣкъ. Жить можно всюду, даже и въ Америкѣ,—съ легкой насмѣшкой молвилъ пожилой господинъ, сидѣвшій напротивъ меня. Мнѣ стало стыдно, что я такъ расчувствовался, и я заглушилъ голоса, звучавшіе изъ глубины моей души. Я принадлежалъ міру.

Но каждый подростокъ-горожанинъ зналъ объ этомъ мірѣ больше моего. Въ первый разъ въ жизни я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Стоило мнѣ спросить о чемъ-нибудь, какъ спутники мои дивились и, въ свою очередь, спрашивали меня: «Откуда вы, что вы этого не знаете?»—«Я изъ Зельмата». Послѣ катастрофы это имя стало всѣмъ знакомо; отвѣтъ мой сразу вызывалъ участіе, и если я стыдился своего невѣжества, то зато утѣшался тѣмъ, что съ людьми не такъ ужъ трудно ладить. Однако, первые часы за предѣлами нашей страны были для меня очень тяжки. Люди качали головами, не понимая моего горнаго нарѣчія; я, въ свою очередь, не понималъ ихъ языка. Я ѣхалъ молча, грустя и тоскуя; надежда въ душѣ моей смѣнялась раскаяніемъ. А поѣздъ все мчался, унося меня вдаль. Я переночевалъ въ большомъ городѣ, а утромъ сѣлъ на пароходъ и поплылъ по Рейну. Теплое октябрьское солнце свѣтило надъ широкой, спокойной рѣкой; съ береговъ задумчиво глядѣлись въ воды ея красивыя церкви; на холмахъ высились замки; весело развѣвались яркіе флаги надъ виллами на горахъ, а на покрытыхъ виноградниками склонахъ царила веселая, радостная суета уборки винограда—картина, совершенно новая для меня, какъ и огромный, величавый пароходъ. Мнѣ снова съ сердечною любовью вспоминалась мать, особенно когда группа ея земляковъ, только что сѣвшихъ на пароходъ, заговорила о сборѣ винограда, о цѣнахъ на него и т. п. Ихъ языкъ былъ мнѣ понятенъ: я слышалъ его съ дѣтства, изъ устъ моей матери.

Но вотъ и ея родная деревня, на отлогомъ скатѣ берега. Я съ перваго взгляда узналъ ее по описанію: и церковь на скалѣ подъ сѣнью липъ, и домъ съ высокимъ фронтономъ и гнѣздомъ аиста на крышѣ, и бесѣдку, обвитую виноградомъ, сквозь вырѣзные листья котораго блестѣли золотыя гроздья.

Я сошелъ на берегъ какъ разъ напротивъ этого холма, но домъ моей матери оказался запертымъ на ключъ. Сосѣдка, чистившая бобы на крыльцѣ сосѣдняго дома, крикнула мнѣ: «Рейнсбергеры всѣ на виноградникѣ, за домомъ». И свела меня туда. Пожилой мужчина, въ которомъ я легко призналъ старшаго брата моей

матери, при видѣ меня, снялъ картузъ и, глядя на меня вопросительно-привѣтливымъ взоромъ, замѣтилъ: «Солнышко-то какъ грѣетъ. Славный денекъ». Онъ, видимо, принялъ меня за покупателя. «Я — Іостъ Вильди изъ Зельмата», отрекомендовался я. Онъ раскрылъ глаза отъ удивленія. «Такъ вы, значитъ, будете сынъ моей покойной сестры, Оттиліи?» Все семейство—человѣкъ двадцать—собралось вокругъ меня, но дядюшка, мужчина лѣтъ пятидесяти, съ открытымъ грубоватымъ крестьянскимъ лицомъ, былъ довольно сдержанъ, пока не убѣдился, что я пріѣхалъ къ нимъ лишь ненадолго, что это только краткій родственный визитъ и что я не намѣреваюсь предъявлять, на правахъ родства, никакихъ требованій къ семьѣ моей покойной матери.

Меня засыпали вопросами: старшіе—о моей покойной мамѣ, молодежь, не знавшая ея,—о катастрофѣ, о которой они прочли въ газетахъ. За стаканомъ добраго винца пробудились и родственныя чувства. Особенно пришлись мнѣ по сердцу двѣ веселыя кузины, блондинка и брюнетка.—А онъ, оказывается, немножко умѣетъ по нашему, по-рейнски,—хихикали онѣ;—должно быть, у матери научился, только не очень ладно.—Одна изъ дѣвушекъ—ее звали Лизель—чокнулась со мной, лукаво поблескивая плутовскими глазенками.—Іостъ, скажи пожалуйста, тамъ у васъ, въ горахъ, всѣ парни такіе же красавцы, какъ ты?—И звонко расхохоталась. И, когда я, послѣ обѣда, сталъ помогать имъ при уборкѣ винограда, она все время не отходила отъ меня. Да и другія дѣвушки толпились около меня: имъ было смѣшно, что я такой большой и рослый, а ни разу не видалъ и не пробовалъ винограда, и онѣ наперерывъ угощали меня. И самъ я глазъ не сводилъ съ бѣлокурой Лизель, съ ея голубыхъ веселыхъ глазъ, свѣтлорусой головки и всей ея юной, но пышной фигуры. И она тоже глазъ съ меня не сводила.

Вечеромъ, въ обвитой виноградомъ бесѣдкѣ, при свѣтѣ цвѣтныхъ бумажныхъ фонариковъ, за шипучимъ виномъ, молодежь совсѣмъ расшалилась. Откуда ни возьмись, появились скрипка и ручная гармоника, и веселыя пары пустились въ плясъ; дѣвушки дурачились напропалую, и часы летѣли незамѣтно. Я не танцовалъ, такъ какъ былъ въ траурѣ по отцѣ, но охотно позволялъ Лизель нашептывать мнѣ на ухо всякій милый вздоръ.—Іостъ, погости у насъ еще денекъ-другой,—просила она:—надо же тебѣ научиться говорить на нашемъ нарѣчіи, и смѣяться, и любить, какъ любятъ у насъ, на берегахъ Рейна.

И всѣ мои новые родственники, старые и молодые, упрашивали меня остаться погостить; но на другой же день я выр-

вался отъ нихъ, и отъ плутовокъ-дѣвушекъ, и отъ влюбленной Лизель. Съ первой же станціи я послалъ Дуглорѣ первое коротенькое письмецо, но не упомянулъ ни словомъ о веселыхъ, хорошенькихъ кузинахъ, о множествѣ поцѣлуевъ, полученныхъ отъ Лизель и возвращенныхъ ея пухленькимъ губкамъ. Мнѣ было стыдно; подъ грохотъ поѣзда я думалъ о томъ, какое измѣнчивое и странное человѣческое сердце и какъ это я, Іостъ Вильди, еще недавно думавшій, что онъ ужъ на всю жизнь разучился смѣяться, цѣлый вечеръ дурачился, какъ самое легкомысленное существо. Мнѣ было немного страшно самого себя, но особенно огорчаться я все же не могъ. Для этого вечеръ былъ слишкомъ хорошъ. Быть можетъ, именно въ такой вечеръ отецъ мой навѣки отдалъ свое сердце моей матери. Я думалъ о своихъ родителяхъ и о словахъ сосѣда по вагону, который сказалъ мнѣ, что жить можно вездѣ, даже и въ Америкѣ. Разумѣется, жить можно вездѣ, не только въ горахъ.

Но куда же дѣвались горы? Чуждъ мнѣ былъ этотъ широко раскинувшійся сводъ небесный, открывающій свободное пространство взору; чужды темныя рѣки, несущія на хребтахъ своихъ корабли, но не кипящія пѣной, какъ наши горныя рѣки; чужда широкая песчаная пустыня съ жиденькими, приземистыми сосенками. Какъ странны невиданныя мною раньше вѣтряныя мельницы, лѣниво машущія гигантскими крыльями... Съ тоскою, едва удерживаясь отъ слезъ, я думалъ о Дуглорѣ. Когда, по оживленію и разговорамъ сосѣдей, я догадался, что Гамбургъ близокъ, я заткнулъ за шляпу еловую вѣтку, привезенную съ родины, чтобы г. Бальмеръ по ней могъ узнать меня на вокзалѣ. Длинный, пронзительный свистокъ локомотива врѣзался въ сѣрый туманъ.

Въ Гамбургѣ, съ самаго начала, все вышло иначе, чѣмъ я представлялъ себѣ. Къ великому моему изумленію, на вокзалѣ встрѣтилъ меня не Бальмеръ. Въ то время, какъ я съ любопытствомъ и тревогой озирался кругомъ, ко мнѣ подошелъ изящно одѣтый, худощавый господинъ и съ преувеличенной учтивостью снялъ шляпу, обнаживъ большую лысину. «Іоганнесъ Андреезенъ, личный секретарь,» отрекомендовался онъ. «Г. Гансъ Конрадъ Бальмеръ просили кланяться г. Вильди и завтра утромъ просятъ ихъ къ себѣ въ контору.» Мнѣ странны были и его поклонъ, и его рѣчь, и чѣмъ дальше, тѣмъ все казалось мнѣ страннѣе. Пока мы ѣхали въ экипажѣ по ярко освѣщеннымъ улицамъ, г. Андреезенъ говорилъ много, но я понялъ только, что жить я буду у него. Экипажъ остановился въ тихой

улицѣ, передъ высокимъ домомъ. Мы поднялись по лѣстницѣ въ третій этажъ. Яркій свѣтъ въ первую минуту ослѣпилъ меня; квартира секретаря показалась мнѣ дворцомъ; я не зналъ, какъ ступить, гдѣ сѣсть. Семья Андреезена встрѣтила меня очень радушно, но ея свѣтская вѣжливость только смущала меня; за столомъ я только краснѣлъ, чувствуя свое неумѣнье держать себя въ такомъ обществѣ. И когда, наконецъ, изнемогая отъ новыхъ впечатлѣній, я добрался до своей комнаты, я едва осмѣлился лечь въ постель. Если у секретаря въ домѣ такъ все чинно и шикарно, что же будетъ у его хозяина?

Меня вдругъ охватила страшная тоска по дому. Ахъ, еслибъ сейчасъ перелетѣть въ Цвейбрюкенъ, или хотя бы къ родственникамъ, на берега Рейна!.. Мнѣ было обидно, что Бальмеръ, самъ родомъ изъ Зельмата, самъ пригласившій меня къ себѣ, не счелъ даже нужнымъ встрѣтить меня на вокзалѣ.

Однако, подложивъ подъ подушку молитвенникъ Дуглоры, я уснулъ отлично.

XI.

Робки и пугливы были мои первые шаги въ этомъ чужомъ и шумномъ городѣ. Сопровождавшій меня Андреезенъ указалъ мнѣ на двѣ-три большихъ баржи, нагруженныхъ товарами, на темномъ грязномъ каналѣ, и молвилъ: «это баржи г-на Бальмера.» Огромное, какъ фабрика, старое зданіе со множествомъ новыхъ пристроекъ, гдѣ помѣщалась контора Бальмера, кишѣло людьми, какъ муравейникъ муравьями. Въ нескончаемыхъ корридорахъ намъ на каждомъ шагу встрѣчались люди съ какими-то билетиками и записками въ рукахъ, перебѣгавшіе изъ двери въ дверь; и ни одинъ изъ нихъ не смотрѣлъ на другихъ, ни одинъ не смотрѣлъ на насъ; всѣ, видимо, торопились, и всѣмъ было некогда. Мы прошли черезъ залу, гдѣ сидѣло человѣкъ 30—50 писцовъ, занятыхъ перепиской или счетомъ и едва удостоившихъ насъ бѣглымъ взглядомъ; за этой залой находилась комнатка, гдѣ работалъ Андреезенъ — одинъ, какъ онъ счелъ долгомъ подчеркнуть; а на слѣдующей двери стояла надпись: «Г. К. Бальмеръ».

Андреезенъ взглянулъ на часы.—Еще двѣ минуты, г. Вильди.—«Однако, какъ здѣсь аккуратны» — подумалъ я. За дверью раздались шаги; Андреезенъ постучалъ; дверь отворилась, и я очутился въ большой, просто убранной комнатѣ, всю меблировку которой составляли письменный столъ, шкафы и множество

книгъ. Бальмеръ шагнулъ ко мнѣ навстрѣчу, сунулъ мнѣ три пальца, небрежно бросилъ: «А, г. Вильди. Ну какъ вы—благополучно доѣхали?» и, не дожидаясь моего отвѣта, указалъ мнѣ на низенькое кресло; самъ же усѣлся на высокій табуретъ. У меня колотилось сердце; въ холодной, чуждой мнѣ, скрипучей рѣчи Бальмера не было ни единой интонаціи, которая бы мнѣ напомнила Зельматъ. «Одну минуту,»—молвилъ онъ, торопливо разорвалъ два-три конверта съ письмами и телеграммами и передалъ ихъ Андреезену, въ двухъ словахъ объяснивъ, что надо дѣлать. Секретарь исчезъ. Мнѣ неудобно было сидѣть на низкомъ, мягкомъ креслѣ, но все же я успѣлъ разглядѣть лицо человѣка, о которомъ такъ восторженно отзывался покойный учитель: лицо, изборожденное продольными и поперечными, глубокими и мелкими морщинами, образовывавшими цѣлую сѣть у глазъ и рта. Я думалъ найти въ Бальмерѣ благообразнаго красиваго старика, вродѣ нашего ландаммана; на самомъ дѣлѣ онъ былъ безобразенъ, но и въ этомъ безобразіи было что-то чарующее. Глядя на эту сѣть морщинъ, невольно думалось о томъ, сколько грандіозныхъ плановъ выносилъ въ своемъ умѣ и осуществилъ этотъ человѣкъ; чувствовалась огромная страшная сила, обаянію которой вы невольно подпадали.

Внезапно я почувствовалъ на себѣ пристальный, пронизывающій взоръ глазъ Бальмера, похожихъ на глаза хищной птицы. Онъ ничего не говорилъ, а мнѣ было мучительно жутко подъ этимъ испытующимъ взглядомъ. Я передалъ ему привѣтъ и поклонъ отъ ландаммана.—Ладно,—бросилъ онъ, холодно и сухо.—Существенно то, что вы рѣшились пойти ко мнѣ въ ученики. Но имѣйте въ виду, что вамъ придется начать съ самыхъ низовъ.—Это звучало страшно, расхолаживающе сухо, и, такъ какъ онъ говорилъ со мной не на нашемъ зельматскомъ нарѣчіи, я счелъ долгомъ отвѣтить на литературномъ нѣмецкомъ языкѣ. Но онъ немного презрительно замѣтилъ:—Потомъ; пока вы этого еще не умѣете.—Я краснѣлъ и сидѣлъ, какъ на иголкахъ; будь у меня крылья, я мгновенно улетѣлъ бы отъ него.—Могу себѣ представить, сколько, вообще, пробѣловъ и прорѣхъ въ вашемъ образованіи,—продолжалъ онъ.—Вамъ нужно брать уроки. Я поговорю насчетъ этого съ Андреезеномъ. Сейчасъ васъ посадятъ за работу. Смотря по тому, какъ вы будете работать, я буду давать вамъ повышенія. Надѣюсь, мы еще увидимся, г. Вильди. Моя жена хотѣла бы также какъ-нибудь повидать своего земляка.

Это было сказано уже много теплѣе, и взглядъ, упавшій на меня изъ-подъ могучихъ, косматыхъ бровей, былъ полонъ

доброжелательства, почти ласки. Еслибы не это, я пришелъ бы въ полное отчаяніе отъ такого холоднаго пріема; да и то я вышелъ изъ кабинета съ такимъ чувствомъ, какъ будто я зажатъ въ необычайно сильномъ и жесткомъ кулакѣ. Дѣйствительность была такъ далека отъ восторженныхъ описаній школьнаго учителя.

Андреезенъ свелъ меня въ амбаръ, и тутъ я понялъ, что значитъ «начинать съ низовъ». Первой работой, которую мнѣ поручили въ этой колоніальной торговлѣ, было, накладыванье колотаго сахара въ мѣшки и взвѣшиванье этихъ мѣшковъ; на этой работѣ я сидѣлъ недѣлю. Затѣмъ я, по очереди, учился упаковывать рисъ, какао, кофе, каучукъ, резину и противныя красящія вещества, оставлявшія трудно смываемые желтые, красные и синіе слѣды на кожѣ; потомъ, снова сахаръ.

Каждую недѣлю Бальмеръ, одинъ или съ кѣмъ-нибудь изъ служащихъ, обходилъ всѣ склады и амбары, провѣряя работу и качество товара; мѣстами засовывалъ руку въ мѣшокъ, захватывалъ щепотку и нюхалъ, или пропускалъ сквозь пальцы. Однажды, когда онъ подошелъ ко мнѣ вплотную, я счелъ долгомъ учтиво поклониться ему; онъ слегка кивнулъ головою въ отвѣтъ, но потомъ передалъ мнѣ черезъ Андреезена, что онъ приходитъ въ склады не для того, чтобъ ученики раскланивались съ нимъ, а для того, чтобъ посмотрѣть, какъ они работаютъ. Однажды я слышалъ, какъ онъ, разсердившись, бранилъ своихъ надсмотрщиковъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ: «Чортъ бы побралъ такихъ людей—съ ними погубишь и самое лучшее дѣло!»

Послѣ этой гнѣвной вспышки мнѣ стала понятна та жуткая тишина, которая воцарялась въ амбарахъ, какъ только гдѣ-нибудь вдали показывалась высокая фигура хозяина. Каждый старался не попадаться ему на глаза, а кого онъ подзывалъ къ себѣ, тотъ дрожалъ, боясь лишиться мѣста. Когда онъ уходилъ, по угламъ начинали перешептываться, но никто не называлъ имени Бальмера: рѣчь шла только о «грозномъ», и говорили очень осторожно, какъ будто и у стѣнъ имѣлись уши. И всѣхъ больше боялся его г. Андреезенъ, его личный секретарь, учтивѣйшій человѣкъ, какого я когда-либо встрѣчалъ. Онъ, вообще, избѣгалъ произносить имя Бальмера, какъ будто и называть его было опасно; когда же это оказывалось неизбѣжнымъ, онъ имѣлъ такой видъ, какъ будто мысленно отвѣшивалъ низкій поклонъ своему господину. Все это окружало для меня Бальмера ореоломъ загадочности.

Раза два, проходя по амбару, онъ остановился, чтобы

присмотрѣться къ моей работѣ, но лицо его было непроницаемо, и онъ прошелъ мимо, не побранивъ и не похваливъ меня. И тѣмъ не менѣе, какъ онъ ни скрывалъ своего участія ко мнѣ, я внутренно былъ убѣжденъ, что онъ все время слѣдитъ за мной и за моей работой. Это не вызывало во мнѣ робости; я зналъ, что глазъ мой зорокъ, слухъ настолько тонокъ, что я не заставлю ничего повторять себѣ дважды, и испытывалъ отрадное сознаніе, что я быстро свыкся со своей работой и выполняю ее хорошо и добросовѣстно. И было еще другое, за что я былъ очень признателенъ Бальмеру — онъ далъ мнѣ возможность учиться. Ровно въ четыре часа я, переодѣвшись, превращался, какъ куколка въ бабочку, изъ рабочаго-упаковщика въ молодого барича и, высоко неся голову, спѣшилъ на уроки. Бальмеръ былъ правъ: въ моемъ образованіи было много пробѣловъ, но отецъ Дуглоры заложилъ солидный фундаментъ, на которомъ строить дальше было уже легко. Съ нетронутымъ запасомъ силъ здороваго юноши, котораго никогда не обременяли умственной работой, я охотно брался за дѣло и шутя усваивалъ знанія.

Ученье помогало мнѣ переносить тоску по родинѣ, которая иногда охватывала меня съ жгучей силой. Вечера въ зажиточномъ бюргерскомъ домѣ Андреезена нисколько не напоминали тѣхъ блаженныхъ вечеровъ, которые я проводилъ въ семьѣ Каспара; мнѣ недоставало темныхъ глазъ Дуглоры. А для тѣхъ развлеченій и приманокъ, которыя сулятъ юности большіе города, я былъ еще слишкомъ робокъ. Но съ каждымъ днемъ я развивался и крѣпнулъ умомъ, и еслибъ Дуглора увидала меня, она подивилась бы, какъ быстро я усвоилъ себѣ обличье и манеры горожанина. Это была цѣликомъ заслуга жены Андреезена. Бѣлокурая, аккуратная, живая уроженка Гамбурга, огромное значеніе придававшая внѣшности, она гордилась тѣмъ, что Бальмеръ отдалъ меня подъ ея руководство, не скрывала своей гордости и считала за честь для себя отшлифовать самородокъ, вывезенный изъ далекихъ горъ. Уходя или возвращаясь, я всегда чувствовалъ, что ея зоркій взглядъ слѣдитъ за мною изъ высокаго углового окна. Посмѣиваясь своимъ холодноватымъ, но веселымъ и здоровымъ смѣхомъ, она полу-шутя, полу-серьезно учила меня приличіямъ и этикету, и порой, съ тѣмъ же смѣхомъ, говорила мнѣ:—Кто бы сказалъ, глядя на васъ, что вы изъ дикой страны, гдѣ горы прихлопываютъ людей, какъ хлопушка—мухъ?

Близилось Рождество. Андреезенъ совершенно неожиданно принесъ мнѣ приглашеніе отъ Бальмера и его супруги къ обѣду

на первый день праздника. Я былъ пріятно изумленъ; г-жа Андреезенъ всплеснула руками отъ восторга: «Честь-то, честь какая! Вѣдь даже изъ главныхъ служащихъ, которые служатъ ужъ по многу лѣтъ, никто не приглашенъ. Вотъ что значитъ быть землякомъ г. Бальмера! «Маленькой женщинѣ было нѣсколько завидно, что приглашеніе получилъ я, а не ея супругъ; но, когда настало воскресенье, она стала снаряжать меня въ гости съ такою милою женской заботливостью, что я былъ тронутъ. И дѣйствительно я явился къ Бальмеру, по внѣшности, вполнѣ приличнымъ гостемъ.

Полу-вилла, полу-дворецъ съ стройными елями у подъѣзда, домъ Бальмера выходилъ окнами на искусственный катокъ, на льду котораго скользила толпа изящныхъ конькобѣжцевъ, мужчинъ и дамъ. Меня ввели въ гостиную, гдѣ собралось небольшое, но избранное общество: замужняя дочь и женатый сынъ хозяина, другіе родные и знакомые. «Грозный» встрѣтилъ меня легкой улыбкой. Довольно небрежно, какъ мнѣ показалось, сказалъ онъ мнѣ: «Радъ видѣть васъ здѣсь, г. Вильди», и перешелъ къ другимъ гостямъ. Тѣмъ болѣе порадовалъ меня радушный пріемъ его жены.— Наконецъ—то я вижу васъ, г. Вильди! Я ужъ давно жажду познакомиться съ нашимъ юнымъ землякомъ. — Совсѣмъ молодымъ, быстрымъ движеніемъ она протянула мнѣ руку, сказала, чтобъ подбодрить меня, нѣсколько словъ на нашемъ родномъ нарѣчіи и улыбнулась.

— Мой мужъ, навѣрное, нагналъ на васъ страху при первомъ знакомствѣ. Это ужъ у него такая манера—запугивать молодыхъ людей, поступающихъ къ нему въ ученье. Но, повѣрьте, ваша жизнь въ Гамбургѣ складывается гораздо благопріятнѣе, чѣмъ вы думаете. Уже наше приглашеніе показываетъ,—да и я скажу вамъ по секрету, — что мой мужъ чрезвычайно доволенъ вами. Будемъ надѣяться, что я не разъ еще увижу васъ гостемъ въ своемъ домѣ.

Ледяное кольцо, словно сковавшее мою душу со дня пріѣзда въ Гамбургъ, вдругъ растаяло подъ теплымъ взглядомъ ласковыхъ, карихъ женскихъ глазъ. Несмотря на свои сѣдѣющіе волосы, фрау Бальмеръ въ противоположность своему мужу, казалась почти молодой и поражала своей бодростью и подвижностью. Столько родного было въ ея говорѣ и манерѣ держать себя, что на меня пахнуло теплою лаской весны. Съ первой же минуты я привязался всей душой къ этой милой женщинѣ, исторію которой я зналъ еще отъ моего учителя, и ставилъ въ заслугу г. Бальмеру, что онъ, послѣ недолгихъ уклоненій, вернулся къ своей юношеской, первой любви.

Хоть я еще и былъ нетвердъ въ свѣтскихъ обычаяхъ и все время приглядывался къ другимъ, стараясь подражать имъ, все же я провелъ въ домѣ Бальмера чрезвычайно пріятный и веселый день. Да и Бальмеръ дома былъ совсѣмъ другой. Строгій коммерсантъ-громовержецъ, передъ которымъ дрожали всѣ служащіе, въ кругу семьи и знакомыхъ былъ милѣйшимъ хозяиномъ, умѣвшимъ для каждаго найти чарующую улыбку и доброе слово. Говорилъ ли онъ со взрослыми, или съ дѣтьми, онъ умѣлъ проявить столько доброжелательства и любви, какъ будто никогда тучи гнѣва не омрачали его чела, какъ будто у него только и было заботы, что о мелкихъ и крупныхъ интересахъ его гостей. Долгое время онъ, какъ бы умышленно, не занимался мною; потомъ вдругъ подошелъ ко мнѣ, приласкалъ меня лучистымъ взглядомъ, увлекъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ мы очутились почти одни, и началъ разспрашивать о родинѣ.

— Да, Каспара Имоберштега, моего милаго друга юности, ужъ нѣтъ больше въ живыхъ,—выговорилъ онъ задумчиво, полузакрывъ глаза.—При всей своей великой скромности, онъ былъ удивительно хорошій человѣкъ; по добротѣ и вѣрности я не знаю ему равнаго между людьми. Когда такіе люди умираютъ, меня уже почти перестаетъ тянуть на родину. Я постепенно отрываюсь отъ нея.—Онъ говорилъ печально, какъ будто самъ съ собою, подъ наплывомъ чувства.—А вѣдь старшая дочь его жива, — выговорилъ онъ вдругъ, подумавъ:—что же вы мнѣ ничего не скажете о ней?.—И, видимо, былъ растроганъ тѣмъ, что я разсказывалъ ему о Каспарѣ и Дуглорѣ. Потомъ прервалъ меня: — Такъ это Каспаръ первый разсказалъ вамъ обо мнѣ, а не вашъ отецъ? Такъ я и думалъ. Клаусъ, вашъ отецъ, изъ веселаго жизнерадостнаго юноши подъ старость сдѣлался угрюмымъ нелюдимомъ. Вы думаете, мнѣ удалось хоть разъ затащить его къ себѣ, когда ему случалось бывать въ Гамбургѣ? Ничего подобнаго. Я всякій разъ самъ долженъ былъ справляться въ маленькой гостиницѣ о времени его пріѣзда и являться къ нему туда, чтобы провести вечеръ вмѣстѣ съ нимъ.

Этотъ человѣкъ былъ полонъ неожиданностей — недаромъ онъ казался мнѣ загадочнымъ; за эту нашу недолгую бесѣду онъ совершенно очаровалъ меня.

Прощаясь, фрау Бальмеръ собственноручно вручила мнѣ перевязанный ленточкой пакетъ.—Вы не догадываетесь, что въ немъ?—смѣялась она.—Гауенбургская рождественская булка съ цукатами.—Моя пріятельница, жена начальника кантона, которая, кстати, кланяется вамъ, прислала мнѣ ихъ нѣсколько, и я

хочу, чтобъ у васъ также на святкахъ былъ такой хлѣбъ, какой ѣдятъ у насъ дома.

Это милое женское вниманіе и доброта наполнили сердце мое признательностью; но все же краткая бесѣда, которой удостоилъ меня Бальмеръ, значила для меня несравненно больше. Домой я возвратился совершенно одурѣлый и, на вопросъ жены секретаря, хорошо ли я провелъ время, могъ отвѣтить только ликующимъ: «Очаровательно?» Мнѣ не сидѣлось дома; хотѣлось воздуха, движенія; щеки мои пылали, словно въ лихорадкѣ. Я безъ конца бѣгалъ по улицамъ, и сердце мое было полно счастья и тревоги.—«Онъ именно таковъ,—думалъ я—какимъ его изображалъ Каспаръ». И необычайно удивительнымъ казалось мнѣ то, что Бальмеръ, котораго всѣ знали только за разсчетливаго, суроваго купца, способенъ былъ разыскивать по какимъ-то постоялымъ дворамъ друга юности, простого торговца грифельными досками, чтобы поговорить съ нимъ о далекомъ дѣтствѣ. Значитъ, на самомъ дѣлѣ, душа у него мягкая и нѣжная. Теперь я только и мечталъ о томъ, чтобы снова почувствовать на себѣ ласковый взглядъ этихъ орлиныхъ сѣрыхъ глазъ. И внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что когда-нибудь я стану сердечно близокъ съ этимъ человѣкомъ. Въ этомъ приподнятомъ настроеніи я безъ конца бѣгалъ по пустыннымъ улицамъ Гамбурга. И старинные дома предмѣстья, и темные силуэты башенъ, и красный свѣтъ, падавшій изъ оконъ, трепетно отражаясь въ темныхъ водахъ каналовъ, — все ткало вокругъ меня какую-то радостную волшебную сказку.

Дѣйствительно, съ этого дня для меня началась въ Гамбургѣ чудесная жизнь. Бальмеры все чаще приглашали меня къ себѣ; вслѣдъ за хозяевами мною заинтересовались и гости, благосклонно прощавшіе мнѣ нѣкоторую грубоватость манеръ и неправильности рѣчи. Я быстро осваивался съ новыми формами новой и болѣе утонченной жизни, которыя сначала казались мнѣ такими стѣснительными. Фрау Бальмеръ, мой добрый геній, съ материнской ласковостью говорила мнѣ: «Да, да, г. Вильди, вы дѣлаете огромные успѣхи. Въ васъ столько непосредственности, и въ то же время вы такъ прекрасно держитесь, что прямо пріятно видѣть васъ въ нашей гостиной. Вы съумѣли понравиться всѣмъ нашимъ знакомымъ». И доброе, цвѣтущее лицо ея свѣтилось радостью и гордостью за своего воспитанника.

Но еще важнѣе для меня было глядѣть въ загадочное, изборожденное морщинами лицо ея мужа. Я уже не замѣчалъ въ немъ складокъ и морщинъ, видѣлъ только красоту и силу

его духовнаго облика, только лучистую доброту въ орлиномъ взорѣ. Я былъ совершенно очарованъ этимъ загадочнымъ человѣкомъ; способенъ былъ цѣлыми днями тосковать и грустить, когда онъ говорилъ со мною меньше и суше, чѣмъ бы мнѣ хотѣлось, и втайнѣ ликовалъ, когда онъ дарилъ меня улыбкой или ласковымъ словомъ.

— А все-таки зельматская катастрофа имѣла и свою хорошую сторону, не правда ли, г. Вильди?—сказалъ онъ мнѣ однажды.—Она привела васъ ко мнѣ. Мнѣ думается, вы не будете въ этомъ раскаяваться. Я внимательно слѣдилъ за вами и, будьте увѣрены, умѣю васъ цѣнить. Я все время соображаю, какъ бы васъ поставить на такое мѣсто, которое бы соотвѣтствовало вашимъ силамъ и способностямъ.—Эта похвала и обѣщаніе были для меня, что шпоры для молодого, пылкаго коня.

Одна только тѣнь омрачала мое счастье—тоскующія письма Дуглоры.

«Милый Іостъ»,—писала она,—«хоть мнѣ и хорошо живется у Цʼбинденовъ, и оба они балуютъ и любятъ меня, какъ свою родную дочь, все же я день и ночь думаю о тебѣ. День и ночь! О, какъ я обрадовалась твоей карточкѣ! Какой ты важный на ней, даже слишкомъ важный для меня. Эта карточка стоитъ у меня на комодѣ, подъ стекломъ. Какъ только проснусь утромъ, первымъ дѣломъ зажигаю лампочку, чтобы взглянуть на тебя, а на сонъ грядущій прощаюсь съ тобой и шепчу тебѣ ласковыя слова. Или, лучше сказать, плачу и говорю тебѣ: «Іостъ, какой ты злой! Зачѣмъ ты такъ хорошо чувствуешь себя въ Гамбургѣ?» Фрау Цʼбинденъ очень огорчаетъ меня. Она все твердитъ, что я глупый ребенокъ и что не слѣдовало мнѣ отдавать свое сердце человѣку, который живетъ въ большомъ городѣ и на чужбинѣ. Когда она говоритъ это, мою душу какъ будто прожигаютъ каленымъ желѣзомъ. И г. Цʼбинденъ иной разъ потихоньку усмѣхается такъ сострадательно, надъ моей безмѣрной любовью къ тебѣ, какъ будто жалѣетъ меня. Поэтому я перестала съ ними говорить о тебѣ, но мнѣ тоскливо и жутко, и страшно, когда я вижу, какъ они мало вѣрятъ въ наше будущее. Много мнѣ приходится страдать изъ-за моей любви къ тебѣ, Іостъ. И все же, я люблю тебя съ дѣтства. Ты это знаешь. О, пиши мнѣ чаще! Напиши мнѣ откровенно, всю правду, почему тебѣ такъ понравился Гамбургъ. Нѣтъ, лучше напиши опять такъ, какъ въ первый разъ—что ты безумно тоскуешь по родинѣ. Ахъ, такихъ хорошихъ словъ ты ужъ давно не говорилъ. Я и во снѣ тянусь къ тебѣ, про-

стираю руки за тобою. А ты плывешь на кораблѣ, все дальше, дальше, и мнѣ не достать тебя руками».

Тоска, которою дышали эти письма, находила откликъ и во мнѣ, проникала въ самую глубь моей души, гдѣ все время шла распря между моей любовью и моими честолюбивыми замыслами.

А между тѣмъ, въ Гамбургѣ и его окрестностяхъ ужъ зеленѣла и цвѣла ранняя сѣверная весна. Выйдя въ воскресенье на прогулку за городъ, я увидѣлъ въ полѣ уже зеленѣющія озими. Въ поднебесьѣ звенѣлъ жаворонокъ, и у меня у самого въ душѣ все звенѣло и пѣло, какъ у жаворонка. Хотѣлось забраться куда-нибудь высоко, чтобы полюбоваться весеннимъ ландшафтомъ. Какъ мнѣ недоставало горъ! Исключительно для того, чтобъ испытать чувство подъема, восхожденія, и взглянуть на міръ откуда-нибудь съ высоты, я поднялся на башню церкви св. Николая, самую высокую въ городѣ. У ногъ моихъ раскинулся огромный городъ, тысячи крышъ и башенъ, низкихъ и высокихъ зданій, перемежающихся водою и островками изумрудной зелени. Но напрасно глаза мои искали моря.

Съ весною и работа моя стала разнообразнѣе. Теперь мнѣ доводилось иной разъ сопровождать товаръ, отправляемый въ гавань для нагрузки—то въ маленькія бухты, гдѣ приставали рѣчныя суда, пришедшія изъ сосѣднихъ городовъ, то на большую набережную, мѣсто стоянки морскихъ пароходовъ. Рядъ разнообразныхъ, ежеминутно мѣняющихся картинъ, перекликанье грузчиковъ, скрипъ подъемныхъ крановъ, суета лодченокъ, сновавшихъ между высокими корпусами океанскихъ огромныхъ судовъ,—все это скоро стало мнѣ хорошо знакомо. Въ гавани я встрѣтилъ даже земляка и пріятеля, Юрга Рунгхольта, смотрителя небольшой верфи. Если въ воскресенье я не получалъ приглашенія отъ Бальмеровъ, я проводилъ его съ этимъ милымъ и забавнымъ человѣкомъ, знавшимъ неисчерпаемое множество анекдотовъ о морѣ и морякахъ. Мы вмѣстѣ отправлялись пѣшкомъ въ Оттенсенъ, гдѣ жили его сестра и зять, держа небольшое садоводство. И мирные вечера на открытомъ воздухѣ, за кружкой пива, въ обществѣ этихъ мирныхъ людей, въ бесѣдѣ о цвѣтахъ, напоминали мнѣ такіе же тихіе вечера на родинѣ, съ отцомъ, послѣ обхода нашихъ полей.

Но все же самыми пріятными часами отдыха были тѣ, которые я проводилъ въ семействѣ Бальмера.

Кромѣ дома въ Гамбургѣ, у него была еще прелестная вилла на красивой горѣ, Зюльбергъ; по масштабу моей родины,

*

это былъ просто напросто невысокій холмъ среди равнины. Теперь, когда пришла весна, Бальмеры каждую субботу уѣзжали туда и проводили все воскресенье въ этомъ очаровательномъ уголкѣ. И я по большей части ѣздилъ съ ними и самъ не зналъ, что мнѣ больше нравится: прогулка ли вдоль Эльбы, въ золотыхъ лучахъ заката, или широкій видъ, открывающійся съ виллы на рѣку, въ устьѣ своемъ широкую, какъ море, и на золотисто зеленую линію болотъ на противоположномъ берегу.

Больше всего я любилъ эти поѣздки на дачу еще и потому, что Бальмеръ былъ особенно простъ и доступенъ во время своей ранней утренней прогулки на верандѣ, пока еще не собрались другіе гости. Даже когда онъ ходилъ молча, углубившись въ свои мысли и нагибаясь впередъ высокимъ худощавымъ станомъ, онъ любилъ, чтобы я былъ тутъ же, подъ рукою. И неожиданно начиналъ разговоръ, отъ времени до времени останавливаясь, чтобы подчеркнуть ту или другую фразу. Нерѣдко онъ сводилъ рѣчь на учителя Каспара и на родину; въ хорошія минуты онъ даже вставлялъ въ свой сѣверно-нѣмецкій говоръ двѣ-три фразы на нашемъ зельматскомъ нарѣчіи; но отъ меня не ускользало, что воспоминанія о родинѣ были для него лишь забавой, въ сравненіи съ его крупными коммерческими планами, и вся его щедрость по отношенію къ родному краю была лишь удовлетвореніемъ его прихоти и честолюбія.

Его сужденія о людяхъ и вещахъ нерѣдко были суровы и презрительны. Подчасъ меня пугало его безжалостное отношеніе къ самымъ, казалось бы, преданнымъ ему служащимъ. Такъ напримѣръ, жена его какъ-то стала убѣждать его хоть разокъ пригласить къ нимъ въ Зюльбергъ Андреезена съ женою, указывая, что ими словно пренебрегаютъ, въ то время, какъ ихъ воспитанника и жильца постоянно зовутъ къ себѣ. Я самъ воспользовался случаемъ, чтобы скромно замолвить словечко за своихъ хозяевъ.

Но Бальмеръ только разсердился. — Андреезенъ, Андреезенъ! Такъ что жъ, ты хочешь, чтобы моя дача стала мѣстомъ отдохновенія для всей нашей челяди? Людей такого типа, какъ Андреезенъ, можно держать на службѣ, но видѣть ихъ больше, чѣмъ это необходимо—вовсе не желательно. Всѣ эти самоотверженныя рабьи души противны мнѣ, какъ эти мухи на стѣнѣ.— Затѣмъ, онъ повернулся ко мнѣ и рѣзко выговорилъ:—Г. Вильди, кто хочетъ быть молотомъ, тотъ долженъ умѣть бить по наковальнѣ и презирать наковальню за то, что она позволяетъ бить

по себѣ. Если вы не запомните этого, вы недалеко уйдете въ этомъ мірѣ.

Это былъ человѣкъ съ двумя душами: одной — бездонной, полной презрѣнія къ людямъ, другою—доброй, и ко мнѣ онъ поворачивался лишь этой другой стороной. Рисуя мнѣ красивое и свѣтлое будущее, онъ не ограничивался словами. Послѣ одного изъ такихъ прелестныхъ воскресеній, онъ вызвалъ меня къ себѣ въ рабочій кабинетъ и встрѣтилъ меня чарующей улыбкой.

— Г. Вильди, мнѣ хотѣлось бы показать вамъ, какъ я доволенъ вами, и создать вамъ значительно лучшее положеніе, чѣмъ то, которое занимаютъ другіе наши молодые люди. Я хочу, чтобъ вы уже теперь были матеріально до извѣстной степени независимы и научились безконтрольно распоряжаться деньгами. Это искусство не малое, а въ Гамбургѣ много соблазновъ. Попробуйте. Не устоите противъ искушенія—не велика бѣда, это со всѣми бываетъ. Главное: не унывать. Именно наши пораженія научаютъ насъ побѣждать и господствовать. Итакъ, въ кассѣ сдѣлано распоряженіе, чтобы вамъ каждое первое число выдавали по сто марокъ карманныхъ денегъ.

Цѣлый потокъ благодарности готовъ былъ сорваться съ моихъ устъ, но Бальмеръ отмахнулся отъ меня и молвилъ:—Сейчасъ у меня нѣтъ больше времени разговаривать съ вами. Еще одно: въ будущее воскресенье мы предпринимаемъ увеселительную экскурсію на Гельголандъ; будемъ ждать и васъ.

Счастливѣй меня въ этотъ день не было человѣка въ Гамбургѣ. Я радовался, какъ ребенокъ. Море! Море! Кто бы могъ подумать, что Іостъ Вильди изъ Зельмата своими глазами увидитъ море?

XII.

Я пишу о веснѣ и лѣтѣ, а на дворѣ зима; снѣгъ сыплется и сыплется на Фейерштейнъ. Съ каждой ночью онъ спускается глубже и глубже, засыпая скалы, луга и лѣса на склонахъ горы. Сегодня онъ ужъ выстлалъ бѣлой пеленою долину и крыши Зельмата, а завтра раскинетъ свой покровъ надо всею равниной. Даже въ увеличительное стекло я не вижу сернъ. Всѣ онѣ укрылись въ лѣсахъ, внизу. Но голодныя вороны уже стучатъ клювами въ окна моей обсерваторіи, къ большому неудовольствію Снѣжка, моего шпица. Когда онъ залаялъ на нихъ, сердце мое забилось быстрѣе, въ надеждѣ, что это, можетъ быть, идетъ человѣкъ, охотникъ.

Но нѣтъ! приходится довольствоваться обществомъ тѣней минувшаго. Войди же ко мнѣ, моя сказка, моя голубоглазая Абигаиль!

Чудесная поѣздка! Послѣдняя низкая полоска берега потонула въ могучемъ лонѣ водъ, и желтыя воды Эльбы слились съ зеленою пучиной океана. Такъ вотъ оно, море—не такое грозное и страшное, какимъ оно мнѣ грезилось, но зато полное жизни и обаятельной красоты. Свѣжій вѣтеръ волновалъ его, вздымая длинные валы съ пѣнистыми бѣлыми гребнями, свѣтло-зелеными скатами и темными безднами между ними. Бѣлые паруса, кренясь наискось, такъ и плясали на волнахъ, а надъ ними рѣяли чайки. Я замеръ въ безмолвномъ удивленіи и восторгѣ. Остальное общество веселилось, шутило; какой-то господинъ разсказывалъ были и легенды объ островахъ, селеніяхъ и городахъ, поглощенныхъ моремъ, погибшихъ, какъ Зельматъ подъ обваломъ горы. Но вотъ, вдали, надъ свѣтлой и темной зеленью водъ, поднялось что-то вродѣ волшебнаго дворца, или причудливой формы скалы; краски понемногу оживали, становились ярче, отливали краснымъ свѣтомъ, точно склоны Фейерштейна—то былъ Гельголандъ.

Высадившись на островъ, наша кампанія разбилась на группы; каждый направился туда, гдѣ ему казалось интереснѣе. Я поднялся на Фальмъ, прошелъ мимо простенькой церкви на мысъ, составляющій сѣверную оконечность острова, и, залюбовавшись бурнымъ моремъ, остался тамъ и послѣ того какъ другіе, бывшіе со мной, убоявшись вѣтра, вернулись назадъ. Море катило свои могучія волны отъ самыхъ дальнихъ глубинъ горизонта; на волнахъ играли ослѣпительно яркіе солнечные лучи; чайки кружились надъ водой, ныряя крыльями въ бѣлую пѣну; шумъ океана отдавался въ моей душѣ, какъ могучая молитва природы. И вся душа моя раскрывалась навстрѣчу этому говору волнъ, какъ нѣкогда бурямъ на Фейерштейнѣ.

Вдругъ, гдѣ-то неподалеку, послышался смѣхъ, щебетанье, звонкіе дѣвичьи голоса. Осторожно придерживая руками шляпы, которыя грозилъ унести вѣтеръ, къ берегу шла толпа дѣвочекъ-подростковъ, хорошенькихъ, свѣженькихъ, въ свѣтлыхъ легкихъ платьяхъ. Ихъ было дюжины двѣ—по всей вѣроятности, воспитанницы какого-нибудь изъ частныхъ пансіоновъ, предпринявшія праздничную экскурсію на Гельголандъ.

Среди нихъ была одна, иная, чѣмъ другія, и выше, и старше остальныхъ. Она шла, покровительственно обнимая рукою другую дѣвочку, поменьше; на другой рукѣ у нея висѣла легкая соломенная шляпка, а локтемъ она придерживала, чтобы вѣтеръ не

растрепалъ ихъ, двѣ чудесныхъ темно-русыхъ, или, вѣрнѣе, свѣтло-каштановыхъ косы, падавшихъ ей на плечи.

Я не могъ оторвать глазъ отъ этой незнакомой дѣвушки и не смущался этимъ, такъ какъ она мечтательно глядѣла на море и не замѣчала окружающаго. А я, чѣмъ дальше, тѣмъ больше восхищался ея красотой и привлекательностью. Въ ея тонкомъ, строгомъ профилѣ было что-то чужеземное, но глаза были самые настоящіе нѣмецкіе, голубые, какъ у Гретхенъ, и все лицо дышало несказанно нѣжнымъ ароматомъ юности и дѣвической прелести.

Вѣтеръ усиливался; другія дѣвочки, помоложе и послабѣе, поспѣшили укрыться въ церкви, стоявшей тутъ же, за лужкомъ, но эта осталась и даже подошла ближе къ краю пропасти, склонившись надъ нею очаровательно гибкимъ движеніемъ юнаго стана. И легкое платье подъ вѣтромъ мгновенно обрисовало всю ея тонкую, стройную фигурку.

— Фрейлейнъ Бигъ, фрейлейнъ Бигъ!—все громче и настойчивѣй звали ее подруги.—Фрейлейнъ Бигъ, да идите же!—Дѣвушка, не спѣша, повернулась и пошла. И въ это время взоры наши встрѣтились и на мигъ потонули одинъ въ другомъ. Она, вѣроятно, еще раньше замѣтила, что я наблюдаю за нею, но во взглядѣ ея не было ни неодобренія, ня поощренія, ни насмѣшки, ни испуга; она просто повернулась и пошла. У меня же осталось впечатлѣніе, что другихъ такихъ загадочныхъ глазъ, другого такого красиваго и плѣнительнаго лица нѣтъ на землѣ, что я видѣлъ образъ совершенной красоты и въ то же время,—что это должно быть свѣтская дѣвушка, избалованная аристократка. Я подождалъ еще съ четверть часа; пора уже было возвращаться на берегъ, гдѣ понемногу собралась вся наша компанія. Спускаясь по послѣдней лѣсенкѣ, съ Фальма я увидѣлъ на дюнахъ снова ту же группу дѣвочекъ-подростковъ, къ которымъ теперь присоединились еще господинъ и дама—безъ сомнѣнія, учитель и учительница; съ ними была и красавица «Бигъ», съ ея восхитительно строгимъ профилемъ, съ ея дивными глазами и косами. Я не счелъ себя вправѣ поклониться ей, но, отойдя на нѣсколько шаговъ, еще разъ оглянулся, чтобы лучше запечатлѣть въ памяти образъ незнакомой красавицы, какъ стараешься сохранить въ памяти все, что встрѣтишь красиваго и радостнаго на жизненномъ пути.

И снова взгляды наши встрѣтились; и она также, пытливо или вопросительно, смотрѣла на меня. Но это былъ одинъ лишь мигъ; тотчасъ же она перевела свой взглядъ на плоскую песча-

ную отмель, гдѣ стояли купальныя будки на колесахъ и нѣжились въ водѣ купальщики, подставляя тѣла набѣгавшимъ брызгамъ пѣны. Но меня этотъ мимолетный взглядъ обжегъ, какъ огнемъ; и когда я въ третій разъ увидѣлъ незнакомку, теперь уже вблизи, на берегу, все въ той же компаніи подростковъ, я рискнулъ обратить не нее вниманіе одного изъ моихъ спутниковъ. — Ахъ, экзотическая барышня? — небрежно откликнулся онъ.—Это, должно быть, нѣмка изъ Америки, съ двумя-тремя каплями индѣйской крови. Пикантна, не правда ли? Но я лично предпочитаю нашихъ гамбургскихъ красотокъ. — На этомъ и оборвался разговоръ. Потолкавшись еще немного между живописными островитянами и пріѣзжими посѣтителями острова, всѣ мы вновь усѣлись на бальмеровскій пароходъ, привезшій насъ сюда, и поплыли обратно въ Гамбургъ, уже горѣвшій вечерними огнями.

— Ну-съ, г. Вильди, что вы скажете о Гельголандѣ?— спросила меня фрау Бальмеръ въ слѣдующій мой визитъ.—Не правда ли, намъ, горцамъ, не мѣшаетъ иной разъ посмотрѣть на скалы? — Я началъ разсказывать обо всемъ, что особенно привлекло мое вниманіе на островѣ, но только не о красавицѣ дѣвушкѣ, хотя образъ ея былъ со мною неразлученъ и на работѣ, и въ часы досуга, и втайнѣ я лелѣялъ мечту еще разъ повстрѣчаться съ нею. Зачѣмъ? Этого я самъ не зналъ. Не столько изъ горячей внутренней симпатіи къ ней, которая родилась въ моей душѣ съ первой же встрѣчи, сколько изъ потребности видѣть красоту, дѣйствительно достойную восхищенія и поклоненія. Моей любви къ Дуглорѣ это вовсе не затрогивало, и я даже соглашался съ давешнимъ моимъ собесѣдникомъ, что гамбургскія барышни, которыя по воскресеньямъ оживляли Зюльбергъ своимъ звонкимъ смѣхомъ и веселыми проказами, скорѣй способны внушить нѣжное чувство, чѣмъ это необычное созданіе, съ его ослѣпительной и необычной красотой.

Но, какъ ни усердно витали около нея мои мысли, лѣто шло, а я больше не встрѣчалъ дѣвушки съ Гельголанда, и постепенно образъ ея потускнѣлъ въ моей душѣ, тѣмъ болѣе, что въ кругу знакомыхъ Бальмеровъ у меня было и безъ того достаточно интересныхъ и пріятныхъ впечатлѣній.

Дуглора, съ ея женской чуткостью, угадала вѣрно: я дѣйствительно имѣлъ счастье нравиться женщинамъ. Случаевъ поиграть въ любовь представлялось мнѣ немало, но я не пользовался ими. Съ моей горячей кровью и пылкимъ темпераментомъ это могло бы показаться даже страннымъ, если бъ

душа моя не подпала цѣликомъ подъ власть и обаяніе Бальмера. Я зналъ, что онъ будетъ ревновать своего любимца, если замѣтитъ, что тотъ увлекается женщиной, или что у него осталась на родинѣ любовь, которая тянетъ его назадъ. Онъ привыкъ думать, что я принадлежу ему исключительно и безраздѣльно. И самъ я думалъ такъ же.

Какъ незакатное солнце, сіялъ у меня въ душѣ лучистый взоръ моего покровителя, ставшаго для меня вторымъ отцомъ. Я любилъ этого загадочнаго человѣка такъ же горячо и пылко, какъ любятъ обожаемую женщину, и за него охотно далъ бы изрубить себя въ куски.

Въ началѣ осени онъ, черезъ одного изъ своихъ служащихъ, устроилъ мнѣ нѣчто вродѣ экзамена, т. е. провѣрку знаній, усвоенныхъ мною во время моей службы въ магазинахъ и амбарахъ, и послѣ этого перевелъ меня въ канцелярію, гдѣ я началъ опять таки «съ низовъ», какъ въ складахъ—съ упаковки.

— Ну, а какъ съ карманными—хватаетъ вамъ сто марокъ въ мѣсяцъ? — освѣдомился онъ.—О, конечно, г. Бальмеръ,—отвѣтилъ я съ искренней признательностью: — и еще остается: я коплю.—Отвѣтъ мой очень разсмѣшилъ его. Онъ кивнулъ головой и усмѣхнулся. — Ну и отлично. На будущее время вы будете получать полтораста.

Тревогу и мученіе въ мою жизнь вносилъ только разладъ между моей любовью къ Дуглёрли и моими широкими житейскими планами. Я не смѣлъ написать ей, какъ хорошо мнѣ живется въ Гамбургѣ, и открыть ей свою завѣтную мечту—пойти по стопамъ Конрада Бальмера, раскинувъ сѣть смѣлыхъ предпріятій по всему земному шару. Это бы только прибавило ей огорченій, которыхъ у нея и безъ того слишкомъ достаточно.

«У насъ дома теперь не такъ ужъ хорошо, какъ прежде»,— писала она.—«И за что только на меня все это валится, Іостъ! На каникулахъ къ намъ пріѣзжалъ старшій сынъ Ц'бинденовъ, Отто, послѣ экзаменовъ, изъ Политехникума. Онъ такой милый, серьезный, и сначала очень понравился мнѣ; но потомъ онъ сталъ за мной ухаживать, и тутъ ужъ совсѣмъ пересталъ мнѣ нравиться—ты представляешь себѣ, какъ это мнѣ было непріятно. Вѣдь сердце мое цѣликомъ принадлежитъ тебѣ, мой милый Іостъ. Такъ я ему и сказала. Онъ загрустилъ и цѣлыми днями слѣдилъ за мной такимъ печальнымъ взглядомъ. Г-нъ и г-жа Ц'бинденъ, разумѣется, тоже были недовольны этимъ. Они начали выговаривать г. Отто, въ моемъ присутствіи, и я тоже должна была сказать при всѣхъ, что я его не люблю и не хочу

идти за него. Послѣ этого онъ уѣхалъ назадъ въ Политехникумъ, но оттуда написалъ мнѣ письмо, которое г. Ц'бинденъ отобралъ у меня назадъ. Въ этомъ письмѣ были всякія глупости. Ц'биндены знаютъ отлично, что я тутъ ни душою, ни тѣломъ не виновата, и не хотятъ огорчать меня, но все же съ этихъ поръ у насъ въ домѣ все какъ-то разладилось, и мы никакъ не можемъ попасть въ прежній тонъ. Я бы охотнѣе всего уѣхала, да и Ц'биндены, пожалуй, были бы довольны этимъ. Но куда уѣхать? Къ тебѣ, въ Гамбургъ? Нѣтъ, это слишкомъ далеко для меня, да и люди будутъ говорить, что я увязалась вслѣдъ за тобой. Какъ это грустно, что мы можемъ разговаривать только въ письмахъ!.. Письма—это все равно, какъ будто я въ щелочку посмотрѣла на тебя. Иной разъ я только и утѣшаюсь тѣмъ, что сяду за гармоніумъ и начну пѣть гимны, какъ бывало, съ покойнымъ отцомъ: «Довѣрь свои пути», и другіе разные... И въ такія минуты я начинаю вѣрить, что я еще найду великое счастье съ тобою, мой дорогой, далекій Іостъ».

Моему тщеславію льстило, что и другіе молодые люди заглядываются на Дуглору, и притомъ молодые люди, уже познакомившіеся съ жизнью большихъ городовъ. Та искренность и правдивость, съ которой она разсказывала мнѣ о пережитомъ, снова рисовали мнѣ ея образъ, порой блѣднѣвшій и затушевывавшійся новыми впечатлѣніями, во всей благоуханной прелести моего дѣтства и юности. Но развѣ нельзя совмѣстить Дуглору и осуществленіе моихъ завѣтныхъ грезъ? Вѣдь и г-жа Бальмеръ провела свою юность въ маленькомъ городкѣ, въ горахъ, а съумѣла же она освоиться съ богатствомъ и съ жизнью въ большомъ городѣ и съ достоинствомъ несетъ свое положеніе и свои обязанности. Но Дуглора слишкомъ цѣльная натура: она слишкомъ срослась съ своей отчизной, чтобы ее можно было пересадить въ шумную свѣтскую жизнь безъ ущерба для ея тихо лучащейся, кроткой души. Она похожа въ этомъ отношеніи на мою мать, которая завяла и погибла, когда ее пересадили на чужую почву. Мнѣ становилось въ тягость писать Дуглорѣ, такъ какъ я не смѣлъ ей разсказать всю правду о моихъ планахъ и надеждахъ, и я охотнѣе писалъ иногда нашему ландамману, передъ которымъ мнѣ незачѣмъ было скрывать, какъ счастливо мнѣ живется подъ крылышкомъ у Бальмера. Я съ ужасомъ ловилъ себя на мысли, что моя любовь къ Дуглорѣ стала для меня цѣпью, которую я волочу за собой, и на желаніи, чтобы она увлеклась молодымъ Ц'бинденомъ. Горько корилъ я себя за эти мысли—и снова мечталъ о томъ, чтобъ она сама развязала мнѣ руки. Я не могъ

разобраться въ самомъ себѣ. Честолюбіе заглушало любовь, голосъ соблазна силился перекричать голосъ вѣрности, звучавшій изъ глубины моего лучшаго «я».

Какъ разъ въ это трудное и смутное время я сдружился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, замѣнившимъ перваго моего учителя французскаго языка, тщедушнаго, чахоточнаго старичка. Этого молодого повѣсу звали Эрнестъ Леглю; ходили слухи, что у него было бурное прошлое, но это выкупалось его аристократически-утонченными манерами, блестящимъ остроуміемъ и великолѣпнымъ французскимъ языкомъ, который становился особенно изящнымъ и остроумнымъ послѣ полуночи. Онъ не былъ пьяницей, но любилъ поздно сидѣть по ночамъ и нерѣдко ужъ подъ утро тащилъ меня въ матросскій кварталъ, въ довольно скверную улицу, гдѣ, между старинными домами, пріютилось кафе, болѣе приличное, чѣмъ прочіе окрестные кабачки. Силачемъ Леглю никакъ нельзя было назвать; наоборотъ, онъ былъ довольно слабаго и хилаго сложенія, и я считалъ обязанностью дружбы сопровождать его туда, оберегая на улицѣ отъ столкновеній съ пьяными матросами. Кафе обыкновенно оказывалось уже запертымъ, но насъ, благодаря условленному паролю, пропускали и отводили въ заднюю комнатку въ верхнемъ этажѣ.

Комната была не маленькая, но атмосфера въ ней ужасная. Сквозь наглухо закрытыя окна, завѣшанныя тяжелыми красными занавѣсями, не проникала ни единая струйка свѣжаго воздуха, и въ горячемъ воздухѣ едва мигалъ свѣтъ газовыхъ рожковъ, не находя достаточно питанія. За зелеными столиками сидѣли обычные посѣтители—игроки, и съ ними множество случайныхъ гостей: коммивояжеровъ, матросовъ и штурмановъ, и тутъ же жалкія ночныя бабочки самаго послѣдняго сорта, жадно вглядывавшіяся въ лица игроковъ, въ надеждѣ, что который-нибудь, выигравши, на радостяхъ, угоститъ ихъ водкой или джиномъ, чтобъ откупиться отъ ихъ непрошенныхъ и навязчивыхъ ласкъ. Но, въ общемъ, игра проходила довольно мирно, а когда страсти начинали разгораться и угрожали ссорой, хозяинъ, богатырь съ лицомъ фавна, энергически водворялъ тишину и спокойствіе.

За одними столиками играли въ карты, за другими—въ кости. Но каждый изъ играющихъ зорко слѣдилъ и за кучкой денегъ, составлявшей его ставку, и за своими партнерами, и мнѣ до тошноты противны были эти люди, повидимому взаимно считавшіе другъ друга ворами и мошенниками. Я далъ однако, вовлечь себя въ игру, немножко проигралъ, потомъ довольно много выигралъ; сперва мнѣ было это непріятно, потомъ мнѣ понра-

вилось выигрывать; игра стала увлекать меня настолько, что я даже забылъ о непривлекательности мѣста и компаніи. «Вотъ видите»,—говорилъ, смѣясь, Леглю, на своемъ ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ. Послѣ того я еще раза два былъ съ нимъ въ этомъ скверномъ кабачкѣ. Игра захватывала меня не надолго,—лишь до тѣхъ поръ, пока мы не выходили на свѣжій воздухъ; тутъ мнѣ сразу становилось стыдно самого себя, и хотѣлось швырнуть куда-нибудь подальше выигранныя деньги.

Однажды я имѣлъ несчастье—или, вѣрнѣе, счастье—проиграть сумму болѣе крупную, чѣмъ всѣ предыдущіе выигрыши, вмѣстѣ взятые. Этого я никакъ не ожидалъ и пришелъ домой внѣ себя отъ ярости, тѣмъ болѣе, что мнѣ сильно сдавалось, что Леглю нарочно заманилъ меня туда, чтобъ обыграть, да еще, пожалуй, шулерскимъ манеромъ. А дома я нашелъ милое, ласковое и грустное письмо отъ Дуглоры, и раскаяніе охватило меня съ такою силой, что я почувствовалъ себя какъ Каинъ послѣ убійства Авеля. Мнѣ чудилось, что и отецъ мой, и всѣ покойные зельматцы, возстали на меня, чтобы выколотить изъ меня мое непростительное легкомысліе. Чтобъ разогнать это убійственное настроеніе я не съумѣлъ придумать ничего лучшаго, какъ написать бурно-пламенное, страстное письмо Дуглорѣ.

Отвѣтъ былъ такой радостный. «О, Іостъ, какъ я тебѣ признательна! Твоимъ послѣднимъ письмомъ ты вернулъ миръ измученной душѣ. Теперь я, такъ и быть, признаюсь тебѣ: я такъ страдала отъ твоихъ рѣдкихъ и холодныхъ писемъ. Я вѣчно буду благодарна тебѣ, Іостъ, за твое послѣднее письмо, и не буду больше жаловаться и роптать, чтобы не огорчать тебя, когда тебѣ и безъ того, можетъ быть, трудно; я буду терпѣливо ждать, съ любовью и вѣрностью, осуществленія того, что ты съ любовью и вѣрностью постановишь. Въ самые тягостные дни я всегда говорю себѣ: «мой Іостъ сумѣетъ проложить себѣ дорогу и поведетъ меня по ней».

Письмо это сильно потрясло меня; я порвалъ съ Леглю, пересталъ видаться съ нимъ и сталъ чаще прежняго бывать у добраго Рунгхольта, съ которымъ познакомился въ гавани. Результатомъ всѣхъ этихъ заблужденій было то, что я снова вернулся душою къ Дуглорѣ. И въ то же время съ головою зарылся въ работу. Никогда еще я такъ не усердствовалъ. За то, когда настала весна, я почувствовалъ такую легкость и силу въ душѣ и тѣлѣ, что едва могъ сдерживать себя. Это была награда за настойчивую, упорную работу воли.

Бальмеръ, довольный, ласково кивалъ мнѣ головою и гово-

рилъ:—«Милѣйшій г. Вильди, вы человѣкъ выдающійся; скоро вы займете крупное мѣсто въ моихъ планахъ и разсчетахъ. Будьте готовы». И не было на моемъ горизонтѣ ни единаго облачка, которое бы предвѣщало бурю.

Но тутъ между нами встала женщина: Абигаиль.

XIII.

Въ прежнія зимы, долгими вечерами, я развлекался тѣмъ, что просилъ Ганса Штюнци телеграфировать мнѣ въ обсерваторію выдержки изъ газетъ и телеграфировалъ ему въ отвѣтъ собственные шуточные комментаріи по поводу услышаннаго. И въ этомъ году онъ выписалъ для меня двѣ газеты: нѣмецкую и французскую. Каждый вечеръ аппаратъ стучитъ, передавая мнѣ вѣсти изъ другого міра; но я выслушиваю ихъ разсѣянно и оставляю ихъ безъ всякихъ комментарій. Это огорчаетъ и пугаетъ Ганса. Онъ допытывается: что со мной—не боленъ ли я, или загрустилъ? Я по телеграфу попросилъ его избавить себя отъ труда передавать мнѣ всякое газетное вранье и не безпокоиться о моемъ здоровьѣ. Просто, я съ годами становлюсь философомъ.

Пусть поломаетъ себѣ голову надъ моимъ отвѣтомъ.

Моя исповѣдь все больше увлекаетъ меня. Сегодня я открылъ желѣзную шкатулку, которой не открывалъ цѣлыхъ семь лѣтъ.

Здѣсь мои воспоминанія—письма и портреты. Цѣлая галлерея красивыхъ дѣвушекъ и женщинъ. Но всѣ эти карточки относятся къ болѣе позднему періоду, чѣмъ тотъ, о которомъ я теперь пишу. Да и гамбургскихъ фотографій между ними мало. Одна изъ нихъ изображаетъ юношу, стройнаго, какъ молодой дубокъ, съ сильными мускулами и могучей грудью. Его можно принять или за капитана судна или за художника. Въ этомъ лицѣ чувствуется незаурядная сила и мужественная воля, но, наряду съ этимъ и мягкость души; но прежде всего оно дышитъ здоровьемъ и силой; выраженіе скромное и вмѣстѣ съ тѣмъ побѣдоносное. Побѣдоносное живетъ на высокомъ выпукломъ лбу, свѣтится въ темныхъ орлиныхъ глазахъ...

Этотъ юноша—я. Одинокому старику не стыдно говорить, что въ молодости онъ былъ красивъ У него есть и доказательства—письмо отъ знаменитаго скульптора, который настойчиво проситъ его позировать для статуи умирающаго Ахилла. Позировать я отказался... А вотъ и письма съ пожелтѣвшими чернилами.

отъ глупыхъ дѣвочекъ-подростковъ или молоденькихъ барынекъ, которыя, не найдя ничего лучшаго, кокетничали со мной и назначали мнѣ свиданія...

Всѣ эти письма и карточки спрятаны обратно въ шкатулку. Мимо, мимо.

Я шелъ изъ конторы Бальмера, послѣ занятій, на урокъ англійскаго языка. На улицахъ почему-то было особенно людно. Вдругъ раздался крикъ: «Глядите! Глядите! Шаръ! шаръ!» На углу стояли кучки людей, о чемъ-то оживленно бесѣдовавшихъ, указывая на голубое весеннее небо. Я замедлилъ шагъ и поднялъ глаза къ небу. Надъ головою моей леталъ красивый золотистый шаръ, совсѣмъ такой, какой я когда-то видѣлъ съ Дуглорой и Мельхи; только этотъ леталъ не высоко: ясно можно было различить не только лодочку, но и веревки, на которыхъ она была подвѣшена, и въ лодочкѣ двухъ человѣкъ. «Они выбрасываютъ песокъ» — кричали любопытные юнцы.—«Это воздухоплаватель Зоммерфельдъ, тотъ самый, что поднялся на воздухъ изъ Зоологическаго сада. Берегитесь, какъ бы песокъ не упалъ вамъ на голову». Слегка расширяясь книзу, точно пригоршня сѣмянъ, брошенныхъ рукою сѣятеля, сыпался въ прозрачномъ воздухѣ золотой дождь песку; шаръ съ двумя пассажирами поднялся выше и скрылся за высокой башней. Я былъ странно взволнованъ этимъ зрѣлищемъ, такъ живо напомнившимъ мнѣ родину, и рѣшилъ, если ничто не помѣшаетъ, въ слѣдующее воскресенье отправиться въ Зоологическій садъ, посмотрѣть на полетъ.

— Когда вернется г. Бальмеръ изъ Берлина?—спросилъ я вечеромъ въ субботу Андреезена.—Не раньше завтрашняго вечера.—Такъ, значитъ, завтра, я весь день свободенъ и могу располагать собой.—Мой планъ на воскресенье былъ уже готовъ. Въ тотъ же вечеръ я получилъ письмо отъ Дуглоры, которая сердечно поздравляла меня, напоминая, что завтра, въ воскресенье—день моего рожденія. Но въ письмѣ были и болѣе серьезныя вѣсти.

«Милый Іостъ, да будетъ тебѣ извѣстно, что Отто Цʼбинденъ вернулся домой изъ Политехникума. Повидимому, слишкомъ усердныя занятія вредны для его здоровья; дѣйствительно, онъ сильно исхудалъ, и видъ у него очень жалкій. Онъ намѣревается жить дома и помогать отцу завѣдывать ткацкой фабрикой. Значитъ, мнѣ надо уѣзжать; не то онъ опять начнетъ ухаживать за мной, а это нежелательно ни для меня, ни для

Ц'бинденовъ. Мнѣ такъ жутко. О, посовѣтуй же мнѣ, что мнѣ дѣлать, милый Іостъ!»

Да, тутъ, дѣйствительно, нуженъ былъ добрый совѣтъ. Обдумывая, какъ отвѣтить на это письмо, я незамѣтно дошелъ до Зоологическаго сада и побродилъ часокъ по его дорожкамъ, любуясь искусственными руинами и прудами, пріютомъ всякой водяной птицы, подолгу останавливаясь передъ клѣтками звѣрей и забавляясь хитрыми штуками Антона, ученаго слона. Садъ былъ полонъ праздничной толпой гуляющихъ. Я встрѣтилъ нѣсколькихъ знакомыхъ изъ нашей конторы, но изъ тѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался въ домѣ Бальмера—ни единаго, потому что люди этого круга по праздникамъ не посѣщаютъ Зоологическій садъ. И постепенно забылъ о Дуглорѣ.

Рука на плакатахъ указывала путь къ пустырю за садомъ, съ котораго, въ четыре часа, долженъ былъ подняться шаръ. Звуки музыки манили за парусинную ограду, изъ-за которой уже виднѣлся свѣтло-коричневый куполъ—верхъ шара, наполняемаго газомъ. Огромное пространство отведено было для зрителей. Какъ молодой человѣкъ изъ хорошаго общества, я взялъ входной билетъ въ лучшія мѣста, но былъ очень разочарованъ, увидавъ, что на первыхъ мѣстахъ сидитъ не болѣе десятка любопытныхъ, и лишь на заднихъ, дешевыхъ, тѣснится публика. Уже болѣе чѣмъ на половину надутый шаръ загадочно скрипѣлъ и шумѣлъ, выростая съ каждой минутой, и на оболочкѣ его, внизу еще лежавшей тяжелыми неуклюжими складками, сверху обрисовывались тонкія петли накинутой на него сѣти. Около шара ходилъ, по временамъ пробуя его пальцемъ, воздухоплаватель, красивый, стройный, прямой, какъ струна, и въ то же время подвижный господинъ, въ формѣ, похожей на морскую. Онъ спокойно отдавалъ приказанія двумъ своимъ помощникамъ. Волосы и усы у него были уже почти сѣдые. Было что-то невольно внушавшее симпатію въ его увѣренности и спокойствіи. Невольно думалось: «Вѣдь этому человѣку ужъ навѣрное за пятьдесятъ. Вѣдь, это его шестьсотъ десятый полетъ. Значитъ, воздухоплаваніе—не такая ужъ опасная штука». Сколько я ни приглядывался къ Зоммерфельду, я не могъ замѣтить въ немъ и тѣни авантюризма, безразсудства, которымъ людская фантазія охотно надѣляетъ каждаго воздухоплавателя; наоборотъ, онъ казался мнѣ воплощеніемъ сознательной силы и полнаго достоинства довѣрія къ себѣ.

Его зоркіе сѣрые глаза уже замѣтили меня. Съ легкимъ, учтивымъ поклономъ, онъ освѣдомился, не желаю ли я узнать

подробности объ устройствѣ шара, и послѣ нѣкоторыхъ объясненій какъ-то незамѣтно перешелъ къ вопросу: не желаю ли я принять участіе въ полетѣ?

— Боюсь, что стоимость этого будетъ мнѣ не по карману,— быстро откликнулся я. — А сколько это стоитъ?—Воздухоплаватель ухмыльнулся себѣ въ бороду. — Наконецъ-то нашелся смѣльчакъ, который не спрашиваетъ прежде всего, рискуетъ ли онъ жизнью,—ласково сказалъ онъ.—Я сразу, какъ увидѣлъ васъ, подумалъ, что вы для меня—подходящій человѣкъ. Въ глазахъ у васъ есть что-то такое, по чему воздухоплаватель всегда узнаетъ своего будущаго пассажира. Сегодня это будетъ только прогулка. Вы проведете часокъ на воздухѣ, а затѣмъ я васъ спущу опять на землю, такъ же осторожно, какъ крестьянка ставитъ на землю корзину яицъ. Вы спрашиваете о цѣнѣ. Видите ли, передъ публикой какъ-то непріятно подниматься безъ пассажира. Подниметесь вы—можетъ быть, послѣ васъ захочетъ подняться другой-третій. Ну, скажемъ: пятьдесятъ марокъ. Только это между нами.

Изъ заднихъ рядовъ доносились нетерпѣливый топотъ ногъ и возгласы:—Скоро ужъ пять. Когда же полетъ? Г. воздухоплаватель, поглядите на часы. Или у васъ нѣтъ часовъ?—Сегодня что-то туго идетъ газъ. Давленіе слабое,—замѣтилъ Зоммерфельдъ и далъ знакъ музыкантамъ, заигравшимъ что-то шумное, бравурное, чтобъ заглушить выраженія неудовольствія. Вернувшись къ шару, онъ подложилъ деревянный обручъ подъ постепенно округлявшійся шаръ и соединилъ внутри его концы веревокъ отъ сѣти; я же тѣмъ временемъ перелистывалъ врученную имъ мнѣ большую папку писемъ и газетныхъ вырѣзокъ, въ которыхъ естествоиспытатели, врачи, военные, купцы, банкиры и даже нѣсколько дамъ свидѣтельствовали о томъ, что они совершили съ капитаномъ Зоммерфельдомъ удачный полетъ.

«Удивительно, должно быть, пріятное чувство — летать по воздуху,—думалъ я.—И цѣна не такъ ужъ велика. Положительно, цѣна доступная. Вѣдь нынче, Іостъ, день твоего рожденія. Можешь же ты позволить себѣ развлеченіе послѣ стольких мѣсяцевъ упорнаго труда». Меня вдругъ охватила та же тоска по высотѣ, которая недавно погнала меня на башню Св. Николая; мнѣ захотѣлось доказать самому себѣ, что это было не пустое хвастовство съ моей стороны, когда я говорилъ учителю Каспару и Дуглорѣ, что и я не побоюсь подняться на воздушномъ шарѣ. Я обвелъ пытливымъ взоромъ ряды зрителей— не сидитъ ли гдѣ филистеръ-бюрократъ изъ числа знакомыхъ

Бальмера, который разболтаетъ о моемъ полетѣ и потомъ будетъ дразнить меня. Это было бы непріятно. Но ни одного знакомаго лица я не замѣтилъ.

Тѣмъ не менѣе, я все еще колебался и, быть можетъ, въ концѣ концовъ отказался бы отъ манившаго меня приключенія, какъ вдругъ увидалъ на одной изъ переднихъ, почти пустыхъ скамеекъ, мою красавицу съ острова Гельголанда, въ очаровательномъ воздушномъ платьѣ, съ тремя дѣвочками-подростками. Какимъ волшебствомъ она очутилась здѣсь? Я чувствовалъ, что и она узнала меня съ перваго же взгляда. И моментально снова очутился подъ обаяніемъ голубыхъ глазъ и свѣтло-русыхъ косъ. Мнѣ захотѣлось, чтобъ эти глаза не смотрѣли на меня безучастно. Съ бьющимся сердцемъ, но рѣшительно, я подошелъ къ Зоммерфельду, который въ это время прикрѣплялъ къ деревянному обручу большую плетеную корзину, и молвилъ: «г. капитанъ, я лечу съ вами».

Довольная усмѣшка скользнула по его губамъ.—Черезъ пять минутъ все будетъ готово.—Я стоялъ возлѣ корзины и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за послѣдними приготовленіями—какъ отвязывали и скатывали газопроводный рукавъ и накладывали въ корзину балластъ. Незнакомка о чемъ-то быстро и оживленно бесѣдовала со своими подругами. Можно было подумать, что и она тоже хочетъ летѣть, а подруги отговариваютъ и удерживаютъ ее.—Пожалуйте!—кивнулъ мнѣ капитанъ. Я уже стоялъ въ гондолѣ; надо мною двигался теперь уже туго натянутый шаръ, какъ нетерпѣливая лошадь, готовая подняться на дыбы. Въ эту минуту высокая, стройная незнакомка быстрой и легкой походкой приблизилась къ шару, освѣдомилась у Зоммерфельда о цѣнѣ полета, вынула изъ сумочки нѣсколько золотыхъ монетъ, отдала ему и молча протянула мнѣ правую ручку въ перчаткѣ, какъ бы прося помочь ей влѣзть въ корзину. Она слегка оперлась рукой на мою руку и однимъ прыжкомъ очутилась возлѣ меня. Ни тѣни страха. Она сказала только: «Какъ это противно, что на васъ смотритъ столько глазъ!» Слова какъ жемчугъ сыпались изъ ея устъ. Сначала подумалъ, что она, должно быть, актриса; но сцена пріучаетъ къ тому, что на васъ смотрятъ, и это уже не кажется непріятнымъ. Оглянувшись на своихъ испуганныхъ подругъ, она по-дѣтски захлопала въ ладоши, и глаза ея радостно блеснули.

Зоммерфельдъ о чемъ-то переговаривался наскоро съ блѣднолицымъ господиномъ, у котораго были необычно длинные волосы и такая же длинная спутанная борода. Капитанъ обра-

тился къ своей прекрасной пассажиркѣ:—Этотъ господинъ—сотрудникъ здѣшней газеты и желалъ бы узнать вашу фамилію, флейлейнъ, если вы ничего противъ этого не имѣете.—Моя сосѣдка сразу выпрямилась, какъ царица, и, съ властнымъ выраженіемъ въ юныхъ чертахъ, сухо отвѣтила: — Причемъ тутъ фамилія? Полетъ оплаченъ. Этого достаточно.—Я немного смутился появленіемъ журналиста, нашелъ отвѣтъ моей спутницы весьма благоразумнымъ, и хотѣлъ удостовѣриться, что моя фамилія тоже не попадетъ въ газеты; но въ это время незнакомка вовлекла меня въ разговоръ.

— Не подумайте, пожалуйста, что я хочу скрыть отъ васъ свою фамилію. Никакой тайны я изъ этого не дѣлаю. Меня зовутъ Абигаиль Даръ, я пансіонерка международнаго воспитательнаго заведенія Іенсена и Ремера. — Не успѣлъ я, въ свою очередь, представиться ей, какъ загремѣла музыка, капитанъ вскочилъ на край корзины, схватился лѣвой рукой за веревки, а правой махнулъ фуражкой и крикнулъ: «Отпускай». Величіе момента и героическій образъ моей прекрасной спутницы совершенно изгладили воспоминаніе о журналистѣ. Молодая дѣвушка, правда, слегка поблѣднѣла, когда корзина закачалась въ воздухѣ, оттолкнувшись отъ земли; но тотчасъ же схватила свой зонтикъ и замахала имъ на прощанье подругамъ.—Теперь я спокойна,—сказала она.—Мои дѣвочки уже сидятъ въ экипажѣ, который доставитъ домой ихъ перепуганныя маленькія сердечки.—Слова ея звучали веселой насмѣшкой. Словно на крыльяхъ, взвился кверху «Сатурнъ». Площадь, на которой мы только что стояли, вмѣстѣ съ кричащей и машущей намъ руками толпой, уже ушла изъ глазъ. Словно вдругъ расколовшійся орѣхъ, или раскрывшаяся чаша, лежалъ подъ нами міръ, и постепенно насъ охватывало удивительное чувство простора. Внизу, окутанный прозрачною голубоватой дымкой, разстилался Гамбургъ. Между крохотными домиками тянулись тоненькія ниточки, и по нимъ словно струились темныя песчинки. Это были улицы и пѣшеходы. Дальше блестѣла, какъ маленькая змѣйка, отливая золотомъ и серебромъ заката, Эльба и задумчиво синѣло море. Кругомъ были свѣтъ и безмолвіе. Отъ этого мѣрнаго, плавнаго полета какъ будто выростали крылья; никогда не ощущалъ я такъ ярко, что я живу; душу охватывало торжественное настроеніе, и хотѣлось, чтобы полетъ этотъ длился долго, долго. И близость моей спутницы я ощущалъ какъ счастье, благоуханное и нѣжное.

Нѣкоторое время мы молча стояли рядомъ, она и я, отда-

ваясь нахлынувшему на насъ потоку новыхъ чувствъ и ощущеній. Потомъ глаза наши встрѣтились. Ея глаза были полны огня. —Какъ я вамъ благодарна,—молвила она, — что вы своимъ примѣромъ подбодрили и меня. Правда, я однажды уже поднималась на воздушномъ шарѣ и потому чужда суевѣрнаго страха, который обыкновенно испытываютъ люди при мысли о полетѣ. Это было въ Ниццѣ, съ моимъ отцомъ; мнѣ было тогда, должно быть, лѣтъ семь, не больше. Но я и сейчасъ все отлично помню; пожалуй, это даже лучшее воспоминаніе моего дѣтства. Съ тѣхъ поръ мнѣ всегда хотѣлось еще разъ пережить эти восхитительныя ощущенія. Меня, правда, сегодня тянуло посмотрѣть на полеть, но о томъ, чтобъ летѣть самой, я не думала, и только глядя на васъ рѣшилась послѣдовать вашему примѣру.

— А въ институтѣ вамъ не достанется за вашу храбрость?—спросилъ я. — Она засмѣялась. — Начальство скажетъ только: «Ахъ, эта Бигъ!—она такая сумасшедшая», и будетъ у меня за спиной указывать на меня младшимъ дѣвицамъ, какъ на образецъ неженственности. А мнѣ все равно. Но мнѣ интересно, какъ вы сами смотрите на мое внезапное рѣшеніе,— освѣдомилась она съ веселымъ лукавствомъ свѣтской дѣвушки.

— По моему, полетъ такъ удивительно прекрасенъ, что я совѣтовалъ бы каждому провести хоть часъ на воздухѣ, на высотѣ. Мнѣ кажется, что послѣ этого не будешь видѣть въ мірѣ мелочей, унесешь съ собой что-то такое свѣтлое, солнечное, высокое, что поможетъ преодолѣть много скучныхъ пыльныхъ заботъ. Я считаю счастливыми и васъ, и себя тѣмъ, что мы переживаемъ этотъ полетъ и не отказались отъ него изъ-за мелкихъ предразсудковъ.

Голубые глаза засіяли и заблестѣли. — Какъ вы это хорошо сказали,—радостно воскликнула она.

Краткій часъ въ поднебесной лазури промчался, какъ сонъ. Зоммерфельдъ, все время молчаливо и внимательно слѣдившій за полетомъ своего воздушнаго корабля, пристально вглядывался въ глубину. — Видите вы вокзалъ тамъ, у опушки лѣса? Я васъ спущу на лужкѣ рядомъ съ вокзаломъ.

— Еще немножко! — взмолились одновременно и я, и фрейлейнъ Даръ. Но онъ уже сильной рукой потянулъ за веревку, шедшую вверхъ, вдоль оранжевой, блестящей, поверхности шара: клапанъ открылся, и газъ съ шумомъ началъ выходить, смѣшиваясь съ воздухомъ. Подъ «Сатурномъ», принявшимъ теперь форму груши, снова замелькали поля, лѣса и строенія; легко и плавно, безъ единаго толчка, шаръ ко-

снулся земли въ двухстахъ шагахъ отъ желѣзнодорожной станціи.—Гдѣ же опасность? — усмѣхнулся Зоммерфельдъ. Съ минуту пришлось подождать, пока вышло еще больше газа, и шаръ началъ клониться на сторону; затѣмъ я приподнялъ на рукахъ легкую фигуру моей спутницы и высадилъ ее на землю. Она мило покраснѣла и дружески пожала мнѣ руку.—Благодарю васъ. Это было дивно хорошо, только слишкомъ кратко—слишкомъ кратко!

Часъ спустя мы вмѣстѣ ѣхали въ поѣздѣ, высадились въ центрѣ города, и я довелъ свою спутницу до извозчика. Она какъ-то устало положила руку въ мою руку, посмотрѣла на меня съ невысказанной мольбой въ очаровательныхъ чертахъ и тихонько спросила: — Мы увидимся еще? — Приходите послѣзавтра въ шесть часовъ къ Каменнымъ воротамъ, — радостно отвѣтилъ я.—Я буду ждать васъ.—Она кивнула головкой.

Извозчикъ тронулъ, и моя сказка исчезла среди вечернихъ огней. Укладываясь въ постель, полный блаженной усталости и сладкихъ грезъ, я думалъ о томъ, что врядъ ли могъ бы придумать себѣ лучшій подарокъ къ дню рожденія, чѣмъ эта воздушная прогулка въ обществѣ прелестной и незаурядной дѣвушки.

Но зачѣмъ же видѣться съ ней снова?—Въ тотъ вечеръ я не успѣлъ отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ; а утромъ на другой день вспомнилъ, что мнѣ надо позаботиться о Дуглорѣ, которая того и гляди лишится крова. Подъ впечатлѣніемъ пріятно проведеннаго дня я началъ писать ей ободряющее письмо, въ которомъ не упоминалось ни единымъ словомъ ни о шарѣ, ни о фрейлейнъ Бигъ, но зато былъ добрый совѣтъ — пріютиться, пока что, у тѣхъ же добрыхъ крестьянъ, въ Цвейбрюкенѣ, которые дали намъ убѣжище послѣ катастрофы. А затѣмъ, въ виду того, что вскорѣ мое положеніе у Бальмера должно значительно улучшиться—не можетъ ли она какъ-нибудь примириться съ мыслью самой переѣхать на сѣверъ, когда я вызову ее? Для нашей дальнѣйшей общей жизни было бы, можетъ быть, очень полезно, еслибъ мы сначала нѣсколько лѣтъ прожили въ Гамбургѣ. Но будущее рисовалось мнѣ и самому неясно, и мысли мои спутались. Къ тому же, пора было идти на службу; письмо осталось недописаннымъ.

Въ самый разгаръ работы, когда часы пробили уже одиннадцать, ко мнѣ вбѣжалъ секретарь Андреезенъ, взволнованный и блѣдный.—Г. Бальмеръ просятъ г. Вильди сейчасъ же къ себѣ.—Я удивился и невольно подумалъ:—Ужъ не сглупилъ ли я съ этимъ полетомъ?

Когда я вошелъ въ зеленый кабинетъ, въ которомъ сосредоточивались всѣ пружины нашей фабрики, мнѣ первымъ дѣломъ бросился въ глаза развернутый на письменномъ столѣ газетный листъ. «Грозный», видимо разсвирѣпѣвшій, съ гнѣвнымъ лицомъ и налитыми кровью глазами, только покосился на меня, потомъ схватилъ красный карандашъ, густо подчеркнулъ нѣсколько разъ коротенькую замѣтку въ газетѣ и протянулъ ее мнѣ. — Читайте,—прохрипѣлъ онъ, съ трудомъ владѣя собой. Я прочелъ:

«Послѣ нѣсколькихъ полетовъ на своемъ «Сатурнѣ» въ сопровожденіи одного только своего помощника, капитану Зоммерфельду вчера, наконецъ, удалось завербовать первыхъ двухъ пассажировъ. Эти первые любители воздушнаго спорта изъ гамбургскаго общества были г. Іостъ Вильди, служащій извѣстной импортной фирмы Ганса Конрада Бальмера, и его спутница, молодая дама, фамилію которой намъ, къ сожалѣнію, не удалось узнать, очень элегантная воздухоплавательница, смѣлость и спокойствіе которой позволяютъ угадывать въ ней американскую independent girl» [1]).

Буквы прыгали и плясали передъ моими глазами. Крайне перепуганный, я положилъ газету на столъ, хотѣлъ было отвѣтить, объяснить, но Бальмеръ гнѣвнымъ движеніемъ оборвалъ меня на первомъ словѣ.—Молчите!—крикнулъ онъ и нѣсколько разъ ткнулъ указательнымъ пальцемъ въ газетный листъ, какъ будто хотѣлъ проткнуть его насквозь. Хрипя и задыхаясь, онъ, наконецъ, совладалъ съ собой, и гнѣвъ его прорвался громовымъ окрикомъ:—Что это такое? Служащіе моей фирмы летаютъ на воздушномъ шарѣ? Нечего сказать, недурная фирма, служащіе которой летаютъ на воздушномъ шарѣ! Сразу видно, что шарлатанское предпріятіе. Вотъ-то потѣшатся мои друзья! Я отсюда слышу, какъ они хохочутъ. Нѣтъ, нѣтъ! Вы — вшивый мальчишка! Замѣтьте себѣ это: мои служащіе не летаютъ на воздушныхъ шарахъ. Американская independent girl! Каково! Вотъ ужъ, можно сказать, порадовали вы меня, г. Вильди.

Я хотѣлъ отвѣтить, но Бальмеръ опять-таки не далъ мнѣ рта раскрыть. Съ каждымъ словомъ ярость его возростала; лицо его какъ бы раздулось и побагровѣло; онъ вскочилъ со стула и забѣгалъ по комнатѣ; потомъ остановился передо мною и заревѣлъ:—Я вамъ покажу, что вы не служащій. Вшивый мальчишка, щенокъ, позволившій себѣ забыться. Я васъ смирю. Пусть всѣ видятъ, какъ я осаживаю такихъ наглецовъ. Част-

---

[1]) Независимая дѣвушка.

ныхъ уроковъ вы больше брать не будете. И карманныхъ денегъ также получать не будете. Напрасно я не оставилъ васъ пасти свиней въ Зельматѣ. Кто летаетъ на воздушномъ шарѣ, изъ того никогда не выйдетъ хорошаго купца, а выйдетъ авантюристъ, шарлатанъ. Да, да, вотъ посидите на сухоядѣніи, такъ забудете про свою independent girl.

— Романъ! Рорманъ! — крикнулъ онъ, распахивая дверь въ контору. Позванный поспѣшно прибѣжалъ.—Рорманъ, пишите, что я вамъ буду диктовать. «Въ отчетъ о воскресномъ полетѣ воздушнаго шара, къ сожалѣнію, вкралась грубая ошибка. Упомянутый тамъ г. Вильди не состоитъ — «не» подчеркните трижды — служащимъ, даже и по вольному найму, дома Г. К. Бальмеръ». Такъ. Теперь бѣгите съ этимъ въ редакцію газеты. Если они не захотятъ помѣстить опроверженіе, пригрозите имъ жалобой въ судъ за подрывъ кредита.—Служащій умчался.

— Вы еще здѣсь, г. Вильди?—воскликнулъ «Грозный» съ язвительной насмѣшкой. — Вамъ хотѣлось бы разговаривать? Нѣтъ, разговаривать вы здѣсь не будете. Поработайте нѣсколько мѣсяцевъ добросовѣстно и усердно въ складахъ,—можетъ быть, послѣ того я и позволю вамъ опять разговаривать со мною.—И онъ презрительно повернулся ко мнѣ спиной.

Я вышелъ изъ кабинета, шатаясь какъ пьяный. Ужъ и не знаю, сколькихъ людей я сшибъ съ ногъ на улицѣ, гдѣ бродилъ весь день, съ утра до вечера; помню только, что одно время я стоялъ на берегу рѣки, готовый прыгнуть въ нее, чтобъ избавиться отъ безмѣрнаго стыда, который, все равно медленно убьетъ меня. «Вшивый мальчишка!» Вшивымъ мальчишкой онъ назвалъ меня. Онъ—деспотъ, тиранъ. Я былъ внѣ себя отъ ярости. — Ни единаго слова въ свое оправданіе не далъ мнѣ выговорить... Еслибы тотъ журналистъ попался мнѣ въ эту минуту, я избилъ бы его до смерти... Я плакалъ отъ гнѣва и злобы... Но, постепенно, сквозь гнѣвъ стали пробиваться и болѣе разумныя мысли. Я понялъ, что полетъ на воздушномъ шарѣ былъ необдуманнымъ поступкомъ съ моей стороны, что газетная замѣтка объ этомъ должна была ужалить въ самое сердце моего патрона, вдвойнѣ огорчившагося тѣмъ, что виновникомъ его гнѣва явился я, его любимецъ. Я понялъ все. Но зачѣмъ же подвергать меня такому униженію? Перевести меня въ склады. Осрамить публично, на глазахъ у всѣхъ. Это ужъ слишкомъ! Это все равно, что выгнать изъ дому. О, какъ я любилъ этого человѣка! Какъ отца. Нѣтъ, больше чѣмъ отца. А онъ такъ жестоко поступилъ со мной. Смутное чувство подсказывало мнѣ,

что онъ возмущенъ не столько моимъ полетомъ на воздушномъ шарѣ—этотъ мой необдуманный шагъ могъ навлечь на его фирму развѣ легкія насмѣшки, но не могъ причинить ей серьезнаго ущерба—сколько тѣмъ, что со мной была дѣвушка, какъ онъ предположилъ: моя любовница. Онъ разсердился, какъ обманутый въ своихъ ожиданіяхъ благодѣтель, думавшій, что облагодѣтельствованный имъ рабски преданъ ему, и не желающій дѣлить его любви ни съ кѣмъ, даже съ женщиной. Это и была главная заноза. Но какъ же вытащить изъ памяти Бальмера эту занозу?

Весь день я чувствовалъ себя страшно несчастнымъ. Подъ вечеръ, замѣтивъ летавшій надъ городомъ воздушный корабль Зоммерфельда, я проклялъ его отъ души и пожелалъ ему залетѣть въ дебри Африки. Поздно вечеромъ, усталый и разбитый, я добрался до своей квартиры; секретарь и его домашніе были со мной краснорѣчиво сдержанны и какъ будто боялись меня. Я первымъ дѣломъ поспѣшилъ докончить начатое письмо къ Дуглорѣ. Заключительныя строки были таковы: «Прости, милая Дуглора, за скучный конецъ: ты, уже по почерку увидишь, что мнѣ сегодня нездоровится—съ утра было ничего, а потомъ стало нехорошо». Хотя въ осуществленіи надеждъ, высказанныхъ въ этомъ письмѣ, я теперь уже сильно сомнѣвался, все же я на другой день утромъ снесъ его на почту. Всю дорогу меня мучилъ и терзалъ вопросъ: неужто же меня, дѣйствительно, заставятъ вновь работать въ складахъ, надъ укупоркой и упаковкой? Какъ пережить такое униженіе? Мнѣ это казалось выше моихъ силъ. И тѣмъ не менѣе, я, гордый, честолюбивый Іостъ Вильди, въ назначенное время все же предсталъ передъ моими прежними надсмотрщиками. Надо же мнѣ какъ-нибудь помириться съ Бальмеромъ, и для этого прежде всего надо преодолѣть себя; но я и самъ себѣ не хотѣлъ сознаться, до какой степени это было для меня мучительно. Условленная встрѣча съ Бигъ Даръ казалась мнѣ теперь ужъ вовсе неумѣстной. Да, еслибъ я былъ тотъ же, что третьяго дня во время полета! Но послѣ всего, что я пережилъ за вчерашній день, она стала мнѣ чужой, непріятной, и, несмотря на ея поразительную красоту, совершенно для меня безразличной. Мнѣ вдругъ тоже показалась неженственной ея внезапная рѣшимость принять участіе въ полетѣ и почуялась въ ней прирожденная авантюристка.

Тѣмъ не менѣе, я пошелъ къ Каменнымъ воротамъ, думая: «ну что жъ, если я и эта красивая иностранка и не можемъ ничѣмъ быть другъ для друга, все же эта встрѣча немного раз-

влечетъ меня, дастъ позабыть о жгучей мукѣ». Только что я хотѣлъ смѣшаться съ веселой толпою гуляющихъ, какъ въ экипажѣ подъѣхала моя свѣтло-голубая, какъ весеннее небо, сказка, уже издали улыбаясь мнѣ и кивая головою. И мы пошли рядомъ по каштановой аллеѣ, между рядами бѣло-розовыхъ цвѣточныхъ свѣчекъ, и снова я поддался обаянію ея цвѣтущей, несказанно прекрасной молодости.

— Простите меня, г. Вильди,—было ея первымъ словомъ.—Боюсь не вышло ли у васъ непріятностей изъ-за этого полета. Я поняла это изъ того опроверженія, которое сочла нужнымъ сдѣлать въ газетѣ ваша фирма, да и по лицу вашему вижу, что это такъ. И мнѣ страшно жаль, что и я тутъ не безъ вины. И я очень бы хотѣла искупить свою вину, но только не знаю, какъ.—Она лукаво улыбнулась, но улыбка ея была добрая, и ея веселый, сердечный тонъ подѣйствовалъ на меня благотворно.—И все же,—продолжала она шутливо,—когда на васъ смотришь, г. Вильди, кажется, что для васъ не можетъ быть никакихъ затрудненій, что вы всѣ ихъ преодолѣете шутя. И теперешнія, конечно, тоже.

Я невольно усмѣхнулся.—Слишкомъ много чести. Откуда у васъ такая вѣра въ меня, фрейлейнъ?

— Я и сама не знаю. Но отъ васъ вѣетъ такою силой, что, кажется, вамъ все должно удаваться, за что вы ни возьметесь. Стоите ли вы на мѣстѣ, или идете, въ каждомъ вашемъ движеніи чувствуется увѣренность и сила. Это-то и подбодрило меня и помогло рѣшиться на полетъ; я это замѣтила уже на Гельголандѣ, когда вы спускались съ горы. У васъ такая манера ставить ногу, точно вы при каждомъ шагѣ сростаетесь съ землей. Я тогда же подумала, что вы, навѣрное, не всегда жили въ городѣ, а пріѣхали сюда изъ какой-нибудь горной мѣстности. Но можетъ быть именно потому у меня получилось такое впечатлѣніе, что отъ васъ, вообще, вѣетъ первобытной силой.

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее и возразилъ:—Нѣтъ, ваше чутье не обмануло васъ: я, дѣйствительно, родился въ горахъ. Вамъ знакомы горы?

— Немножко. Лѣтомъ, въ жаркую погоду, мы иногда съ родителями уѣзжали мѣсяца на два въ горы. Но теперь родителей моихъ уже нѣтъ на свѣтѣ. Иначе я не жила бы въ Гамбургѣ.—Она умолкла, указала зонтикомъ на скамью подъ большимъ кустомъ цвѣтущей сирени и предложила:—Не отдохнуть ли намъ здѣсь? Вѣдь намъ еще многое надо разсказать другъ другу. Вы мнѣ разскажете о вашихъ горахъ.—Милая улыбка сопровождала

эту просьбу; та же улыбка свѣтилась и въ ея глазахъ; но я попросилъ ее разсказать лучше о себѣ.

— Правда, вы не знаете еще, кто я и что я, — сказала она весело. — Представьте себѣ зонтикъ, который кто-нибудь по разсѣянности забылъ въ углу и за которымъ никто не пришелъ. Такъ онъ и стоитъ. Нѣтъ, я не хочу вамъ задавать загадокъ. Я родилась въ отелѣ на берегу Средиземнаго моря и все свое дѣтство пропутешествовала, вмѣстѣ съ родителями. Эта бродячая жизнь прекратилась, когда мнѣ исполнилось восемнадцать лѣтъ. Въ то время матери моей уже не было на свѣтѣ; отецъ мой, мексиканецъ, оказался вынужденнымъ съѣздить на родину изъ-за стараго спора о наслѣдствѣ. Мы вмѣстѣ съ отцомъ пріѣхали въ Гамбургъ. Море было очень бурное. Отецъ не рѣшился взять меня съ собой и на время своего отсутствія оставилъ меня въ международномъ институтѣ для дѣвицъ Іенсена и Ремера. Черезъ пять мѣсяцевъ онъ долженъ былъ пріѣхать за мною и взять меня изъ института; но, вмѣсто этого, пришло извѣстіе объ его смерти. Я была безутѣшна: никого больше не осталось на свѣтѣ, кому было бы до меня хоть какое-нибудь дѣло. По совѣту стараго мексиканскаго адвоката, которому отецъ поручилъ завѣдывать моимъ состояніемъ, я осталась въ институтѣ; и вотъ, я уже больше трехъ лѣтъ живу здѣсь. Куда же мнѣ дѣваться? Въ цѣломъ мірѣ у меня нѣтъ родной души—все только люди, которымъ я плáчу за ихъ услуги. И еслибъ я сегодня или завтра умерла, похороны, вѣроятно, были бы нарядныя, но, кромѣ двухъ-трехъ дѣвочекъ, моихъ товарокъ, никто бы не заплакалъ обо мнѣ. Я совершенно брошена на произволъ судьбы.

Въ ея тонѣ не звучало ни горечи, ни грусти. Это были слова свѣтской женщины, привыкшей сдерживать себя и скрывать свои чувства.

— И васъ отпускаютъ изъ института, вотъ такъ, какъ сейчасъ, безъ провожатыхъ, куда вамъ вздумается?

Она засмѣялась.—Я не льщу себя надеждой, что начальству моему это нравится, но я поставила условіемъ своего пребыванія въ институтѣ извѣстную свободу. Послѣ того, какъ я восемнадцать лѣтъ жила цыганкой, нельзя же меня запереть въ клѣтку, какъ канарейку. Нѣтъ, нѣтъ, этого бы я не вынесла. Мой повѣренный, мексиканскій адвокатъ, платитъ за мою свободу, а свобода нужна мнѣ, какъ воздухъ. Какъ только я чувствую на себѣ гнетъ, во мнѣ пробуждаются всѣ мои дурные инстинкты.

— А у васъ развѣ есть дурные инстинкты?

— Почему же нѣтъ? Я вовсе не стремлюсь быть ангеломъ. Когда меня мучатъ, я становлюсь злой и коварной—даже очень злой.—И, словно въ подтвержденіе этого, голубые глаза ея блеснули жесткимъ блескомъ брилліанта, алыя губы раскрылись, и среди нихъ блеснули острые бѣлые зубки. На мигъ мнѣ почудилось, что передо мной дикій звѣрекъ, пантера, что-то совсѣмъ чужое, экзотическое; но тотчасъ же она вновь улыбнулась своей очаровательной улыбкой, милой и невинной.—Нѣтъ, вы не очень ужъ вѣрьте въ мои дурные инстинкты, г. Вильди; у меня есть и хорошіе; иначе, мои младшія товарки не были бы ко мнѣ такъ привязаны.—Ея взглядъ былъ такъ ласковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ лукаво - задоренъ, что я не могъ не вѣрить этому. Наступила маленькая пауза.—Independent girl! Это газетный репортеръ правильно сказалъ,—выговорила она, возвращаясь къ прежней темѣ.—Воскресный полетъ доказалъ это. Я давно уже не переживала ничего подобнаго: такъ радостно было опять вздохнуть вольной грудью. Какъ бы мнѣ хотѣлось повторить это. Какъ только мы начали спускаться, мнѣ захотѣлось полетѣть опять. Оттого я и предложила вамъ встрѣтиться снова. Мнѣ хотѣлось предложить вамъ кое-что и кое-о-чемъ васъ попросить. Предложить вамъ—полетѣть опять, только надолго; попросить васъ принять участіе въ этомъ полетѣ, въ качествѣ моего гостя. Это было бы такъ чудесно; утромъ, полетѣть навстрѣчу солнцу, весь день парить высоко надъ землею и только вечеромъ спуститься гдѣ-нибудь далеко—все равно, гдѣ. Но теперь я боюсь, что изъ-за васъ мнѣ придется отказаться отъ моего плана. Вамъ нельзя? Ваша служба не позволяетъ вамъ?—Она смотрѣла на меня съ надеждой и мольбой.

— Благодарю васъ, фрейлейнъ Даръ, но это, дѣйствительно, невозможно, — возразилъ я, не задумываясь, спокойно и твердо. —Летите однѣ съ Зоммерфельдомъ. Я считаю его вполнѣ надежнымъ спутникомъ.

Она сложила губки въ очаровательнѣйшую гримаску, подумала немного и сказала, улыбаясь:—Нѣтъ, одна съ Зоммерфельдомъ я не полечу. У меня хватило бы храбрости продѣлать это только вмѣстѣ съ вами; только рядомъ съ вами я была бы въ состояніи побѣдить трусость, которая все-таки сидитъ во мнѣ, несмотря на всѣ мои стремленія къ великому и прекрасному.—Она встала.—Проводите меня еще немного.—Мы пошли рядомъ.

— Зачѣмъ же вы служите у такой фирмы, которая такъ васъ во всемъ стѣсняетъ, г. Вильди?—спросила она вдругъ.

Изумленный этимъ наивнымъ вопросомъ, я отвѣтилъ не сразу. Она мило смутилась, покраснѣла и сказала:—Мой вопросъ, должно быть, очень нелѣпъ?—Конечно, фрейлейнъ Даръ,—отвѣтилъ я; и она отъ души разсмѣялась вслѣдъ за мною.—Какъ вы это восхитительно сказали!—Это мгновеніе сблизило насъ больше, чѣмъ весь предыдущій разговоръ.

— А еслибъ вы были свободнымъ человѣкомъ, вы бы исполнили мою просьбу?

— Ну, конечно! Я не могу себѣ представить ничего болѣе привлекательнаго. Мнѣ самому страшно нравится полетъ. Точно что-то кричитъ внутри: «Еще. Еще.» Да еще въ такомъ пріятномъ обществѣ.

Голубые глаза засіяли.—Для меня большое счастье слышать это отъ васъ.—Мы пошли дальше. На каждомъ шагу прохожіе оглядывались на стройную фигуру и роскошныя косы моей спутницы. Порой до насъ доносились шуточки по этому поводу. Она сердилась.—Вотъ возьму и подрѣжу себѣ косы. Я вовсе не такая тщеславная, какой меня считаютъ. Правда, начальство требуетъ, чтобъ я носила ихъ распущенными, но это мнѣ все единственно: я не хочу, чтобъ на меня обращали вниманіе на улицахъ, я хочу двигаться свободно, какъ другіе люди. Увижу я васъ еще, г. Вильди?

— Я въ вашемъ распоряженіи хоть каждый вечеръ,—отвѣтилъ я, очарованный этимъ прелестнымъ созданіемъ.—Я тоже сирота и почти такъ же одинокъ, какъ вы.

— Тогда послѣзавтра, въ это же время и на томъ же мѣстѣ,—шепнула она, радостно краснѣя. Мы стояли на мосту, облокотившись на перила. День боролся съ надвигающейся ночью; по темнымъ волнамъ, отливавшимъ металлическимъ блескомъ, мечтательно, словно во снѣ, описывали круги бѣлые лебеди. Коегдѣ въ водѣ ужъ отражались огоньки; силуэты стараго Гамбурга въ сумеркахъ казались фантастическими; весенній вечеръ, теплый и ласковый, будилъ въ душѣ какіе-то таинственные отклики.

— Итакъ, будемъ добрыми друзьями, г. Вильди. И въ слѣдующій разъ вы мнѣ разскажете про ваше дѣтство въ горахъ. Это, должно быть, страшно красиво. Я заранѣе радуюсь вашему разсказу.—Бигъ Даръ какъ будто вдругъ задумалась о чемъ-то и не сразу вынула изъ моей руки свою длинную узкую руку. Потомъ вдругъ встрепенулась и умчалась, какъ сказка, растаявъ въ розоватыхъ облакахъ заката.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АПОСТОЛЪ „ОБЩЕЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ РЕЛИГІИ ЛЮБВИ“.

(Къ исторіи русскаго сектантства [1]).

Men like Nicolas Jlyin are the salt of this earth, men who will go through fire and water for their thought; men who would live a true life in a dungeon rather than a false life in the richest mansions of the world.

W. H. Dixon—«Free Russia».

Въ исторіи русскаго сектантства существуетъ крупный пробѣлъ: изученіе многихъ значительныхъ сектъ началось слишкомъ поздно, когда первоначальное вѣроученіе сектантовъ уже потерпѣло цѣлый рядъ измѣненій, а обстоятельства самаго возникновенія секты или совершенно утратились въ памяти ея послѣдователей, или же успѣли покрыться густой дымкой легендарныхъ сказаній. Изъ какихъ источниковъ зародилась, напр., секта хлыстовъ или секта духоборцевъ? Откуда въ первой четверти прошлаго столѣтія появились въ центральныхъ губерніяхъ Россіи тысячи «жидовствующихъ», нигдѣ до тѣхъ поръ оффиціально не отмѣченныхъ? Процессъ проникновенія этихъ и многихъ другихъ вѣроученій въ народныя массы остается для насъ теменъ. Русскими сектами долго интересовалась только православная церковь, да и то, главнымъ образомъ, съ единственной цѣлью— въ случаѣ «оказательства» ереси, во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе ее искоренить руками свѣтской власти. Отсюда ссылки сектантовъ на окраины, заключенія ихъ въ тюрьмы, заточенія въ монастыри. Въ «искателяхъ правды» видѣли не

[1]) По неизданнымъ матеріаламъ.

болѣе, какъ крамольниковъ упорствующихъ въ своихъ заблужденіяхъ, а потому вредныхъ какъ въ религіозномъ, такъ и въ государственномъ отношеніи. Прошло много времени прежде чѣмъ общество начало, наконецъ, глубже всматриваться въ «фанатиковъ» и изучать ихъ «лжеученія», открывъ этимъ широкій, почти еще не початый уголъ народной жизни, святая святыхъ народной души, съ ея религіозными исканіями и запросами, не находящими отвѣта въ общепринятыхъ догматахъ и не удовлетворяемыми сложившимся строемъ людскихъ отношеній.

Цѣлою сѣтью крупныхъ и мелкихъ сектъ покрыта Россія, и тому, кто изучаетъ русскій народъ, нельзя не относиться съ глубокимъ вниманіемъ къ происходящему въ его средѣ непрестанному религіозному движенію, измѣняющему не только вѣрованія, но и весь внутренній и внѣшній укладъ жизни. Чтобы опредѣлить что самобытно и что заимствовано въ этомъ движеніи, что существенно и что преходяще, очень важно знать, откуда черпаютъ сектанты свои взгляды и какъ перерабатываются ими тѣ религіозныя понятія, которыя приходятъ къ нимъ извнѣ. Очень часто ключъ къ рѣшенію этой задачи находится именно въ исторіи возникновенія секты и первыхъ шаговъ ея развитія.

Предлагаемый очеркъ служитъ этой цѣли въ отношеніи секты «іеговистовъ». И, вмѣстѣ съ тѣмъ, біографія основателя секты, Н. С. Ильина, раскрываетъ передъ нами яркую картину тѣхъ соціальныхъ и моральныхъ условій, которыя изъ «соли земли», какъ характеризуетъ Ильина англійскій писатель Диксонъ, создавали людей, помѣщаемыхъ или въ психіатрическія лечебницы, или въ тѣсные казематы монастырскихъ тюремъ.

I.

«Іеговисты»—наиболѣе своеобразная и наименѣе изслѣдованная изъ сектъ, возникшихъ въ Россіи въ половинѣ прошлаго вѣка. Въ народѣ іеговистовъ часто смѣшивали съ «субботниками», духовенство считало ихъ скрытными и грубыми фанатиками, а въ интеллигентномъ обществѣ одни причисляли ихъ къ «духовнымъ христіанамъ», другіе видѣли въ нихъ лишь озлобленыхъ анархистовъ, готовыхъ разрушить всѣ существующія установленія, не стѣсняясь никакими средствами. Оба эти мнѣнія, казалось, находили подтвержденіе въ фактахъ, взятыхъ изъ жизни самихъ сектантовъ: одновременно съ отказами ихъ

отъ исполненія воинской повинности—на томъ основаніи, что ихъ религія запрещаетъ имъ проливать кровь,—на Уралѣ вспыхнуло громкое дѣло объ іеговистахъ-бомбистахъ, покушавшихся на жизнь священника и другихъ лицъ заводской администраціи. И хотя на судѣ съ полной очевидностью выяснилось, что іеговисты совершили преступленіе вопреки правиламъ своей вѣры подъ давленіемъ тяжелыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, это не совсѣмъ изгладило неблагопріятное впечатлѣніе перваго извѣстія, и за частью сектантовъ до сихъ поръ осталось въ литературѣ названіе «мстителей».

Еще болѣе упорно держится мнѣніе о іеговистахъ, какъ о «духовныхъ христіанахъ», въ виду ихъ отрицательнаго отношенія къ военной службѣ, таинствамъ и обрядамъ православной церкви. Но достаточно внимательно прочесть хотя бы одну изъ заключающихъ ихъ вѣроученіе «книжекъ», чтобы убѣдиться, насколько это вѣроученіе несходно съ религіозными представленіями другихъ сектъ. Всѣ эти книжки написаны основателемъ секты—капитаномъ артиллеріи Никалаемъ Сазонтовичемъ Ильинымъ, строго требовавшимъ отъ своихъ послѣдователей, чтобы они переписывали и распространяли ихъ въ возможно большемъ количествѣ, но отнюдь къ его тексту ничего не прибавляли. Всѣ противорѣчія, встрѣчающіяся въ «книжкахъ» іеговистовъ, объясняются тѣмъ, что онѣ написаны Ильинымъ въ разное время, и въ нихъ отразились разные фазисы его собственныхъ религіозныхъ переживаній.

Дѣтство Ильина протекло не радостно. Отца онъ не зналъ и жилъ съ матерью, которая отдала его сначала въ обученіе православному дьячку, а затѣмъ помѣстила въ іезуитскій коллегіумъ въ Полоцкѣ. Позднѣе, числясь въ военныхъ кантонистахъ, онъ поступилъ въ учебную артиллерійскую бригаду и, пройдя необходимыя ступени, сталъ готовиться на прапорщика, посѣщая въ качествѣ вольнослушателя офицерскіе классы Михайловскаго артиллерійскаго училища. Здѣсь онъ работалъ серьезно и усидчиво. Ему было поручено составить руководство для артиллеристовъ на берегу и на морѣ. Эту работу онъ исполнилъ лишь частью, отвлеченный другими занятіями.

Въ 1834 г., 26-ти лѣтъ отъ роду, онъ былъ произведенъ въ прапорщики, женился и уѣхалъ служить въ юго-западный край. Тусклая жизнь въ маленькихъ мѣстечкахъ мало соотвѣтствовала склонностямъ Ильина. Онъ окружилъ себя книгами, стараясь разнообразнымъ чтеніемъ пополнить свое образованіе.

Выходъ въ свѣтъ первой части его труда вызвалъ восторженный отзывъ редактора журнала «Маякъ», Бурачка, назвавшаго молодого автора «настоящимъ ученымъ» и обѣщавшаго ему громкую извѣстность не только въ предѣлахъ Россіи, но и за границей. Этотъ успѣхъ, очень польстившій Ильину, не помѣшалъ ему, однако, вскорѣ совсѣмъ оставить занятія военными науками. Онъ считалъ себя незаконнорожденнымъ сыномъ генерала русской арміи, шведа Паткуля. «Такъ какъ я не могъ узнать, отъ какого народа я зародился»,—писалъ онъ впослѣдствіи,—«то и сталъ признавать всѣхъ людей за родныхъ моихъ». Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ видѣлъ, что эти «родные» очень далеки отъ того, чтобы составить одну дружную семью—и у него явилась мысль помочь имъ, уничтоживъ одно изъ главныхъ препятствій къ ихъ объединенію. Въ «Маякѣ» 1843-го года помѣщена его статья: «Общая азбука въ природѣ человѣка», содержащая въ себѣ попытку преобразованія русской азбуки съ цѣлью сдѣлать ее понятной всѣмъ другимъ народамъ, для объединенія человѣчества посредствомъ общаго языка. Другимъ, еще болѣе важнымъ связующимъ звеномъ должна была, въ глазахъ Ильина, служить религія. Ильинъ былъ православнымъ, и къ католицизму относился недовѣрчиво. Женившись на лютеранкѣ, онъ хотѣлъ полнаго съ ней единенія, какъ хотѣлъ его и для всего человѣчества. И здѣсь, и тамъ, по его мнѣнію, единенію всего больше препятствовала разность исповѣдуемыхъ вѣрованій—и онъ мечталъ о сліяніи всѣхъ религій въ единую истинную: въ православіе. Онъ сталъ посѣщать еврейскія синагоги, вступалъ въ богословскіе споры съ раввинами и хотя практическихъ результатовъ отъ этихъ преній не получилось, они много способствовали тому, что онъ основательно изучилъ не только ветхозавѣтныя книги, но и догматы собственной вѣры.

Жена его присоединилась къ православію; Ильинъ поспѣшилъ сообщить объ этомъ редакціи «Маяка» длиннымъ письмомъ, въ которомъ уже ярко выступаетъ одна особенность религіознаго направленія будущаго основателя секты: его мистицизмъ, вѣра въ непосредственное вмѣшательство Бога въ личныя дѣла людей, вѣра въ чудо. Все болѣе поглощенный религіозными вопросами, онъ обратился къ изученію мистической литературы запада и духовно-нравственнаго журнала «Сіонской Вѣстникъ», выходившаго, подъ редакціей А. Ф. Лабзина, въ первой четверти XIX-го вѣка. Послѣдствіемъ этого чтенія былъ глубокій внутренній переломъ, сдѣлавшій Ильина основателемъ новой религіозной секты.

Переходъ отъ православія, какъ его понимаетъ православная

церковь, до усвоенія взглядовъ «Сіонскаго Вѣстника» былъ для Ильина почти нечувствителенъ, такъ какъ журналъ Лабзина, казалось, ставилъ себѣ цѣлью лишь проповѣдь внутренняго очищенія и духовнаго совершенствованія. На самомъ дѣлѣ Лабзинъ уклонялся отъ признанія авторитета церкви, что и послужило, въ свое время, поводомъ къ запрещенію «Сіонскаго Вѣстника», несмотря на поддержку такихъ вліятельныхъ лицъ, какимъ былъ въ то время министръ духовныхъ дѣлъ князь А. Н. Голицынъ. Непосредственное общеніе съ Богомъ, любовь къ Нему и любовь къ ближнему, широкая вѣротерпимость—вотъ идеалъ «Сіонскаго Вѣстника». Религія, съ его точки зрѣнія, «во всѣхъ вѣкахъ та же; началась вмѣстѣ съ человѣкомъ и основаніемъ себѣ имѣла свѣтъ Божественный». Все это очень близко подходило ко взглядамъ Ильина и страстно имъ воспринималось, укрѣпляя его собственные выводы. Стремленіе приблизиться къ намѣченному идеалу охватывало его все сильнѣе и сильнѣе, выливаясь въ молитвы, которыми онъ просилъ у Бога указаній истиннаго пути для исполненія Его святой воли. Однажды утромъ Ильинъ всталъ просвѣтленный и радостный; онъ имѣлъ во снѣ откровеніе о сущности христіанства. Сущность эта должна заключаться въ одной только любви.

Съ этого времени для Ильина начинается новая работа. Единая религія, которой онъ мечтаетъ подчинить все человѣчество—все еще православіе, но православіе въ духѣ «Сіонскаго Вѣстника», почти оторванное отъ церкви. Съ точки зрѣнія Ильина церковь, въ своемъ современномъ положеніи, только затемняетъ своими установленіями идеалъ любви и братства, начертанный Христомъ. Ее необходимо освободить отъ вѣковыхъ наслоеній и вернуть къ первоначальной чистотѣ апостольскихъ временъ. Эту задачу и поставилъ передъ собой Ильинъ, постепенно приближаясь къ отпаденію отъ церкви. Окончательный толчокъ къ полному разрыву съ нею дало ему знакомство съ сочиненіемъ мистика Юнгъ-Штиллинга: «Побѣдная повѣсть вѣры христіанской».

Горячее убѣжденіе Юнгъ-Штиллинга въ томъ, что господствующія церкви не только никогда не были носительницами истиннаго христіанства, но, наоборотъ, всегда являлись его гонительницами, и толкованіе Апокалипсиса, обѣщавшее спасеніе лишь тѣмъ, кто сохранитъ свою вѣру въ неприкосновенной чистотѣ, заставили Ильина кореннымъ образомъ измѣнить свое отношеніе къ православной церкви и выработать новый взглядъ на путь, ведущій къ объединеніе человѣчества. Надо было, пор-

вавъ съ православіемъ и со всѣми вообще существующими вѣрованіями, создать новую общечеловѣческую религію любви и привлечь въ нее всѣхъ тѣхъ, кто еще не погрязъ окончательно въ грѣхахъ и заблужденіяхъ. «Пройдетъ время великой скорби»,—писалъ Юнгъ-Штиллингъ,—«и всѣ возбужденныя души, какими бы именами онѣ ни назывались, оставятъ споры о побочныхъ вещахъ и прилѣпятся къ единому Христу... Но славное исполненіе сего превосходнаго пророчества еще предстоитъ въ будущемъ». Для Ильина эти слова имѣли значеніе вторично полученнаго откровенія: они распутали клубокъ противорѣчій, въ которыхъ онъ не могъ разобраться, и освѣтили всю его дальнѣйшую дѣятельность.

Въ то время онъ уже покинулъ юго-западный край и служилъ сначала въ Оренбургѣ, затѣмъ въ Екатеринбургѣ и, наконецъ, пріемщикомъ артиллерійскихъ снарядовъ на Уральскомъ Баранчинскомъ заводѣ. Кружокъ его близкихъ друзей, передъ которымъ онъ подробно и подолгу развивалъ свои новые религіозные взгляды, отнесся къ нимъ очень сочувственно, и около 1850-го года изъ этого кружка образовалось «Десное братство», ставшее ядромъ секты «іеговистовъ». Свое названіе «Десное братство» получило отъ того, что его члены должны будутъ на Страшномъ Судѣ встать «одесную» Великаго Судіи, т. е. на мѣстѣ праведниковъ, тогда какъ не примкнувшіе къ братству осуждены встать «ошуйю», называясь, въ противоположность «деснымъ», «ошуйными». Первыми членами «Деснаго братства», кромѣ самого Ильина и его семейныхъ, были два его пріятеля: лѣсничій Нижне-Туринскаго завода Александръ Степановичъ Лалетинъ и полицмейстеръ Николаевскаго оружейнаго завода Капитонъ Александровичъ Протопоповъ, а также школьный товарищъ Протопопова—Иванъ Ивановичъ Будринъ, жившій въ то время при Екатеринбургскомъ женскомъ монастырѣ, занимаясь его дѣлопроизводствомъ, и заслужившій репутацію «примѣрнаго по своему благочестію христіанина».

Всѣ эти лица старались какъ можно чаще собираться другъ у друга, сначала для отвлеченныхъ религіозныхъ бесѣдъ, а затѣмъ для чтенія и обсужденія «Сіонской Вѣсти», сочиненія Ильина, въ которомъ онъ изложилъ свои религіозные взгляды и правила, необходимыя для того, чтобы сдѣлаться «деснымъ братомъ». Примѣромъ для братства должна была служить община первыхъ христіанъ, главными заповѣдями — преданность Богу, дѣятельная любовь къ ближнему, нравственная и физическая чистота. Общность имуществъ не требовалась, но каждый «де-

сный» обязывался дѣлать еженедѣльные вклады въ общую братскую кассу для помощи нуждающимся членамъ братства. Излишняя роскошь обстановки или одежды осуждалась, какъ и свѣтскія развлеченія: танцы, пѣсни, пустые разговоры. Для наблюденія за порядкомъ въ братствѣ и завѣдыванія общей кассой выбирался «блюститель», занимавшій первое мѣсто и во время общихъ собраній братьевъ, на которыхъ обсуждались внутреннія и внѣшнія дѣла общины. Братья и сестры, чѣмъ-либо нарушившіе правила, подвергались замѣчаніямъ «блюстителя», или присуждались къ денежному штрафу, поступавшему въ общую кассу, или къ извѣстному числу земныхъ поклоновъ, на провинившагося налагался также строгій постъ. Въ болѣе серьезныхъ случаяхъ виновные отлучались отъ братства—временно или навсегда. Цѣлый рядъ «пунктовъ» перечисляетъ въ «Сіонской Вѣсти» тѣ проступки, которые должны караться отлученіемъ. Они дѣлятся на три разряда: проступки противъ вѣры, противъ нравственности и противъ добраго братскаго отношенія, какъ къ своимъ, «деснымъ», такъ и къ «ошуйнымъ». Самыми тяжелыми преступленіями считалась измѣна братству, разглашеніе его тайнъ «ошуйнымъ» и противоестественный развратъ. «Виновные въ этихъ грѣхахъ», говорилось въ правилахъ, «не только что отлучатся, но и тѣла ихъ предадутся на сокрушеніе Сатанѣ». Самое вѣроученіе сектантовъ создалось, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ предвзятой идеи Ильина о необходимости такой религіи, которая имѣла бы въ себѣ силу поглотить всѣ другія, т. е. была бы «общечеловѣческой религіей любви» и объединила бы все человѣчество. Со времени изученія Ильинымъ мистическихъ сочиненій, особенно «Побѣдной повѣсти» Юнгъ-Штиллинга, представленіе Ильина о цѣляхъ этого единенія значительно измѣнилось: достиженіе человѣчествомъ земного, кратковременнаго счастья стало казаться ему благомъ слишкомъ незначительнымъ; онъ перенесъ свои мечтанія въ область безсмертія, могущаго быть завоеваннымъ лишь полнымъ пренебреженіемъ ко всякимъ земнымъ интересамъ, во имя интересовъ вѣчныхъ. Земное существованіе стало въ его глазахъ лишь тяжелой переходной ступенью къ другой жизни, испытаніемъ, ниспосланнымъ свыше, а единеніе всего человѣчества призывалось служить уже не счастью человѣчества въ настоящемъ, но его спасенію въ будущей жизни. Страхъ смерти, т. е. тѣлеснаго уничтоженія, оказалъ сильное давленіе не религіозную мысль Ильина. Онъ самъ разсказывалъ, что однажды, во время холеры, видя, какъ кругомъ него падаютъ и умираютъ, онъ, въ

испугѣ и отчаяніи, сталъ взывать къ Богу, моля Его указать ему, какимъ образомъ возможно достигнуть безсмертія. Жизнь земная потеряла для него свои свѣтлыя краски и превратилась въ мрачную «юдоль печали». Тѣмъ привлекательнѣе и заманчивѣе стали развертываться картины жизни вѣчной, полной неописуемаго блаженства. Истинно вѣрующій и свято исполняющій завѣты, данные Богомъ, получитъ—думалъ Ильинъ—достойную награду за всѣ испытанныя страданія: онъ не только будетъ участникомъ тысячелѣтняго царствія Христа, но заслужитъ мѣсто и въ Новомъ Іерусалимѣ, гдѣ уже не будетъ смерти.

«О, вѣчность безначальная и безконечная!»—читаемъ мы въ молитвенникѣ Ильина заимствованную имъ у Эккартсгаузена молитву. «Какъ потрясаешь ты сердце мое! Я буду вѣченъ! Протекутъ милліоны годовъ, и я еще буду чувствовать, мыслить, хотѣть, желать, жить! Протекутъ еще тысячи милліоновъ лѣтъ, и я все не достигну конца моему существованію! О, жизнь духа моего! Тогда въ силѣ славы Твоея приближусь къ Тебѣ, неразлучно соединюсь съ Тобою и у Тебя обрѣту наслажденіе, насыщеніе и покой».

Осуществленіе этого блаженства возможно, по мнѣнію Ильина, лишь послѣ того какъ исполнятся слѣдующія слова ап. Павла: «Не хочу оставить васъ, братія, въ невѣдѣніи о тайнѣ сей, что ожесточеніе произошло въ Израилѣ отчасти, до времени, пока не войдетъ полное число язычниковъ». Богъ не отвергъ своего избраннаго Израильскаго народа: Онъ лишь ждетъ его обращенія, карая его за упрямый отказъ принять посланную ему Новую Заповѣдь, которую должны раздѣлить съ нимъ и народы другихъ племенъ—«язычники». Отсюда необходимость какъ можно скорѣе привлечь евреевъ къ «общечеловѣческой религіи любви» и доказать имъ, что ихъ Богъ, Богъ Израильскій—тотъ же, что и Богъ истинныхъ христіанъ.

Это утвержденіе Ильинъ ставитъ краеугольнымъ камнемъ своего вѣроученія, формулируя его слѣдующимъ образомъ: «Вообразите себѣ, что эта комната начала постепенно увеличиваться въ своемъ объемѣ или раздаваться во всѣ стороны, подобно мыльному пузырю. И сначала она сдѣлалась въ діаметрѣ только съ версту, потомъ въ 100, 1000, въ милліонъ, билліонъ, трилліонъ верстъ и, наконецъ, достигла такого обширнаго пространства, котораго уже и вообразить невозможно. Теперь представьте себѣ, что въ этой неизмѣримой пустынѣ кружатся и летаютъ около своихъ матокъ неисчислимыя множества отдѣльныхъ роевъ пчелъ, и что всѣ сіи рои принадлежатъ одному

хозяину. Послѣ этого вообразите себѣ, что каждая изъ этихъ пчелъ превратилась въ шаръ, подобный нашей землѣ или лунѣ, но разной величины и съ особою природою и тварью на каждомъ изъ нихъ, а каждая роевая матка сдѣлалась солнцемъ. Хозяинъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ солнечныхъ системъ— это Богъ-Отецъ, и каждая такая система отдана имъ въ завѣдываніе особому управителю. Одинъ изъ этихъ управителей, Сатана, которому была ввѣрена наша солнечная міріада, не захотѣлъ удовольствоваться своими полномочіями и вздумалъ сдѣлаться отдѣльнымъ, ни отъ кого не зависимымъ хозяиномъ, за что и былъ свергнутъ на нашу землю со всѣми приставшими къ нему ангелами, а новымъ управителемъ сталъ Іисусъ Христосъ, избравшій народомъ своимъ народъ еврейскій, который сталъ называть Его Богомъ Израильскимъ, Богомъ Авраама, Исаака и Іакова. Никто другой, какъ Христосъ, являлся ветхозавѣтнымъ праотцамъ и пророкамъ, диктуя имъ Свою волю. Но въ то же время Сатана, изъ зависти и досады, сѣялъ между людьми всякое зло и нечестіе, всѣми силами стараясь привлечь ихъ на свою сторону. Тогда Христосъ вновь пришелъ на землю, родившись отъ Дѣвы Маріи, и принесъ новую заповѣдь—заповѣдь любви. Но евреи не узнали Его и распяли, а Сатана поторопился перетолковать истинную вѣру на 666 разныхъ толковъ, раздѣляющихъ людей и мѣшающихъ имъ исполнять заповѣдь Христа. Весь міръ погрузился въ вражду, беззаконія и преступленія. Сатана торжествуетъ. Но уже близится конецъ этому торжеству. Христосъ, для поддержанія тѣхъ, кто и среди погрязшаго въ грѣхахъ міра остался вѣренъ Его завѣтамъ, прислалъ книгу съ Неба—Апокалипсисъ, гдѣ ясно показалъ какъ исходъ своей жестокой борьбы съ Сатаной такъ и судьбу двухъ соперницъ—«Жены облеченной въ порфиру» и «Жены облеченной въ солнце». Отнынѣ всѣ другія священныя книги теряютъ свое исключительное значеніе: вся мудрость—въ Апокалипсисѣ, написанномъ на небѣ самимъ Іисусомъ Христомъ. И первая обязанность «десныхъ»—изучить Апокалипсисъ и во всемъ ему слѣдовать, стараясь въ то же время привлекать въ свое братство возможно большее число членовъ изъ всѣхъ существующихъ «враждотворныхъ» религій.

Ставя такъ высоко «еврейство» своего Бога-Христа, Ильинъ и для «Деснаго братства» сохранилъ нѣкоторыя еврейскія установленія изъ закона Моисеева, напр. празднованіе еврейской Пасхи и субботы, запрещенія относительно пищи. Въ числѣ проступковъ, за которые грозило отлученіе отъ братства, было

включено Ильинымъ неуваженіе къ евреямъ и непризнаніе ихъ народомъ избраннымъ. Вскорѣ по составленіи «Сіонской Вѣсти» онъ написалъ длинное «увѣщаніе мужамъ Израильскимъ», доказывая имъ, что онъ такой же Іудей, какъ и они, но лишь обрѣзанный по духу, а не по плоти.

Успѣха среди евреевъ и на этотъ разъ его проповѣдь не имѣла—«Десное братство» скорѣе могло расчитывать на вниманіе со стороны мѣстнаго заводскаго населенія. Безусловная честность Ильина, простота его жизни, мягкое и внимательное отношеніе къ нуждамъ народа, съ которымъ ему постоянно приходилось имѣть дѣло,—все это значительно располагало къ нему простыхъ людей и подготовляло среди нихъ удобную почву для воспріятія проповѣдуемыхъ имъ религіозныхъ началъ. Къ числу первыхъ его послѣдователей изъ числа мѣстныхъ обывателей принадлежали богатые заводскіе крестьяне братья Волгины, Григорій и Панкратъ, много способствовавшіе впослѣдствіи укрѣпленію и распространенію въ народѣ созданнаго Ильинымъ вѣроученія. Отецъ Волгиныхъ былъ «старовѣромъ», но затѣмъ, ведя большія торговыя дѣла и постоянно общаясь съ «міромъ», охладѣлъ къ «древлему благочестію» и принялъ единовѣріе, требуя того же и отъ сыновей. Они не раздѣляли его взглядовъ и пытались бѣжать отъ него въ раскольничьи скиты. Панкратъ былъ задержанъ полиціей уже по дорогѣ туда и посаженъ въ тюрьму. Объ этомъ случайно узналъ Ильинъ, который и сталъ навѣщать его, заинтересовавшись арестантомъ, страдающимъ «за вѣру». Бесѣды ихъ привели къ тому, что какъ Панкратъ, такъ и Григорій Волгины примкнули къ «Десному братству», и еще болѣе скрѣпили свою дружбу съ семьей Ильина, когда ихъ родственникъ, Шептаевъ, женился на старшей дочери Ильина Натальѣ, тоже вступивъ въ число «десныхъ». Около того-же времени вторая дочь Ильина, Александра, вышла замужъ за И. И. Будрина, и такимъ образомъ кружокъ «десныхъ» сплотился еще тѣснѣе.

Ильинъ требовалъ отъ членовъ своего братства глубокаго сохраненія религіозной тайны, понимая, что обнаруженіе взглядовъ секты повлечетъ за собою преслѣдованія, а затѣмъ и распаденіе еще неокрѣпшаго религіознаго кружка. Въ виду этого, «десные» продолжали исполнять всѣ предписанія православной церкви, посѣщая службы и принимая къ себѣ священниковъ. И только по субботамъ, когда они собирались другъ у друга, ими сбрасывалось напускное ихъ православіе; наглухо заперевъ ставни, они отдавались чтенію и обсужденію

дѣлъ своей маленькой общины. Однимъ изъ самыхъ важныхъ для нихъ вопросовъ былъ вопросъ о распространеніи ихъ «истинной вѣры». Сохраняя тайну, надо было въ то же время стараться привлекать къ братству какъ можно больше новыхъ членовъ, чтобы религія «десныхъ» могла стать дѣйствительно «общечеловѣческой» религіей. Пропагандой занялись преимущественно самъ Ильинъ и его другъ Лалетинъ: они усердно списывали «Сіонскую Вѣсть», цѣликомъ и частями, и вручали ее всѣмъ тѣмъ, кто выражалъ желаніе ознакомиться съ ихъ взглядами, но вмѣстѣ съ тѣмъ требовали честнаго слова, что тайна ихъ не будетъ разглашена и что нежелающіе къ нимъ примкнуть немедленно возвратятъ полученныя рукописи. Для простого народа Ильинъ составлялъ особыя «посланія», но они не оказали братству существенной пользы, такъ какъ населеніе было по преимуществу малограмотное. Были, конечно, среди него и такія лица, которыя смотрѣли на проповѣдь Ильина какъ на пустую барскую затѣю. И большею частью точно такъ же относились къ ней и высшіе круги заводскаго общества: они не придавали ученію Ильина особеннаго значенія, считая, вѣроятно, автора «Сіонской Вѣсти» не болѣе, какъ безвреднымъ фантазеромъ.

Неизвѣстно, какова была бы дальнѣйшая судьба «общечеловѣческой религіи любви», если бы случайныя обстоятельства не обратили на «Десное братство» вниманіе гражданскихъ и духовныхъ властей и не привели бы къ признанію Ильина одними—еретикомъ, другими—мученикомъ.

II.

Заповѣди о любви и взаимопомощи соблюдались въ «Десномъ братствѣ» Ильина очень строго; онъ неустанно повторялъ въ своихъ бесѣдахъ съ «десными»: «всѣ мы—члены одного Тѣла Христова, а потому, страждетъ-ли одинъ членъ, да страдаютъ съ нимъ и всѣ члены; славится ли одинъ членъ, да торжествуютъ съ нимъ и всѣ члены». Малѣйшее нарушеніе этихъ предписаній онъ считалъ и въ себѣ, и въ другихъ тяжкимъ грѣхомъ и налагалъ эпитиміи въ видѣ поклоновъ и денежныхъ штрафовъ за такіе, напр., проступки: «5 поклоновъ и $^1/_{20}$ дневного заработка за то, что возмутилъ (огорчилъ) Духа Святого у брата или сестры грубымъ словомъ или неосторожнымъ поступкомъ; 2 поклона и $^1/_{100}$ заработка за то, что не заботился

даже и мысленно о спасеніи, исповѣди или о нуждѣ сегодняшней брата или сестры». При наступленіи серьезной опасности для кого-либо изъ «десныхъ» все братство должно было встать на его защиту, не страшась никакихъ послѣдствій. «Если Христосъ положилъ жизнь Свою за насъ», говорилъ Ильинъ, «то и мы должны полагать жизнь за братій».

Возникшія у друга Ильина, Протопопова, служебныя непріятности дали «деснымъ» прекрасный случай доказать свою солидарность на дѣлѣ. Что послужило поводомъ для «дерзкаго поведенія» Протопопова и въ чемъ проявилась эта дерзость— мы не знаемъ. Въ оффиціальной перепискѣ сообщается только, что онъ «дошелъ, наконецъ, до явнаго неповиновенія приказаніямъ начальства и упорнаго имъ сопротивленія». Его арестовали и отправили въ Екатеринбургъ на главную гауптвахту. Адъютантъ, которому было поручено произвести этотъ арестъ, донесъ своему начальству, что засталъ у Протопопова Лалетина и Ильина и получилъ свѣдѣнія отъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ, что «Протопоповъ дозволяетъ себѣ нарушеніе порядка службы и подчиненности едва ли не подъ вліяніемъ суевѣрнаго фанатизма, раздѣляемаго съ нимъ главнѣйше капитаномъ Ильинымъ и поручикомъ Лалетинымъ, которые составили между собою какое-то тайное мистическое общество. Полагаютъ, что оно, заключаясь въ духовно-моральной цѣли, сходствуетъ, судя по признакамъ, съ сектою духоборцевъ и приближается къ ложной религіи ново-іудействующихъ».

Получивъ это донесеніе, главный начальникъ уральскихъ заводовъ, генералъ-маіоръ Фелькнеръ, предписалъ подвергнуть религіозное общество Ильина особому наблюденію. Духовенство, съ своей стороны, сообщило генералу Фелькнеру, что Ильинъ, «давно замѣчаемый въ какомъ-то секретномъ расколѣ, нынѣ нѣкоторымъ образомъ обличается въ ереси жидовствующихъ и, энергично дѣйствуя, находитъ себѣ послѣдователей». Результатомъ всѣхъ этихъ сообщеній былъ переводъ съ Урала какъ Ильина, такъ и Лалетина: Ильинъ былъ отчисленъ отъ должности и прикомандированъ къ Динаминдскому артиллерійскому гарнизону, а Лалетинъ переведенъ на службу въ Архангельскую губернію. Ни тотъ, ни другой не пожелали добровольно подчиниться полученнымъ приказамъ и написали своему начальству отзывы, «наполненные самыхъ дерзкихъ и оскорбительныхъ выраженій». Повидимому, оба они въ то время были очень далеки отъ мысли, что имъ ставятъ въ вину, главнымъ образомъ, ихъ религіозную дѣятельность: все дознаніе по

ихъ дѣлу велось секретно, никакимъ допросамъ ихъ не подвергали, и постигшую ихъ служебную опалу они объясняли заступничествомъ своимъ за Протопопова, тоже страдавшаго, по ихъ мнѣнію, безвинно. Ильинъ былъ очень раздраженъ и взволнованъ. Нижне-Тагильскій исправникъ, видѣвшій его въ это время, писалъ, что «у него, кажется, по временамъ бываетъ даже отсутствіе разсудка». Смерть зятя—Будрина—еще болѣе разстроила его и вмѣстѣ съ тѣмъ ускорила ходъ дальнѣйшихъ событій.

Пріѣхавъ въ Екатеринбургъ на похороны Будрина, Ильинъ и Лалетинъ рѣшили воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы навѣстить заключеннаго на гауптвахтѣ Протопопова. Дежурный офицеръ заявилъ имъ, что не имѣетъ права разрѣшить этого свиданья. Они продолжали настаивать и силой ворвались въ помѣщеніе, гдѣ находился Протопоповъ, оскорбивъ явившагося, по вызову дежурнаго офицера, плацъ-маіора. Ген. Фелькнеръ приказалъ подвергнуть какъ Ильина, такъ и Лалетина домашнему аресту впредь до окончанія дознанія о нарушеніи ими военной дисциплины.

Нервное возбужденіе Ильина во время этого ареста достигло крайнихъ предѣловъ: онъ писалъ начальству рапортъ за рапортомъ, требуя свободы и преданія суду плацъ-маіора, будто бы ихъ оклеветавшаго. «Въ противномъ случаѣ»—говоритъ онъ—«я форменно объявляю Вашему Превосходительству, что, если вы станете морить и убивать меня безсонницею, стучаньемъ день и ночь стоящими у моей постели часовыми еще сутки, то я вынужденъ буду употребить данную мнѣ для защиты отъ Государя Императора моего саблю, какъ противъ разбойниковъ, посягнувшихъ на мою жизнь и честь; ибо говорю вамъ истинно, что я боленъ и весьма слабъ нервами, и весьма чутокъ, и что отъ малѣйшей безсонницы и не выходя па свѣжій воздухъ, у меня дѣлается горячка и безпамятство. Если вы сегодня же не дадите отвѣта и свободы намъ, то я завтра пошлю рапортъ мой съ жалобою на васъ Его Императорскому Высочеству Генералъ-Фельдцейхмейстеру и потребую васъ на равный судъ со мною».

Эти рапорты, по собственной просьбѣ Ильина, были представлены на разсмотрѣніе великаго князя Михаила Николаевича. Ген. Фелькнеръ, въ своемъ донесеніи, просилъ подвергнуть Ильина и Лалетина «дѣйствію такъ нагло нарушаемыхъ ими законовъ» и возможно скорѣе удалить ихъ съ Урала.

Отвѣтомъ на всѣ эти представленія явилось Высочайшее повелѣніе: выслать Ильина въ Петербургъ черезъ 24 часа по

объявленіи ему сего повелѣнія, «оставивъ, впрочемъ, его при его благородной чести и свободѣ, т. е. безъ сопровожденія конвоя и неарестованнымъ». «Но если, паче чаянія»—писалъ ген. Фелькнеръ, вручая офицеру Высочайшій приказъ для предъявленія его Ильину,—«Ильинъ началъ бы вновь уклоняться отъ поѣздки, то, минуя всякихъ затрудненій, отправить его до Перми подъ военнымъ карауломъ, съ увѣдомленіемъ о томъ военнаго губернатора г. Перми».

Къ этой мѣрѣ прибѣгнуть не пришлось: Ильинъ поѣхалъ добровольно, сопровождаемый своимъ вѣрнымъ другомъ Лалетинымъ; за ними слѣдомъ поѣхали вдова Будрина и жена Лалетина, съ тремя дѣтьми.

Серьезное направленіе, принятое его дѣломъ, укрѣпило въ Ильинѣ увѣренность, что начальство рѣшило во что бы то ни стало удалить его съ Урала, чтобы помѣшать ему раскрыть служебныя злоупотребленія, изъ-за которыхъ, какъ онъ думалъ, пришлось пострадать и Протопопову. Надо было дѣйствовать энергично, чтобы выручить друга и не дать восторжествовать врагамъ. Находясь еще подъ арестомъ въ Екатеринбургѣ, Ильинъ написалъ донесеніе Государю, умоляя его обратить вниманіе на ихъ дѣло, и ѣхалъ въ Петербургъ, твердо вѣря въ успѣхъ. «Тихій и радостный свѣтъ истины» долженъ былъ освѣтить не только козни его противниковъ, но и всю спасительную глубину его религіозной идеи. Забота о привлеченіи новыхъ членовъ въ «Десное братство» не покидала его ни на минуту и, если вѣрить сообщенію уральскихъ «десныхъ», именно эта забота и была конечной причиною разразившейся надъ нимъ бѣды.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ вскорѣ познакомился съ смотрителемъ Ордонансъ-гауза и, замѣтивъ въ немъ интересъ къ религіознымъ бесѣдамъ, такъ этому обрадовался, что поспѣшилъ дать ему для прочтенія «Сіонскую Вѣсть», которую тотъ въ свою очередь не замедлилъ представить шефу жандармовъ князю Долгорукову. Тотчасъ же Ильина и всѣхъ бывшихъ съ нимъ арестовали, а «рукопись»—писали «десные»—«присовокупили къ нашему дѣлу и, разумѣется, хотятъ ею закрыть все, что въ нашемъ дѣлѣ открылось». Въ то же время на уральскіе заводы была послана комиссія изъ «благонадежныхъ и опытныхъ чиновниковъ отъ корпуса жандармовъ и отъ министерствъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, для строгаго разслѣдованія представленныхъ Ильинымъ доносовъ о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, существующихъ на упомянутыхъ заводахъ, а равно для прекращенія возникающаго тамъ раскола».

Всѣ родственники и друзья Ильина, вызванные на допросъ этой комиссіи, открыто подтвердили свою принадлежность къ его «Десному братству», за исключеніемъ фельдшера Кардапалова и двухъ православныхъ священниковъ, упорно отрицавшихъ свою причастность къ этому дѣлу, несмотря на имѣвшіяся противъ нихъ вѣскія улики. Остальные «братья» и «сестры» откровенно говорили, что вѣрятъ тому, чему вѣритъ Ильинъ. Комиссіи пришлось убѣдиться, что они играли въ «Десномъ братствѣ» совершенно пассивную роль, слѣпо во всемъ подчиняясь руководству своего духовнаго вождя—Ильина и двухъ его главныхъ помощниковъ: Лалетина и Протопопова. Въ виду этого комиссія полагала совершенно достаточнымъ для полнаго искорененія ереси удалить съ Урала ея главарей, а въ отношеніи остальныхъ «десныхъ»—«ограничиться усиленіемъ за ними надзора со стороны мѣстнаго начальства и духовенства».

Но не такъ легко отнесся къ этому вопросу св. синодъ: разсмотрѣвъ «Сіонскую Вѣсть», онъ призналъ автора ея опаснымъ еретикомъ. Ильинъ «за основаніе религіозной секты, сущность ученія которой заключается въ искаженіи смысла словъ Евангелія и въ превратномъ толкованіи значенія православной вѣры», былъ, по Высочайшему повелѣнію, сосланъ для «духовныхъ убѣжденій» въ Соловецкій монастырь.

Той же участи подверглись Лалетинъ, жена его, и дочь Ильина, А. Н. Будрина. Протопоповъ, по опредѣленію военнаго суда исключенный со службы, вскорѣ покинулъ Уралъ; фельдшеръ Кардапаловъ и заподозрѣнные въ сочувствіи «деснымъ» священники получили другія назначенія, а жена Ильина и Шептаевы переѣхали въ Петербургъ. Такимъ образомъ, всѣ лица, принимавшія наиболѣе видное участіе въ «Десномъ братствѣ», какъ бы сошли со сцены, поставленныя въ невозможность объединиться, и на Уралѣ изъ открытыхъ послѣдователей Ильина остались одни братья Волгины, вокругъ которыхъ мало-по-малу и началъ составляться изъ мѣстнаго заводскаго населенія новый кружокъ «десныхъ», принявшихъ впослѣдствіи названіе «іеговистовъ».

Тотъ фактъ, что Ильинъ «пострадалъ за вѣру», оказался болѣе дѣйствительнымъ средствомъ для успѣшнаго распространенія его взглядовъ, чѣмъ разсылавшіяся имъ брошюры и посланія непонятнаго народу философско-богословскаго содержанія. Ссылка Ильина доказала его искренность и безкорыстіе и заставила внимательнѣе отнестись и къ нему самому, и къ сущности его ученія. За что отправили его на далекій сѣверъ?—«За бунтъ начальству»—говорили одни.—«Нѣтъ», возражали другіе:

«за бунтъ его бы посадили не въ монастырь, а въ крѣпость, да онъ и не былъ бунтовщикомъ; онъ только искалъ «правду», жалѣлъ бѣдный простой народъ, видѣлъ его тяготу и темноту, хотѣлъ помочь ему и научить его «истинной вѣрѣ»; за это и пострадалъ отъ завистливыхъ поповъ, которые заботятся не о спасеніи человѣка, а только о собственной корысти. Ильинъ— «баринъ»—могъ жить въ свое удовольствіе, но не захотѣлъ, а сталъ думать о «душѣ» и о томъ, какъ бы устроить среди людей справедливую жизнь».

Съ отъѣздомъ Ильина за разъясненіемъ открытой имъ «истинной вѣры» стали обращаться къ Волгинымъ, которые и проще, и понятнѣе, чѣмъ самъ Ильинъ, умѣли передавать полуграмотнымъ слушателямъ сущность его религіознаго ученія, какъ сами ее понимали и цѣнили. Это были люди, пользовавшіеся на Уральскихъ заводахъ всеобщимъ уваженіемъ и довѣріемъ. Слова ихъ имѣли тѣмъ болѣе вѣса, что они не занимались спеціально пропагандой, никого не убѣждали, никому не навязывали своихъ вѣрованій и даже не сразу раскрывали ихъ сущность, а сначала старались присмотрѣться къ человѣку, дѣйствительно ли онъ достоинъ вступить въ число «десныхъ»?

Послѣ тяжелой кары, постигшей ихъ друзей, Волгины стали особенно осторожны въ отношеніи къ постороннимъ, и эта замкнутость сама по себѣ дѣйствовала возбуждающе на неофитовъ, какъ все таинственное и запрещенное. «Чада жены облеченной въ солнце» чувствовали себя теперь заброшенными среди необозримой пустыни грѣховнаго міра, воздвигшаго на нихъ гоненіе, чтобы «истребить ихъ съ лица земли» и дать побѣду «Великой Блудницѣ, Женѣ облеченной въ порфиру». Заточеніемъ Ильина какъ будто бы начало сбываться пророчество Апокалипсиса. «А за великой скорбью должно придти и великое торжество»—говорили «десные», съ надеждой обращаясь мысленно къ далекому острову, затертому льдами суроваго моря, гдѣ одиноко томился въ своемъ неприглядномъ казематѣ тотъ, кто, открывъ Истину, былъ призванъ стать во время страшнаго, послѣдняго, «Армагеддонскаго» сраженія во главѣ побѣдоноснаго отряда вѣрныхъ рабовъ Божіихъ.

Для самого Ильина, глубоко потрясеннаго всѣмъ случившимся, не было и тѣни сомнѣнія въ томъ, что началась послѣдняя битва свѣта съ тьмою и что «Царствіе Божіе приближается». «Нѣтъ болѣе надобности скрываться отъ «ошуйныхъ», писалъ онъ на Уралъ: «ради Бога, списывайте, переводите на другіе языки «Вѣсть Господню» и раздавайте оную всѣмъ гра-

мотнымъ и благомыслящимъ людямъ, чтобы въ 7 дней узнавали про это 7000 людей».

Но заниматься пропагандой было некому: прежнее братство «десныхъ» распалось, а новое еще недостаточно окрѣпло, чтобы рѣшаться на открытыя выступленія, и предпочитало выжидать, чутко прислушиваясь къ всѣмъ извѣстіямъ, тѣмъ или инымъ путемъ доходившимъ до него изъ далекихъ Соловковъ. Ильинъ писалъ часто и много, но лишь рѣдкія его письма достигали благополучно своего назначенія. Вся переписка монастырскихъ узниковъ должна была вестись подъ цензурой архимандрита. Писать разрѣшалось только близкимъ роднымъ, и содержаніе писемъ не должно было выступать изъ рамокъ банальныхъ увѣдомленій и передачи поклоновъ; все, что носило характеръ отвлеченной бесѣды, зачеркивалось и не отсылалось. Тѣмъ болѣе строго слѣдили, чтобы заключенные не касались темъ религіозныхъ и не высказывали въ письмахъ своихъ «еретическихъ» взглядовъ. При этихъ условіяхъ общеніе съ внѣшнимъ міромъ почти сводилось на нѣтъ. Оставалась одна надежда — согласіе добрыхъ людей передавать письма тайно отъ монастырскаго начальства. Но въ Соловецкомъ монастырѣ и этотъ способъ переписки былъ весьма затруднителенъ; правильное сообщеніе между островомъ и материкомъ существуетъ здѣсь всего 4—5 мѣсяцевъ въ году, только въ это время въ монастырь допускаются посторонніе лица—богомольцы, отъ которыхъ, къ тому же, всегда тщательно скрывали монастырскихъ узниковъ, имѣвшихъ возможность встрѣтиться съ ними лишь случайно.

И тѣмъ не менѣе Ильину все же удавалось хоть изрѣдка пересылать своимъ «родимымъ дѣтушкамъ» длинныя посланія и доставать черезъ конвойныхъ солдатъ письменныя принадлежности для составленія новыхъ религіозныхъ сочиненій. Мысль его работала все въ томъ же направленіи: испытавъ на себѣ всю тяжесть кары за вѣрованья, окруженный людьми, страдавшими, какъ и онъ, вслѣдствіе несогласія со взглядами господствующей церкви, Ильинъ совершенно укрѣпился въ убѣжденіи, что именно эта церковь и есть та «нечестивая Іезавель», о которой пророчествуетъ Апокалипсисъ, и считалъ необходимымъ обличать ее всѣми способами: и письменно, и устно, предсказывая ея близкое паденіе. Попытки проповѣди въ стѣнахъ монастыря и даже среди самой братіи тотчасъ же вызвали строгія репрессіи: безпокойнаго узника помѣстили въ одиночный каземать, усиливъ за нимъ надзоръ. Полное бездѣйствіе, гнетущее однообразіе, враждебность къ тюремщикамъ-монахамъ, съ ихъ «увѣщаніями» и грубостью, на-

сильственная оторванность отъ прежней жизни,—все это наложило темную и тяжелую печать на духовный обликъ Ильина, замкнувъ его въ узкій кругъ собственныхъ болѣзненныхъ переживаній и религіозныхъ представленій, проникнутыхъ навязчивой идеей о близости послѣднихъ временъ. Порывы готовности страдать и даже умереть во имя открытыхъ имъ истинъ нерѣдко кончались у Ильина галлюцинаціями; Христосъ, или—какъ онъ сталъ теперь называть Его—Іегова, входилъ въ непосредственное съ нимъ общеніе, поддерживая въ немъ вѣру и возбуждая его мужество.

Слѣдствіемъ этихъ «откровеній» и явилась та «матеріализація» Божества, которая изъ Богочеловѣка-Христа сдѣлала для Ильина Человѣкобога-Іегову, равнаго по силѣ своему противнику Сатанѣ. Теперь, на землѣ, Сатана даже сильнѣе, но уже недалеко то время, когда Іегова, съ своими вѣрными рабами «іеговистами», побѣдитъ и его, и всѣхъ его приверженцевъ—«сатанистовъ».

Двадцать лѣтъ монастырскаго заточенія не только не ослабили этихъ религіозныхъ выводовъ Ильина, но какъ бы выковали на немъ желѣзную броню, непроницаемую ни для какихъ внѣшнихъ ударовъ. За всѣ эти долгіе годы онъ не сдѣлалъ ни одной уступки своему властному «врагу», не отрекся ни отъ одного сказаннаго въ защиту своихъ вѣрованій слова. Всѣ разсчеты на его раскаяніе и возвращеніе въ лоно православія разбивались объ его непоколебимое рѣшеніе скорѣе умереть, чѣмъ измѣнить тому, что онъ считалъ истиной. Стойкій, глубокоубѣжденный 70-ти лѣтній старикъ невольно внушалъ къ себѣ уваженіе. Самъ архимандритъ Соловецкаго монастыря, присоединясь къ просьбѣ родныхъ Ильина, обратился въ синодъ съ заявленіемъ о желательности перевода узника въ болѣе благопріятныя условія жизни, такъ какъ суровый климатъ Соловецкихъ острововъ дѣйствуетъ на его здоровье губительно. И даже шефъ жандармовъ, графъ Шуваловъ, высказалъ оберъ-прокурору св. синода, что «хотя и нѣтъ надежды на сознаніе Ильинымъ его заблужденій, было бы несовмѣстимо съ духомъ настоящаго времени оставить его въ заключеніи на всю жизнь». Синодъ нашелъ возможнымъ перевести Ильина въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, а еще черезъ 6 лѣтъ (въ 1879 г.), т. е. послѣ двадцатилѣтняго заточенія, ему было разрѣшено покинуть монастырь, съ обязательствомъ жить подъ надзоромъ полиціи въ Митавѣ, гдѣ, среди протестантскаго населенія, его пропаганда, по мнѣнію властей, не могла представляться опасной.

Вниманіе Ильина и не было направлено въ эту сторону:

имъ вновь всецѣло овладѣли его «родимые дѣтушки»—уральскіе «іеговисты», поспѣшившіе навѣстить своего «страдальца» и передать остальнымъ «братьямъ», вмѣстѣ съ его требованіями, то глубокое впечатлѣніе, какое произвели на нихъ и самая его личность, и его вдохновенныя бесѣды. Для Ильина внѣшній міръ съ его сложными задачами, съ его повседневными заботами, радостями и горемъ сводился теперь къ неослабной, непримиримой борьбѣ между «іеговистами» и «сатанистами». И эта борьба какъ бы покрыла густымъ налетомъ озлобленія и нетерпимости тотъ идеалъ «общечеловѣческой любви», ради котораго Ильинъ началъ всю свою религіозную дѣятельность. Правда, онъ никогда не допускалъ въ отношеніи «бѣснующагося нынѣ въ сатанинской тьмѣ» міра другого средства борьбы, кромѣ «орудій Іеговы» (такъ онъ называлъ свои «листки» и «книжки», требуя усиленнаго ихъ распространенія); но онъ не стѣснялся въ выборѣ выраженій о «блудницѣ Іезавели» и ея чадахъ, призывая на ихъ головы всѣ мученья апокалипсическаго возмездія, съ его озеромъ, горящимъ сѣрою, и небеснымъ огнемъ, пожирающимъ невѣрныхъ. Грозно и властно несъ онъ грѣшной землѣ свои предостереженія и проклятія, открыто считая себя теперь «Всемірнымъ Святителемъ, посланнымъ отъ Іеговы» и примѣняя къ себѣ слѣдующее пророчество: «Вотъ тьма покроетъ всю землю и омрачатся всѣ народы, и тогда пришедшаго съ востока (съ Урала) Я возбужу на сѣверѣ (на Соловецкомъ островѣ), и онъ возвѣститъ всѣмъ народамъ Имя Мое и общечеловѣческую истину». Въ гоненіяхъ на ветхозавѣтнаго пророка Илію, воздвигнутыхъ нечестивой Іезавелью, онъ видѣлъ прообразъ тѣхъ преслѣдованій, которыя ему, Ильину, пришлось перенести отъ современной «Іезавели». Въ послѣднихъ своихъ брошюрахъ онъ особенно подчеркиваетъ свою божественную миссію, внушая эту вѣру уральскимъ «братьямъ», такъ долго ждавшимъ его освобожденія и связанныхъ съ нимъ «великихъ событій».

Въ эти первые годы усиленнаго развитія секты «іеговистовъ» съ особенной яркостью выступаетъ та пассивная роль, какую, большею частью, играетъ молодая религіозная община въ отношеніи къ своимъ властнымъ и убѣжденнымъ духовнымъ вождямъ: всѣ приказанія исполняются безпрекословно, съ лихорадочной поспѣшностью, съ готовностью идти хотя бы на пытки, лишь бы доказать свою ревность, приблизиться къ «избранникамъ» и раздѣлить съ ними какъ испытанныя ими страданія, такъ и обѣщанную Богомъ награду. Въ эти періоды остраго религіознаго возбужденія среди вѣрующихъ встрѣчаются и экстазы,

и добровольное мученичество, и, порою, непонятныя трезвому уму изувѣрства. Толпа наэлектризована и только ждетъ знака, чтобы двинуться... Куда? Зачѣмъ? На созиданіе или разрушеніе? Въ эти минуты она сама не съумѣла бы отвѣтить на подобные вопросы: всѣ ея поступки обусловлены случайностью, все зависитъ отъ полученнаго ею извнѣ толчка. Несомнѣнно, что и «іеговисты», послѣ освобожденія Ильина, вступили въ періодъ особеннаго нервнаго возбужденія; его призывы — громить и обличать «сатанистовъ»—тотчасъ же нашли послушныхъ его волѣ исполнителей. Сотни рукописныхъ брошюръ и листковъ, весьма оскорбительнаго для православныхъ содержанія, стали разсылаться не только мѣстному населенію, но и въ другія губерніи—виднымъ купцамъ, губернаторамъ, духовенству. Всѣ они, излагая религіозныя «истины» Ильина о Христѣ-Іеговѣ, Его борьбѣ съ сатаной, о блаженствѣ тысячелѣтняго царствія и тѣлеснаго безсмертія, обѣщанныхъ іеговистамъ «Книгою съ Неба», т. е. Апокалипсисомъ,—признавали спасительной только «общечеловѣческую вѣру Іеговы», а всѣ остальныя называли «враждотворными перегородками», «доскопоклоннымъ и здохломольнымъ суевѣріемъ», «седьмиглаво-десятирогимъ звѣрствомъ», съ многошумными и пустозвонными обрядами и недостойными пастырями. «Помажь же очи твои коллуріемъ и вынь заклепки изъ ушей твоихъ!»—призываетъ Ильинъ: «тогда ты увидишь и услышишь, что всѣ 666 вѣръ человѣческихъ—выдумка Сатаны, и нѣтъ ни христіанства, ни магометанства, ни іудейства, а есть только одна истинная, непреложная религія—религія Бога моего Іеговы».

Организовавъ черезъ послѣдователей усиленную пропаганду на Уралѣ, самъ Ильинъ вернулся къ попыткѣ осуществленія своей прежней мечты—къ проповѣди своихъ взглядовъ «всѣмъ племенамъ, языкамъ, колѣнамъ и народамъ». Въ его бумагахъ сохранились копіи съ многочисленныхъ посланій къ евреямъ, съ Ротшильдомъ во главѣ, къ римскому папѣ, вселенскимъ патріархамъ, къ генералу арміи спасенія, къ королевѣ Викторіи, «во всѣ академіи и университеты», къ магометанамъ, мормонамъ и т. д.

Эта лихорадочная дѣятельность заполняла собою всю его жизнь въ Митавѣ и была прервана лишь насильственно—вызовомъ его въ Екатеринбургъ въ качествѣ обвиняемаго по судебному дѣлу, возбужденному противъ него и его послѣдователей за распространеніе ими секты, «повреждающей православную вѣру».

Въ Екатеринбургѣ Ильинъ опять былъ подвергнутъ тюремному заключенію, но не надолго, такъ какъ его родные, указывая на

его преклонный возрастъ (ему въ то время было уже почти 80 лѣтъ), выхлопотали его освобожденіе на поруки. Впечатлѣніе его пріѣзда на весь кружокъ его послѣдователей было ошеломляющее. Радостная вѣсть объ освобожденіи «Всемірнаго Свѣтителя» мигомъ облетѣла всѣхъ заводскихъ «іеговистовъ», и тотчасъ же вокругъ этого освобожденія стали складываться легенды, возгораться надежды, строиться планы свѣтлаго и безпечальнаго будущаго. Всѣ были увѣрены, что дожили, наконецъ, до желанной побѣды и видятъ своими глазами начало торжества исповѣдуемой ими «истины» надъ тьмою грѣховоднаго міра. Ильинъ былъ встрѣченъ какъ Божій избранникъ, несущій своему вѣрному народу обѣщанныя Іеговой награды. «Братья» съ волненіемъ обнимали его, «сестры» падали къ его ногамъ, рыдая и цѣлуя его руки, поднося своихъ дѣтей подъ его благословеніе... И ликующіе гимны, сложенные Ильинымъ въ длинныя, безсонныя, сѣверныя ночи, въ первый разъ были спѣты его «братствомъ» съ восторженной гордостью побѣдителей:

Ура, Царь Сіона!
Осанна, Іисусъ!
Смялъ Ты Дракона
И спасъ насъ отъ узъ!

Но торжество іеговистовъ было непродолжительно: власти получили увѣдомленіе о томъ, что Ильинъ уѣхалъ изъ Екатеринбурга, и черезъ день его арестовали въ Нижнемъ Тагилѣ, въ домѣ его старыхъ друзей Волгиныхъ. Радостное настроеніе смѣнилось уныніемъ, свѣтлыя мечты—грустной дѣйствительностью и страхомъ за участь привлеченныхъ къ суду «братьевъ», которымъ по прежнему грозила тюрьма и ссылка, такъ какъ «сатанинскій міръ» все еще оказывался сильнѣйшимъ.

Ильинъ не присутствовалъ на разборѣ ихъ дѣла: по возвращеніи въ Екатеринбургъ онъ былъ подвергнутъ медицинскому освидѣтельствованію, признанъ душевно-больнымъ и отправленъ обратно въ Митаву, гдѣ, спустя два года—3 іюля 1890 г.,—умеръ, до послѣдней минуты продолжая писать и разсылать свои многочисленныя брошюры и посланія. Содержаніе всѣхъ этихъ сочиненій почти тождественно: они носятъ преимущественно обличительный характеръ и полны рѣзкихъ, подчасъ грубыхъ нападокъ какъ на всѣ существующія церковныя и государственныя установленія, такъ и на личныхъ «враговъ» Ильина—екатеринбургскаго судебнаго слѣдователя, прокурора, эксперта. Онъ посылаетъ имъ, для ихъ вразумленія, «Колъ въ

горло, вбиваемый 7-ью ударами стопудовымъ молотомъ истины каждому изрыгателю всякой лжи и хулы на Іегову и всѣхъ друзей и другинь Его»,—брошюру, написанную въ духѣ крайней нетерпимости и болѣзненнаго раздраженія. Казалось, Ильинъ совершенно отошелъ теперь отъ идеала «общечеловѣческой религіи любви»; но это не было такъ на самомъ дѣлѣ. Тяжелыя условія послѣднихъ 30-ти лѣтъ его жизни измѣнили лишь форму его отношеній къ людямъ, внеся въ нихъ горечь личныхъ страданій, подозрительность и нѣкоторое, понятное даже въ самомъ кроткомъ человѣкѣ озлобленіе. Но сущность его желаній осталась та же: увидѣть всѣхъ людей братьями, осуществить царство Божіе на землѣ, соединить человѣчество любовью и вѣрой въ Единаго для всѣхъ Бога—Іегову, обѣщающаго Своимъ рабамъ блаженство и безсмертіе. И поэтому нигдѣ, никогда Ильинъ не разрѣшалъ своимъ послѣдователямъ употреблять насиліе или дѣлать кому-либо зло, включивъ въ свое «Наставленіе», написанное для нихъ въ Митавѣ, слѣдующее правило: «Такъ какъ іеговисты суть люди святые, то посему они не должны причинять никакого зла никакимъ сатанистамъ и жить съ ними въ ладу и даже въ пріятельствѣ». А относительно себя самого онъ писалъ имъ еще изъ Соловецкаго монастыря, вѣроятно, сознавая всю трудность сохранить въ окружавшихъ его условіяхъ должное безпристрастіе: «Исполняйте только тѣ мои требованія, кои согласны съ Волею Божіею. Сличите ихъ съ Словомъ Божіимъ, ибо я такой же человѣкъ, немощный, и могу вмѣшивать свое плотское».

Но послѣдователи Ильина, разъ повѣривъ въ своего «Всемірнаго Свѣтителя», шли за нимъ слѣпо, не разсуждая; да и самъ онъ, ставъ уже безспорнымъ «посланникомъ Іеговы», повидимому забылъ свои благоразумные совѣты. Вся дѣятельность іеговистовъ свелась къ тому, что они послушно списывали «Колъ въ горло», «Два пути въ небо» и другія новѣйшія сочиненія своего учителя и разсылали ихъ кому только могли, вслѣдствіе чего возникали все новыя и новыя судебныя дѣла, кончавшіяся для обвиняемыхъ заключеніемъ въ тюрьму и ссылкой въ Закавказье. Чѣмъ сильнѣе, однако, іеговистамъ приходилось страдать, тѣмъ упорнѣе они продолжали свою пропаганду, придумавъ новый способъ распространенія своихъ религіозныхъ идей: они стали расклеивать на улицахъ выписки изъ брошюръ Ильина, нерѣдко давая тутъ же и свой адресъ, на случай если бы кто-нибудь изъ заинтересовавшихся пожелалъ ближе познакомиться съ ихъ ученіемъ. Результаты этого слишкомъ откровеннаго образа

дѣйствія оказались совсѣмъ иные, чѣмъ думали іеговисты: духовенство нашло употребляемыя въ ихъ листкахъ выраженія кощунственными и для православной церкви оскорбительными, и противъ виновниковъ въ расклейкѣ было возбуждено судебное преслѣдованіе, на этотъ разъ уже по 181 ст. улож. о нак., карающей лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкой на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири. Вѣроученіе іеговистовъ, разумѣется, не разбиралось на судѣ по существу, а такъ какъ оно, вдобавокъ, было сравнительно новѣйшей формаціи, то пришлось прибѣгнуть къ экспертизѣ. Профессоръ казанской духовной Академіи Н. И. Ивановскій, на основаніи имѣвшихся въ распоряженіи властей рукописей, отобранныхъ у сектантовъ во время обысковъ, высказался въ томъ смыслѣ, что секта Ильина «весьма вредна не только въ религіозно-церковномъ, но и въ государственномъ отношеніи своимъ отрицаніемъ православнаго богословія, отверженіемъ церковнаго авторитета и государственнаго строя, а еще болѣе идеей фантастической любви и всеобщаго равенства, при чаяніи будущаго вполнѣ счастливаго состоянія на землѣ». Этотъ отзывъ и былъ положенъ въ основу оффиціальнаго отношенія къ сектѣ іеговистовъ. Бесѣды съ ними миссіонеровъ не только не помогли лучшему выясненію ихъ религіозныхъ и соціальныхъ взглядовъ, но лишь дали поводъ причислить ихъ къ «изувѣрамъ» и «фанатикамъ». Произошло это вслѣдствіе того, что и послѣ смерти Ильина іеговисты продолжали относиться къ каждому слову его сочиненій, какъ къ непогрѣшимой истинѣ. Принося на бесѣды свои «тетрадки», они защищали не «духъ» своего ученія, а его «букву»; миссіонеры же, по собственному признанію мало знакомые съ источниками взглядовъ своихъ собесѣдниковъ, не находили достаточно сильныхъ возраженій, чтобы заставить ихъ перейти отъ «буквы» къ «духу». Получался бездоказательный споръ: «это черное»— «нѣтъ, это бѣлое», и стороны расходились, недовольныя другъ другомъ и еще болѣе отчужденныя, чѣмъ до начала бесѣды. Иногда происходили и совсѣмъ непріятные инциденты: доказывая свою правоту, сектанты горячились, шумѣли и осыпали своихъ оппонентовъ кощунственными цитатами изъ своихъ «книжекъ», переходя на личности и даже позволяя себѣ, по словамъ миссіонеровъ, «площадную брань». «Православные же, видя ихъ богохульное глумленіе надъ православною вѣрою, сильно возмущаются и тѣмъ предохраняются отъ совращенія въ ихъ секту»— писалъ епископъ екатеринбургскій К. П. Побѣдоносцеву, при-

знавая въ этомъ единственную пользу отъ публичныхъ собесѣдованій съ «злостными безбожниками».

Когда лѣтомъ 1900 г. въ Баранчинскомъ и Нижне-Тагильскомъ заводахъ были подброшены разнымъ лицамъ взрывчатые снаряды, общественное мнѣніе поспѣшило обвинить въ этомъ тѣхъ же «безбожниковъ», которые, какъ писалъ проф. Ивановскій, «не имѣя религіи, являются чистыми анархистами, прибѣгающими къ помощи динамита». На самомъ дѣлѣ преступленіе было совершено лицами, принадлежавшими къ сектѣ іеговистовъ, но отнюдь не съ вѣдома и согласія «братства» и совершенно вопреки его религіознымъ предписаніямъ. Это была личная месть начальству со стороны нѣсколькихъ уволенныхъ рабочихъ, знавшихъ, что ихъ уволили только потому, что они іеговисты. Эта мѣра была принята на Баранчинскомъ заводѣ съ цѣлью «вразумить» какъ самихъ сектантовъ, такъ и выказывавшихъ имъ сочувствіе православныхъ, въ виду того, что секта іеговистовъ продолжала привлекать къ себѣ все новыхъ и новыхъ членовъ. Здоровымъ ядромъ ученія секты является та «братская любовь», которую іеговисты стараются осуществить въ своей общинѣ, сплотившись въ дружную семью, съ организованной взаимопомощью и строгимъ отношеніемъ ко всѣмъ порокамъ, развивающимъ въ людяхъ и матеріальное, и нравственное убожество. Они трудолюбивы, честны, цѣломудренны и трезвы, сохраняютъ данныя Ильинымъ правила жизни и постепенно вносятъ въ нихъ лишь тѣ поправки, которыя обусловливаются развитіемъ ихъ мысли и ихъ религіознаго пониманія. Въ послѣднее десятилѣтіе изъ запрещенія Ильина «не только убивать, но и кровь человѣческую проливать» возникли отказы отъ военной службы. Не всѣ іеговисты считаютъ ихъ обязательными, но «могущій вмѣстить», говорятъ они, «да вмѣститъ».

Е. Молоствова.

У ДОМА.

Хрустальность утра... Жаднымъ взглядомъ
Слѣжу вокругъ; міръ веселъ, новъ...
Надъ пробужденнымъ, яркимъ садомъ
Сквозная пѣна облаковъ.
Дождемъ прибитыя дорожки,
Въ бесѣдкѣ полусгнившій столъ,
Акацій желтыя сережки
И ровный гулъ довольныхъ пчелъ.
Прудки, лѣпныя окна дома,
Его съ колоннами фасадъ,
Все такъ мнѣ мило и знакомо,
Все какъ и десять лѣтъ назадъ.
Не мало отдано порывамъ,
Я въ тихой пристани опять,
Могу въ спокойствіи лѣнивомъ
Бродить, мечтать и вспоминать.
Сирени пышная ограда,
Укрой меня отъ лишнихъ глазъ.
Какая тонкая услада,
Побыть съ тобой хоть краткій часъ.
Могу глядѣть я безконечно
На молодую зелень сливъ,
На птицъ, порхающихъ безпечно
На красный глинистый обрывъ...
И вдругъ веселая новинка:
Цвѣтокъ, затѣйливый листокъ,
Иль золотая паутинка,
И сѣрый шарикъ—паучекъ.
Зло пережитое забыто,
Дорога жизни вновь ясна,
Душа всему свѣтло открыта,
И въ ней, какъ въ небѣ, тишина.

Александръ Рославлевъ.

ПИСЬМА ДЖ. СТ. МИЛЛЯ.

Разсказывая, въ своей «Автобіографіи», исторію пережитаго имъ умственнаго кризиса, когда онъ наполовину порвалъ съ утилитаріанизмомъ своего отца и Бентама, Милль говоритъ: «если бы меня спросили, какую же систему политической философіи я воздвигъ на мѣсто той, которую оставилъ, то я отвѣтилъ бы: никакой! Я вынесъ только убѣжденіе, что настоящая система есть нѣчто болѣе сложное и разностороннее, чѣмъ я думалъ раньше. Она должна дать не образцы учрежденій, а принципы, изъ которыхъ могутъ быть выведены учрежденія, соотвѣтствующія обстоятельствамъ времени и мѣста».

Чисто англійское свойство Милля—оптимизмъ, никогда не переходящій въ мечтательность и преувеличенія. Это былъ оптимизмъ здоровой натуры, а не экстазъ взвинченной, неуравновѣшенной души, и не спокойствіе «вѣрующаго». Милль отлично видѣлъ и возможность прогресса, и препятствія на его пути. «Большая часть бѣдствій»—писалъ онъ («Утилитаріанизмъ», гл. II,)—по природѣ своей устранимы и со временемъ, съ улучшеніемъ порядка вещей, будутъ сведены въ узкія границы. Бѣдность, въ той ея степени, когда она становится страданіемъ, можетъ быть окончательно искоренена мудростью общества, въ соединеніи съ здравымъ смысломъ и предусмотрительностью отдѣльныхъ его членовъ. Даже болѣзни—и тѣ могутъ быть уменьшены до безконечно малыхъ размѣровъ съ помощью хорошаго физическаго воспитанія и надлежащей охраны отъ вредныхъ вліяній. Развитіе науки обѣщаетъ намъ въ будущемъ еще больше побѣдъ надъ этимъ ненавистнымъ врагомъ. И каждый шагъ въ этомъ направленіи освобождаетъ насъ не только отъ нѣкоторыхъ опасностей,

угрожающихъ нашей собственной жизни, но, что еще важнѣе, отъ опасностей для жизни тѣхъ, въ комъ заключается наше счастье... Словомъ, люди могутъ если не совершенно одолѣть, то въ значительной степени ослабить всѣ тѣ невзгоды, отъ которыхъ они страдаютъ, и хотя уничтоженіе ихъ идетъ съ досадною медленностью, хотя длинный рядъ поколѣній погибнетъ въ борьбѣ раньше, чѣмъ побѣда окажется полной и міръ нашъ будетъ тѣмъ, чѣмъ легко могъ бы быть, если бы не недостатокъ воли и знанія,— но при всемъ этомъ каждый человѣкъ, достаточно развитой и благородный, чтобы принимать какое-нибудь участіе въ борьбѣ, найдетъ въ самой этой борьбѣ столь высокое наслажденіе, что никогда не промѣняетъ его ни на какіе соблазны эгоизма».

Итакъ, Милль ни на минуту не забывалъ ни объ обстановкѣ, въ которой людямъ приходится дѣйствовать, ни о самомъ характерѣ людей. Отсюда его близость къ массѣ, не смотря на всю отвлеченность его ума.

Все его воспитаніе, столь исключительное по пріемамъ, столь сухое и сурово теоретическое, было направлено на то, чтобы создать изъ него «логическую машину», а не широкаго и чуткаго наблюдателя жизни. И все же заложенныхъ въ Миллѣ природой качествъ не могли вытравить никакіе «эксперименты» его отца, узкаго теоретика Джемса Милля. Отецъ хотѣлъ построить жизнь на основахъ придуманной теоріи — сынъ старался эту же теорію (утилитаріанизмъ) приспособить къ жизни. Отсюда почти полное забвеніе отца и удивительная жизненность сына. Именно—жизненность. Милль не оставилъ послѣ себя какого-нибудь культа, какъ напримѣръ Контъ или Марксъ, или въ свое время Бентамъ. Нѣтъ «миллистовъ», просто потому, что у Милля не было единой, всеобъясняющей системы. У него были лишь отдѣльные взгляды на разные вопросы. Правда, между ними существовала внутренняя связь, но она не выдвигалась и не ставилась въ основу всего имъ высказаннаго; каждая его мысль находила для себя независимое оправданіе. Но если нѣтъ «миллистовъ», то есть самъ Милль. Онъ умеръ почти сорокъ лѣтъ тому назадъ, но можетъ считаться нашимъ современникомъ. Вся общественная жизнь Англіи и ея соціальное законодательство идутъ по линіямъ, указаннымъ Миллемъ. Такъ напримѣръ, политика, клонившаяся къ созданію и развитію въ Ирландіи мелкаго землевладѣнія—политика, такъ сильно способствовавшая успокоенію страны, — была предуказана Миллемъ еще въ концѣ сороковыхъ годовъ, во время ирландскаго голода, а затѣмъ болѣе обстоятельно намѣчена въ его брошюрѣ: «Англія

и Ирландія» (1869 г.). Бюджеты Асквита и Ллойдъ-Джорджа, съ ихъ принципомъ присвоенія государствомъ «незаработаннаго прироста» (unearned increment), являются примѣненіемъ на дѣлѣ того, чему училъ Милль въ статьѣ: «Право собственности на землю» (напечатана въ 4-мъ томѣ его «Dissertations»). Парламентскія реформы, кооперативное движеніе, тредъ-юніонизмъ, женское движеніе, уступки соціализму постольку, поскольку не нарушается индивидуальная свобода—все это чистѣйшій «миллизмъ», хотя нельзя сказать, что Милль пользуется въ Англіи непререкаемымъ авторитетомъ. Вліяніе его сочиненій продолжаетъ быть огромнымъ потому, что они близки жизни, широко и ярко освѣщаютъ многія ея стороны. Если Милль ошибается, то это ошибка не его одного, а всей англійской націи: онъ говорилъ и думалъ въ духѣ англичанъ, со всей ихъ національной мудростью и со многими ихъ предразсудками.

Понятно, что всякое новое собраніе писемъ столь замѣчательнаго человѣка должно представлять большой интересъ. Появившійся недавно сборникъ: «The Letters of John Stuart Mill» (подъ редакціей Гю Эліота) даетъ немного для характеристики Милля, какъ человѣка. Милль мало говоритъ о себѣ, о событіяхъ въ своей жизни, о своихъ планахъ, надеждахъ или разочарованіяхъ. За очень рѣдкими исключеніями, письма Милля—это дополненія и коментаріи къ его сочиненіямъ, маленькіе трактаты о разныхъ философскихъ и общественныхъ вопросахъ или характеристики разныхъ ученыхъ и писателей. Что Милль писалъ и письма другого характера—въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Достаточно замѣтить, что до сихъ поръ не появилась, да наврядъ ли когда-либо появится въ печати его переписка съ м-съ Тейлоръ, вышедшей за него замужъ послѣ слишкомъ 20-лѣтней дружбы. Но если теперь изданныя его письма, какъ и раньше напечатанныя, не вводятъ насъ въ наиболѣе интимную сферу жизни автора, то они пересыпаны глубокими и важными мыслями, тонкими наблюденіями вдумчиваго ума и многими интересными бытовыми черточками.

Изданіе Гю Эліота не составляетъ перваго и единственнаго собранія писемъ Милля. Очень многія письма, адресованныя имъ Гроту (историку), Спенсеру, Фоксу (сыну извѣстнаго физика), Кингслею, Д'Эшталю и др., можно найти въ біографіяхъ этихъ лицъ или въ собраніяхъ ихъ писемъ. Затѣмъ, въ 1899 г. была издана, подъ редакціей Леви-Брюля, вся переписка Милля съ Контомъ. Изъ этой замѣчательной переписки видно, до какой степени Милль былъ сдержанъ въ своихъ письмахъ, между тѣмъ какъ

письма Конта наполнены сообщеніями, ясно обрисовывающими внутреннюю и внѣшнюю жизнь его въ данный періодъ времени [1]). Особенно характерны, въ этомъ отношеніи, письма Милля отъ 5-го октября 1844 г. и отвѣтъ Конта отъ 21-го того же мѣсяца. У Милля умеръ очень близкій другъ, одинъ изъ немногочисленныхъ людей, къ которымъ онъ чувствовалъ «живую дружбу и совершенное уваженіе». «Живи онъ, — пишетъ Милль, — онъ подготовилъ бы умы къ воспринятію ученія (позитивизма), которое еще пока для нихъ недоступно». Самое сообщеніе о смерти друга дѣлается Миллемъ не потому, что переполненное печалью сердце проситъ исхода, требуетъ сочувствія. Нѣтъ, личныя чувства тутъ ни при чемъ. Онъ говоритъ въ письмѣ къ Конту о смерти друга лишь въ подтвержденіе мысли о необходимости торопиться съ работами, которыхъ другіе не хотятъ или не могутъ исполнить. И сообщивъ о громадной потерѣ для позитивизма въ лицѣ умершаго друга, Милль переходитъ къ описанію положенія позитивистской философіи въ Англіи, къ характеристикѣ шотландскихъ и англійскихъ философовъ. На это письмо Милля Контъ отвѣтилъ очень длиннымъ и весьма интереснымъ посланіемъ, въ которомъ для насъ въ данную минуту важно лишь одно мѣсто, касающееся сообщенія Милля о смерти друга. Для великаго француза и главы позитивизма потеря друга оказывается достаточнымъ бѣдствіемъ и сама по себѣ, безъ всякаго отношенія къ философіи. И Контъ трогательно раскрываетъ передъ нами грустное одиночество своей души. «Моя собственная жизнь, — пишетъ онъ Миллю, — не представляла мнѣ случая переживать такія горькія страданія, хотя бы потому, что я никогда не имѣлъ счастья встрѣтить такого друга; но я все-таки слишкомъ глубоко цѣню подобную дружбу, чтобы не поставить себя всецѣло на ваше мѣсто. Моя жизнь, обыкновенно одинокая и полная грустнаго разочарованія во всѣхъ частныхъ дѣлахъ, особенно располагаетъ меня къ тому, чтобы еще глубже чувствовать цѣнность такого сокровища и муки отъ потери его, особенно столь ранней. Такую пустоту трудно заполнить. Вотъ почему во мнѣ существуетъ цѣлый разрядъ нѣжныхъ чувствъ, для которыхъ не нашлось исхода и замкнутость которыхъ часто дѣлала мою жизнь почти невыносимой. Нѣкоторое облегченіе я находилъ лишь въ постоянномъ и глубокомъ умственномъ сосредоточеніи, въ которое, къ счастью, я болѣе или менѣе погруженъ

---

[1]) Переписка Милля съ Контомъ продолжалась приблизительно $5\frac{1}{2}$ лѣтъ (между концомъ 1841-го и серединой 1847-го г.).

съ ранней моей молодости, хотя я чувствую съ болью сердца, какъ неполно это самопроизвольное вознагражденіе».

Такого яркаго отблеска внутренней жизни напрасно было бы искать въ письмахъ Дж. Ст. Милля. Но тѣмъ не менѣе они очень интересны, и мы постараемся указать на болѣе примѣчательныя изъ нихъ.

Прежде всего остановимся на впечатлѣніяхъ Милля отъ книгъ и на тѣхъ цѣнныхъ характеристикахъ ученыхъ, писателей и политическихъ дѣятелей, которыя во множествѣ разсыпаны въ «Письмахъ».

О впечатлѣніи, которое на него произвела книга Дарвина: «Происхожденіе видовъ», онъ пишетъ своему другу Бэну, извѣстному психологу и философу, въ письмѣ отъ 11-го апрѣля 1860 г.: «Меня заинтересовала книга Дарвина. Она далеко выше моихъ ожиданій. Хотя нельзя сказать, что онъ доказалъ правильность своего ученія, но, повидимому, онъ все же доказалъ, что оно *можетъ* быть правильно, а это, по моему мнѣнію, высшая побѣда, которую въ такомъ вопросѣ могутъ одержать знанія и талантъ. Съ перваго взгляда его теорія кажется совершенно неправдоподобной — и однако, считая ее въ началѣ невозможной, дѣлаешься потомъ ея убѣжденнымъ сторонникомъ, и во всякомъ случаѣ уже не можешь вернуться къ полному недовѣрію къ ней». Десять лѣтъ спустя 30 января 1869 г., въ письмѣ къ ботанику Юэтъ Ватсону, Милль продолжаетъ считать дарвиновскую теорію «возможной», если не окончательно доказанной, и защищаетъ ее отъ нѣкоторыхъ недоумѣній Ватсона.

Нужно сказать, что самъ Милль очень много занимался естественными науками. Ботаника была его любимымъ предметомъ, но онъ интересовался всѣмъ и читалъ все, что появлялось выдающагося по изученію природы.

О Спенсерѣ Милль имѣлъ случай высказаться не разъ печатно, особенно въ его «Examination of Sir William Hamilton's Philosophy». Онъ очень высоко ставилъ «Principles of Psychology», но относился болѣе критически къ другимъ работамъ Спенсера. Въ «Письмахъ» о Гербертѣ Спенсерѣ говорится довольно часто, и, въ общемъ, они повторяютъ извѣстныя уже изъ печати мнѣнія Милля о великомъ соціологѣ и философѣ. Милль то и дѣло перечитываетъ «Психологію» Спенсера и открываетъ въ ней все большія достоинства. «Я иногда сожалѣю,—пишетъ онъ Александру Бэну въ ноябрѣ 1863 г.,—что, когда мнѣ случалось

говорить о Спенсерѣ въ печати, я почти всегда выступалъ его критикомъ. Онъ выдающійся мыслитель, хотя далеко не надежный, и въ общемъ онъ—нашъ союзникъ» [1]. Самъ Спенсеръ, несмотря на свое разногласіе съ Миллемъ, относился къ нему съ величайшимъ уваженіемъ, какъ къ философу и ученому, и это свое чувство высказалъ въ примѣчаніи къ третьему изданію «Principles of Psychology».

Очень интересенъ отзывъ Милля о Гёте, идущій прямо въ разрѣзъ съ сужденіями Карлейля. По мнѣнію Карлейля, Гёте—типичный представитель новаго міра, показавшій, какимъ этотъ новый міръ долженъ быть, и давшій образцы, къ которымъ будетъ стремиться современная жизнь. Милль считаетъ это мнѣніе «величайшей ошибкой»; онъ думаетъ, что ничего нѣтъ болѣе чуждаго и болѣе, такъ сказать, антипатическаго для духа современности, чѣмъ идеалъ жизни Гёте. Послѣдній хотѣлъ бы видѣть все законченнымъ и симметричнымъ, вродѣ древне-греческаго храма или древне-греческой драмы. «Только малыя вещи или вещи несложныя и состоящія всего изъ нѣсколькихъ частей могутъ быть одѣлены такой гармоничной пропорціональностью,—пишетъ Милль въ своемъ дневникѣ, напечатанномъ вмѣстѣ съ письмами.—Современной жизни столь же невозможно придать законченную полноту, какъ невозможно было бы перекроить Шекспира или готическій соборъ на греческій образецъ. Не симметрія, а смѣлое, свободное расширеніе во всѣ стороны—вотъ что требуется современной жизнью и инстинктами современнаго человѣка. Гораздо болѣе необходимы великія, мощныя и разнообразныя способности, чѣмъ способности равномѣрно пригнанныя другъ къ другу. Геркулесъ или Бріарей нуженъ больше, чѣмъ Аполлонъ... Даже греки не дѣлали, да и не могли дѣлать свою жизнь столь же симметричной, какъ свое искусство, и идеаломъ ихъ философовъ было не столько уравновѣшенное и гармоничное развитіе, сколько суровое сжатіе большей части человѣческой природы. Въ огромной грудѣ разнообразныхъ элементовъ, составляющихъ современную жизнь, симметрія и душевное изящество еще менѣе доступны. Требуется, главнымъ образомъ, сильная рука, которая сумѣла бы одно притянуть, другое — оттолкнуть. Это чувствуется сознательно или безсознательно каждымъ, кто только въ состояніи говорить объ этомъ. Вотъ почему Гёте никакого вліянія на практическую жизнь не

1) Ясное и полное изложеніе взглядовъ этихъ двухъ великихъ англійскихъ мыслителей по вопросу о признакахъ истинности нашихъ сужденій можно найти въ VI-ой главѣ «Системы логики» Милля.

оказалъ, если не считать особаго блеска, приданнаго имъ скептицизму, и даже въ Германіи то вліяніе, какое онъ имѣлъ, всецѣло улетучилось». Это было написано Миллемъ въ 1854 г.—и нельзя сказать, чтобы жизнь въ Германіи или Европѣ за послѣднія 55 лѣтъ, протекшихъ съ того времени, не подтвердила мнѣнія Милля.

Очень суровый отзывъ мы находимъ въ «Письмахъ» о Прудонѣ. Въ письмѣ къ своему французскому переводчику Казеллю, высказавшему мнѣніе, что Прудонъ оказалъ большія услуги прогрессивному теченію, Милль пишетъ: «Могу ошибаться, но мнѣ всегда казалось, что Прудонъ страшно вредилъ дѣлу прогресса. Прежде всего, никто не внушилъ реакціи столько страха, который причинялъ и еще продолжаетъ причинять такія пагубныя послѣдствія. Затѣмъ ничего не нахожу въ его писаніяхъ дѣйствительно справедливаго и прогрессивнаго. Наиболѣе силенъ онъ въ своей разрушительной діалектикѣ, но эта діалектика дурной манеры. Это настоящая софистика, потому что она направлена противъ хорошаго, какъ и противъ дурного. Она нагромождаетъ по каждому вопросу рядомъ съ правильными аргументами, цѣлыя кучи софизмовъ, какіе только когда-либо раздавались съ той или другой стороны. Это затемняетъ и искажаетъ мысли, между тѣмъ какъ хорошая діалектика разъяснила бы ихъ».

По поводу положенія дѣлъ въ тогдашней Россіи и, въ особенности, по поводу русской общины Милль имѣлъ случай высказаться въ письмѣ къ Н. Огареву, котораго онъ благодарилъ за присылку книги «Essai sur la situation Russe». Н. Огаревъ издалъ эту небольшую книгу въ Лондонѣ, въ 1862 г., и послалъ одинъ экземпляръ ея Миллю, находившемуся тогда во Франціи, въ Сентъ-Веронѣ, откуда и присланъ былъ отвѣтъ Милля. Мы не знаемъ, появлялось ли это письмо раньше въ русской печати, и потому считаемъ не лишнимъ привести его цѣликомъ, въ переводѣ съ французскаго языка, на которомъ оно было написано.

Сердечно благодаренъ вамъ — пишетъ Милль, — за ваше письмо и за присылку книги. Я не только не смотрю съ равнодушіемъ на быстро развивающуюся въ Россіи нравственную, политическую и соціальную революцію, но считаю ее однимъ изъ самыхъ важныхъ явленій вѣка, столь богатаго великими событіями. Я слѣжу за всѣми перипетіями ея съ самымъ живымъ интересомъ, какъ ни трудно мнѣ судить объ ихъ значеніи, иначе

чѣмъ съ общей точки зрѣнія. Вашъ очеркъ можетъ, поэтому, укрѣпить мои надежды и сдѣлать болѣе точными мои идеи.

«Что же касается до вашихъ заключеній, иныя изъ которыхъ, вы полагаете, могутъ показаться мнѣ сомнительными, то съ моей стороны было бы слишкомъ большой самоувѣренностью рѣшительно высказаться о томъ, какіе общіе научные принципы должны быть примѣнены къ положенію вещей, столь мало мнѣ знакомому. Но у меня нѣтъ никакого доктринерскаго отвращенія къ общинному владѣнію землею, и я готовъ согласиться съ вами, что при соціальномъ переустройствѣ Россіи слѣдуетъ отнестись съ уваженіемъ къ институту, столь глубоко-историческому и столь укоренившемуся въ нравахъ народа. Разъ мы допускаемъ это, то большая часть вашихъ заключеній вытекаетъ отсюда сама собою. Какъ бы то ни было, мнѣ кажется, нельзя не признать мысли, проходящей красной нитью въ вашей книгѣ: чиновничество—это настоящій бичъ Россіи, и никакая реформа не можетъ удасться, пока лица и вещи не освободятся отъ этого невыносимаго ига и интересы общинные и частные не будутъ вѣдаться самими заинтересованными. Я убѣжденъ, что свобода отъ бюрократіи еще важнѣе, чѣмъ представительная система правленія, даже самая лучшая, хотя въ Россіи обѣ эти вещи, повидимому, связаны между собою и необходимы другъ для друга».

О положеніи дѣлъ во Франціи послѣ разгрома ея Германіей и о причинахъ этого разгрома Милль говоритъ въ письмѣ къ американцу Брейсу, между прочимъ, слѣдующее: «Вы спрашиваете, ожидали ли мы ужаснаго краха французской милитарной системы. Я думаю, что никто не ожидалъ такого быстраго и полнаго краха, но для тѣхъ, кто зналъ Францію, ничего удивительнаго не было, въ томъ, что онъ произошелъ. Я надѣюсь, это будетъ содѣйствовать опроверженію общераспространеннаго заблужденія, будто деспотизмъ—сильное правительство. Нельзя сдѣлать болѣе грубую ошибку. Когда правительство постоянно требуетъ отъ своихъ чиновниковъ совершать ради него подлости, они будутъ продолжать ихъ совершать и ради собственныхъ своихъ интересовъ, а такъ какъ тутъ не можетъ быть гласности и какой-нибудь другой хорошей системы раскрытія злоупотребленій, въ виду того, что само правительство заинтересовано въ ихъ сокрытіи, то деньги, предназначаемыя для государственныхъ цѣлей, попадаютъ въ карманы частныхъ лицъ, и тотъ, кто хочетъ освободиться отъ какихъ-либо тяжелыхъ общественныхъ обязанностей, можетъ откупиться отъ нихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что офицеры часто обманывали даже Фридриха II и

Наполеона I. Что же говорить о такомъ лѣнтяѣ, какъ теперешній Наполеонъ, который, къ тому же, въ силу обстоятельствъ, при которыхъ онъ узурпировалъ власть, могъ завербовать къ себѣ на службу очень немногихъ честныхъ людей. Его администрація была, поэтому, особенно расположена къ сплошному расточительству и казнокрадству. Его глупость была настолько велика, что онъ не сознавалъ этого, и кинулся воевать, имѣя подъ собою совершенно сгнившій фундаментъ».

Нужно, однако, сказать, что вообще о Франціи Милль былъ лучшаго мнѣнія, чѣмъ объ Англіи. Въ первой онъ высоко цѣнилъ ея воспріимчивость къ новымъ идеямъ, ея нравственную подвижность, въ то время какъ въ Англіи онъ находилъ излишнюю косность и консерватизмъ мысли, мѣшавшій соціальнымъ реформамъ и умственному росту личности. Чтобы избавить Англію отъ этой косности, онъ готовъ былъ даже привѣтствовать революцію. «Я часто думаю,—писалъ онъ въ 1847 г. извѣстному юристу Джону Остину,—что Англія очень нуждается въ бурной революціи, чтобы всколыхнуть тяжелый англійскій умъ, подобно тому какъ французская революція всколыхнула европейскій континентъ. Въ Англіи никогда не происходило общаго перелома старыхъ ассоціацій мысли, и поэтому такъ трудно какимъ-либо идеямъ» пробраться въ ея тупую голову».

Но какъ ни желалъ онъ для Англіи революціи, онъ допускалъ ее только при одномъ изъ двухъ условій, которыя указалъ двѣдцать лѣтъ спустя въ письмѣ къ Кримеру, бывшему въ то время секретаремъ «Лиги реформы» и извѣстному впослѣдствіи въ качествѣ дѣятеля пацифизма, увѣнчаннаго нобелевской преміей. Милль сначала былъ дѣятельнымъ членомъ Лиги, добивавшейся расширенія избирательныхъ правъ, но, узнавъ о зажигательныхъ рѣчахъ нѣкоторыхъ ея представителей, призывавшихъ къ насильственному перевороту въ случаѣ отказа парламента, написалъ Кримеру о своемъ выходѣ изъ Лиги. «Я глубоко убѣжденъ, — говоритъ онъ, — что только въ двухъ случаяхъ попытка революціи можетъ быть оправдана: во-первыхъ, когда личныя страданія отъ гнета и тираніи столь велики, что избавленіе отъ нихъ можетъ оправдывать всякія бѣдствія въ настоящемъ и опасности въ будущемъ; во-вторыхъ, когда существующая правительственная система не дозволяетъ добиваться реформъ мирнымъ и законнымъ путемъ или когда путь этотъ долгимъ и упорнымъ опытомъ оказался недѣйствительнымъ. Никто не скажетъ, что одно изъ этихъ оправданій революціи существуетъ въ настоящемъ случаѣ».

Отвращеніе Милля къ «застою мысли», къ косности и шаблонности достаточно хорошо выступаетъ въ его трактатѣ «О свободѣ», гдѣ увлеченіе самостоятельностью личности и оригинальностью ея мышленія доходитъ до восхваленія эксцентричностей. Для Милля даже американская междоусобица 1861—65 гг. представляла собою ту хорошую сторону, что она отодвинула «умственный застой» по крайней мѣрѣ на цѣлое поколѣніе (см. его письмо къ Аплтону, 24 сен. 1863 г.).

Желая революціи въ Англіи въ интересахъ интеллектуальнаго освѣженія націи, Милль въ то же время не считалъ ее возможной. «Англійскіе рабочіе, — писалъ онъ въ 1854 г., — никогда не возстанутъ, пока не будутъ помирать съ голода, а съ голода какъ видно, не будутъ помирать многія будущія ихъ поколѣнія. Но демократическія учрежденія будутъ развиваться и безъ революціи, даже безъ требованія со стороны демократіи, черезъ одну благородную иниціативу лучшей части аристократіи». Подъ аристократіей Милль, очевидно, подразумѣвалъ здѣсь далеко не тотъ классъ общества, который обычно называется этимъ именемъ. О родовитой аристократіи Милль былъ вообще очень плохого мнѣнія. Въ ней, по его мнѣнію, много доброты и мягкости, но мало характера, силы воли и ума. Подъ аристократіей онъ понимаетъ «культурный классъ», живущій высокими интересами. И онъ не думаетъ, что для этого требуется существованіе особаго досужаго, богатаго класса. Существенно важно то, чтобы вообще общество не работало до переутомленія, не слишкомъ мучилось заботами о средствахъ къ существованію, которыя должны быть разными соціальными улучшеніями и реформами болѣе или менѣе обезпечены для всякаго.

Тутъ мы подходимъ къ вопросу объ отношеніяхъ Милля къ соціализму. Конечно, съ его преклоненіемъ передъ свободнымъ развитіемъ личности Милль не могъ быть соціалистомъ въ смыслѣ нѣмецкой соціалъ-демократіи. Но съ другой стороны, чуждый всякаго догматизма и доктринерства, онъ идетъ довольно далеко рука объ руку съ соціалистами. Въ этомъ отношеніи онъ какъ бы предуказывалъ программу нынѣшней англійской рабочей партіи. Читатели его «Автобіографіи» знаютъ тѣ замѣчательныя страницы послѣдней главы, гдѣ такъ откровенно говорится о возможномъ переустройствѣ общества на болѣе справедливыхъ началахъ и объ условіяхъ, при которыхъ это достижимо. Эти условія, по мнѣнію Милля, заключаются главнымъ образомъ въ распространеніи просвѣщенія и образованности и въ измѣненіи характера «какъ

некультурнаго стада, состоящаго изъ рабочихъ массъ, такъ и громаднаго большинства ихъ хозяевъ». Оба эти класса должны научиться работать на пользу общую, а не только ради личныхъ выгодъ или классовыхъ интересовъ. Люди могутъ медленно и постепенно выработать въ себѣ инстинктъ общественности, который подвинетъ ихъ ради пользы страны на рытье земли или тканье полотна съ не меньшимъ усердіемъ, чѣмъ на участіе въ полѣ битвы. Эти мысли то и дѣло встрѣчаются и въ его письмахъ, когда рѣчь заходитъ о демократіи и соціализмѣ. Ему особенно часто приходилось отказываться отъ солидарности съ противниками соціализма за границей, которые почему-то записали его въ число своихъ сторонниковъ и стали ссылаться на него, какъ на авторитетнаго экономиста и мыслителя, борющагося съ соціализмомъ. Это, повидимому, его очень огорчало и сердило, и онъ старается, при каждомъ удобномъ поводѣ, объяснить свою точку зрѣнія, которая такъ трудно укладывалась въ какую-либо цѣльную и законченную теорію. Это была чисто-англійская, практическая точка зрѣнія, мало понятная для тѣхъ кто прикованъ къ опредѣленнымъ формуламъ, какъ каторжникъ къ своей тачкѣ. Особенно его возмутилъ нѣмецкій переводчикъ его «Политической экономіи», рекомендовавшій въ предисловіи своемъ эту книгу какъ «опроверженіе соціализма». «Я, конечно, былъ очень далекъ отъ того, — пишетъ Милль переводчику, — чтобы мои возраженія противъ наиболѣе извѣстныхъ крайнихъ мнѣній были поняты, какъ осужденіе соціализма, разсматриваемаго какъ конечный результатъ человѣческихъ улучшеній. Дальнѣйшія размышленія заставляютъ меня придавать еще меньшее значеніе этимъ возраженіемъ, за исключеніемъ указанія на неподготовленность рабочихъ классовъ и крайнюю нравственную непригодность ихъ въ настоящее время къ правамъ и обязанностямъ, которыя соціализмъ возложилъ бы на нихъ». Въ дальнѣйшихъ изданіяхъ своей «Политической экономіи», Милль счелъ нужнымъ, во избѣжаніе недоразумѣній, значительно смягчить и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ выпустить тѣ возраженія, которыя подали поводъ считать его рѣшительнымъ противникомъ соціализма.

Интересный отзывъ объ «Интернаціоналѣ», значительно разъясняющій точку зрѣнія англійскаго философа и экономиста, находимъ въ его письмѣ къ Георгу Брандесу. Послѣдній хотѣлъ узнать мнѣніе Милля о международной ассоціаціи рабочихъ, не задолго передъ тѣмъ собиравшейся въ Лондонѣ. Милль, отвѣтилъ на этотъ вопросъ письмомъ отъ 4 марта 1872 г.

«Вы спрашиваете меня объ Интернаціоналѣ,—пишетъ онъ.—

Общество это, какъ мнѣ кажется, состоитъ изъ очень пестрой толпы представителей всѣхъ соціалистическихъ школъ, умѣренныхъ и крайнихъ. Со многими изъ англійскихъ членовъ я знакомъ лично, и въ общемъ знаю ихъ какъ людей благоразумныхъ, добивающихся прежде всего практическихъ улучшеній въ судьбѣ рабочихъ; они способны оцѣнить трудность этого дѣла и не питаютъ большой ненависти къ классу, господству котораго они хотѣли бы положить конецъ. Но, признаюсь, въ дебатахъ конгресса я нашелъ нѣкоторую долю здраваго смысла только въ рѣчахъ англичанъ. Это объясняется тѣмъ, что мои соотечественники привыкли ожидать улучшеній скорѣе отъ личной инціативы и отъ частныхъ союзовъ, чѣмъ отъ прямого вмѣшательства государства. Господствующая на континентѣ противоположная привычка внушаетъ реформаторамъ мысль, что стоитъ имъ только взять въ руки бразды правленія, чтобы сейчасъ же достигнуть своей цѣли. И не только французскіе соціалисты, которые, пожалуй, значительно умѣреннѣе, чѣмъ многіе другіе, но еще больше бельгійскіе, нѣмецкіе и даже швейцарскіе, подъ очевиднымъ вліяніемъ нѣкоторыхъ русскихъ теоретиковъ, полагаютъ, что все, что требуется—это экспропріировать весь свѣтъ и низвергнуть всѣ существующія правительства, не думая пока о томъ, что поставить на ихъ мѣсто. Я не клевещу. Я только повторяю то, что читалъ въ ихъ журналахъ. Я, поэтому, думаю, что хорошая сторона международнаго общества состоитъ, главнымъ образомъ, въ вызываемомъ имъ страхѣ. Оно заставляетъ имущіе классы задумываться объ участи, которая ихъ быть можетъ ждетъ въ будущемъ, если они не рѣшатся сдѣлать соціальное положеніе болѣе выгоднымъ для большинства. Съ другой стороны, страхъ можетъ быть и дурнымъ совѣтникомъ, какъ мы это видимъ теперь во Франціи. Но придетъ время, когда объ опасности сумѣютъ разсуждать съ хладнокровіемъ и когда къ изученію соціальныхъ проблемъ приступятъ съ искреннимъ желаніемъ отыскать лучшее, чѣмъ нынѣшнее, рѣшеніе ихъ. Нужно, чтобы люди просвѣщенные занимались пока подготовленіемъ умовъ и характеровъ».

Этой выпиской, столь характерной для Милля, любившаго всегда обнимать вопросы съ противоположныхъ сторонъ, мы и закончимъ нашу замѣтку о его «Письмахъ».

С. Рапопортъ.

ПРОГРЕССЪ.

Текущею осенью долженъ былъ собраться въ Римѣ съѣздъ Международнаго Института Соціологіи. Темой, поставленной на обсужденіе предполагавшагося съѣзда, было понятіе прогресса и его проявленія въ сферѣ научной мысли и художественнаго творчества, въ экономическомъ и политическомъ укладѣ обществъ. Съѣздъ не могъ собраться въ виду эпидеміи. Начавшаяся война Италіи съ Турціей отсрочила его на неопредѣленное время; но подготовительный комитетъ съѣзда тѣмъ не менѣе озабоченъ тѣмъ, чтобы членами Института выработаны были доклады по отдѣльнымъ вопросамъ, входящимъ въ програму съѣзда. Одинъ изъ такихъ вопросовъ порученъ былъ и мнѣ. Онъ гласитъ: въ какой мѣрѣ можно говорить о поступательномъ ходѣ въ развитіи политическихъ учрежденій?

Приступивъ къ выполненію возложенной на меня задачи, я, разумѣется, прежде всего остановился на мысли, выраженной еще Контомъ и внушенной ему его отдаленными и ближайшими, предшественикамп, Тюрго, Кондорсе и Сенъ-Симономъ—мысли о тѣсной зависимости между прогрессомъ и переходомъ отъ теологическаго мышленія къ метафизическому и научному. Новѣйшей соціологической критикой, какъ мнѣ кажется, справедливо указано, что основатель положительной философіи далъ слишкомъ широкое распространеніе такъ называемому закону трехъ стадій. Смѣна только что указанныхъ способовъ мышленія несомнѣнно опредѣлила собою процессъ развитія положительнаго знанія; но въ какой мѣрѣ экономическій и политическій строй испытали на себѣ его всеопредѣляющее вліяніе—это еще является вопросомъ. Ростъ знанія несомнѣнно сдѣлался источникомъ развитія техники, которая въ свою очередь не могла не отразиться на измѣненіи

экономическихъ порядковъ; но для того, чтобы явилась необходимость въ техническихъ усовершенствованіяхъ и разъ сдѣланныя открытія и изобрѣтенія нашли себѣ практическое примѣненіе, требуется еще цѣлая сумма условій, независимыхъ отъ все большаго и большаго проникновенія въ тайны природы и въ законы человѣческаго общежитія.

Техника вызывается желаніемъ ускорить и потому усилить производство, а нужда въ этомъ чувствуется только при сгущеніи населенія. Такимъ образомъ возрастающая плотность его является необходимымъ факторомъ въ развитіи экономики, тѣсно связанной съ ходомъ техники, т. е. приспособленіемъ знаній къ практическимъ потребностямъ людей.

Говорить, что тѣ или другія открытія только тогда находятъ себѣ широкое примѣненіе, когда въ нихъ чувствуется потребность въ обществѣ—тоже, что повторять давно установленныя истины. Приложеніе движущей силы пара къ водянымъ и сухопутнымъ сообщеніямъ, какъ и къ ткацкому станку, вызвано было не одними открытіями законовъ теплоты, но и тѣмъ увеличеніемъ плотности населенія на западѣ Европы, которое привело къ необходимости усилить производство и расширить обмѣнъ. На нашихъ глазахъ происходитъ не менѣе грандіозное примѣненіе электрической силы, а между тѣмъ столѣтіе отдѣляетъ насъ отъ эпохи открытія Вольтова столба. Послѣ сказаннаго мудрено будетъ считать баснословными извѣстія о томъ, что рядъ открытій и изобрѣтеній, которыми справедливо гордится европейская культура, имѣли своей первоначальной родиной страны, занятыя желтой расой, народами древняго міра или арабскаго востока. Укажу, для примѣра, что кредитныя сдѣлки и банки извѣстны были еще за 3000 лѣтъ до Р. Х., какъ явствуетъ изъ самаго текста законовъ знаменитаго Вавилонскаго правителя Гамураби, современника Авраама, что система искусственнаго орошенія полей практиковалась въ древности столько же на берегахъ Тигра и Ефрата, сколько и на берегахъ Нила, что китайцы претендуютъ на открытіе компаса, что землемѣріемъ одинаково занимались и въ Греціи, и въ Римѣ. Всюду, гдѣ ростъ населенія вызывалъ потребность въ примѣненіи знаній къ техникѣ, слѣдовали открытія и изобрѣтенія, отвѣчавшія современному имъ уровню науки. Измѣнялись условія, рѣдѣло населеніе подъ вліяніемъ ли нашествій, эпидемій, измѣненія прежнихъ торговыхъ путей или другихъ причинъ,—и исчезала подчасъ самая память о прежнемъ сравнительно высокомъ уровнѣ техники.

Въ связи съ сказаннымъ, сомнительной кажется мнѣ всякая

попытка пріурочить исключительно къ новому времени появленіе тѣхъ или другихъ экономическихъ порядковъ и политическихъ учрежденій. Всюду, гдѣ сумма знаній и наличность извѣстной скученности населенія дѣлали возможнымъ усиленіе производства и обмѣновъ путемъ техники, тамъ необходимо происходило и накопленіе капиталовъ, и образованіе кредита, т. е. являлись по крайней мѣрѣ зародыши того мѣнового хозяйства, среди котораго мы живемъ. Знатоку древней Греціи Э. Майеру удалось показать, что не только въ Аѳинахъ, но и на Пелопонесѣ, сельское хозяйство не было сосредоточено исключительно въ рукахъ рабовъ, что здѣсь одно время существовалъ въ древности классъ мелкихъ крестьянъ-собственниковъ и воздѣлывателей почвы. И въ Римѣ порядки самодовлѣющаго хозяйства, выступающія въ извѣстномъ свидѣтельствѣ Варрона о безполезности купли въ виду возможности производить все у себя на дому (omnia domi nascuntur), далеко не передаютъ разнообразіе экономическихъ порядковъ въ предѣлахъ Республики и Имперіи и ихъ одно время явное тяготѣніе къ міровому хозяйству. Все то движеніе, какое связано съ именами Гракховъ и Лицинія Столона, имѣло своей задачей надѣленіе землею свободныхъ по рожденію плебеевъ. Точно также денежному, а не «натуральному хозяйству», отвѣчаетъ по своей природѣ широкій обмѣнъ товарами въ границахъ Средиземнаго моря и прилегающихъ къ нему странъ южной Европы, Передней Азіи и сѣверной Африки еще задолго до Рождества Христова. Страны, входившія въ составъ orbis romanus, не довольствовались въ своей экономической жизни узкими рамками домашняго хозяйства, производимаго рабами для удовлетворенія исключительно потребностей самихъ хозяевъ.

И въ средніе вѣка при раннемъ паденіи крѣпостного права въ городскихъ республикахъ Италіи, въ самый разгаръ борьбы въ нихъ буржуазіи съ владѣльцами феодальныхъ замковъ, свободный трудъ берегъ верхъ надъ несвободнымъ, овладѣваетъ не одной промышленностью, но и сельскимъ производствомъ въ формѣ половничества и мелкой крестьянской собственности, не исключающей совмѣстнаго пользованія сельскими угодьями. Мануфактурная дѣятельность одновременно направлена на удовлетвореніе потребностей отдаленныхъ рынковъ и не обходится безъ закупки сырья за границей. Такъ, цехъ Калимала занимается во Флоренціи обработкой шерсти, вывозимой изъ Испаніи и изъ Англіи. Въ Гентѣ и въ Ипрѣ со всей ихъ округой десятки тысячъ ткачей готовятъ далеко не изъ одной фландрской шерсти сукна, вывозимыя Брюгге и его морскимъ пор-

томъ во всѣ тѣ города и страны, которые обслуживаются торговымъ флотомъ Ганзейскаго союза. Этотъ союзъ имѣетъ свои склады и факторіи и въ нашемъ Новгородѣ, и въ Ригѣ, и на норвежскомъ берегу въ Беркгенѣ, и въ самой англійской столицѣ, Лондонѣ. Прирейнскіе города входятъ въ составъ Ганзейскаго союза и участвуютъ въ его міровыхъ оборотахъ. На ярмаркахъ въ Шампани и Фландріи сходятся торговцы всего запада и кредитныя операціи, ранѣе появленія чековъ, производятся при помощи такъ называемыхъ lettres de foire, удостовѣряющихъ расплату товаромъ на одной ярмаркѣ за товаръ, купленный на другой. Операціи сіенскихъ, римскихъ и флорентинскихъ банкировъ, совпадая во времени съ дѣятельностью сицилійскихъ мѣнялъ, получаютъ такое широкое распространеніе, что должниками извѣстныхъ домовъ Перуцци и Барди во Флоренціи въ XIV в. являются и англійскіе короли изъ династіи Плантагенетовъ; въ связи съ этимъ стоитъ возникновеніе итальянскихъ банкирскихъ конторъ въ столицѣ англійскаго государства. Одна изъ улицъ лондонской сити доселѣ сохранила наименованіе улицы Ломбардцевъ, какъ память о той отдаленной эпохѣ, когда кредитныя операціи руководимы были въ Англіи домами мѣнялъ и банкировъ сѣверной и средней Италіи.

Но если, такимъ образомъ, нельзя указать такой эпохи, когда бы въ древности или въ средніе вѣка не существовало странъ и народовъ съ достаточной густотою населенія и одновременно съ техникой, позволяющими имъ ускорить производство и развить обмѣны, если нельзя сказать, что накопленіе капитала и развитіе кредита стало извѣстнымъ только въ новое время, то отсюда невозможно еще дѣлать того вывода, что достаточно появленія въ той или другой мѣстности, у тѣхъ или другихъ племенъ, торговыхъ агентовъ, посылаемыхъ заграничными фирмами, или открытія отдѣленія того или другого иностраннаго банка, чтобы мы въ правѣ были отнесть эти страны и народы къ числу перешедшихъ отъ условій самодовлѣющаго хозяйства къ мѣновому. Краснокожія племена Америки въ противномъ случаѣ, должны были бы считаться участниками міроваго обмѣна съ того самаго момента, когда испанцы и португальцы, голландцы и англичане вмѣстѣ съ завоеваніемъ принесли къ нимъ и всѣ зачатки европейской гражданственности. Нельзя также говорить о мѣстномъ населеніи Центральной Африки и даже о тѣхъ негритянскихъ племенахъ, которыя занимаютъ Конго или Суданъ, какъ о вышедшихъ изъ условій самодовлѣющаго хозяйства, только потому, что бельгійцамъ, французамъ и англичанамъ, временно пребывающимъ въ ихъ средѣ, удалось завя-

зать съ нѣкоторыми изъ нихъ торговыя и кредитныя операціи. Утверждаемое настолько очевидно, что не было бы основанія останавливаться на развитіи этой мысли, еслибы въ нашей литературѣ недавно не высказана была довольно странная претензія. Г. Довнаръ-Запольскій въ своей «Исторіи русскаго народнаго хозяйства» утверждаетъ, что выставленные до настоящаго времени теоріи экономическаго развитія не отличаются достаточной общностью потому только, что при ихъ созданіи не приняты были во вниманіе экономическія судьбы восточныхъ славянъ. «Когда надо—пишетъ авторъ «Исторіи русскаго народнаго хозяйства» — примѣнить эти теоріи къ народу, не входящему въ составъ романо-германскаго міра, то получается нѣчто, напоминающее отношеніе схемы Гегеля къ тѣмъ же народамъ: новый народъ не находитъ въ ней мѣста» (стр. 35). Оказывается, однако, что всѣ эти заявленія вызываются однимъ лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что арабскіе, нормандскіе, а впослѣдствіи ганзейскіе купцы, т. е. въ концѣ концовъ иностранцы, внесли въ среду восточныхъ славянъ зародыши какъ внѣшняго, такъ и внутренняго обмѣна. Но этотъ обмѣнъ, какъ показываетъ самъ г. Довнаръ-Запольскій, представлялъ собою такъ называемую нѣмую торговлю. Арабскіе писатели сообщаютъ, что болгарскіе купцы пріѣзжали въ опредѣленное мѣсто или урочище, оставляли тамъ товары, помѣтивъ ихъ какими-либо знаками, и потомъ удалялись; въ это время туземцы раскладывали рядомъ свои произведенія, которыя считали равноцѣнными, и также удалялись. Если болгарскіе купцы по возвращеніи находили мѣну выгодной, то они брали туземные товары и оставляли свои; въ противномъ случаѣ они опять удалялись на время, и это значило, что они требовали прибавки. Жители прибавляли свои произведенія до тѣхъ поръ, пока не состоится торгъ. Продавцы и покупатели уѣзжали тогда во свояси съ вымѣненными товарами, не видавъ другъ друга въ глаза; поэтому арабы и называли эту торговлю нѣмою. (см. стр. 185). И въ Приднѣпровской Руси торговля, какъ и на Волгѣ, носила по преимуществу спорадическій характеръ. Константинъ Багрянородный говоритъ: въ Кіевъ ранней весной сплавлялись сосѣдними племенами ладьи для продажи ихъ. Тогда же свозились къ Кіеву мѣха и другіе товары, которые затѣмъ направляемы были въ Византію. И въ Новгородъ ганзейское купечество выѣзжало на опредѣленные, хотя и продолжительные сроки. Такимъ образомъ торговля съ самаго начала носила ярмарочный характеръ. Въ малонаселенной Новгородской области мы встрѣчаемъ погосты и рядки.

Погосты были мѣстами, куда сходились для продажи мѣховъ, меду, воску; сюда же съѣзжались и торговцы со своими товарами. Многочисленные новгородскіе рядки, о которыхъ упоминаютъ писцовыя книги конца XV вѣка, являются такими же мѣстами временнаго обмѣна. Изъ временныхъ торжищъ образовались со временемъ и города, какъ напримѣръ Торжокъ и Новый Торжокъ. Рядомъ съ ярмарочной торговлей мы встрѣчаемъ и базарный торгъ. Оба различаются и по своимъ названіямъ: торгъ внутренній передается терминомъ купли, торгъ, производимый прибывшими иноземными купцами,—гостьбы. Отсюда обособленіе понятій купца и гостя (стр. 188). По описанію Рубруквиса, русскіе въ Херсонесѣ еще расплачивались за соль бумажными тканями, но весьма распространенъ былъ платежъ и деньгами (стр. 189, 190). Господинъ Довнаръ-Запольскій настаиваетъ на томъ, что въ древней Руси широкое примѣненіе находили и кредитныя операціи. Въ Новгородѣ, пишетъ онъ, существовали банкирскія конторы. Банкирскими домами были монастыри и церкви. Въ Ригѣ можно было найти торговые дома, ведшіе по преимуществу кредитныя операціи съ русскими купцами. Новгородскій посадникъ Щило отдавалъ деньги въ кредитъ исключительно для торговыхъ операцій. Но уже одна высота процента, о которой говоритъ Русская Правда, запрещая брать болѣе 50% на отданный въ ростъ капиталъ, даетъ основаніе думать, что эти кредитныя сдѣлки были весьма ограниченны въ своемъ распространеніи. Правда, г. Довнаръ-Запольскій старается доказать, что размѣръ процента былъ не особенно великъ, не больше 20 на сто. Но какъ нападки Θеодосія Печерскаго, Серапіона и авторовъ другихъ поученій на рѣзоимцевъ, приравниваемыхъ ими къ разбойникамъ и блудникамъ, такъ и то обстоятельство, что въ одномъ изъ текстовъ Русской Правды, какъ указано было мною еще въ 1886-мъ году, расчетъ процентовъ производился по аналогіи съ приростомъ скота, это приводитъ къ тому заключенію, что процентъ былъ значителенъ. «Русская Правда—сказалъ я въ моемъ «Современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ»,—не упоминаетъ о томъ, какой процентъ идетъ кредитору за ссуженный имъ скотъ, а въ ближайшихъ статьяхъ переходитъ къ вычисленію приплода, какой можно получить въ 12 и 20 лѣтъ. Не доказываетъ ли это, что процентомъ за ссужаемый скотъ являлся его приплодъ? Весьма вѣроятно, что тѣ высокіе проценты, о какихъ упоминаетъ Правда, объясняются переводомъ на деньги того ихъ размѣра, какой былъ установленъ ссудою скота и полученіемъ за него приплода. Въ другихъ законодательствахъ, напр.

въ индусскомъ (сводъ Віаза), ссуда скота также оплачивается его приплодомъ. Тотъ же обычай держится у осетинъ, которые за двухгодовую ссуду требуютъ увеличенія капитала, представляемаго скотомъ, вдвое [1])». Но независимо отъ высоты процента въ древней Руси, существованіе ограниченныхъ въ своемъ раіонѣ кредитныхъ сдѣлокъ, производимыхъ, какъ говоритъ г. Довнаръ-Запольскій, главнымъ образомъ для торговыхъ операцій, такъ же мало доказываетъ то положеніе, что господствующая масса населенія продолжала жить условіями самодовлѣющаго хозяйства, какъ и упоминаемые источниками временные съѣзды иноземныхъ купцовъ и мѣстныхъ производителей или существованіе торжищъ, рядковъ и базаровъ въ отдаленныхъ подобіяхъ современныхъ городовъ. Скажу болѣе: наличность въ Новгородѣ въ половинѣ XII в. особой купеческой компаніи для заморскихъ поѣздокъ, какъ и компаніи Иванковскаго купечества (отъ имени прихода), еще не свидѣтельствуетъ о томъ, что населеніе Новгородской волости не продолжало, какъ общее правило, обходиться безъ потребленія продуктовъ, получаемыхъ путемъ обмѣна. Не опровергаетъ этого и незначительное число сдѣлокъ, какія по рижской долговой книгѣ заключаемы были русскими у ганзейскихъ купцовъ. Въ концѣ XIII вѣка они повторяются чаще: 28, 33 и 43 въ годъ. Но всѣ эти займы рѣдко когда превышали 20 марокъ серебра. Нѣкоторые торговые дома: Брунова изъ Кельна и Гельспиція (стр. 162), имѣли денежныя дѣла почти исключительно съ русскими купцами. Что касается до кредитныхъ сдѣлокъ, то по описанію, какое даютъ имъ русскіе историки Новгорода, въ частности—Никитскій, онѣ болѣе отвѣчали понятію тѣхъ lettres de foires, которыя одновременно были въ ходу на фламандскихъ ярмаркахъ, нежели чековымъ операціямъ. Въ нихъ указывалось, что расчетъ будетъ произведенъ въ другомъ городѣ товарами или деньгами. Если бы въ Новгородѣ и въ Псковѣ существовали не только товарищества купцовъ-складчиковъ, но подобіе западно-европейскихъ гильдій и даже современныхъ синдикатовъ (?) (стр. 212), то все же это не говорило бы о томъ, что масса русскаго населенія вышла изъ того состоянія, какое, какъ мы сказали, Варронъ охарактеризовалъ словами: omnia domi nascuntur. Картина же, какую русскому сельскому производству даютъ древнѣйшія письменныя свидѣтельства о бытѣ славянъ, по признанію самого г. Довнаръ-Запольскаго, говоритъ объ одномъ лишь за-

[1]) См. Современн. обычай и древній законъ (стр. 211).

рождающемся земледѣліи на общемъ фонѣ охотничьяго звѣроловнаго быта. «Такой типъ земледѣлія — прибавляетъ авторъ— еще долго держался у насъ. Для центральной Руси процессъ перехода къ земледѣльческому строю отъ первобытныхъ промысловъ завершился лишь въ XVI в.; на сѣверѣ Россіи и Сибири—только въ XIX-мъ. Господство подсѣчнаго хозяйства, хуторской характеръ древнерусскихъ поселковъ, наличность въ каждомъ изъ нихъ разнаго рода угодій: звѣроловныхъ, рыбныхъ, часто разбросанныхъ чрезполосно съ другими владѣніями, характеръ подспорья, какой носятъ находящіяся подъ озимью или ярью поля,—не говоритъ ли все это за то, что сельское хозяйство поставлено было необыкновенно экстензивно, такъ какъ слабая густота населенія и обиліе земли не вызывали необходимости усиленія производства». Основной выводъ, къ которому приходитъ авторъ «Исторіи русскаго народнаго хозяйства», состоитъ въ томъ, что земледѣліе не играло первенствующей роли и что только къ концу удѣльно-вѣчевого періода оно въ южныхъ областяхъ и Суздали, получаетъ болѣе самостоятельное значеніе; въ другихъ же мѣстахъ преобладаетъ занятіе рыболовнымъ и охотничьимъ промыслами. Внутри самихъ областей земледѣліе распространяется отъ центральныхъ городовъ къ менѣе значительнымъ пунктамъ. Неужели такіе порядки не входятъ въ понятіе самодовлѣющаго хозяйства? Но если такъ, то какое основаніе имѣемъ мы думать, что ближайшее знакомство съ экономикой древней Руси, необходимо должно поколебать установившійся взглядъ на эволюцію хозяйственныхъ формъ?

Сама эта эволюція рисуется мнѣ въ формѣ постепеннаго перехода отъ хозяйства, расчитаннаго на непосредственное удовлетвореніе спроса, предъявляемаго самими производителями, къ мѣновому хозяйству, озабоченному накопленіемъ запасовъ, орудующему капиталомъ и кредитомъ. Зародыши такого хозяйства можно найти еще въ глубокой древности; но районъ его распространенія на первыхъ порахъ ограниченъ. Торговые и промышленные центры расположены по близости къ морю, къ большимъ, судоходнымъ рѣкамъ или въ центрѣ водораздѣловъ (какъ напримѣръ Москва). Чѣмъ дальше отъ нихъ, тѣмъ болѣе и болѣе выступаютъ характерныя черты самодовлѣющаго хозяйства. Проведеніе новыхъ путей сообщенія можетъ вовлечь и эти глухіе углы въ міровой обмѣнъ, какъ это было не разъ и въ западно-европейской, и въ русской исторіи.

Весь ходъ развитія Новгородскихъ пригородовъ: Пскова, Торжка, Заволочья и Біарміи, служитъ подтвержденіемъ сказаннаго, какъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ—вся колонизаціонная

дѣятельность древнихъ грековъ и финикійцевъ на Средиземноморскомъ побережьи. Все отличіе современнаго экономическаго строя отъ древняго и средневѣковаго сводится къ тому, что исключеніе сдѣлалось общимъ правиломъ; промышленная, торговая и кредитная дѣятельность захватили и второстепенные городскіе центры, и самую деревню, такъ что о хозяйствахъ, озабоченныхъ удовлетвореніемъ однѣхъ потребностей производителей рѣдко гдѣ заходитъ теперь рѣчь, по крайней мѣрѣ на протяженіи западной Европы, восточныхъ штатовъ С.-Америки и тѣхъ частей западныхъ, которыя пересѣкаются желѣзнодорожнымъ полотномъ. Сказанное о Соединенныхъ Штатахъ разумѣется примѣнимо и къ Канадскимъ владѣніямъ Англіи, и къ тѣмъ южно-американскимъ землямъ, которыя лежатъ на протяженіи такихъ большихъ рѣкъ, какъ Амазонка или Ла-Плата съ ихъ притоками. Если имѣть въ виду всѣ материки, то еще вопросъ, не имѣетъ ли самодовлѣющее хозяйство и въ настоящее время наиболѣе широкій районъ распространенія.

Мы не считаемъ нужнымъ остановиться на этотъ разъ болѣе подробно на характеристикѣ тѣхъ промежуточныхъ стадій, какія лежатъ между первичными, наиболѣе отсталыми типами самодовлѣющаго хозяйства, и тѣмъ совершеннымъ типомъ мѣноваго, какимъ надо считать хозяйство, работающее на міровой рынокъ. Мы коснулись этого вопроса годами ранѣе, въ нашихъ лекціяхъ о развитіи народнаго хозяйства въ Западной Европѣ, читанныхъ и частью отпечатанныхъ на французскомъ языкѣ [1]).

Съ точки зрѣнія, нами защищаемой, легко понять, что и по отношенію къ политическимъ порядкамъ нельзя провести того различія между древностью, средними вѣками и новымъ временемъ, которое состояло бы въ признаніи, что ранѣе извѣстной эпохи совершенно немыслимо появленіе такихъ порядковъ, при которыхъ народъ является въ большей или меньшей степени хозяиномъ собственныхъ судебъ. Говорить, поэтому, объ эволюціи политическихъ формъ въ смыслѣ перехода отъ монархіи къ республикѣ значило бы идти въ разрѣзъ съ историческими данными. Древность ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ аристократіями и демократіями, выросшими въ границахъ торговаго промышленнаго города, постепенно подчинившаго себѣ близкую, а затѣмъ и отдаленную округу. Средиземноморскіе берега усѣяны такими городами-республиками, начиная съ эпохи финикійскихъ

---

[1]) Онѣ вышли въ переводѣ на русскій языкъ въ двухъ изданіяхъ въ 1899-мъ году.

и греческихъ колоній. Онѣ нерѣдко силою вовлекаются въ необходимость раздѣлить хотя бы временно свою судьбу съ судьбами сосѣднихъ деспотій; но при первой возможности они сбрасываютъ съ себя это иноземное иго, пока всѣмъ имъ не суждено попасть подъ владычество такой же, какъ и онѣ, городской по характеру республики—Вѣчному городу. Такова участь и Тира, и Сидона, и Карѳагена, и Сиракузъ. Средиземноморскій міръ—міръ республикъ. Что лежитъ за его предѣлами, то управляется болѣе или менѣе неограниченной властью, умѣряемой развѣ религіей и ея служителями, образующими въ Египтѣ, Передней Азіи и Галліи, особыя касты жрецовъ, маговъ и друидовъ.

Нельзя сказать, чтобы средневѣковая Европа также не знала городскихъ республикъ. Мы находимъ ихъ въ полномъ расцвѣтѣ въ Италіи въ концѣ XII и въ слѣдующемъ столѣтіи. Республики входятъ также въ составъ Священной Римской Имперіи. Ихъ уполномоченные занимаютъ въ рейхстагѣ цѣлыхъ двѣ скамьи—скамью рейнскихъ и скамью швабскихъ городовъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой «коллективный голосъ». Въ ближайшія столѣтія къ городскимъ республикамъ присоединяются и сельскія, попадающія въ бо́льшую или меньшую зависимость отъ первыхъ; таковы судьбы старой швейцарской Eidgenossenschaft и завоевавшей свою независимость отъ Испаніи республики Соединенныхъ Нидерландовъ. Одновременно одному изъ городовъ-республикъ Италіи, Венеціи, суждено повторить до нѣкоторой степени, разумѣется, въ уменьшенныхъ размѣрахъ, исторію республиканскаго Рима. Она распространяетъ свои владѣнія на часть Ломбардіи и восточный берегъ Адріатики; она разсѣиваетъ свои колоніи по Средиземному, Черному и Азовскому морямъ, встрѣчая соперника въ своихъ завоеваніяхъ и торговыхъ оборотахъ въ другой такой же городской республикѣ—Генуѣ, владѣлицѣ Корсики, Сардиніи и той Кафы, которая извѣстна намъ нынѣ подъ болѣе стариннымъ прозвищемъ Ѳеодосіи. Еще вопросъ, не является ли республика въ средніе вѣка болѣе распространеннымъ типомъ государственнаго устройства, чѣмъ въ эпоху Возрожденія, когда большое число городовъ Италіи подпали подъ власть туземныхъ «тирановъ» или иноземныхъ завоевателей, когда Венеція начинаетъ падать въ своемъ величіи и кладутся только зародыши того торговаго преобладанія и владычества на моряхъ, какое въ XVII-мъ вѣкѣ выпало въ удѣлъ Голландіи. Недаромъ современникъ Франциска I, Сейссель, въ своемъ трактатѣ «О великой монархіи во Франціи», предваряя то, что вслѣдъ за нимъ болѣе подробно развито будетъ при Людовикѣ XIV

юристомъ Дома, говоритъ, что республиканскіе порядки встрѣчаются только по исключенію въ городахъ и странахъ съ ограниченной территоріей, образовавшихся путемъ отпаденія отъ болѣе обширныхъ королевствъ и имперій. Послѣ неуспѣха попытокъ создать республику въ Англіи и перехода Генуи подъ власть Гримальди, а Нидерландовъ—къ монархическимъ порядкамъ подъ главенствомъ бывшихъ штатгальтеровъ Голландіи, Европа, за немногими исключеніями (Венеціи, Рѣчи Посполитой), становится сѣтью монархическихъ державъ, притомъ съ тяготѣніемъ къ неограниченности власти или абсолютизму. Только со времени провозглашенія американской независимости снова ставится на очередь вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ республиканскаго режима.

Когда на разстояніи нѣсколькихъ недѣль послѣ революціи 10 Августа 1792 г., во Франціи была установлена республика и подъ ея вліяніемъ возникли, правда, болѣе или менѣе эфемерныя народоправства: Батавское, Транспаданское, или Цисподанское, Гельветское, можно было думать, что XVIII столѣтіе закончится благопріятно для той формы политическаго уклада, на которой построена была культура Аѳинъ и Рима. Но раздѣлъ Польши между Австріей, Пруссіей и Россіей, а Венеціанской республики— между Австріей и Ломбардіей, какъ и скорая замѣна консульства имперіей во Франціи, устранили мысль о томъ, что Европа послѣдуетъ примѣру Америки и превратится въ сѣть самостоятельныхъ, связанныхъ одними федеральными узами республикъ.

XIX-ое столѣтіе представляетъ намъ скорѣе ростъ и распространеніе въ Европѣ конституціонной монархіи, чѣмъ торжество республиканскаго устройства. Необходимо стеченіе крайне неблагопріятныхъ условій, чтобы заставить народъ, привыкшій жить подъ кровомъ исторической династіи, свято сохраняющей свои конституціонныя обязанности по отношенію къ призвавшей его націи, произвести республиканскій переворотъ. Если третья республика, не въ примѣръ двумъ первымъ, пустила, повидимому, корни во Франціи, то объясняется это тѣмъ, что всѣ три династіи, предъявлявшія право на престолъ, одинаково потеряли въ ней свою популярность. Послѣдній представитель Бурбоновъ, графъ Шамборъ, обнаружилъ рѣшительное непониманіе требованій современной гражданственности. Вмѣсто того, чтобы порвать съ нимъ открыто, Орлеанскіе принцы, скрѣпя сердце, высказали готовность признать его руководительство. Вторая Имперія, начавшаяся декабрьскими убійствами, кончилась пораженіемъ подъ Седаномъ. Если на разстояніи десятковъ лѣтъ Португалія послѣдовала примѣру Франціи, то потому, что Браганцская дина-

стія потеряла въ ней всякій кредитъ, послѣ попытокъ короля Карлоса повернуть ходъ исторіи и, въ союзѣ съ клерикалами, вернуться къ порядкамъ фактически неограниченнаго самовластія. Нуженъ полный разрывъ между правительственной политикой и народными запросами, нужна та давнишняя непопулярность, какой пользуется въ Китайской монархіи иноземная манчжурская династія, чтобы вызвать въ южныхъ провинціяхъ Небесной Имперіи успѣшное, повидимому, движеніе въ пользу установленія республики. Такими же чрезвычайными причинами объясняется отпаденіе, приблизительно сто лѣтъ назадъ, отъ Испаніи и Португаліи ихъ владѣній на южномъ материкѣ Америки. Бразилія, какъ имѣвшая возможность вручить руководительство своей автономіей принцу изъ той же династіи, какая продолжала править Португаліей, обратилась въ имперію. Прочія страны Южно-Американскаго материка, за неимѣніемъ ни туземныхъ, ни иноземныхъ династій, достаточно популярныхъ, чтобы поставить имъ королей, провозгласили себя республиками. Неудачная попытка Наполеона III въ союзѣ съ Австріей навязать Мексикѣ правителя изъ Габсбургской династіи и примѣръ, а можетъ быть и прямое вліяніе сосѣднихъ съ нею Соединенныхъ Штатовъ, имѣли послѣдствіемъ укрѣпленіе республиканскихъ порядковъ и къ сѣверу отъ Панамскаго перешейка. Долгое время Бразилія оставалась единственной монархической страною въ Южной Америкѣ, но и она перешла къ республиканскимъ порядкамъ и къ федеративному устройству, подъ вліяніемъ примѣра могучаго и свободнаго государства, построеннаго на началахъ союзнаго.

Но что республиканскіе порядки не составляютъ необходимаго достоянія новаго материка, въ этомъ убѣждаетъ насъ испытанная преданность англійской монархіи, какую до послѣдняго дня обнаруживаетъ Канадская федерація, еще недавно отказавшаяся отъ тѣхъ существенныхъ экономическихъ выгодъ, какія могло обезпечить ей сепаратное торговое соглашеніе съ Соединенными Штатами. Съ тѣхъ поръ, какъ наученная примѣромъ отпаденія отъ нея тринадцати пріатлантическихъ колоній, Англія отказалась подчинять интересамъ собственныхъ гражданъ экономическія и политическія судьбы своихъ же сыновъ, живущихъ по ту сторону океана, автономныя государственныя организаціи, нерѣдко вступающія между собою въ федеративную связь, объединили подъ своею сѣнью членовъ англо-саксонской расы не только въ Сѣверной Америкѣ, но также и въ Австраліи, Новой Зеландіи и Южной Африкѣ. Независимость этихъ колоній не идетъ, однако, до разрыва ихъ политическихъ судебъ съ метрополіей. Онѣ по

прежнему получаютъ отъ нея своихъ губернаторовъ и по крайней мѣрѣ часть членовъ, засѣдающихъ въ ихъ верхнихъ палатахъ. Въ критическіе моменты, какъ тѣ какіе были пережиты Англіей во время ея послѣдней войны съ бурами, заокеаническія владѣнія не прочь были поспѣшить на помощь метрополіи посылкой своихъ военныхъ судовъ.

На основаніи всего сказаннаго трудно придти къ тому заключенію, чтобы политическая эволюція сказалась въ замѣнѣ монархіи республикою. Изъ дальнѣйшаго изложенія читатель можетъ увидѣть, что вопросъ надо поставить болѣе широко. Не все то, что носитъ наименованіе республики, отвѣчаетъ понятію самоопредѣленія народомъ его политическихъ судебъ. Американскія республики съ ихъ подчиненіемъ военной диктатурѣ и часто повторяющимися переворотами или coups d'état, извѣстными подъ названіемъ «пронунціаментовъ», въ меньшей степени обезпечиваютъ фактическое руководительство дѣлами народнымъ ставленникамъ, нежели англійскій парламентаризмъ съ его монархическимъ главою. Широкое развитіе системы мѣстнаго самоуправленія, за послѣднюю четверть вѣка получившаго вполнѣ демократическій характеръ, вмѣстѣ съ готовностью мириться съ автономіей заморскихъ владѣній, разъ они населены европейцами и англійскими выходцами, объясняетъ намъ причину, по которой Британская Имперія не въ меньшей мѣрѣ обезпечиваетъ народу возможность завѣдывать чрезъ посредство избранныхъ имъ представителей своей внутренней и внѣшней политикой, чѣмъ дѣлаетъ это республика Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, при строгомъ обособленіи въ ней и независимости исполнительной власти отъ законодательной. Общность парламентарной системы, при солидарной отвѣтственности министерства передъ палатами, сближаетъ политическій строй англійской монархіи съ французскими республиканскими порядками въ большей степени, чѣмъ дѣлаетъ эта наличность народоправства одинаково во Франціи и Соединенныхъ Штатахъ. Чѣмъ можетъ быть китайская республика, намъ пока сказать трудно; но едва ли она въ скоромъ времени уподобится по широтѣ правъ, признаваемыхъ за гражданами, не только французской республикѣ, но и англійской монархіи. То, что мы знаемъ о порядкахъ Мексики, едва ли позволяетъ намъ поставить свободу ея гражданъ на одинъ уровень со свободою британскихъ подданныхъ.

А все это необходимо приводитъ насъ къ тому выводу, что не въ наличности или отсутствіи правящей династіи надо видѣть ближайшее различіе политической организаціи народа, а въ большей или меньшей автономіи личности, съ одной стороны, и боль-

шемъ или меньшемъ участіи всего гражданства въ руководительствѣ политической жизнью страны, съ другой. Намъ придется, поэтому, при рѣшеніи вопроса о природѣ политическаго прогресса отрѣшиться отъ довольно распространеннаго предубѣжденія, что поступательный ходъ государства сводится къ постепенному торжеству республиканскихъ порядковъ надъ монархическими.

Но существуетъ ли вообще политическій прогрессъ? Можно ли отмѣтить поступательное движеніе въ отношеніи политическихъ порядковъ? Нѣкоторые соціологи, въ числѣ ихъ покойный Лиліенфельдъ, полагаютъ, что нѣтъ. Такое мнѣніе можно поддерживать при произвольномъ, на мой взглядъ, допущеніи, что психологія расъ и національностей, какъ и психологія церковныхъ сообществъ, есть нѣчто разъ навсегда опредѣлившееся. Но исторія, въ связи съ этнографіей, нимало не оправдываетъ такого предположенія. Никакое государство немыслимо при отсутствіи въ подданныхъ добровольнаго подчиненія власти. Это сознавалъ еще Ла-Боесси, французскій писатель XVI вѣка, настолько близкій по мысли къ Монтеню, что за послѣднее время возникло даже предположеніе, не прикрылся ли послѣдній именемъ своего покойнаго друга. Соглашаясь съ авторомъ «Добровольнаго рабства», что основой всякаго государственнаго общежитія является психологическій мотивъ—готовность подчиненія, мы необходимо должны признать, что мотивы этой готовности измѣнялись параллельно съ ростомъ знанія и соотвѣтствующимъ упадкомъ суевѣрій; а такъ какъ въ тѣсной связи съ ними, въ такой же степени, какъ и съ размноженіемъ населенія, его усиливающейся густотой, стоитъ и переходъ отъ однихъ экономическихъ порядковъ къ другимъ, отъ самодовлѣющаго хозяйства къ хозяйству мѣновому, то невольно зарождается мысль привести въ причинную зависимость прогрессъ государственности съ прогрессомъ знанія и экономики.

Остановимся прежде всего на первой половинѣ вопроса; поищемъ тѣхъ нитей, какія связываютъ накопленіе знаній съ измѣненіемъ государственныхъ порядковъ. Готовность подчиненія общей власти, какъ мы уже отмѣтили, является необходимымъ условіемъ существованія государства; но эта готовность, въ связи съ научнымъ развитіемъ, вызывается далеко не одинаковыми причинами. Дикари Стараго и Новаго материка, какъ вполнѣ установлено Фрезеромъ, ставятъ надъ собою властителя потому, что признаютъ за нимъ не только мужество и мудрость, но и способность вызывать обиліе дождя, размноженіе той или другой

породы животнаго и растительнаго царства. Германцы временъ Тацита выбирали вождей за ихъ воинскую доблесть; евреи эпохи судей и, независимо отъ ихъ примѣра, цѣлый рядъ странъ, начиная съ древней Ирландіи и оканчивая нѣкоторыми частями нашего Закавказья, ввѣряли руководительство своими судьбами знаменитымъ своей мудростью посредникамъ или третейскимъ разбирателямъ; восточные славяне, чтобы положить конецъ внутреннимъ распрямъ, призывали князей изъ чужбины. Тѣмъ же мотивомъ руководствовались городскія республики Италіи, ставя надъ собой нанятаго на срокъ иногороднаго «подэсту». Еще въ XVII-мъ вѣкѣ англичане цѣнили въ своемъ монархѣ способность исцѣлять ихъ отъ извѣстныхъ недуговъ наложеніемъ руки на ихъ головы, а современники Людовика XIII и Людовика XIV признавали въ монархѣ не только божественнаго ставленника, но и Бога земного. Людовикъ-Филиппъ, какъ ранѣе его Наполеонъ I-ый, уже правили французами волею народной. Нужно ли говорить, что тотъ же свѣтскій и отрѣшенный отъ всякаго ближайшаго общенія съ той или другой религіей мотивъ лежитъ въ признаніи американцами власти губернаторовъ отдѣльныхъ штатовъ и президентовъ всей федераціи; что идея государственности является вполнѣ секуляризированной въ современной Франціи, въ Швейцаріи, въ Бельгіи, Италіи и, въ меньшей степени, въ Пруссіи и Австріи. Представленіе о помазанникѣ на царство, правителѣ Божьей милостью, не составляетъ особенности однихъ христіанскихъ народовъ средневѣковья. Мы находимъ его и у древнихъ евреевъ, и у инковъ Перу, владыка которыхъ всегда почитался сыномъ Солнца. Въ тѣсномъ общеніи съ религіей и ея служителями стояли не одни индусскіе раджи или египетскіе фараоны, но и продолжавшіе совершать публичныя жертвоприношенія отъ имени всего государства аѳинскіе архонты-базилевсы, преемники прежнихъ царей. Арабскіе калифы, персидскіе шахи, турецкіе султаны—всѣ въ равной степени признавали себя наслѣдниками Пророка. Тѣсная связь, въ какой свѣтская власть стояла съ папскимъ дворомъ во времена Григорія VII и Иннокентія III, рисовалась воображенію де-Местра заслуживающимъ подражанія идеаломъ. Въ правѣ папъ отрѣшать подданныхъ отъ присяги ихъ законному правителю онъ видѣлъ единственное средство найти необходимый эквивалентъ для оживленнаго революціей права сопротивленія монарху, нарушающему не одинъ Божескій законъ, но и основы государственнаго порядка или конституцію.

Секуляризаціей политики называемъ мы этотъ отказъ свѣтской

власти отъ тѣснаго общенія съ духовной,—общенія, доходящаго до участія въ ея осуществленіи, какъ это и было въ дѣйствительности не только въ имперіи фараоновъ или инковъ, не только въ арабскихъ калифатахъ, но и всюду, гдѣ христіанскіе правители сохранили за собою главенство въ дѣлахъ церкви, гдѣ существуетъ такъ называемый цезарепапизмъ. И римскій императоръ считался верховнымъ жрецомъ, pontifex maximus. Присяга въ признаніи супрематства англійскаго короля въ дѣлахъ церкви въ теченіе вѣковъ являлась препятствіемъ къ уравненію диссидентовъ и католиковъ въ гражданскихъ и политическихъ правахъ съ англиканцами.

По мѣрѣ того, какъ отступала на задній планъ связь политической власти съ магіей и религіей, все болѣе и болѣе упрочивалась идея служенія государя народу. Она высказывается еще королемъ - философомъ Фридрихомъ Великимъ въ извѣстной фразѣ: «Я первый служитель государства». Она находитъ себѣ теоретическое признаніе и въ доктринѣ Руссо о верховныхъ правителяхъ, какъ о народныхъ уполномоченныхъ, и въ основныхъ законахъ демократическихъ имперій, республикъ и тѣхъ монархій, которыя признаютъ основаніемъ для своей власти волю народную, что нерѣдко выражается въ самомъ титулѣ правителя (король французовъ, король бельгійцевъ).

Мы бѣгло указали на одну тенденцію къ секуляризаціи власти, къ разрыву всякой непосредственной связи съ магіей и религіей, что очевидно связано съ ростомъ положительнаго знанія. Обратимъ въ настоящее время наше вниманіе на то вліяніе, какое перемѣны въ экономическихъ порядкахъ вызываютъ въ общественномъ и тѣсно связанномъ съ нимъ государственномъ строѣ.

Самодовлѣющее хозяйство, ограничено ли оно предѣлами рода - племени, общиной, или другимъ болѣе широкимъ земскимъ союзомъ, какимъ бы именемъ онъ ни назывался, предполагаетъ существованіе замкнутаго въ себѣ цѣлаго, враждующаго съ сосѣдями и въ мирное время, отказывающаго имъ въ доступѣ къ своимъ рынкамъ и, слѣдовательно, въ снабженіи ихъ предметами необходимости. Отсюда многочисленные запреты вывоза не одного хлѣба, но и питающаго мѣстное производство сырья; отсюда же сперва запретительные, а затѣмъ протекціонные тарифы по отношенію къ продуктамъ чужихъ мануфактуръ. Изолированность, необходимо вытекающая изъ всѣхъ этихъ запретовъ, дѣлаетъ неизбѣжной строгую регламентацію производства, а слѣдовательно и занятій отдѣльныхъ лицъ и семей, съ цѣлью

установить по возможности неизмѣнный порядокъ хозяйственной жизни. Отсюда то раздѣленіе труда въ связи съ его наслѣдственностью, наиболѣе разительный примѣръ котораго представляетъ намъ кастовое устройство Индіи, въ болѣе слабомъ видѣ выступающее и въ древнемъ Египтѣ и до нѣкоторой степени въ начальный періодъ жизни народовъ классической древности. Крѣпостное право и цеховое устройство, въ связи съ тѣми средостѣніями, какія въ средніе вѣка связаны были съ существованіемъ рѣзко обособленныхъ сословій,—дворянства, духовенства и буржуазіи, являются естественнымъ продолженіемъ, въ умаляющейся прогрессіи, той исключительно строгой регламентаціи всей гражданской жизни, какою было кастовое устройство. Между обоими порядками можно проводить только количественное, а не качественное различіе. Средневѣковый городъ-республика, какъ и феодальная баронія или графство, пріурочиваетъ владѣніе недвижимой собственностью къ факту принадлежности къ опредѣленному сословію. Будетъ ли имъ, какъ общее правило, служилое дворянство, или, какъ во Флоренціи конца XIII в., городское гражданство, при полномъ исключеніи феодальной знати,—воинская служба одинаково возлагается на классъ землевладѣльцевъ, тогда какъ промышленная и торговая дѣятельность всецѣло сосредоточивается въ рукахъ цеховъ и гильдій, а сельскохозяйственный трудъ составляетъ наслѣдственное занятіе крѣпостного, позднѣе оброчнаго крестьянства.

Исходящіе отъ начальства приказы опредѣляютъ порядокъ продажи на рынкѣ съѣстныхъ припасовъ и необходимаго для промышленности сырья и цѣны на товары и трудъ. Вывозъ и ввозъ одинаково регулируются постановленіями, идущими отъ городскихъ совѣтовъ или собраній вассаловъ, созываемыхъ феодальнымъ сюзереномъ. Разъ навсегда установившійся обычай обезпечиваетъ членамъ служилаго сословія и постоянство состава поступающихъ подъ ихъ начальствованіе отрядовъ, и количество слѣдующихъ имъ отъ помѣстнаго населенія натуральныхъ службъ и платежей. Всякая закупка товаровъ съ цѣлью перепродажи ихъ по высшей цѣнѣ строго запрещена, наравнѣ съ отдачей денегъ въ ростъ. Такимъ образомъ предусмотрѣна возможность удовлетворенія изолированнымъ государствомъ всѣхъ потребностей тѣхъ различныхъ соціальныхъ пластовъ, которые входятъ въ составъ его населенія. Каждая изъ этихъ сословныхъ группъ призвана удовлетворять своей насущной нуждѣ въ неравной степени, примѣнительно къ тому положенію, какое она занимаетъ на общественной лѣстницѣ. Ученіе о справедливой цѣнѣ, такъ называе-

момъ justum precium, въ средніе вѣка, какъ показываетъ примѣръ Ѳомы Аквината, было все направлено къ тому, чтобы дать каждому возможность жить безбѣдно, согласно его общественному состоянію. Такой порядокъ предполагаетъ въ начальствующихъ своего рода родительскую заботливость о подвластныхъ. Не мудрено, поэтому, что самодовлѣющему или такъ называемому натуральному хозяйству отвѣчаетъ патріархальная форма одинаково монархіи и аристократіи, при большемъ или меньшемъ участіи въ дѣлахъ всего свободнаго люда, слѣдовательно всѣхъ, за исключеніемъ рабовъ и крѣпостныхъ. Образцомъ такихъ политическихъ порядковъ одинаково являются и Аѳины въ эпоху владычества эвпатридовъ, и первые вѣка римской республики, при господствѣ patres conscripti, и итальянскія народоправства съ ихъ выбираемыми консулами, позднѣе подэстою, и тѣсными совѣтами людей болѣе родовитыхъ и зажиточныхъ, въ свою очередь являющихся подобіемъ римскихъ patres conscripti. Венеціанскій Большой Совѣтъ въ эпоху, предшествующую его «закрытію» для семей, удалившихся изъ Венеціи по случаю моровой язвы 1297 года, также являлся своего рода представительствомъ всѣхъ родовъ первыхъ поселенцевъ. Раздѣляя власть съ выборнымъ дожемъ и окружающимъ его совѣтомъ старѣйшихъ, *анціани*, онъ въ правѣ былъ считать себя тѣмъ собраніемъ начальниковъ надъ родами, какимъ въ свое время были аѳинскій ареопагъ и римскій сенатъ.

Если отъ городскихъ республикъ мы перейдемъ къ монархіямъ, то королевство первыхъ Капетинговъ въ томъ изображеніи, какое даютъ ему французскіе историки Флакъ и Функъ Брентано, еще носитъ всѣ черты единоличной власти, построенной по типу семейному. Рядомъ съ монархомъ, живущимъ въ тѣсномъ общеніи съ начальниками родовъ, лишь постепенно переходящими въ положеніе феодальныхъ сеньоровъ и образующими при немъ тѣсный совѣтъ, свободный людъ, призванный къ ношенію оружія, продолжаетъ собираться на вымирающее вѣче, на тѣ мартовскія и майскія поля и placita generalia, прототипъ которыхъ мы встрѣчаемъ у древнихъ германцевъ. О нихъ упоминаетъ Тацитъ: de minoribus principes consultant—говоритъ онъ, — de maioribus omnes. А насколько эти вѣчевые порядки составляли общую черту одинаково древнѣйшихъ княжествъ и городовъ-республикъ, объ этомъ можно судить и по наличности ихъ какъ въ гомерической Греціи, такъ и въ древнихъ Аѳинахъ, въ Римѣ, въ формѣ центуріатныхъ комицій, рядомъ съ трибутными, въ славянскихъ земляхъ въ формѣ вѣчъ, въ итальянскихъ городахъ X, XI и XII столѣтій подъ различными наименованіями: парла-

ментовъ, арингъ или говориленъ, общихъ совѣтовъ или общихъ разбирательствъ, commune consilium и commune placitum.

Ближайшей ступенью въ развитіи государственныхъ порядковъ была замѣна патріархальнаго строя вотчиннымъ. На всемъ западѣ распространяется феодализмъ, видоизмѣняющій прежній порядокъ монархіи и городской республики. Послѣдняя также подпадаетъ подъ власть феодальныхъ родовъ; на смѣну имъ являются со временемъ вышедшіе изъ среды городского демоса новые властители, popolani grassi, своего рода олигархическія семьи; въ ряду ихъ одной нерѣдко удается сосредоточить въ своихъ рукахъ синьорію или политическое господство.

Что такое, съ другой стороны, феодальная монархія, какъ не обширное помѣстье съ зависящими отъ него болѣе мелкими земельными комплексами? Во главѣ ихъ стоятъ служилые люди—землевладѣльцы, съ подчиненными имъ вассалами и подвассалами; каждый помѣщикъ держитъ въ зависимости отъ себя свободныхъ и крѣпостныхъ людей, одинаково сидящихъ на землѣ и несущихъ опредѣленныя обычаемъ повинности и службы.

Еслибы новѣйшими работами Павлова-Сильванскаго и не былъ установленъ фактъ существованія въ Россіи, какъ въ удѣльно-вѣчевой, такъ и въ московскій періодъ, по крайней мѣрѣ въ сферѣ экономическихъ отношеній, порядковъ весьма близкихъ къ феодальнымъ, то все же пришлось бы повторить, вслѣдъ за большинствомъ нашихъ историковъ, что родовыя отношенія, политическое владычество Рюрикова дома надъ отдѣльными княжествами восточныхъ славянъ и переходъ великаго княженія къ старѣйшему представителю династіи съ теченіемъ времени смѣнились порядками отношенія князя ко всѣмъ сидящимъ на его землѣ свободнымъ и крѣпостнымъ людямъ, какъ вотчинника къ своимъ подвластнымъ. Вся исторія Московскаго княжества представляетъ собою непрекращающееся округленіе Иваномъ Калитой и его потомствомъ скромнаго удѣла, доставшагося впервые Юрію Долгорукому. Служилое землевладѣніе и крѣпостное право, составляющія матеріальную основу тѣхъ помѣстій, которыми туземные и пришлые князья и бояре, а также болѣе мелкій людъ, вплоть до дворянъ включительно, вознаграждались за службу, представляютъ собою разительное сходство съ западно-европейскими бенефиціями, со временемъ становящимися наслѣдственными, подобно тому, какъ наши помѣстья переходятъ въ вотчины.

Экономическая сторона феодальныхъ порядковъ выступаетъ и за предѣлами Европы всюду, гдѣ земля, какъ наиболѣе распространенная цѣнность, служитъ вознагражденіемъ за воинскую

службу. Въ Имперіи Великаго Могола, напримѣръ, пожизненныя земельныя пожалованія начальникамъ мѣстныхъ отрядовъ, извѣстныя подъ именемъ «икта», напоминаютъ по своему характеру средневѣковый бенефицій и русское помѣстье въ начальный періодъ ихъ исторіи. Эти «икта» со временемъ становятся наслѣдственными. Свободное землевладѣніе, извѣстное на западѣ подъ именемъ «алода», въ Россіи подъ именемъ «отчины» и «дѣдины», на всемъ мусульманскомъ востокѣ подъ именемъ «мулькъ», постепенно переходитъ въ зависимое держаніе не только какъ слѣдствіе захвата сверху, но и въ силу добровольной передачи себя снизу свободнымъ человѣкомъ вмѣстѣ съ имуществомъ въ зависимость и подъ покровительство людей сильныхъ. Средневѣковая «комендація» близка по характеру къ нашему «закупничеству» и къ распространенной въ Имперіи Великаго Могола «икбалдавѣ».

Прикрѣпленіе же сельскаго люда къ землѣ, какъ показалъ въ числѣ другихъ итальянскій экономистъ Лоріа, потому уже распространено на протяженіи всего міра, что, при слабой густотѣ населенія и обиліи свободныхъ къ занятію земель, оно можетъ считаться лучшимъ средствомъ обезпечить хозяйственную эксплоатацію почвы.

Не мудрено, поэтому, если крѣпостное право извѣстно было на первыхъ порахъ и въ средѣ городскихъ республикъ Запада. Одно желаніе ихъ ослабить власть пограничныхъ съ ними феодальныхъ владѣльцевъ объясняетъ намъ причину, по которой города въ числѣ первыхъ обратились къ производству той выкупной операціи, послѣдствіемъ которой явилось созданіе свободнаго крестьянства.

На общемъ экономическомъ фундаментѣ выросла, такимъ образомъ, и феодальная монархія, и городская республика XIII и XIV столѣтій, и Московское княжество и царство. Но договорный характеръ, какой носятъ отношенія сюзерена къ вассаламъ и подвассаламъ, далъ опредѣленныя политическія послѣдствія, наложилъ свою печать на организацію государства далеко не всюду, гдѣ существовало феодальное помѣстье и земельная крѣпость крестьянъ. Порожденная имъ сословная монархія, съ участіемъ уполномоченныхъ отъ дворянства, духовенства и буржуазіи въ вотированіи налоговъ и въ дачѣ совѣтовъ по вопросамъ государственнаго строительства или по реформѣ въ администраціи, далеко не можетъ считаться общимъ явленіемъ на протяженіи всей Европы. Мы находимъ ее въ англо-саксонскомъ, романскомъ и германскомъ мірѣ; но въ славянскихъ странахъ

одни поляки, чехи и хорваты развели у себя сходные порядки, восточные же славяне перешли непосредственно отъ патріархальной монархіи къ «самовладству», какъ выражается Крижаничъ, современникъ Алексѣя Михайловича, т. е. къ абсолютизму.

Замѣчательно, однако, что еще въ XVII вѣкѣ въ титулѣ московскаго царя сохранилось прозвище отъ болѣе ранней эпохи: онъ все еще слыветъ «отчичемъ». И это прозвище напоминаетъ о временахъ патріархальной монархіи, того семейно-родового порядка, какого придерживался домъ Рюриковичей на протяженіи всей Россіи.

Много внѣшнихъ причинъ объясняютъ намъ отклоненіе отъ общаго хода развитія тѣхъ или другихъ народовъ и государствъ: завоеваніе, какъ въ Англіи, борьба съ маврами, какъ въ Испаніи, или съ татарами, какъ въ Россіи, необходимость усиленія центральной власти, созданіе постоянной арміи и постояннаго налога на ея содержаніе тамъ, гдѣ, какъ во Франціи XV в., рѣчь заходитъ объ обезпеченіи національной независимости отъ иностранцевъ-англичанъ, или тамъ, гдѣ, какъ въ сѣверной Италіи, городской автономіи постоянно грозятъ, рядомъ съ нашествіемъ французовъ и испанцевъ, интриги папскаго двора, притязанія германскихъ императоровъ на политическое владычество и захватъ власти со стороны успѣшныхъ честолюбцевъ, становящихся во главѣ наемныхъ дружинъ и принадлежащихъ по рожденію то къ феодальной знати, то къ зажиточной буржуазіи, то къ поддерживаемымъ плебсомъ демагогамъ. Ни Ломбардія, ни Тоскана не знали при Сфорцахъ и Медичисахъ сословно-представительныхъ порядковъ.

Франція, одно время имѣвшая ихъ въ лицѣ генеральныхъ штатовъ, съ XV ст. обращается къ созыву сословій лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Испанія, со времени пораженія городскихъ ополченій въ битвѣ подъ Вильяларомъ во второй четверти XVI в., переходитъ къ порядкамъ абсолютной монархіи. Религіозныя усобицы и развитіе протестантизма, освобождающаго многихъ правителей Германіи отъ контроля папской власти и создающаго въ нѣкоторыхъ государствахъ, напримѣръ въ Англіи, цезарепапизмъ, также немало содѣйствуютъ росту королевской прерогативы въ ущербъ сословному представительству.

Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, объясняютъ намъ, почему въ серединѣ XVIII вѣка Монтескье уже могъ смотрѣть на сословную монархію, какъ на рѣдкое исключеніе, и говорить о томъ, что «народы Европы устремляются въ объятія абсолютизма столь же безповоротно, какъ рѣки теряются въ морѣ».

Обозначая сословную монархію терминомъ готической, онъ находилъ во Франціи одни обломки ея, по преимуществу въ правѣ верховныхъ палатъ, какъ судебныхъ, такъ и судебно-административныхъ, отказывать въ повиновеніи указамъ, несогласнымъ съ законами (право регистраціи и право представлять протесты). Въ немногихъ только государствахъ, въ томъ числѣ въ не прямо названныхъ имъ Венгріи и Швеціи, да еще въ упоминаемой имъ Англіи, сословная монархія не только уцѣлѣла, но и подверглась дальнѣйшему развитію. Оно вызвано было тѣмъ постепеннымъ упраздненіемъ прежнихъ средостѣній между служилымъ сословіемъ, буржуазіей и крестьянствомъ, которое было вызвано ростомъ денежнаго и кредитнаго хозяйства въ ущербъ натуральному или самодовлѣющему. Міровая торговля сдѣлала немыслимымъ дальнѣйшее сохраненіе не только цеховыхъ порядковъ въ сферѣ промышленности, но и того искусственнаго удержанія земель въ рукахъ служилаго люда и прикрѣпленныхъ къ почвѣ крестьянъ, на которомъ опирался строй средневѣковаго хозяйства.

Рѣшающимъ мотивомъ явилось возможное увеличеніе доходовъ, получаемыхъ столько же отъ обрабатывающей промышленности, сколько и отъ сельскаго хозяйства. А этотъ мотивъ подсказывалъ необходимость свободнаго обращенія на рынкѣ не только мануфактуратовъ и полумануфактуратовъ, но какъ самого сырья, такъ и производящихъ его земель.

При міровомъ хозяйствѣ сословное неравенство уступаетъ мѣсто сложившимся на почвѣ экономическихъ отношеній, безъ прямого вмѣшательства закона, классовымъ различіямъ. На смѣну крѣпостнымъ и служилымъ людямъ пришли упоминаемые уже Тюрго свободные землевладѣльцы, промышленники и торговцы, съемщики и фермеры, сельскіе и городскіе рабочіе-пролетаріи. На этой почвѣ могло возникнуть представительство населенія и капитала, рѣдко гдѣ съ удержаніемъ тѣхъ пережитковъ сословнаго строя, какимъ является напримѣръ въ Англіи палата, составленная по преимуществу изъ главъ исконныхъ аристократическихъ родовъ,—пэровъ королевства.

Перемѣны въ хозяйственномъ строѣ даютъ себя знать въ сферѣ государственныхъ порядковъ въ двоякомъ отношеніи: въ замѣнѣ привилегій, какими пользовались члены отдѣльныхъ общественныхъ группъ, вольностями всего гражданства. Сословная свобода смѣняется публичными вольностями, осуществляемыми всѣми подданными государства и даже принятыми подъ его сѣнь иностранцами. Съ другой стороны, принципъ сословности изгоняется

изъ представительства. Оно основывается отнынѣ на началѣ или равнаго участія всѣхъ гражданъ въ политическихъ правахъ (всеобщее голосованіе), или на идеѣ преимущественнаго пользованія этими правами лицъ, имущественно обезпеченныхъ и потому легче пріобрѣтающихъ то образованіе, съ которымъ связывается сознательное пользованіе голосомъ на выборахъ и въ народныхъ совѣтахъ (отсюда различныя системы цензовыхъ ограниченій права выбирать и быть выбраннымъ). На какомъ бы рѣшеніи ни останавливалось законодательство отдѣльныхъ государствъ, конституціонныхъ ли монархій или республикъ, представительство повсюду измѣняетъ свой характеръ въ двоякомъ отношеніи: депутаты перестаютъ быть уполномоченными отдѣльныхъ корпорацій—въ Англіи графствъ и городовъ, во Франціи — департаментовъ, округовъ и муниципій; они становятся представителями всего населенія государства, хотя и избираются мѣстными мірами, сельскими и городскими. Прежде знали представительство отъ одной только недвижимой собственности и потому въ сословныхъ камерахъ допускались уполномоченные только отъ земли: служилое сословіе, духовенство и горожане, какъ владѣльцы помѣстій и городскихъ участковъ. Избирательный цензъ также пріуроченъ былъ всецѣло и исключительно къ факту обладанія одной недвижимой собственностью. Теперь представительство строится на обратномъ началѣ: установляется одинаковый или разный цензъ для владѣльцевъ недвижимой и движимой собственности; представленными на выборахъ являются лица, наиболѣе обложенныя; въ основу избирательнаго права кладется не одно населеніе, но и сумма платимыхъ округомъ налоговъ. Соотвѣтственно этимъ двумъ началамъ, населенію и обложенію, распредѣляется число представителей между отдѣльными провинціями и городами. Сословныя различія если гдѣ и уцѣлѣли, то не оказываютъ болѣе никакого вліянія на дѣленіе народнаго представительства на замкнутыя палаты: дворянства, духовенства и средняго сословія. Самое бо́льшее, если при двухпалатной системѣ дворянство, и притомъ высшее, лично призывается къ участію въ законодательной дѣятельности въ лицѣ главъ отдѣльныхъ аристократическихъ родовъ, предки которыхъ также получали отъ королей «призывныя письма».

Нѣкоторое время аристократическая по своему составу камера продолжаетъ играть первенствующую роль. Но по мѣрѣ того, какъ среднее сословіе, подъ вліяніемъ роста промышленности и обмѣна, сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ руководи-

тельство производительными силами страны, питаемыми его капиталомъ и кредитомъ, нижняя палата пріобрѣтаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ верхней, и прежде всего—въ сферѣ налогового обложенія и финансоваго хозяйства. Отсюда возникшее впервые въ Англіи и принятое многими государствами, какъ стараго, такъ и новаго материка, правило о томъ, что такъ называемые денежные билли поступаютъ на разсмотрѣніе по частямъ въ одну нижнюю палату; верхняя же только въ правѣ принять ихъ безъ всякихъ измѣненій, или отвергнуть цѣликомъ.

Въ ближайшемъ соотвѣтствіи съ эмансипаціей крестьянскаго люда отъ крѣпостной неволи и съ ростомъ общественнаго сознанія городскихъ и сельскихъ тружениковъ, съемщики земли, будутъ ли ими половники или фермеры и городскіе рабочіе, живущіе собственнымъ очагомъ, призываются къ участію въ политическихъ выборахъ. Ростъ избирательнаго права въ Англіи представляетъ именно такое расширеніе круга лицъ, допускаемыхъ къ урнамъ. Наслѣдственные и срочные арендаторы (копигольдеры и фермеры) па разныхъ условіяхъ съ 1832 г. попадаютъ въ число избирателей отъ графства; городскіе рабочіе, а за ними и сельскіе, голосуютъ на выборахъ начиная съ 1867-го года, но только тогда, если снимаемое ими жилище оплачивается ежегодно суммою не ниже 10 ф. стерлинговъ, т. е. приблизительно 100 руб.

На континентѣ Европы доступъ къ урнамъ въ первой половинѣ XIX столѣтія даетъ, какъ общее правило, платежъ прямой подати въ извѣстномъ размѣрѣ; но начиная съ 48-го года избирательное право все болѣе и болѣе приближается къ началу равнаго участія всего взрослаго мужского населенія. Такъ называемое всеобщее голосованіе изъ Франціи распространяется на Германскую Имперію, на нѣмецко-славянскія земли Австріи, на Бельгію, Швейцарію и Италію, въ которой оно ограничено еще требованіемъ грамотности. Въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ въ Финляндіи и въ западныхъ штатахъ сѣв. Америки, къ выборамъ допущены и женщины. Всеобщее голосованіе во второй половинѣ XIX-го вѣка завоевываетъ собою постепенно и американскій материкъ. Законодательныя палаты все болѣе и болѣе становятся представителями, если не всего населенія, то его большинства. Постановка же на очередь вопроса о пропорціональномъ представительствѣ и отдѣльныя попытки успѣшнаго проведенія его въ жизнь даютъ основаніе надѣяться, что составъ народныхъ палатъ отразитъ на себѣ въ близкомъ будущемъ наличность въ томъ или другомъ государствѣ, если не всѣхъ, то господствующихъ теченій общественной мысли.

Параллельно съ замѣной сословнаго представительства классовымъ и народнымъ, происходитъ и замѣна привилегій отдѣльныхъ сословій общей гражданской правоспособностью. Она въ большей или меньшей степени открываетъ собою въ разныхъ странахъ однѣ и тѣ же возможности для отдѣльной личности проявлять свою автономію физическими дѣйствіями, а также словомъ, письмомъ и печатью. Свобода отъ задержанія иначе, какъ по суду, и свобода выбора религіи и культа должны считаться древнѣйшими проявленіями этой общегражданской правоспособности; къ нимъ со временемъ присоединились другіе виды свободы, какъ-то: свобода слова, письма и печати, свобода союзовъ и собраній, неразрывно связанная съ свободой петицій. Совокупность всѣхъ этихъ свободъ образуетъ то, что нѣмецкіе публицисты называютъ субъективными правами, а французскіе—необходимыми вольностями.

Можно было бы думать, и такой выводъ дѣлаемъ былъ писателями такъ называемой либеральной школы, что послѣдствіемъ расширенія личной автономіи явится сокращеніе сферы вмѣшательства государства. Прогрессъ рисовался ихъ воображенію въ формѣ ограниченія функцій правительственной власти однѣми заботами о безопасности и правосудіи. Такая точка зрѣнія была бы правильной, еслибы ходъ развитія гражданственности не обогатилъ государства переносомъ на него многихъ функцій, ранѣе всецѣло осуществлявшихся семейными союзами, церковью и сословными организаціями: заботъ объ общественномъ призрѣніи и воспитаніи. Борьба съ нищенствомъ и безработицей въ такой же степени, какъ и съ народной темнотой, перешла отъ семьи и церкви не къ однѣмъ лишь свободнымъ ассоціаціямъ, устраиваемымъ съ этой цѣлью, но и къ государству, все болѣе и болѣе проникающемуся той мыслью, что ему необходимо обезпечить своимъ гражданамъ какъ право на трудъ, такъ и возможность начинать борьбу за существованіе въ одинаково благопріятныхъ условіяхъ, т. е. при ознакомленіи, хотя бы элементарномъ, съ тою суммою знаній, которая обнимается современной культурой. Англичане передаютъ эту точку зрѣнія словами «equal start». Общедоступная народная школа одна въ состояніи удовлетворить этому требованію. Современное государство, такимъ образомъ, включаетъ въ число своихъ задачъ и заботы о благосостояніи, въ смыслѣ обезпеченія каждому возможности зарабатывать жизнь трудомъ и пріобрѣтатъ общее образованіе.

Сказавши, что типъ новаго государства построенъ на на-

чалѣ представительства населенія и автономіи личности, мы оставили пока въ сторонѣ вопросъ и о формахъ правленія, и о томъ различіи, какое представляютъ государства только конституціонныя и государства парламентарныя, наконецъ тѣ, которыя восполняютъ порядки представительнаго устройства возможными въ современныхъ условіяхъ формами прямого народоправства. Въ этомъ отношеніи послѣднія два столѣтія болѣе предшествовавшихъ имъ во времени содѣйствовали приближенію государственныхъ порядковъ къ тому началу самоуправленія или завѣдыванія народомъ его собственными судьбами, какое мы находимъ въ начальный періодъ государственной жизни при существованіи системы такъ называемаго прямого народоправства. Начало самоуправленія выходитъ изъ узкой сферы села, города и высшаго административнаго подраздѣленія, будетъ ли то графство или провинція подъ тѣмъ или инымъ наименованіемъ. Оно распространяется на все государство. Средствомъ къ тому является передача въ руки комитета отъ большинства палаты или палатъ, смотря по тому, имѣется ли единое народное представительство, или оно раздѣлено на двѣ камеры, не только контроля за администраціей, но и самаго руководительства, какъ внутренней такъ и внѣшней политикой. Такой комитетъ объединенъ общей программой, совпадающей, въ главныхъ чертахъ, съ направленіемъ, котораго придерживается большинство въ палатѣ или палатахъ. Отвѣчая каждый въ отдѣльности за дѣйствія, совершенныя его агентами въ предѣлахъ ввѣреннаго ему вѣдомства, членъ кабинета—министръ или главноуправляющій, часто также начальникъ административной коллегіи,—связанъ круговою порукою съ другими членами кабинета во всемъ, что касается отвѣтственности за его общую политику. Не отказомъ въ скрѣпѣ исходящихъ отъ кабинета приказовъ, а однимъ только выходомъ въ отставку можетъ министръ въ странахъ, придерживающихся парламентаризма, освободить себя отъ отвѣтственности за дѣйствія, исходящія отъ всего кабинета. Политическая отвѣтственность имѣетъ своимъ послѣдствіемъ для всѣхъ его членовъ выходъ въ отставку каждый разъ, когда большинство палаты или палатъ выскажетъ свое неодобрительное отношеніе къ нему непринятіемъ исходящихъ отъ кабинета законодательныхъ предложеній или же спеціально принятымъ по отношенію къ нему вотумомъ недовѣрія. При наличности солидарнаго правительства, члены котораго взяты изъ состава палатъ и связаны круговой отвѣтственностью, самоуправленіе народа достигается одинаково какъ при республиканской, такъ и при монархической формѣ прав-

вленія. Между парламентарной монархіей Англіи и парламентарной республикой Франціи, какъ мы уже сказали, больше сходства, чѣмъ между тою же республикой и конституціонными порядками Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, въ которыхъ министры являются ставленниками президента или, сотвѣтственно, губернатора, и не связаны солидарной отвѣтственностью ни передъ палатами, ни передъ президентомъ или губернаторомъ, почему во всякое время могутъ лишиться своихъ должностей по волѣ назначившаго ихъ главы исполнительной власти.

Тогда какъ парламентскимъ режимомъ достигается передача въ руки если не самого народа, то его представителей, политическаго руководительства страною, такъ называемымъ референдумомъ и прямымъ законодательнымъ почином̆ъ представительный строй приближается къ вѣчевому. Ни одинъ прошедшій черезъ палаты законопроектъ не становится общеобязательной нормой ранѣе принятія его большинствомъ избирательныхъ собраній по округамъ (референдумъ) и сами представительныя собранія призываются къ разсмотрѣнію только тѣхъ проектовъ закона, желательность которыхъ признана большинствомъ тѣхъ же избирательныхъ собраній по округамъ (прямой государственный починъ). Различіе монархіи и республики сказывается лишь въ слабой степени на вопросѣ о приближеніи представительнаго строя къ прямому народоправству. Референдумъ не только существуетъ въ отдѣльныхъ штатахъ Сѣв. Америки, кантонахъ всей Швейцарской федераціи, но о введеніи его поднятъ былъ вопросъ и въ монархическихъ Бельгіи и Англіи. Въ первой король Леопольдъ II высказался за желательность обращенія къ нему каждый разъ, когда между законодательными палатами и главой исполнительной власти возникнетъ разномысліе на счетъ пользы вотированнаго камерами закона. Королевское вето, согласно мысли короля Леопольда, должно являться тормазомъ для палатъ, но только подъ условіемъ, если избиратели, собранные по округамъ, выскажутся также въ смыслѣ, неблагопріятномъ закону. Въ Англіи во время недавнихъ препирательствъ между палатами, верхней палатой высказано было желаніе предоставить народному референдуму рѣшеніе спора о томъ, въ какой мѣрѣ вето палаты лордовъ можетъ препятствовать обращенію въ законъ проекта, прошедшаго череъ нижнюю палату и получившаго королевскую санкцію. Въ отношеніи къ одному лишь почину самихъ избирателей въ выборѣ предметовъ законодательнаго творчества, монархіи и по настоящій день рѣзко расходятся съ республиками; онѣ отрицаютъ за народомъ воз-

можность такого почина, предоставляя его, какъ общее правило, правительству и палатамъ; въ послѣднемъ случаѣ инициатива исходитъ или отъ опредѣленнаго закономъ числа депутатовъ, или отъ любого представителя, подъ условіемъ, чтобы его предложеніе встрѣтило поддержку по меньшей мѣрѣ въ одномъ его товарищѣ.

Парламентаризмъ, референдумъ и прямой законодательный починъ нашли осуществленіе лишь за послѣднія два столѣтія; но тяготѣніе къ нимъ сказывается и въ болѣе раннюю эпоху. Въ XIII и XIV ст. англійскій парламентъ и генеральные штаты иногда высказывались въ пользу дѣятельнаго управленія страною лицами, выбранными палатами. Созванный въ Оксфордѣ парламентъ 1258 г. получилъ названіе сумасшедшаго въ виду своей готовности навязывать королю его ближайшихъ совѣтниковъ. Генеральные штаты 1355 г. въ свою очередь озаботились мыслью о передачѣ въ руки избранныхъ каждою изъ сословныхъ палатъ главноуправляющихъ налогами не только финансоваго управленія, но и общаго руководительства внутренней политикой.

Что касается до референдума и прямого законодательнаго почина, то отдаленнымъ приближеніемъ къ нимъ является и французская конституція 1793-го года, признававшая за избирательными собраніями округовъ право вето по отношенію къ вотированнымъ представителями законамъ, и тѣ аппеляціи къ народу въ формѣ плебисцита, начало которымъ было положено въ эпоху первой Имперіи и которыя снова ожили во Франціи въ царствованіе Наполеона III-го.

Ростъ государственныхъ порядковъ наглядно выступаетъ и въ ускорившемся за послѣднее столѣтіе развитіи федерацій или союзныхъ государствъ. Этотъ порядокъ политическаго устройства, по вѣрному замѣчанію одинаково Монтескье и Руссо, даетъ возможность примирить выгоды автономіи съ преимуществами, обезпечиваемыми обширностью территоріи и многочисленнымъ населеніемъ, съ которыми неразрывно связана оборонительная сила государства. Въ древности центральныя силы сдерживаемы были ничѣмъ неограниченной властью восточнаго деспота или сената главнаго города, будетъ ли то Кареагенъ или Римъ. Въ меньшей степени то же единство скорѣе внѣшней, чѣмъ внутренней политики достигалось гегемоніей, осуществляемой Аѳинами по отношенію къ городамъ Аттики и островамъ Архипелага, а Спартой—по отношенію къ Пелопонесу. Въ позднѣйшее время

той же цѣли служили союзы Ахейскій и Этолійскій. Въ средніе вѣка Священная Римская Имперія также обнаруживала стремленіе къ объединенію всѣхъ западныхъ народовъ въ борьбѣ ихъ съ мусульманскимъ востокомъ и ту же задачу не разъ принимало на себя соперничавшее съ императорами папство, особенно въ эпоху Григорія VII и Иннокентія III. О болѣе или менѣе продолжительныхъ союзахъ между городскими республиками или отдѣльными княжествами заходитъ рѣчь въ XII и XIII ст., въ самый разгаръ борьбы папъ съ императорами и перваго проявленія національной обособленности Италіи. Папы становятся во главѣ Ломбардской лиги, ведущей борьбу съ Фридрихомъ Барбароссою, и принуждаютъ его къ заключенію Констанцскаго мира, обезпечившаго итальянскимъ городскимъ республикамъ возможность автономнаго развитія ихъ учрежденій. Вторая лига, участіе въ которой принимаютъ и города Тосканы, направлена противъ Фридриха II и также пользуется покровительствомъ папъ. Въ борьбѣ съ имперіей возникаетъ и тотъ союзъ лѣсныхъ кантоновъ, вскорѣ попадающій въ зависимость отъ городскихъ республикъ Берна, Цюриха и Базеля, въ которомъ надо видѣть зародышъ современной швейцарской федераціи. Опять-таки въ тѣсной связи съ національной и религіозной обособленностью протестантскихъ земель Австрійскаго дома, возникаетъ, въ борьбѣ съ католической Испаніей, и конфедерація свободныхъ Нидерландовъ, этотъ прототипъ перваго союзнаго устройства отпавшихъ отъ Англіи американскихъ колоній. Не ранѣе 1787-го года возникаетъ въ средѣ федеративныхъ государствъ новый типъ, какимъ долгое время остаются одни отдѣлившіеся отъ Англіи и провозгласившіе свою независимость Сѣверо-Американскіе Штаты. Вмѣсто того, чтобы довольствоваться однимъ взаимнымъ обязательствомъ содѣйствовать общей защитѣ денежными взносами и военными контрибуціями, Штаты, не отказываясь отъ своей автономіи, создаютъ общее для нихъ правительство въ лицѣ президента и двухпалатнаго конгресса. Послѣдній является одновременно представительствомъ населенія (нижняя палата) и представительствомъ правительствъ отдѣльныхъ штатовъ (верхняя палата или сенатъ). Созданіемъ верховнаго федеральнаго суда восполняется число властей, между которыми соглашеніемъ Штатовъ распредѣлены функціи общаго для нихъ правительства.

Американскій политическій строй въ теченіе XIX вѣка служитъ прототипомъ при организаціи англійскихъ колоній въ болѣе или менѣе автономные союзы—канадскій, австралійскій и южно-африканскій. Идея федераціи переносится и на Европейскій

континентъ. Она позволяетъ Германіи и Австріи примирить унаслѣдованную отъ среднихъ вѣковъ тенденцію къ мѣстной обособленности съ пробудившимся въ XIX вѣкѣ стремленіемъ къ національному единству. Въ какой мѣрѣ федераціи удастся побороть тѣ препятствія, какія представляетъ различіе расъ и религій, покажетъ ближайшая судьба Балканскаго полуострова. Что федерація мыслима и при различіи языковъ и христіанскихъ толковъ, это доказывается существованіемъ швейцарскаго союза, въ составъ котораго вошли какъ нѣмецкіе кантоны, такъ и французскіе и итальянскіе. Католицизмъ уживается въ ней съ кальвинизмомъ, цвингліанствомъ и лютеранствомъ. Возможно ли будетъ такое же мирное сожитіе магометанства и христіанства, тюркской, славянской, эллинской и румынской расъ, подъ условіемъ сохраненія каждой ея національной обособленности, мнѣ лично представляется сомнительнымъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока еще жива память о недавнихъ усобицахъ и вѣковѣчной враждѣ. Если Китаю суждено также стать федераціей, то мы въ правѣ будемъ сказать, что этой формѣ политическаго устройства предстоитъ сдѣлаться посредствующей ступенью между изолированнымъ суверенным государствомъ и лишеннымъ пока всякой санкціи для своихъ рѣшеній международнымъ союзомъ.

Идея этого международнаго союза, какъ не разъ указываемо было писателями по международному праву, въ томъ числѣ Лораномъ и Каченовскимъ, стала складываться еще въ средніе вѣка, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ христіанскаго католическаго міра. Она связана была съ существованіемъ папства и Священной Римской Имперіи. Съ реформаціей и сопровождавшимъ ее на разстояніи столѣтій паденіемъ Имперіи забота о поддержаніи международнаго согласія и мира пала на союзы великихъ державъ. Первымъ изъ нихъ по времени является Священный Союзъ, начало которому было положено на Вѣнскомъ конгрессѣ. Одно время онъ объединилъ собою восточную и среднюю Европу въ стремленіи препятствовать не только дальнѣйшимъ попыткамъ установленія всемірной монархіи, но также конституціоннымъ и національнымъ движеніямъ отдѣльныхъ народовъ и государствъ.

Торжествомъ этого двоякаго теченія былъ положенъ конецъ и самому существованію Священнаго Союза. Сорокъ восьмой годъ въ этомъ отношеніи является иниціаторомъ новыхъ политическихъ комбинацій, въ которыхъ на двухъ разныхъ концахъ оказались съ одной стороны Россія, съ другой сгруппировавшіяся около Англіи и Франціи государства средней Европы. Успѣшный для союзниковъ исходъ Крымской войны, сопровождав-

шейся объединенiемъ Италiи при содѣйствiи Францiи, пророчилъ бо̀льшую или меньшую продолжительность французской гегемонiи. Открывшаяся вскорѣ за тѣмъ борьба Пруссiи и Австрiи изъ-за раздѣла оторванныхъ отъ Данiи княжествъ могла бы только служить интересамъ второй Французской Имперiи, еслибы главный руководитель прусской политики не удовольствовался однимъ устраненiемъ имперiи Габсбурговъ изъ состава Германскаго Союза. Это позволило Пруссiи принять на себя всецѣло миссiю нацiональнаго объединенiя нѣмецкихъ народностей. Когда же препятствiемъ на этомъ пути явилась политика французскаго двора, послѣдовало столкновенiе 1870-го года, вызвавшее къ жизни новые союзы государствъ и народовъ. Тройственному союзу Германiи, Австрiи и Италiи противоставлено нынѣ тройственное соглашенiе Россiи, Францiи и Англiи. Новая система противовѣсовъ послужила къ обезпеченiю мира, но подъ тяжкимъ условiемъ напряженiя всѣхъ финансовыхъ силъ государствъ для созданiя небывалыхъ еще армiй и флотовъ. Раздѣлъ Африканскаго материка и сферъ влiянiя въ Азiи осложнилъ задачи обоихъ союзовъ великихъ державъ и сдѣлалъ ихъ равновѣсiе далеко неустойчивымъ; Италiя обнаруживаетъ несомнѣнное тяготѣнiе къ Францiи и Англiи, Россiя не прочь приблизиться къ Германiи, а Францiя повидимому не желаетъ углубить бездну отдѣляющую ее отъ Пруссiи.

Скоро ли существующiй дуализмъ европейтелихъ державъ смѣнится предсказываемымъ нѣкоторыми писателями, въ томъ числѣ Новиковымъ, европейской федерацiей,—въ настоящихъ обстоятельствахъ сказать трудно но образованiе ея, разумѣется, въ смыслѣ простого соглашенiя между самостоятельными государствами Европы, а не устройства ими какого-то общаго центральнаго правительства, во всякомъ случаѣ не представляется болѣе невѣроятнымъ, чѣмъ послѣдовавшее въ недавнее время сближенiе такихъ вѣковыхъ соперниковъ, какъ Англiя и Францiя, съ одной стороны, Англiя и Россiя—съ другой. Надо, прибавить, что европейскiй союзъ будетъ одновременно и мiровымъ, такъ какъ своими колонiями и протекторатами великiя державы распространили сферу своего влiянiя и на Азiю, и на Африку, и на Австралiю. Обособленную отъ нихъ политику вели однѣ Соединенные Сѣверо-Американскiе Штаты. Принципъ, впервые высказанный президентомъ Монро, заставлялъ ихъ ограничивать свою заботливость одними судьбами новаго континента, но такъ какъ Испанiя сохраняла на немъ еще часть своихъ исконныхъ владѣнiй и за одно съ Португа-

ліей продолжала обнаруживать вліяніе на политику южно-американскихъ государствъ, то Соединеннымъ Штатамъ волей-неволей пришлось войти въ столкновеніе съ этими державами, не выходя даже изъ рамокъ, поставленныхъ для нихъ политикой Монро. Съ каждымъ годомъ сѣверо-американская федерація обнаруживаетъ все болѣе и болѣе желаніе наложить руку не на одпѣ судьбы Вестъ-Индіи, всецѣло вошедшей въ сферу ихъ вліянія со времени успѣшной войны съ Испаніей, но и на Бразилію, которая съ момента провозглашенія республики потеряла прежнюю династическую связь съ Португаліей. Съ открытіемъ Панамскаго перешейка Соединеннымъ Штатамъ необходимо будетъ расширить сферу своего вліянія и на центральную Америку. Этого мало: американскому флоту, и въ настоящее время плавающему по Тихому океану, сообщеніе съ нимъ сдѣлается еще легче. Тогда въ судьбахъ Японіи, какъ и вновь возникающей южно-китайской республики, ему суждено будетъ играть вѣроятно не меньшую, а значительно большую роль, чѣмъ французскому или нѣмецкому, по всей вѣроятности—равную роли англійскаго флота.

И въ настоящее время китайская революція происходитъ подъ вліяніемъ Соединенныхъ Штатовъ. Это вліяніе пока идейное и вѣроятно финансовое; но оно можетъ сдѣлаться и политическимъ. Тогда великимъ державамъ Европы придется въ своей китайской политикѣ считаться не съ одной Японіей, но и съ Китаемъ и съ Соединенными Штатами. Изъ всего этого повидимому можно вывести только то заключеніе, что союзамъ отдѣльныхъ государствъ Европы предстоитъ въ будущемъ перейти въ международный союзъ, такъ какъ только при его существованіи мыслимо сохраненіе мира и упорядоченіе міровой промышленности и торговли. Поэтому, сколько бы ни нарушалось временными войнами и внутренними усобицами, вызываемыми центробѣжными стремленіями, то тяготѣніе къ замѣнѣ международныхъ столкновеній посредничествомъ, проведенію котораго въ жизнь должны содѣйствовать трактаты, недавно заключенные Америкой съ Франціей и Англіей, и вся дѣятельность какъ гаагской конференціи, такъ и междупарламентскихъ группъ и обществъ мира, мы все же, не впадая въ оптимизмъ, въ правѣ сказать, что политическая эволюція народовъ и государствъ сказывается не въ одномъ только смягченіи ужасовъ войны, но и во все болѣе и болѣе частой замѣнѣ ея соглашеніемъ заинтересованныхъ сторонъ, при прямомъ или косвенномъ участіи всѣхъ, нѣкоторыхъ или одного какого-либо члена международнаго союза.

Если въ началѣ политической эволюціи народовъ жизненнымъ принципомъ является тотъ, который гласитъ adversus hostem eterna auctoritas, то въ наши дни понятіе врага не только сведено къ однимъ фактическимъ участникамъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, но и въ сознаніе народовъ проникла необходимость въ мирное время распространять на иноземцевъ, проживающихъ въ предѣлахъ государства, многія изъ тѣхъ правъ, какими пользуются граждане, и въ то же время жертвовать благами мира лишь въ интересахъ сохраненія своей самостоятельности, цѣлости территоріальнаго и личнаго состава государства.

Если въ сферѣ внутренней политики забота объ обезпеченіи для народа свободы самоопредѣленія является рѣшающимъ мотивомъ, то въ сферѣ внѣшней тотъ же принципъ порождаетъ желаніе обезпечить прежде всего свободу участія во всѣхъ тѣхъ выгодахъ, какія представляетъ обмѣнъ продуктами собственнаго производства съ продуктами иноземными. Отсюда понятное стремленіе, предъявляемое государствами, не пользующимися протекторатомъ надъ тѣмъ или другимъ вассальнымъ или полувассальнымъ княжествомъ, обезпечить себѣ свободу рынка. Отсюда же неизбѣжное паденіе рано или поздно всякой протекціонной политики, какъ несогласной съ этимъ руководящимъ принципомъ и потому скрывающей въ себѣ сѣмя международныхъ раздоровъ и войнъ. По мѣрѣ того, какъ народное хозяйство изъ замкнутаго и самодовлѣющаго переходитъ въ міровое, государства становятся все болѣе и болѣе заинтересованными въ возможности свободнаго обмѣна, а потому одинаково враждебно настроены и къ открытымъ нарушеніямъ мира, и къ той прикрытой войнѣ, какую представляетъ собою искусственное удаленіе съ рынковъ ихъ товаровъ съ помощью защитительнаго, а тѣмъ болѣе запретительнаго тарифа. Судьбы мира такимъ образомъ тѣсно сплетены съ судьбами торговли.

Если въ наши дни войны вызываются погоней за новыми рынками, то немудрено, что конецъ имъ настанетъ только съ момента, когда какъ завоевательная, такъ и колоніальная политика государствъ не будетъ служить препятствіемъ для принятія ими системы открытыхъ дверей по отношенію ко всякому иноземному товару.

Подводя итогъ всему сказанному, мы полагаемъ, что политическій прогрессъ ведетъ въ конечномъ исходѣ къ созданію не объединяющаго человѣчество мірового государства, а автономныхъ политическихъ тѣлъ, вступающихъ между собою въ постоянные союзы или федераціи и побуждаемыхъ къ сохраненію мира хо-

зяйственнымъ расчетомъ, заботою о возможномъ развитіи своего производства путемъ расширенія обмѣновъ,—а это мыслимо только подъ условіемъ свободы рынковъ. Международный союзъ опирается поэтому на существованіе автономныхъ государствъ, объединяемыхъ каждое въ одно политическое цѣлое своимъ историческимъ прошлымъ и общностью интересовъ въ настоящемъ въ большей степени, чѣмъ единствомъ языка или единствомъ вѣры. Каждое изъ этихъ автономныхъ тѣлъ, будетъ ли имъ политически централизованное или федеративное государство, въ равной мѣрѣ построено на началѣ самоуправленія народа и самоопредѣленія личности, съ чѣмъ неразрывно связаны парламентскіе порядки и признаніе властью публичныхъ или, что то же, субъективныхъ правъ гражданъ. Стремленіе поставить въ обоихъ отношеніяхъ всѣхъ жителей государства въ равныя условія сказывается какъ въ заботливости государства о начальномъ даровомъ обученіи и фактическомъ обезпеченіи каждому гражданину, попавшему въ нужду, права на трудъ, такъ и въ возможномъ расширеніи круга лицъ, участвующихъ въ политическихъ выборахъ. Ко всѣмъ этимъ видамъ самоопредѣленія присоединяется, въ формѣ референдума или прямого законодательнаго почина, возможность личнаго воздѣйствія на законодательную дѣятельность народныхъ представителей, а въ формѣ всякаго рода ассоціацій и временныхъ или постоянныхъ союзовъ для достиженія опредѣленныхъ цѣлей—средство сдѣлать возможнымъ самоопредѣленіе не только для частныхъ лицъ или для всего народа, но и для посредствующихъ коллективныхъ группъ, профессіональныхъ, образовательныхъ, религіозныхъ, благотворительныхъ, научныхъ, художественныхъ и т. д. и т. д.

Будущее рисуется мнѣ, поэтому, въ формѣ прочной гармоніи не только частныхъ лицъ и отдѣльныхъ группъ, входящихъ въ составъ единаго національнаго и государственнаго цѣлаго, но и какъ постоянное согласіе и взаимное содѣйствіе въ міровомъ хозяйствѣ самостоятельныхъ государствъ и ихъ союзовъ. Съ точки зрѣнія этой конечной солидарности всѣхъ участниковъ международнаго общенія, вся прошлая эволюція человѣчества рисуется мнѣ постепеннымъ расширеніемъ той тѣсной замиренной среды, которою на первыхъ порахъ былъ родъ, основанный на материнствѣ и смѣнившемъ его со временемъ «отечествѣ». Родовая солидарность уступаетъ въ исторіи мѣсто племенной и народной; къ послѣдней же прибавляется и тотъ видъ общенія, какой существовалъ, положимъ, въ Римѣ по отношенію къ латинскимъ и италійскимъ союзникамъ, а въ древней

Греціи—по отношенію къ членамъ амфиктіоній, къ городамъ, островамъ и землямъ, признававшимъ гегемонію Аѳинъ и Спарты, позднѣе же всего къ участникамъ Ахейскаго и Этолійскаго союзовъ.

Всѣ эти виды общенія народовъ и государствъ встрѣчаютъ подобіе себѣ и въ средніе вѣка; но солидарность христіанскихъ народовъ сказывается въ это время еще съ большей силой въ представленіи о двухъ главахъ міра—папѣ и императорѣ. Съ распаденіемъ средневѣковаго строя и церковнаго единства ростъ солидарности сказывается въ созданіи политическихъ тѣлъ изъ разрозненныхъ княжествъ и городскихъ республикъ, объединяемыхъ общностью языка и національности, экономическими интересами и готовностью къ общей политической жизни. Образованіе особыхъ Французской, Испанской и Англійской націй является первымъ по времени выраженіемъ успѣховъ, достигнутыхъ этимъ новымъ проявленіемъ солидарности. Возникновеніе же федеральныхъ союзовъ бокъ о бокъ съ національными можетъ быть разсматриваемо, какъ дальнѣйшая ея стадія. Объединеніе, наконецъ, всѣхъ этихъ національныхъ и федеральныхъ союзовъ въ единый международный будетъ завершеніемъ всего процесса развитія и конечнымъ упроченіемъ идеи единства человѣческаго рода. Оно ограничено было предѣлами рода, націи и религіознаго сообщества (церкви). Расширенію круга солидарности не разъ препятствовали тѣ предубѣжденія, которыя наглядно сказывались въ запретѣ брачнаго и всякаго другого общенія. Такіе запреты появляются еще ранѣе образованія кастъ въ экзогаміи «тотемистическихъ группъ» и въ тѣхъ «табу», которыми создаются всякаго рода средостѣнія между дикарями.

По мѣрѣ того, какъ касты смѣняются менѣе замкнутыми сословіями, а послѣднія уступаютъ мѣсто измѣнчивымъ по своему составу классамъ, падаетъ главное препятствіе къ росту солидарности въ средѣ отдѣльныхъ народовъ и одно только противопоставленіе бѣдности и богатства поддерживаетъ рознь и является препятствіемъ для гражданскаго общенія.

Солидарность растетъ, такимъ образомъ, одновременно и въ средѣ государствъ, и въ ихъ отношеніяхъ между собою. Все, что въ состояніи будетъ ослабить рознь между имущими и неимущими, въ такой же степени обезпечитъ торжество солидарности внутри государства, въ какой упраздненіе монополій, созданныхъ въ средѣ международнаго обмѣна завоеваніемъ, колоніальной политикой, протекторатами и разграниченіемъ сферъ вліянія, доставить побѣду той же солидарности въ международныхъ отношеніяхъ.

*

Мы намѣтили только общіе контуры той картины, какую представлетъ собою, въ тѣсной связи съ экономическимъ развитіемъ и порождаемымъ имъ ростомъ солидарности, эволюція государства и международнаго союза. Начертанный нами планъ легко можетъ быть проведенъ въ подробностяхъ, какъ при изложеніи исторіи отдѣльныхъ народовъ, такъ и тогда, когда рѣчь зайдетъ о ростѣ всего человѣчества.

Детальная разработка вопроса очевидно не входитъ въ нашу задачу. Соціологъ устанавливаетъ одни верховые столбы, указызываетъ общую тенденцію, приводя каждый разъ свои выводы въ соотвѣтствіе съ другими, столь же общими. Заканчивая эту статью, мы въ правѣ будемъ сказать, что политическая эволюція стоитъ въ тѣсной связи съ экономической и, подобно ей, отражаетъ на себѣ ростъ человѣческой солидарности.

Максимъ Ковалевскій.

ИЗЪ ГОЛОДНАГО КРАЯ.

Письмо въ редакцію.

Поднялись изъ Саратова и ѣдемъ по холмамъ, которые тянутся вдоль праваго берега Волги. Дуетъ стремительный сѣверо-восточный вѣтеръ,—это, поистинѣ, божеское наказаніе здѣшнихъ мѣстъ. Сѣверовосточный вѣтеръ можетъ дуть дни и ночи непрерывно въ теченіе нѣсколькихъ недѣль съ монотонной злостью, съ поющимъ воемъ, навѣвая жуть и тоску. Вотъ и теперь: до чего все печально вокругъ! Тускло свѣтитъ солнце на мглистомъ, морозномъ небѣ, далеко во всѣ стороны разстилаются холмы и буераки, а яростный вѣтеръ вьетъ и мечетъ по всему пространству поземку. На горбахъ холмовъ вѣтеръ смелъ снѣгъ до чиста. Темнѣетъ лишь, какъ тусклое стекло, тонкая корка льда, а надъ ней желтѣетъ щетина прошлогодней травы. Тонкія колосинки дрожатъ быстрой дрожью, и снѣжная пыль несется надъ ними съ тонкимъ визгомъ. Встрѣчаются кусты ивняка. Трясясь, гнутся они подъ вѣтромъ всѣ въ одну сторону, и звукъ отъ нихъ несется громкій, густой, какъ неутѣшный плачъ хора женщинъ. А рѣдкіе перелѣски черныхъ, голыхъ деревьевъ гудятъ ровнымъ, боевымъ гуломъ.

Морозъ отъ вѣтра сдѣлался живымъ, злымъ, быстрымъ и хитрымъ. Бороться съ нимъ приходится заботливо и непрерывно. То бросается онъ кусать ноги, то жгучей струйкой вонзается въ затылокъ. Онъ находитъ невидимыя щели и ходы. Кутаешься, поджимаешься, а вѣтеръ злорадно воетъ въ ухо.

Можетъ быть, отъ этого злого воя, стремительной поземки и мутнаго неба кажется все печальнымъ, унылымъ. Печальными кажутся мужики, попадающіеся навстрѣчу. Лежатъ они, желтѣя полушубками, на днѣ неудобныхъ розвальней и вялыми, унылыми глазами смотрятъ на насъ. А если ямщикъ мой спроситъ о дорогѣ, одинъ

какой-нибудь выскочитъ, услужливо подбѣжитъ, говоритъ слабымъ, добрымъ голосомъ и смотритъ печально и ласково.

Вотъ баба въ мужскомъ полушубкѣ, подпоясанномъ кушакомъ, ведетъ на веревкѣ рыжую корову, а сзади плетется мужикъ въ желтомъ овчинномъ тулупѣ. Вѣтеръ осыпаетъ ихъ густой снѣжной пылью. Поровнявшись съ нами, всѣ трое вразъ смотрятъ на насъ: и баба поворачиваетъ лицо, укутанное платкомъ, и корова повернула голову, и мужикъ отвернулъ уголъ воротника, и у всѣхъ одинаковая, покорная, усталая печаль во взглядѣ, и всѣ трое одинаково худы, болѣзненны, унылы. Ведутъ, конечно, въ городъ продавать...

Лошади въ ложбинкахъ проваливаются въ ломкомъ заледенѣломъ снѣгу, стучатъ копытами на темныхъ, земляныхъ горбахъ холмовъ. Плетемся вверхъ, а на вершинѣ холма впереди вдругъ появляются два крылатыхъ человѣка. Снѣжная пыль завивается вокругъ нихъ, и они медленно нисходятъ къ намъ навстрѣчу какъ бы въ облачномъ одѣяніи. Подошли близко. Оказалось—не крылья у каждаго за спиной, а обыкновенная пила. На рукѣ виситъ топоръ. Должно быть пилили и кололи гдѣ-нибудь дрова.

— Эй, отецъ!—крикнулъ одному изъ нихъ ямщикъ,—гдѣ тутъ въ Мергичевку проѣхать, а?—Мужиченко въ рваномъ полушубкѣ и ушастой шапченкѣ подошелъ къ возку. На насъ глянуло обмерзлое, доброе, смирное, измученное лицо съ чахлой желтенькой бородой и голубыми, плачущими отъ мороза глазами.

— А вотъ на горку взъѣдете, будетъ одна дорога налѣво. Вы по ней не ѣзжайте,—сказалъ онъ сиплымъ, какъ бы упрашивающимъ голосомъ,—по ней не ѣзжайте. А направо будетъ на горкѣ столбъ съ крестомъ. Прямо на него держите. А потомъ все прямо.

И, замолчавъ, онъ смотрѣлъ на насъ съ такимъ участливымъ видомъ, какъ будто сильно жалѣлъ, что не требуется для насъ отъ него услуги потруднѣе и поважнѣе этого пустяка.

Проѣхали столбъ съ крестомъ, долго ѣхали по торной дорогѣ. Но вѣтеръ на этой большой равнинѣ съ такой энергіей гналъ снѣгъ съ востока на западъ, что дорога подъ ногами лошадей блѣднѣла, блѣднѣла и, наконецъ, исчезла. Возокъ началъ прыгать по кочкамъ, проваливаться въ рытвины. Ямщикъ, привставая, озиралъ мутную даль равнины.

— Ну, и дороги у насъ!—повернулся онъ ко мнѣ,—не дай Богъ ночью. Пропадешь.

Поглядѣлъ я на вереницу однообразныхъ холмовъ съ пятнами скудныхъ перелѣсковъ, на всю эту бѣлесую, льющуюся отъ горизонта къ горизонту безрадостную картину, и понялъ тѣ обычные разсказы о замерзаніяхъ и блужданіяхъ, которые, уже начиная съ

Саратова, сталъ слышать въ изобиліи. Тамъ едва не замерзъ докторъ, въ другомъ мѣстѣ едва нашли черезъ двадцать часовъ техника, который сталъ уже засыпать предсмертнымъ сномъ, въ третьемъ мѣстѣ засыпало снѣгомъ телеграфиста. А о мужикахъ и говорить нечего: блуждаютъ, замерзаютъ подъ бокомъ своего села чуть ли не ежегодно. Обычная, привычная бѣда, какъ лѣтніе пожары. И когда вспоминаютъ о бѣдахъ деревни и о тяжести труда сельской интеллигенціи, не мѣшаетъ имѣть въ виду и этотъ добавочный штрихъ.

Ну, вотъ и Мергичевка или, вѣрнѣе деревня Мергичевъ Буеракъ, Саратовскаго уѣзда. О ней сказали мнѣ въ Саратовѣ, что она сильно пострадала отъ неурожая и что въ ней открыты общественныя работы. На улицѣ пусто. Свиститъ вѣтеръ по соломѣ крышъ и гонитъ черезъ деревню снѣжную пыль. Приземистыя избы смиренно, тускло смотрятъ замерзшими окнами.

Вышелъ староста, пожилой, унылый, сутулый мужикъ въ замызганномъ полушубкѣ. Подошелъ старичекъ со стороны. Заботливо ввели лошадей во дворъ. А минутки черезъ три шелъ я съ табельщикомъ смотрѣть общественныя работы. Пристроился къ намъ еще какой-то деревенскій, черномазый парень, съ мрачной недовѣрчивостью на лицѣ. Сбѣжали мы по обледенѣлому скату въ глубокій оврагъ. Это и былъ Мергичевъ буеракъ, который подарилъ свое имя пристроившейся около него деревнѣ. А теперь онъ долженъ былъ подарить деревнѣ воду. Нѣтъ вокругъ деревни ни рѣченки, ни источниковъ. Въ оврагѣ устроили плотину. Весеннія сточныя воды будутъ задерживаться и образуютъ прудъ. Вода будетъ, конечно, не высокаго качества, но для деревни все же, должно быть, лучше, чѣмъ безводіе: хоть скотъ будетъ имѣть водопой. Посмотрѣли плотину. Ничего плотина, по зимнему виду судя—солидная.

— А съ той стороны, въ другомъ оврагѣ,—сообщилъ табельщикъ,—устроена другая плотина. Заработали кое-что мужики. Немного, конечно. Еще у насъ есть работа: дамбу строимъ черезъ оврагъ на курдюмовской дорогѣ. Ну, эта работа остановилась. Не идутъ мужики.

— Почему же?

— Да кто ихъ знаетъ,—уклончиво сказалъ табельщикъ,—несходно, говорятъ, дешево.

— А потому, что разсчету нѣтъ,—вдругъ съ ожесточеніемъ заговорилъ мрачный парень.—Обозначали пять рублей за кубъ. Вырой да отвези. А наковыряй-ка вонъ при этакомъ морозѣ. Мерзлая земля, словно камень. Ковыряешь, ковыряешь.

— Да ужъ, при этакомъ морозѣ дѣйствительно,—согласился табельщикъ, зажимая отъ свистѣвшаго вѣтра обѣими руками уши,—

вотъ и рядомъ—въ Зосимовкѣ, въ Фермяковкѣ, да вездѣ около — остановились работы. Не шлютъ денегъ. Ждемъ, ждемъ. Кабы совсѣмъ не прекратили.

Табельщикъ бравый. Съ черными кудрявыми волосами, съ черными усиками. На головѣ шапка подъ котикъ, на плечахъ куртка городского вида. Оказывается, не здѣшній: изъ Оренбургской губерніи.

— А сколько вы получаете—спрашиваю:—и сколько десятникъ?

— Рубль въ день. А десятникъ, не поймешь его—не то сорокъ, не то пятьдесятъ.

— И сейчасъ получаете?

— Да чего же подѣлаешь! — извиняющимся тономъ сказалъ онъ,—мы, вѣдь, не виноваты, что работы пріостановились. Какъ же намъ? Жить надо.

Разумѣется, рубль въ день или сорокъ рублей въ мѣсяцъ — жалованье не роскошное и укорять за него никто не станетъ; но суть не въ этомъ. Работы почти вездѣ по уѣзду (да и по всей губерніи) пріостановились: или отъ того, что мужики не идутъ на тяжелую работу, или (всего чаще) оттого, что ассигновки исчерпаны, а новыхъ денегъ изъ Петербурга не шлютъ. А тѣмъ временемъ немалый штатъ служащихъ, приглашенныхъ исключительно для общественныхъ работъ (техники, табельщики, десятники и проч.), продолжаетъ получать, въ общемъ, немалыя деньги въ видѣ жалованья. Они ни въ чемъ неповинны и уволить ихъ нельзя, пока въ Петербургѣ окончательно не рѣшатъ, слѣдуетъ ли продолжать работы и будутъ ли даны для нихъ деньги. Но все же странно и обидно, что значительная часть средствъ идетъ на нихъ, тогда какъ крестьяне оставлены «временно» (въ разгаръ зимы) безъ всякой помощи.

Въ избѣ старосты, низенькой и темной, собралась публика: нѣсколько мужиковъ, старики, писарь, бабы, дѣтишки. Сѣсть не на что было, такъ какъ мебель состояла изъ двухъ табуретокъ, и вся публика кольцомъ стояла передо мной, одинаково унылыми глазами поглядывая на меня и охотно отвѣчая на вопросы. Впрочемъ, какіе же вопросы, какіе отвѣты? Весь разговоръ состоялъ изъ печальныхъ, однообразныхъ жалобъ.

— Чего ужъ,—говорилъ наиболѣе словоохотливый старикъ,— голоднѣе нашей волости во всей округѣ нѣтъ. Урожая никакого не было. Все козара̀ поѣла.

— Козара̀—это кузнечики,—любезно пояснилъ чахлый заморенный писарь, стоявшій у печки.

— Все козара̀ поѣла,—продолжалъ старикъ,—все поѣла, какъ

съ огнемъ кто ходилъ, вотъ какъ палъ. Ни травы, ни хлѣба. У людей хоть въ прошломъ году уродилось хорошо, а у насъ который ужъ годъ. Измаяла козара. Пока зелено, быдто ничего, а выростетъ солома большая, колосъ пустой. Начисто козара выѣла. И никакого способа нѣту. Гонишь, оглянешься: козара какъ вода бѣжитъ. Староста вонъ косилъ, поглядѣлъ я: голенища не видать, облѣпила. Вонъ ее сколько, рази ее прокормишь. Прошлый годъ старуха моя солому согребала, я думалъ, она пѣсни поетъ, а она воетъ. Колосъ на полу, одну солому согребаетъ. Казнь, замучила насъ козара.

— Это вы, Ферапонтъ Василичъ, — шутливо бодрясь, сказалъ писарь отъ печки:—погрѣшили, видно, передъ Богомъ. За это.

— Богъ ее знаетъ. Это, Андреичъ, какъ говорится, и не знаешь, а согрѣшилъ.

И онъ продолжалъ разсказывать о козарѣ, о неурожаѣ, малоземельи, о своихъ немощахъ, а писарь, чахлый, блѣдный, кривой, въ затертомъ пальтишкѣ, болѣе несчастный, по наружности, чѣмъ мужики, видимо считалъ необходимымъ оживлять бесѣду шутками и все вызывалъ на своемъ сѣромъ, тощемъ лицѣ подобіе улыбки.

— Голодаемъ. Бѣднѣе насъ во всей округѣ нѣтъ,—говорилъ старикъ,—насъ вонъ въ избѣ-то шесть человѣкъ, а мнѣ семьдесятъ лѣтъ безъ году. Работникъ плохой и нездоровъ: рука вонъ неправа. Кто потверже, на работу на обчественную берутъ, а меня не принимаютъ, не могу противъ нихъ.

И староста, и другіе мужики, и бабы тихо, монотонно, вперемежку и вмѣстѣ говорили о томъ же: о неурожаѣ, малоземельи, долгой, невылазной нуждѣ.

— А больныхъ цынгой, тифомъ нѣтъ?—спросилъ я.

— Слава Богу, этого нѣтъ,—отвѣтилъ староста, — покамѣстъ здоровы.

Поглядѣлъ я на его изнуренное полубольное лицо, обвелъ глазами этотъ кругъ блѣдныхъ, печальныхъ, истощенныхъ лицъ, обращенныхъ ко мнѣ, взглянулъ на мальчика и дѣвочку съ восковыми личиками, которые робко терлись около ногъ старшихъ, и невольно подумалъ: «Не о больныхъ бы нужно спрашивать, а спросить бы ихъ: есть среди васъ здоровые»?

День Новаго Года. Дуетъ тотъ же сѣверо-восточный вѣтеръ, и мы ѣдемъ навстрѣчу ему въ сѣверо-восточный уголъ уѣзда. Снѣгъ въ ложбинахъ, черныя стѣны холмовъ, визгъ стремительнаго вѣтра,— все та же унылая картина. Но привязалось и преслѣдуетъ что-то новое. Какой-то настойчивый звукъ звенитъ въ ушахъ, какъ непрерывный, тоскующій вой фабричнаго гудка. Или — словно надсадный,

безконечный плачъ покинутаго ребенка. Ослабнетъ, и снова вой, надрывный, тоскливый. Боже мой, что же это, наконецъ, такое? А это, вотъ что. Ѣдемъ вдоль телефонныхъ столбовъ, и проволока подъ вѣтромъ плачетъ, кричитъ, какъ ребенокъ. Одна единственная проволока волшебной, говорящей ниточкой соединяетъ Саратовъ со всѣми селами уѣзда. Даръ культуры двадцатаго вѣка...

Въѣзжаемъ въ деревню Софьино. Обычная чистота на улицѣ. Домишки обвалены почти до крышъ навозомъ и обшиты сверхъ него досками, кольями. Окна наполовину скрыты навозомъ, и домишки кажутся больными, укутанными тряпьемъ, съ повязками на тусклыхъ глазахъ.

— Эй, гдѣ тутъ у васъ староста?—кричитъ ямщикъ. Кучка мальчугановъ бѣжитъ, кричитъ что-то, указываетъ вдаль руками. А впереди всѣхъ и усерднѣе всѣхъ мчится, прихрамывая, какой-то уродикъ. Ротъ раскрытъ. Онъ нѣмой и вопитъ что-то безсловесное. Одна рука парализована, болтается плетью, другою онъ съ дикимъ усердіемъ показываетъ впередъ и мчится, ковыляя, рядомъ съ лошадьми.

Ужъ не живой ли символъ усердной, нѣмой, покалѣченной деревни?..

У старосты обыкновенная избенка, обваленная навозомъ. И онъ, и сынъ его, рослый парень, съ усталымъ грустнымъ лицомъ, привѣтливо, съ добрыми словами и ласковыми интонаціями, ведутъ въ избу.

— Плохо. Совсѣмъ плохо у насъ,—разсказываетъ староста,—неурожай. Хлѣба почесть ни у кого нѣтъ. Не знай ужъ какъ и живутъ. Работу просили. Было препоручили: камень рыть. Искали, разрывали, хвать—его мало, не прокормишься. Способіе просили—не разрѣшаютъ. Плотину просили, для захвату воды: до весны, говорятъ, подождите, неудобно, говорятъ, земля мерзлая. Ріонный десятникъ тутъ былъ, просили мы родники оправить. До весны, говоритъ. А у насъ до того дошло безъ воды: выѣзжай хоть изъ деревни, званья нѣтъ.

— Просто бѣда, — подтвердилъ сынъ.—Въ одномъ родникѣ, вонъ сверху, оттоль вода до насъ доходила, а теперь травой заросло. Осталась вверху самая малость. Въ другомъ родникѣ ничего не осталось, скотина затоптала, пыряли другъ дружку. Ноги болѣли у скотины отъ этого самаго. И мы тутъ же вмѣстѣ воду брали.

— Просили казну, кабы помогла, не удѣлаетъ ли,—продолжалъ староста,—тогда можно жить, а то хоть выѣзжай. А ужъ живутъ-то, и говорить нечего. Вонъ нынче приходилъ одинъ—Митрій,—увидалъ на столѣ краюшку, чуть не заплакалъ. «Дай,— говоритъ,—не повѣ-

ришь, дома куска не осталось». А у него семеро. Чего ужъ тутъ, отъ послѣдняго дашь. Сидятъ, и выйти не въ чемъ. По міру пойти—надѣвки нѣтъ. Да куда и пойдешь-то? У всѣхъ нѣту ничего.

Попросилъ я его повести меня по бѣднымъ избамъ. Мы вышли на улицу.

— Да чего тутъ,—сказалъ онъ,—такъ кряду и заходи. У всѣхъ одно. Вотъ зайдемъ къ шабру [1]).

Съ печки глядѣлъ на насъ мужикъ въ красной рубахѣ, со всклокоченной, сѣдоватой головой. Въ полутемнотѣ не сразу разглядѣлъ я стоявшую посрединѣ избы женщину въ темномъ, линючемъ сарафанѣ. За нее цѣплялось трое-четверо дѣтей. Мальчикъ-подростокъ, блѣдненькій, глядѣлъ на насъ любопытными глазами.

— Дѣтей - то?—говорилъ мужикъ съ печки, стараясь придать голосу бодрости, почти веселость.—Вонъ они. Пятеро. Старшему пятнадцать. А это вотъ меньшой—два года ему.

— Меньше еще нѣтъ ли, поискать!—пошутилъ старшій мальчикъ.

— Не прячься!—съ больнымъ раздраженіемъ сказала женщина, вытаскивая за руку изъ-за своей спины чахлую, бѣлоголовую дѣвочку,—за вами пришли. Больно вы нужны. Вотъ возьмите ихъ.

— Ничего не было,—разсказывалъ съ печки хозяинъ о неурожаѣ,—ничего не собралъ. Телятникъ лѣтомъ пасъ, барину отдалъ за землю. Въ банкъ. Въ банкъ земля у насъ отошла. Надѣлъ—тридцатая была, а теперь разродился народъ, сажень пять на душу въ полѣ осталось. У банка снимаемъ.

— Ихи-хи,—говорила тѣмъ временемъ жена про дѣтей,—не понимаютъ. Поись просятъ—до свѣту. По куску—надо пять кусковъ. Хошь бы померъ который, смерть-то не беретъ. Вчера не ужинавши легли.

— Ну, чего ужъ,—укоризненно сказалъ отецъ,—и мы маленькими были.

— Вонъ Федюшка говоритъ,—продолжала пѣвучимъ, жалобнымъ голосомъ мать,—давай, мама, бѣлую сумку, пойду по міру просить. А куда пойдешь. Пулей не прошибешь. У всѣхъ нѣтъ. Хошь работы не будетъ ли, а то пропащее дѣло.

— А вотъ и грѣшимъ,—бодрясь и пробуя разсказывать шутливо, говорилъ съ печки отецъ.—Къ намъ, молъ, и смерть не заходитъ. Чего же подѣлаешь. Вонъ какой уже я работникъ, пятьдесятъ пятый годъ, а имъ обувку, одѣвку нужно.

— И на счетъ работы тоже,—жалѣющимъ тономъ сказалъ ста-

---

[1]) Шаберъ—сосѣдъ.

роста,—округъ работенки нѣтъ. Да куды вонъ онъ пойдетъ? Не въ чемъ.

Мужикъ на печи взялъ съ кирпичей рваный полушубокъ, показалъ намъ зіяющія дыры на рукавахъ, на спинѣ, подмышками, и какъ будто самого его внезапно пронзилъ видъ истлѣвшаго въ работѣ полушубка: слезы выдавились на его глазахъ, и онъ рыдающимъ голосомъ сказалъ:

— Вотъ онъ, разлѣзся весь, стыдно на улицу выйти...

— Я и баю,—продолжала свою жалобу женщина,—и поработать некуда, хошь помирай. Пра. Два раза поѣдятъ, и третій спросятъ.

— Эти-то что,—утирая глаза рукавомъ, говорилъ вмѣстѣ съ ней мужикъ,—ужъ безъ счету ѣдятъ.

И такъ вились, цѣплялись одна за другую безконечныя жалобы. Все тотъ же замкнутый кругъ нужды, и нѣтъ ни откуда ни просвѣта, ни надежды.

— Больныхъ цынгой и тифомъ нѣтъ на деревнѣ?—спросилъ я на улицѣ у старосты.

— Теперь, слава Богу, будто нѣтъ, не слыхать. Померло тутъ вотъ человѣкъ шесть, вродѣ этимъ. Теперь будто нѣтъ.

Вошли во вторую избу. Семья сидѣла у стола, хлебали изъ дымящейся чашки какую-то бѣловатую тюрю. Сѣрыя, сплюснутыя лепешки лежали на столѣ.

— А, обѣдаете!—весело сказалъ староста,—и лепешекъ спекли. А то вчерась ничего не было.

Пожилой мужикъ въ красной рубахѣ и жилетѣ, прихрамывая, поспѣшно вскочилъ.

— Кумъ Володимеръ далъ,—какъ бы извиняясь за глинистыя лепешки, сказалъ онъ—и у него-то пуда полтора. «Давай, говорю, не помирать».—«Бери ужъ», говоритъ.

— На пироги[1])-то не хватило,—пояснила жена,—ну, надо лепешки.

— Сподобилъ, посѣялъ,—разсказывалъ хромой хозяинъ,—градомъ побило, все начисто. Никогда я этакъ не колотился. Шестой десятокъ доходитъ. Конечно, помоложе былъ. Вонъ гнусь, а нога-то не гнется, на мельницѣ сломалъ, срослась, а дѣйствія того нѣтъ. Не придумаю, что и дѣлать. Не отъ добра лошаденку продалъ.

Онъ вдругъ заплакалъ и плачущимъ голосомъ продолжалъ:

---

1) Пирогомъ въ Саратовской губерніи называютъ всякій хлѣбъ изъ бѣлой или сѣрой муки. Хлѣбомъ называютъ исключительно «ржаной хлѣбъ».

— Не хотѣлось крестьянство нарушать, ну, ничего не подѣлаешь. Вотъ какъ бился весь этотъ годъ, съ прошлой зимы. На службѣ на военной былъ—этакъ не бился. Пожаръ еще подшибъ. Подъ самое Рождество о прошлый годъ. Сами-то чуть не сгорѣли, изъ окошка выскочили; спимъ—не слышимъ. Да ужъ сгорѣть бы, все—лучше. Ежели бъ не добрые люди... Ѣзжу лѣтось по деревнямъ, кто несетъ ведерко, кто въ чемъ, сыпютъ, а я держу мѣшокъ, изъ рукъ выпадаетъ, слезы льютъ, не вижу ничего. «Чего, говорятъ, плачешь, проживемъ какъ ни на есть». Эхъ!.. Избенку хотѣлось сконодобить, лѣтомъ-то и туды, суды ѣздилъ, ни отъ чего не отказывался, и самъ-то измаишься, и лошадь-то мокрая, чуть дышитъ. Ну, вотъ, загонялъ, продалъ. Ничего не осталось. Какъ жить будемъ, какъ жить будемъ...

Вошелъ мужикъ, высокій, статный, съ темнорусой бородой и густыми волосами. Старинный, забѣднявшій бояринъ по облику; въ заношенномъ полушубкѣ.

— А вотъ и кумъ Володимеръ,—сказалъ хозяинъ,—у него вотъ мучки попросилъ. Вотъ у него.

— У самого немножко, говорю,—застѣнчиво подтверждалъ сосѣдъ,—ну, возьми пудикъ.

Двѣ дѣвочки, блѣдныя, болѣзненныя, бросивъ ѣсть, не сводили съ насъ глазъ. И мужъ съ женой не рѣшались ѣсть.

— Да вы дообѣдывайте, дообѣдывайте, — говорилъ нѣсколько разъ староста.

Хозяинъ, ковыляя, побѣжалъ на черную половину избы.

— Вотъ и чай себѣ завели какой!—воскликнулъ онъ, показывая сухіе стебли какой-то сѣрой, длинной травы,—травка, душицей называется. Отъ удушья, отъ кашля способна.

— А вонъ у меня шабры, — улыбаясь, сообщилъ кумъ Володимеръ,—съ малиннику кустовъ наломали сухихъ. Пьютъ.

— Вотъ это ужъ подло, — съ неожиданнымъ одушевленіемъ вмѣшалась хозяйка,—отъ малины сердце щиплетъ. А это мягчитъ.

— Послѣднюю корову продалъ, — разсказывалъ сосѣдъ Володимеръ, — отдалъ въ банкъ за землю. А они еще наложили. Двадцать рублей за тридцатку стали гнуть.

— Тутъ и урожай—не уплатишь.

— На каждой былинкѣ по три колосинки, и то не выплатишь.

— Двадцать рублей—тридцатка,—высчитывали они оба, разгораясь негодованіемъ, — семь рублей сѣменное, паръ парить три рубля. Вотъ они—тридцать рублей. Не выплатишь.

— Давись, прямо давись.

— У банка вся земля. Вспомогательный банкъ насъ поддерживаетъ.

— Слава Богу, поддерживаетъ теперь насъ!...

— Хуже не было!..

То со слезами, то съ больнымъ смѣхомъ, взмахивая безнадежно руками, долго перечисляли они свои бѣды, изъ которыхъ не видѣли выхода.

— Зайдемъ-ка вотъ къ Митрію,—сказалъ мнѣ на улицѣ староста,—говорилъ я вамъ давеча про него, утромъ-то приходилъ. Хуже его не сыскать.

Мы вошли въ черную половину. Въ ней, какъ и во всѣхъ избахъ, было темно, пахло кислымъ, виднѣлись наваленныя на чемъ-то лохмотья.

— Ну, что, Митрій, давешнюю краюшку съѣлъ? — шутливо сказалъ староста.

Высокій, худой человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ глядѣлъ изъ темноты.

— Съѣлъ,—отвѣтилъ онъ, улыбаясь.

— А мы за ней пришли!

— Проходите суды, милости просимъ, — провожалъ насъ хозяинъ въ чистую половину.—Ничего нѣтъ,—кратко и грустно сказалъ онъ.

— У людей-то стряпаютъ,—заговорила жена,—а у насъ поѣли кусочекъ, а больше нѣтъ. Бѣднѣй-то насъ ужъ и нѣту. Рыженькій вонъ,—указала она на сынишку,—не ѣлъ нынче. Говорю: доѣшь кусочекъ. «Не хочу, мамынька». И по міру-то не къ кому идти. Всѣ голодны. И не въ чемъ. Гдѣ бѣдно, тутъ и дѣтей много. Вотъ думаю каждый день: хоть-бы померли. Живутъ и живутъ.

— Меньшой—хворый у насъ, — подхватилъ слова жены хозяинъ,—хворый, недугъ идетъ изъ ушка, косточка выпала. Вонъ, въ родѣ какъ гніетъ. Далъ докторъ капель — неспособно. А одинъ вонъ старшой, нѣмой, и рука безъ движенья. Припадочный въ родѣ былъ. Бывало, накроетъ на него, рукой бьетъ и ногой бьетъ. Двѣнадцатый годокъ ему. — Знамо ужъ, онъ глупый, — заговорила женщина.—Грѣшница: бьемъ его—не понимаетъ. Ѣстъ, салазки не дѣйствуютъ, изъ роту вываливается. За грѣхи видно, за наши.

Я поднялъ глаза отъ записной книжки и увидѣлъ около печки взлохмаченнаго, босого паренька, въ красной, рваной рубахѣ и замызганномъ въ дырьяхъ жилетѣ. Онъ изумленно, широкими глазами глядѣлъ на меня, нижняя челюсть отвисла. Это былъ тотъ нѣмой, который недавно бѣжалъ около нашего экипажа.

— А онъ у васъ не совсѣмъ глупый,—сказалъ я,—онъ намъ дорогу къ старостѣ указывалъ. Понялъ. Добрый и услужливый.

Отецъ съ матерью просіяли.

— Онъ понимаетъ,—оживленно и любовно сказалъ отецъ, — онъ много понимаетъ. Скажешь ему узду принести али что, сейчасъ сдѣлаетъ.

— А я его часъ и минуту ругаю, — торопилась мать сказать про сына что-либо хорошее, — такъ онъ, не ругай, говоритъ, знаками вотъ этакъ показываетъ, не ругай, говоритъ, а то удавлю, баитъ [1], тебя.

И она, смягченно вздохнула, добавляя:

— У кого дѣтей нѣтъ, и грѣха нѣтъ. Чулчишекъ вонъ у него нѣтъ. Сапоги кое-какъ свеpетенѣли, на босу ногу ходитъ.

Уродикъ, слыша разговоръ о себѣ, подошелъ къ отцу и забилъ голову къ нему подъ мышку, выглядывая оттуда ясными, чистыми глазами безъ мысли, какъ у звѣрька. Хозяинъ, гладя его по головѣ, вспоминалъ бѣду за бѣдой.

— Прошлой зимой отецъ у меня замерзъ. Пошелъ по міру въ Новую Алексѣевку, нѣтъ и нѣтъ его. Назадъ-то идти, метель. Не надо бы идти, пошелъ. Всю зиму подъ снѣгомъ пролежалъ. Весной нашли, птица глаза выклевала. Хоронили на седьмой недѣлѣ поста. Мать съ этого удара пошла и пошла — умерла. Шесть лошадей пало. Какъ ни куплю—пала.

— Ни лошади, ни овцы, ни коровы теперь, — жаловалась жена,—только дѣтей полна изба.

Перешли мы еще въ одну избу. Та же нужда, тѣ же печальныя слова. А дальше и ходитъ не нужно было. Слухъ о пріѣзжемъ, видимо, уже пробѣжалъ по деревнѣ. Въ избу набрались старики, мужики. Кольцомъ стояли они передо мной и говорили вразъ и по одиночкѣ, подогрѣвая и разстраивая другъ друга горькими разсказами.

— Камень копать! А въ чемъ выйдешь? Вотъ оно!—потрясалъ одинъ бортъ рванаго пальтишка.

— Вотъ оно, вѣдь!—стучалъ другой по своему измызганному полушубку.

— Работали раньше, четыре года назадъ, ни отъ чего не отказывались. А теперь довели!..

— Мерзлая земля, ничѣмъ не возьмешь.

— Пятачекъ въ день выработаешь, не больше.

— Три рубля съ куба. Бьешь, бьешь, ничего не возьмешь.

— Вонъ въ Вольскомъ уѣздѣ, какъ счастье-то: съ осени-то кто пятьдесятъ, кто тридцать заработалъ. И мы бы сумѣли.

---

[1] Баитъ—говоритъ.

— Холодъ несусвѣтный.

— Вышелъ, какъ птичка на проталинѣ, вышелъ и замерзъ. Вонъ какой я.

— Кормись, говорятъ. Пока землю сдай. А съ чего будешь?

— Если всѣ по міру пойдемъ, кто подавать будетъ?

— А въ чемъ пойдешь?—выдѣляется женскій голосъ,—дома хоть въ худыхъ чулкахъ.

— Пришло времячко!

— Вонъ въ Вольскомъ уѣздѣ татары на полномъ надѣлѣ живутъ. А мы мучимся.

— Татарамъ по три фунта выдали. Да дѣтишкамъ...

— Вонъ татары, мы ихъ завоевали, а у нихъ получше нашего.

— Объ нихъ жалѣютъ больше.

— И столовыя, и заработали они, и пайками даютъ.

— А мы какъ птицы.

— Какъ птицы пернатыя, живемъ на воздухѣ.

— Въ родѣ мы не этого царя. Служилъ, пришелъ со службы, нѣтъ ничего. Вотъ и мучаюсь.

— Соломку продаемъ, мякинку продаемъ...

— Забытые мы какъ въ родѣ.

— Забыли про насъ!..

— Двадцать рублей десятина.

— Да считай, десять рублей на сѣмена, да запахать, да сжать...

— И урожай—неурожай...

— Шкирды всю зиму не даютъ. Уплати сначала. Эта банка хуже земства.

— Хошь давись.

— Жизнь—хуже зайца.

— Къ земскому начальнику ходили, и не вышелъ—хлопнулъ дверью. Письмоводитель говоритъ: «Стойте, не стойте, онъ не выйдетъ».

— Вонъ и въ засѣданье не ѣздитъ. Не печется. Гдѣ бы застоять за крестьянство. Ему что!

Говорили, почти плача, жестикулируя, перебивая и подкрѣпляя другъ друга. Бѣлые старики, пожилые мужики, молодые крестьяне. Горечь кипѣла и разгоралась въ словахъ какъ бы невольно, сама собой.

А когда я, поднимаясь, сказалъ:—Ну, прощайте... — вся эта толпа бородатыхъ людей вдругъ быстро и сразу поклонилась мнѣ въ ноги и, стоя на колѣняхъ, плачущимъ хоромъ воскликнула:

— Помоги, ваше благородіе, заступись! Не дай помереть съ голоду!..

. . . .

Скрипитъ возокъ, ныряя въ ложбинахъ. Вѣтеръ гонитъ снѣж-

ную пыль отъ горизонта къ горизонту. А мнѣ вспоминается одинъ штрихъ. Наканунѣ былъ я въ селѣ Елшанскѣ и провелъ вечеръ среди сельской интеллигенціи. Они устроили встрѣчу Новаго Года. Было скромно и мило. А все же на столѣ находились и водка, и вина, и наливка, и что-то въ родѣ шампанскаго. Выпивали, закусывали, шутили и смѣялись до трехъ часовъ утра. И одинъ симпатичный работникъ настойчиво убѣждалъ меня на слѣдующій день не ѣхать дальше.

— Отдохните день. Послѣ-завтра поѣдете. Увѣряю васъ, что завтра въ Софьинѣ вы никого не увидите. Новый годъ, праздникъ, всѣ будутъ пьяны, поголовно.

— Ну, что вы! голодающіе!

— А что тамъ—голодающіе! Потому и пьютъ, что голодающіе. Съ горя. Увѣряю васъ, всѣ будутъ пьяны.

Плачетъ телефонная проволока, непрерывнымъ, нуднымъ воемъ. Не укроешься отъ надрывнаго стонущаго звука. Вьется надъ возкомъ то справа, то слѣва, сверлитъ душу укоромъ.

Село Ключи, Саратовскаго уѣзда. Названіе когда-то получено недаромъ.

— На моей еще памяти,—говоритъ мѣстный учитель,—лѣтъ двадцать назадъ, во всѣхъ оврагахъ бѣжали ключи. Воды было въ изобиліи. Теперь почти всѣ родники пересохли, травой заросли. Скотина затоптала.

Вмѣстѣ съ ключами и вообще вся мѣстная жизнь поизсякла, обѣднѣла.

— Плохія наши жизни,—вздыхая заговорилъ съ перваго вопроса хозяинъ въѣзжей квартиры, пожилой, хромой мужикъ.—Есть которые мертвымъ завидуютъ: хоть бы помереть, говорятъ. Заколбались, посѣяли нынѣшній годъ: хвать—недородъ. Больше половины села безъ хлѣба сидятъ.

Такъ какъ Ключи—село довольно большое (400 дворовъ), то для уясненія главныхъ, общихъ нитей мѣстной жизни я обратился къ здѣшней интеллигенціи. И разговоръ этотъ сначала ввергъ меня въ угнетеніе.

— Вы что же это?—говорили мнѣ,—какъ же вы поступите? Ну, пройдетесь по домамъ, ну, поговорите? Какой же толкъ? Ничего не узнаете. Никто правду не скажетъ. Всѣ будутъ врать. Мы вотъ подолгу живемъ и ничего не знаемъ, ничего не понимаемъ. А вы въ нѣсколько часовъ!..

— Открывать столовыя!—саркастически говорилъ другой со-

бесѣдникъ,—не дай Богъ! Такое начнется воровство, услѣдить невозможно. До голодающихъ не дойдетъ, одни попечители будутъ сыты.

— Да въ попечительство никто изъ насъ и не пойдетъ.

— Былъ я разъ. Не дай Богъ!..

— А почему не пойдутъ? Потому, что никакихъ вѣрныхъ списковъ нельзя составить. Нужно всѣхъ кряду записывать. А то жизни будешь не радъ. Подожгутъ, изобьютъ.

— Непремѣнно подожгутъ. Народъ въ этихъ случаяхъ остервеняется, всѣ лѣзутъ.

И этакъ безъ передышки градъ словъ, наполненныхъ горечью, гнѣвомъ, презрѣніемъ. Сначала меня ошеломило. «Вотъ тебѣ и близкая народу интеллигенція,—растерянно думалъ я.—Значитъ, нѣтъ между ней и деревней ни любви, ни близости, ни пониманія.

И только дальше понялъ я, что болѣзненное раздраженіе собесѣдниковъ въ значительной мѣрѣ вытекаетъ именно изъ любви. которая терпитъ въ деревнѣ удары, изъ близости, которая страдаетъ отъ невозможности добиться большей близости, изъ пониманія, которое слишкомъ остро чувствуетъ каждую боль деревни.

— Больныхъ тифомъ и цынгой нѣтъ пока,—говорила женщина-врачъ,—но всѣ малокровны, всѣ годами не доѣдаютъ, у всѣхъ головокруженіе. И чего же давать лекарство, когда просто ѣсть надо. Была я недавно въ одной избѣ—керосина нѣтъ, дровъ нѣтъ, въ холодѣ и въ темнотѣ сидятъ. Пришелъ въ амбулаторію крестьянинъ, Афанасій: блѣдный, губы какъ мѣлъ. Не можетъ работать, крайнее истощеніе. Дала ему въ долгъ изъ своихъ денегъ на пудъ муки, сказала, чтобы онъ отдалъ, когда заработаетъ. И онъ принесъ немедленно изъ первой получки. На общественныхъ работахъ почти всѣ въ такомъ положеніи: работаютъ впроголодь—ужасное, по моему, опущеніе.

— Какая безсмыслица съ этими общественными работами,—разсказывали дальше.—Назначили у насъ копать прудъ. Это не прудъ, а просто трясина. Такъ болото и останется. Обувь у мужиковъ какая? Лапти, валенки, дырявые сапоги. Хлюпаютъ по мокротѣ, простуживаются. А заработокъ—грошъ. У насъ, кажется, такъ смотрятъ на эти работы: лишь бы деньги даромъ не давать, пускай хоть землю съ мѣста на мѣсто перекладываютъ. И мужики чувствуютъ безсмысленность работы, ихъ это обижаетъ, озлобляетъ.

— Плохо еще, что выдачу заработка за общественныя работы установили разъ въ 2—3 недѣли. Прямо нечего ѣсть, а тутъ жди. Занимаютъ подъ заработокъ, переплачиваютъ лавочникамъ, работаютъ полуголодные. Надо выдавать плату по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю.

— А лучше всякихъ общественныхъ работъ и лучше всякихъ столовыхъ—раздача муки.

— Да. Но самое ужасное вотъ что: все собранія, комитеты, все совѣщаются, съѣзжаются, соображаютъ, циркуляры разсылаютъ, а помощи все нѣтъ. И деньги какъ будто есть, а ничего не выдаютъ. И общественныя работы прикрылись. Кромѣ того есть разрядъ нуждающихся, которые остались внѣ общественныхъ работъ. Еще въ сентябрѣ составленъ по ключевской волости списокъ стариковъ, старухъ и сиротъ, которые терпятъ нужду и неспособны къ работѣ. Насчитали 547 человѣкъ. Списокъ перешелъ къ земскому начальнику, потомъ выше, и сейчасъ гдѣ-то гуляетъ. Теперь январь, нужда обострилась; списокъ, несомнѣнно, надо увеличить въ два-три раза, а вѣдомства все смотрятъ. Земство проситъ милліонъ, иначе не согласно взять на себя заботу; правительство даетъ меньше. А тутъ ждутъ, ждутъ. Ужасное положеніе.

Говорили все съ большей горячностью, и, вмѣсто горечи и раздраженія противъ деревни, звучала во всѣхъ рѣчахъ тоска за нее, глубокое состраданье.

На взъѣзжей сидѣли два старика и печальнымъ дуэтомъ говорили:

— Скажемъ, четыреста домовъ у насъ. Изо всѣхъ-то, можа, въ сотнѣ есть что ни на есть. А остальные всѣ кряду. Зерна не найдешь.

— Вчерашній день тетка Параня отъ голоду померла. Не иначе, какъ отъ голоду. Двѣ внучки—сироты у нея, она ихъ окармливала. Имъ-то какъ-нибудь соберетъ, а себѣ-то, знать, и нѣтъ ничего. Сухотилась, сухотилась и померла. Отъ сухоты.

— Отъ сухоты.

— На базарѣ-то по три, по пяти пудовъ муки никто и не беретъ. Пудикъ, полпудика — а что съ этимъ сдѣлаешь? На большую-то семью баба и не сможетъ изъ полпудика-то испечь. А то печеный покупаютъ.

— Печеный везутъ съ базара,—съ сокрушеніемъ вторитъ другой старикъ, и, кажется, это обстоятельство особенно поражаетъ ихъ патріархальное сознаніе, привыкшее за десятки лѣтъ сочетать каравай хлѣба съ собственной печью.

— Печеный! Купитъ другой фунта три, четыре и радъ-радехонекъ, ѣдетъ домой.

— Работа казенная была, прудъ рыли, индо на нихъ слезы глядѣть. Всю ночь не спятъ, съ вечера у старосты. «Нельзя ли мнѣ, нельзя ли мнѣ».

— Въ тинѣ ворочались, нагіе, босые. День короткій, дѣлали длиннымъ: выйдетъ ночью и кончитъ ночью.

— Вотъ до чего: «Господи,—молятся которые,—если бы, говорятъ, нашлись этакіе благодѣтели, заставили вонъ эту гору въ Волгу перевозить, всю бы перевозили»...

Съ однимъ изъ этихъ стариковъ, хозяиномъ оголенной, унылой взъѣзжей квартиры, пошелъ я въ длинный обходъ села. Онъ быстро освоился съ ролью проводника, указывалъ, волновался, иронизировалъ, острилъ.

— Вотъ,—ввелъ онъ меня на одинъ дворъ съ низенькими, завалившимися пристройками,—никакой шерстины нѣтъ. Куръ никакъ— и то нѣтъ.

Въ глиняной, темной мазанкѣ съ трудомъ разглядѣли мы высокаго, тощаго человѣка въ убогомъ, рваномъ пиджакѣ, въ грязныхъ, худыхъ валенкахъ. Шея обмотана тряпьемъ, глаза устремлены на насъ тупо, безучастно.

— Вотъ работничекъ,—съ саркастической развязностью говорилъ мой проводникъ,—весна придетъ, куда летѣть?

—Куды ужъ, — вяло, глухо говорилъ хозяинъ, — лошадь околѣла. Вонъ у самого глаза не годятся, съ голоду.

— По физіономіи-то видно,—говорилъ мой старикъ,—отъ удовольственной жизни. Полнокровный.

И онъ ожесточенно махалъ рукой предъ чахлымъ, сѣрымъ лицомъ съ красными, запухшими глазами.

— Чапанишко вотъ,—сорвалъ старикъ съ голой печи рваный коричневый, со сквозными дырами чапанъ, — въ немъ ходилъ на казенку [1])?

— Былъ. Немножко,—сипло, съ паузами говорилъ больной хозяинъ,—черезъ день брали. Денъ шесть ходилъ.

— По очереди, какъ же!—Съ нетерпѣливой насмѣшкой вмѣшался старикъ, — на шестой день другому очередь выходила. А пять-то денъ голодай.

Низенькая женщина съ испитымъ лицомъ и заплаканными глазами молча укачивала на рукахъ грудного ребенка. Маленькая дѣвочка, грязная, худенькая, цѣплялась за нее.

— Вонъ какая, — щелкнулъ старикъ пальцемъ по головѣ дѣвочку, — а привычку содержитъ, ѣсть проситъ. Гдѣ хошь доставай. По міру идти, некому подавать. Вонъ Параня Курихина съ голоду померла.

— Съ голоду,—глухо подтвердилъ хозяинъ.

— Еще была у нихъ дочь, — разсказывалъ за хозяевъ старикъ,—выдали прежде время. Только бы со двора долой.

---

[1]) Казенкой называютъ здѣсь общественныя работы.

— Одну выдали, — печально говорила низенькая женщина,— молоденькая, по семнадцатому году. Чего же подѣлаешь?

— Все удовольствіе трешницу стоило, — подсказывалъ старикъ.—Попили, погуляли, на свадьбѣ-то?

— Какая ужъ свадьба,—печально отвѣчала женщина,—взяли за руку и отвели.

— Возьми только, батюшка!

— Хуже-то насъ и нѣтъ,—ноющимъ, вялымъ голосомъ говорила хозяйка,—вотъ дите родилось — ни пеленочки, ни рубашечки. Пеленку подали.

Она долго терла грязнымъ рукавомъ глаза и съ унылой покорностью добавила:

— Ослѣпну скоро. Глаза болятъ все хуже. Со слезъ видно. Давали вонъ мази—толку нѣтъ. Чего ужъ, день деньской плачешь.

— Не вылѣчить тутъ, — кабы нужду вылѣчить.

На улицѣ мы взглянули на два длинныхъ ряда вдавленныхъ въ землю домишекъ, обмазанныхъ глиной или забинтованныхъ до крыши навозомъ.

— Ну вотъ, къ «барину» зайдемъ,—сказалъ мой проводникъ, прихрамывая вывороченной ногой.—Ужъ если у барина нѣтъ, у мужика и подавно. За простоту зовемъ его бариномъ. «Ежели-бъ, говоритъ, земля у меня была, всю бы роздалъ мужикамъ».

— Вотъ ворота! Видать сразу хозяйство, — указалъ онъ на маленькія воротца, слѣпленныя въ разбивку изъ полугнилыхъ дощечекъ и палокъ.

— Вотъ и скотъ весь на лицо,—обвелъ онъ рукой по пустому двору.

Темная и затхлая избенка, снаружи и внутри обмазанная глиной. Отъ глины, должно быть, виситъ въ воздухѣ густая пыль, ясно видимая надъ свѣтомъ тусклаго окна. Полъ расхлябанный съ дырами. Оголенность, холодъ, запустѣніе. А изба полна людей: куча дѣтей, старуха, старикъ, ихъ сынъ, невѣстка. Всего семь человѣкъ. Старикъ-хозяинъ, съ кудлатой черной головой, густой бородой и добрыми, открытыми глазами, старается, однако, держаться бодро, шутливо.

— Семь человѣкъ,—говоритъ мой проводникъ, — кажнiй день печи надо.

— Кажнiй день,—почти весело соглашается старикъ-хозяинъ.— Было бъ только изъ чего. Ни зерна нѣтъ. Лошадь вонъ захворала.

— Желудокъ у ней ссохся,—утвердительно сказалъ мой проводникъ.

— Ссохся, — согласился хозяинъ, и помолчавъ, продолжалъ, улыбаясь.—Шаберъ вонъ убѣжалъ, не знай куда, жену бросилъ.

— И мы бы разбѣжались,—подхватилъ старикъ, да дѣтей-то куды дѣнешь? Эхъ, ты «баринъ-баринъ»! А еще «бариномъ» прозвали.

— За что васъ бариномъ называютъ?—спросилъ я.

Хозяинъ просіялъ доброй улыбкой,

— Такъ это они. Шелъ пьяненькій, назвалъ жену: «Эй, барыня, встрѣчай!» Вотъ и пошло. Годовъ двадцать ужъ. Куды, больше! На томъ дворѣ еще, до пожару.

— Ну-ка, вотъ, разскажи баринъ,—поощрялъ его мой проводникъ.—На работу на казенну ходилъ?

— Три дня поработалъ. Ряду ждалъ. Жди ряду, говорятъ. Рупь сорокъ получилъ. Камни долбилъ, да что ужъ, всѣ рученьки отбилъ.

— Онъ старичекъ, вѣдь,—жалѣющимъ голосомъ пояснилъ мнѣ проводникъ,—шестьдесятъ два года. Подолби-ка. Не молоденькій.

Въ пылу усердія онъ заковылялъ за перегородку, снялъ съ полки плоскую, глиноподобную лепешку и воскликнулъ, подавая ее мнѣ:

— Вонъ гляди, чего ѣдимъ! Только свиньямъ. Да и тотъ, поди, останный.

— Мы-то проглонемъ,—уныло говорила женщина, облѣпленная двумя дѣвочками и мальчикомъ,—а они-то вотъ. Пятый годочекъ вотъ, а этой второй; жуютъ лепешку.

— Молочка-то ужъ не увѣдаешь — какъ звать забыли,—съ одушевленіемъ подхватилъ мой проводникъ.—Надо бы дитю чего бы съ этимъ-то хлѣбомъ. Нѣтъ и нѣтъ. И самъ-то не камень, подашься. Вонъ Параня Куриниха...

— Не одна Параня,—съ унылой пѣвучестью говорила женщина.— Потужишь, потужишь и помрешь.

— Эхъ, народъ-то, народъ-то, куды ни глянь. По виду-то глядѣть—человѣкъ, а вѣтромъ шатаетъ. Что у васъ въ концѣ-то всѣ такъ, аль которые получше есть?

— Всѣ подрядъ одинаковы, а которые, поди, ужъ и не хуже ли. Вотъ Семенъ Листратовъ...

— Туды ужъ и ходить страшно,—перебилъ мой старикъ,— одиннадцать человѣкъ дѣтей!..

Быстро ковыляя, повелъ онъ меня на другой конецъ села.

— Всѣ, какъ единъ человѣкъ,—говоритъ онъ по пути, указывая на вдавленныя въ землю, обложенныя навозомъ избушки.—Вонъ дворъ завалился, поправить—силы нѣтъ.

И онъ быстро велъ меня куда-то дальше, какъ будто имѣлъ опредѣленную цѣль.

— Вотъ къ нему, пожалуй, зайдемъ,—предложилъ онъ, указывая на старика въ полушубкѣ съ перевязанными платкомъ зубами.

Старикъ стоялъ около воротъ и какъ будто со спокойнымъ любопытствомъ глядѣлъ на насъ.

— Гдѣ же скотина у тебя, а?—съ подбадривающей насмѣшкой спросилъ мой хромой спутникъ.

— Въ лѣсу гуляетъ,—въ тонъ ему, съ бодрой ироніей отвѣчалъ старикъ.

— Ну-ка, веди, веди-ка въ избу, показывай свою жизнь.

Изба была такая же, какъ и всѣ, оголенная, полутемная, съ наваленной рухлядью на кровати. Чуточку развѣ почище, попросторнѣе.

— Ну-ка разсказывай, какіе капиталы на казенкѣ заработалъ, Ты, нѣдь, старосты братъ. Огребалъ много?

— Десять рублей,—весело отвѣчалъ старикъ,—оттерли меня, вотъ какое дѣло. Досадно передъ людьми. Всѣ работаютъ, а я пѣтъ, родной братъ, свой. Набаяли на меня. Ну, дай злу мѣсто, отошелъ.

— Эхъ-хе-хе, были года, да не такіе.

— Не было такихъ. Полтораста рублей закопалъ въ землю — сѣмянъ не собралъ А лошадь продать,—изъ нищихъ вонъ.

— Куда же? Заходили мы вонъ къ Савелью, тоже поглядѣть,—до чего дошелъ. На одежу-то, если со всей кроватью торги навести, копѣекъ шесть дадутъ, не больше.

На улицѣ я сказалъ своему проводнику про старика съ перевязаными зубами:

— А онъ не падаетъ духомъ, шутитъ.

— Это у него примѣръ такой,—серьезно и сочувственно сказалъ ковыляющій проводникъ.—Онъ въ солдатахъ былъ. Человѣкъ образованный.

Зашли мы еще дома въ три-четыре. Вездѣ плохо, уныло, бѣдно. Однако, мнѣ стало казаться, что мой спутникъ нѣсколько превратно понимаетъ мою миссію и старается привести меня къ лицамъ, которымъ самъ сочувствуетъ, для которыхъ, по его тайному мнѣнію, можетъ быть, выйдетъ отъ этого посѣщенія польза. А оба мы стали уже уставать отъ долгаго хожденія, и мой старый, хромой спутникъ нѣсколько разъ уже взмахивалъ рукой вдоль улицы:

— Тутъ вплоть до конца одинаково...

— Зайдемъ сюда,—указалъ я на избу похуже другихъ.

— Зайдемъ,—безъ особой охоты согласился старикъ.

Кислый, спертый воздухъ въ темной, низкой избенкѣ. Въ зыбкѣ лежитъ обмотанный грязнымъ тряпьемъ грудной ребенокъ, блѣдный до синевы, затомленный; ротъ раскрытъ, сипло дышитъ. На кровати, на рваномъ чапанѣ сидитъ дѣвочка лѣтъ двухъ, тяжело дышитъ, видъ больной. И молча сидитъ возлѣ чахлая женщина, печальная и

убитая до такой степени, что съ трудомъ и безучастно взглянула на насъ.

— Въ матери молоко истощилось, — сейчасъ же началъ объяснять мой словоохотливый проводникъ, — и дѣти такія же, истомленныя. Тоже хлѣба ежели сыскать, на Соломонъ [1]) зерна не найдешь.

— Хоть умирай,—понемногу разговорившись, стала жаловаться чахлая женщина,—ни пшена, ни лошади. Ужъ чего не нужда. Продать нечего. Живемъ, не знай какъ, въ долгъ забрали, какъ платить будемъ. Казенна работа была, заняли. Получилъ отецъ-то десять рублевъ, шесть отдалъ. Сохрани Богъ, казенной работы не будетъ...

— Сохрани Богъ,—съ привычнымъ сочувствіемъ вторилъ мой старикъ, — не душа, а мошна вретъ. Чего ужъ. Вотъ кровать-то, вся и одежа.

Онъ поднялъ съ досокъ разрѣшетенный дырами чапанишко.

— Одежа, куль и рогожа, — съ больнымъ раздраженіемъ сказала женщина,—одна шуба на пятерыхъ.

— Мужикъ-то пошелъ, — подхватилъ старикъ,—а баба сиди. Выйти не въ чемъ.

Онъ пошарилъ на палатяхъ корыто со слѣдами прилипшей муки и, качая головой, говорилъ:

— Пригоршенки муки не найдешь; шкуры [2]) сварить не на что.

И замороженная женщина, какъ бы воодушевившись больной энергіей отъ перечисленія всѣхъ бѣдъ, схватила горбушку чернаго хлѣба, совала намъ ее съ плачущими словами:

— Вотъ на весь день, горбушка, пятерымъ,—хошь ѣшь, хошь гляди на нее. А мука-то... му-ука-то... рубль двадцать... за пу-удъ!..

И опять мы на улицѣ. Ясный, погожій день. Солнце блеститъ веселыми искрами, отражаясь на снѣгу. Морозъ крѣпкій, бодрящій. А улица пустынна. Только два длинныхъ ряда молчаливыхъ избъ, съ тусклыми, какъ больные глаза, оконцами, до половины и до двухъ третей заваленными навозомъ.

Идемъ. Какой-то вой или громкій истерическій плачъ слышенъ за стѣнами одной избенки.

— Вонъ ужъ воютъ,—отзывается старикъ.—Не иначе—съ голоду.

---

[1]) Въ народѣ давно уже пользуются большимъ распространеніемъ лубочные листки для гаданья подъ названіемъ: «Царь Соломонъ». Гадаютъ бросая на дѣленья круга зерно.

[2]) Шкуры—щи, съ кусочками тѣста.

Минутку колеблюсь, не зайти ли. Не рѣшаюсь. А старикъ влечетъ меня дальше. Онъ опять намѣтилъ какую-то избу.

Тѣснота, темь, тяжелый воздухъ. Полна изба дѣтей и какого-то народа. На полу возится мужикъ, строгаетъ доску. За нами поспѣшно хлопаетъ дверь, и входитъ, запыхавшись, какая-то женщина. Начинается какъ будто обычная печальная исторія: понемногу распространяется слухъ, что кто-то пріѣхалъ, разспрашиваетъ о нуждѣ, и всѣ тянутся въ смутной надеждѣ. И ужъ какая-то старушка торопливо говоритъ:

— Я третій годъ пироги не пекла. Гдѣ сухарикъ, гдѣ что. Одна живу, сирота. Мы не сѣемъ. У православныхъ нѣтъ, и у насъ нѣтъ. Меня запиши, батюшка.

— Къ намъ зайдите,—торопливо говоритъ только что вбѣжавшая женщина.

— Не къ чему ко всѣмъ-то ходить, — вразумляетъ ее мой проводникъ.—У всѣхъ едино. У тебя, что ли, были, проходили мы сейчасъ?

— У насъ,—съ разсѣянной озабоченностью сказала женщина.— Хворыя, пятеро. Поись просютъ.

— Муки горстки нѣтъ,—говорила въ то же время другая женщина, хозяйка избы, съ ввалившимися, сѣрыми щеками.—Чего ѣсть будемъ. Дѣти хворы... Пятеро вонъ.

И мужикъ, который столбнякомъ стоялъ съ какой-то нелѣпой доской въ рукѣ, вдругъ заплакалъ и пробормоталъ:

— Пятеро... Самъ семъ...

И какъ всегда, странно и больно было видѣть, что у взрослаго человѣка, съ черной бородой и суровымъ, трудовымъ лицомъ, вытекаютъ изъ глазъ и бѣгутъ по лицу крупныя, свѣтлыя слезы...

— А вонъ старуха Марья,—опять выскакивала впередъ первая старушка,—полторы недѣли печь не топила. Вонъ рядомъ она живетъ. Затапливала ей сейчасъ, руки отморозила.

— На общественной работѣ были?—спрашиваю хозяина.

— Денька одного не работалъ. Не попалъ.

— Кабы на бутылку было,—саркастически подсказывалъ мой проводникъ,—помазать по губамъ.

— У насъ хвораютъ онѣ, бутылки-то...

— Меня запиши! Не забудь, батюшка!—кричала старушка, когда направлялся я въ дверь.

— Гдѣ тутъ живетъ старуха Марья?—обратился я къ маленькой кучкѣ людей, которые съ молчаливымъ, застывшимъ вниманіемъ глядѣли на меня.

— Вотъ тутъ! Вотъ суды иди!—выскочили два мальчугана, одинъ лѣтъ двѣнадцати, другой лѣтъ восьми. И побѣжали впередъ.

Согнувшись, пролѣзъ я черезъ низенькую дверь сначала въ разрушенныя сѣни, потомъ отворилъ дверь въ избу. Ѣдкій дымъ пахнулъ въ лицо. Низкая, темная изба, съ печальными слѣдами полнаго опустошенія и разрушенія, была густо заполнена дымомъ. Промозглый холодъ, кислая вонь щипали горло. Съ минуту мы не видѣли никого.

— Да здѣсь что-ль она, аль нѣтъ?—крикнулъ старикъ.—Марья, гдѣ ты тутъ?

Никто не отзывался.

— А вонъ она!—прозвенѣлъ дѣтскій голосъ.

Около колыхающей смраднымъ дымомъ печки, спиной къ намъ, сидѣла скорчившись, костлявая старуха.

— Къ тебѣ пришли! Иди-ка суды!—потащилъ ее за локоть старикъ.

Она, въ страхѣ, судорожно повернулась. Сѣдые волосы выбивались прядями изъ-подъ темнаго платка; изъ тусклыхъ глазъ текли полосами по морщинистому лицу слезы. Она метнулась сначала къ старику, потомъ ко мнѣ.

— Пом-мираю!... А-а...—хрипѣла она мнѣ въ лицо.

— Надѣньте-ка вы шапку,—заботливо, дѣловито сказалъ мнѣ старикъ,—а то простудитесь.—И самъ плотно надѣлъ свою шапку.

— Ты что, батюшка?.. Чего?.. Не слышу я... Пом-мираю...

Ноги не держали ея хилаго, надломленнаго тѣла. Она въ безсиліи опустилась на лавку, видимо полубезумная отъ голода, отъ дыма, отъ холода, отъ старости.

— Я ужъ васъ по этакимъ-то и не вожу, — сознался, качая головой, старикъ, — самъ-то наплачешься. Забросили вотъ, а она двухъ сиротъ воспитала, опредѣлила къ мѣсту. Конечно, допрежь-то пройдетъ по домамъ и сыта. Теперь вонъ силы нѣтъ. А домой не приносятъ. И не пахнетъ тутъ хлѣбомъ-то, ни завалышка.

— Ванюшка, принеси водички Христа ради!—простонала старуха.

— Сейчасъ!—сказалъ старшій мальчикъ, не двигаясь съ мѣста. Оба мальчугана свѣтлыми, любопытными глазенками наблюдали насъ и старуху.

— И воды-то своей нѣтъ, — качалъ головой старикъ,—и съ водой къ чужимъ докука.

— Чего, все къ намъ ходитъ!—весело воскликнулъ старшій мальчикъ.

— Отъ дочери хорошаго не жди,—разъяснялъ старикъ,—не радѣетъ о ней, пріемышъ.

— Она не родная! Куска не даетъ!—злорадно воскликнулъ мальчикъ.

— Какъ тутъ ночевать, замерзнетъ,—зябко потиралъ руки старикъ.

— Замерзнетъ!—воскликнулъ мальчуганъ.

— Дочь-то пріемышъ,—говорилъ старикъ,—а зять-то совсѣмъ чужой. Можа, насилкой недѣлю прожила, а больше — «не надо, говорятъ, ступай».

— Отъ нея духъ идетъ, Дунька-то баетъ! — радостно пропищалъ семилѣтній, бѣлоголовый малышъ.

— Выгнали ее, — быстро разсказывалъ, весело поблескивая глазами, старшій мальчикъ.—Вышла она, упала на льду, на улицѣ. И лежитъ! А Дунька-то и не поднимаетъ!

— Она рада. Пускай помретъ,—спокойно подтвердилъ старикъ.

— Мы ее во-во-локли!—съ трудомъ, захлебываясь отъ удовольствія, пролепеталъ малышъ.

— Замерзнетъ нынче же, какъ курица,—съ увѣренностью сказалъ старикъ.

— Замерзнетъ,—убѣжденно повторилъ старшій мальчикъ.

И оба они спокойно глядѣли на старуху, которая качалась изъ стороны въ сторону, сидя на скамьѣ, и съ глухимъ воемъ всхлипывала, непрерывно вытирая грязнымъ, рванымъ рукавомъ красные, опухшіе глаза, а слезы двумя струйками текли, не переставая, по темнымъ, морщинистымъ, ссохшимся щекамъ.

Вдыхая послѣ дыма свѣжій, морозный воздухъ на улицѣ, я думалъ: «Вотъ одна изъ того списка стариковъ, старухъ и сиротъ, который былъ составленъ еще въ сентябрѣ и который все еще ждетъ, когда окончится споръ между вѣдомствами».

А въ слѣдующей избенкѣ встрѣтилъ насъ истощенный, чернявый мужиченко, который трепеталъ, какъ струна, отъ болѣзненнаго возбужденія.

— Вотъ онъ, самъ семъ,—съ отчаяніемъ указалъ онъ на сгрудившихся въ тѣсной, какъ ящикъ, избѣ замазанныхъ, хилыхъ дѣтей, ужъ такая нужда, вотъ какъ—хотѣлъ себя рѣшить. Ежели бъ не казенная работа, дѣтей бы рѣшилъ и себя. Теперь опять ничего нѣтъ.

— Какъ же теперь?

— Прямо веди всѣхъ дѣтей къ старшинѣ: бери, куды хошь.

Съ отчаяніемъ хлопнулъ онъ себя руками по бокамъ и продолжалъ говорить надтреснутымъ, полуистерическимъ голосомъ:

— Говорилъ старшинѣ: «пойдемъ, посмотри».—Да всѣ, говоритъ, этакъ, чего ходить.—«Не всѣ, говорю, другой можетъ потер-

пѣть». Когда на соль нѣтъ... Ходилъ къ земскому начальнику. «Помираемъ, говорю».—«Восемь дней назадъ, говоритъ, приходилъ—помирали и теперь помираете—не сдохли, говоритъ».—Вотъ какъ!

— Хоть пришли бы, поглядѣли бы, — слабымъ, печальнымъ голосомъ сказала жена, качавшая люльку,—ослѣдствовали бы что есть. Какую бы хошь работенку. Ходили камень рыть въ мордву, туды семь верстъ, оттуда семь. Кажній день. Ходили, не отказывались.

Ребенокъ въ люлькѣ подъ тряпьемъ плакалъ слабымъ, тонкимъ, ноющимъ голоскомъ. Двѣ дѣвочки смирно сидѣли на кровати. Замазанный мальчуганъ лѣтъ трехъ сосалъ грязный палецъ, тупо разсматривая насъ.

— Ни въ одной избѣ нѣтъ веселаго дитя,—сказалъ мой проводникъ.—Эхъ, ежели бы попросить Господа, половина Ключей согласились бы помереть!

— Согласились бы!—съ жаромъ подтвердилъ хилый хозяинъ и руку положилъ на впалую грудь.

А жена тихимъ, печальнымъ голосомъ добавила:

— Мужики вонъ: хоть бы, говорятъ, война, переколотили бы насъ.

Шли мы назадъ черезъ село, по безлюднымъ улицамъ, и мнѣ казалось, что тихое отчаяніе напрягается надъ окутанными въ навозъ избами. Почти въ каждой доѣдается послѣдній кусокъ вязкаго, кислаго хлѣба. Жизнь истощается, существованіе виситъ на ниточкѣ, которая вотъ-вотъ оборвется. Нужна скорая, большая помощь. А гдѣ она?

Село Сухой Карбулакъ заселено исключительно мордвой. Еще въ Саратовѣ мнѣ говорили, что Сухой Карбулакъ—село запуганное и разгромленное. Въ 1905 г. мордва приняла значительное участіе въ аграрномъ движеніи. За это обрушилось на нихъ мщеніе и возмездіе. Отобрали у нихъ волость, которую перевели въ Ключи, отобрали медицинскій пунктъ, проявлены были вообще разнаго рода признаки гнѣва къ мордвѣ. Немилость, кажется, продолжается до сихъ поръ. Между тѣмъ въ нынѣшнемъ году пришлось мордвѣ круто, чуть ли не хуже сосѣднихъ русскихъ селеній.

— Больные, которые приходятъ изъ Сухого Карбулака,—разсказывала мнѣ женщина-врачъ въ Ключахъ, — поражаютъ своей немощностью. А главное, среди нихъ чрезвычайно много туберкулезныхъ.

Къ послѣднему доводу отнесся, впрочемъ, скептически другой врачъ саратовскаго земства.

— Боюсь спорить,—сказалъ онъ,—но для туберкулеза среди мордвы нѣтъ ли другихъ причинъ, помимо недоѣданія. Нѣтъ ли вырожденія. Это, конечно, вопросъ большой и сложный. Но знаете, мордва въ небольшомъ селѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе совершаетъ браки только между собой. Это имѣетъ большое значеніе.

А голосъ русскаго населенія устами старика-крестьянина въ Ключахъ говоритъ о мордвѣ Сухого Карбулака такъ:

— Куды лучше нашего живутъ. Мордва—народъ дружный, одинъ за другого держатся. Чуть чего, сейчасъ залопочатъ на своемъ языкѣ, никто понять не можетъ. Только нынче и у нихъ горько. Не хуже ли нашего, на нѣтъ сошли. Когда суматоха была, они немножко тутъ... хутора немножко пожгли. Волостного писаря арестовали, чуть не убили. Да убили бы! Заклятье далъ: на своихъ ногахъ, говоритъ, домой уйду, даю клятву, отказываюсь навсегда служить. Отпустили. Выполнилъ. Ушелъ. Притѣснять ихъ опослѣ стали сильно. А народъ умный. Образованный народъ.

Для меня нужда населенія въ Сухомъ Карбулакѣ не раскрылась въ яркой формѣ или, вѣрнѣе, не пожелала раскрыться. Такъ же, какъ въ предыдущихъ селахъ, ходилъ я здѣсь (съ мѣстнымъ учителемъ, который тоже мордвинъ) по избамъ, но населеніе отвѣчало скупо, сдержанно, смотрѣло сумрачно. Можетъ быть, дѣйствительно село сильно запугано. Или, можетъ быть, причина лежитъ глубже: въ психикѣ племени. Ни въ одной избѣ не слышалъ я мягкой довѣрчивой интонаціи, нигдѣ не зажигалось лицо нечаянной улыбкой, не было летучей шутки или гибкаго словца—чѣмъ въ изобиліи богата русская деревни, даже заморенная недоѣданьемъ. Не было также жалобъ, грустныхъ изліяній, порывовъ горя или отчаянія. Получались краткіе отвѣты: «Плохо. Ничего нѣтъ. Урожай плохой былъ, сѣменовъ не собрали». Сумрачно, но спокойно. И кромѣ сдержанности или недовѣрія стало чувствоваться упорство, сила характера.

Въ одной избѣ мы увидѣли хозяина на печи. Медленно поднялся въ полутемнотѣ черный, лохматый человѣкъ, со всклокоченной бородой, съ блѣднымъ матовымъ лицомъ. Темные глаза смотрѣли тускло, сумрачно.

— Ты что же, боленъ?—спросилъ учитель.

— Да,—не торопясь, спокойно, но, видимо, перемогая боль, отвѣчалъ мужикъ, — на казенной работѣ... въ грудь камнемъ ударило.

— Какъ же тебя въ больницу не отправили?—съ ноткой негодованія на администрацію работъ сказалъ учитель.

— Я самъ ходилъ въ больницу,—спокойно возразилъ мужикъ,—дали порошковъ, мази. Толку нѣтъ.

— Сколько же дней ты работалъ? Сколько тебѣ выдали?

— Четыре дня работалъ. По шести гривенъ заплатили.

Ему, повидимому, тяжело было держаться на мѣстѣ и разговаривать, но онъ терпѣлъ: ни стоновъ, ни жалобъ. И только когда его спросили: «А сильно болитъ»?—спокойно, мрачно, неторопливо отвѣчалъ:

— Какъ вставать, караулъ кричи, какъ лечь, караулъ кричи.

На нужду онъ тоже не сталъ жаловаться, а кратко сообщилъ, что изъ «магазея» выдали ему пять пудовъ зерна: по пуду на ѣдока. И намъ самимъ оставалось сообразить, что этотъ больной, сумрачный, спокойный человѣкъ въ сущности въ отчаянномъ положеніи со своей семьей въ пять душъ, такъ какъ выдачи изъ общественнаго магазина хватитъ ему на недѣлю, много на двѣ, а дальше—голодовка.

Можетъ быть, въ силу этой сдержанности, скупости на слова и мрачной твердости на лицахъ мнѣ показалось, при обходѣ бѣднѣйшихъ дворовъ (по указанію учителя), что мордва дѣйствительно крѣпче русскихъ держится за жизнь. Видимо, они помогаютъ другъ другу; послѣдняя краюха на полкѣ не вселяетъ у нихъ въ душѣ безсильнаго отчаянія, какъ у русскаго крестьянина, и поэтому они, можетъ быть, легче русскаго населенія перенесутъ нынѣшнюю голодовку.

Изъ этого предположенія, разумѣется, не слѣдуетъ дѣлать того несправедливаго вывода, что къ мордвѣ можно не спѣшить съ помощью. Здѣсь, какъ и въ сосѣднихъ русскихъ селахъ помощь, несомнѣнно, требуется скорая и значительная.

Отъ общественныхъ работъ населеніе здѣсь получило, какъ и вездѣ, гроши. Мучила и калѣчила себя мордва, хлюпая по водѣ и тинѣ въ лаптяхъ и валенкахъ при устройствѣ водопровода и надсаживаясь, когда приходилось рыть камень изъ мерзлой земли. А теперь, какъ и вездѣ, остановились и эти работы. Плохо при нихъ, еще хуже безъ нихъ. Кое-кто изъ мордвы сдержанно говорили:

— Ежели не будетъ работы, не знаемъ, какъ проживемъ до весны.

Одѣваются и живутъ мордвины такъ же, какъ русскіе. Тѣ же избы, та же скудная обстановка. Бросается только въ глаза, что въ каждой избѣ непремѣнно имѣется прялка съ колесомъ, иногда двѣ и три. Въ русскихъ селахъ прялка почти исчезла. Мордва, видимо, ближе къ старому быту, не торопится разрывать съ нимъ. Рубахи, порты у мордвы, по большей части, изъ домотканной посконі.

Угрюмый, но, чувствуется, упорный, сильный духомъ народъ. Значительное фамильное сходство замѣчается у этихъ восточныхъ финновъ съ западными финнами—финляндцами.

— Село Тепловка,—сказали мнѣ въ Саратовѣ, — едва ли не самый печальный пунктъ Саратовскаго уѣзда. Тамъ форменный голодъ. Тамъ уже эпидемія брюшного тифа разыгралась.

Оказалось не вполнѣ такъ.

— Эпидемія тифа,—разъяснилъ мѣстный врачъ,—была осенью. Теперь она значительно утихла. И брюшной тифъ здѣсь не отъ голода, а отъ дурной воды. Отвратительная вода, населеніе отъ нея постоянно болѣетъ.

Казалось бы, тѣмъ хуже: если брюшной тифъ—не временное явленіе, а долгое и прочное несчастье села, то слѣдуетъ особенно энергично бороться съ нимъ. У насъ, однако, такая ужъ искривленная соціальная психологія: отъ временнаго тифа приходятъ въ ужасъ, бьютъ въ газетный набатъ, а постоянный тифъ невозбранно, тихо коситъ и коситъ жертвы.

Странныя и довольно изумительныя вещи поразсказали мнѣ въ Тепловкѣ относительно водоснабженія населенія.

— Безсмыслица съ этими общественными работами,—говорила мѣстная интеллигенція.—Самое любимое у насъ дѣло: камень копать. И зачѣмъ нуженъ этотъ камень? Между тѣмъ неотложная, ближайшая нужда населенія—устройство водопровода. Рѣчка пересыхаетъ, клоака порядочная. Воду пьютъ гнилую, черпаютъ ее съ грязью, и дѣлается ея все меньше. А недалеко есть хорошій источникъ. Разработать его и провести водопроводъ къ селу—самое простое, разумное дѣло. Однако, какъ ни бьются мужики, вопросъ ни съ мѣста. Дѣло въ томъ, что источникъ находится на землѣ Крестьянскаго банка, а проходитъ ручей по банковской землѣ, отведенной подъ отруба. Слѣдовательно, водопроводъ приходится проводить по этой землѣ. А банкъ категорически воспрещаетъ. Тутъ и политика съ отрубами, и неизвѣстно что. Полная безсмыслица, однимъ словомъ. Притомъ замѣтьте, что отрубщики взяли землю у банка съ тѣмъ условіемъ, чтобы имъ на отруба не переселяться. Живутъ они въ селѣ, и всѣ единогласно даютъ подписку въ томъ, что съ ихъ стороны нѣтъ возраженій противъ устройства водопровода. А банкъ все-таки: «Не желаю».

— У банка вообще странныя дѣйствія,—сказалъ второй собесѣдникъ.—Онъ даетъ землю въ аренду и весьма немилостивъ къ мужикамъ. Если аренда не уплачена, банкъ не позволяетъ, напримѣръ, свозить хлѣбъ съ поля. Ѣдешь зимой и видишь, какъ хлѣбъ мокнетъ въ полѣ. Ни банку, ни мужикамъ. Или позволяютъ свезти

и обмолотить, но съ тѣмъ, чтобы зерно сейчасъ же было отдано банку. Кстати, вотъ маленькій штрихъ о нынѣшнемъ неурожаѣ. Одинъ мужикъ снялъ у банка четыре десятины. Обмолотилъ. Объѣздчикъ спрашиваетъ управляющаго: «Прикажете отобрать хлѣбъ?»—«А сколько у него?—«Два пуда».—Съ четырехъ десятинъ два пуда! Да еще половину надо сбросить на ухвостье, куколь, соръ.

— Мужики безъ воды мучаются, болѣютъ,—продолжалъ первый собесѣдникъ,—а рядомъ странные опыты устраиваютъ. Вонъ та, на горѣ, усадьба принадлежала раньше Воронцову-Дашкову, а нынѣ принадлежитъ вѣдомству земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Такъ вотъ управленіе, видите ли, рѣшило разводить рыбу, устраиваетъ что-то въ родѣ рыбоводнаго завода. Подъ горой нарыли прудовъ, ухлопали на это $37^1/_2$ тысячъ рублей, а воду берутъ какъ разъ изъ того источника, котораго ждутъ не дождутся крестьяне. На поливку ихъ сада и на пруды теперь вся вода уйдетъ. Пить нечего, а они — разводятъ рыбу! Для кого, для чего? Крестьянъ, что ли, будутъ обучать, какъ разводится рыба? Одно только хорошо: на этихъ несуразныхъ прудахъ крестьяне все-таки заработали немного, копали ихъ осенью.

Такъ какъ вопросъ о водѣ—длительный и мучительный, то имъ какъ будто заслоняется для мѣстной интеллигенціи временный, острый вопросъ о недородѣ. Между тѣмъ и эта нужда значительна. А оба несчастія—дурная вода и недоѣданье,—соединившись въ нынѣшнемъ печальномъ году, дѣлаютъ Тепловку, можетъ быть, даже несчастнѣе сосѣднихъ селеній.

И когда мы съ докторомъ обходили бѣднѣйшія избы, то казалось почти естественнымъ, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ были больны всѣ члены семьи, отъ мала до велика.

Обычная тѣсная, полутемная изба. Передъ нами стоитъ тощій, черный мужикъ съ неестественно блестящими глазами.

— Плохо. Бери сумку и иди по міру,—говоритъ онъ глухимъ, слабымъ голосомъ, заикаясь и кашляя.—Вонъ ихъ—шестеро. Самъ больной, на ходу задыхаюсь. Не гожусь.

— Онъ туберкулезный,—подсказываетъ мнѣ докторъ, и дѣлается понятной печальная красота неестественно блестящихъ глазъ.

— Надо горе-горевать,—бормочетъ тѣмъ временемъ, покашливая, хозяинъ,—капли хлѣба нѣтъ. Караульщикомъ я. Сорокъ пять копеекъ съ дому. Кха-кха...

И намъ оставалось представить себѣ, какъ этотъ чахоточный мужикъ ходитъ по цѣлой ночи на вѣтру и морозѣ со своей колотушкой по пустынной деревенской улицѣ...

Чахлая, больная жена стояла возлѣ, молча, понурившись. Двое-трое дѣтишекъ, замазанныхъ, захудалыхъ, жались около нея. А на кровати, на тряпьѣ, лежала, разметавшись въ жару, совсѣмъ больная дѣвочка лѣтъ двухъ. И надъ ней заботливо склонялась сѣдая голова старушки въ темномъ платкѣ.

— Ухаживаешь, бабушка, за внучкой?

— Какъ же,—шамкала старушка,—я ужъ округъ ихъ. Вотъ эта умирала. Округъ ихъ я. Плохо вотъ оклемывается [1]).

— Который годъ тебѣ, бабушка!

— А?

— Семьдесятъ пятый ей,—отвѣтилъ мужикъ, блестя глазами.

— Она, значитъ, крѣпостное право помнитъ. Барщину, бабушка, помнишь? Хорошо тогда жилось?

— Ничего. Что же, ничего жилось,—разсѣянно говорила старушка, склонившись надъ ребенкомъ.

— Лучше, чѣмъ теперь?

— Лу-уччи?!—подняла голову она.—Съ живого шкуру драли. Я теперь ничего не боюсь.

Она даже нѣсколько выпрямила старческую спину, и глаза ея независимо блеснули. Хорошимъ, значитъ, кремнемъ было крѣпостное право, если и теперь, ударивъ по нему воспоминаньемъ, вызываешь искру!..

Въ слѣдующей избѣ прежде всего поразилъ насъ спертый кислый, удушливый запахъ, и какъ бы въ дополненіе къ нему поднялась на печи фигура старика, не только посѣдѣвшаго, а прямо позеленѣвшаго отъ старости. Онъ былъ въ синей, посконной, полуистлѣвшей рубахѣ. Опираясь на локоть, онъ сталъ что-то отрывисто выкрикивать, и сначала ничего нельзя было понять: это было что-то въ родѣ шамкающаго лая. Потомъ можно было разобрать отдѣльныя слова:

— Ѣсть нечего... Кормиться... Га-га-га!.. Въ богадѣльню надо... А?.. Годъ?.. Подъ девяносто... Некому... Сирота я... Солдатъ... николаевскій... у-у-у...

Блѣдненькая дѣвочка влѣзла на приступку печи, посмотрѣла на меня ясными глазками и сообщила.

— Это дѣдушка. А баба сгорѣла. Прошла мимо галанки, подолъ-то запыхнулся. Она и сгорѣла. Мнѣ мама разсказывала. Я маленькая была.

— А теперь большая. Который тебѣ годъ?

Она застѣнчиво склонила головенку набокъ и молчала.

---

[1]) Оклемывается—выздоравливаетъ.

— Семой годъ,—сказала за нее дѣвочка постарше.

Картина нужды въ этой семьѣ такая же, какъ и вездѣ. По оголенности избы, по жалостному тряпью, набросанному на кровати, по скудной одеженкѣ и по впалымъ, болѣзненнымъ лицамъ обитателей избы безъ разспросовъ видно было, что живется грустно.

— Плохо живемъ, чего ужъ,—говорила хозяйка,—прошлый годъ погорѣли, въ нынѣшнемъ году неурожай. А ихъ вонъ шесть человѣкъ — старыхъ и малыхъ. Работы нѣтъ. Какъ живемъ-то? Выпросили вонъ, заложили одеженку, а тамъ что хошь дѣлай, хоть помирай. Лошадь занемогла. Отъ корму. Корму нѣтъ. Чуть жива. Одна солома, и ея нѣтъ. Хуже-то ужъ куды.

— А какъ у васъ въ концѣ, много въ этакой нуждѣ?

— Много найдется такихъ,—апатично, печально сказала она.

Зашли мы еще въ двѣ-три избы. Вездѣ то же, вездѣ оскудѣнье, истощенье, болѣзни, вездѣ существованье виситъ на тоненькомъ волоскѣ. Завтра-послѣзавтра оборвется волосокъ, и настанетъ уже подлинный голодъ.

Посмотрѣли вдоль улицы и выбрали среди захудалыхъ избенокъ самую маленькую, жалкенькую, вросшую наполовину въ землю и почти до крыши занесенную снѣгомъ. Два крохотныхъ, тусклыхъ оконца еле выглядывали верхнимъ краемъ изъ-подъ навоза и сѣна.

— Зайдемъ-ка сюда напослѣдокъ!

Съ трудомъ пролѣзли мы, согнувшись вдвое, сквозь низкую, узкую дверь въ пустыя сѣни. Вошли въ избу. Темно. Мигаютъ въ углу красные отблески. На корточкахъ передъ печью сидитъ какая-то женщина и бросаетъ въ печь сучья съ прошлогодними листьями. Возлѣ нея на полу сидитъ крохотная дѣвочка. Пламя печки ярко освѣщаетъ дѣтское, блѣдное личико, обмазанное грязью.

Женщина подняла лицо и поглядѣла на насъ спокойно, съ веселымъ любопытствомъ. Лицо ея при отблескѣ печи казалось румянымъ, здоровымъ.

— Ну, какъ живете? Какъ у васъ урожай?—стали задавать мы обычные вопросы.

— Ха-ха-ха! Урожай?—съ веселымъ удивленьемъ отвѣчала женщина,—мы не засѣвали. Лошадь надо. У насъ нѣтъ скотины-то.

И беззаботно ломая съ хрустомъ сучья, она бросала ихъ въ печку, продолжая сидѣть на корточкахъ.

— А мужъ гдѣ?

— Камень роетъ. На горѣ гдѣ-то.

— Сколько онъ получаетъ?

— Шутъ его знаетъ. Четыре рубля за кубикъ, что ли.

— А дѣвочка здорова?

— Ничего, здорова. Чего ей.

Ея веселый тонъ началъ насъ подчинять, и мы въ тонъ ей шутливо спрашивали:

— Что же вы хозяйство не заведете? Лошадь бы надо, сѣяли бы.

— Заведешь тутъ, безъ денегъ-то. У насъ и избы нѣтъ, въ чужой живемъ.

— Платите за нее?

— Платимъ. Пятьдесятъ платимъ. Чужая. 50 копѣекъ въ мѣсяцъ платимъ.

— Что же мужа-то изъ отцовской семьи не выдѣляли развѣ? Почему у него ничего нѣтъ?

— А такъ. Сирота онъ. Отца не было. Пришелъ со службы, женился и живетъ.

Когда мы уходили, она не проявила интереса — ни кто мы, ни зачѣмъ разспрашиваемъ, не высказала ни жалобы, ни просьбы. Продолжала независимо сидѣть около печки, похрустывая сучками, занятая какими-то своими веселыми мыслями.

Этимъ случайнымъ штрихомъ жизнь какъ бы хотѣла доказать свою гибкость и силу: молодость и здоровье могутъ беззаботно существовать даже при недоѣданьи, даже возлѣ голода.

Ягодная Поляна—нѣмецкое селенье. Въ Саратовѣ мнѣ сказали:

— Тамъ нѣмцы пухнутъ отъ картофеля. Сначала на это село не обращали вниманія. Какъ-то ужъ привыкли думать, что нѣмцы всегда живутъ хорошо. А оказалось и тамъ плохо.

Ѣдешь чрезъ Ягодную Поляну, и сразу чувствуется другой, не русскій бытъ. Ставни оконъ почти у всѣхъ домовъ расписаны красной и синей краской. У воротъ стоитъ и флегматично смотритъ на проѣзжающій экипажъ бритый человѣкъ, похожій на Шиллера или Бетховена. И платье у него какого-то особаго, широкаго покроя. Идетъ дѣвушка съ водой. На плечахъ качаются не ведра, а какія-то бадейки въ видѣ срѣзаннаго конуса.

А когда мы обходили съ помощникомъ старосты бѣднѣйшія хаты, то различіе быта чувствовалось во всей обстановкѣ, во всѣхъ мелочахъ обихода. И невольно думалось: «Какъ живучи, однако, національныя привычки». Переселились сюда нѣмцы при Екатеринѣ, сто сорокъ лѣтъ назадъ. А живутъ нѣмцы и теперь, очевидно, такъ, какъ жили ихъ предки въ Пруссіи полтораста лѣтъ назадъ. Внутри хаты стѣны густо смазаны бѣлой глиной и непремѣнно расписаны синей краской: что-то въ родѣ деревьевъ, вензелей, кружечковъ.

— О, это дѣти украшаютъ съ праздникомъ,—улыбаясь, объясняютъ нѣмцы.

Печь устроена въ видѣ русской лежанки. Сверху вдѣланъ большой котелъ. А въ него ставятся для варки пищи маленькіе котлы или горшки. Топка печки снаружи, изъ холоднаго помѣщенія. Господствующее положеніе въ хатѣ занимаетъ широкая кровать съ навѣсомъ и занавѣсами, съ наваленными на ней перинами и подушками въ цвѣтныхъ наволочкахъ. Все это было, конечно, убого, ветхо и грязновато въ тѣхъ захудалыхъ семьяхъ, куда мы заходили, но все же чувствовался особый, прочный, вѣковѣчный бытъ.

Къ сожалѣнію, женщина-врачъ, работающая въ селѣ, отсутствовала въ это время (уѣхала въ Саратовъ), и я не могъ узнать, насколько точно сказали мнѣ въ Саратовѣ, что нѣмцы «пухнутъ отъ картофеля». Но, несомнѣнно, положеніе бѣднѣйшей части села очень печально. Хлѣба нѣтъ, питаются однимъ картофелемъ, и притомъ запасовъ картофеля у кого остается на недѣлю, у кого на двѣ, у кого и сейчасъ нѣтъ. Живутъ нѣмцы въ такой же тѣснотѣ, какъ и русскіе. Въ крохотной избенкѣ съ землянымъ поломъ обычно жмется семья въ 6—7 человѣкъ, а иногда двѣ семьи по 6—8 человѣкъ. Какъ они размѣщаются—невозможно понять. Очевидно, дѣти спятъ въ повалку на земляномъ полу. Но при двухъ семьяхъ непремѣнно возвышаются въ хатѣ двѣ кровати, съ навѣсами на точеныхъ, раскрашенныхъ колонкахъ.

Сдѣланы избенки изъ «дикаго камня». И дѣлаютъ ихъ хозяева-нѣмцы собственными руками.

Общественныя работы въ Ягодной Полянѣ были и даже отчасти продолжаются теперь. Копаютъ неизбѣжный камень. Работа изнурительная. Заработокъ ничтожный. Одинъ заморенный, тонкій, худой нѣмецъ съ плоховыбритымъ подбородкомъ уныло жаловался, что приходится работать на склонѣ оврага, погружаясь по поясъ въ снѣгъ, и выбивать камень изъ промерзлаго песка.

— Семь человѣкъ два дня работали,—разсказывалъ онъ,—такъ вотъ какъ: отвели мѣсто для полкубика и на этомъ мѣстѣ даже землю камнями не покрыли. Ничего не заработали.

Въ селѣ свыше 9 тысячъ жителей. Изъ нихъ, по словамъ сельской власти, около 500 семействъ безусловно нуждаются въ помощи. Общественныя работы продолжались всего три недѣли и давали незначительный заработокъ небольшой части всей массы нуждающихся.

— Очередью, по сто человѣкъ принимали на работу,—разсказывали нѣмцы,—сто человѣкъ работаютъ, а четыреста дома. Не допускаютъ.

— Полтора рубля заработалъ,—говорилъ одинъ чахлый, замотанный нуждой нѣмецъ.—Три дня работалъ. Больше не досталось.

Конечно, такая помощь прошла безслѣдно, и бѣднѣйшая часть села находится сейчасъ наканунѣ полной голодовки.

Въ с. Озеркахъ, Саратовскаго уѣзда, повѣсился мальчикъ.

— Отъ голода,—говорятъ одни.

— Не выяснено это,—возражаютъ другіе мѣстные жители.—Объясняютъ и такъ: его посылали по міру, а ему стыдно было передъ товарищами. И одеженка у него оборвалась, и за нее было стыдно. Ну, конечно, и нужда къ тому же, куска запаснаго не было. Не выдержалъ, повѣсился.

Бѣдный мальчикъ, погибнувъ, остался живымъ укоромъ для сомнѣвавшихся въ острой нуждѣ мѣстнаго населенія. А для мальчиковъ, въ особенности школьниковъ, онъ сдѣлался печальнымъ, притягательнымъ примѣромъ.

— Дѣтишки плачутъ,—разсказывалъ учитель.—Тятянька, говорятъ, все продалъ, ѣсть нечего, я повѣшусь, какъ вонъ этотъ. Примѣръ-то былъ, вотъ и плачутъ. Недавно пришелъ одинъ и говоритъ сторожу: «я повѣшусь». Сторожъ сказалъ намъ. Мы призвали мальчика: «Говорилъ?—Говорилъ.—Плачетъ. Конечно, нужда. Въ школѣ у многихъ мальчиковъ малокровіе, истощеніе. Около половины совсѣмъ не ходятъ, потому что голодно, холодно, хвораютъ—не до ученья. Горячаго привара у насъ пока еще не устроено.

Сверхъ общей бѣды — недорода — была на здѣшнихъ поляхъ отдѣльная бѣда: все яровое (2300 дес.) побито градомъ.

Общественныя работы были и «временно» пріостановились. Вяло бродятъ праздные техники, десятники. Ждутъ денегъ изъ Саратова, а въ Саратовѣ ждутъ средствъ изъ Петербурга. Томительная пауза для всѣхъ, для крестьянъ же, разумѣется, въ особенности.

И все-таки въ Озеркахъ говорятъ, — особенно среди интеллигенціи,—гораздо больше не объ этой нуждѣ, а о водяномъ голодѣ.

— Форменный водяной голодъ у насъ. За послѣднія пять лѣтъ сплошное мученье. Особенно лѣтомъ: грязь везутъ вмѣсто воды. Источники пересохли, а въ селѣ около 6 тысячъ жителей. До того съ водой плохо, что серьезно приходится многимъ думать о выселеніи отсюда. И сколько мужики ни бьются, сколько ни просятъ, ничего не выходитъ: не безпокоится насчетъ ихъ начальство. На общественныхъ работахъ дѣлали всякіе пустяки, а для воды опять ничего. Кое-какія изысканія, впрочемъ, начали, да опять вонъ работы стали. Просто бѣда.

— Даже Столыпина вспомнишь,—говорилъ старожилъ интеллигентъ.—Онъ чиркнулъ было перышкомъ, зашевелились тутъ. Былъ у него такой циркуляръ относительно санитарно-водяныхъ работъ. Ну, начали немножко, то да се, изысканія разныя, проекты водопроводовъ. А теперь, должно быть, опять все заглохнетъ. Водяной вопросъ здѣсь во многихъ селахъ самый острый вопросъ.

И, возвращаясь къ общей мѣстной нуждѣ, мѣстные люди говорили:

— Плохо теперь. Въ каждую избу, конечно, не заглянешь, но горя и слезъ предовольно. А еще вотъ что: если теперь еще можно сомнѣваться, есть ли настоящій голодъ или нѣтъ, то черезъ мѣсяцъ, черезъ два, къ веснѣ, будетъ совсѣмъ плохо. Хлѣбъ будетъ окончательно подъѣденъ. Голодовка начнется форменная.

Среди мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая, Саратовскій уѣздъ не принадлежитъ къ наиболѣе пострадавшимъ. Онъ занимаетъ среднее положеніе. И когда я объѣхалъ сѣверо-восточную часть уѣзда, то пришелъ къ заключенію, что голода здѣсь, въ полномъ и жестокомъ смыслѣ этого слова, пока нѣтъ. Есть пока близкое, жуткое преддверіе голода. Положеніе въ сущности и теперь грозное тяжелое. Оно выматываетъ послѣднія силы изъ населенія, подкашиваетъ здоровье тысячъ людей, подготовляя почву на нѣсколько лѣтъ для всякихъ эпидемій; оно катастрофически ломаетъ крестьянское хозяйство, какъ огнемъ выжигаетъ послѣднія крохи скуднаго крестьянскаго достатка, уноситъ тысячи головъ скота. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Но ужъ такова, должно быть, печальная привычка въ Россіи ко всевозможнымъ бѣдамъ, что нужны какія-то крайнія степени несчастья, нужно, напримѣръ, чтобы оказался полный голодъ, чтобы населеніе «пухло», лежало сотнями и тысячами въ цынгѣ, тифѣ, чтобы люди умирали, вѣшались отъ голода—и тогда только правительство и общество по настоящему забезпокоятся, начнутъ думать о быстрыхъ мѣрахъ помощи.

Какими бы изумленными глазами посмотрѣли на того врача, который отказался бы идти къ больному, говоря: «Да вѣдь онъ еще не въ агоніи? Куда вы торопитесь?»

А въ родѣ этого говорятъ—иногда даже мѣстные интеллигенты—относительно голодающихъ: «Ну да, конечно, тяжело. Но, вѣдь, еще до тифа и цынги не дошло? Вотъ въ 1891-мъ году—тогда, дѣйствительно, совсѣмъ плохо было: въ повалку лежали отъ цынги и тифа». И однако, они соглашаются, что къ веснѣ, мѣсяца черезъ два, слѣдуетъ ожидать всѣхъ ужасовъ голодовки, если не будетъ широкой, разумной помощи.

А вотъ именно съ этой помощью все медлятъ и медлятъ. Единственная попытка помощи выразилась въ организаціи общественныхъ работъ, и попытку эту слѣдуетъ признать во всѣхъ смыслахъ неудачной. Не будемъ даже говорить о цѣлесообразности этихъ работъ для населенія, не будемъ упрекать организаторовъ за то, что вездѣ рыли злосчастный камень, никому почти ненужный, обходя острыя нужды населенія въ родѣ водопроводовъ. Взглянемъ на эти работы исключительно съ узкой точки зрѣнія помощи голодному населенію трудовой копейкой: «Хочешь ѣсть, рой камень». Пусть такъ. Но, начиная съ Саратова, уже стала обрисовываться странная картина организаціи общественныхъ работъ. Въ уѣздной земской управѣ мнѣ пришлось разговаривать съ предсѣдателемъ управы, съ врачами, техниками, завѣдующими отдѣловъ. И сумбурность общественныхъ работъ дѣлалась несомнѣнной уже изъ этихъ разговоровъ.

— Довольно нелѣпо все это идетъ,—разсказывали въ управѣ.— Земство еще съ осени составило свой планъ общественныхъ работъ въ уѣздѣ. Но въ правительственныхъ верхахъ тогда еще не склонны были признавать неурожай. Потомъ поднялся шумъ, и сверху вдругъ начали торопить. А тутъ еще двоевластье. Главнонаблюдающимъ за общественными работами по нашему уѣзду назначенъ г. Кропотовъ, старый консерваторъ. Общественныя работы онъ считаетъ прямо панацеей. Кормить населеніе, по его мнѣнію, развратъ. И вотъ, власть у него, а планъ у земства. А когда начали сверху торопить, и г. Кропотовъ заторопился. «Открывайте вотъ здѣсь, открывайте вотъ тамъ. Да поскорѣе, поскорѣе!» И начали по всему уѣзду, какъ и во всей губерніи, впопыхахъ открывать работы гдѣ попало и давать дѣло, какое попало. Свѣдѣнія о нуждѣ собирались налету. Поэтому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и не очень острая нужда, а работы открыли, въ другихъ— полная нужда, а работъ не открыли. Затѣмъ не сообразились со средствами. Работъ наоткрывали, а денегъ нѣтъ. Бывали такіе острые моменты: изъ уѣзда со всѣхъ сторонъ требуютъ денегъ для расплаты съ крестьянами, а денегъ нѣтъ ни въ земствѣ, ни у губернатора. Волнуемся, бѣгаемъ къ губернатору; онъ телеграфируетъ день и ночь въ Петербургъ. Мы ужъ тутъ боялись одно время, какъ бы не вспыхнули безпорядки среди крестьянъ. Ну, въ это время, слава Богу, деньги пришли. А потомъ снова всѣ ассигновки изсякли, и пришлось повсюду работы пріостановить. Теперь сидимъ, ждемъ. Дадутъ ли денегъ,—неизвѣстно. Положеніе отвратительное.

На мѣстахъ, даже при томъ бѣгломъ обзорѣ, который мнѣ пришлось сдѣлать, недостатки организаціи общественныхъ работъ, какъ единственной помощи нуждающемуся населенію, рѣзко бросались въ

глаза. Не весела, во-первыхъ, работа для полуголоднаго населенія въ дырявыхъ полушубкахъ и лаптишкахъ на морозѣ, на вѣтру, въ снѣгу, а иногда и въ ледяной водѣ. Не весела, во-вторыхъ, работа въ родѣ рытья камня изъ мерзлой почвы, если она доставляетъ, при упорномъ, каторожномъ трудѣ, 8—12 коп. въ день. И еще хуже: вездѣ старались дѣлать отборъ среди желающихъ работать или составляли очереди, и каждый нуждающійся могъ разсчитывать на работу въ теченіе двухъ-трехъ дней въ недѣлю, а остальные дни жди, терпи, голодай. И, наконецъ, всего хуже: еле начавшись, работы повсемѣстно оборвались. Какъ ни плохъ этотъ видъ помощи населенію, но разъ другого не допущено, а отъ общественныхъ работъ все же стало кое-что перепадать населенію, то каково-же должно быть отчаяніе населенія, когда въ самой серединѣ зимы работы пріостановили и оставили населеніе окончательно безо всякой помощи.

Таково положеніе населенія, способнаго такъ или иначе работать. Еще печальнѣе положенье стариковъ, старухъ, вдовъ, сиротъ, дѣтей и вообще лицъ, неспособныхъ по слабости или по возрасту къ работѣ. Они были оставлены пока внѣ всякой помощи. О нихъ пока только «составлялись списки». Такихъ нуждающихся, какъ-никакъ, въ каждомъ уѣздѣ насчитывается по нѣсколько тысячъ, и какими бы яркими защитниками общественныхъ работъ ни были начальствующія лица уѣзда, но нельзя же забыть объ этихъ несчастныхъ, неслышно гибнущихъ внѣ всякой помощи. Очевидно, что однѣми общественными работами (при томъ временно-пріостановленными) обойтись нельзя.

А затѣмъ близится весна. Нужно засѣвать поля. У крестьянъ въ домѣ «ни одного зерна». Возможно ли оставить сотни тысячъ крестьянъ безъ помощи для обсѣмененія полей? Въ этомъ заключалась бы государственная опасность.

И вообще къ веснѣ обострится во всей своей огромной сложности тяжелый вопросъ о положеніи мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая. Пусть бы хоть ошибки, сдѣланныя осенью, помогли получше справиться съ бѣдой теперь и къ веснѣ.

8 января. И. Жилкинъ.

СОВРЕМЕННАЯ ДОРОГОВИЗНА НА ЗАПАДѢ И ВЪ РОССІИ.

Въ августѣ 1911-го года въ Западной Европѣ разыгрались событія, которыхъ не было тамъ уже очень и очень давно и которыя, поэтому, для многихъ были неожиданностью: мы говоримъ о массовыхъ протестахъ и безпорядкахъ на почвѣ современной дороговизны. Начало имъ было положено собственно въ Англіи, во время недавней стачки желѣзнорожныхъ служащихъ и докеровъ, но тамъ разгромъ лавокъ и магазиновъ, торгующихъ съѣстными припасами, имѣлъ мѣсто лишь въ одномъ Ливерпулѣ, да и то подъ вліяніемъ возбужденія, вызваннаго прекращеніемъ работъ. Гораздо болѣе широкіе размѣры, и уже безъ всякой связи съ забастовкой, приняло движеніе на сѣверѣ Франціи и въ Бельгіи, гдѣ въ цѣломъ рядѣ городовъ толпы народа, при дѣятельномъ участіи хозяекъ и женъ рабочихъ, являлись на рынокъ, требовали пониженія цѣнъ на пищевые продукты и въ случаѣ отказа подвергали торговцевъ бойкоту или разносили ихъ лавки. Такъ напр., въ Брестѣ потребители, находя цѣны «разбойничьими», разбросали на базарѣ весь товаръ; въ Сенъ-Кантенѣ были разбиты почти всѣ булочныя и мясныя; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полиція не допускала подвоза съѣстныхъ припасовъ на рынки, чтобы предотвратить столкновеніе крестьянъ съ хозяйками. Необычной была здѣсь только форма протеста, самое же движеніе подготовлялось давно. Уже нѣсколько лѣтъ въ многочисленныхъ народныхъ собраніяхъ, въ органахъ печати, въ засѣданіяхъ парламентовъ, муниципалитетовъ и разныхъ другихъ общественныхъ учрежденій въ Германіи, Франціи, Австріи и Италіи раздавались жалобы на непомѣрно возросшую дороговизну жизни и настойчиво повторялось требованіе энергичныхъ мѣръ въ защиту интересовъ потребителей. Негодованіе широкихъ массъ населенія противъ рѣзкаго подъема цѣнъ на предметы первой необходимости, обнаружившагося съ конца прошлаго столѣтія и особенно усилившагося за послѣднее время, вполнѣ понятно. Важно выяснить, чѣмъ вызвана современная дороговизна, каковы ея размѣры и какимъ образомъ можно бороться съ нею.

Конецъ XVIII-го вѣка былъ ознаменованъ крупными завоеваніями въ области техники, послужившими исходнымъ пунктомъ для необычайно быстраго развитія промышленности сначала въ Англіи,

а затѣмъ и на континентѣ Европы. Ростъ капитализма сопровождался, въ свою очередь, быстрымъ увеличеніемъ населенія, какъ вообще, такъ и въ особенности той его доли, которая приходится на городъ; процентъ земледѣльческаго населенія всюду неизмѣнно падалъ. Создавался усиленный спросъ на продукты сельскаго хозяйства и, рядомъ съ нимъ, расли цѣны на пищевые продукты.

Находясь подъ впечатлѣніемъ этого явленія, экономисты классической школы, въ лицѣ Мальтуса и Рикардо, возвели его въ общее правило, уча, что въ то время какъ въ обрабатывающей промышленности цѣны на продукты должны съ теченіемъ времени падать, въ сельскомъ хозяйствѣ онѣ, наоборотъ, должны расти. Для объясненія этого роста былъ формулированъ такъ называемый законъ убывающаго плодородія почвы, согласно которому при увеличеніи затратъ на землю труда или капитала на единицу ихъ приходится все меньшее количество продуктовъ, другими словами — при увеличеніи интенсивности земледѣлія производительность труда уменьшается.

Мы лично не принадлежимъ къ числу сторонниковъ этого закона и думаемъ, что ростъ цѣнъ на сельскохозяйственные продукты объясняется вовсе не паденіемъ производительности труда при переходѣ земледѣлія къ болѣе интенсивнымъ системамъ, а причинами совершенно иного порядка; но во всякомъ случаѣ самый фактъ роста цѣнъ не подлежитъ сомнѣнію. Такъ продолжалось дѣло до конца 70-хъ годовъ, когда на міровомъ рынкѣ произошелъ крутой переломъ: цѣны на хлѣбъ и мясо стали быстро падать. Явленіе это стояло въ тѣсной связи съ новымъ переворотомъ, не столько въ производствѣ, сколько въ условіяхъ транспорта: развитіе желѣзнодорожной сѣти, пароходныхъ путей сообщенія и въ особенности холодильнаго дѣла позволило выступить въ качествѣ поставщиковъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ заокеанскимъ странамъ, которыя раньше были лишены этой возможности—Соединеннымъ Штатамъ, Канадѣ, Индіи, Аргентинѣ, Австраліи и др. Наиболѣе явственно новая тенденція въ движеніи цѣнъ сказалась въ Англіи, которая не принимала никакихъ искусственныхъ мѣръ противъ этой конкуренціи, оставаясь страной свободной торговли. По даннымъ извѣстныхъ таблицъ Зауэрбека, цѣны на пищевые продукты, принимая за основу для сравненія (100) уровень ихъ за періодъ съ 1891 г. по 1900 г., измѣнялись въ Англіи за послѣднее полстолѣтіе слѣдующимъ образомъ:

1857—60 гг.	138,5	1881— 90 гг.	115,1
1861—70 »	138,5	1891—900 »	100,0
1871—80 »	145,3	1901—909 »	102,0

Итакъ, стоимость жизни за послѣднія двадцать лѣтъ болѣе, чѣмъ на треть, была ниже, чѣмъ въ шестидесятыхъ или семидесятыхъ годахъ. При этомъ болѣе всего подешевѣли колоніальные товары—чай, сахаръ, кофе; затѣмъ растительная пища, и сравнительно меньше продукты животнаго происхожденія: мясо, масло и др. Наивысшаго уровня цѣны достигли въ 1873 г.—157, а наинизшаго въ 1896 г. — 90. Новый подъемъ цѣнъ начинается съ 1905 г., но по сравненію съ прежнимъ онъ представляется очень скромнымъ. Такъ, если принять уровень девяностыхъ годовъ за 100, то въ 1905 г. онъ составлялъ 102, въ 1906 г. — 101, въ 1907 г. — 105, въ 1908 г. — 106, въ 1909 г. — 107. Въ общемъ за девять лѣтъ текущаго столѣтія сумма цѣнъ пищевыхъ продуктовъ поднялась лишь на 2% противъ предшествовавшаго десятилѣтія. Правда, отдѣльные и притомъ наиболѣе важные предметы продовольствія, какъ напр. мясо и хлѣбъ, подорожали болѣе значительно, но все же и они, по сравненію напр. съ семидесятыми годами, стоютъ теперь много дешевле — мясо % на двадцать, а пшеница еще болѣе. Въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка, когда въ Англіи еще дѣйствовали т. н. хлѣбные законы, цѣна пшеницы была еще гораздо выше; такъ напр., въ періодъ съ 1821 по 1840 г. тонна пшеницы стоила въ среднемъ 260 марокъ, а въ теченіе перваго пятилѣтія текущаго вѣка—всего 140 марокъ. Такимъ образомъ, англичанинъ не имѣетъ никакихъ основаній вздыхать о прошломъ или жаловаться на «непомѣрную» дороговизну: лѣтъ тридцать или пятьдесятъ тому назадъ цѣны на пищевые продукты стояли, въ общемъ, куда выше, чѣмъ теперь. Увеличеніе заработной платы, котораго англійскіе рабочіе добиваются изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе, идетъ здѣсь въ значительной долѣ на расширеніе потребностей и на укрѣпленіе соціальнаго положенія трудящагося населенія, а не на пополненіе дефицита въ бюджетѣ, расшатываемомъ все болѣе и болѣе идущими вверхъ цѣнами. И если среди рабочаго класса и даже среди среднихъ слоевъ населенія нерѣдко можно услышать жалобы на то, что жизнь изъ года въ годъ дорожаетъ, то въ этомъ находитъ отраженіе совсѣмъ другая сторона дѣла, а именно—расширеніе потребностей: улучшается качество пищи или она становится разнообразнѣй, входятъ въ обиходъ такіе продукты, которые раньше считались роскошью, увеличиваются расходы на развлеченія и т. д. Благодаря такому измѣненію склада жизни, та сумма денегъ, которой раньше довольствовался человѣкъ, теперь перестаетъ быть достаточной; ему кажется, что деньги подешевѣли, а между тѣмъ въ дѣйствительности на нихъ можно теперь купить больше предметовъ, чѣмъ прежде, но только потребности-то стали уже не тѣ. Правда, въ бюджетѣ есть еще другая

статья, которая обнаруживаетъ тенденцію къ непрерывному возрастанію—расходъ на квартиру; но эта статья составляетъ лишь 15—20% всего бюджета (мы имѣемъ въ виду здѣсь рабочій классъ, для среднихъ слоевъ населенія эта доля больше), т. е. въ 2—2½ раза менѣе, чѣмъ расходы на пищу, такъ что увеличеніе этой статьи можетъ поглотить только небольшую часть общаго прироста заработной платы, наблюдаемаго въ Англіи. Кромѣ того увеличеніе расходовъ на квартиру нерѣдко можетъ означать также измѣненіе характера потребности, т. е. улучшеніе жилищныхъ условій.

Иначе обстоитъ дѣло на континентѣ. Паденіе цѣнъ, обнаружившееся на міровомъ рынкѣ съ конца 70-хъ годовъ, имѣло мѣсто и здѣсь, но оно не было полностью использовано на внутреннемъ рынкѣ главнѣйшихъ странъ, такъ какъ вызвало усиленную агитацію со стороны крупныхъ сельскихъ хозяевъ, подъ давленіемъ которыхъ въ большинствѣ странъ были введены покровительственныя пошлины на хлѣбъ, мясо и нѣкоторые другіе продукты. Такъ, напр., во Франціи въ 1885 г. была установлена пошлина на пшеницу въ размѣрѣ 3 фр. съ квинтала (6 пуд.); въ 1887 г. она повышена до 5, а съ 1893 г.—до 7 фр., т. е. почти 45 коп. на пудъ. Мясо также подверглось обложенію: въ 1885 г. была введена пошлина въ размѣрѣ 25 фр. съ быка, въ 1887 г. послѣдовало повышеніе ея до 38 фр., а съ 1892 г. ее стали взимать съ каждыхъ 100 килограммовъ живого вѣса въ размѣрѣ 10 фр., что также явилось замаскированнымъ увеличеніемъ обложенія. Въ Германіи пошлина на пшеницу была введена первоначально въ 1879 г. въ размѣрѣ 1 марки со 100 килограммовъ, въ 1885 г. она была повышена до 3 и въ 1887 г.—до 5 марокъ; нынѣ дѣйствующій тарифъ 1902 г. устанавливаетъ минимальный размѣръ пошлинъ для пшеницы въ 5½ марокъ, для ячменя—въ 4 м. Пошлина на мясо и сало, введенная первоначально въ очень умѣренномъ размѣрѣ, также подверглась въ 1885 г. сильному повышенію. Къ этому нужно добавить еще законъ 1900 г. объ осмотрѣ убойнаго скота и мяса, который долженъ былъ, собственно, преслѣдовать только санитарно-гигіеническія цѣли, но въ дѣйствительности получилъ протекціонный характеръ. Примѣру Франціи и Германіи послѣдовали Австрія и Италія. Вслѣдствіе указанныхъ мѣръ цѣны на сельско-хозяйственные продукты не испытали на континентѣ такого пониженія, какъ въ Англіи, а съ конца девяностыхъ и въ особенности послѣ 1905 г.—стали повышаться гораздо сильнѣе, чѣмъ тамъ. Вотъ, напр., какъ измѣнялись цѣны въ Пруссіи за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ:

	Пшеница.	Мясо.
1861— 70 гг.	204,6	86,6
1871— 80 »	223,2	114,8
1881— 90 »	182,5	117,4
1891—1900 »	163,4	125,0
1901—1905 »	163,9	134,0
1906 г.	173,4	152,0
1907 »	200,3	153,0

Изслѣдованіе департамента труда англійскаго министерства торговли о стоимости жизни рабочаго класса, произведенное въ 1905—1908 гг., показало, что въ странахъ свободной торговли—въ Англіи и Бельгіи—главнѣйшіе пищевые продукты и квартиры стоютъ въ настоящее время значительно дешевле, чѣмъ въ Германіи и Франціи, которыя при помощи покровительственныхъ пошлинъ стараются обезпечить себя во что бы то ни стало продуктами собственнаго производства. Какъ ядовито замѣтилъ въ одной изъ своихъ бюджетныхъ рѣчей Ллойдъ Джорджъ, «въ протекціонной Германіи дешевъ только одинъ видъ мяса — собачье. Конина стоитъ тамъ дороже, чѣмъ у насъ хорошая австралійская баранина». Дѣйствительно, привозная баранина продается въ городахъ Англіи, въ среднемъ, по цѣнѣ около 16 коп. за фунтъ, а конина въ Берлинѣ— отъ 18 до 20 коп., да и то не вполнѣ доброкачественная, ибо на убой идутъ преимущественно лошади, почему-либо уже негодныя къ работѣ. Вслѣдствіе дороговизны говядины потребленіе конины стало широко распространяться въ послѣднее время на континентѣ; такъ напр., въ Берлинѣ съ этой цѣлью убито было въ 1896 г. 7,382 лошади, въ 1905 г.—уже 13,752, а за восемь мѣсяцевъ 1910 г. — 28,000! Точно также въ Парижѣ въ 1897 г. на бойню поступило 15,137 лошадей, ословъ и муловъ, давшихъ 3,743,700 килогр. мяса, а въ 1907 г. ихъ было убито 50,450 штукъ, что составило 12,462,800 килогр., да еще ввезено было 2,430,225 килогр. конины. Такимъ образомъ, за промежутокъ въ десять лѣтъ потребленіе этого мяса увеличилось въ четыре раза и нынѣ достигаетъ солидной цифры 900,000 пуд. въ годъ.

Нужно замѣтить, впрочемъ, что и на континентѣ, если взять періодъ предшествовавшаго подъема цѣнъ, нынѣшняя дороговизна вовсе не является рекордной. По даннымъ французскаго департамента труда, средняя стоимость содержанія рабочей семьи изъ 4 человѣкъ въ Парижѣ,—предполагая, что характеръ и размѣръ потребленія остались безъ измѣненія,—колебалась въ теченіе XIX вѣка слѣдующимъ образомъ (въ франкахъ):

	Пища.	Квартира.		Пища.	Квартира.
1804—1813 гг.	884	80	1864—1873 гг.	1,075	220
1824—1833 »	979	100	1874—1883 »	1,093	270
1844—1853 »	931	120	1884—1893 »	993	320
1854—1863 »	1,052	170	1894—1903 »	910	350

Какъ видно изъ этой таблицы, непрерывнымъ ростомъ отмѣчена лишь рубрика расходовъ на квартиру, которые увеличились въ теченіе столѣтія болѣе, чѣмъ въ четыре раза. Что же касается пищевыхъ продуктовъ, то общая стоимость ихъ повышалась и понижалась періодически и, въ частности, лѣтъ тридцать тому назадъ была выше, чѣмъ въ послѣднія два десятилѣтія. Впрочемъ, періодъ съ 1904 г. несомнѣнно будетъ отмѣченъ новымъ повышеніемъ, такъ какъ за послѣднее время цѣны во Франціи поднялись, хотя и не особенно значительно. По свѣдѣніямъ, собраннымъ оффиціальнымъ путемъ отъ 71 лицъ, живущихъ въ разныхъ концахъ страны, сумма цѣнъ 19 важнѣйшихъ предметовъ потребленія, если принять данныя 1895 и 1900 г. за основу для сравненія (100), для послѣднихъ лѣтъ выразится слѣдующими цифрами: въ 1906 г. — 98,8, въ 1907 г.—103,1, въ 1908 г.—106,5. Хуже обстоитъ дѣло для потребителей въ Германіи и особенно въ Австріи; здѣсь ростъ цѣнъ, въ особенности на мясо, носитъ болѣе рѣзкій характеръ. На этой почвѣ въ Вѣнѣ еще въ 1910-мъ году происходили своеобразныя демонстраціи: осенью, въ теченіе двухъ воскресеній, улицы Вѣны были запружены громадной массой народа, состоявшей изъ всѣхъ слоевъ населенія, отъ рабочихъ до чиновниковъ. Надъ головами толпы высились плакаты, обозначавшіе округъ города, къ которому принадлежала отдѣльная колонна, и громадныя вывѣски съ разными изображеніями и надписями. На одной такой вывѣскѣ былъ изображенъ быкъ, сбивающій съ ногъ аграрія, съ надписью: «Die Grenzen auf» (долой таможенныя заставы)! А на другой было написано: «аргентинское мясо стоитъ въ Англіи 85 геллеровъ за килограммъ (около $13^1/_2$ коп. за фунтъ), въ Австріи же его ввозъ запрещенъ».

Мясной вопросъ горячо обсуждался въ Австріи на послѣднемъ съѣздѣ городскихъ дѣятелей. Цѣлый рядъ докладчиковъ предлагалъ съѣзду принять резолюцію о необходимости измѣненія характера внѣшней торговой политики, въ смыслѣ облегченія ввоза и запрещенія вывоза мяса. При этомъ во всѣхъ почти резолюціяхъ подчеркивалось требованіе о допущеніи аргентинскаго мяса.

Одинъ изъ членовъ съѣзда внесъ даже предложеніе объ установленіи обязательства для всѣхъ землевладѣльцевъ, подъ угрозою взиманія особаго сбора, содержать опредѣленное количество скота Въ заключеніе съѣздомъ было принято постановленіе о созданіи особаго исполнительнаго бюро, съ цѣлью подготовить общую борьбу съ возрастающей дороговизной. Центральнымъ органомъ для защиты торгово-промышленныхъ интересовъ была отправлена спеціальная комиссія въ Лондонъ, для изученія организаціи торговли и условій рынка по отношенію къ аргентинскому мясу. Обстоятельныя изслѣдованія этой комиссіи выяснили, что Аргентина можетъ предоставить дешевое и доброкачественное мясо широкимъ слоямъ населенія, безъ пониженія цѣнъ на лучшіе сорта, потребляемые болѣе состоятельными классами и производимые отечественнымъ скотоводствомъ. Въ Англіи колоссальный ввозъ заокеанскаго дешеваго мяса въ охлажденномъ и замороженномъ видѣ не оказываетъ вліянія на цѣны мѣстнаго высшаго сорта, находящаго опредѣленный и оставшійся безъ измѣненія въ количествѣ спросъ среди богатаго населенія. Дешевое мясо идетъ рабочимъ и въ рестораны низшаго и средняго разряда. Аристократія продолжаетъ потреблять исключительно мѣстное мясо отъ скота, откармливаемаго особымъ способомъ и по качествамъ отличающагося отъ мяса скота кормящагося на волѣ.

Перейдемъ теперь къ Россіи, которая въ отношеніи торговой политики занимаетъ середину между указанными странами: ограждая свою промышленность высокими таможенными пошлинами отъ иностранной конкуренціи, она въ области сельскохозяйственнаго производства придерживается началъ свободнаго соперничества, такъ какъ дешевизна производимыхъ ею продуктовъ служила до сихъ поръ самой лучшей защитой отъ чужестранной конкуренціи. Если мы разсмотримъ движеніе цѣнъ у насъ за послѣднія 50 лѣтъ, то увидимъ, что за это время Россія пережила два періода общаго вздорожанія жизни. Первый относится къ 60-мъ и 70-мъ годамъ истекшаго столѣтія и находится несомнѣнно въ тѣсной связи съ развитіемъ желѣзнодорожной сѣти, ростомъ городовъ и вообще тѣмъ ускореннымъ переходомъ отъ натуральнаго строя къ мѣновому, который принесла съ собой такъ называемая «эпоха великихъ реформъ». До нѣкоторой степени здѣсь можно найти аналогію съ тѣмъ подъемомъ цѣнъ, который наблюдался въ это же время и въ Западной Европѣ; но только у насъ не было позднѣйшаго компенсирующаго движенія внизъ, какое имѣло мѣсто тамъ, и это необходимо имѣть въ виду для лучшаго уясненія вопроса. Второй періодъ начинается съ наступленія XX-го вѣка и особенной силы достигаетъ послѣ 1905 г.;

когда вздорожаніе жизни принимаетъ прямо угрожающіе размѣры. По даннымъ «сводовъ товарныхъ цѣнъ на главнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ», издаваемыхъ м-мъ торговли и промышленности, если принять уровень цѣнъ по всѣмъ товарамъ въ десятилѣтіе съ 1890 по 1899 г. за 100, то дальнѣйшее движеніе ихъ выразится слѣдующими цифрами:

1900—904 гг.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.
110,9	115,4	124,9	131,1	125,0	127,8

Вздорожаніе наблюдается по всѣмъ безъ исключенія группамъ товаровъ, но наиболѣе сильно поднялись въ цѣнѣ хлѣбные, животные и прядильные продукты, т. е., коротко говоря, пища и одежда. Если сравнить стоимость у насъ жизни теперь и лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, то разница получится очень большая. Такъ напр., пудъ ржаного хлѣба въ Москвѣ стоилъ въ пятидесятыхъ годахъ въ среднемъ 42 коп., за время съ 1860 по 1865 г.—55 к.; въ пятилѣтіе 1905—1909 г.г. стоимость его поднялась до 105 коп., т. е. увеличилась въ 2—2½ раза. Между тѣмъ въ Лондонѣ и Парижѣ хлѣбъ теперь, наоборотъ, понизился въ цѣнѣ сравнительно съ шестидесятыми годами. Мясо въ Англіи также подешевѣло съ тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ тѣ сорта его, которые служатъ предметомъ потребленія широкихъ массъ и привозятся въ замороженномъ или охлажденномъ видѣ изъ Америки и Австраліи. Во Франціи покровительственныя пошлины предупредили паденіе цѣнъ на мясо, и оно подорожало въ общемъ % на 30—40. У насъ въ Россіи это вздорожаніе было гораздо болѣе значительно; такъ напр., въ Петербургѣ средняя цѣна мяса съ 2 р. 74 к. за пудъ въ десятилѣтіе 1850—59 г.г. поднялась до 6 руб. слишкомъ за послѣдніе годы, т. е. увеличилась болѣе, чѣмъ вдвое. Такимъ образомъ, несмотря на нѣкоторыя черты сходства съ тѣмъ, что происходило на Западѣ, движеніе цѣнъ въ Россіи представляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, большія особенности, и если тамъ жалобы на возрастающую дороговизну жизни являются въ значительной степени субъективными, имѣя въ своей основѣ фактъ расширенія потребностей, то у насъ онѣ пріобрѣтаютъ объективное значеніе, такъ какъ на извѣстную сумму денегъ можно пріобрѣсть теперь меньше и хлѣба, и мяса, и другихъ главнѣйшихъ предметовъ питанія, чѣмъ раньше. Было время, когда Россія славилась дешевизной жизни и сравнительно высокой оплатой труда. Извѣстный путешественникъ Гакстгаузенъ, посѣтившій Россію въ 1843 г., писалъ, что «ни въ одной странѣ заработная плата фабричныхъ рабочихъ не достигаетъ такой высоты, какъ въ Россіи. Даже денежная заработная плата въ Россіи,

въ общемъ выше, чѣмъ въ Германіи. Что же касается до реальной платы, то преимущество русскаго рабочаго передъ заграничнымъ въ этомъ отношеніи еще значительнѣе». Это время прошло, и теперь Россія по праву можетъ считаться страной дешеваго труда и дорогой жизни. Будучи страной бѣдной, она по стоимости жизни несомнѣнно обогнала Англію, хотя и снабжаетъ ее нѣкоторыми важными пищевыми продуктами. Такъ, бѣлый хлѣбъ высшаго сорта стоитъ въ Лондонѣ $4^1/_2$—5 коп. за фунтъ, въ Парижѣ—около 6 коп., а въ Петербургѣ и Москвѣ — отъ $6^1/_2$ до $7^1/_2$ коп. И это несмотря на то, что мы поставляемъ свою пшеницу на международный рынокъ! Чай въ Англіи стоитъ 65 коп., сахаръ—отъ 7 до 8 коп. за фунтъ, т. е. вдвое дешевле, чѣмъ у насъ. Масло и привозное мясо тоже тамъ дешевле, чѣмъ на нашихъ главнѣйшихъ рынкахъ. Хорошей иллюстраціей въ этомъ отношеніи можетъ служить тотъ фактъ, что въ Петербургѣ появилось недавно для пробы нѣсколько сотъ пудовъ новозеландской баранины, при чемъ выяснилось, что она можетъ доставляться по цѣнамъ не дороже баранины мѣстнаго происхожденія. Не удивительно ли, что отдѣленная отъ насъ 40—60 днями пути Австралія можетъ конкурировать на столичномъ рынкѣ съ скотопромышленными раіонами Европейской Россіи!..

Разсмотримъ теперь, въ чемъ же заключаются причины, вызывающія современную дороговизну. Существуетъ довольно распространенное мнѣніе, которое ростъ цѣнъ ставитъ въ зависимость отъ увеличенія количества денегъ. Въ годы съ 1830-го по 1840-ой на міровомъ рынкѣ было 20,289 килограммъ золота и 96,400 килограммъ серебра; въ десятилѣтіе съ 1850 по 1860 г. золота было уже 201.000, а серебра—905.000 килограммъ и, наконецъ, въ послѣдніе годы на міровомъ рынкѣ насчитывается до 60.000 килограммъ золота и до 5 милліоновъ килогр. серебра. А такъ какъ цѣна товаровъ—согласно этому мнѣнію—равняется суммѣ обращающихся денегъ, раздѣленной на коэффиціентъ быстроты оборота, то указанный выше колоссальный ростъ добычи золота и серебра неизбѣжно долженъ былъ вызвать значительное повышеніе цѣнъ. Это объясненіе выдвигается главнымъ образомъ популярной въ Америкѣ «количественной теоріей денегъ», но находитъ многихъ сторонниковъ и на континентѣ Европы. Оно упускаетъ изъ виду, что еслибы подъ вліяніемъ усиленія добычи драгоцѣнныхъ металловъ произошло удешевленіе денегъ, то результатомъ этого должно было бы быть общее повышеніе въ цѣнѣ всѣхъ товаровъ, чего на самомъ дѣлѣ не наблюдается. Да и какъ можетъ увеличеніе количества денегъ повліять на уровень цѣнъ? Когда открываются новые рудники, дѣйствительно наблю-

дается ростъ цѣнъ въ ближайшихъ районахъ; но ихъ обороты представляются совершенно ничтожными по сравненію съ общимъ міровымъ оборотомъ и никакого потрясенія въ немъ произвести не могутъ. Гораздо правильнѣе искать причину вздорожанія пищевыхъ продуктовъ въ измѣнившихся условіяхъ ихъ производства. Паденіе цѣнъ на сельскохозяйственные продукты съ конца 70-хъ годовъ XIX в. было вызвано выступленіемъ на міровомъ рынкѣ новаго могущественнаго конкурента—Соединенныхъ Штатовъ; но въ последнее время, по мѣрѣ роста промышленности въ нихъ, Соединенные Штаты все болѣе и болѣе утрачиваютъ свою роль поставщика сырья, и недалеко время, когда они перейдутъ сами въ разрядъ *ввозящихъ* странъ. Правда, на ихъ мѣсто становятся новыя страны (Канада, Аргентина, Австралія), и этотъ переворотъ не можетъ не сопровождаться нѣкоторымъ потрясеніемъ на міровомъ рынкѣ. Гдѣ, какъ напр. въ Англіи, не ставится искусственныхъ препятствій иностранному ввозу, тамъ подъемъ цѣнъ является, однако, довольно умѣреннымъ. Въ странахъ съ протекціонной системой потребителямъ приходится страдать несравненно сильнѣе. Причину этому выяснитъ намъ примѣръ Австріи. Въ 1907 г. сборъ хлѣбовъ оказался здѣсь на 10 милл. центнеровъ ниже, чѣмъ въ предшествовавшемъ. Тѣмъ временемъ вступилъ въ силу новый таможенный тарифъ—австрійское населеніе заплатило за хлѣбъ на 450 милл. кронъ больше прежняго. Между тѣмъ вся сумма государственныхъ налоговъ въ Австріи равняется 2,070 милл. кронъ, и такимъ образомъ переплата на хлѣбѣ 450 милл. кр. является какъ бы повышеніемъ налоговъ на 22% или по 16,6 кр. на душу.

Въ Россіи наблюдаемое нынѣ вздорожаніе жизни представляетъ собою явленіе болѣе сложное; въ немъ принимаютъ участіе факторы, берущіе свое начало изъ разныхъ источниковъ. Несомнѣнно, съ одной стороны, что подъемъ цѣнъ послѣдняго времени имѣетъ тѣсную связь съ расширяющимся процессомъ вовлеченія деревни въ сферу товарнаго обращенія. Непосредственные наблюдатели видятъ обыкновенно причину его въ усиленіи вывоза за границу. Это—не объясненіе, а лишь описаніе явленія. Не въ томъ бѣда, что мы вывозимъ за границу, а въ томъ, что вывозъ нашъ въ своей преобладающей долѣ носитъ искусственный, форсированный характеръ. Уже давно въ нашей экономической литературѣ установлено положеніе, что мы вывозимъ не отъ избытка, а отъ бѣдности,—вывозимъ, чтобы оправдать нашъ непомѣрно раздувшійся государственный бюджетъ. Экспортъ нашъ непрерывно растетъ, и именно за счетъ продуктовъ сельскаго хозяйства. За пятилѣтіе съ 1896 по 1900 г. общая сумма его оцѣнивалась, въ среднемъ, около 675 милл.

р. въ годъ; въ 1910-мъ году, она составляла 1,383 милл. р., т. е. увеличилась вдвое. По отдѣльнымъ категоріямъ сумма эта распредѣляется слѣдующимъ образомъ (въ милл. руб.):

	Жизненн. припасы.	Сырье и полупродукты.	Животныя.	Фабричн. и заводск. издѣлія.
1896—900 гг.	385,4	254,1	16,8	18,0
1901—905 гг.	570,6	282,2	18,3	22,7
1906—909 гг.	695,4	389,5	25,5	26,2
1910 г.	901,1	430,2	28,9	23,4

Какъ видно отсюда, вывозъ фабричныхъ издѣлій составляетъ у насъ совершенно ничтожную величину и за послѣдній годъ даже сократился; зато отпускъ жизненныхъ припасовъ увеличился, сравнительно съ предшествующимъ пятилѣтіемъ, на 200 слишкомъ милл. рублей. Въ числѣ предметовъ, вывозъ которыхъ сильно выросъ за послѣднее время, значатся: хлѣбъ разнаго рода (вывозъ его съ 420 милл. пуд. въ 1900 г. поднялся до 847 милл. п. въ 1910 г.), масло, яйца, птица домашняя, дичь и др. Естественно, поэтому, что на внутреннемъ рынкѣ цѣны на эти продукты поднялись. Это объясненіе неприложимо, однако, къ такому важному продукту, какъ мясо: мы его почти совсѣмъ не вывозимъ, а между тѣмъ оно подорожало еще сильнѣе, чѣмъ напр. хлѣбные продукты. Въ основѣ этого явленія лежатъ уже другія причины. Ростъ населенія вызываетъ у насъ не столько увеличеніе интенсивности земледѣлія, сколько увеличеніе площади, отводимой подъ зерновые хлѣба, результатомъ чего является сокращеніе скотоводства. Такъ, количество крупнаго рогатаго скота, приходящееся на 100 душъ населенія, упало въ Европейской Россіи съ 37,2 въ 1880 г. до 30 штукъ въ 1909 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдается паденіе средняго вѣса скота и уменьшеніе его удойности. Нужно замѣтить, однако, что и этотъ упадокъ скотоводства есть явленіе производное: вызывается оно расширеніемъ зернового хозяйства, послѣднее же обусловливается тѣмъ, что мы вынуждены выбрасывать за границу ежегодно сотни милліоновъ пудовъ хлѣба. Такимъ образомъ, господствующая финансовая система, опирающаяся на тяжелое косвенное обложеніе населенія, несомнѣнно является одною изъ главнѣйшихъ причинъ современной дороговизны даже для такихъ продуктовъ, которые на первый взглядъ никакого отношенія къ ней не имѣютъ. На примѣрѣ дороговизны мяса очень ярко выступаетъ дѣйствіе другого фак-

тора: полной неорганизованности нашей торговли, не только мелкой, но и крупной. Только этимъ можно объяснить тотъ поразительный фактъ, что съ одной стороны у насъ находитъ сбытъ австралійская баранина, отдѣленная отъ Петербурга двумя съ половиной десятками тысячъ верстъ, а съ другой—тѣ же иностранцы ухитряются вывозить *отъ насъ* къ себѣ мясо: значитъ—есть откуда. И дѣйствительно, на нашихъ степныхъ окраинахъ имѣются милліоны головъ крупнаго и мелкаго скота, который не находитъ себѣ сбыта и потому или продается за безцѣнокъ, или же эксплоатируется самымъ невыгоднымъ образомъ, а именно на вытопку сала. Въ то время какъ наши крупные потребительскіе центры стонутъ отъ непомѣрно высокихъ цѣнъ на мясо—яко бы за недостаткомъ его—Западная Сибирь съ успѣхомъ развиваетъ свой экспортъ свинины и баранины за границу въ довольно крупныхъ размѣрахъ. Такъ, напр., въ г. Курганѣ, кромѣ существующей тамъ датской бойни, открыта недавно еще и англійская, съ холодильникомъ, стоющимъ 1 милл. р., а въ заволжскихъ степяхъ англійскіе капиталисты собираются устроить новыя грандіозныя бойни спеціально для вывоза въ Англію мяса и баранины. Какъ много теряютъ у насъ потребители отъ плохой постановки дѣла, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Вслѣдствіе отсутствія холодныхъ складовъ на мѣстахъ, значительная доля потребляемаго въ нашихъ крупныхъ городахъ мяса доставляется издалека, въ видѣ живого скота; между тѣмъ такой способъ снабженія является и наименѣе раціональнымъ, и наиболѣе дорогимъ. По вычисленіямъ спеціалистовъ стоимость мяса въ розничной продажѣ удорожается вслѣдствіе этого на четыре-пять копѣекъ съ фунта. Наконецъ, дороговизна такихъ продуктовъ, какъ чай, сахаръ, керосинъ, табакъ, водка объясняется существованіемъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ и акцизовъ. Господствующая у насъ протекціонная система сильно вліяетъ на стоимость жизни и въ другихъ отношеніяхъ, удорожая одежду, квартиры и другіе важные предметы хозяйственнаго и домашняго обихода. А. Радцигъ вычислялъ, напр., что постройка небольшого дома-особняка должна обойтись въ Петербургѣ въ $1^1/_2$ раза дороже, чѣмъ въ Лондонѣ, и въ 2 раза дороже, чѣмъ въ Ливерпулѣ.

Все вышеизложенное приводитъ насъ къ заключенію, что главнымъ центральнымъ факторомъ въ дѣлѣ установленія цѣнъ на современномъ уровнѣ, мало соотвѣтствующемъ покупательнымъ силамъ широкихъ массъ населенія, является протекціонизмъ и (особенно въ Россіи) непомѣрное косвенное обложеніе. Второе мѣсто занимаетъ неорганизованность торговли; разсматривая послѣднюю съ общественной точки зрѣнія, мы разумѣемъ подъ этой

неорганизованностью не только чрезмѣрно большое количество посредниковъ, но и синдикаты торговцевъ. Сообразно съ указанными причинами, борьба съ дороговизной можетъ вестись въ двухъ направленіяхъ: 1) путемъ измѣненія господствующей на Западѣ Европы и у насъ протекціонной и финансовой системы и 2) путемъ организаціи потребленія. Къ сожалѣнію—какъ это обыкновенно бываетъ—средство наиболѣе дѣйствительное является вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе труднымъ. Государство, въ силу присущаго ему консерватизма, не любитъ мѣнять разъ принятой системы; необходимымъ предварительнымъ условіемъ для этого является измѣненіе въ соотношеніи общественныхъ силъ, на которыя опирается правительство, а это—процессъ медленный. Когда рядъ муниципалитетовъ въ Германіи обратился не такъ давно къ правительству съ петиціей, въ которой высказывалось пожеланіе объ отмѣнѣ ввозныхъ пошлинъ на нѣкоторые важнѣйшіе предметы потребленія, имперскій канцлеръ поспѣшилъ тутъ же дать отрицательный отвѣтъ, ссылаясь на торговые договоры. Точно также во Франціи комиссія, обсуждавшая недавно вопросъ о вздорожаніи съѣстныхъ припасовъ, пришла къ заключенію, что измѣненіе таможеннаго тарифа повлекло бы за собою тяжелыя послѣдствія и что поэтому положеніе должно быть облегчено другими средствами, а именно—улучшеніемъ транспорта и измѣненіемъ условій ввоза замороженнаго мяса. Впрочемъ, вспыхнувшіе въ концѣ августа минувшаго года безпорядки все-таки побудили правительство сдѣлать нѣкоторыя уступки: совѣтъ министровъ постановилъ облегчить ввозъ скота изъ колоній, пересмотрѣть нормы ввоза его изъ-за границы и отмѣнить ввозныя пошлины на кормъ для скота. Конечно, это—уступки, но уступки незначительныя и при томъ временныя.

Перейдемъ теперь къ вопросу о дезорганизаціи торговли. Какъ велико зло, вытекающее изъ него при современныхъ условіяхъ экономической жизни, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ. По оффиціальному изслѣдованію, произведенному недавно въ 78 городахъ Соединенныхъ Штатовъ, выяснилось, что за молоко первоначальные производители, т. е. фермеры, едва получаютъ 50% цѣны, уплачиваемой потребителемъ, при чемъ на нихъ еще падаетъ бремя перевозки, что въ среднемъ составляетъ семь % продажной цѣны. Такимъ образомъ, молочные хозяева получаютъ лишь 43% того, что платитъ городской потребитель. Такъ же обстоитъ дѣло съ птицей, яйцами, овощами, фруктами: птицеводъ получаетъ 56%, производитель получаетъ за капусту 48, за лукъ—28, за апельсины—20 процентовъ рыночной цѣны. Особенно возвышаетъ цѣну продуктовъ мелочная, розничная торговля. Хлѣбная торговля, въ которой (благодаря

хорошей организаціи ея въ Америкѣ) мелкій посредникъ не играетъ никакой роли, такъ что рядъ звеньевъ между производителемъ и потребителемъ выпадаетъ, оказывается для фермеровъ наиболѣе выгодной; при продажѣ овса, маиса, ячменя и пшеницы они выручаютъ до 80% рыночной цѣны. Такіе продукты массоваго потребленія, какъ чай и кофе, являющіеся предметомъ усиленной биржевой спекуляціи, особенно страдаютъ отъ удорожающаго вмѣшательства торговцевъ. Розничная цѣна чая и кофе на 60—77 процентовъ выше импортной оптовой его цѣны.—Что же касается абсолютныхъ размѣровъ той доли, которая достается посредникамъ, то нѣкоторое представленіе о ней даетъ практика англійскихъ кооперативовъ. Согласно отчету за 1909 г., чистая прибыль ихъ розничныхъ лавокъ и обществъ оптовыхъ операцій составляла около 120 милл. р. Но въ настоящее время эти кооперативы объединяютъ вокругъ себя лишь около $2^1/_2$ милл. человѣкъ или—считая, что каждый членъ является представителемъ семейства — приблизительно четвертую часть общаго числа семействъ или хозяйствъ. Такимъ образомъ, общую цифру переплатъ всего англійскаго населенія посредникамъ на главнѣйшихъ предметахъ потребленія и домашняго обихода можно опредѣлить круглымъ счетомъ въ 500 милл. р. ежегодно! У насъ въ Россіи число мелкихъ посредниковъ въ торговлѣ значительно выше, чѣмъ въ Америкѣ или Англіи, а крупный капиталъ беретъ за свои услуги процентъ большій, чѣмъ тамъ; поэтому та доля въ цѣнѣ продукта, которую присваиваетъ себѣ посредничество, у насъ должна быть еще значительнѣй, чѣмъ на Западѣ.

Борьбу съ этимъ зломъ могутъ вести: 1) органы общественнаго самоуправленія и 2) сами потребители, объединяясь въ кооперативы. Въ рукахъ муниципалитетовъ для борьбы съ дороговизной имѣются два средства: установленіе таксы на главнѣйшіе пищевые продукты и устройство собственныхъ предпріятій (булочныхъ и мясныхъ). Муниципальная такса имѣетъ за собою долгое прошлое. Указанія на строгую регламентацію, напр., булочнаго дѣла вообще и на установленіе таксы на хлѣбъ въ частности въ Западной Европѣ восходятъ къ XIII, IX и даже VII вѣку по Р. Х. Согласно Аугсбургской хроникѣ, цѣна хлѣба въ тринадцатомъ вѣкѣ устанавливалась слѣдующимъ образомъ. Въ день св. Іакова (25 іюля), въ присутствіи комиссіи изъ булочниковъ и двухъ гражданъ, производилось пробное печеніе изъ опредѣленной смѣси муки, приготовленной изъ зерна новой жатвы. Комиссія испытывала хлѣбъ и назначала цѣну на него, обязательную до 25 іюля слѣдующаго года. При возрастаніи цѣнъ на зерно цѣна печенаго хлѣба могла увеличиваться только въ опредѣленномъ отношеніи. При тѣсномъ въ то время объемѣ торговаго

нѣми матеріальными выгодами не исчерпывается, конечно, значеніе коопераціи: она имѣетъ и большое воспитательное значеніе, усиливая общественные навыки и пріучая массы къ совмѣстному веденію своихъ дѣлъ—въ чемъ мы, русскіе, такъ сильно нуждаемся. Къ этому нужно добавить, что, объединяя вокругъ себя широкія массы, кооперація создаетъ тѣмъ самымъ почву для воздѣйствія потребителей какъ на городскія управленія, такъ и на государство; тогда и пропаганда въ пользу пересмотра современной финансовой и таможенной политики можетъ пріобрѣсти реальное значеніе.

К. Пажитновъ.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ С.-ГОТАРДЪ.

(Письмо изъ Швейцаріи).

Тремя жгучими злобами дня волновались швейцарскія демократическія массы въ теченіе немилостиваго 1911-го года: общимъ вздорожаніемъ жизни (правда, далеко не достигающимъ уровня Германіи или Австріи), законодательнымъ страхованіемъ отъ болѣзни и—«освобожденіемъ» С.-Готарда. И всѣ три переходятъ въ наслѣдство сомнительно-улыбающемуся новому году.

Впрочемъ, страхованіе отъ болѣзни, такъ или иначе, разрѣшится референдумомъ 4-го февраля нов. ст. Вздорожаніе жизни—матерія чуть ли не всемірнаго свойства, слѣдовательно, для Швейцаріи не характерная. Зато С.-Готардъ—здѣсь сходятся, можно сказать, всѣ нити бытія Швейцаріи, какъ таковой. И вотъ этотъ-то ея центральный нервный узелъ приходится ей теперь освобождать отъ чужихъ вліяній. Не надо удивляться, поэтому, той атмосферѣ повышенной нервности всего народа, въ какой совершается здѣсь, вотъ уже третій годъ, дѣло выкупа въ казну С.-Готардской дороги.

Этотъ выкупъ—своего рода, увѣнчаніе зданія. Онъ завершаетъ собою общую національзацію желѣзныхъ дорогъ, предпринятую Швейцаріей еще въ 1897 г. И если эта національзація встрѣтила вообще на своемъ пути немалыя затрудненія, то ужъ съ С.-Готардомъ странѣ пришлось претерпѣть мученія отъ жадной и сильной компаніи и отъ «субсидировавшихъ» ее націй—мученія, знакомыя каждой мухѣ, неосторожно запутавшейся въ сѣтяхъ хитраго паука.

Дѣло въ томъ, что въ свое время постройка С.-Готардской

дороги (т. е. туннеля и ведущихъ къ нему отъ Цюриха и Цуга и изъ Италіи путей) могла быть осуществлена лишь съ затратою десятковъ милліоновъ франковъ à fonds perdus (безвозвратныхъ пособій) со стороны заинтересованныхъ странъ. Это было въ 1869—78 гг. Германія и Италія, какъ государства, находились тогда, такъ сказать, еще in statu nascendi и торопились подать другъ другу руки черезъ Альпы для скорѣйшаго и тѣснѣйшаго политическаго и экономическаго сближенія. Стараніями Бисмарка, по двумъ конвенціямъ, Готарду (такъ называютъ здѣсь эту дорогу для краткости) было обезпечено со стороны Италіи 55 милл. фр. и Германіи 30 милл. фр. Со своей стороны, Швейцарія предоставила 28 милл. фр.; затѣмъ еще на туннель Монти-Ченери, близъ итальянскаго конца дороги, Швейцарія выдала 3 милл. и Италія 3 милл. Такимъ образомъ на долю Швейцаріи пришлось 31 милл. фр., а на долю ея добрыхъ друзей— 88 милл. фр., почти втрое больше. Естественно, что черезъ 40 лѣтъ друзья припомнили-таки швейцарскимъ дѣтямъ свою доброту къ ихъ отцамъ, которые были увѣрены, конечно, что совершаютъ преблестящую сдѣлку.

Въ 1904 г., сообразно съ пунктами концессіи, Союзный Совѣтъ объявилъ Готардской Компаніи выкупъ въ ближайшій законный срокъ—1 мая 1909 г., и сообщилъ объ этомъ заинтересованымъ державамъ. Державы, пять лѣтъ молчали, какъ будто дѣло ихъ вовсе не касается, и вдругъ заговорили лишь въ февралѣ 1909-го года, когда все уже было приготовлено къ сдачѣ дороги: онѣ стали оспаривать за Швейцаріей самое право выкупа безъ ихъ верховнаго согласія! Тутъ только почувствовали дѣти, въ какую кабалу завели ихъ дружескія услуги отцамъ.

Союзный Совѣтъ пришелъ въ смятенье. Остановить дѣло выкупа было уже невозможно: оно шло автоматически, въ силу пунктовъ концессіи. Да и «освободить» Готардъ для Швейцаріи—насущный вопросъ. Пренебречь же мнѣніемъ тяжеловооруженныхъ опекуновъ Готарда было еще менѣе мыслимо. Совѣтъ, впрочемъ, хорошо понималъ, что со стороны Германіи и Италіи «непризнаніе» суверреннаго права Швейцаріи на выкупъ — лишь пустая форма, лишь «дипломатія»; а подъ дипломатіей кроется попытка вымогательства какихъ-либо реальныхъ и, вѣроятно, немалыхъ уступокъ. Поэтому, отдѣлавшись отъ формы формальнымъ же оружіемъ—ученымъ меморандумомъ извѣстнаго цюрихскаго юриста проф. Мейли, гдѣ непреклонно отстаивалась полнота суверенныхъ правъ Швейцаріи—Совѣтъ поспѣшилъ, скрѣпя сердце, пригласить сосѣдушекъ въ Бернъ на конференцію для выработки новой Готардской конвенціи. И «распо-

ложенъ» былъ уже напередъ къ обширному и смиренному самопожертвованію.

Таково уже существо современной дипломатіи. Подъ маской формальнаго, китайски-учтиваго равноправія «суверенныхъ» государствъ,—безцеремонное вымогательство со стороны сильнаго, безправіе слабаго. Ничѣмъ не лучше походовъ Игоря на древлянъ.

«Компенсація», вырванная у Швейцаріи во время переговоровъ, превзошла всѣ ожиданія. Во 1-хъ, союзныя «великія державы» получили, по 12-му пункту новой конвенціи, значительное пониженіе т. наз. «добавочной таксы» для своихъ товаровъ на собственно-горныхъ участкахъ дороги (гдѣ уклонъ превышаетъ 15%). Союзный совѣтъ исчисляетъ эту дань въ пользу Германіи и Италіи въ 975.000 фр. ежегодно, начиная съ 1910 г., и въ 1.425.000 фр., начиная съ 1920 г.—и уже навсегда. Въ дѣйствительности, дань эта окажется много выше, въ виду постояннаго роста движенія. Во вторыхъ, еще серьезнѣе «компенсація» по пунктамъ 11-му и особенно 8-му. Выговоривъ себѣ въ п. 11-мъ сохраненіе, почти безусловное, нынѣ дѣйствующаго основнаго тарифа на транзитъ товаровъ, Германія и Италія пунктомъ 8-мъ установили для себя право «наиболѣе благопріятствуемой державы» по отношенію къ тарифамъ не только Готарда, но и *всѣхъ другихъ* швейцарскихъ дорогъ. Швейцарія не можетъ понизить какіе бы то ни было транзитные тарифы на своей территоріи, не даруя того же пониженія и Германіи, и Италіи.

Все это имѣетъ смыслъ уже далеко не одной только экономической льготы, а прямого вмѣшательства въ желѣзнодорожную политику Швейцаріи и контроля надъ нею. Иначе сказать, получается весьма чувствительное ограниченіе того самаго политическаго суверенитета, о которомъ такъ хлопоталъ д-ръ Мейли въ своей юридически неопровержимой запискѣ. Особенно пикантной дѣлается эта исторія съ «компенсаціями», если прибавить, что на самомъ-то дѣлѣ «компенсировать» было рѣшительно нечего, ибо отъ перехода въ казну Готарда ни Германія, ни Италія ничего не теряли, если не считать совершенно ничтожныхъ или проблематическихъ правъ на участіе въ суперъ-дивидендѣ Компаніи и на пониженіе таксы при особо благопріятныхъ результатахъ эксплуатаціи (свыше 8% дивиденда), какихъ не встрѣчалось на самомъ дѣлѣ за всѣ 30 лѣтъ существованія туннеля. Что же касается старинныхъ субсидій, то съ этими fonds perdus рѣшительно никогда не связывалось мысли о какомъ-либо ихъ возмѣщеніи, какъ о томъ громко заявилъ самъ германскій министръ иностр. дѣлъ ф.-Шенъ въ рейхстагѣ, 7 мар. 1910 г., въ рѣчи по поводу новой конвенціи. Онъ сказалъ, что условія этого

«подарка при крещеніи» выполнены уже самою постройкой Готарда. Слѣдовательно, вновь добытыя «компенсаціи» являются тоже своего рода свадебнымъ подаркомъ по случаю союза швейцарской казны съ Готардомъ. Только, вопреки обычаямъ, здѣсь даритъ счастливый женихъ благороднымъ свидѣтелямъ невѣдомо за что. Существенная разница отъ перваго подарка, весьма выгодная для дарителей.

Не удивительно, что Бернская конвенція вызвала противъ себя массовый протестъ въ Швейцаріи. Она была быстро ратификована германскимъ рейхстагомъ, но въ швейцарскомъ парламентѣ ратификація откладывается до сихъ поръ, съ сессіи на сессію, подъ тѣмъ предлогомъ, что все еще не ратификовала конвенцію Италія, на дѣлѣ же—изъ страха передъ ярко-выразившимся народнымъ негодованіемъ. Народъ считаетъ достаточною жертвою за свободу С.-Готарда уже и тѣ лишніе 38 милл. фр., которые Готардская компанія (главные акціонеры—тоже нѣмцы) успѣла перехватить съ Союза въ видѣ «компенсаціи» за... трудное положеніе страны въ неравномъ спорѣ [1]).

С.-Готардъ, имѣетъ центральное значеніе для Швейцаріи во всѣхъ смыслахъ и издавна. Геологически и географически С.-Готардъ принадлежитъ къ древнѣйшему ядру всей системы Альповъ и представляетъ, такъ сказать, ключъ ея строенія: только здѣсь смыкаются въ одной точкѣ болѣе или менѣе параллельно идущіе гранитные валы самыхъ высокихъ, центральныхъ цѣпей. Здѣсь, поэтому—и самый короткій переходъ отъ сѣвернаго склона горъ къ южному. Но нельзя сказать, чтобы самый удобный. Доступы къ нему, особенно съ сѣвера, отъ кантона Ури, необычайно затруднены: глубокія пропасти, темныя, тѣсныя ущелья, отвѣсныя стѣны скалъ... Достаточно упомянуть такія мѣста, какъ Чортовъ мостъ, Val Tremola, «Пекло» (въ ущельѣ бѣшеной рѣки Рейса). Въ силу этого проходъ С.-Готарда долго былъ неизвѣстенъ, несмотря на сравнительно небольшую высоту (2112 метр.), и жители искони пользовались обходными путями черезъ сосѣдніе, частью болѣе высокіе перевалы. Только около 1218—25 г. С.-Готардъ былъ *открытъ*—какъ открываютъ теперь полюсы или какіе-либо Трансъ-Гималаи, въ Тибетѣ—открытъ монахами-пилигримами, ходившими изъ Германіи въ Римъ. Они же и окрестили его именемъ святого епископа Готарда изъ Гильдесгейма (въ сѣверной Германіи)—воспоминаніе о кровной связи тогдашней Швейцаріи съ германскимъ міромъ.

---

1) Всего уплачено Компаніи за Готардъ, по состоявшемуся лѣтомъ 1911 г. «полюбовному соглашенію», 200.840 тыс. фр., да еще 6 милл. «agio»,—вмѣсто первоначально вычисленныхъ 168 милл.

Сейчасъ же по открытіи, Готардъ сдѣлался главною торговою дорогой между Сѣверомъ и Югомъ, и этому-то обстоятельству обязана Швейцарія самымъ своимъ существованіемъ въ видѣ отдѣльнаго государства. Швейцарія, словно нашъ Соловей-разбойникъ, залегла горнымъ гнѣздомъ на прямохожей-прямоѣзжей дорогѣ Европы. Вѣдь именно въ долинѣ Ури и примыкающихъ къ ней, именно въ концѣ того же XIII в. развился первый зародышъ теперешней Конфедераціи. Держа въ рукахъ Готардъ, ключъ Альповъ, «товарищи по клятвѣ» (die Eidgenossen) заняли центральную политическую позицію и въ борьбѣ императора съ папою, въ борьбѣ растущей буржуазіи съ клонящимся къ упадку феодализмомъ. Вотъ—первый, матеріальный источникъ удивительнаго превосходства этой республики коровьихъ пастуховъ надъ окружающими воинственными монархіями.

Еще въ ту пору, слѣдовательно, Швейцаріи выпала роль существенно-важнаго звена въ международныхъ хозяйственныхъ и политическихъ сношеніяхъ. Благодаря своему Готарду, она сохраняетъ эту роль и сейчасъ. Однако нельзя не видѣть, что значеніе его теперь нѣсколько иное, чѣмъ въ тѣ былинныя, богатырскія времена. Если въ XIII—XV вв. всѣ окрестныя націи стали питать страхъ и почтеніе къ Вильгельмамъ Теллямъ и Винкельридамъ, обладавшимъ Готардомъ, то теперь, изъ-за того же Готарда, Телли и Винкельриды скорѣе попадаютъ въ состояніе какъ бы экономическаго вассальства по отношенію къ сосѣдямъ. Такъ мѣняются времена.

Чья же вина въ этой разительной перемѣнѣ?

Для отвѣта на этотъ вопросъ достаточно сравнить тотъ старинный, пѣшеходный, естественный Готардскій проходъ съ нынѣшнимъ туннелемъ и всѣми dépendances послѣдняго.

Старый путь шелъ черезъ самую голову С.-Готарда. Отъ дер. Гёшенена, гдѣ нынѣшній туннель, на высотѣ 1 килом. съ лишнимъ, проникаетъ въ каменную грудь массива, чтобы выйти, черезъ 15 килом. (20—30 мин. бѣга поѣзда), въ Айроло, прямо на свѣтъ полуденнаго солнца,—старая дорога поднимается въ глубокомъ и жуткомъ ущельѣ, такомъ тѣсномъ, что нѣкогда урійцы поставили здѣсь желѣзную дверь и запирали ее на ночь, преграждая путь для темныхъ замысловъ миланскаго герцога. Дорога здѣсь была тропинкой по карнизу отвѣсной стремнины, гдѣ едва лишь могла ступить нога пѣшехода да мула. Кое-гдѣ мостики черезъ пропасть, и тамъ, внизу, клокочетъ пѣна Рейса. Сколько людей и муловъ обрушивалось въ эту пѣну, сколько ихъ похоронено подъ лавинами и обвалами! Таковъ подъемъ на Готардъ, какъ съ этой стороны, такъ и отъ Тессина, по долинѣ Val Tremola. Но еще гораздо страшнѣе самъ пращуръ Альповъ—Готардъ.

Его пейзажъ совершенно разнится отъ обычнаго альпійскаго

пейзажа: нѣтъ здѣсь великолѣпныхъ пастбищъ, роскошно-яркихъ цвѣтовъ рядомъ съ фосфорически-сіяющими ледниками; нѣтъ радостныхъ, лазурныхъ озеръ. Здѣсь, на верхнемъ плато, вы проходите мимо гигантскихъ, каменныхъ кладбищъ и развалинъ, голыхъ, сѣрыхъ. Видъ оскаленныхъ вершинъ Готарда однообразенъ и дикъ. Взберетесь на нихъ — оттуда не видно ни зеленыхъ долинъ, ни культурныхъ растеній, никакихъ слѣдовъ присутствія человѣка. Посреди скалъ и болотъ прячутся озера, воды которыхъ—молочныя или черныя. Пустыня и ледъ, словно у полюса. И растительность здѣсь—характерная сѣверная: бурые ковры низенькой ивы, ползучей азаліи и т. под.; не то — сибирская тундра, не то — норвежскіе высокіе «фьельды». Соотвѣтственно этому устрашающему пейзажу, и дорога была крайне опасна. Она идетъ дикими уступами, изъ которыхъ одинъ, самый высокій—Plangen—славился, какъ кладбище цѣлыхъ каравановъ. Снѣгъ зимою достигаетъ 15 метровъ вышины и все лѣто мѣстами не таетъ, грозя лавинами. У одного изъ нелюдимыхъ озеръ стоитъ убѣжище (Hospiz), помнящее своего героя Феликса Ломбарди, отдавшаго, въ прошломъ вѣкѣ, всю жизнь дѣлу спасенія прохожихъ.

Правда, въ XIX в. было построено здѣсь удобное шоссе, но оно только отчасти смягчило трудности и опасности Готарда. Считалось, что каждую зиму гибло здѣсь все же не менѣе 3—4 человѣкъ, часто гораздо больше. Проведеніе туннеля и желѣзной дороги все перевернуло. Въ то время, какъ въ Андерматтѣ или на озерѣ Селла (300 метр. и 1100 метр. надъ туннелемъ) бушуетъ вьюга, вы спокойно мчитесь внизу въ спальномъ вагонѣ или вагонѣ-ресторанѣ, даже не прерывая чтенія газеты или вашего завтрака при свѣтѣ электричества. Также и въ ущельяхъ Рейса и Тичино вы менѣе, пожалуй, терпите отъ капризовъ природы и погоды, чѣмъ гдѣ-либо на равнинѣ, ибо всюду защищены отъ вѣтра, лавинъ и обваловъ солидными навѣсами. 55 добавочныхъ туннелей обходятъ встрѣчныя препятствія; 7 изъ этихъ туннелей вьются улиткообразными спиралями и восьмерками внутри горъ. Да, недаромъ поработала тутъ рука рабочихъ въ теченіе 10 лѣтъ; двѣ сотни ихъ положило свою жизнь на работѣ одного главнаго туннеля; самъ герой туннеля, инженеръ Л. Фавръ, умеръ въ немъ, не дождавшись конца и затративъ все свое состояніе, такъ какъ компанія одно время лишена была средствъ. Компанія, разумѣется, такъ и не вернула потраченныхъ 8 милл. его наслѣдникамъ и довѣрителямъ. На людскихъ костяхъ и слезахъ стоитъ и это дѣло. Впрочемъ, въ Гёшенѣ строителямъ воздвигнутъ художественный памятникъ («Жертвы труда»)...

Движеніе поѣздовъ здѣсь громадно. Проѣзжая, вы можете видѣть изъ окна сразу нѣсколько поѣздовъ, слѣдующихъ за вами и идущихъ впереди. Словомъ, все поразительно въ этомъ образцѣ укрощенія человѣкомъ его дикаго врага—природы. Но это-то укрощеніе, эта-то побѣда и сдѣлались ближайшимъ источникомъ тягостной зависимости современной, высоко-культурной Швейцаріи отъ чужеземцевъ, тогда какъ ея варвары-предки, рискуя сто разъ своею жизнью на Поповскомъ прыжкѣ или въ Урійской дырѣ (названія мѣстъ по дорогѣ къ Готарду), господствовали съ горъ надъ долинами внизу. Ужасъ и дикость нетронутой природы были лучшими союзниками свободнаго человѣка, чѣмъ высокое современное развитіе его собственныхъ производительныхъ силъ!

А между тѣмъ, дѣло простое. Если въ прежнее время обладаніе готардскимъ торговымъ путемъ дало швейцарцамъ впервые возможность освободиться отъ всякаго феодальнаго подданства, то въ связи съ этимъ они отнюдь не сдѣлались еще сами торговцами по преимуществу, какъ случилось съ Венеціей, Португаліей, Голландіей, затѣмъ Англіей. Швейцарцы оставались почти неизмѣнно тѣмъ же наивнымъ и первобытнымъ, общинно-пастушескимъ и охотничьимъ народомъ. Пошлины за товаръ, провозимый черезъ ихъ проходы, были—наравнѣ съ «отхожимъ» заработкомъ въ военной службѣ у папы, у французскаго короля, у императора,—лишь подспорьемъ къ ихъ домашнему, патріархальному промыслу. По всѣмъ главнымъ статьямъ своего простого быта, кромѣ развѣ хлѣба, они всегда имѣли «все свое» и ни въ комъ не нуждались. Торговые ихъ города—Базель, Люцернъ—имѣли лишь второстепенное значеніе сравнительно съ Венеціей и Генуей, съ Амстердамомъ и Антверпеномъ, даже съ Аугсбургомъ и Франкфуртомъ. Словомъ, страна отнюдь не была превращена въ частицу, въ клѣточку международнаго рынка.

Между тѣмъ, всѣ эти великолѣпные туннели и «улитки», рельсы и тяжелые, горные локомотивы сдѣлали теперь изъ Швейцаріи именно такой подчиненный органъ огромнаго капиталистическаго организма. Государственныя границы сохраняются, сохраняется двусмысленный дипломатическій декорумъ, но на дѣлѣ внутри самой страны можетъ съ большею или меньшею свободой распоряжаться иностранный капиталъ, а за нимъ и иностранная политика, въ силу своихъ непререкаемо-суверенныхъ интересовъ.

На чемъ основаны «права» германскаго капитала внутри Швейцаріи, лучше всего видно хотя бы изъ слѣдующихъ данныхъ, заимствуемыхъ нами изъ «Географическаго словаря Швейцаріи». Для 1900—1904 г.г. годовая средняя иностранныхъ товаровъ проходящихъ черезъ Швейцарію вообще, была 5 милл. квинта-,

ловъ [1]), цѣнностью 600 милл. фр. [2]). Доля Готарда въ этомъ транзитѣ, начиная съ 1887 г., установилась въ 70%, а въ 1904 г. равнялась даже 72,5%. При этомъ товары разныхъ странъ проходили Готардъ въ такихъ пропорціяхъ (по отношенію къ *общему* транзиту):

	% общаго транзита 1887 г.	% общаго транзита 1904 г.
Желѣзо германское . . .)	36,68	15,0
Уголь » . . .)		11,0
Машины » . . .	4,37	5,5
Химич. продук » . . .)	7,88	3,2
Друг. товары » . . .)		8,4
Итого ввозъ Германіи въ Италію черезъ Готардъ	48,93	43,0
+ ввозъ бельгійскій и англійскій въ Италію . . : . .	8,14	8,1
+ Италія вывозитъ въ Германію, Бельгію и Англію	9,52	19,5
Итого германско-итальян. транзитъ черезъ Готардъ . . .	66,59	70,6
+ большая часть франко-итальян. транзита	3,3	1,9
Всего, въ круглыхъ цифрахъ .	70,0	72,5

Для 1905 г. тотъ же итогъ, въ % общаго транзита, выражается цифрой 71,32%. Слѣдовательно Германія и ея интересы царятъ крайне устойчиво и самодержавно надъ Готардомъ. Готардъ существуетъ прежде всего для Германіи, для ея торгово-промышленнаго капитала, въ особенности же для питанія итальянской промышленности германскимъ углемъ и желѣзомъ, германскими машинами. Прибавимъ, что изъ Бельгіи и изъ Сѣверной Франціи, идетъ черезъ С.-Готардъ опять-таки преимущественно уголь и желѣзо для Италіи (Ломбардіи). Правда, изъ таблицы можно какъ будто заключить, что германскій провозъ въ Италію насущныхъ матеріаловъ и орудій современной промышленности ослабѣлъ съ 1887 г., по сравненію съ провозомъ товаровъ изъ Италіи. На самомъ дѣлѣ однако, это вовсе

1) 1 метрич. квинталъ (метр. центнеръ) = 100 килогр.

2) Въ 1905 г. транзитъ возросъ до 5.900 тыс., а въ 1907-мъ—до 11,170 тыс. кв., цѣнностью 1.131 милл. фр., т. е. увеличился вдвое. % Готарда остался тотъ же.

не означаетъ уменьшенія общей суммы германскаго транзита, которая, напротивъ, значительно возросла. Италія усилила вывозъ въ Германію особенно южныхъ фруктовъ—апельсинъ, лимоновъ, фигъ, миндаля и др.; нѣмцамъ, слѣдовательно, «капиталъ позволяетъ» теперь раскошелиться и на дессертъ. Желѣзо и уголь—дѣло черное, да прибыльное [1]).

Для Италіи Готардъ, конечно, также имѣетъ первостепенное значеніе: вся новѣйшая промышленность Милана и Ломбардіи расцвѣла, какъ цвѣтокъ, на этой вѣткѣ, протянувшейся сквозь горы отъ мощнаго ствола съ береговъ Рейна. Но тѣмъ неоспоримѣе все же остается, такъ сказать, германское подданство Готарда. И это роковое обстоятельство привело съ собою и для всей Швейцаріи, наряду съ небывалымъ подъемомъ въ ней хозяйственной жизни, тѣсную координацію послѣдней съ хозяйствомъ Германіи.

Въ 1870-хъ г.г. Швейцарія переживала крайнее разстройство въ дѣлахъ. Въ особенности желѣзнодорожное строительство оказалось убыточнымъ и безплоднымъ. «Даръ» Германіи и Италіи былъ для нея, при этихъ условіяхъ, счастливымъ выходомъ. Открытіе Готарда въ 1882 г. сразу оживило — какъ орошеніе оживляетъ засушливую мѣстность — всѣ углы страны, примыкающіе къ готардскимъ путямъ. Именно съ тѣхъ поръ сѣверъ и востокъ Швейцаріи, отъ Базеля до С.-Галлена, отъ Берна и до Цюриха и Глaруса, сдѣлался главнымъ бассейномъ ея матеріальной культуры. Въ такихъ захолустьяхъ, какъ Аппенцель-Иннерроденъ и сосѣднія мѣстности, гдѣ недавно только патухи горланили свое дикое «yuqli» и теперь еще пугаютъ взоръ колоссальные головные уборы женщинъ, капиталъ организовалъ лихорадочную дѣятельность «домашней промышленности» тонкихъ вышивокъ, нерѣдко съ участіемъ самыхъ усовершенствованныхъ машинъ. Нечего и говорить о мануфактурѣ Цюриха, С.-Галлена, Винтертура, Базеля. О темпѣ развитія послѣдней дастъ намъ понятіе, напримѣръ, ростъ г. Цюриха (съ предмѣстьями), начиная съ 80-хъ г.г. За 12 лѣтъ съ 1880—1900 г. населеніе здѣсь увеличилось на 59,3%, съ 1900 по 1910 г.—на новое 27,7%, всего за 22 года—на 87% [2]). Цюрихъ—округъ имѣетъ сейчасъ 225.908 жит. (въ 1900 г.—176.941), давно обогнавъ Женеву (155.764

[1]) Преобладаніе на Готардѣ транзита надъ грузами мѣстнаго характера выражается, для 1907 г., слѣдующимъ образомъ: грузовъ швейцарско-итальянскихъ и итальяно-швейцарскихъ 3.030.000 кв., транзитныхъ 8.437.000 кв.

[2]) Населеніе всей Швейцаріи за то же время возросло на 22% (съ 2.933.334. до 3765,002).

жит., въ 1910 г., во всемъ кантонѣ), прежде—самый большой городъ Швейцаріи, да и сейчасъ весьма оживленный торговый пунктъ.

Оплодотворяющее вліяніе Готарда на швейцарскую экономику признаетъ и Союзный Совѣтъ, въ посланіи 1909 г.: «Можно съ полнымъ правомъ и съ удовлетвореніемъ сказать, что результаты, полученные благодаря С.-Готардской желѣзной дорогѣ не только осуществили надежды швейцарскаго народа, но еще ихъ даже превзошли. Торговля и промышленность получили мощное развитіе въ полосѣ Швейцаріи, находящейся подъ вліяніемъ Готардскаго движенія. Въ мѣстностяхъ, гдѣ проходитъ эта линія, количество путешественниковъ растетъ изъ года въ годъ». Союзный Совѣтъ доволенъ, какъ видите. Прибавимъ однако цифры, иллюстрирующія это удовольствіе и съ другой стороны. Какими матеріалами пользуется швейцарская мануфактура на своихъ фабрикахъ? Отвѣтъ: за исключеніемъ американскаго хлопка и восточнаго либо итальянскаго шелка-сырца, — германскими углемъ, желѣзомъ, частью и машинами, ибо своего угля и желѣза Швейцарія имѣетъ такъ же мало, какъ хлопка и шелка. Германскаго угля ввезено сюда въ 1907 г. 2.305.000 тоннъ, желѣза—237.000 тоннъ (1 метрическая тонна=1,000 килограммъ=10 квинт.), на сумму 103 м. фр., т. е. еще больше, чѣмъ мы видѣли для Италіи. Отраженное дѣйствіе Готарда оказывается еще сильнѣе его прямого дѣйствія.

Въ книгѣ Геєринга («Economie politique de la Suisse»), откуда взяты эти цифры, поглядимъ еще цифры швейцарской внѣшней торговли вообще. Цѣлыхъ 32% швейцарскаго ввоза въ 1907 г. приходилось на Германію—551.326 тысячъ франковъ (на слѣдующемъ мѣстѣ—Франція, съ 17,65%), при чемъ больше половины этой суммы составляли фабрикаты и, прежде всего, машины; затѣмъ идутъ уголь и желѣзо. 24,45 % вывоза идетъ тоже въ Германію (16% въ Великобританію, 14% въ Соединенные Штаты, 10,5% во Францію), на сумму 281.868 милліоновъ франковъ. Большая часть вывоза въ Германію тоже состоитъ изъ фабрикатовъ, преимущественно полу-фабрикатовъ. Итакъ, обмѣнъ Швейцаріи и Германіи носитъ, скорѣе всего, характеръ *внутренняго* обмѣна, какой существуетъ въ предѣлахъ болѣе или менѣе однородной промышленной области. Притомъ, швейцарскій округъ рейнской промышленности (если можно такъ выразиться) почти цѣликомъ работаетъ матеріалами и орудіями, посылаемыми Германіей и, работая, имѣетъ въ виду, прежде всего, ту же Германію.

Если привлечемъ сюда еще «промышленность иностранцевъ» (туризмъ), играющую весьма серьезную роль, такъ какъ именно ея

валовой доходъ въ 180—200 милл. франковъ служитъ, въ первую голову, для покрытія ежегоднаго пассивнаго сальдо швейцарскаго торговаго баланса; если отмѣтимъ, что въ послѣдніе годы именно нѣмецъ-туристъ заполоняетъ лѣтомъ отели въ горахъ, и, въ количествѣ 37% изъ числа всѣхъ иностранцевъ, поддерживаетъ эту спеціально-швейцарскую промышленность, давно оттѣснивъ на задній планъ англичанъ, — то германскій капиталъ окажется еще болѣе повышающимъ свой «счетъ на Швейцарію». Наконецъ, финансовый нѣмецкій капиталъ въ послѣдніе годы наводняетъ страну. Хотя и сами швейцарцы издавна пускаютъ свои капиталы въ дальнія гастроли (въ томъ числѣ немало помѣщаютъ и въ Россіи), для сбора дани съ мало-денежныхъ варваровъ, но все же, напр., Геерингъ не безъ затаеннаго страха говоритъ: «Значительное количество акцій и облигацій швейцарскихъ желѣзныхъ дорогъ эмигрировало за границу, и займы государственные, кантональные и общинные, покрываются другими странами въ такой мѣрѣ, что можно сейчасъ сомнѣваться, уравновѣшиваются ли швейцарскіе фонды, помѣщенные за границей, чужими цѣнностями, помѣщенными у насъ». И здѣсь нѣмцы—тоже далеко впереди всѣхъ.

Все это имѣетъ, конечно, свою «отрадную» сторону: льется въ Швейцарію чужой капиталъ, значитъ, ему тутъ выгодно, прочно, тепло и уютно. Значитъ—дѣла кипятъ. Но вотъ вопросъ: откуда онъ льется и почему такъ обильно льется?—Льется, повторяю, изъ Германіи, потому что тамъ за послѣдніе годы создался гигантскій фокусъ сконцентрированнаго капитала, втянувшій въ свою орбиту сравнительно слабый швейцарскій капиталъ. И вотъ, послѣдній обращается въ смиреннаго спутника перваго, а первый все больше, сквозь петли своей живой сѣти, имѣющей свойство пробуждать всюду жизнь, запрягать дикую природу на службу человѣку, просовываетъ свои жадныя, сосущія щупальцы, щупальцы Верхарновскаго Города-Спрута. И поклоняется германскимъ милліардамъ здѣшній мелко плавающій «національный» капиталъ, и, устами Союзнаго Совѣта, лепечетъ объ «осуществленіи надеждъ швейцарскаго народа», лелѣянныхъ при постройкѣ Готарда.

Правда, не такъ розово настроеніе Союзнаго Совѣта въ другомъ, новѣйшемъ его посланіи, 30 авг. 1911 г., предлагающемъ палатамъ ратификовать договоръ съ Готардской компаніей о выкупѣ. Здѣсь признается уже, что «сдѣлка не очень блестяща», но Совѣтъ принужденъ былъ пойти на «нѣкоторыя жертвы» (въ 25% къ вычисленной, по вполнѣ яснымъ условіямъ концессіи, цѣнѣ!), такъ какъ «наибольшая часть акцій находится въ рукахъ иностранныхъ держателей». «Недовѣріе» послѣднихъ къ Швейцаріи, въ случаѣ обращенія къ

суду,—опять таки предвидимаго концессіей и, несомнѣнно, для компаніи весьма неблагопріятнаго—вотъ это «недовѣріе», представьте себѣ, несло бы съ собой «опасность для національнаго кредита»! Это мало логичное сужденіе станетъ совершенно прозрачнымъ, если примемъ въ разсчетъ, что въ правленіи и затѣмъ въ ликвидаціонной комиссіи компаніи главный вѣсъ имѣли директоръ берлинскаго Deutsche Bank и представители франкфуртскихъ и вѣнскихъ банковъ. Тѣмъ интереснѣе слѣдующій, добавочный аргументъ Союзнаго Совѣта: «Совѣту приходилось считаться и съ соображеніями *справедливости*... и другими того же рода», которыя «были также приняты во вниманіе во время національзаціи другихъ желѣзныхъ дорогъ». Дѣло въ томъ, что и въ 1901 г. швейцарское союзное правительство приплатило, сверхъ счета, компаніямъ Центральной, С.-Восточной и «Швейцарскаго союза» за ихъ дороги 10% (81 милл. фр. приплачивала еще и потомъ остальнымъ двумъ компаніямъ, и все—въ виду «опасности для кредита» въ случаѣ «недовѣрія иностранныхъ держателей»). А теперь эта несомнѣннѣйшая лихва и насиліе подобострастно именуются уже «справедливостью»...

Я, конечно, не обвинительный актъ пишу Союзному совѣту. Гдѣ ужъ намъ, россіянамъ, покушаться на это! Намъ знакомы такія «уступки» финансоваго свойства по займамъ въ Парижѣ, Берлинѣ и проч., что извиняющійся тонъ Союзнаго Совѣта заставляетъ насъ только по-русски ухмыляться въ бороду. 10%, 25%—да вѣдь швейцарцы зато получаютъ въ руки золотой туннель Готарда! А мы-то? Амурскую дорогу? туннели Круго-Байкальской?.. Нѣтъ, я хочу только показать, къ какимъ изворотамъ способенъ человѣческій языкъ, когда люди сами отъ себя стремятся скрыть горькую истину.

Но въ швейцарскомъ народѣ нашлось достаточно людей, умѣющихъ смотрѣть въ глаза и горькой истинѣ и не желающихъ фаталистически ей подчиняться. Общественное мнѣніе страны ждало лишь окончанія переговоровъ и выясненія отношенія другихъ парламентовъ къ конвенціи, чтобы поднять свой голосъ: здѣсь привыкли дѣйствовать безъ излишней торопливости, чтобы ею не поколебать вѣса своего выборнаго Bundesrath'а въ глазахъ сосѣдей, въ самый моментъ переговоровъ. Кромѣ того дѣло выкупа Готарда, само по себѣ, снискало безусловное признаніе широкихъ массъ, и боялись неосторожно ему повредить [1]).

---

[1]) Такъ, на рабочемъ конгрессѣ 1898 г. выкупъ жел. дорогъ былъ принятъ съ энтузіазмомъ: «Швейцарскія желѣзныя дороги—швейцарскому народу!» провозглашали ораторы, хотя уже въ то время, секретарь ассоціаціи желѣзнодорожныхъ служащихъ, Риматэ, говорилъ, что «Готардъ обѣщаетъ печальные сюрпризы».

Съ 1909 г. создалась огромная литература о Готардѣ, изъ которой особенно выдѣляются статьи фрейбургскаго ректора Жана Брюна въ «Revue de deux Mondes» и д-ра Штейгера и предсѣдателя Національнаго Совѣта, проф. Виржиля Росселя, въ цюрихскомъ журналѣ «Wissen und Leben». Всѣ они отнеслись рѣзко-отрицательно къ конвенціи. 29 сентября 1910 г. представители самыхъ большихъ газетъ Швейцаріи—«Berner Tageblatt», «Züricher Post» и «Journal de Genève» — созвали въ Бернѣ первое организаціонное собраніе для устройства митинговъ протеста противъ конвенціи, «безъ различія партій», какъ говорили ораторы. Иниціатива эта имѣла широкій резонансъ. Больше полугода по всей странѣ шли митинги, рефераты и пренія, при чемъ оффиціальные защитники необходимости «поклониться пониже силѣ» далеко не пріобрѣли лавровъ побѣды. Самъ союзный совѣтникъ (министръ) по департаменту почтъ и желѣзныхъ дорогъ д-ръ Форреръ, одинъ изъ трехъ отвѣтственныхъ участниковъ конференціи съ Германіей и Италіей, признался, что новый договоръ ведетъ къ нѣкоторому ограниченію суверенитета Швейцаріи.

Митинги сопровождались собираніемъ подписей подъ петиціей Національному Совѣту (по конституціи договоры не подлежатъ ни референдуму, ни «иниціативѣ», такъ что возможно лишь косвенное, «съ улицы» давленіе на парламентъ). Лѣтомъ 1911 г. набралось уже болѣе 100 тыс. подписей. Въ петиціи граждане требуютъ отъ палатъ не ратификовать конвенцію въ данномъ видѣ, такъ какъ она грозитъ независимости и нейтралитету страны; требуютъ возвращенія акта Союзному Совѣту для пересмотра. Интересенъ составъ митинговъ и подписавшихся подъ петиціей. Онъ, конечно, пестрый, «безпартійный», но преобладаютъ, съ одной стороны, ярые швейцарскіе патріоты-протестанты и консерваторы (т. наз. здѣсь «либералы» и «демократы»—названія партій въ Швейцаріи весьма запутаны и не точны), съ другой стороны—соціалисты, сторонники «Интернаціонала» и католики-ультрамонтане! Всѣхъ подняла на ноги опасность со стороны чужого завоевателя-капитала. И если консерваторы вели свою преимущественно литературно-профессорскую кампанію чинно и солидно, то соціалисты и клерикалы, привычные къ агитаціи въ массахъ, примѣняли болѣе громкіе способы.

Дѣло дошло даже до суда. Двѣ газеты: «Berner Tagewacht» (соціалистическая) и «Neue Zürcher Nachrichten» (католич.) перепечатали изъ англійской газеты «Evening News» корреспонденцію изъ Швейцаріи, гдѣ говорилось, что даже «воробьи съ крышъ кричатъ» о «германскомъ золотѣ», склонившемъ швейцарскихъ делегатовъ къ подписанію конвенціи; сюда же пристегнутъ былъ и феде-

ральный судья Винклеръ (онъ значительно содѣйствовалъ устраненію процесса о Готардѣ съ компаніей и развязкѣ дѣла путемъ соглашенія),—«послѣдній боецъ за конвенцію» и «адвокатъ чужихъ странъ». Союзный Совѣтъ привлекъ дерзкихъ редакторовъ къ отвѣту. Въ маѣ 1911 г. судъ приговорилъ соціалиста Гримма къ штрафу въ 500 фр., съ замѣной 100 днями тюрьмы и къ $^2/_3$ судебныхъ издержекъ, а католика Фишера, какъ позаимствовавшаго уже статейку отъ соціалиста — къ 200 фр. (40 дней тюрьмы) и $^1/_4$ издержекъ. Сверхъ того рѣшено уплатить министру Форреру, за безчестье, 200 фр. Соціалистъ предпочелъ казенную квартиру, куда и былъ немедленно водворенъ.

Слѣдовательно, дѣло не обошлось безъ жертвъ. Впрочемъ—не съ одной лишь стороны. Какая-то тѣнь, повидимому, — не вовсе безобиднаго характера, осталась послѣ суда на главномъ директорѣ S. B. B. (швейцарскихъ союзныхъ дорогъ) Вейссенбахѣ. Стали настойчиво говорить о его уходѣ, который осенью дѣйствительно и состоялся. Конечно, иностранцу ближе судить объ этомъ дѣлѣ нельзя. Характерно лишь то, что народная петиція, повидимому, была чувствительна для иныхъ оффиціальныхъ лицъ, слишкомъ поспѣшно поддавшихся на германскія вымогательства. Такъ, президентъ союза въ 1910 г., адвокатъ Контессъ, на дняхъ вышелъ изъ министерства, безъ особыхъ, казалось бы, поводовъ: онъ—одинъ изъ подписавшихъ конвенцію. Зато Форреръ, бывшій, повидимому, противникомъ подписанія и лишь подчинившійся большинству, выбранъ президентомъ на 1912-ый годъ.

Въ Швейцаріи, какъ мнѣ приходилось уже говорить, сердитая игра демократическихъ «живыхъ волнъ» далеко не оставляется безъ вниманія en haut lieu. Игра эта приноситъ не только ропотъ народный къ ступенямъ федеральнаго дворца: она приноситъ туда и силу сопротивленія противъ царя нынѣшнихъ рынковъ и правителей—капитала. Рокочетъ народная волна—и принужденъ, хоть неохотно, отступать со своими щупальцами спрутъ-капиталъ. И въ дѣлѣ освобожденія Готарда массовое движеніе сыграетъ, конечно, немалую роль.

Покамѣстъ, дѣло остается, по французскому выраженію, «на водѣ». Скоро три года, какъ подписана конвенція, а все еще она не утверждена палатами, хотя выкупъ уже окончательно принятъ въ декабрѣ и компанія, набивъ себѣ карманы народнымъ золотомъ, удалилась на покой. Неожиданную помощь получилъ швейцарскій народъ со стороны итальянскаго народа. Въ Италіи парламентъ тоже отложилъ въ дальній ящикъ конвенцію, и ломбардскія торговыя палаты единогласно высказались противъ нея. Впрочемъ это ужъ вы-

ходитъ изъ рамокъ моего письма; укажу лишь, что въ Италіи жалуются на Германію, выговорившую для себя одной львиную долю всѣхъ выгодъ отъ Готарда.

Такимъ образомъ далеко не слишкомъ страшными являются угрозы оффиціозной «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», что-де, въ случаѣ непринятія конвенціи, Германія снова подниметъ вопросъ о правѣ Швейцаріи выкупать Готардъ безъ согласія «субсидировавшихъ державъ».

Освобожденіе Готарда, худо ли, хорошо ли—фактъ совершившійся. И дипломатія лишній разъ убѣждается въ невозможности впредь вести дѣла по произволу, за спиной массъ. Быть можетъ, при дальнѣйшемъ ростѣ политическаго сознанія «улицы», и самъ капиталъ принужденъ будетъ считаться съ этой безпокойной улицей значительно больше, чѣмъ до сихъ поръ.

А. Дивильковскій.

ГЕРМАНСКІЕ ВЫБОРЫ.

(Письмо изъ Берлина).

Такой утомительной и безкрасочной избирательной кампаніи никогда, кажется, не было. Это мнѣніе не только мое, но и многихъ другихъ, наблюдавшихъ кампанію вблизи, на мѣстѣ. По волѣ безталаннаго бетмановскаго правительства выборная борьба должна была переплестись съ рождественскими и новогодними праздниками, когда рядовой обыватель меньше всего думаетъ о политикѣ. Въ самый послѣдній моментъ партійной агитаціи всѣ помыслы бюргеровъ и небюргеровъ естественно сосредоточились на елкахъ, подаркахъ, визитахъ, а политическіе лозунги и партійныя программы какъ-то сами собой ушли на задній планъ. Примирительное рождественское настроеніе сказывалось, конечно, и на послѣрождественскомъ періодѣ агитаціи. Даже внѣшнимъ образомъ Рождество давало себя чувствовать на политическихъ собраніяхъ: во многихъ залахъ почти все время приходилось видѣть остатки елокъ и елочныхъ украшеній. И дольше всего эти украшенія оставались въ «рабочемъ домѣ», принадлежащемъ организованному пролетаріату. Наряду съ суровыми портретами Бебеля, Маркса и Лассаля привѣтливыя вѣтви зеленыхъ елокъ дѣйствовали немного странно.

Рождественскіе и новогодніе праздники были, однако, не единственной причиной, обусловившей сравнительно мягкій характеръ избирательной кампаніи. Въ дѣйствительности она началась уже два года тому назадъ, непосредственно послѣ пресловутой финансовой «реформы». Затяжная избирательная кампанія естественно истомила, и агитаторовъ, и публику, и вопросы, вокругъ которыхъ шла борьба, успѣли надоѣсть «хуже горькой рѣдьки». Правда, одно время «финансовая реформа» и другіе грѣхи «черно-голубого» блока отодвинулись было немного назадъ и на первомъ планѣ политической арены появилась марокккская авантюра. Многимъ эта авантюра показалась искуснымъ предвыборнымъ маневромъ, предназначеннымъ для отвлеченія обывательской массы отъ язвъ внутренней политики. Если бы этотъ маневръ удался и націоналистическія страсти достигли извѣстной степени напряженія, исходъ кампаніи былъ бы, несомнѣнно, немного иной. Повторились бы вѣроятно событія «готтентотскихъ выборовъ» 1907-го года, приведшихъ къ блестящей побѣдѣ правительственнаго большинства, и весьма возможно, что Бетманъ-Гольвегу довелось бы, подобно Бюлову, держать ночью рѣчи передъ рѣшеткой канцлерскаго дворца. Въ щекотливой ситуаціи, созданной «марокккскимъ вопросомъ» многое зависѣло отъ поведенія организованнаго пролетаріата, въ особенности—его отвѣтственныхъ вождей. Малѣйшая неосторожность могла бы повести къ передвижкѣ всей боевой линіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ побѣдѣ реакціонныхъ элементовъ, поставившихъ свою ставку на націоналистическую карту. Правыя партіи обрадовались-было этой перспективѣ, но рѣшительная, хотя и сдержанная политика центральныхъ учрежденій нѣмецкой, а затѣмъ и международной соціалъ-демократіи быстро положила конецъ всякимъ реакціоннымъ иллюзіямъ. Боевая линія осталась по-прежнему внутри-политической, и лозунги въ родѣ: «долой народныхъ эксплуататоровъ», «долой политику вздорожанія», «долой таможенныя пошлины» не потеряли своей притягательной силы до самаго конца избирательной кампаніи. Благодаря усиліямъ Hansabund'а и его энергичнаго предсѣдателя, Риссера, вниманіе либеральной оппозиціи также сосредоточилось на «черно-голубомъ» блокѣ, повинномъ въ проведеніи финансовой «реформы» и вообще въ реакціонномъ курсѣ современной германской политики. Борьба противъ «черно-голубыхъ» естественно сблизила «красныхъ», т. е. соціалъ-демократовъ, съ «розовыми», т. е. либералами, и, въ общемъ, картина избирательной борьбы представляла собою картину схватки между двумя «блоками». Но—только въ общемъ. Приглядываясь ближе къ каждому «блоку» отдѣльно, можно было замѣтить, что борьба идетъ и внутри самихъ «блоковъ», между его составными

частями, при чемъ, правда, «черно-голубая» армія явила сравнительно больше однородности и солидарности, нежели противная сторона.

Въ предѣлахъ красно-розоваго блока особенно тяжелое положеніе пришлось на долю либеральнаго бюргерства. Съ одной стороны оно должно было отбиваться отъ натиска «черно-голубыхъ» элементовъ, съ другой стороны на него нападали демократы и соціалъ-демократы. Приходилось вести борьбу на два фронта и ослаблять силу ударовъ, направленныхъ въ одну сторону, ударами, направленными въ другую. Характерной иллюстраціей сказанному можетъ послужить хотя бы слѣдующая картинка, наблюдавшаяся мною на собраніи, устроенномъ либералами во второмъ берлинскомъ округѣ.

Собраніе происходило, какъ обыкновенно, въ залѣ какого-то пивного ресторана. Помѣщеніе, сравнительно небольшое, вскорѣ оказалось переполненнымъ. Женщинъ было крайне мало, молодежи—также немного; преобладающимъ явился солидный бюргеръ среднихъ лѣтъ. Въ различныхъ углахъ зала виднѣлись физіономіи учителей, профессоровъ, врачей. На небольшой сценѣ, играющей роль трибуны, стоялъ «профессоръ», высокій, худощавый, человѣкъ, и скучнымъ доцирующимъ голосомъ разсказывалъ публикѣ исторію переживаемыхъ Германіей бѣдъ. Виноватъ во всемъ, по его мнѣнію, Бисмаркъ, съ своей таможенной политикой От Бисмарка пошелъ протекціонизмъ, послужившій на пользу аграріямъ и горнопромышленникамъ и во вредъ всему остальному населенію. Потомъ ораторъ перешелъ къ финансовой реформѣ 1909-го года и взваливалъ всю отвѣтственность за нее на аграрно-клерикальный блокъ. Либералы полагали—говорилъ онъ—что новые налоги должны лечь на имущіе классы, а не на потребленіе широкихъ слоевъ народа. Они настаивали на налогѣ съ наслѣдства, но ничего не имѣли противъ остальныхъ предложенныхъ правительствомъ налоговъ. Правда, всѣ эти остальные налоги были косвенные, но нынѣшній либерализмъ давно уже отказался отъ идеи, что государство можетъ обойтись безъ косвеннаго обложенія. Дѣло не въ томъ или иномъ видѣ обложенія, а въ предметѣ, на который оно падаетъ. Облагать налогомъ предметы питанія широкихъ массъ, конечно, несправедливо и нежелательно, но финансовая реформа 1909-го года имѣла въ виду не предметы питанія, а удовольствія—табакъ, пиво и т. д. Согласіе либераловъ на эти налоги не даетъ права на то, чтобы зачислить ихъ въ число противниковъ народа.

Справившись съ финансовой реформой и обрисовавъ антинародную тенденцію черно-голубой политики, ораторъ немедленно переходитъ къ «лѣвымъ» и въ особенности къ «Демократическому

Союзу» (Demokratische Vereinigung), руководимому Брейтшейдомъ, Герлахомъ и Гедке. Демократическій Союзъ, говоритъ онъ, является излишнимъ, и при нынѣшней ситуаціи его иниціаторъ, покойный Теодоръ Бартъ, высказался бы вѣроятно за его распущеніе. Бартъ создалъ союзъ только потому, что либералы вошли въ блокъ съ консерваторами. Но разъ либерально-консервативный блокъ сталъ уже достояніемъ исторіи, то нѣтъ никакой необходимости разбивать силы либеральной демократіи и настаивать на особомъ существованіи демократической организаціи. Необходимо усилить либеральную армію, ибо за нею ближайшее будущее, она призвана освободить Германію отъ гнетущей тяжести черно-голубой глыбы. Консерваторы это прекрасно понимаютъ и именно потому ненавидятъ и боятся не столько соціалистовъ, сколько глашатаевъ либерализма. Соціалисты для реакціонеровъ значительно менѣе страшны, такъ какъ реакціонеры надѣются справиться съ ними грубой физической силой. Не даромъ вѣдь пресловутый Ольденбургъ бросилъ крылатую фразу: «Wir alle müssen durch's rote Meer!», намъ всѣмъ не избѣжать краснаго моря. Но либераловъ въ морѣ крови не утопишь. Для борьбы съ ними нужны другія средства, которыхъ у аграрной демагогіи нѣтъ.

Вслѣдъ за «профессоромъ» говоритъ кандидатъ округа, Карлъ Моммзенъ. По внѣшности «молодой» Моммзенъ мало похожъ на своего знаменитаго отца, котораго мнѣ нерѣдко приходилось видѣть въ университетѣ и библіотекѣ. Отецъ былъ небольшого роста, имѣлъ большую красивую голову, съ длинными прядями бѣлыхъ развѣвающихся волосъ. Сынъ оказался довольно рослымъ, худощавымъ мужчиной, съ сравнительно небольшой головой и прилежно расчесанной козлиной бородкой. Только острые глазки и тонкія нервныя руки напоминаютъ, что имѣешь дѣло съ настоящимъ отпрыскомъ знаменитаго автора Римской Исторіи.

Ораторъ Моммзенъ не изъ важныхъ. Говоритъ онъ, правда, свободно и увѣренно, но немного растянуто. Рѣчь его страдаетъ и отъ непріятнаго тембра голоса. Несмотря однако, на всѣ эти внѣшніе дефекты, она выслушивается публикой съ большимъ вниманіемъ; по временамъ она прерывается взрывами аплодисментовъ. Подъ конецъ публика устраиваетъ оратору даже нѣчто въ родѣ оваціи.

Какъ и предыдущій ораторъ, Момзенъ начинаетъ съ критики аграріевъ и вообще консерваторовъ, а кончаетъ критикой соціалъ-демократіи. Соціалъ-демократія ничего не даетъ рабочимъ; въ сущности интересы послѣднихъ обезпечиваются лучше всего либеральной политикой, а отнюдь не соціалистической. Соціалисты пропагандируютъ классовую борьбу, тогда какъ въ дѣйствительности благосостояніе пролетаріата находится въ тѣснѣйшей зависи-

мости отъ преуспѣянія класса капиталистовъ. Не бороться противъ предпринимателей должны рабочіе, а входить съ ними въ соглашенія. Предприниматели—не враги, а естественные друзья рабочихъ. Въ виду этого ораторъ рекомендуетъ рабочимъ подавать голоса не за соціалдемократа, а за него, представителя либиральной или, какъ она себя теперь называетъ, «прогрессивной народной» партіи (Fortschrittliche Volkspartei).

Пока ораторъ говорилъ, нѣсколько молодыхъ рабочихъ-соціалистовъ, стоявшихъ неподалеку отъ моего мѣста, только и дѣлали, что подсмѣивались надъ его «рабочелюбіемъ». Пропасть между либерализмомъ и соціализмомъ въ Германіи, очевидно, настолько велика, что ее не только не засыплешь такими дешевыми аргументами, но даже не заставишь противниковъ задуматься надъ этой задачей. Впрочемъ, пропасть отдѣляетъ либераловъ не только отъ соціалистическихъ, но даже отъ демократическихъ рабочихъ. Это можно было констатировать тутъ же, на собраніи, когда одинъ рабочій—демократъ выступилъ съ заявленіемъ:

— Я принадлежалъ раньше къ либераламъ, но выступилъ изъ партіи, когда они вошли въ «блокъ» съ консерваторами, и до сихъ поръ не жалѣю объ этомъ.

Рабочій оказался очень мирно настроеннымъ, но тѣмъ не менѣе рѣшительнымъ. Онъ перечислилъ, какіе антинародные шаги совершили либералы за послѣдніе годы и какъ сбивчива, неустойчива, нерѣшительна была вся ихъ политика. Либералы были противъ финансовой «реформы», но не потому, что она требовала 400 милліоновъ косвенныхъ налоговъ, а только потому, что имъ хотѣлось смягчить гнетъ этихъ послѣднихъ прибавкой 100 милліоновъ прямыхъ. Либералы, какъ и консерваторы, не прочь лишить рабочаго самаго невиннаго удовольствія, забывая, что рабочіе большею частью не могутъ позволить себѣ наслажденія иначе, какъ въ видѣ кружки пива или дешевой сигары. Кромѣ того либералы вели антидемократическую линію и въ области политическихъ вопросовъ. Они голосовали за имперскій законъ о союзахъ, несмотря на то, что въ него былъ включенъ знаменитый «антипольскій» параграфъ, по которому цѣлая нація лишалась свободы пользованія родной рѣчью. А какъ вели себя либералы во время памятной еще исторіи, связанной съ трагической смертью русскаго студента Дубровскаго? Развѣ либеральный интерпелянтъ, профессоръ фонъ Листъ, не могъ проявить при своемъ запросѣ бóльшаго достоинства и энергіи? Вообще—закончилъ рабочій—либералы черезчуръ податливы и если иногда и говорятъ хорошія слова, то на дѣлѣ поступаютъ далеко не такъ ужъ хорошо. Почему, напримѣръ, либералы ни разу не

потребовали отклоненія бюджета? Почему они не постарались дать почувствовать правительству, что они серьезно намѣрены проводить свою программу?

Собраніе, состоявшее преимущественно изъ либераловъ, естественно встрѣтило это замѣчаніе веселымъ хохотомъ. Веселье это было врядъ ли искреннимъ: въ душѣ, вѣроятно, не одинъ изъ присутствующихъ почувствовалъ, что скромныя слова рабочаго не лишены значительной доли правды; но вѣдь послѣдняя, какъ извѣстно, не всегда пріятна, и, если можно, стараются избѣжать встрѣчи съ нею. Именно потому либералы бо́льшею частью не пускаютъ противниковъ на свои собранія и произносятъ рѣчи исключительно передъ лицомъ своихъ сторонниковъ. У нихъ не хватаетъ мужества для открытой борьбы. Самые большіе либеральные митинги, устроенные въ Берлинѣ ради поддержки кандидатуры президента Handelstag'а Кемпфа, прошли безъ участія противниковъ. Одинъ изъ этихъ митинговъ состоялся въ обширномъ «императорскомъ» залѣ извѣстнаго ресторана Rheingold и привлекъ приблизительно 2000 человѣкъ, принадлежащихъ преимущественно къ классу «лучшихъ людей» (bessere Leute). Говорили на этомъ митингѣ такіе корифеи либерализма, какъ президентъ Hansabund'а Риссеръ, юстицратъ Кассель и бывшій вице-президентъ рейхстага Іоганесъ Кемпфъ. Кемпфъ, дряхлѣющій уже старикъ, съ тихимъ, унылымъ голосомъ, почти всю свою рѣчь посвятилъ доказательству, что Германія—страна промышленная, и аграрная линія для нея непріемлема. Такія разсужденія, конечно, правильны, но они были неумѣстны на митингѣ въ Берлинѣ, гдѣ борьба идетъ не между либералами и аграріями, а между либерализмомъ съ одной стороны и либеральнымъ демократизмомъ и соціализмомъ—съ другой. Въ ту же ошибку (преднамѣренную, конечно) впалъ и второй ораторъ, подвижной до юркости юстицратъ Кассель. И его аргументы направлялись главнымъ образомъ противъ аграріевъ, которыхъ не было въ залѣ и которыхъ нѣтъ въ данномъ избирательномъ округѣ. Лишь подъ конецъ онъ вспомнилъ о соціалъ-демократахъ (о демократахъ и ихъ критическихъ нападкахъ ораторъ совсѣмъ забылъ) и безъ запинки выпалилъ аргументъ, котораго трудно ожидать отъ политически образованнаго человѣка. Вѣроятно г. Кассель вспомнилъ въ этомъ мѣстѣ ходкую когда-то книжку покойнаго Евгенія Рихтера, въ которой вождь нѣмецкаго либерализма высмѣивалъ «будущее государство» (den Zukunftstaat) соціалъ-демократовъ. На этомъ-то Zukunftstaat'ѣ остановился Кассель, обрисовавъ его, какъ какую-то большую каторжную тюрьму, въ которой личная воля человѣка будетъ подавлена и уничтожена безъ остатка. Легковѣсность касселевской аргумен-

таціи была настолько очевидна, что даже среди сочувствующей ему публики она не вызвала большого энтузіазма. Публика оказалась болѣе благоразумной, нежели ея вождь.

Значительно удачнѣе было соотвѣтствующее мѣсто въ энергично сказанной рѣчи третьяго оратора, Риссера. Онъ ограничился выраженіемъ сомнѣнія въ осуществимости соціалистическаго идеала. Вопросъ о далекомъ будущемъ остается, пока что, открытымъ, съ чѣмъ не стали бы спорить и соціалисты, въ особенности въ нынѣшнюю кампанію. Рѣчь шла теперь вѣдь не о Zukunftstaat'ѣ, а о рядѣ неотложныхъ экономическихъ и правовыхъ реформъ, и либераламъ, желавшимъ отстоять свою позицію, слѣдовало бы направить свои аргументы именно въ эту сторону. Но въ томъ-то и бѣда, что нынѣшнему нѣмецкому либерализму нечего сказать по адресу лѣвыхъ, и ему волей-неволей приходится закрывать двери передъ докучными «вопрошателями».

«Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно». Закрывай двери передъ демократами—они подстерегутъ тебя при выходѣ и всунутъ таки въ руку свою прокламацію. Такъ было и на описываемомъ митингѣ. Едва мы вышли на улицу, какъ насъ окружило нѣсколько бородатыхъ мужчинъ съ бѣлыми листками, на которыхъ большими буквами было выведено имя демократическаго кандидата, Richard Gödke, а маленькими перечислялись прегрѣшенія Кемпфа. Потомъ намъ попалась другая демократическая прокламація, гдѣ рѣчь шла уже не только о Кемпфѣ, но и о всей его партіи въ цѣломъ. Если вѣрить этой прокламаціи, либералы—противники самоуправленія, противъ избирательной «четырехвостки», отдѣленія государства и школы отъ церкви, женскаго равноправія, сторонники косвенныхъ налоговъ и таможенныхъ пошлинъ. Всѣ эти обвиненія сопровождались выписками изъ различныхъ рѣчей и статей либеральныхъ дѣятелей или ссылками на тѣ и другіе вотумы либеральныхъ депутатовъ. Естественно, что такія прокламаціи ожесточали сторонниковъ Кемпфа: были случаи, когда либеральные избиратели вырывали бѣлые листки изъ рукъ раздатчиковъ и разрывали ихъ (листки, конечно) тутъ же на мѣстѣ.

Вообще демократы испортили либераламъ немало крови. Со свойственной всякой юности страстностью эта молодая организація бросилась въ избирательную кампанію чуть не очертя голову и работала, какъ ни одна партія стараго состава. Ораторы ея рыскали на автомобиляхъ по всему городу и успѣвали въ одинъ вечеръ говорить на трехъ-четырехъ собраніяхъ. Демократическія собранія были, пожалуй, самыя оживленныя, самыя интересныя изъ тѣхъ, на которыхъ мнѣ приходилось присутство-

вать. Тутъ выступали не только докладчики, но и «дискутеры», и страстные дебаты затягивались часто за полночь. На собраніяхъ, гдѣ долженъ былъ говорить одинъ изъ главныхъ вождей этой организаціи—бывшій полковникъ Гедке (русскому читателю это имя должно быть памятно: во время русско-японской войны Гедке былъ корреспондентомъ Berliner Tageblatt, и его корреспонденціи съ театра военныхъ дѣйствій часто цитировались и въ русскихъ газетахъ), народу накоплялось обыкновенно такъ много, что ни одинъ залъ не могъ бы вмѣстить всѣхъ желающихъ послушать, и приходилось немедленно устраивать параллельныя собранія. Ясная и рѣшительная рѣчь бывшаго офицера дѣйствительно производила оживляющее впечатлѣніе и выдѣлялась среди другихъ политическихъ декламацій. Недурными ораторами оказались и другіе вожди демократизма, что однако не помѣшало полнѣйшему фіаско этой партіи (она собрала всего на всего 28 тысячъ голосовъ). Этотъ результатъ не трудно было предвидѣть. Избиратель не любитъ новыхъ партій. Онъ человѣкъ практичный: ему важенъ главнымъ образомъ непосредственный успѣхъ. Душою онъ можетъ быть всецѣло на сторонѣ какой-либо новой партіи, но, стремясь къ опредѣленному практическому результату, онъ подаетъ голосъ не за нее, а за кандидата какой-либо упрочившейся уже организаціи. Поступая такъ онъ знаетъ, что его голосъ не пропадетъ, что онъ сыграетъ нѣкоторую роль въ образованіи нужной ему политической силы. Припоминаю разговоръ, который можетъ служить характерной иллюстраціей къ только что сказанному. Дѣло было на собраніи, устроенномъ союзомъ техниковъ и служащихъ (т. е. конторщиковъ, бухгалтеровъ и т. д.). На это собраніе были приглашены кандидаты всѣхъ партій, но явился только кандидатъ демократовъ—молодой архитекторъ Шубертъ. Около меня сидѣлъ какой-то приказчикъ и мы съ нимъ разговорились о рѣчи Шуберта и вообще о современной политической ситуаціи. Собесѣдникъ мой оказался оріентированнымъ политикомъ и очень недурно обрисовывалъ различныя политическія теченія. Изъ всѣхъ программъ ему больше всего нравилась программа демократовъ. Въ ней онъ находилъ все, что ему нужно было, и ничего такого, что онъ считалъ бы утопическимъ или преждевременнымъ.

— Ну а за кого будете голосовать?

— Конечно, за соціалъ-демократа.

— А ваши товарищи по профессіи?

— Большею частью—и они за соціалъ-демократа. Они, конечно, скроютъ это, ибо, вы понимаете, каждому приходится себѣ хлѣбъ

зарабатывать. Хозяинъ не потерпитъ у себя соціалъ-демократическаго приказчика.

— А почему же вы не голосуете за демократа?

— Ну, это партія еще молодая и маленькая. Неизвѣстно, что изъ нея выйдетъ, съумѣетъ ли она провести своего кандидата. А терять напрасно голосъ намъ тоже не хочется.

Такъ разсуждали, вѣроятно, многіе, и неудивительно, что на соціалъ-демократическихъ собраніяхъ присутствовало немало элементовъ, раздѣлявшихъ далеко не всѣ положенія соціалъ-демократической программы. Не слѣдуетъ, однако, думать, что соціалъ-демократія выставляла въ эту кампанію какія-либо особенно невыполнимыя требованія. Никогда еще она не была такъ реалистически настроена, какъ теперь; вся избирательная борьба велась соціалъ-демократіей въ необычайно реалистическомъ тонѣ. Этотъ реализмъ захватилъ даже такихъ радикаловъ партіи, какъ Роза Люксембургъ. Я присутствовалъ на собраніи, гдѣ она выступала въ качествѣ референта, и меня поразилъ реалистическій тонъ ея рѣчи. Не припомню ни одного положенія изъ ея доклада, котораго не подписалъ бы любой изъ умѣреннѣйшихъ ревизіонистовъ. Общій характеръ ея рѣчи былъ таковъ, что не помѣшалъ какому-то соціалъ-демократическому приказчику выступить непосредственно послѣ нея съ чисто практическимъ обращеніемъ къ присутствующимъ товарищамъ, и его сухая рѣчь не показалась диссонансомъ послѣ рѣчи Розы Люксембургъ.

Реалистическая нота звучала въ рѣчахъ соціалъ-демократовъ не только тогда, когда они обращались къ *избирателямъ*, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда агитировали среди элементовъ, не принадлежащихъ къ избирательному корпусу. Такими элементами являются главнымъ образомъ женщины, для которыхъ соціалъ-демократія устроила цѣлый рядъ спеціальныхъ «женскихъ» собраній. И на этихъ собраніяхъ рѣчь шла не о Zukunftstaat'ѣ, и не о революціонныхъ (въ узкомъ, техническомъ смыслѣ этого слова) выступленіяхъ, а о непосредственныхъ практическихъ задачахъ парламентской политики. Говорилось о косвенныхъ налогахъ, объ отношеніи къ нимъ либераловъ, о вздорожаніи жизни, о домашнихъ промыслахъ, о разлагающемъ вліяніи, которое оказываетъ капитализмъ на семью. Тутъ же подчеркивалось, что соціалъ-демократы—лучшіе патріоты, что они любятъ свое отечество больше, нежели космополиты командующихъ классовъ; указывалось на лицемѣріе аграріевъ, кричащихъ на всѣхъ перекресткахъ о своей любви къ Vaterland'у, но не стѣсняющихся ввозить въ Германію сотни тысячъ русскихъ, галицийскихъ и итальянскихъ рабочихъ, сбивающихъ цѣны на внутреннемъ рабочемъ рынкѣ.

Реалистическая нота соціалъ-демократической агитаціи настолько бросалась въ глаза, что на нее напали даже противники. Въ различныхъ мѣстахъ послышались упреки со стороны либераловъ, что соціалъ-демократы вводятъ въ заблужденіе избирателей, скрывая отъ нихъ свои конечныя цѣли. Эти упреки не замедлили вызвать отпоръ. «Мы не только не скрываемъ своихъ конечныхъ цѣлей,— воскликнулъ одинъ ораторъ наканунѣ рѣшительнаго дня 12-го января,—но готовы всегда и всюду говорить о нихъ. Да, мы стремимся къ обобществленію средствъ производства и не видимъ причинъ отказываться отъ этого стремленія. Болѣе того: мы знаемъ, что развитіе современной общественной жизни съ непреодолимой силой ведетъ къ соціализму. Вокругъ насъ мы уже видимъ зачатки соціалистическихъ организацій, а дальнѣйшій ростъ капитализма несомнѣнно послужитъ въ пользу дальнѣйшаго роста соціалистическаго начала». Ораторъ закончилъ горячимъ призывомъ къ борьбѣ за соціалистическій идеалъ.

Это было очень внушительное собраніе; оно произвело на меня сильное впечатлѣніе. Въ томъ же зданіи одновременно происходило другое соціалъ-демократическое собраніе, гдѣ я «слышалъ» совсѣмъ другія «рѣчи». Я ставлю слова «слышалъ» и «рѣчи» въ кавычки потому, что на самомъ дѣлѣ во второмъ собраніи можно было гораздо болѣе видѣть, нежели «слышать». Рѣчи произносились тутъ на особый манеръ: главную роль игралъ не языкъ, не губы, а различныя комбинаціи изъ десяти пальцевъ ораторскихъ рукъ. Дѣло въ томъ, что собраніе это состояло изъ *глухонѣмыхъ*, и комбинаціи изъ десяти пальцевъ играли роль буквъ и словъ. Глухонѣмые ораторы съ большой ловкостью и быстротою произносили свои неслышныя рѣчи, и было поистинѣ удивительно видѣть, какъ свободно усваивала эти рѣчи двухсотенная аудиторія безгласныхъ людей. Нѣкоторыя рѣчи отличались, вѣроятно, особенной зажигательностью, ибо публика реагировала на нихъ настоящими аплодисментами. Что говорилось въ этихъ рѣчахъ, я не знаю. Но вѣроятно это были варіаціи на тему, на которую говорилъ предсѣдатель страннаго собранія, принадлежащій къ категоріи *полуглухонѣмыхъ*. Онъ разсказывалъ о реакціонныхъ законахъ послѣдняго рейхстага, о революціи 48-го года, о народолюбіи и смѣлости соціалъ-демократіи и объ особыхъ трудностяхъ жизни, выпавшей на долю глухонѣмыхъ. Все это было не очень складно, но сопровождалось выразительной мимикой не только рукъ, но и лица. Наблюдая собраніе, я не понялъ, а ощутилъ, какое огромное благо сокрыто въ живой человѣческой рѣчи и какъ мало мы обыкновенно

цѣнимъ это благо. По-истинѣ страшно было подумать о возможныхъ судьбахъ человѣчества, лишеннаго членораздѣльной рѣчи.

Такъ думалъ я на собраніи глухонѣмыхъ. Попавъ на другое собраніе, гдѣ собрались антисемиты, я подумалъ нѣчто иное. Хорошо имѣть языкъ, когда имъ можно проповѣдывать слова любви и братства; но что сказать, когда люди пользуются имъ только для того, чтобы насаждать изувѣрство, сѣять злобу и ненависть? Именно этимъ занимался какой-то господинъ Мушъ, обладатель большихъ черныхъ усовъ, зычнаго голоса и взъерошенной шевелюры. Взъерошенной оказалась, впрочемъ, и рѣчь этого господина, состоявша большей частью изъ крѣпкихъ словечекъ. Больше всего потѣшался этотъ антисемитическій ораторъ надъ идеей равенства, причемъ приводилъ такой аргументъ: посадите рядомъ нѣмецкаго рабочаго, ботокуда, зулуса—и вы поймете, что о равенствѣ между людьми и рѣчи быть не можетъ. Расовыя перегородки неустранимы. Соціалисты только эксплоатируютъ темноту нѣмецкаго рабочаго, когда говорятъ о равенствѣ и братствѣ между людьми. Это они дѣлаютъ только потому, что вожди соціалъ-демократіи—евреи, что видно уже по ихъ именамъ: Бернштейнъ, Зингеръ, Штадхагенъ (имена Бебеля, Ауэра, Каутскаго, Ледебура, Гере и т. д. ораторъ, конечно, скромно опустилъ). Евреи овладѣли прессой, этимъ «вампиромъ» современнаго общества, и при ея посредствѣ водятъ за носъ весь міръ. Въ этомъ «истинно нѣмецкомъ» тонѣ ораторъ трубилъ довольно долго, пока не закончилъ такимъ образомъ: «Намъ не нужны соціалисты, намъ нужно только одно—соединеніе среднихъ элементовъ, Mittelstand'а, съ рабочими. Намъ нужно помнить, что мы добьемся успѣха только тогда, когда спасемъ семью отъ разложенія. Семья—это основная ячейка общества, и съ ея гибелью погибнетъ весь народный организмъ. Еврейскіе капиталисты (а христіанскіе?) гонятъ женщину изъ семьи на фабрику и въ магазинъ. Этому долженъ быть положенъ конецъ. Нашъ лозунгъ: Der Mann an die Arbeit, die Frau ins Haus, das Kind in die Schule».

Безсодержательно-претенціозная рѣчь пришлась по плечу невзыскательной аудиторіи и вызвала настоящія оваціи. Для «углубленія» впечатлѣнія какіе-то молодые люди бѣгали по залу и распространяли листки почти «погромнаго» содержанія. Во всѣхъ этихъ листкахъ невѣжество конкурируетъ съ недобросовѣстностью. На болѣе или менѣе нормальнаго человѣка антисемитская агитація не можетъ не произвести отталкивающаго впечатлѣнія. Естественно, что она на каждомъ шагу терпитъ неудачу. Если въ провинціи, среди темнаго и забитаго крестьянства, антисемитамъ и удается пока получить дюжину мандатовъ (потерявъ, впрочемъ, 6), то въ такомъ го-

родѣ, какъ Берлинъ, они могутъ играть только роль курьезнаго пережитка, способнаго захватить лишь небольшіе круги отсталаго торговаго и ремесленнаго люда. Въ томъ округѣ, который я наблюдалъ, ансисемиты собрали всего на всего 500 голосовъ изъ общаго числа въ 11 тысячъ. Безнадежность антисемитской позиціи ясна тутъ до очевидности.

Такимъ же малымъ вліяніемъ пользуются въ Берлинѣ и консерваторы. Консерваторы аграрнаго толка могутъ надѣяться здѣсь на успѣхъ еще менѣе, нежели антисемиты. Какъ ни какъ, антисемитъ заботится о Mittelstand'ѣ, который представленъ въ Берлинѣ въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Аграріевъ же или лицъ, заинтересованныхъ въ ихъ преуспѣяніи, въ Берлинѣ совсѣмъ почти нѣтъ. Злые люди указываютъ, впрочемъ, на одинъ слой берлинскаго населенія, который сильно заинтересованъ въ благоденствіи аграріевъ. Это—«дамы полусвѣта», имѣющія, какъ говорятъ, среди «юнкеровъ» большую кліентелу. Не будучи членами избирательнаго корпуса, кокотки не представляютъ, однако, для аграріевъ никакого интереса. Говоря безъ шутокъ, настоящіе «юнкера» вообще не любятъ агитировать въ точномъ смыслѣ этого слова, а предпочитаютъ оказывать механическое воздѣйствіе на избирателей, зависимыхъ отъ нихъ въ томъ или иномъ отношеніи. По свѣдѣніямъ изъ провинціи, консервативные политики занимались тамъ больше устрашеніемъ батраковъ и мелкихъ крестьянъ, нежели изложеніемъ своихъ программъ. Наряду съ этимъ консервативные агитаторы культивируютъ особый спортъ въ видѣ «срыва собраній» своихъ противниковъ. Чтобы помѣшать рѣчи неугоднаго или неудобнаго оратора, они прибѣгаютъ къ услугамъ грамофона, который заводятъ въ сосѣдней комнатѣ, или же вводятъ въ залу собранія... лошадь, или прибѣгаютъ къ другимъ, не менѣе остроумнымъ выходкамъ. Все это конечно мало помогаетъ. Въ концѣ концовъ здравый смыслъ избирателей беретъ верхъ надъ грамофономъ и надъ лошадью, и консерваторы теряютъ округъ за округомъ. Въ эту кампанію аграрные консерваторы потеряли 12 (42 противъ 54 въ 1907 г.), а консерваторы индустріальнаго оттѣнка (Reichspartei) потеряли 11 мандатовъ (14 противъ 25 въ 1907 г.).

Въ общемъ Берлинъ—протестантскій городъ. Католическій центръ не можетъ питать здѣсь никакихъ надеждъ на успѣхъ, но для подсчета голосовъ партія все-таки выставляетъ здѣсь своихъ кандидатовъ (обыкновенно—одного и того же во всѣхъ берлинскихъ округахъ). Въ прошлую кампанію такимъ Zählkandidat'омъ былъ «Веніаминъ нѣмецкаго рейхстага», молодой Маттіасъ Эрцбергеръ. Этотъ подвижной и бойкій агитаторъ съумѣлъ оживить небольшую католи-

ческую колонію Берлина, и ея собранія проходили всегда съ значительнымъ подъемомъ и внѣшнимъ успѣхомъ. Въ эту кампанію партія выставила кандидатомъ графа Опперсдорфа, человѣка съ необычайно изящными манерами и довольно скучной рѣчью. Воспитанникъ іезуитовъ, графъ Опперсдорфъ умѣетъ съ большой граціей обходить опасныя мѣста и не говорить о томъ, о чемъ его спрашиваютъ избиратели. Рѣчь, которую я прослушалъ, была въ этомъ отношеніи типичной. Онъ говорилъ почти два часа, и въ теченіе всего этого времени почти ничего не сказалъ. Вся его рѣчь была пересыпана язвительными шпильками по адресу Бюлова и Дернбурга, осмѣлившихся бросить перчатку могущественной партіи католиковъ. Потомъ онъ сталъ расхваливать свою парламентскую фракцію, указывая на ея разносторонній характеръ. У насъ,—говорилъ онъ,—представлены всѣ группы населенія. Мы имѣемъ въ своихъ рядахъ и предпринимателей, и рабочихъ, и членовъ духовенства, и аграріевъ, но каждый изъ нихъ заботится не о своихъ личныхъ или групповыхъ нуждахъ, а о всемъ народѣ. Своекорыстныхъ интересовъ у нихъ нѣтъ. Забота о послѣднихъ сдается вмѣстѣ съ верхнимъ платьемъ въ парламентской прихожей. Въ залъ засѣданія депутатъ центра входитъ не какъ предприниматель, епископъ и т. д., а какъ народный печальникъ, для котораго интересы цѣлаго выше интересовъ отдѣльныхъ частей его.

Избиратели почтительно слѣдили за графской рѣчью, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не могли не улыбнуться. Очень ужъ розовой показалась та картина, которую онъ хотѣлъ нарисовать передъ духовнымъ взоромъ своихъ слушателей. Эти улыбочки вызвали на трибуну какого-то молодого парня, который оказался недюжиннымъ агитаторомъ въ клерикальномъ, конечно, смыслѣ. Онъ совершенно отстранилъ злободневные вопросы нѣмецкой политики и съ большимъ апломбомъ провозгласилъ, что борьба идетъ на за тѣ или другія экономическія и политическія блага, а за цѣнности религіознаго характера. Христіанство въ опасности!—вотъ лозунгъ, подъ которымъ должны бороться католики. Соціалисты и либералы на словахъ завѣряютъ, что Religion—Privatsache, въ дѣйствительности же они только и помышляютъ, что объ искорененіи ненавистнаго имъ христіанства. И это не только въ Германіи, но и во всемъ мірѣ. Обратите вниманіе на то, что происходило и происходитъ въ Испаніи, Португаліи, Франціи,—и вы поймете, чего добиваются наши противники.

Какъ ни безсодержательна была эта рѣчь, она произвела на клерикальныхъ слушателей болѣе сильное впечатлѣніе нежели, элегантныя, но скучныя разсужденія сіятельнаго референта. Ка-

толическая публика вообще отличается въ политическомъ отношеніи большой невзыскательностью. Нафанатизированныя нетерпимымъ католическимъ духовенствомъ, католическія массы способны придти въ ярость при одномъ упоминаніи объ угрожающихъ католицизму опасностяхъ. Эпоха «культуркампфа» свѣжа еще въ ихъ памяти и играетъ, при агитаціи, ту же самую роль, что воспоминаніе объ эпохѣ исключительнаго закона—у соціалистовъ. До чего можетъ дойти ярость католической массы, видно изъ одного эпизода, имѣвшаго мѣсто въ округѣ, гдѣ былъ избранъ національ-либеральный вождь Бассерманъ. Когда національ-либералы, обрадованные своимъ успѣхомъ, устроили по городу факельцугъ, католики стали бомбардировать процессію пивными кружками и каменьями. Фанатизмъ католической массы является однимъ изъ главныхъ препятствій при пропагандѣ здравыхъ политическихъ идей среди многомилліоннаго католическаго населенія Германіи. Именно поэтому католическая партія центра вызываетъ непримиримую вражду соціалистовъ и либераловъ. За послѣднее время вліяніе католиковъ начинаетъ, повидимому, ослабѣвать, и въ эту кампанію центръ потерпѣлъ значительный моральный и матеріальный уронъ. Противники католицизма считаютъ это началомъ конца и внѣ себя отъ радости. Извѣстіе о паденіи «нѣмецкаго Рима» (такъ называютъ здѣсь Кельнъ) было встрѣчено съ неописуемымъ восторгомъ.

День 12-го января оказался непривѣтливымъ. Дулъ сильный вѣтеръ, прохожіе дрогли отъ пронизывающаго холода. На улицахъ—никакого оживленія; лишь по немногимъ отдѣльнымъ признакамъ можно замѣтить, что Берлинъ (вмѣстѣ со всей Германіей) переживаетъ исключительный по важности моментъ. На столбахъ большія розовыя афиши, которыми прохожіе избиратели приглашаются подавать свои голоса за такого-то кандидата. На нѣкоторыхъ—немногихъ—улицахъ встрѣчаются молодыя женщины и дѣвушки съ длинными палками и плакатами, на которыхъ публикѣ предписывалось лаконически: «избирайте Дювелля!». Такой же плакатъ былъ прикрѣпленъ къ спинѣ стройнаго пуделя, важно выступавшаго на привязи у разсыльнаго. Около избирательныхъ «присутствій» (Wahllocal)—небольшія кучки продрогшихъ, переминающихся съ ноги на ногу мужчинъ. На спинѣ и груди у нихъ бѣлые или цвѣтные плакаты, въ рукахъ стопки бѣлыхъ листковъ. На листкахъ напечатано имя кандидата, и они почти насильно вручаются каждому избирателю, готовящемуся переступить завѣтный порогъ. Избирательныя присутствія устраиваются здѣсь очень просто, безъ всякой торжественности. Обыкновенно для этой цѣли приспособляютъ комнату какого-нибудь ресторана, и когда въ

этой комнатѣ совершается избирательное таинство, въ сосѣдней рабочіе, извозчики и мастеровые потягиваютъ изъ своихъ кружекъ «свѣтлое» или «мюнхенское» пиво. Избирательная процедура также необыкновенно проста. Переступивъ порогъ присутствія, избиратель получаетъ синій непозрачный конвертъ, съ которымъ уходитъ за ширмы, въ другую комнату или какую-нибудь спеціальную кабинку. Тутъ онъ наединѣ, не подвергаясь никакому наблюденію, вкладываетъ свой «голосъ» въ полученный казенный конвертъ и направляется къ «присутствію». Предсѣдатель спрашиваетъ имя, секретарь наводитъ справку въ спискахъ, говоритъ: «есть», и избиратель передаетъ предсѣдателю свой вотумъ. На глазахъ у избирателя синій конвертъ опускается въ «урну»—и процедура кончена. Въ нѣкоторыхъ присутствіяхъ располагается иногда предпріимчивый фотографъ, и когда къ избирательной урнѣ подходитъ какая-нибудь знаменитость (министръ, канцлеръ, выдающійся политикъ), раздается легкій взрывъ, помѣщеніе освѣщается на мигъ магніевымъ свѣтомъ—и «историческій» моментъ зафиксированъ для назиданія современниковъ и потомства.

Избирательный день начинается съ десяти часовъ утра и заканчивается въ семь часовъ вечера. Обыкновенно до полудня партіи предоставляютъ избирателя его собственному усмотрѣнію, ограничиваясь лишь болѣе или менѣе вразумительными напоминаніями. Въ однихъ мѣстахъ эти напоминанія совершаются въ устной формѣ, въ другихъ прибѣгаютъ къ печати или къ трафаретнымъ надписямъ. На деревьяхъ, на стѣнахъ, на заборахъ, на окнахъ вагоновъ, на тротуарѣ и даже въ клозетахъ встрѣчаются небольшіе ярлыки или трафаретныя надписи: «Wählt Gubeil!», «Wählt Gädke!». Ретивость «агитаторовъ» доходитъ иногда до того, что они не останавливаются передъ порчей «казеннаго имущества», испещряя его именами оппозиціонныхъ кандидатовъ. Въ моемъ округѣ имя соціалъ-демократическаго кандидата красовалось бѣлыми буквами на синемъ фонѣ «казеннаго» почтоваго ящика и ехидно подсмѣивалось надъ недостаточной бдительностью «блюстителя порядка».

Съ полудня начинается «таска», der Schlepperdienst. «Таскатели» на автомобиляхъ и велосипедахъ рыскаютъ по различнымъ направленіямъ и «тащатъ» къ урнѣ лѣнивыхъ, разсѣянныхъ и равнодушныхъ. Въ первомъ берлинскомъ округѣ, гдѣ борьба шла между либераломъ Кемпфомъ и соціалъ-демократомъ Дювеллемъ, либералы пустили въ ходъ почти три дюжины автомобилей.

Бьетъ семь часовъ; избирательныя присутствія приступаютъ къ подсчету голосовъ. Дѣлается это открыто, подъ контролемъ публики, нетерпѣливо поджидающей хотя бы частичныхъ результатовъ.

Предсѣдатель вынимаетъ «голоса» изъ ихъ синихъ оболочекъ, прочитываетъ имя, напечатанное на бѣломъ листкѣ, а «засѣдатели» и кое-кто изъ публики отмѣчаютъ у себя вотумы особыми черточками. Конченъ подсчетъ; «голоса» задѣлываются въ пакеты и отправляются по назначенію. Послѣ этого начинается «нетерпежъ». Пока въ центральномъ учрежденіи идетъ сводка итоговъ, публика въ лихорадочномъ ожиданіи бродитъ по кафе, по ресторанамъ, по театрамъ и все поджидаетъ вѣстей о побѣдахъ и пораженіяхъ. Часовъ въ девять появляются первыя вѣсти: побѣды соціалъ-демократіи, пораженія черно-голубыхъ. Настроеніе повышается. Сидящимъ въ кафе не терпится; то одинъ, то другой выбѣгаетъ на улицу, чтобы черезъ двѣ-три минуты вернуться съ новымъ бѣлымъ листомъ газетной бумаги. Сословныя и соціальныя перегородки уничтожаются; посѣтители окружаютъ счастливаго владѣльца новаго бюллетеня, и начинаются безконечные комментаріи, справки и споры по поводу полученныхъ свѣдѣній. Сторонниковъ черно-голубого блока почему-то не видать и не слыхать; они вѣроятно не рискуютъ показываться на широкой публикѣ. Кругомъ только демократы, соціалъ-демократы, либералы, и каждая побѣда «лѣвыхъ» вызываетъ восторженные возгласы и клики. Случайно между нами оказывается только что избранный лѣвый депутатъ. Со всѣхъ сторонъ къ нему протягиваются руки, поздравляя съ побѣдой. Появленіе новыхъ бюллетеней учащается, настроеніе доходитъ до апогея. Публика не выдерживаетъ и устремляется массами на улицу, къ редакціямъ газетъ. На улицѣ по прежнему холодно, но тѣмъ не менѣе большое оживленіе. Повсюду кучки жестикулирующихъ людей и несмѣтное количество бѣлыхъ газетныхъ листовъ. Мѣстами бумага совершенно покрыла тротуаръ, мостовую и кажется пластомъ снѣга. Около редакцій многотысячная толпа запрудила проѣздъ; экипажи лишь съ трудомъ пробираются сквозь человѣческую толщу.

Наконецъ получена послѣдняя телеграмма. Ждать больше нечего, и наша компанія, состоящая изъ литераторовъ и «лѣвыхъ» политиковъ, отправляется «вспрыснуть» побѣду. На столѣ появляется недорогое шампанское, и начинается бесѣда о минувшемъ и грядущемъ. Выборы скоро уходятъ на задній планъ; ихъ смѣняютъ разговоры о соціальномъ идеалѣ, о сущности жизни и даже о сущности мірозданія.

Черезъ нѣсколько дней, при перебаллотировкахъ, та же исторія, но при нѣсколько иной обстановкѣ. Погода потеплѣла, улицы оживились сильнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ усилилась страсть къ политическимъ дебатамъ. Правда, и матеріала теперь было больше. Всѣмъ уже стало извѣстно, что соціалъ-демократы получили $4^1/_4$ милліоновъ

голосовъ (противъ $3^1/_4$ милліоновъ въ 1907 г.), что католическій «центръ» потерялъ свыше 160 тысячъ и что значительныя потери понесли и другія правыя партіи. Новыя побѣды красно-розоваго блока встрѣчались теперь уже чуть не съ энтузіазмомъ, а когда пришло извѣстіе, что Карлъ Либкнехтъ «взялъ» императорскую резиденцію (Потсдамъ), что соціалъ-демократія завоевала 110 мандатовъ, что черно-голубое большинство стараго рейхстага смыто избирательной волной, то послышались даже крики: «браво!», «ура!», а тысячная толпа соціалъ-демократовъ отправилась къ зданію Vorwärts'а и спѣла рабочія пѣсни.

Немного позже полуночи я сидѣлъ въ кругу своихъ политическихъ и литературныхъ друзей и задавалъ вопросы. Что дастъ новая ситуація? Какъ будетъ дѣйствовать правительство? Какую тактику изберетъ соціалъ-демократія? По лѣвую руку отъ меня сидѣлъ редакторъ либеральнаго журнала, по правую—редакторъ «ревизіонистскаго» ежемѣсячника, а насупротивъ—видный представитель демократическаго культуртрегерства. На мои вопросы всѣ трое отвѣтили въ одинъ голосъ: «Положительныхъ результатовъ отъ новаго рейхстага трудно ожидать. Отрицательная роль его можетъ быть, однако, огромной. При такомъ рейхстагѣ правительство не въ состояніи провести явно реакціонный законъ. Для новыхъ таможенныхъ пошлинъ, для исключительныхъ законовъ и для аграрныхъ подачекъ правительство не будетъ имѣть большинства... Все же остальное останется по старому».

Я слушаю отвѣты моихъ собесѣдниковъ и думаю, что они не совсѣмъ правы. Мнѣ кажется, они увлекаются ариѳметикой и забываютъ политику. Ариѳметика учитываетъ только цифры; политика принимаетъ во вниманіе нѣчто стоящее за этими цифрами—живую психологію людей, живыя страсти и живую волю. Кто захочетъ учесть эти факторы, тотъ окажется, можетъ быть, болѣе оптимистическимъ, нежели мои скептически настроенные собесѣдники.

Р. Стрѣльцовъ.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКІЙ КОНГРЕССЪ ВЪ СТОКГОЛЬМѢ.

Въ 1888 г. группа американскихъ, французскихъ и англійскихъ женщинъ, руководимая идеей объединенія женщинъ всѣхъ странъ для общей работы на пользу человѣчества, созвала въ Вашингтонѣ первый женскій международный конгрессъ, которому предшествовала слѣдующая декларація:

«Мы, женщины всѣхъ національностей, горячо вѣруя, что счастье человѣчества можетъ осуществиться лишь при единствѣ мыслей, чувствъ и стремленій, и что правильно организованная дѣятельность женщинъ представляетъ одно изъ лучшихъ средствъ для обезпеченія благосостоянія семьи и государства, рѣшаемъ создать союзъ работницъ, съ цѣлью утвердить въ обществѣ, нравахъ и законахъ принципъ золотого правила, гласящаго: дѣлайте другимъ то, чего вы желаете для себя».

Возникшій такимъ образомъ международный женскій совѣтъ представляетъ собою союзъ женскихъ національныхъ совѣтовъ, образовавшихся въ различныхъ государствахъ. Цѣль этой коллективной организаціи—объединеніе гуманитарной и культурной работы женщинъ всего міра, путемъ обсужденія вопросовъ, касающихся личности, семьи и общества.

Во главѣ международнаго женскаго совѣта стоитъ бюро изъ семи членовъ, избираемыхъ на пять лѣтъ; эти члены, вмѣстѣ съ предсѣдательницами національныхъ совѣтовъ, составляютъ исполнительный комитетъ, на обязанности котораго лежитъ завѣдываніе общими дѣлами и соблюденіе интересовъ совѣта въ междуконгрессное время. Конгрессы созываются каждыя пять лѣтъ, и тогда происходятъ новые выборы.

Каждая предсѣдательница національнаго совѣта состоитъ ex officio вице-предсѣдательницей международнаго женскаго совѣта, а въ тѣхъ странахъ, гдѣ не существуетъ національнаго совѣта, избранная представительница страны признается почетной вице-предсѣдательницей международнаго совѣта. Всѣ онѣ, присутствуя въ засѣданіяхъ исполнительнаго комитета, пользуются лишь совѣщательнымъ голосомъ. Національный совѣтъ является представителемъ группы обществъ данной страны. Послѣ образованія національнаго совѣта онъ заявляетъ международному совѣту о своемъ присоединеніи къ нему, прилагая свой уставъ и обязуясь вносить въ кассу сто франковъ ежегодно. Представительницами національнаго совѣта въ международномъ женскомъ совѣтѣ состоятъ, кромѣ предсѣдательницы національнаго совѣта, девять избираемыхъ имъ делегатокъ.

Не смотря на недавнее возникновеніе, международный женскій совѣтъ далъ громадный импульсъ общественной работѣ женщинъ. Опубликованные отчеты совѣта, вмѣстѣ съ докладами представительницъ различныхъ странъ, свидѣтельствуютъ о разнообразной работѣ, которая ведется подъ эгидой международнаго женскаго совѣта. Результаты личныхъ сношеній между представительницами различныхъ странъ, различныхъ расъ, различныхъ цивилизацій, вѣроисповѣданій и положеній, не поддаются подсчету и точной формулировкѣ, но они

несомнѣнно существуютъ, выражаясь въ укрѣпленіи международной связи, въ уничтоженіи многихъ предвзятыхъ понятій, въ заимствованіи полезнаго и болѣе совершеннаго.

Объединяя женскіе національные совѣты всѣхъ странъ, международный женскій совѣтъ, являясь выразителемъ желаній и требованій женщинъ всего міра, можетъ оказать громадное вліяніе въ вопросахъ соціальныхъ реформъ, основанныхъ на принципахъ права, справедливости и равенства. И это вліяніе замѣтно уже и теперь, въ смыслѣ проведенія черезъ законодательныя учрежденія реформъ о профессіяхъ, воспитаніи, общественномъ и правовомъ положеніи, касающихся женщинъ и дѣтей. Совѣтъ стремится создать центръ, изъ котораго должны исходить и въ которомъ должны сосредоточиваться всѣ свѣдѣнія, касающіяся женщинъ,— центръ, который въ то же время служилъ бы собирательнымъ пунктомъ культурныхъ силъ женщинъ, стремящихся служить человѣчеству съ мыслью оставить міръ лучшимъ, чѣмъ онъ былъ, когда онѣ въ него вошли.

Для работы по вопросамъ, относящимся къ программѣ дѣятельности совѣта, организованы «постоянныя комиссіи», которыя раздѣляются на отдѣлы: финансовъ, прессы, мира и третейскаго суда, законовъ, относящихся къ женщинамъ и дѣтямъ, избирательныхъ правъ, общей морали и борьбы съ торговлей женщинъ, общественнаго здоровья, воспитанія, эмиграціи и иммиграціи. Доклады постоянныхъ комиссій представляются предварительно на утвержденіе соотвѣтственныхъ національныхъ комитетовъ и затѣмъ направляются въ исполнительный комитетъ международнаго женскаго совѣта. Въ настоящее время предсѣдательницей бюро совѣта состоитъ графиня Эбердинъ, жена вице-короля Ирландіи, вице-предсѣдательницами — д-ръ философіи Оливія Гордонъ (Шотландія), графиня Спалети-Роспони (Италія) и М. Гайнишъ (Австрія), секретаремъ для корреспонденціи—А. Саломонъ, д-ръ философіи (Германія), секретаремъ для протоколовъ— д-ръ А. Скоглундъ (Швеція), и казначеемъ В. Занфордъ (Канада).

Число странъ, представительницы которыхъ входятъ въ составъ Совѣта, постоянно растетъ. Въ настоящее время къ нему примкнули Соединенные Штаты, Канада, Германія, Швеція, Великобританія и Ирландія, Данія, Нидерланды, Австралія (имѣетъ 4 національныхъ совѣта), Италія, Франція, Аргентина, Швейцарія, Австрія, Венгрія, Норвегія, Бельгія, Греція, Болгарія, Сербія, Румынія и Финляндія. Дали свое принципіальное согласіе Южная Африка и Египетъ. Такимъ образомъ изъ европейскихъ государствъ отсутствуютъ только Турція, Испанія, Португалія и Россія. Неофиціальной представительницей Россіи, за отсутствіемъ національнаго совѣта, избрана А. П. Философова. Она не разъ дѣлала офиціаль-

ныя попытки организаціи національнаго русскаго совѣта, представляла на утвержденіе выработанный особой комиссіей уставъ, обращалась съ письмомъ къ бывшему предсѣдателю совѣта министровъ П. А. Столыпину, но разрѣшенія на учрежденіе въ Россіи женскаго національнаго совѣта не воспослѣдовало.

Отсутствіе оффиціальнаго представительства русскихъ женщинъ въ международной женской семьѣ не можетъ не изумлять иностранокъ. Всѣмъ, кто слѣдитъ за успѣхами культуры въ различныхъ государствахъ, извѣстна роль русской женщины въ исторіи просвѣщенія, въ общественной жизни, въ завоеваніи правъ, въ культурной работѣ на пользу родины. Русская женщина завоевала право на образованіе ранѣе многихъ иностранныхъ, давно принимаетъ участіе въ политическомъ движеніи, стоитъ во главѣ самостоятельныхъ учрежденій, — а ей отказываютъ въ возможности объединить свои силы съ силами другихъ просвѣщенныхъ націй для служенія общечеловѣческимъ интересамъ. Отказъ въ учрежденіи русскаго національнаго женскаго совѣта ставитъ русскихъ женщинъ въ неловкое положеніе, лишая ихъ права участія въ конгрессахъ на равныхъ правахъ съ другими. Приходится съ горькимъ и обиднымъ чувствомъ пользоваться деликатнымъ отношеніемъ иностранокъ, отношеніемъ, въ которомъ проглядываетъ чувство сожалѣнія. «Какъ вамъ, должно быть, тяжело живется въ вашемъ отечествѣ»,—слышала я не разъ. И съ болью въ душѣ стараешься доказать, что запрещеніе это—результатъ исключительныхъ, временныхъ условій, выражаешь надежду на скорую перемѣну къ лучшему—а внутри остается горькій осадокъ обиды и недовольства.

Чтобы пояснить, какъ формируется національный совѣтъ, я приведу данныя о шведскомъ совѣтѣ. Онъ объединяетъ двадцать пять различныхъ по дѣятельности, но единыхъ по духу обществъ и организацій. Таковы, напримѣръ, Общество Шведскаго Краснаго Креста, Человѣколюбивое Общество, Комитетъ дѣтскихъ мастерскихъ, Христіанское Общество молодыхъ дѣвушекъ, Женское Общество покровительства животнымъ, Капля молока, Попечительство о больныхъ, женскіе клубы, Общества учительницъ, телеграфистокъ, художницъ, Общество защиты страны. Каждое общество вноситъ въ національный совѣтъ 6 руб. въ годъ и участвуетъ посредствомъ делегатокъ въ его дѣятельности. За послѣднее время шведскій національный совѣтъ провелъ черезъ риксдагъ проекты о борьбѣ съ проституціей и объ улучшеніи положенія женщинъ.

Перехожу къ описанію международнаго женскаго конгресса, состоявшагося въ сентябрѣ 1911-го года въ Стокгольмѣ. Мнѣ удалось принимать участіе въ немъ по приглашенію лицъ, стоящихъ во главѣ совѣта. Организацію конгресса взялъ на себя шведскій національный совѣтъ, который получилъ для этой цѣли субсидію отъ шведскаго правительства въ 3000 кронъ.

Вообще пребываніе въ Швеціи не можетъ не привести къ убѣжденію, что женщины пользуются въ этой странѣ большимъ уваженіемъ и вліяніемъ. Побывавъ въ различныхъ мѣстностяхъ этой страны, я видѣла такое широкое разнообразіе въ примѣненіи женскаго труда почти на всѣхъ поприщахъ, что сердце радовалось за шведокъ, съумѣвшихъ доказать и утвердить свою равноспособность. И повидимому, эта побѣда женщинъ вовсе не возбуждаетъ враждебнаго отношенія со стороны мужчинъ: послѣдніе сами признаютъ ихъ равноправными и считаютъ естественнымъ, что женщина идетъ на ряду съ ними во всѣхъ сферахъ жизни. Создалась атмосфера взаимности: мужчины гордятся тѣмъ, что дали женщинамъ права, женщины чувствуютъ благодарность за справедливое отношеніе къ нимъ. Женщина-врачъ, технологъ, юристъ, педагогъ, чиновникъ, купецъ, пользуются одинаковыми правами съ мужчиной, кромѣ права участія въ парламентскихъ выборахъ. Но прогрессъ женскаго движенія въ Швеціи идетъ такими быстрыми шагами, что, получивъ избирательныя права въ мѣстномъ самоуправленіи, шведскія женщины стоятъ наканунѣ допущенія ихъ къ избирательнымъ урнамъ на выборахъ въ риксдагъ.

Во время конгресса я была приглашена на товарищескій вечеръ женщинъ-врачей, гдѣ имѣла возможность ознакомиться съ ихъ положеніемъ. Среди присутствовавшихъ шведокъ, австраліекъ, нѣмокъ и норвежекъ русская женщина-врачъ оказалась старшей по времени окончанія курса. Въ Россіи женщины-врачи появились ранѣе, но права пріобрѣли позднѣе иностранокъ. Послѣднимъ показался весьма страннымъ фактъ существованія у насъ общества женщинъ-врачей. «Зачѣмъ у васъ такое обособленіе? Мы учимся вмѣстѣ съ мужчинами, вступаемъ въ жизнь на равныхъ правахъ, участвуемъ во всѣхъ медицинскихъ обществахъ и кассахъ, какъ равные товарищи». Приходилось объяснять вынужденный характеръ нашей изолированности, заставившей насъ сгруппироваться отдѣльно.

Образцомъ господства въ Швеціи принципа объединенія можетъ служить центральный союзъ общественной работы, въ которомъ участвуютъ всѣ существующія общества, учрежденія и организаціи. Кромѣ доставленія занятій, союзъ устраиваетъ выставки, организуетъ просвѣтительныя лекціи, имѣетъ общедоступную библіотеку, бюро,

дающее справки ищущимъ труда не только въ Швеціи, но и въ другихъ странахъ. При Союзѣ существуютъ «образовательные курсы для практической соціальной работы», съ цѣлью подготовленія теоретически и практически свѣдущихъ работниковъ и работницъ различныхъ профессій. Средства для этого союза пожертвованы королевой (100.000 кронъ); въ работѣ его принимаютъ большое участіе и женщины.

Занятія конгресса открылись 6 сентября утромъ, и сразу сосредоточились въ международныхъ постоянныхъ комиссіяхъ по программнымъ вопросамъ. Каждая комиссія засѣдала отдѣльно; представители печати и посторонніе лица не допускались, для нихъ открытъ былъ доступъ лишь на общія собранія. Занятія въ комиссіяхъ происходили ежедневно съ $9^1/_2$ ч. утра до 1 ч. дня и съ 3 до 5—7 в. веч. Три общихъ собранія состоялись по вечерамъ. Конгрессъ продолжался семь дней.

Въ постоянныхъ комиссіяхъ каждая представительница извѣстной страны даетъ отчетъ о движеніи даннаго вопроса за истекшее время; отчеты эти обсуждаются, вносятся новыя предложенія, вырабатываются планы дальнѣйшихъ работъ, и все это переносится въ исполнительный комитетъ, который составляетъ и объявляетъ резолюціи. Присутствуя на засѣданіяхъ различныхъ комиссій, я вынесла убѣжденіе, что въ большинствѣ государствъ женщины весьма серьезно относятся къ своимъ задачамъ; доклады носятъ характеръ дѣловитости, согрѣтой любовью къ человѣчеству.

Когда въ комиссіи, обсуждавшей вопросы общественнаго здоровья, дѣло дошло до *Россіи*, я, описавъ существующія учрежденія для борьбы съ туберкулезомъ, алкоголизмомъ, эпидеміями и смертностью дѣтей, не могла не закончить выводомъ, что для нашей обширной страны всего этого мало, но при большемъ привлеченіи женщинъ къ общественной работѣ ихъ участіе приведетъ къ лучшимъ результатамъ.

Большой интересъ возбудилъ вопросъ о материнствѣ, о страхованіи матерей, о положеніи внѣбрачныхъ дѣтей и о предупрежденіи зараженія туберкулезомъ. По этимъ вопросамъ рѣшено произвести анкеты и приготовить докладъ къ будущей веснѣ.

Горячо дебатировался вопросъ о защитѣ дѣтей. Единодушно приняты слѣдующія положенія: охрана дѣтей должна начинаться еще до рожденія ребенка, заботой о матери; слѣдуетъ бороться съ причинами, вызывающими дѣтоубійство и выкидыши; если дѣти покинуты родителями, государство обязано взять ихъ на свое попеченіе; дитя принадлежитъ родителямъ до тѣхъ поръ, пока они охра-

няютъ его интересы; если этого нѣтъ, оно принадлежитъ государству, которое обязано заботиться объ его физическомъ развитіи и воспитаніи, какъ это уже практикуется въ Невшателѣ, въ Венгріи и въ Италіи. Примѣромъ образцоваго попеченія о дѣтяхъ является Швеція. Въ школахъ важно не столько преподаваніе предметовъ, какъ развитіе нравственныхъ началъ путемъ любви. Дѣти до 14-ти лѣтъ не должны принимать участія въ публичныхъ представленіяхъ на сценахъ театровъ, въ виду развращающаго вліянія обстановки (это предложеніе, вызвавшее возраженія, что нѣкоторыя пьесы *требуютъ* участія дѣтей, привело къ постановленію—ходатайствовать о примѣненіи этихъ занятій къ *ночному* труду дѣтей, который воспрещенъ закономъ). Торговля дѣтьми должна преслѣдоваться всѣми доступными мѣрами. Въ заключеніе рѣшено ознакомиться съ законоположеніями о дѣтяхъ во всѣхъ государствахъ.

Въ комиссіи избирательныхъ правъ, по выслушаніи докладовъ о томъ, что сдѣлано по этому вопросу, выяснилась картина значительнаго прогресса за послѣдніе годы. Въ Германіи женщины добились отмѣны запрещенія вступать въ политическіе союзы и въ настоящее время устремили главныя силы на завоеваніе избирательныхъ правъ въ общинахъ. Во Франціи и Бельгіи женщины получили право голоса въ промышленныхъ совѣтахъ, въ Швейцаріи—въ церковныхъ совѣтахъ; въ Даніи и Швеціи женщины добились участія въ городскомъ хозяйствѣ, въ Норвегіи и Финляндіи—полныхъ политическихъ правъ. Въ Норвегіи 200 женщинъ избраны въ городскіе совѣты. Въ Голландіи нѣкоторыя церковныя общины допускаютъ женщинъ къ произнесенію проповѣдей въ церквахъ. Въ Россіи, при содѣйствіи и женщинъ, прошли съ успѣхомъ въ Государственной Думѣ законопроекты объ уравненіи въ правахъ наслѣдства, объ освобожденіи женщинъ отъ паспортныхъ стѣсненій и объ участіи женщинъ въ выборахъ въ волостномъ земствѣ; но, конечно, сообщая эти свѣдѣнія, я должна была указать, что окончательная судьба этихъ нововведеній будетъ зависѣть отъ Государственнаго Совѣта.

Страннымъ фактомъ является политическое положеніе женщинъ въ Норвегіи: законъ о допущеніи женщинъ въ парламентъ проведенъ, а въ парламентѣ засѣдаетъ всего одна женщина (Fröcken Rogstad), и то—какъ замѣстительница депутата. Многіе объясняютъ это явленіе консерватизмомъ норвежскихъ женщинъ, что и помѣшало либеральному большинству Норвегіи подавать за нихъ голоса.

Большое вниманіе возбудили пренія о регламентаціи проституціи, благодаря захватывающей темѣ и пылкому темпераменту

предсѣдательствовавшей француженки, M-me Avril de S-te-Croix, увлекательно ведшей засѣданіе. Въ засѣданіи не слышалось сантиментальныхъ фразъ о «несчастныхъ падшихъ сестрахъ»; вся эта декоративная сторона отсутствовала, обсуждались серьезно мѣры борьбы со зломъ и пути, по которымъ нужно вести эту борьбу. Выяснилось, что въ настоящее время почти всѣ страны Европы, кромѣ Португаліи и Турціи, подписали международный договоръ о борьбѣ съ торговлей женщинами и о преслѣдованіи и наказаніи сутенеровъ. Разсмотрѣніе причинъ этой ужасной торговли доказало невозможность ея уничтоженія, пока существуютъ патентованные дома терпимости, требующіе свѣжаго товара для своей кліентуры. Швейцарскія женскія общества обратились уже къ федеральному правительству съ петиціей о наказуемости тѣхъ, кто поощряетъ развратъ, о закрытіи домовъ терпимости и объ уничтоженіи правилъ регламентирующихъ проституцію. Конгрессомъ принята резолюція: ходатайствовать черезъ національные совѣты передъ правительствами всѣхъ странъ объ изданіи международнаго закона, подвергающаго суровой карѣ всякаго, участвующаго въ торговлѣ женщинами, а также о наблюденіи за одинокими молодыми дѣвушками, покидающими свое отечество безъ опредѣленной цѣли. Въ этомъ же засѣданіи постановлено отправить благодарственную телеграмму испанскому королю за закрытіе въ Испаніи всѣхъ домовъ терпимости. Попутно обсуждался вопросъ объ ознакомленіи юношества съ сексуальными вопросами (курсы половой морали), которое введено въ Швеціи и Италіи (съ одобренія католическихъ священниковъ) и въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣв. Америки. Высказано единодушное пожеланіе, чтобы подобные курсы получили болѣе широкое распространеніе и велись въ младшихъ классахъ въ связи съ естествовѣдѣніемъ, а въ старшихъ—лежали на обязанности врачей.

Въ комиссіи *«о мирѣ»* главное вниманіе было обращено на способы вліянія на юношество, съ цѣлью развитія въ немъ пацифическихъ идей. Признано желательнымъ: образованіе лигъ мира для молодыхъ людей, выступленіе членовъ международнаго женскаго совѣта съ лекціями и докладами на эту тему и введеніе въ школы учебниковъ соотвѣтственнаго направленія. Лига мира шведскихъ женщинъ, которая теперь объединилась со шведскимъ союзомъ мира, проявила очень горячую дѣятельность въ пропагандѣ идеи мира, путемъ изданія брошюръ, устройства курсовъ и собраній, а также сношеній съ международными мирными ассоціаціями. Въ Бельгіи женщины много содѣйствуютъ распространенію идей пацифизма, особенно въ школахъ; благодаря ихъ настойчивости, установленъ

«праздникъ мира», 18 мая, въ день первой годовщины Гаагской конференціи.

Культурная работа женщинъ развивается широко не только въ большихъ государствахъ, какъ Америка, Англія, Франція, но и въ маленькихъ странахъ. Такъ, въ Нидерландахъ много работаютъ женщины-юристы; нѣкоторыя изъ нихъ издали популярное руководство для ознакомленія публики съ главными законами, другія посвятили себя пересмотру законовъ, неблагопріятныхъ для женщинъ. Женщины Италіи читаютъ популярныя лекціи о борьбѣ съ туберкулезомъ и пьянствомъ, устраиваютъ семейные патронаты для борьбы съ преступностью малолѣтнихъ, и добились права голоса въ торговой палатѣ итальянскаго королевства. Женщины Греціи, въ лицѣ своего союза и національнаго совѣта, подали въ совѣтъ министровъ петицію о реформѣ законовъ о женщинахъ и дѣтяхъ, такъ какъ эти законы, наслѣдіе римскаго и византійскаго права, не соотвѣтствуютъ современнымъ требованіямъ. Въ Бельгіи женщины добились отмѣны закона о безбрачіи учительницъ. И наша славянская сестра—Болгарія, наряду съ культурной и благотворительной дѣятельностью, ведетъ борьбу за предоставленіе женщинамъ политическихъ правъ, о чемъ подана петиція въ народное собраніе за многочисленными подписями.

О работѣ женщинъ въ Россіи прочла докладъ А. П. Философова. Ей удалось собрать отчеты многихъ женскихъ организацій, благотворительныхъ и просвѣтительныхъ, и выяснить ихъ цѣли и дѣятельность. Главное мѣсто между ними занимаетъ первый женскій союзъ въ Россіи—женское взаимно-благотворительное общество въ Петербургѣ, работающее по многимъ отраслямъ женскаго движенія въ духѣ международнаго женскаго совѣта. Изъ доклада, возбудившаго сочувствіе присутствовавшихъ, выяснилось, что русская женщина ведетъ энергичную борьбу за свое освобожденіе и работаетъ на всѣхъ доступныхъ ей поприщахъ, одушевленная идеей совершенствованія человѣчества, путемъ свободнаго развитія, гуманности и образованія.

Въ первый же день конгресса состоялся завтракъ, устроенный шведскимъ національнымъ совѣтомъ для взаимнаго ознакомленія членовъ между собой. За завтракомъ съ одной стороны отъ меня сидѣла австралійка, съ другой—нидерландка, а напротивъ—жительница Китая. Это разнообразіе національностей не мѣшало намъ вести оживленную бесѣду, несмотря на путаницу языковъ. Туалеты были такъ же разнообразны, какъ и ихъ представительницы; пре-

обладали изящные и простые, но гигантскія шляпы не отсутствовали и здѣсь. Во время завтрака была прочтена телеграмма отъ шведскихъ короля и королевы, привѣтствовавшихъ конгрессъ и приглашавшихъ членовъ его во дворецъ на garden-party. Вечеромъ въ сототъ же день состоялось первое общее собраніе, отличавшееся особою торжественностью и парадностью. Зала была украшена цвѣтами и національными флагами присутствовавшихъ народностей; молоденькія распорядительницы, въ бѣлыхъ платьяхъ, съ шарфами національныхъ цвѣтовъ черезъ плечо, любезно встрѣчали и провожали иностранокъ на эстраду. Около нея на возвышеніи помѣщался оркестръ, исполнявшій, по знаку лэди Эбердинъ, національный гимнъ той страны, представительница которой держала рѣчь. Публика и представители прессы наполняли весь огромный залъ.

Наибольшее впечатлѣніе на публику произвело привѣтствіе представительницы Германіи—г-жи Баумеръ, которая выразительно подчеркнула благотворное вліяніе Швеціи на Германію не только прекрасной постановкой школы и физическаго воспитанія, но и въ культурномъ отношеніи, посредствомъ литературы. Закончила она пожеланіемъ, чтобы международный женскій совѣтъ былъ не только центромъ женскаго движенія, но и концертомъ, могучіе звуки котораго проникли бы во всѣ страны. Послѣдней говорила на французскомъ языкѣ наша соотечественница М. Л. Вахтина, обрисовавшая въ живомъ и обстоятельномъ докладѣ прошлое русской женщины и ея настоящее: борьбу за образованіе и права. Интересный докладъ вызвалъ сочувственное одобреніе присутствующихъ.

Изъ рѣчей на второмъ общемъ собраніи особый интересъ представили доклады шотландки Оливіи Гордонъ и Елены Ланге, основательницы союза нѣмецкихъ учительницъ. Руководясь желаніемъ придти на помощь дѣтямъ, оканчивающимъ школы въ 12—14 лѣтъ, послѣ чего родители тотчасъ же опредѣляютъ ихъ на скудные заработки (въ мастерство, на фабрики, въ лавки, на побѣгушки), безъ всякаго соображенія съ ихъ способностями и наклонностями, О. Гордонъ выработала проектъ просвѣтительно-справочнаго бюро, которое уже разрѣшено правительствомъ Шотландіи и Англіи, и будетъ учреждено въ Америкѣ и Австріи. Бюро имѣетъ цѣлью посредничество между школой, родителями и работодателями. Основанное въ Шотландіи въ 1908 г., такое бюро оказалось чрезвычайно полезнымъ: количество дѣтей, устроенныхъ при его посредствѣ, доходитъ до 80%. Эта мысль гуманной охраны дѣтскаго труда при посредствѣ школъ, рекомендующихъ своихъ питомцевъ и наблюдающихъ за ними, встрѣтила горячее сочувствіе и несомнѣнно найдетъ скорое примѣненіе и въ Швеціи.

Докладъ Е. Ланге, требовавшей допущенія женщинъ ко всѣмъ профессіямъ безъ исключенія, уравненія заработной платы и равнаго образованія съ мужчинами, вызвалъ постановленіе конгресса произвести во всѣхъ странахъ изслѣдованіе о дѣятельности женщинъ на различныхъ поприщахъ и объ условіяхъ ихъ труда. Число учащихся женщинъ въ германскихъ университетахъ съ каждымъ годомъ увеличивается: за послѣдній годъ оно возросло съ 2120 до 2552, а вмѣстѣ въ вольнослушательницами дошло до 3765. Изъ нихъ 2106—нѣмки, 1659—иностранки, между которыми почти половина русскія; есть учащіяся и изъ Азіи, и изъ Австраліи. Всего болѣе студентокъ на философскомъ факультетѣ, гдѣ онѣ получаютъ подготовку, для преподаванія въ высшихъ школахъ. Число медичекъ за послѣднее время уменьшилось. Во французскихъ университетахъ число студентокъ еще больше, чѣмъ въ Германіи: оно достигаетъ 4000, не считая вольнослушательницъ.

Послѣднее, прощальное общее собраніе, происходившее въ роскошныхъ залахъ Королевскаго Отеля, было посвящено, между прочимъ, музыкѣ и пѣнію. Въ числѣ гостей, занимавшихъ мѣста на эстрадѣ вмѣстѣ съ иностранками, находились шведскій министръ внутреннихъ дѣлъ Линдеманъ, англійскій посланникъ графъ Гамильтонъ, оба съ женами, и военный министръ съ дочерью, которая участвовала въ концертѣ. Профессоръ Шееле произнесъ на нѣмецкомъ языкѣ рѣчь о важномъ значеніи задачи международнаго женскаго совѣта, закончивъ слѣдующими словами: «только тотъ народъ великъ, которымъ правятъ идеи». Въ моей рѣчи я выразила глубокую радость, что увидѣла страну, гдѣ женское движеніе пользуется общимъ сочувствіемъ, гдѣ оно занимаетъ прочное положеніе и быстро идетъ впередъ. Закончила я свою рѣчь выраженіемъ горячей благодарности гостепріимному шведскому комитету и всѣмъ представительницамъ конгресса, свѣтлое воспоминаніе, о которомъ всѣ унесутъ въ свои отечества. Рѣчь была горячо привѣтствована, въ особенности потому, что она была произнесена на шведскомъ языкѣ.

Въ заключеніе коснусь той стороны конгресса, которая носила просвѣтительно-увеселительный характеръ.

Народныя школы въ Швеціи занимаютъ лучшія зданія въ городахъ, со всѣми гигіеническими приспособленіями: ваннами, душами, бассейнами. Онѣ стоятъ на первомъ планѣ всѣхъ соціальныхъ учрежденій. Наряду съ обученіемъ идетъ широкая забота о здоровьѣ, путемъ физическихъ упражненій, гимнастики и попеченія о чистотѣ тѣла. Разъ въ недѣлю всѣ дѣти берутъ теплую ванну въ школѣ, или ихъ растираютъ щетками съ мыломъ и погружаютъ въ бассейнъ.

Особое учрежденіе для женскаго юношества носитъ названіе «Атенеумъ». Оно заключаетъ въ себѣ высшую школу для дѣвушекъ, дѣтскій садъ съ подготовительнымъ классомъ, реальное отдѣленіе, курсы для подготовленія въ Гимнастическій Институтъ, семинарію для народныхъ учительницъ, кулинарные курсы и курсы по домоводству. Изученію гигіены отведено на курсахъ широкое мѣсто, какъ и практическимъ занятіямъ по уходу за дѣтьми; рядомъ съ изученіемъ предметовъ высшей школы учащіяся должны дежурить и на кухнѣ, и въ прачешныхъ. Гимнастика составляетъ спеціальность Швеціи и практикуется въ обширныхъ, свѣтлыхъ залахъ, въ особыхъ костюмахъ (матроски, шаровары, чулки и туфли) по командѣ учительницъ. Стройныя, ловкія упражненія съ аппаратами (помѣщающимися въ люкахъ залы) и безъ нихъ чередуются съ красивымъ медленнымъ бѣгомъ, безъ суетливости и безъ азарта, ежедневно въ теченіе получаса, послѣ чего слѣдуетъ отдыхъ. Въ «школѣ для няней», кромѣ простыхъ дѣвушекъ, обучаются, въ качествѣ экстерновъ, и многія дѣвицы изъ высшихъ классовъ, когда становятся невѣстами; онѣ подготовляются къ уходу за дѣтьми, не освобождаясь и отъ черной работы.

Я опускаю описаніе музеевъ, картинныхъ галлерей, которыми такъ богатъ Стокгольмъ, но упомяну о новой дѣтской больницѣ, за городомъ, на высокомъ берегу моря, куда выходятъ террасы, на которыхъ грѣются больныя дѣти, вдыхая морской воздухъ, пропитанный ароматомъ сосенъ. Больница прекрасно обставлена и результаты даетъ самые удовлетворительные, благодаря своему мѣстоположенію.

Въ назначенный день, въ четыре часа, мы собрались въ королевскій дворецъ, на garden-party. Первое впечатлѣніе, сразу освободившее отъ стѣсненія, было впечатлѣніе простоты, отсутствія этикета и военнаго блеска. Въ саду, гдѣ игралъ довольно скромный оркестръ, насъ привѣтливо встрѣтили двѣ фрейлины и трое придворныхъ въ штатскомъ, объяснившіе, что, за отсутствіемъ короля и королевы, насъ будутъ принимать наслѣдные принцъ и принцесса. Скоро появились и они—красивая, симпатичная молодая пара; принцъ былъ въ черномъ сюртукѣ и въ цилиндрѣ, принцесса вся въ бѣломъ. Началось представленіе и привѣтливые разговоры. Всѣ чувствовали себя совершенно свободно и непринужденно. Одна изъ ново-зеландокъ была очень огорчена, что ее забыли представить наслѣдной четѣ. «Хотите, я васъ представлю?»—предложила я. Страшно обрадованную австралійку я подвела къ принцу и принцессѣ, представила имъ, и они вступили въ продолжительную бесѣду, результатомъ которой было полученіе ею на другой день автографа принца.

У всѣхъ, бывшихъ во дворцѣ въ этотъ день, сохранилось симпатичное воспоминаніе о пріемѣ. Внутренній видъ дворца во многомъ уступаетъ устройству шведскихъ народныхъ школъ, которыя поражаютъ своей грандіозностью и благоустройствомъ.

Разставаясь со Швеціей, я вынесла убѣжденіе, что эта страна едва ли не единственная въ Европѣ, гдѣ главныя цѣнности составляютъ дѣти и женщины, какъ залогъ идеаловъ свѣтлаго будущаго, осуществленіе котораго примутъ на себя новыя, пробудившіяся силы. Въ Швеціи нѣтъ ни женскаго, ни мужского вопроса, а есть только одинъ—общечеловѣческій.

Д-ръ А. Шабанова.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ КРИСПИ.

Записки и письма Франческо Криспи, часть которыхъ появилась въ послѣдней книжкѣ «Revue des deux Mondes» за истекшій годъ, бросаютъ свѣтъ на многія темныя стороны международныхъ комбинацій и отношеній въ Европѣ съ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Особенно интересны подробности о первыхъ попыткахъ образованія тройственнаго союза съ участіемъ Италіи.

Во Франціи, послѣ паденія Тьера въ 1873-мъ году, власть находилась въ рукахъ монархистовъ и клерикаловъ, которые, между прочимъ, добивались вмѣшательства въ итальянскія дѣла для защиты независимости римской церкви. При президентствѣ маршала Макъ-Магона дѣятельно подготовлялась монархическая реставрація, и возможность ея осуществленія не была окончательно устранена даже оффиціальнымъ утвержденіемъ республиканской конституціи въ 1875-мъ году. Послѣдняя вспышка реакціи, выразившаяся въ назначеніи кабинета Брольи-Фурту 16 мая 1877-го года, сопровождалась необыкновеннымъ оживленіемъ ультрамонтанскихъ надеждъ и интригъ. Въ началѣ мая министерству Жюля Симона предъявленъ былъ запросъ о мѣрахъ противодѣйствія этой клерикальной агитаціи, подрывающей хорошія отношенія съ Италіей; Гамбетта произнесъ въ палатѣ знаменитую рѣчь, кончавшуюся возгласомъ: Le cléricalisme—voilà l'ennemi!

Клерикальныя тенденціи правительства 16-го мая вызвали въ Италіи серьезныя опасенія относительно намѣреній Франціи. Итальянская дипломатія рѣшила принять свои предупредительныя

мѣры. На президента палаты депутатовъ, Франческо Криспи, возложена была деликатная миссія отправиться за границу и подготовить почву для заключенія союза съ Германіей. Оффиціально ему поручалось вести переговоры по спеціальному и мало интересному для публики вопросу о гражданскихъ правахъ итальянцевъ въ различныхъ государствахъ. Сущность этого фиктивнаго порученія подробно изложена въ письмѣ министра иностранныхъ дѣлъ Мелегари отъ 25 августа 1877-го года. Два дня спустя, 27-го августа, Криспи пишетъ изъ Турина главѣ кабинета Депретису, съ которымъ онъ былъ связанъ личною дружбою: «Сегодня вечеромъ я ѣду въ Парижъ. Король призывалъ меня, и я долго оставался съ нимъ. Онъ не имѣетъ никакой надежды на то, чтобы настоящая восточная война могла привести къ желательной комбинаціи. Онъ тоже думаетъ, что теперь слишкомъ поздно для вмѣшательства и что для насъ нѣтъ уже свободнаго мѣста. Во всякомъ случаѣ онъ совѣтуетъ мнѣ сдѣлать все возможное, чтобы позволить намъ вступить въ дѣло съ нѣкоторою пользою. Тонъ его былъ совершенно иной относительно другой попытки, той, которая составляетъ истинную цѣль моей поѣздки. Король живо чувствуетъ потребность увѣнчать свою карьеру побѣдою, способною дать нашей арміи недостающій ей престижъ... Постараемся же, насколько возможно, пополнить этотъ пробѣлъ и употребить свои силы на то, чтобы наше отечество могло доказать тѣмъ, которые недостаточно его уважаютъ, что оно значить что-нибудь въ мірѣ.»

Въ письмѣ изъ Рима отъ того же 27-го августа Депретисъ прямо говоритъ уже о секретной политической миссіи къ правительству Германской имперіи. «Въ послѣднее время—пишетъ онъ,—берлинскій кабинетъ зондировалъ итальянское правительство насчетъ возможности болѣе тѣснаго единенія между обоими государствами, и министръ иностранныхъ дѣлъ Италіи не поколебался выразить согласіе на проектъ сближенія для совмѣстной защиты». Криспи долженъ объяснить князю Бисмарку, насколько «своевременно было бы устроить конкретное и полное соглашеніе при помощи союзнаго договора, который, опираясь на общіе интересы обоихъ государствъ, предусматривалъ бы всѣ случайности». Германія и Италія не имѣютъ противоположныхъ интересовъ; «обѣ націи должны быть одинаково проникнуты рѣшимостью защищать зданіе своего національнаго единства, такъ же какъ и свои политическія и гражданскія вольности». Для Италіи главною задачею остается необходимость «оградить отъ всякаго враждебнаго нападенія пріобрѣтенныя ею неоцѣнимыя блага и тѣ начала, на которыхъ основано ея существованіе».

Въ Парижѣ Криспи имѣлъ продолжительный разговоръ съ

тогдашнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, герцогомъ Деказомъ. Собесѣдники обмѣнялись любезными фразами о взаимныхъ сердечныхъ чувствахъ обѣихъ странъ; французскій министръ находилъ только, что итальянцы напрасно заботятся объ укрѣпленіи Рима, такъ какъ о войнѣ противъ Италіи никто серьезно не думаетъ. Въ оффиціальномъ письмѣ къ Депретису Криспи признаетъ результаты этого свиданія въ высшей степени благопріятными; но вслѣдъ затѣмъ, отбросивъ въ сторону дипломатическій «жаргонъ», онъ безъискусственно и откровенно, въ частномъ дружескомъ письмѣ, передаетъ свои впечатлѣнія и наблюденія по поводу французскихъ дѣлъ.

«Я видѣлъ здѣсь главныхъ политическихъ дѣятелей,—пишетъ онъ,—и прежде всего Гамбетту, съ которымъ я обѣдалъ 3-го сентября. Франція переживаетъ теперь страшный кризисъ, конецъ котораго трудно предвидѣть. Настоящее правительство (Брольи-Фурту) представляетъ собою ничтожное меньшинство; но оно получаетъ свои вдохновенія отъ смѣлаго и ничѣмъ не стѣсняющагося бонапартистскаго комитета, и оно имѣетъ въ своемъ составѣ пару личностей столь же смѣлыхъ и безцеремонныхъ». Республиканцы были увѣрены въ побѣдѣ на предстоявшихъ выборахъ; многіе изъ консерваторовъ сами предсказывали свое пораженіе. Тьеръ въ своемъ разговорѣ съ Криспи, 31-го августа, утверждалъ, что, когда соберутся палаты послѣ выборовъ, министры и президентъ республики выйдутъ въ отставку, и конгрессъ выберетъ новаго президента. Гамбетта говорилъ то же самое; но тѣмъ временемъ, внезапно, 3-го сентября, умеръ Тьеръ, и смерть его могла сильно повліять на шансы обѣихъ партій. Тьеръ не опасался государственнаго переворота, потому что армія не подчинилась бы незаконному призыву, да и Макъ-Магонъ былъ бы неспособенъ на это по ограниченности кругозора и личныхъ свойствъ; притомъ, какъ добавлялъ Гамбетта, войска раздѣлились бы на два лагеря, и неизбѣжно возникло бы междоусобіе. Съ итальянской точки зрѣнія Криспи считалъ вполнѣ возможнымъ такой поворотъ событій, при которомъ клерикалы взяли бы верхъ и направили бы свои усилія противъ Италіи, ради возстановленія свѣтской власти папъ. Конечно, реакціонеры, господствовавшіе въ Елисейскомъ дворцѣ, соблюдали нѣкоторую осторожность, ибо—какъ поясняетъ Криспи,—«всѣ политическія партіи безъ исключенія чувствуютъ спасительный страхъ предъ княземъ Бисмаркомъ, который, какъ полагаютъ здѣсь, не оставитъ насъ однихъ». Въ различныхъ классахъ французскаго общества заранѣе распространялось убѣжденіе, что Италія собирается предпринять войну противъ Франціи; подъ этимъ предлогомъ «французы продолжаютъ свои вооруженія, и всѣ частные заводы работаютъ по заказамъ военнаго министерства».

«Подумаемъ, поэтому, о нашихъ интересахъ—заключаетъ свое письмо Криспи,—и будемъ готовиться ко всякимъ случайностямъ!» По спеціальному вопросу о гражданскихъ правахъ итальянцевъ во Франціи герцогъ Деказъ сначала выказалъ большую предупредительность, но потомъ, поговоривъ съ де-Брольи, отложилъ дѣло до возбужденія оффиціальныхъ переговоровъ объ этомъ предметѣ со стороны Италіи.

Передъ отъѣздомъ изъ Парижа Криспи послалъ 11-го сентября подробный оффиціальный отчетъ королю Виктору-Эмануилу, съ изложеніемъ своихъ соображеній и выводовъ. По словамъ Криспи, «неизвѣстность есть чудовище, котораго надо всегда бояться, а такъ какъ во Франціи никогда нельзя предвидѣть завтрашній день, то благоразуміе заставляетъ принимать мѣры для огражденія нашихъ будущихъ интересовъ». Въ случаѣ государственнаго переворота, изъ двухъ правящихъ партій—орлеанистовъ и бонапартистовъ—побѣдитъ болѣе предпріимчивая и менѣе разборчивая въ средствахъ, а побѣдители будутъ обязаны своимъ торжествомъ духовенству и арміи. Духовенство потребуетъ возврата къ прошлому по отношенію къ римской церкви, а армія пожелаетъ возстановить свою утраченную славу на счетъ Италіи. «Всѣ эти гипотезы потеряли бы смыслъ, если бы Франція отказалась отъ своихъ дурныхъ привычекъ, установила режимъ свободы и покинула разъ навсегда противную игру революцій и государственныхъ переворотовъ, отъ которыхъ нельзя ожидать ничего прочнаго,—такъ какъ въ наше время насиліе не можетъ быть способомъ управленія. Но пока мы должны сообразоваться съ обстоятельствами, допускающими осуществленіе приведенныхъ гипотезъ. Горе намъ, если перемѣна во Франціи не застанетъ насъ готовыми защищать Италію и ея національную независимость!»

Въ такомъ пессимистическомъ настроеніи Криспи отправился черезъ Брюссель въ Берлинъ, а оттуда въ Вильдбадъ-Гаштейнъ. Вечеромъ 17-го сентября князь Бисмаркъ очень привѣтливо принялъ его у себя въ кабинетѣ, въ небольшомъ домѣ, принадлежащемъ къ отелю Штраубингенъ. Послѣ немногихъ вступительныхъ фразъ Криспи прямо приступилъ къ своей задачѣ. На его вопросъ о союзѣ въ случаѣ войны Италіи съ Франціей или Австріею, Бисмаркъ далъ обстоятельный и точно мотивированный отвѣтъ. «Еслибы Италія подверглась нападенію со стороны Франціи,—сказалъ онъ,—Германія считала бы себя солидарною съ Италіею и соединилась бы съ вами противъ общаго врага. Насчетъ такого договора мы можемъ столковаться. Но я надѣюсь, что война не будетъ необходима и что мы будемъ въ состояніи сохранить миръ. Республика можетъ держаться во Франціи только подъ условіемъ быть миролюбивою;

еслибы она перестала быть такою, она рисковала бы погибнуть. По моему мнѣнію, война была бы возможна только въ случаѣ возстановленія монархіи. Династіи во Франціи неизбѣжно клерикальны, и такъ какъ духовенство тамъ безпокойно и могущественно, а король, чтобы ввести народъ въ заблужденіе, долженъ быть воинственнымъ, то монархія вынуждена искать ссоры съ сосѣдями. Такъ всегда было, во всѣ времена, и вы найдете много такихъ примѣровъ, начиная съ царствованія Людовика XIV. Что касается Австріи, то положеніе ея совсѣмъ другое. Я не могу допустить, чтобы она когда-нибудь была намъ враждебна, и я даже не желаю предвидѣть эту возможность. Завтра я долженъ встрѣтиться съ графомъ Андраши, и я поговорю съ нимъ».

Коснувшись русско-турецкой войны, канцлеръ замѣтилъ, между, прочимъ, что ходъ ея противорѣчитъ всѣмъ предположеніямъ, и однако Австрія не имѣетъ надобности переходить границу. Можно надѣяться, что эта надобность для нея не возникнетъ и что война останется локализованною. «Мы хотимъ,—продолжалъ Бисмаркъ,—чтобы Австрія и Россія были въ дружбѣ, и мы постараемся поддерживать между ними эти дружественныя отношенія. Царь долженъ еще употребить большія усилія (для успѣшнаго окончанія войны). Еслибы русская армія была окончательно побѣждена, онъ имѣлъ бы у себя непріятныя затрудненія. Какъ бы то ни было, это его дѣло; но я долженъ сказать, что въ этомъ восточномъ вопросѣ Германія не имѣетъ никакого интереса, и для насъ всякое рѣшеніе будетъ пріемлемо, лишь бы оно не нарушало европейскаго мира». Криспи напомнилъ о стремленіяхъ Австріи въ области балканскихъ дѣлъ и о предложенной ей Россіею уступкѣ Босніи съ Герцеговиною, на что Италія никакъ не могла бы согласиться. Бисмаркъ, напротивъ, доказывалъ, что политика Австріи находится на вѣрномъ пути и ничѣмъ не угрожаетъ Италіи. Согласіе между Германіею и Австріею могло бы быть нарушено только въ одномъ пунктѣ—въ вопросѣ о польской автономіи. Если бы австрійцы вздумали оказать поддержку польско-дворянскому движенію, направленному къ возстановленію Польши, Германія рѣшительно выступила бы противъ этого, ибо она не можетъ допустить образованіе новаго католическаго королевства у самыхъ своихъ границъ, тѣмъ болѣе, что оно связано было бы съ отторженіемъ отъ Пруссіи части ея владѣній. Но Австрія не имѣетъ основанія дѣйствовать противъ Германіи, зная ея искреннее желаніе взаимной дружбы. «Боснія, какъ и весь восточный вопросъ, не затрагиваетъ германскихъ интересовъ. Еслибы она могла сдѣлаться причиною ссоры между Австріею и Италіею, то это чрезвычайно огорчило бы Германію, ибо ей пришлось бы видѣть своихъ друзей

борющимися между собою, вмѣсто того чтобы видѣть ихъ въ мирѣ. Впрочемъ,—прибавилъ Бисмаркъ,—если Австрія возьметъ Боснію, Италія могла бы взять Албанію или какую-нибудь другую турецкую территорію у Адріатическаго моря».

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ съ Бисмаркомъ Криспи—отчасти по уполномочію Гамбетты—возбудилъ вопросъ о шансахъ соглашенія между Германіею и Франціею. «Въ Парижѣ,—говорилъ онъ канцлеру,—я видѣлъ депутата Гамбетту, который пользуется большимъ вліяніемъ въ своей странѣ. Мы много говорили съ нимъ о политическомъ положеніи Франціи и о необходимости европейскаго мира, даже только съ точки зрѣнія упроченія республики. Я не скрылъ отъ него, что предполагаю отправиться къ вамъ, и онъ выразилъ желаніе соглашенія съ вами; онъ хотѣлъ, чтобы я говорилъ объ этомъ при нашемъ свиданіи. Я хорошо понимаю, что союзъ Франціи съ Германіею пока невозможенъ, но въ одномъ вы могли бы сойтись, и Италія послѣдовала бы за вами,—въ вопросѣ о разоруженіи». Бисмаркъ отнесся къ этой мысли отрицательно. «Союзъ съ Франціею—заявилъ онъ—не имѣлъ бы для насъ никакой цѣли. Разоруженіе обѣихъ странъ было бы немыслимо. Мы уже обсуждали этотъ предметъ съ Наполеономъ III передъ 1870-мъ годомъ, и послѣ долгихъ разсужденій намъ было доказано, что проектъ разоруженія не могъ осуществиться на практикѣ. Въ словаряхъ нельзя еще найти такихъ словъ, которыми опредѣлялись бы точныя границы вооруженія и разоруженія. Военныя учрежденія различны въ разныхъ государствахъ; когда вы приведете арміи на мирное положеніе, вы не сможете утверждать, что націи, примкнувшія къ разоруженію, находятся въ одинаковыхъ условіяхъ обороны и наступленія. Оставимъ эту тему обществамъ друзей мира!» Въ заключеніе Бисмаркъ подтвердилъ свою готовность вступить въ оффиціальные переговоры о союзѣ съ Италіею на случай нападенія на нее Франціи.

Недѣлю спустя, 24-го сентября, Криспи вторично видѣлся съ Бисмаркомъ въ Берлинѣ. Канцлеръ не прибавилъ почти ничего новаго къ сказанному раньше; онъ пояснилъ только, что союзъ долженъ быть не только оборонительный, но и наступательный,—и это не потому, что онъ стремится къ войнѣ, для избѣжанія которой онъ сдѣлаетъ все возможное, а въ силу самой природы вещей. «Предположите, напримѣръ, что французы собираютъ двѣсти тысячъ человѣкъ около Ліона. Цѣль ихъ была бы совершенно очевидна. Неужели же мы должны были бы ожидать, чтобы они на насъ напали?» Относительно намѣреній Австріи Бисмаркъ сообщилъ Криспи содержаніе своего разговора съ графомъ Андраши. Австрійскій министръ, разумѣется, вполнѣ раздѣляетъ дружескія чувства итальян-

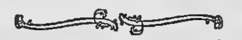
скаго правительства. «Русскія дѣла—замѣтилъ, далѣе, канцлеръ, — идутъ плохо, и на этотъ (1877) годъ кампанія можетъ считаться оконченною... Вы хорошо сдѣлаете, повидавъ Андраши. Вы найдете въ немъ отличнаго друга».

Криспи рѣшилъ исполнить этотъ совѣтъ послѣ поѣздки въ Лондонъ. О своемъ свиданіи съ британскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Дерби, 5-го октября, онъ не сообщаетъ точныхъ свѣдѣній, а ограничивается перечисленіемъ затронутыхъ вопросовъ и приведеніемъ одной характерной фразы, въ отвѣтъ на слова о Босніи: «Возьмите Албанію!» Въ депешѣ къ королю онъ резюмируетъ сущность бесѣды въ томъ смыслѣ, что Дерби нашелъ справедливыми возраженія Италіи противъ занятія Австріею турецкой провинціи и обѣщалъ принять ихъ во вниманіе въ свое время, и что повидимому онъ ничего не имѣетъ противъ итальянскаго требованія соотвѣтственной компенсаціи въ австрійскихъ Альпахъ. Криспи рѣшительно отклонялъ намекъ на Албанію и настойчиво указывалъ собесѣдникамъ на важность пограничныхъ австрійскихъ земель для Италіи, но не встрѣтилъ поддержки въ этомъ отношеніи ни у Бисмарка, ни у Дерби; оба они, по понятнымъ причинамъ, обошли этотъ пунктъ молчаніемъ, ибо никто не могъ бы предлагать великой державѣ уступить часть своей территоріи сосѣдямъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Въ данномъ случаѣ, по отношенію къ лорду Дерби, Криспи ошибочно принялъ молчаніе за косвенное согласіе.

Въ Вѣнѣ, какъ видно изъ письма къ Депретису отъ 15-го октября, Криспи засталъ общее враждебное настроеніе противъ Италіи, насколько можно было судить по разнымъ признакамъ. Это настроеніе чувствовалось повсюду—въ печати, въ министерствѣ, при дворѣ, среди политическихъ дѣятелей. Графъ Андраши находился тогда въ Пештѣ, и Криспи поѣхалъ къ нему. Свиданіе состоялось 21-го октября и не привело къ опредѣленному результату. Андраши высказалъ нѣсколько остроумныхъ мыслей по поводу увлеченія національнымъ принципомъ. «Не всегда и не вездѣ примѣнимъ этотъ принципъ, и языкъ вовсе не служитъ общимъ мѣриломъ для установленія національности: политика не дѣлается при помощи грамматики... Вы взяли бы Тріестъ, котораго мы, впрочемъ, вамъ не дадимъ,—и вы не могли бы тамъ держаться ни одного дня»... Андраши безусловно соглашался съ Криспи, что обѣ страны и ихъ правительства должны соблюдать между собою дружбу и согласіе. Онъ «всегда держался этой политики и останется ей вѣренъ, пока будетъ министромъ»,—такъ какъ признавалъ ее единственно разумною съ точки зрѣнія интересовъ Австро-Венгріи; но

идти далѣе по пути соглашеній, особенно по восточнымъ дѣламъ, онъ считалъ преждевременнымъ. Въ тотъ же день Криспи, вызванный телеграммою короля въ Туринъ, покинулъ Вѣну. Онъ ничего не добился отъ Австріи; зато онъ привезъ на родину одобренную Бисмаркомъ идею формальнаго союза, которому впослѣдствіи суждено было сдѣлаться фундаментомъ вооруженнаго мира и новаго политическаго равновѣсія въ Европѣ.

Л. Слонимскій.



ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— Толстовскій Музей. Томъ I. Переписка Л. Н. Толстого съ гр. А. А. Толстой (1857—1903). Изданіе Общества Толстовскаго Музея. Спб. 1911.

Въ новѣйшей литературѣ о Толстомъ переписка его съ гр. Александрой Андреевной Толстой, только что изданная Обществомъ Толстовскаго Музея, какъ первый томъ изданія Музея, безспорно занимаетъ первое мѣсто. Она заключаетъ въ себѣ 119 писемъ Л. Н. и 66 отвѣтныхъ гр. А. Толстой и составляетъ богатѣйшій матеріалъ для интимной характеристики великаго писателя. Самъ онъ называлъ эту переписку лучшей своей автобіографіей, и это справедливо, по крайней мѣрѣ въ отношеніи всей первой половины литературной и духовной жизни Льва Толстого. Перечитывая въ послѣдній годъ жизни копіи своихъ писемъ, Толстой говорилъ домашнимъ: «какъ въ темномъ корридорѣ бываетъ свѣтъ изъ-подъ какой-нибудь двери, такъ, когда я оглядываюсь на свою долгую, темную жизнь, воспоминаніе объ Alexandrine—всегда свѣтлая полоса». Такъ и въ 1861-мъ году ему казалось труднымъ себѣ представить пріятную жизнь безъ сознанія, что есть «вонъ тамъ въ гадкомъ Петербургѣ» существо, съ которымъ «веселѣй идти, какъ легче идти черезъ перекладинку, когда знаешь, что есть рука, за которую можно ухватиться».

Общая черта, которая сближала писателя и его «бабушку», по словамъ послѣдней, не смотря на ихъ «безконечные споры»—это то, что они оба «любили искренно добро», оба, будучи «страшными энтузіастами и аналитиками», все время искали его. Какъ видно изъ воспоминаній и писемъ гр. А. А. Толстой, ея анализъ быстро останавливался предъ усвоенными съ молоду чисто догматическими вѣрованіями. Естественно, что руководившій Толстымъ духъ изслѣдо-

ванія увелъ его совсѣмъ не туда, куда хотѣлось бы его другу, искреннему, но довольствовавшемуся въ жизни немногимъ: благотворительными, не ломающими устоевъ дѣлами и отвлеченнымъ нравственнымъ совершенствованіемъ и созерцаніемъ. Отсюда глубокій разрывъ, прикрытый послѣ 1880-го года лишь воспоминаніемъ давней дружбы, сглаживаемый сердечной памятью о прежнихъ отношеніяхъ, и по временамъ всплывающій наружу при тщетныхъ, иногда наивныхъ попыткахъ графини Толстой «обратить» его. Послѣднее весьма тяготило Л. Н-ча, и онъ не разъ просилъ полушутливо «ради Христа не обращать его» и «не жалѣть» именно ради Христа.

Воспоминанія графини Толстой, предпосланныя перепискѣ, сами по себѣ значительно разочаровываютъ читателя. Для Льва Толстого было чрезвычайно многозначительно все пережитое имъ въ спорахъ съ графиней по занимавшимъ обоихъ религіозно-нравственнымъ вопросамъ. Однако изъ памяти автора воспоминаній, когда они писались, уже изгладилось многое изъ того, что когда-то такъ интимно сближало ихъ одинаково настроенныя души. Уцѣлѣли изъ дальней поры лишь немногія внѣшнія подробности и отдѣльные случаи, преимущественно изъ области рѣзкихъ противорѣчій между поведеніемъ Л. Н-ча и общепринятымъ въ томъ аристократическомъ кругу, къ которому принадлежали оба друга. Подробнѣе разсказаны перипетіи ихъ отношеній того времени, когда Левъ Толстой предался «лжеученіямъ», смущавшимъ графиню и вызывавшимъ въ ней непріязненное чувство къ другу. Непріязнь къ «лжеученіямъ» подсказываетъ графинѣ Толстой такія, напр., утвержденія, что достаточно быть оборванцемъ или отщепенцемъ, чтобы возбудить интересъ въ Л. Н. «Смущаемая» письмами Л. Н., графиня иныя письма уничтожила, другія передала Достоевскому для возраженія не задолго до его смерти. Нѣкоторые разсказы о столкновеніяхъ между Л. Н. и гр. Толстой, «взвивавшейся какъ ракета» отъ нѣкоторыхъ спокойно, какъ безспорная истина, высказываемыхъ «лжеученій», дышатъ въ своей непосредственности нѣкоторымъ комизмомъ. Къ другимъ сообщеніямъ приходится относиться очень осторожно, въ виду явной спутанности фактовъ: такъ совершенно превратно разсказана исторія съ тѣмъ отрывкомъ изъ писемъ Льва Толстого о голодѣ 1891—2 гг., который попалъ въ англійскія газеты и вызвалъ негодованіе «Московскихъ Вѣдомостей». По разсказу гр. А. А. Толстой, дѣйствующимъ лицомъ поднявшейся въ высшихъ сферахъ бури является министръ гр. Д. А. Толстой, въ дѣйствительности умершій въ 1889-мъ году.

Если расхолаживаютъ воспоминанія гр. Толстой, то самая пе-

реписка дышитъ прелестью непосредственнаго очарованія молодости и прекраснодушія (въ хорошемъ смыслѣ этого слова) и полна откликовъ великой души на всѣ впечатлѣнія бытія, пронизана лучами бунтующаго вѣчно сердца. Въ каждомъ письмѣ читателя поражаютъ тѣ или иныя строки, какъ яркое и полное выраженіе настроеній даннаго момента въ жизни Л. Н. Первое письмо (1857 г.)—настоящее стихотвореніе въ прозѣ: «Мы шли до поздняго вечера этими душистыми, задумчивыми савойскими дорогами. Два мальчика несли наши практическіе мѣшки, и всю дорогу, распѣвая, лепетали намъ про разныя преданія и привидѣнія въ замкахъ и т. п. А мы себѣ молчали, нюхали, слушали и дышали. Природа больше всего даетъ это высшее наслажденіе жизни, забвеніе своей несносной персоны. Не слышишь, какъ живешь, нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, только одно настоящее, какъ клубокъ, плавно разматывается и исчезаетъ». Черезъ нѣсколько страницъ узнаемъ о впечатлѣніяхъ, которыя переживалъ молодой Толстой по возвращеніи изъ-за границы въ Ясную Поляну. «Въ Россіи скверно, скверно, скверно! Въ Петербургѣ, въ Москвѣ всѣ что-то кричатъ, негодуютъ, ожидаютъ чего-то, а въ глуши то же происходитъ патріархальное варварство, воровство и беззаконіе... Если бы вы видѣли, какъ я, въ одну недѣлю, какъ барыня на улицѣ палкой била свою дѣвку, какъ становой велѣлъ мнѣ сказать, чтобы я прислалъ ему возъ сѣна, иначе онъ не дастъ законнаго билета моему человѣку, какъ въ моихъ глазахъ чиновникъ избилъ до полусмерти 70-лѣтняго больного старика за то, что чиновникъ зацѣпилъ за него, какъ мой бурмистръ, желая услужить мнѣ, наказалъ загулявшаго садовника тѣмъ, что кромѣ побой послалъ его босого по жнивью стеречь стадо, и радовался, что у садовника всѣ ноги были въ ранахъ,—вотъ ежели бы вы это все видѣли и пропасть другого, тогда бы вы повѣрили мнѣ, что въ Россіи жизнь—постоянный, вѣчный трудъ и борьба съ своими чувствами. Благо, что есть спасенье—міръ моральный, міръ искусствъ, поэзіи и привязанностей»... Корреспондентка Л. Н. напоминаетъ ему въ отвѣтъ на это, что «музыка, чтеніе, литература, все это не болѣе какъ себялюбивое убѣжище для своей собственной личности. Я согласна, что общее положеніе вещей отвратительно, да и кто сталъ бы съ этимъ спорить? Но необходимо вокругъ себя, на томъ, что вблизи насъ, проводить улучшенія, иначе мы становимся сообщниками и вора, и убійцы, и того, кто живетъ въ полномъ забвеніи Бога и вѣчности». Она настаиваетъ на томъ, что Л. Н. долженъ «дѣятельно посвятить себя общему благу». Раздѣляя всѣ предубѣжденія свѣтской среды, гр. А. А. Толстая озабочена, чтобы въ этомъ стремленіи къ благу Л. Н., однако, не упо-

добился Герцену: «Правда, высказанная тамъ (т. е. въ изданіяхъ Герцена), никогда не принесетъ ни малѣйшей пользы. Она зарыта въ ядовитой желчи, она говорится не изъ любви, а изъ ненависти къ отечеству. Какъ же могутъ уподоблять этого тигра моему добронравному Льву?» Но на дѣлѣ Левъ менѣе всего способенъ быть «добронравнымъ», какъ понимала это слово А. А. Толстая, и въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ онъ бурно формулируетъ то, чѣмъ въ сущности была полна его душа и тогда, и всегда: «Вѣчная тревога, трудъ, борьба, лишенія—это необходимыя условія, изъ которыхъ не долженъ смѣть думать выйти хоть на секунду ни одинъ человѣкъ. Только честная тревога, борьба и трудъ, основанные на любви, есть то, что называютъ счастьемъ. Да что счастіе—глупое слово; не счастье, а *хорошо*; а безчестная тревога, основанная на любви къ себѣ—это несчастье... Мнѣ смѣшно вспомнить, какъ я думывалъ и какъ вы, кажется, думаете, что можно себѣ устроить счастливый и честный мірокъ, въ которомъ спокойно, безъ ошибокъ, безъ раскаянія, безъ путаницы жить себѣ потихоньку и дѣлать не торопясь, аккуратно все только хорошее. Смѣшно! *Нельзя*, бабушка! Все равно, какъ *нельзя*, не двигаясь, не дѣлая моціона, быть здоровымъ. Чтобъ жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и вѣчно бороться и лишаться. А спокойствіе—душевная подлость. Отъ этого-то дурная сторона нашей души и желаетъ спокойствія, не предчувствуя, что достиженіе его сопряжено съ потерей всего, что есть въ насъ прекраснаго, не человѣческаго, а оттуда. Вотъ вамъ и проповѣдь, бабушка! Да нѣтъ, это я написалъ очень не шутя. И чѣмъ больше думаю, тѣмъ больше вижу, что это такъ».

Искушенію цитировать далѣе подобныя страницы, вводящія въ глубь великой души, увлекающія страстнымъ лиризмомъ и захватывающія психологическимъ и историческимъ интересомъ, можно противостоять, въ положеніи рецензента, только механически. Укажемъ только нѣкоторыя болѣе захватывающія страницы книги. Таковы — бурно - жизнерадостное письмо съ начальными словами: «Бабушка, весна!»; письмо 1860-го года по поводу смерти Николая Толстого; письма, рисующія педагогическія увлеченія Льва Николаевича; очень интересное въ литературно-психологическомъ отношеніи письмо о «Трехъ смертяхъ»; письма, полныя бурнаго протеста противъ совершеннаго въ Ясной Полянѣ (въ 1862 году) обыска, когда Толстой серьезно думалъ «бѣжать изъ такого государства»; письма за первое время послѣ женитьбы («я теперь писатель *всѣми* силами своей души»—осень 1863 г.); письма, въ которыхъ идетъ рѣчь о

«Войнѣ и мирѣ»; письмо 1873-го года по поводу самарскаго голода; письмо о новой полосѣ педагогическаго увлеченія въ срединѣ семидесятыхъ годовъ, когда Толстой «хочетъ образованія для народа только для того, чтобы спасти тѣхъ, тонущихъ тамъ Пушкиныхъ, Остроградскихъ, Филаретовъ, Ломоносовыхъ»; письма конца семидесятыхъ годовъ, когда въ Толстомъ быстро развернулся извѣстный религіозно-моральный кризисъ. Позднѣйшія письма, болѣе внѣшнія, даютъ обильный матеріалъ біографическаго характера, между прочимъ—обрисовываютъ хлопоты Толстого о разныхъ людяхъ—сектантахъ и толстовцахъ. Наконецъ, въ письмахъ о голодѣ 1891—2 гг. находимъ столь идущія къ настоящему моменту строки: «Я встрѣтилъ у Раевскаго (товарищъ Толстого по борьбѣ съ голодомъ) моряка Протопопова, съ которымъ мы вмѣстѣ были 35 лѣтъ тому назадъ на Язоновскомъ редутѣ въ Севастополѣ. Онъ очень милый человѣкъ, теперь предсѣдатель управы, хлопочетъ, покупаетъ хлѣбъ. Онъ очень вѣрно сказалъ мнѣ, что испытываетъ чувство, подобное тому, какъ бывало въ Севастополѣ. «Спокоенъ, т. е. перестаешь быть безпокоенъ, только тогда, когда что-нибудь дѣлаешь для борьбы съ бѣдой». Будетъ ли успѣхъ, —не знаешь, а *надо работать, иначе нельзя жить*»

Многія страницы этой переписки, займутъ мѣсто рядомъ съ лучшими художественными созданіями Л. Толстого и останутся вѣчнымъ памятникомъ во всей литературѣ писемъ. Остается добавить, что книга издана очень изящно, въ редакціонномъ отношеніи весьма внимательно и тщательно, снабжена необходимыми поясненіями и указателемъ именъ и украшена прекрасными фототипическими портретами Л. Н. въ молодости и гр. А. А. Толстой. Можно только пожелать Толстовскому Музею, чтобы это блестящее во всѣхъ отношеніяхъ начало его издательской дѣятельности получило достойное продолженіе.

— Валерій Брюсовъ. Далекіе и близкіе. Статьи и замѣтки о русскихъ поэтахъ отъ Тютчева до нашихъ дней. Москва, 1912.

«Не безъ колебанія рѣшился я издать эту книгу»—пишетъ авторъ въ предисловіи;—«статьи юбилейныя, и разборы отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ, и некрологи, и простыя рецензіи, это одно уже отниметъ у книги цѣльность, необходимое единство плана». Тѣмъ не менѣе автору казалось, «что соединеніе всѣхъ этихъ бѣглыхъ замѣтокъ въ одной книгѣ не лишено своего интереса. «Прежде всего у нихъ есть свое единство — единство той точки зрѣнія, съ которой я всегда разсматривалъ произведенія

поэзіи и которую если и приходилось мнѣ измѣнять въ теченіе лѣтъ, подъ вліяніемъ опыта и размышленій, то лишь несущественно. Во вторыхъ за всѣми этими сужденіями остается преимущество *оцѣнки современника*». Книга г. Брюсова дѣйствительно очень интересна, какъ сборникъ отзывовъ современника-модерниста о поэтахъ, съ одной стороны предшествовавшихъ модернизму, которыхъ модернисты считаютъ своими непосредственными учителями, съ другой — о самихъ модернистахъ. Авторъ послѣдовательно говоритъ о Тютчевѣ, Фетѣ, Владимірѣ Соловьевѣ и К. Случевскомъ, затѣмъ о большинствѣ нынѣ дѣйствующихъ, выдающихся и начинающихъ поэтовъ нашихъ дней.

Критическіе этюды и замѣтки г. Брюсова написаны со свойственной ему сжатостью и нѣкоторой сухостью. Четко вырисованы линіи и контуры портретовъ, но не хватаетъ увлекающей страсти и очаровывающихъ красокъ. Это особенно бросается въ глаза въ объективно написанномъ очеркѣ о Тютчевѣ. Представляя собою повтореніе точки зрѣнія на Тютчева, уже высказанной Владиміромъ Соловьевымъ, этюдъ г. Брюсова страдаетъ отсутствіемъ именно того, чѣмъ такъ сильна извѣстная статья Соловьева: нѣтъ горячей вѣры въ мистическое начало, лежащее въ основѣ міра явленій. Вопреки цитированному заявленію автора о «единствѣ точки зрѣнія на поэзію», именно этого единства, кажется намъ, лишена его книга. Ахиллесова пята критическихъ очерковъ г. Брюсова—въ томъ, что онъ уже не вѣритъ въ то, что составляло душу русскаго символизма: въ реальную возможность проникновенія поэтическимъ вдохновеніемъ въ сокровенную сущность вещей. Г. Брюсовъ печатаетъ въ концѣ книги небольшое приложеніе—замѣтку «Наши дни», мыслей которой онъ «уже не раздѣляетъ»,—а именно эта замѣтка (1903 г.) должна быть признана характерной для всей полосы нашего символизма. Здѣсь г. Брюсовъ заявилъ, что «неожиданныя и дивныя возможности открываются человѣчеству... Словно какія-то окна захлопнулись въ нашемъ бытіи и отворились какія-то неизвѣстныя ставни... Событія, мимо которыхъ всѣ проходили не глядя, теперь привлекаютъ все наше вниманіе: сквозь грубую толщу ихъ явно просвѣчиваетъ *сіяніе иного бытія*». Правда, авторъ предостерегаетъ своихъ единомышленниковъ отъ преувеличенія силы движенія: они составляютъ только «гребень вставшей волны», которая неминуемо упадетъ. «Да, путь еще далекъ. Еще не скоро осуществится то, въ чемъ нынѣ дается намъ обѣтованіе. Еще опять замрутъ и засохнутъ ожившіе въ насъ цвѣты мистическаго созерцанія». Но въ самые-то цвѣты г. Брюсовъ видимо тогда вѣрилъ. Отраженіемъ и отголоскомъ этой вѣры являются пѣ-

которыя статьи книги г. Брюсова. Онъ призываетъ, напр., читателей одолѣвать «своеобразіе» рѣчи и метрики Ив. Коневскаго, ради залегающихъ въ его поэзіи устремленій отъ міра явленій къ мечтамъ объ иныхъ формахъ бытія, отъ узко человѣческаго міровосприятія и міропониманія къ «тайнымъ ходамъ и невѣдомымъ глубинамъ». Въ мистическихъ тайновидѣніяхъ—сознаемся, намъ совершенно непонятнымъ—Вячеслава Иванова г. Брюсовъ провозглашаетъ «новый этапъ въ исторіи русской литературы», а Андрея Бѣлаго высоко цѣнитъ, между прочимъ, за его «Симфоніи», въ которыхъ тотъ «постарался въявь показать намъ всю трансцендентальную субъективность» внѣшняго міра, смѣшать различные «планы» вселенной, пронизать всю мощную повседневность лучами иного, неземного свѣта». Съ другой стороны, г. Брюсовъ — чрезвычайно строгій, почти черствый менторъ своихъ друзей и начинающихь поэтовъ, имъ подражающихъ. И тѣхъ, и другихъ онъ сурово отчитываетъ за всякую небрежность и исхищренность, за несовершенство формы, за самую страсть къ стихотворчеству. Онъ предъявляетъ поэтамъ требованія и критеріи, лежащіе внѣ плоскости мистическаго интуитивнаго проникновенія въ вещи поэтическимъ полетомъ вздохновенія. Въ лицѣ г. Брюсова модернистко - символическое теченіе, выдвинувшееся въ концѣ 90-хъ годовъ, сдаетъ свои позиціи. Въ противность «цвѣтамъ мистическихъ созерцаній» мы нынѣ слышимъ, что начало всякаго искусства—наблюденіе дѣйствительности. Будущее явно принадлежитъ какому-то еще не найденному синтезу между «реализмомъ» и идеализмомъ (стр. 145—146). «Знакомство съ послѣдними выводами философской мысли, съ новыми откровеніями точныхъ наукъ, съ ходомъ политической и соціальной жизни своего времени открываетъ поэту новыя дали, даетъ ему новыя темы для его стиховъ, позволяетъ ему ставить вопросы важные и нужные его современникамъ» (119). Поэта-критика занимаетъ мысль «создать поэзію въ лучшемъ смыслѣ слова серьезную, которая, въ согласіи съ современной наукой, развивала бы вопросы важные, волнующіе современнаго человѣка» (195). Намъ кажется все это очень знаменательнымъ, какъ признакъ времени, какъ поворотъ цѣлой школы литературной на новые пути—новые для нея, но старые для цѣлаго великой литературы. Прозрачная глубина Пушкина, однимъ изъ знатоковъ-изслѣдователей котораго является г. Брюсовъ, видимо уводитъ его отъ той мистической мути, подъ которой скрывается иногда безнадежно глубокій омутъ, а иногда—плоская мель.

Ч. В—ій.

— Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова. Томъ I. Подъ редакціей и съ примѣчаніями Н. К. Пиксанова и И. А. Шляпкина. Изданіе Разряда изящной словесности Имп. Академіи Наукъ. Спб. 1911.

Послѣ работъ Серчевскаго, Гарусова, Ефремова и Шляпкина новому изданію, стоящему въ ближайшей связи съ послѣднимъ научнымъ изданіемъ Шляпкина (чѣмъ и объясняется упоминаніе о послѣднемъ на титульной страницѣ книги), не пришлось прибавить ничего цѣннаго и существеннаго. Грибоѣдовъ былъ изъ тѣхъ, кого называютъ: «homo unius libri»; онъ весь въ своемъ «Горе отъ ума». Все остальное, вышедшее изъ-подъ пера Грибоѣдова, совершенно незначительно, и если возбуждаетъ нѣкоторый интересъ, то лишь какъ наслѣдіе Грибоѣдова. «Горе отъ ума» насчитываетъ десятки изданій, публика жадно расхватываетъ ихъ, но полныя изданія сочиненій Грибоѣдова нужны не рядовому читателю, а спеціалисту-изслѣдователю, и если раскупаются, то лишь благодаря «Горю отъ ума». Теперь такихъ изданій нѣтъ въ продажѣ; даже выпущенное А. И. Введенскимъ въ 1892 г. (въ видѣ приложенія къ «Нивѣ»), рѣдко попадается у букинистовъ. Академія, расширяющая свою издательскую дѣятельность и заботящаяся о снабженіи книжнаго рынка дешевыми изданіями классиковъ, приступила къ переизданію сочиненій Грибоѣдова. Оно будетъ состоять изъ трехъ томовъ. Въ первый вошли стихи и драматическія произведенія (также ихъ планы, наброски и отрывки), за исключеніемъ «Горя отъ ума», которое появится во второмъ томѣ, въ обѣихъ редакціяхъ—первоначальной и позднѣйшей; проза и переписка Грибоѣдова, служебная и личная, займутъ третій томъ. Редакція изданія поручена Н. К. Пиксанову, составителю небольшого указателя литературы о Грибоѣдовѣ и автору нѣсколькихъ историко-литературныхъ статей о немъ. Г. Пиксановъ приложилъ къ первому тому весьма добросовѣстно сдѣланный, чисто-фактическій, біографическій очеркъ, въ которомъ умѣло и критически использовалъ извѣстные до сихъ поръ біографическіе матеріалы. Въ серьезномъ, грустномъ обликѣ автора «Горя отъ ума» нѣтъ яркихъ, сильныхъ чертъ, какъ нѣтъ ничего таинственнаго и недосказаннаго. Авторъ замѣчательнаго произведенія прожилъ отнюдь не замѣчательную, несмотря на внѣшнее разнообразіе, жизнь, и «Горе отъ ума»—самый высокій и значительный моментъ не только въ его писательской карьерѣ, но и въ личной его судьбѣ. Вотъ почему г. Пиксановъ въ сущности ничего не могъ прибавить къ тому, что раньше было извѣстно о Грибоѣдовѣ; но въ этомъ біографъ не виноватъ. Единственными новинками перваго тома являются двѣ извлеченныя изъ письма Грибоѣдова эпитафіи какому-то доктору Кастальди, 1820 г., столь дѣтскія,

что совѣстно приводить ихъ. Текстуальныя и историческія примѣчанія, часть которыхъ принадлежитъ г. Шляпкину, фактичны и немногословны. Въ приложеніи къ книгѣ дана статья С. Булича: «А. С. Грибоѣдовъ-музыкантъ»; тутъ же воспроизведено все его музыкальное наслѣдіе—два вальса. Изъ иллюстраціонныхъ приложеній заслуживаетъ особаго вниманія портретъ Грибоѣдова, написанный за два года до его смерти; это единственное вполнѣ реалистическое по манерѣ письма изображеніе Грибоѣдова. Какъ всѣ изданія академической библіотеки, томъ выпущенъ по очень дешевой цѣнѣ (90 коп., а въ переплетѣ 1 р. 20 к., за книгу въ триддать печатныхъ листовъ).

А. А. Кондратьевъ. Графъ А. К. Толстой. Матеріалы для исторіи жизни и творчества. Спб. 1912. Цѣна 1 руб.

Цѣль, къ которой стремился авторъ, очень скромная. Онъ хотѣлъ облегчить работу будущаго біографа Алексѣя Толстого хронологическимъ подборомъ фактическихъ данныхъ, тѣмъ болѣе цѣнныхъ, что часть ихъ появляется въ печати впервые. Въ характеристику личности и творчества поэта г. Кондратьевъ почти не вдается, рѣдко измѣняя своему эпически-лѣтописному тону и становясь судьею, иногда довольно наивнымъ (напр. отзывъ кн. А. И. Барятинскаго, говорившаго, что «Князь Серебряный»—вещь пустая и ничтожная, г. Кондратьевъ легко и просто объясняетъ «завистью»). Какъ видно изъ приложеннаго къ книжкѣ библіографическаго списка книгъ и статей, касающихся жизнеописанія Толстого, автору неизвѣстна замѣтка: «Чей былъ сынъ Алексѣй Толстой?», напечатанная въ газетѣ «Противъ теченія» (1910 г., № 2). Вообще, этотъ списокъ неполонъ. Въ немъ не указана, между прочимъ, статья кн. Д. Цертелева (въ «Нов. Врем.» 1901 г., № 8948); Н. Языкову приписана брошюра Д. Языкова. Между тѣмъ, авторъ хорошо знаетъ литературу предмета, а библіографіи придаетъ такое значеніе, что не шутя признаетъ за какимъ-то переписчикомъ «честь обнаруженія опечатки» въ одномъ стихотвореніи Толстого. Г. Кондратьевъ обогатилъ свою работу нѣкоторыми неизданными стихотвореніями и письмами Толстого и привелъ рядъ выдержекъ какъ изъ тѣхъ пьесъ Толстого, которыя хранятся въ академическихъ рукописяхъ, такъ и изъ принадлежащей Е. А. Ляцкому тетради стиховъ Толстого. Въ послѣдней помѣщены двадцать двѣ пьесы, большею частью—раннія редакціи переработанныхъ впослѣдствіи стихотвореній, въ томъ числѣ посвященные извѣстной А. О. Смирновой «Колокольчики». Въ этой редакціи «Колокольчи-

ковъ» разработанъ мотивъ тоски о былой свободѣ, потомъ сведенный къ легкому намеку:

Новагорода ль вамъ жаль?
Дикой ли свободы?...
Колокольчики мои
Въ ковылѣ высокомъ!
Вы звените о быломъ,
Времени далекомъ,
Обо всемъ, что отцвѣло,
Чего нѣтъ ужъ болѣ,
О боярахъ на Руси,
О казацкой волѣ.
Колокольчики мои
Въ золотистомъ житѣ,
О гетманщинѣ лихой
Звените, звените!...

Г. Кондратьеву, приведшему много данныхъ относительно постановки на сценѣ «Смерти Іоанна Грознаго», осталась неизвѣстна причина, почему Толстой запретилъ провинціальнымъ театрамъ ставить эту драму. Объ этомъ разсказалъ самъ невольный виновникъ запрещенія, провинціальный актеръ Бураковскій, оставившій свои воспоминанія. Бураковскій игралъ въ Екатеринославѣ Бориса Годунова въ «Смерти Грознаго» и, не зная роли, «несъ такую ахинею, что какой-то господинъ, сидѣвшій въ первомъ ряду, схватилъ себя отчаянно за голову и выбѣжалъ изъ театра, какъ будто его окатили кипяткомъ». Вскорѣ губернаторъ далъ знать труппѣ о полученной имъ телеграммѣ, что по желанію автора «Смерть Грознаго» запрещается на всѣхъ провинціальныхъ театрахъ. «Оказалось, что выбѣжавшій изъ перваго ряда человѣкъ, какъ бы ошпаренный кипяткомъ, былъ не кто иной, какъ самъ авторъ, А. Толстой». Во главѣ этой несчастной труппы стоялъ Н. К. Милославскій, баронъ Фриденбургъ, котораго г. Кондратьевъ невѣрно называетъ Фридбергомъ. Недаромъ Толстой съ ужасомъ вспоминалъ о провинціальномъ актерѣ, который вмѣсто: «тяжела ты, шапка Мономаха!» развязно говоритъ: «да, знаете—нелегка рюрикова фуражка»...

Книжка издана изящно и украшена тремя потретами Толстого и его жены и fac-simile первой страницы принадлежащей г. Ляцкому тетради.—Н. Л.

— С. Елпатьевскій. Собраніе сочиненій. Т. I. Разсказы. Спб. 1912. Ц. 1 р.

Произведенія С. Я. Елпатьевскаго нельзя назвать беллетристикой въ строгомъ смыслѣ слова. Это полу-разсказы, полу-воспо-

минанія, а иногда и публицистика. Но они такъ интересны и содержательны, и притомъ написаны такъ красиво, даже поэтично, что съ успѣхомъ могутъ соперничать съ беллетристикой. Большимъ достоинствомъ разсказовъ г. Елпатьевскаго является ихъ прекрасный Тургеневскій «языкъ, ясный, образный и гибкій», умѣющій говорить объ интимномъ... Печать интимности лежитъ на всемъ, о чемъ разсказываетъ г. Елпатьевскій. По природѣ онъ—лирикъ, поэтъ. Первое, что вы воспринимаете въ его творчествѣ, это—его личность, свѣтлую, гуманную, съ широкимъ взглядомъ, съ большимъ, искреннимъ интересомъ къ жизни и къ людямъ. Вы воспринимаете ее невольно, совершенно естественно, безъ всякаго давленія со стороны автора: онъ ее не навязываетъ, какъ большинство «субъективистовъ» нашихъ дней; напротивъ, онъ ее какъ-будто прячетъ отъ чужихъ взоровъ. Поэтому лирическія настроенія въ произведеніяхъ Елпатьевскаго никогда не заслоняютъ ихъ фактическаго содержанія. Авторъ старается дать ясное и точное понятіе о предметѣ, разсказывая о немъ съ возможной полнотой и безпристрастіемъ; разнообразные герои его разсказовъ всегда живутъ, вызываютъ конкретное представленіе. Эти достоинства вознаграждаютъ за отсутствіе въ произведеніяхъ Елпатьевскаго настоящей законченности и за разные недочеты въ области формы.

Первый томъ разсказовъ посвященъ Сибири, которую авторъ хорошо знаетъ и понимаетъ. Своеобразный бытъ, величавая природа, умѣющая и поднимать въ человѣкѣ духъ, и угашать его въ своемъ безлюдномъ просторѣ, сибирскіе обитатели, какъ инородцы, такъ и невольные пришельцы,—все изображается г. Елпатьевскимъ съ одинаковымъ вниманіемъ и проникновенностью. Въ художественномъ отношеніи всего больше автору удались: «Снѣгурочка», «Гекторъ» и «Окаянный городъ».—Е. Колтоновская.

— Новыя идеи въ физикѣ. Неперіодич. изданіе, выходящее подъ редак. заслуж. професс. И. И. Боргмана. (Спб.). Сборникъ № 1. «Строеніе вещества» (1911). Цѣна 60 к. Сборникъ № 2. «Эѳиръ и матерія» (1911). Цѣна 80 к. Сборникъ № 3. «Принципъ относительности» (1912). Цѣна 80 к.

Физика переживаетъ необыкновенно плодотворную и въ то же время революціонную эпоху. Съ одной стороны открываются новые факты, не умѣщающіеся въ рамкахъ прежнихъ теорій (вспомнимъ, напримѣръ, открытіе явленій радіевыхъ излученій). Съ другой стороны создаются новые обширные синтезы, которые должны дать мѣсто и этимъ фактамъ (электронная теорія, ученіе объ эволюціи вещества,

принципъ относительности). Физика теперь въ цѣломъ рядѣ важнѣйшихъ вопросовъ перестраивается заново, и нужно считать очень удачной мысль дать, въ болѣе или менѣе общедоступномъ видѣ, понятіе объ этой работѣ внутренней перестройки.

Такова задача сборниковъ «Новыя идеи въ физикѣ», каждый изъ которыхъ трактуетъ объ одномъ или двухъ основныхъ вопросахъ физики. Первый сборникъ состоитъ изъ ряда статей, посвященныхъ вопросу о строеніи вещества, въ частности—электронной теоріи вещества (статья самого профес. Боргмана) и современному состоянію атомистической гипотезы (статья Ротсерфорда). Во второмъ сборникѣ въ рядѣ переводныхъ статей, написанныхъ такими авторитетами, какъ Ленардъ, Кэмбль, Томсонъ, Планкъ, трактуется проблема взаимоотношенія матеріи и эѳира и вопросъ о механическомъ міровоззрѣніи въ системѣ новѣйшей физики (статья Планка). Особенно цѣннымъ является недавно вышедшій третій сборникъ, посвященный такъ мало извѣстному у насъ и такъ волнующему ученый міръ принципу относительности. Здѣсь дана прежде всего статья Бурсіана, излагающая тотъ рядъ изслѣдованій и опытовъ въ области оптики, который привелъ впослѣдствіи къ установленію принципа относительности. Въ отдѣльныхъ статьяхъ (Классена, Франка, Льюиса, Эйнштейна) дано изложеніе принципа относительности и его роли въ современной физикѣ и механикѣ. Въ краткой замѣткѣ немыслимо дать представленіе о томъ переворотѣ въ нашихъ обычныхъ воззрѣніяхъ на время, который несетъ съ собой новое великое обобщеніе. Приведу лучше мнѣніе объ этомъ Макса Планка («Теорет. физика», 8 лекція): «Это новое понятіе о времени, конечно, требуетъ отъ физика большой способности къ абстракціи и большой силы воображенія. Оно превосходитъ по своей смѣлости все, что было сдѣлано до сихъ поръ въ области умозрительнаго естествознанія и въ философской теоріи познанія; въ сравненіи съ этимъ не-эвклидова геометрія—не больше, какъ дѣтская игрушка... По широтѣ и глубинѣ вызываемаго имъ переворота въ области физическаго міровоззрѣнія съ нимъ можно сравнить развѣ введеніе Коперниковской системы міра».

Царскаго пути къ истинѣ нѣтъ: усвоеніе содержанія и значенія принципа относительности потребуетъ немало усилій со стороны интересующагося читателя. Но усилія эти будутъ вполнѣ вознаграждены ознакомленіемъ съ одною изъ самыхъ революціонизирующихъ мысль концепцій современнаго естествознанія.

П. Юшкевичъ.

— С. Ю. Витте. «Конспектъ лекцій о народномъ и государственномъ хозяйствѣ».

Настоящій трудъ гр. С. Ю. Витте представляетъ собою лекціи, читанныя великому князю Михаилу Александровичу въ 1900—1902 г.г. Въ ряду работъ по экономической наукѣ разсматриваемая книга займетъ своеобразное мѣсто. Въ ней, совмѣстно съ изложеніемъ основъ экономической и финансовой науки, отведено обширное мѣсто экономической политикѣ Россіи, государственнымъ задачамъ и способамъ ихъ реализаціи. Такая своеобразность труда объясняется въ значительной степени лицомъ, которому читались лекціи: онѣ читались великому князю въ бытность его наслѣдникомъ престола. Лекторъ, кромѣ ознакомленія своего слушателя съ основами науки, не могъ не ставить себѣ и другой, чрезвычайно важной цѣли: выяснить очередныя государственныя нужды Россіи и пути къ ихъ удовлетворенію. Такъ, говоря о значеніи въ хозяйственной исторіи труда рабскаго, крѣпостного и свободнаго, авторъ, давъ краткій историческій очеркъ крѣпостничества въ Россіи, останавливается на настоящемъ положеніи крестьянства, на недостаткахъ этого положенія и выясняетъ безусловную необходимость окончательнаго устройства крестьянъ поднятіемъ личности крестьянина и дарованіемъ ему правъ, соотвѣтствующихъ тѣмъ, какими пользуются всѣ прочіе классы населенія.—Излагая теорію Маркса, авторъ останавливается на «рабочемъ вопросѣ», на положеніи рабочихъ классовъ и на мѣрахъ къ его улучшенію. «Успѣхъ—говоритъ авторъ—выпавшій на долю идей Маркса и его послѣдователей, въ значительной мѣрѣ обусловливается особенностями положенія рабочаго вопроса въ странахъ крупнаго промышленнаго производства, съ одной стороны, а съ другой — довольно безучастными въ теченіе долгаго времени отношеніями къ этому вопросу государственной власти. Имѣющіяся данныя о ходѣ промышленной жизни въ Англіи, Германіи и Соединенныхъ Штатахъ, хотя и обнаруживаютъ постепенный подъемъ средняго достатка, но въ то же время свидѣтельствуютъ о громадномъ ростѣ крупныхъ состояній немногихъ единицъ, а также о значительномъ числѣ слишкомъ ничтожныхъ состояній и доходовъ, неспособныхъ обезпечить даже наиболѣе настоятельныя потребности семейной жизни рабочихъ. Такимъ образомъ, рядомъ съ чрезмѣрными и все возрастающими богатствами отдѣльныхъ лицъ, все еще наблюдается современная нищета въ низшихъ слояхъ рабочаго населенія. Возможно пониженный размѣръ заработной платы и возможно большее удлиненіе рабочаго дня ставятся иногда ложно понятой основой увеличенія доходности предпріятія; къ развитію рабочаго въ нравственномъ отношеніи и въ дѣлѣ технической подготовки за-

ботъ не прилагается. Неизбѣжная въ этой обстановкѣ необезпеченность усиливается въ періоды торгово-промышленнаго застоя и перепроизводства; наступаютъ тяжкіе дни безработицы, въ корень подтачивающей благосостояніе рабочихъ массъ. Къ этому присоединяется скопленіе рабочей массы въ промышленныхъ центрахъ, влекущее за собой жилищную нужду, при чемъ тѣснота жилыхъ рабочихъ помѣщеній и ихъ неудовлетворительность служитъ причиною значительной заболѣваемости въ средѣ рабочаго класса. Наконецъ, чрезмѣрная работа, совѣстная работа обоихъ половъ, напряженіе въ работѣ неразвитаго организма подростковъ—все это, при прочихъ тягостныхъ условіяхъ, создаетъ рядъ неблагопріятныхъ вліяній, вызывающихъ ослабленіе семейныхъ узъ, нравственную распущенность, низкій уровень развитія, алкоголизмъ, возрастаніе преступности, увеличеніе болѣзненности, смертности и даже вырожденія».

Хотя указанныя темныя стороны рабочаго вопроса стали проявляться уже въ первое время вступленія западно-европейскихъ народовъ на путь промышленнаго капиталистическаго развитія, однако государственная власть на первыхъ порахъ относилась къ нимъ довольно безучастно. Законодательныя мѣропріятія ограничивались признаніемъ за рабочими права организаціи союзовъ самопомощи. Союзы эти съ теченіемъ времени получаютъ широкое развитіе; одновременно съ этимъ замѣтно ослабѣваетъ и даже вовсе прекращается противоправительственная агитація рабочихъ союзовъ, постоянно проявлявшаяся, пока они были тайными. Свобода рабочихъ союзовъ, по примѣру Англіи, узаконяется въ Швейцаріи, Франціи и, съ нѣкоторыми ограниченіями, въ Германіи и другихъ государствахъ Западной Европы. Разъ начавшееся подъ охраною закона, кооперативное движеніе среди рабочихъ постепенно принимало разнообразныя формы. Вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ сознаніе настоятельной необходимости вмѣшательства государства въ отношенія между рабочими и предпринимателями, такъ какъ только государственная власть, путемъ соотвѣтствующихъ законодательныхъ мѣропріятій, можетъ стать на защиту общественныхъ интересовъ, предоставляя, съ одной стороны, равную законодательную охрану правъ труду и капиталу, съ другой — создавая для представителей труда обстановку, въ которой они получаютъ возможность закономѣрно отстаивать свои интересы.—Россія, вступая на путь болѣе широкаго промышленнаго развитія много позже другихъ государствъ, имѣетъ предъ собою богатый опытъ для выхода на прямую дорогу гармоническаго развитія всѣхъ силъ. Ей легче, такимъ образомъ, избѣгать ошибокъ, сразу избравъ надлежащій путь соглашенія частныхъ и общественныхъ интересовъ.

Въ лекціи о трудѣ, о трудѣ производительномъ и непроизводительномъ, о соотношеніи производительныхъ и непроизводительныхъ классовъ общества въ народной экономіи, авторъ отмѣчаетъ, что въ числѣ условій, задерживающихъ производительность народнаго труда, первое мѣсто принадлежитъ милитаризму. Политическое и экономическое значеніе милитаризма—говоритъ онъ,—огромно. Заставляя государства постоянно готовиться къ войнѣ, искусственно создавать и увеличивать классы людей, въ ней заинтересованныя, милитаризмъ усиливаетъ возможность и вѣроятность войны. Современная организація вооруженныхъ силъ позволяетъ государствамъ выставлять арміи громадной численности. Содержаніе армій подобной численности требуетъ отъ государства весьма большихъ денежныхъ расходовъ ($^1/_5$ — $^1/_3$ государственнаго бюджета) и отвлекаетъ часть наиболѣе способнаго къ работѣ населенія отъ экономически производительнаго труда, что вредно отражается на народномъ хозяйствѣ. Кромѣ того, при значительности военныхъ расходовъ, правительства лишены возможности дѣлать въ надлежащей мѣрѣ затраты на увеличеніе культурныхъ и производительныхъ силъ народа. Отсюда видно, какимъ тяжелымъ гнетомъ на народную жизнь ложится содержаніе вооруженной силы въ мирное время. Все съ большимъ и большимъ трудомъ выносятъ народы это подавляющее бремя.—Авторъ привѣтствуетъ Гаагскую конференцію но не можетъ не признать, что результаты ея пока весьма незначительны.

Выше мы высказали мысль, что одною изъ причинъ своеобразнаго характера книги гр. С. Ю. Витте является соціальное положеніе лица, для котораго составлялись лекціи. Но есть тому и другая причина. Она заключается въ соціальномъ положеніи самого автора. Гр. С. Ю. Витте—государственный человѣкъ. Наиболѣе выпуклыя черты его дѣятельности до манифеста 17 октября состояли въ различныхъ мѣрахъ къ поднятію промышленности въ странѣ. Въ числѣ такихъ мѣръ важнѣйшими были расширеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ, защита промышленности протекціонными пошлинами, привлеченіе иностранныхъ капиталовъ, распространеніе техническаго образованія, денежная реформа. Эта практическая дѣятельность автора отразилась и въ его книгѣ. Указаннымъ предметамъ отведено въ ней видное мѣсто. Такъ напр., вопросу о значеніи въ народномъ хозяйствѣ желѣзныхъ дорогъ посвящены цѣлыя три главы; протекціонизмъ разсматривается въ двухъ главахъ, деньги и денежныя системы въ четырехъ. Справедливо придавая большое экономическое и политическое значеніе денежной реформѣ, установившей золотую валюту, авторъ, какъ бы опасаясь возможности

возврата при стеченіи неблагопріятныхъ внѣшнихъ осложненій, къ бумажному обращенію, ярко изображаетъ всѣ вредныя его послѣдствія.

За немногими исключеніями, положенія экономической науки и экономической политики, солидно обоснованы въ книгѣ гр. С. Ю. Витте. Большое ея достоинство—ясность и изящество изложенія.

И. Иванюковъ.

— Торговля и промышленность Европейской Россіи по районамъ. Общая часть и приложенія, выпуски I—XII. Спб.

Обычные типы цифровой характеристики экономической жизни Россіи не охватываютъ (за неимѣніемъ для того данныхъ) сколько-нибудь полно торговую дѣятельность населенія; въ промышленной области оставляютъ неучтенной (по той же причинѣ) мелкія—кустарную и ремесленную—отрасли труда; не стремятся къ тому, чтобы выразить состояніе описываемыхъ отраслей общею для всѣхъ единицей мѣры; имѣютъ главной цѣлью характеристику промышленныхъ *отраслей*, а не хозяйственныхъ *раіоновъ* Россіи,—а по отношенію къ этимъ послѣднимъ довольствуются такими крупными и лишенными хозяйственнаго единства территоріальными единицами, какъ губернія, иногда уѣздъ.

Названное въ заголовкѣ этой замѣтки недавно вышедшее изданіе министерства промышленности и торговли въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличается совершенно другими свойствами. Оно охватываетъ какъ промышленность (кромѣ сельско-хозяйственной), такъ и торговлю, напряженность той и другой выражаетъ въ общей обѣимъ денежной мѣрѣ и главной своей задачей ставитъ характеристику не промышленности и торговли самихъ по себѣ, а торгово-промышленныхъ типовъ различныхъ мѣстностей европейской Россіи, пренебрегая при этомъ административными границами губерній и уѣздовъ и стремясь составить, естественные характеризующіеся хозяйственными признаками раіоны. По свойству своего основного матеріала—данныя, касающіяся отдѣльныхъ предпріятій, съ точнымъ указаніемъ ихъ мѣстонахожденій,—мин-во торговли и промышленности при составленіи хозяйственныхъ раіоновъ могло бы пренебрегать всякими искусственными административными дѣленіями; но такъ какъ точныя, постоянныя границы на географическихъ картахъ имѣются лишь для волостей, а не для болѣе мелкихъ территорій, то волость и была принята за первичную территоріальную единицу при составленіи самыхъ мелкихъ естественныхъ хозяйственныхъ «раіоновъ», соединяющихся затѣмъ въ группы и полосы.

Главнымъ матеріаломъ для выполненія задуманнаго труда—расчлененія территоріи европейской Россіи на естественные хозяйственные раіоны—служили свѣдѣнія податной инспекціи относительно оборотовъ болѣе чѣмъ полумилліона торговыхъ и промышленныхъ предпріятій европейской Россіи. Этотъ матеріалъ признанъ, однако, недостаточнымъ, потому что промысловое обложеніе не касается массы мелкихъ предпріятій и всей обширной области сельскаго хозяйства, вслѣдствіе чего «часто случается, что мѣстности съ очень крупной производительностью имѣютъ очень малые торгово-промышленные обороты и рисуются при помощи данныхъ податной инспекціи совершенно неправильно». Недостаточность этихъ данныхъ вполнѣ очевидна, если имѣть въ виду характеристику мѣстностей въ сел.-хозяйственномъ отношеніи; и естественнымъ послѣдствіемъ сказаннаго, казалось бы, должно быть дополненіе вышеуказанныхъ матерьяловъ свѣдѣніями о сборахъ хлѣбовъ. Но въ печатныхъ публикаціяхъ эти свѣдѣнія сгруппированы по уѣздамъ, а не по волостямъ; поволостные же итоги можно получить лишь путемъ разработки сырого матеріала, поступающаго въ Центральный Стат. Комитетъ. Спеціальный подсчетъ данныхъ этого матеріала потребовалъ бы массы труда; но если имѣть въ виду періодическое повтореніе работы, выполненной Мин. Торг. и Пром. (какъ объ этотъ говорится въ разсматриваемомъ изданіи) и заранѣе намѣтить время такого повторенія,—то Ц. Ст. Ком. могъ бы установить поволостные итоги сбора хлѣбовъ при сводкѣ соотвѣтствующихъ данныхъ для своихъ ежегодныхъ публикацій. Мы не знаемъ, возникалъ ли при составленіи разсматриваемаго труда вопросъ объ учетѣ сел.-хоз. производительности Россіи, и скажемъ только, что такого учета главной нашей промышленности въ этомъ трудѣ не имѣется. Для нѣкотораго исправленія недостатковъ, происходящихъ отъ отсутствія учета сельскаго хозяйства, мелкой промышленности и др., М. Т. и Пр. припривлекаетъ къ характеристикѣ раіоновъ статистическія свѣдѣнія о перевозкѣ товаровъ по желѣзнымъ и воднымъ путямъ сообщенія, а также таможенныя данныя о ввозѣ и вывозѣ и свѣдѣнія о мелкихъ промышленныхъ предпріятіяхъ и ярмаркахъ, заимствованныя изъ различныхъ рукописныхъ и печатныхъ источниковъ. Кромѣ задачи дополненія характеристики торгово-промышленной физіономіи различныхъ мѣстностей Россіи, данныя о грузооборотѣ вносятъ и новую черту въ эту характеристику: «они позволяютъ уяснить взаимную зависимость производительныхъ, распредѣлительныхъ и потребительныхъ рынковъ, возникающую на основѣ ихъ товарнаго обмѣна».

Основнымъ предметомъ разсматриваемаго труда—наиболѣе важнымъ и занявшимъ наиболѣе мѣста—является характеристика 1065

мельчайшихъ хозяйственныхъ раіоновъ европейской Россіи, съ краткимъ историческимъ очеркомъ развитія ихъ промышленности и торговли. Заключающіяся здѣсь данныя могутъ служить матеріаломъ для различныхъ комбиницій и группировки. Такія группировки даны и самимъ изданіемъ образовавшимъ 75 группъ раіоновъ, разбитыхъ затѣмъ на 12 полосъ, въ совокупности представляющихъ территорію 65-ти губерній европейской Россіи. Характеристика этихъ полосъ, съ далеко проведеннымъ подраздѣленіемъ оборотовъ торговли, промышленности и грузового движенія по ихъ роду, предшествуетъ описанію мелкихъ раіоновъ.

Основная идея и общая схема разсматриваемаго труда принадлежитъ В. П. Семенову Тянъ-Шанскому; идея включенія въ обзоръ данныхъ грузооборота и планъ ихъ разработки даны К. Г. Голубковымъ; ближайшее участіе въ выполненіи работы принималъ еще Н. М. Штруппъ. Использованные въ изданіи матеріалы относятся къ 1900 г.; обработка огромнаго матеріала торгово-промышленной и грузовой статистики, при скудныхъ средствахъ Мин. Пром. и Торг., потребовала восьми лѣтъ труда, а выпускъ готовой книги изъ канцеляріи послѣдовалъ лишь въ 1911 г.—черезъ 11 лѣтъ послѣ того года, къ которому относятся разработанныя въ немъ свѣдѣнія. Они имѣютъ, поэтому, скорѣе научный, чѣмъ практическій интересъ, и можно только присоединиться къ мысли, выраженной въ изданіи—о періодическомъ повтореніи подобныхъ изслѣдованій уже на спеціально - ассигнованныя средства. Если при этомъ будутъ учтены и продукты сельско-хозяйственной дѣятельности, то въ рукахъ изслѣдователя окажется достаточно полный и весьма цѣнный матеріалъ для болѣе точнаго познанія хозяйственной жизни различныхъ—крупныхъ и мелкихъ—территорій обширнаго нашего отечества. Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не высказать сожалѣнія о томъ, что этотъ важный трудъ М. Пр. и Торг.—за отсутствіемъ его въ продажѣ—не получитъ того распространенія, какого онъ заслуживаетъ и по новизнѣ идеи, и по его значенію не только для ученыхъ и писателей по экономическимъ предметамъ, но и для мѣстныхъ общественныхъ и практическихъ дѣятелей, живо чувствующихъ недостатокъ мѣстной экономической статистики.

— В. Вельскій (В. Кирьяковъ). Выбитые на хутора. Москва, 1912. Ил. Чернышевъ. Крестьяне объ общинѣ наканунѣ 9 ноября 1906 года. Спб., 1912.

Обѣ книжки трактуютъ объ одномъ предметѣ:—отношеніи крестьянъ къ общинѣ; но тогда какъ первая изъ нихъ основана на

личныхъ наблюденіяхъ новѣйшаго землеустроительнаго дѣла, вторая заключаетъ сводку отзывовъ объ общинѣ земскихъ корреспондентовъ, собранныхъ еще въ 1902 г., но появившихся въ печати впервые. Г. Вельскій, «замѣшанный на старыхъ дрожжахъ народничества», пожелалъ личнымъ наблюденіемъ провѣрить противорѣчивыя мнѣнія о ходѣ новѣйшаго землеустроительнаго дѣла и обѣщалъ своимъ собесѣдникамъ по вопросу о современныхъ теченіяхъ въ общинѣ представить по этому предмету «фотографическіе снимки съ натуры», воздерживаясь отъ самыхъ даже очевидныхъ личныхъ заключеній. Г. Вельскій избралъ для наблюденія Псковскую губернію — можетъ быть вслѣдствіе близости ея къ Петербургу, но главнымъ образомъ, вѣроятно, потому, что онъ имѣлъ знакомство съ мѣстными землеустроителями; но онъ пожелалъ придать своему выбору принципіальное основаніе, и даже не одно, а два, исключающихъ другъ друга. Онъ остановился на Псковской губерніи, потому что «гдѣ же было и сохраниться общинному духу», какъ не здѣсь, не подъ столицей одного изъ древнихъ нашихъ народоправствъ, какъ не въ колыбели русской земельной общины?» (с. 8); и онъ же избралъ эту мѣстность въ виду того обстоятельства, что земельная община «давно находилась здѣсь въ омертвѣломъ» состояніи (с. 7). Выборъ оказался болѣе чѣмъ удачнымъ: «омертвѣлое» состояніе общины показалось автору дѣйствительно омертвѣлымъ; вздувшееся на народническихъ дрожжахъ тѣсто быстро опало; и обѣщаніе воздерживаться отъ личныхъ обобщеній не устояло передъ напоромъ лирическихъ чувствъ, рвущихся наружу, несмотря на то, что область непосредственныхъ наблюденій автора ограничилась двумя - тремя селеніями. Сказаннымъ опредѣляется значеніе разсматриваемой книжки какъ матеріала для разрѣшенія вопроса объ «общинномъ духѣ» русскаго народа. Но если позабыть объ авторской претензіи и отнестись къ его замѣткамъ, какъ къ картинкамъ съ натуры, то нельзя не признать ихъ интереса и значенія въ ряду другихъ данныхъ, рисующихъ ходъ землеустроительнаго дѣла въ начальныхъ его фазахъ и въ мѣстности нечерноземной полосы съ полуомертвѣлымъ состояніемъ общиннаго землевладѣнія.

Книжка г. Чернышева имѣетъ задачей показать, что новѣйшая землеустроительная политика не есть что-то съ неба свалившееся на нашу земельную общину, что она находится въ соотвѣтствіи какъ съ интересами, такъ и съ мнѣніями части крестьянъ и была даже предуказана послѣдними, въ отзывахъ на запросъ Смоленской Губернской Земской Управы, сводка которыхъ составляетъ главное содержаніе разсматриваемаго труда. Мнѣнія крестьянъ, изложенныя въ этомъ трудѣ, не представляютъ чего-либо новаго въ

литературѣ; но, сведя въ одной книжкѣ мнѣнія объ общинѣ 186-ти крестьянъ-корреспондентовъ Смоленскаго земства, г. Чернышевъ умножилъ литературный по этому вопросу матеріалъ, и сдѣлалъ часть его легко доступной всякому, интересующемуся предметомъ. Противники общины оказались, по его подсчету, въ большинствѣ почти $^2/_3$; но что въ дѣйствительности ихъ число не достигаетъ не только простого большинства, но и одной трети членовъ общины — видно изъ того, что недостатки послѣдней, вызывающіе ихъ жалобы, остаются неустраненными, несмотря на то, что для производства напр. передѣловъ земли требуется согласіе $^2/_3$ голосовъ.

Эта неопредѣленность положенія вопроса о количественномъ соотношеніи противниковъ и защитниковъ общины, въ связи съ тѣмъ, что аргументы первыхъ высказывались крестьянами и не-крестьянами на протяженіи болѣе ста лѣтъ,—значительно ограничиваютъ доказательную силу утвержденія автора о развитіи въ общинѣ силъ «стремившихся разорвать эту форму землевладѣнія», какъ о явленіи новѣйшаго времени. Нельзя считать убѣдительнымъ и заключеніе автора, что «община разрушается не декретомъ 9 ноября, а *экономическимъ* процессомъ, подготовившимъ почву для воспріятія населеніемъ этого декрета»—разъ мы видимъ, что авторомъ оставлены безъ разсмотрѣнія не только обще-экономическія, но и культурныя, и политическія условія развитія общины,—являющіяся, быть можетъ, даже главной причиной неустройства общиннаго быта и непримѣненія общиной средствъ для согласованія разнородныхъ стремленій ея членовъ. И всѣмъ намъ извѣстно, что, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, община не только не представляетъ образца застоя, вызывающаго столько жалобъ земскихъ корреспондентовъ, но является важнымъ факторомъ агрикультурныхъ преобразованій, вызывающимъ удивленіе и ученыхъ знатоковъ зап. европейскаго хозяйства (покойный А. И. Чупровъ), и практическихъ дѣятелей, содѣйствовавшихъ крестьянамъ въ ихъ преобразовательной работѣ (агрономъ Зубрилинъ), и оффиціальныхъ обозрѣвателей сел.-хоз. жизни Россіи (В. В. Морачевскій). Но г. Чернышевъ ограничился въ своихъ сужденіяхъ матеріалами, не выходящими за предѣлы поля зрѣнія нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, половина коихъ, къ тому же, лично заинтересованы въ вопросѣ. Его работа имѣетъ, поэтому, интересъ не какъ освѣщеніе вопроса объ общинѣ, въ качествѣ фактора сел.-хоз. прогресса, или хотя бы выясненіе того, «какія причины подготовили почву для принятія крестьянами указа 9-го ноября», а какъ сводка мнѣній нѣкоторыхъ группъ крестьянъ, сложившихся подъ вліяніемъ и узкихъ личныхъ интересовъ, и стремленія къ свободѣ хозяйственной дѣятельности, и порядковъ общинной

жизни, обусловленныхъ бѣдностью, малоземельемъ, безправіемъ и искусственно поддерживаемымъ невѣжествомъ населенія.—В. В.

— Сборникъ археологическихъ статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому въ день 25-лѣтія предсѣдательства его въ Императорской Археологической Комиссіи. Со многими таблицами и рисунками С.-Петербургъ, 1911 г.

Въ нашей небогатой археологической литературѣ настоящій сборникъ представляетъ цѣнное пріобрѣтеніе. Четырнадцать статей сборника, принадлежащихъ выдающимся спеціалистамъ, посвящены очереднымъ и существеннымъ вопросамъ археологическаго знанія. Проф. Э. Р. фонъ-Штернъ, недавно занявшій каѳедру Эд. Мейера и Низе въ Галле, далъ блестящій этюдъ «Изъ жизни дѣтей въ греческихъ колоніяхъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря». На основаніи новѣйшаго археологическаго матеріала, добытаго главнымъ образомъ изъ раскопокъ на Березанѣ, авторъ конструируетъ жизнь дѣтей до-школьнаго періода въ греческихъ колоніяхъ Черноморья. Матери имѣли обыкновеніе хоронить дѣтей вмѣстѣ съ ихъ игрушками; теперь эти игрушки (куклы, кукольныя одежды, свистульки, изображенія различныхъ звѣрей и т. д.) даютъ возможность узнать чѣмъ забавлялся греческій ребенокъ. Добытымъ матеріаломъ разрѣшается рядъ важныхъ вопросовъ культурной жизни греческихъ колоній отъ VI вѣка до Р. Х. до эллинистической эпохи. Обширная работа Б. В. Фармаковскаго подъ спеціальнымъ и нѣсколько узкимъ заглавіемъ: «Золотыя обивки налучій (горитовъ) изъ Чертоминцкаго кургана и изъ кургана въ м. Ильинцахъ», даетъ образцовое изслѣдованіе по классическимъ древностямъ юга Россіи. Подвергнувъ тщательному и детальному анализу (съ цѣлымъ рядомъ тонкихъ и остроумныхъ сопоставленій) золотыя налучія Чертоминцкаго и Ильинецкаго кургановъ, авторъ, вопреки высказывавшемуся ранѣе мнѣнію, что эти шедевры греческой торевтики относятся къ V или IV в. до Р. Хр., приводитъ весьма убѣдительныя доказательства тому, что они должны быть датированы II-мъ вѣкомъ до Р. Хр. и не сдѣланы въ какой-либо греческой колоніи юга Россіи, а привезены туда изъ Іоніи, скорѣе всего—изъ Милета. Спеціальный этюдъ проф. Фармаковскаго, помимо своего значенія для исторіи античнаго искусства, весьма важенъ по своимъ выводамъ и для хронологіи такъ называемыхъ скиѳскихъ кургановъ. Статья М. И. Ростовцева: «Роспись Керченской гробницы, открытой въ 1891 году» посвящена культурной исторіи Пантикапея, въ особенности его религіознымъ культамъ и ихъ отраженіямъ въ росписи. Исключительная эрудиція автора

даетъ ему возможность сдѣлать рядъ интереснѣйшихъ экскурсовъ и привести рядъ любопытныхъ аналогій. Статья Р. Х. Лепера: «Слѣды синойкизма двѣнадцати государствъ Аттики», не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ древностямъ Россіи, но трактуетъ о важномъ и существенномъ вопросѣ древне-аѳинской исторіи. Статьи гг. Шкорпила и академика Латышева посвящены спеціальнымъ вопросамъ исторіи Воспора и средневѣковаго Кавказа. Статья А. А. Спицина: «Скиѳы и Гальштаттъ», резюмирующая его археологическія изысканія, представляетъ большой интересъ, т. к. во многомъ по новому ставитъ вопросъ о скиѳахъ, скиѳской культурѣ и отношеніяхъ скиѳовъ къ западному Гальштатту. Надо лишь пожелать, чтобы авторъ вернулся къ затронутымъ вопросамъ въ болѣе обширной работѣ. Русскимъ церковнымъ древностямъ посвящены обстоятельныя работы К. К. Романова—«Святославовъ Крестъ» въ г. Юрьевѣ Польскомъ, Д. В. Мицнева— «Древніе полы въ Кіевскомъ соборѣ Св. Софіи» и П. П. Покрышкина— «Благовѣщенская церковь въ суздальскомъ монастырѣ». Нумизматика представлена въ сборникѣ небольшими замѣтками гг. Маркова и Булычова. Замыкаетъ книгу изслѣдованіе Ѳ. А. Брауна: «Днѣпровскій порогъ въ рунической надписи».—И. Бороздинъ.

— Статистическій атласъ города Москвы. Территорія, составъ населенія, грамотность и занятія. Составленъ статистическимъ отдѣломъ Московской Городской Управы. Изд. М., 1911 г.

Это изданіе, основанное на данныхъ однодневной переписи 1902 г., распадается на четыре части. Первая часть посвящена разсмотрѣнію территоріи Москвы, общаго прироста московскаго населенія и его территоріальнаго распредѣленія. Вторая часть показываетъ распредѣленіе населенія Москвы по разнымъ демографическимъ признакамъ (полъ, возрастъ, мѣсторожденіе, семейное состояніе, сословіе, вѣроисповѣданіе, родной языкъ). Третья часть посвящена вопросамъ о грамотности московскаго населенія; четвертая—знакомитъ съ распредѣленіемъ населенія по занятіямъ и съ разселеніемъ представителей разныхъ профессій по территоріи Москвы и ея пригородовъ. Вся работа—и текстовая, и графическая—выполнена весьма добросовѣстно. Въ 1902 г. въ Москвѣ было 59,01% грамотныхъ среди всего населенія или 64% среди лицъ обоего пола старше 5 лѣтъ. При грамотности всего населенія Европейской Россіи въ 22,9%, городской его части—въ 48,9%, грамотность Москвы производитъ сравнительно хорошее впечатлѣніе, хотя болѣе трети москвичей не умѣютъ ни читать, ни писать. Какъ и повсюду въ Россіи, въ Москвѣ

различна степень распространенія грамотности между мужчинами и женщинами. Изъ 570.816 мужчинъ въ возрастѣ отъ 5 лѣтъ и старше неграмотныхъ оказалось 142.071 (24,9% населенія мужского пола), а изъ 437.404 женщинъ—220.766 (50,57%). Въ возрастѣ отъ 5 до 7 лѣтъ грамотныхъ въ Москвѣ насчитывается только 1/10 часть. Въ школьномъ возрастѣ, отъ 8 до 11 лѣтъ, процентъ грамотныхъ дѣтей сразу рѣзко увеличивается: въ этомъ возрастномъ періодѣ болѣе 3/4 всѣхъ дѣтей грамотны. Неодинакова степень грамотности коренного и пришлаго населенія; послѣднее, въ особенности его женская половина, менѣе грамотно, чѣмъ первое. Среди коренныхъ москвичекъ грамотныхъ почти 3/4, среди пришлыхъ женщинъ грамотныя составляютъ всего 2/5. Изъ 344.989 чел. неграмотныхъ обоего пола старше 5 лѣтъ одну треть составляютъ рабочіе. За рабочими по неграмотности идетъ группа домашней прислуги, въ особенности женской, 73% которой неграмотно. Даже среди лицъ, имѣющихъ наемныхъ рабочихъ, процентъ неграмотныхъ очень великъ: 1/3 хозяекъ и 1/5 хозяевъ совершенно неграмотны. Сравненіе грамотности населенія Москвы съ нѣкоторыми крупными городами показываетъ, что среди русскихъ городовъ Москва по грамотности стоитъ на первомъ мѣстѣ (въ Петербургѣ—61,8% грамотныхъ, въ Варшавѣ—61,4%), но до Вѣны и Парижа ей далеко: въ первой—95,7% грамотныхъ, во второмъ—94,7%.

— Отчетъ о состояніи народнаго здравія и организаціи врачебной помощи въ Россіи за 1909 годъ. Изданіе Управленія Главнаго Врачебнаго Инспектора. С.-Петербургъ, 1911 г.

При отсутствіи у насъ для всей имперіи правильной статистики смертности съ обязательнымъ удостовѣреніемъ причины смерти врачами, при ясно выраженной необезпеченности населенія медицинской помощью, нельзя ожидать, чтобы отчетъ, издаваемый центральнымъ медицинскимъ органомъ, давалъ вѣрную и полную картину состоянія народнаго здравія за извѣстный періодъ. За неимѣніемъ лучшаго, приходится довольствоваться и тѣмъ, что даетъ отчетъ. Къ концу отчетнаго года въ имперіи числилось 19.866 гражданскихъ врачей, 24.793 фельдшеровъ и фельдшерицъ, 13.039 повивальныхъ бабокъ, 11.415 фармацевтовъ, 5.703 зубныхъ врачей и дантистовъ. Изъ врачей 72% находились въ городахъ, 28% жили въ негородскихъ поселеніяхъ. Въ городахъ на одного врача приходилось 1.500, въ негородскихъ поселеніяхъ—24.600 чел. Въ среднемъ по всей имперіи на одного врача приходилось 7.800 жителей. Отчетный годъ, по развитію эпидемическихъ

заболѣваній и коэффиціенту смертности, былъ мало благопріятенъ. Смертность въ Европейской Россіи составляла 28,9 на 1000 населенія и была выше, чѣмъ въ 1907 и 1908 г.г. Рождаемость—43,8 на 1000—была наименьшей за послѣднія 20 лѣтъ. Естественный приростъ населенія—14,9. Въ абсолютныхъ цифрахъ въ Европейской Россіи (безъ Финляндіи), съ привислинскими губерніями, зарегистрировано 5545901 родившихся и 3661808 умершихъ. Наибольшая смертность (свыше 35 на 1000) наблюдалась въ губерніяхъ пермской, вятской, оренбургской, астраханской, воронежской и московской, наименьшая смертность (ниже 20 на 1000)—въ губерніяхъ остзейскихъ, виленской, ковенской, минской, варшавской, калишской, кѣлецкой, ломжинской, плоцкой, сувалкской. Особенно велика дѣтская смертность, преимущественно среди дѣтей до 1 года. Если сравнить, въ этомъ отношеніи, хотя бы только наши города съ европейскими, то станетъ ясно, почему у насъ такъ велика общая смертность. Изъ 1000 родившихся умерло въ возрастѣ до 1 года въ Москвѣ — 316, въ Петербургѣ — 242, въ Варшавѣ—175, въ Одессѣ—176, въ Лондонѣ—108, въ Парижѣ—97, въ Амстердамѣ—82. Есть болѣзни, отъ которыхъ мы теряемъ десятки тысячъ людей и которыя либо уже вовсе неизвѣстны во многихъ европейскихъ государствахъ, либо уносятъ тамъ сравнительно небольшое число жертвъ. Къ такимъ болѣзнямъ относятся, напр., оспа и тифъ. Въ 1909 г. на 100.000 жителей умерло отъ оспы въ Россіи—54 чел., въ Италіи — 2,2, въ Венгріи — 0,5, во Франціи — 0,2, въ Англіи—0,1, въ Пруссіи—0,1 ч.; отъ тифа на то же количество населенія умерло въ въ Россіи—100 чел., въ Пруссіи—4,9, въ Англіи—6, въ Норвегіи—3,4. Медицинскимъ персоналомъ зарегистрировано въ отчетномъ году 81746072 больныхъ, что даетъ цифру 524 на 1000 населенія. Изъ всего числа больныхъ 66,3% были пользованы врачами, остальные 33,7%—фельдшерскимъ персоналомъ. Въ общей массѣ зарегистрированныхъ больныхъ 18,1% приходится на долю заразныхъ болѣзней, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ малярія, давшая 3.555.315 заболѣваній; больныхъ брюшнымъ тифомъ зарегистрировано 511.000 ч., дифтеріей—461.722 чел., скарлатиной—416.767 чел., сыпнымъ тифомъ—180.724 чел., возвратнымъ—128.728 чел., оспой—143.790 чел., азіатской холерой—24.008 чел.

Къ исполненію воинской повинности въ отчетномъ году призывалось 1.304.701 чел., въ томъ числѣ 1.201.875 лицъ, призывного возраста. Освидѣтельствованію были подвергнуты 717.553 лица, изъ коихъ 11,2% были признаны совсѣмъ неспособными къ военной службѣ, 9,1%—неспособными къ службѣ въ постоянныхъ войскахъ

и 13%—подлежащими отсрочкѣ по невозмужалости и для излѣченія болѣзней.

— Д-ръ мед. В. П. Кравковъ. Заразные факторы людского злополучія и раціональныя нормы практической постановки мѣръ личной, общественной и правительственной борьбы съ ними. Ярославль, 1910 г. Ц. 2 р. 75 к.

Книга д-ра Кравкова, предназначенная для широкаго круга читателей, преимущественно же для вспомогательнаго медицинскаго персонала и лицъ, завѣдующихъ самостоятельными частями разныхъ вѣдомствъ, учрежденій и управленій, вполнѣ отвѣчаетъ той цѣли, для которой она написана. Справедливо указывая съ одной стороны на то, что въ нашемъ даже образованномъ обществѣ мало распространены хотя бы самыя элементарныя свѣдѣнія по гигіенѣ, съ другой стороны—что «по самой природѣ вещей дѣятельность врача не можетъ быть такъ обособлена, чтобы полезный коэффиціентъ ея не опредѣлялся въ значительной степени уровнемъ какъ общаго, такъ и гигіеническаго развитія окружающихъ лицъ, авторъ знакомитъ читателей съ основами гигіены, съ ученіемъ о заразныхъ болѣзняхъ, со средствами самозащиты организма, съ внѣшними мѣрами борьбы противъ инфекціонныхъ болѣзней и т. д. Выгодно отличаетъ книгу д-ра Кравкова отъ многихъ популярныхъ сочиненій по гигіенѣ то, что авторъ все время обращаетъ вниманіе читателя главнымъ образомъ на гигіеническія мѣропріятія общественнаго характера, справедливо видя въ нихъ основу и личнаго здравоохраненія.

В. Б—ъ.

— Самоубійства, покушенія на самоубійство и несчастные случаи среди учащихся учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1909 году. Подъ редакціей проф. Г. В. Хлопина. С.-Петербургъ, 1911 г.

Общій ростъ числа самоубійствъ въ странѣ не могъ не отразиться и на школѣ; въ настоящее время дѣло дошло до того, что говорятъ уже объ эпидеміи школьныхъ самоубійствъ. Подъ такимъ именно заглавіемъ вышла недавно работа проф. Н. М. Попова, собравшаго матеріалъ о самоубійствахъ въ одномъ изъ учебныхъ округовъ. Оффиціальные отчеты по этому вопросу издаются министерствомъ народнаго просвѣщенія съ 1905-го года. Послѣдній отчетъ, относящійся къ 1909 г., даетъ сводку за пятилѣтній періодъ. Изъ сводки видно, что число самоубійствъ и покушеній все растотъ: въ

1905 г. зарегистрировано тѣхъ и другихъ 27, при чемъ въ этомъ году нѣтъ еще самоубійствъ среди дѣвочекъ, а въ 1909 г. число самоубійствъ и покушеній доходитъ до 212 (145 мальчиковъ и 67 дѣвочекъ). На милліонъ учащихся — 3,2 случая. По различнымъ категоріямъ учебныхъ заведеній самоубійства (безъ покушеній) въ абсолютныхъ цифрахъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ низшихъ школахъ—14, въ среднихъ—102 въ высшихъ—22. Къ сожалѣнію отчетъ, въ смыслѣ статистической разработки матеріала довольно элементарный, не приводитъ цифръ общаго числа учащихся въ разнаго рода учебныхъ заведеніяхъ, вслѣдствіе чего нельзя опредѣлить интенсивности явленія для каждаго рода учебныхъ заведеній. Среди самоубійцъ встрѣчаются дѣти въ возрастѣ 11—12 лѣтъ (правда, единичные случаи); дальше число ихъ быстро наростаетъ, достигая maximum'а въ 17—18 лѣтъ. По мѣсяцамъ года на первомъ мѣстѣ по числу самоубійствъ стоитъ май: послѣднія мѣста занимаютъ іюнь и іюль. Вообще maximum самоубійствъ замѣчается весной и лѣтомъ, учащіеся же именно лѣтомъ даютъ меньше всего самоубійствъ. Конечно, цифры слишкомъ малы для того, чтобы дѣлать изъ нихъ какіе-нибудь выводы; но нельзя не замѣтить, что мѣсяцы, когда школа не дѣйствуетъ, даютъ меньше всего самоубійствъ. Изъ учебныхъ округовъ въ Петербургскомъ, Московскомъ и Одесскомъ отмѣчено по 20 самоубійствъ, въ Казанскомъ и Кіевскомъ—по 12. Среди способовъ самоубійства первое мѣсто принадлежитъ огнестрѣльному оружію, къ которому прибѣгло 66 чел.; путемъ отравленія покончило съ собой—42 чел., черезъ повѣшеніе—20 чел. Что касается причинъ самоубійствъ, то къ статистическимъ даннымъ, пытающимся освѣтить этотъ вопросъ, надо, конечно, относиться съ большой осторожностью: чаще всего истинная причина остается неразгаданной или изъ сложной цѣпи причинъ, приведшихъ къ роковому концу, вырывается одна, и ее объявляютъ единственной. Сугубая осторожность требуется въ данномъ случаѣ когда центральный органъ долженъ дѣлать свои выводы на основаніи донесеній мѣстнаго начальства, въ объективности которыхъ позволительно сомнѣваться. По отчету выходитъ, что 27,2% общаго числа самоубійствъ падаетъ на нервныя и душевныя болѣзни, 6,2%—на школьныя причины, 9,8—на школьно-домашнія, 12,6%—на домашнія и 9,8%—на романическія. Несчастныхъ случаевъ отмѣчено въ 1909 г. 217, изъ нихъ со смертельнымъ исходомъ—93.

Въ видѣ приложенія къ отчету помѣщено нѣсколько писемъ и записокъ самоубійцъ.

В. Б—ъ.

Въ теченіе января мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Авенаріусъ, В. П. Дочь посадничья. Повѣсть для юношества. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

— Среди враговъ. Дневникъ юноши, очевидца войны 1912 года. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р.

Аріянъ, П. Н. Первый женскій календарь. На 1912 годъ. Спб., Цѣна 1 р.

Барацъ, Г. М. О библейскомъ элементѣ въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Кіевъ. 1912 г. Цѣна 40 коп.

Бекфордъ. Ватакъ. Арабская сказка. Пер. Бор. Зайцева, Москва, 1912 г. Цѣна 80 коп.

Булгаковъ, Вал. Университетъ и университетская наука. Москва, 1912 г.

Вальденбергъ, В. Государственныя идеи Крижанича. Изслѣдованіе. Спб., Цѣна 2 р. 50 коп.

Вальтеръ, В. Г. Рихардъ Вагнеръ. Спб., 1912 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

— Смычковые концерты Бетховена Спб., 1912 г. Цѣна 30 коп.

Василевскій Г. Интеллигентная земледѣльческая община Криница. Изд. 2-ое. Спб., Цѣна 85 коп.

Витошинскій, Е. М. Педагогическія идеи Н. И. Пирогова. Варшава, 1911 г. Цѣна 30 коп.

Витошинскій, Е. М. Русскіе писатели XIX вѣка. I. А. С. Пушкинъ. Опытъ учебника для средней школы и самообразованія. Вып. I. Варшава, 1911 г. Цѣна 35 коп.

Гауптманъ, Г. Бѣгство Габріэля Шиллинга. Драма, въ 5 дѣйствіяхъ. Москва, 1912 г. Цѣна 75 коп.

Ге, Маргарита. Анна Ванъ-Ли. Драма. Москва, 1912 г. Цѣна 40 коп.

Гиляровская, Н. Стихи, Москва, 1912 г. Цѣна 50 коп.

Гольдштейнъ, I. М. Синдикаты и тресты и современная экономическая политика. Часть I. Изд. II. Москва, 1912 г. Цѣна 2 руб.

Демель, Рихардъ. Собраніе сочиненій. Т. II. Странички жизни. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 20 коп.

Демковъ. М. И. Исторія западно-европейской педагогики. Москва, 1912 г. Цѣна 2 р.

Дмитріевы-Мамоновы. Составили и издали А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ и В. А, Дмитріевъ-Мамоновъ Спб., 1912 г.

Добролюбовъ, Н. А. Собраніе сочиненій. Подъ ред. Вл. П. Кранихфельда. Т. V, VI, VII и VIII. Спб., 1912 г. Цѣна каждаго тома 1 р.

Довнаръ-Запольскій, М. В. Исторія русскаго народнаго хозяйства. Томъ I. Кіевъ, 1912 г. Цѣна 3 р.

Добржинскій. К. А. Къ Ляоянскому бою, 18. 19, 20 и 21 августа 1904 г. Ялта, 1911 г. Цѣна 50 коп.

Дюбуа, Поль. Самовоспитаніе. Пер. съ франц. Н. Пальчинской. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Жипъ. Романъ котика. Парижъ, 1912 г. Цѣна 85 коп.

Жулавскій, Г. Собраніе сочиненій. Т. I. На Серебряномъ Шарѣ. Пер. съ польскаго Анны Зейлигеръ. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 40 коп.

Заболотскій, П. А. Возрожденіе идеи славянской взаимности и новыя изученія славянства. Нѣжинъ, 1912 г. Цѣна 25 коп.

Звоницкій, А. С. О залогѣ по русскому праву. Кіевъ, 1912 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Ивановъ, Георгій. Отплытіе на о. Цитеру. Поэзы. Книга первая. Спб., 1912 г. Цѣна 50 коп.

Инфантьева, П. На родинѣ первыхъ людей. Приключенія двухъ гимназистовъ въ средней Азіи. Спб., 1912 г. Цѣна 50 коп.

Колосова, Е. Е. Очерки міровоззрѣнія Н. К. Михайловскаго. Спб., 1912 г. Цѣна 2 р.

Компере, Габріэль. Умственное и нравственное развитіе ребенка. Пер. съ франц. М. Ф. Владимірскаго. Москва, 1912 г. Цѣна 2 р.

Коробицынъ, Н. Голоса стихій. Стихотворенія. Москва, 1912 г. Цѣна 75 коп.

Левитовъ, А. И. Собраніе сочиненій. Т. 5, 6 и 7. Спб., 1912 г. Цѣна каждаго тома 1 р.

Мачтетъ, Г. А. Полное собраніе сочиненій. Т. V. Спб., 1911 г. Цѣна 1 руб.

Мезъко, Николай. Стихотворенія. Съ предисловіемъ К. Р. Спб., 1912 г. Цѣна 50 коп.

Мейснеръ, А. Ф. Пятая книга стиховъ. Спб., 1912 г. Цѣна 50 коп.

Муйжелъ, В. В. Собраніе сочиненій. Т. III. Спб., 1911 г. Ц. 1 р.

Мусинъ-Пушкинъ, А. А., гр. Сборникъ статей по вопросамъ школьнаго образованія на Западѣ и въ Россіи. Томъ I и II. Спб., 1912 г. Цѣна каждаго тома 1 р.

Надсонъ, С. Я. Проза. Дневники. Письма. Спб., 1912 г. Ц. 3 р.

Орленко, К. С. Свобода-сказка. Представленіе въ 4-хъ картинахъ. Спб., 1911 г.

Оствальдъ, Вильгельмъ. Основы физической химіи. Аторизированный переводъ А. Г. Коблянскаго, подъ ред. проф. П. П. фонъ-Веймарна. Спб. 1911 г. Цѣна 5 р.

Павловская, О. Скоромный и постный столъ. Изд. 5-ое. Спб., 1912 г. Цѣна 5 р.

Первушинъ, С. А. Нѣкоторыя общія задачи бюджетной статистики въ Россіи. Москва, 1911 г.

— Къ вопросу о постановкѣ бюджетныхъ изслѣдованій. Москва 1912 г.

Пиксановъ, Н. А. С. Грибоѣдовъ. Біографическій очеркъ. Спб., 1911 г. Цѣна 75 коп.

Пишель, Р. Будда, его жизнь и ученіе. Пер. съ нѣм., подъ ред. проф. Д. Н. Анучина. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

По, Эдгаръ. Собраніе сочиненій. Пер. съ англ. В. Д. Бальмонта. Т. V. Москва, 1912 г. Цѣна 2 р.

Поповичъ, Павелъ. Обзоръ исторіи сербской литературы. Пер. съ сербскаго подъ ред. проф. П. А. Лаврова. Спб. 1912 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Пругавинъ, А. С. О Львѣ Толстомъ и о толстовцахъ. Очерки, воспоминанія, матеріалы. Изд. II. Москва, 1911 г. Цѣна 80 коп.

Роденбахъ, Жоржъ. Полное собраніе сочиненій. Т. II. Прялка тумановъ, Пер. М. В. Веселовской. Москва, 1908 г. Цѣна 1 р.

Рославлевъ, Александръ. Сказки. Рисунки И. Я. Билибина. Спб. 1911 г.

Сементковскій, Р. И. Современная Россія. Нашъ парламентъ. Спб. 1912 г. Цѣна 1 р.

Сиповскій, В. Д. Избранныя педагогическія сочиненія. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Смитъ, А. Неорганическая химія. Пер. съ нѣм. подъ ред. Л. В. Писаревскаго. Одесса, 1911 г. Цѣна 3 р. 50 коп.

Соловьевъ, Владиміръ Сергѣевичъ. Собраніе сочиненій подъ ред. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. Второе изданіе. Т. 3-й. Спб., 1912 г. Цѣна 2 р.

Стернъ, А. В. Сочиненія. Т. I. На конкурсѣ. Т. I. Выродокъ. Спб., 1912 г. Цѣна каждаго тома 1 р.

Столица, З. К. Развитіе въ дѣтяхъ жизнерадостности и борьба съ пессимизмомъ. Спб., 1912 г.

Сухоплюевъ, И. К. Взгляды Ломоносова на политику народонаселенія. Спб. 1911 г.

Тахтарева, А. Какъ летаютъ люди. Спб., 1912 г. Цѣна 50 коп.

Тельбергъ, Г. Г. Очерки политическаго суда и политическихъ преступленій въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка. Москва, 1912 г. Цѣна 2 руб.

Толстой, Левъ Николаевичъ. Посмертныя художественныя произведенія Т. 3-й. Изд. А. Л. Толстой подъ ред. В. А. Черткова. Москва, 1912 г.

Томпсонъ-Сетонъ, Эрнестъ. Два маленькихъ дикаря. Пер. съ англ. В. Лавровой. Спб., 1912 г. Ц. 1 р. 25 к.

Филиппсонъ, А. Средиземье (область средиземнаго моря). Пер. П. А. Бѣльскаго, подъ ред. проф. Д. Н. Анучина. Москва, 1911 г. Ц. 1 р. 50 к.

Философовъ, Д. В. Неугасимая лампада. Статьи по церковнымъ и религіознымъ вопросамъ. Спб. 1912 г. Цѣна 1 р.

Чернышевъ, Ил. Крестьяне объ общинѣ наканунѣ 9 ноября 1906 г. Спб., 1912 г. Цѣна 60 к.

Шапиръ, Ольга. Собраніе сочиненій. Томъ VII и VIII. Спб., 1911 г. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

Швецовъ, М. Экзаменъ. Драматическое стихотвореніе. Вологда, 1912 г. Цѣна 40 коп.

Шуфъ, Владиміръ. Гекзаметры. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 30 к.

Д'Эрвильи, Э. Приключенія доисторическаго мальчика. Пер. съ франц. А. Мезіеръ. Изд. 3-ье. Спб., 1912 г. Цѣна 80 к.

Бюллетень Русско-Итальянской торговой палаты № 2. Спб., 1912 г.

Великая Россія. Сборникъ свѣдѣній по военнымъ и общественнымъ вопросамъ. Книга II. Москва, 1911 г.

Врачебная хроника Харьковской губ. № 9—10. Харьковъ, 1911 г.

Добролюбовъ для школы. 1861—1911 г. Со вступительной статьей Нестора Котляревскаго. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р.

Ежегодникъ министерства финансовъ. Выпускъ 1911 г. Спб., 1911 г. Цѣна 5 р.

Желѣзная промышленность Южной Россіи въ 1910 г. Харьковъ, 1911 г.

Изданія «Посредника». № 172. Томъ-Титъ. Научныя забавы. № 239. П. Надинъ. Въ царствѣ замѣчательныхъ изобрѣтеній и открытій. № 241— Э. Хопольдъ. Какъ сдѣлать волшебный фонарь для непрозрачныхъ картинъ. № 252. Нечаянно и др. разсказы. № 253. С. Т. Аксаковъ. Аленькій цвѣточекъ. № 255. Ч. Робертсъ. Необыкновенныя приключенія тюленя. № 992. В. Чертковъ. Жизнь одна.— Взаимная помощь. Вып. 16. Кредитное

товарищество и его польза.—Библіотека свободнаго воспитанія. Вып. LII. Изъ моего дѣтства. Воспоминанія А. К. Чертяевой. Вып. LXXIV. Какъ заниматься съ помощью ознакомителя съ математикой.—Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь. Книжка 93. Какъ кормить скотъ, чтобы имѣть большой доходъ. Книжка 99. Какъ удобрять землю въ садахъ. Книжка 100. Улучшенная обработка земли и избытокъ зеленаго корма. Книжка 103. Какъ и чѣмъ удобрять землю, чтобы крестьянину быть сытѣе.—Свободное воспитаніе, № 3—4.—Маякъ, № 12.

Изданія т-ва Juventus. Як. Кацепельсонъ. Маленькій мірокъ. Разсказы для дѣтей. Цѣна 10 коп. Н. Туркельтаубъ. Заступникъ. Разсказъ для юношества. Цѣна 7 коп. Л. Леванда. Гнѣвъ и милости магната. Быль XVIII столѣтія. Цѣна 25 коп. Лордъ Биконсфильдъ (Д'Израэли). Давидъ Альрой. Историческій романъ. (Съ англійскаго). Цѣна 60 коп. Одесса, 1912 г.

Историческое обозрѣніе. Сборникъ подъ ред. Н. Карѣева. Томъ 16-ый. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р. 25 коп.

Итоги урожая зерновыхъ хлѣбовъ, картофеля и льна въ крестьянскомъ хозяйствѣ Московской губ. за 1911 г. Москва, 1911 г.

Караимская жизнь. № 5—6. Москва, 1911 г.

Книги для дѣтей дошкольнаго возраста. Вып. I. Изд. Библіотечной коммиссіи при об-вѣ содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей. Спб., 1912 г. Цѣна 30 коп.

Количество топлива, потребленнаго фабриками и заводами въ 1908, 1910 и 1911 гг. и цѣна за 1908 г. Харьковъ, 1911 г. Цѣна 2 р.

Краткій очеркъ состоянія нефтяной промышленности въ 1911 г. Баку, 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Ломоносовскій день въ Императорскомъ Николаевскомъ университетѣ. Саратовъ, 1911 г.

Нижегородскій Ежегодникъ. Иллюстрированный литературный календарь-справочникъ. Подъ ред. Г. И. Сергѣева и В. Е. Чешихина (Ч. Вѣтринскаго). Нижній-Новгородъ, 1911 г. Цѣна 40 коп.

Новости науки. Непеnecessary періодическое изданіе. Вып. I. Спб., 1912 г. Цѣна 50 коп.

Обзоры главнѣйшихъ отраслей промышленности и торговли за 1910 г. Спб., 1911 г.

Отдыхъ торгово-промышленныхъ служащихъ (по даннымъ анкеты 1909 года). Сост. Г. А. Верховскимъ подъ ред. А. М. Никитина. Москва. 1912 г. Цѣна 45 коп.

Открытыя письма и др. художественныя изданія общины св. Евгеніи Краснаго Креста справочный указатель. Спб., 1911 г.

Отчетъ о состояніи народнаго здравія и организаціи врачебной помощи въ Россіи за 1909 годъ. Спб. 1911 г.

Отчетъ харьковскаго пораіоннаго комитета по регулированію массовыхъ перевозокъ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ за 1910 г. Харьковъ, 1911 г.

Отчеты о дѣятельности особаго городского присутствія по разбору и призрѣнію нищихъ въ Москвѣ и Московскаго городского дома трудолюбія и работнаго дома за 1910 годъ, Москва, 1911 г.

Роспись русскимъ періодическимъ изданіямъ на 1912 г. Сост. К. Г. Мартыновъ. Спб., 1911 г. Цѣна 15 коп.

Стенографическій отчетъ Портъ-Артурскаго процесса. Подъ ред. К. И. Ксодо и М. К. Соколовскаго. Вып. VIII. Спб., 1911 г.

Толстовскій музей. Томъ I. Переписка Л. Н. Толстого съ гр. А. А. Толстой. 1857—1903. Изд. Об-ва Толстовскаго музея. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р.

Указатель заграничныхъ покупателей русскихъ продуктовъ. Адресно-справочная книга. Одесса, 1911 г.

Универсальная Библіотека. № 473. А. Доде. Прекрасная Нивернеза. Пер. съ франц. Н. Берникова. № 55b. Н. В. Гоголь. Невскій проспектъ. Записки сумасшедшаго. Римъ. Жизнь. Отрывки. № 559. Думы и пѣсни. Сборникъ новыхъ пѣсенъ. Сост. Анас. Чеботаревская. № 565—567. М. М. Загоскинъ. Рославлевъ, или русскіе въ 1812 году. Историческій романъ. № 601—604. Французско-русскій карманный словарь. № 713. Гюи де Мопассанъ. Пытка. Разсказы. Пер. съ франц. Н. Соболевскаго. № 714. Т. Крагъ. Стефанъ Іериъ. Собака. Пер. съ датскаго Я. Сегалъ. № 702—705. Г. Флоберъ. Мадамъ Бовари. Романъ. Пер. съ франц. А. Г. Горнфельда. Москва, 1912 г.

Фіорды. Сборникъ 9-й. Дитя вѣка. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Холера въ Харьковской губ. въ 1910 г. Обзоры, составл. по отчетамъ эпидемическаго персонала. Подъ ред. С. Н. Игумнова. Харьковъ, 1911 г.

Хлиборобъ. Южно-Русскій сельско-хозяйственный календарь на 1912 г. Харьковъ, 1912 г. Цѣна 20 коп.

Чѣмъ былъ Л. Н. Толстой? (По лучшимъ отзывамъ русской печати). Сборникъ I. Сост. Л. П. Никифоровымъ. Москва, 1912 г. Цѣна 25 коп.

XXXVI Съѣздъ горнопромышленниковъ юга Россіи. Докладъ IV. О торгово-промышленныхъ палатахъ. Докладъ V. Объ облигаціяхъ. Докладъ VI. О налогахъ и сборахъ уплачиваемыхъ горнопромышленными предпріятіями Россіи. Харьковъ, 1911 г.

Annuaire statistique du royaume de Bulgarie 1910. Sophia, 1911.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Политическіе результаты германскихъ выборовъ. — Соціалъ-демократія и ея успѣхи.—Затрудненія и задачи прусско-германскихъ правителей.—Французскія дѣла.—Китайскій кризисъ.—Монгольскій вопросъ.

Выборы въ германскій рейхстагъ, происходившіе съ 12 по 25 января (нов. стиля), получили значеніе крупнѣйшаго политическаго событія не только для Германіи, но и для Европы. Впервые со времени основанія имперіи нѣмецкимъ либерально-демократическимъ партіямъ удалось одержать побѣду надъ консервативными группами, поддерживаемыми правительствомъ. Многолѣтнее владычество привилегированныхъ землевладѣльцевъ и аграріевъ, въ союзѣ съ приверженцами воинствующаго протестантизма и католичества, внезапно

пошатнулось, и вмѣстѣ съ тѣмъ поколебленъ весь строй внутренней политической жизни Германіи и особенно Пруссіи.

Такъ какъ во главѣ имперіи стоитъ прусскій король, то прусскій военный классъ и прусское юнкерство наложили свою печать на имперское управленіе и имперскую политику. Несмотря на существованіе всеобщаго избирательнаго права, меньшинство народа господствовало надъ большинствомъ, при помощи искусственной и устарѣлой системы распредѣленія избирательныхъ округовъ. Сельское населеніе выбираетъ по одному депутату на десять или пятнадцать тысячъ человѣкъ, тогда какъ отъ городовъ и крупныхъ промышленныхъ центровъ приходится по одному депутату на двѣсти или триста тысячъ избирателей; такимъ образомъ голосъ сельскаго жителя имѣетъ въ двадцать или тридцать разъ больше значенія, чѣмъ голосъ городского обывателя, и потому реакціонныя партіи, опирающіяся на поселянъ, имѣютъ болѣе значительное представительство, чѣмъ прогрессисты, опирающіеся на горожанъ и фабрично-заводскихъ рабочихъ. Въ послѣднемъ рейхстагѣ, избранномъ въ 1907-мъ году, числилось консерваторовъ разныхъ оттѣнковъ 101, а за нихъ подано было всего 1.780.600 голосовъ; соціалъ-демократы получили на выборахъ почти вдвое больше голосовъ—3.295.000, а депутовъ имѣли вдвое меньше—52. Консерваторы и католическій центръ, собравъ вмѣстѣ 3.960.000 голосовъ, располагали 205 мандатами, т. е. абсолютнымъ большинствомъ палаты, при общемъ числѣ ея членовъ въ 397 человѣкъ; а прогрессисты и соціалъ-демократы, получивъ 6.160.000 голосовъ, имѣли въ совокупности только 153 представителей. Теперь консерваторы и центръ собрали всего 3.534.951 голосъ, а ихъ противники, либералы и соціалисты—7.451.834, т. е. болѣе чѣмъ вдвое. При такомъ подавляющемъ численномъ перевѣсѣ, оппозиція пріобрѣла, наконецъ, въ рейхстагѣ большинство 203 депутатскихъ мѣстъ противъ 194 соединенныхъ консервативныхъ группъ, включая поляковъ и эльзасцевъ. За соціалъ-демократію высказалось на 715.378 голосовъ больше, чѣмъ за всѣ консервативныя партіи и центръ въ совокупности,—а именно 4.250.329 избирателей,—на милліонъ больше, чѣмъ въ 1907-мъ году; и однако соціалъ-демократы получили только 110 мѣстъ, а консерваторы съ центромъ—164. Членовъ партіи центра выбрано 93 (вмѣсто прежнихъ 103), консерваторовъ—56 (вмѣсто 84), антисемитовъ—14 (вмѣсто 21), націоналъ-либераловъ—46 (вмѣсто 51), прогрессистовъ—45 (вмѣсто 49). Нѣкоторые яркіе выразители реакціонныхъ идей, какъ фонъ-Ольденбургъ и Резике, не попали на этотъ разъ въ парламентъ; соціалъ-демократія завоевала цѣлый рядъ округовъ, считавшихся твердынями консерватизма, и утвердилась даже въ резиденціи прус-

скихъ королей — Потсдамѣ; она владѣетъ пятью избирательными округами изъ шести въ столицѣ; она вытѣснила партію центра изъ Кельна, водворилась въ Штеттинѣ, Кенигсбергѣ, Магдебургѣ, Бременѣ, Любекѣ.

Еслибы число депутатовъ соотвѣтствовало количеству поданныхъ голосовъ, то оппозиція пріобрѣла бы внушительное большинство въ имперскомъ сеймѣ, и соціалъ-демократія могла бы оказать серьезное вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ въ Германіи. Но при данныхъ обстоятельствахъ торжество крайнихъ лѣвыхъ есть прежде всего краснорѣчивая форма протеста прогрессивныхъ и трудящихся элементовъ нѣмецкаго народа противъ аграрно-консервативной политики правительства. Соціалъ-демократія сдѣлалась сильнѣйшею и популярнѣйшею партіею не по своимъ теоретическимъ принципамъ и стремленіямъ, а по своему активному оппозиціонному духу, привлекающему къ ней симпатіи всѣхъ недовольныхъ. Она явилась притягательнымъ центромъ не только для рабочихъ и радикаловъ, склонныхъ къ соціализму, но и для свободомыслящей буржуазіи, какъ единственная крѣпко организованная, энергическая противоправительственная партія. Побѣда соціалъ-демократіи свидѣтельствуетъ не объ успѣхахъ ея спеціальныхъ догматовъ и цѣлей, а о ростѣ общаго раздраженія противъ реакціоннаго «черно-голубого блока», съ которымъ признавало себя солидарнымъ правительство Бетманъ-Гольвега. Передъ выборами печатались въ оффиціальномъ органѣ канцлера, «Сѣверо-германской газетѣ», настойчивые призывы къ избирателямъ—отбросить партійные счеты и сплотиться для совмѣстной борьбы съ общимъ внутреннимъ врагомъ, угрожающимъ безопасности и единству имперіи. Эти воззванія не могли дѣйствовать на публику, ибо фальшь ихъ была очевидна для всякаго: соціалъ-демократія перестала уже служить пугаломъ для либераловъ, и никто не связываетъ ея успѣховъ съ практическимъ осуществленіемъ ея партійной программы. Торжество соціалъ-демократической партіи есть только торжество рѣшительной оппозиціи, и въ этомъ смыслѣ оно одинаково желательно всѣмъ группамъ лѣвыхъ, какъ буржуазнымъ, такъ и рабочимъ.

Теперь, когда протестъ выраженъ и произвелъ надлежащій эффектъ, возникаетъ вопросъ о томъ, какъ лучше его использовать на практикѣ. Соціалисты, сколько бы ихъ ни было въ парламентѣ, не войдутъ въ соглашеніе съ либералами и прогрессистами, чтобы добиться какихъ-нибудь опредѣленныхъ результатовъ; они не дадутъ матеріала для парламентскихъ комбинацій, способныхъ оказать давленіе на правительство въ ту или другую сторону. Они не могутъ относиться иначе какъ отрицательно къ существующему порядку

вещей, и никакія леберальныя уступки не побудятъ ихъ идти на компромиссъ съ министрами Вильгельма II. Для остальныхъ оппозиціонныхъ партій либеральныя уступки окажутся несомнѣнно соблазнительными, и сдѣлка съ правительствомъ будетъ вполнѣ возможна. Тотъ прогрессивно-демократическій блокъ, который коекакъ держался на выборахъ, неизбѣжно распадется съ перваго же момента парламентской сессіи. Нѣтъ почвы для совмѣстной дѣятельности соціалистовъ съ буржуазными группами, хотя бы самыми передовыми. Умѣренная часть оппозиціи съ самаго начала отстанетъ отъ демократіи и охотно пойдетъ на встрѣчу попыткамъ новой партійной группировки съ цѣлью сближенія съ носителями государственной власти. Чтобы внести разладъ въ среду оппозиціонныхъ партій, достаточно внести въ парламентъ военные законопроекты. Если правительство заявитъ, что они безусловно необходимы для внѣшней безопасности имперіи, то всѣ либеральныя группы примутъ ихъ и отдѣлятся въ этомъ отношеніи отъ соціалъ-демократіи. Область внѣшней политики можетъ явиться тою почвою, на которой легко установится связь между правительствомъ и передовыми либералами.

Въ патріотической нѣмецкой печати уже раздаются голоса въ пользу болѣе смѣлой международной предпріимчивости. Болѣе откровенные охранители прямо доказываютъ спасительное значеніе національной войны для народа, рискующаго, будто бы, потерять всѣ свои доблести подъ вліяніемъ слишкомъ долгаго мира. Однако намѣренное возбужденіе внѣшнихъ замѣшательствъ для избѣжанія внутренняго кризиса представляется мало вѣроятнымъ: подобный способъ дѣйствій противорѣчилъ бы тѣмъ традиціямъ добросовѣстности, которыя отличаютъ прусско-германское управленіе отъ правительственной системы нѣкоторыхъ другихъ странъ. Берлинскій кабинетъ не рѣшится вызвать войну по соображеніямъ внутренней политики, но онъ можетъ отъ времени до времени пугать войною, открывать перспективы военныхъ столкновеній и успѣшно играть съ огнемъ, безъ дѣйствительной опасности разрыва съ предполагаемыми противниками. Такая игра соотвѣтствуетъ наклонностямъ и способностямъ германскихъ правителей, и очень можетъ быть, что она будетъ практиковаться систематически, чтобы поддерживать патріотическія чувства нѣмцевъ на желательномъ уровнѣ. Марокккскій кризисъ не былъ удаченъ въ этомъ отношеніи, потому что онъ испортилъ отношенія не только съ Франціею, но и съ Англіею, и окончился безъ чувствительной выгоды для Германіи, причинивъ ей громадные косвенные убытки. Сознаніе этой неудачи сыграло не послѣднюю роль въ подъемѣ оппозиціоннаго настроенія, охватившаго

средніе и низшіе классы нѣмецкаго народа. Германская дипломатія имѣетъ въ своемъ распоряженіи немало средствъ создавать затрудненія и конфликты не для себя, а для другихъ, безъ замѣтнаго ущерба или риска для имперіи. Напримѣръ, война Италіи съ Турціею задѣваетъ всѣ державы, имѣющія болѣе или менѣе крупные интересы въ Средиземномъ морѣ; итальянцы могли бы съ одинаковымъ основаніемъ захватывать корабли различныхъ націй подъ предлогомъ отыскиванія и преслѣдованія контрабанды, но они не трогаютъ ни англійскихъ, ни германскихъ, ни австрійскихъ пароходовъ, а почему-то съ безпощадною суровостью задерживаютъ французскія суда, пассажирскія и почтовыя, явно нарушая установленныя правила о свободѣ мореплаванія подъ нейтральнымъ флагомъ. На этой почвѣ создаются тягостные инциденты, болѣе или менѣе оскорбительные для Франціи и вызывающіе въ ней вполнѣ естественное недоумѣніе и раздраженіе; внѣшнія отношенія отчасти разстраиваются, и умами овладѣваетъ тревога, которою по своему пользуются посторонніе правительства. Можно ли предположить, что Италія ведетъ эту странную и непріятную игру на собственный рискъ и страхъ, безъ вѣдома и одобренія своей могущественной сѣверной союзницы? Германскій статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ, Кидерленъ-Вехтеръ, недавно ѣздилъ въ Римъ для свиданія съ своимъ итальянскимъ коллегою, маркизомъ Санъ-Джуліано, и эта поѣздка невольно ставится въ связь съ вызывающею политикою Италіи по отношенію къ Франціи. Кому-то нужно, чтобы международная политическая атмосфера оставалась напряженною, возбуждающею патріотическія опасенія, и нельзя не заподозрить въ этомъ дѣлѣ закулиснаго участія берлинской дипломатіи.

Такого рода отвлекающія мѣры могутъ, конечно, имѣть только временное, преходящее значеніе, и онѣ нисколько не избавятъ германскихъ правителей отъ предстоящей имъ дилеммы: либо приступить къ удовлетворенію громко заявленныхъ потребностей и желаній большинства нѣмецкаго народа, либо предпринять борьбу съ народнымъ представительствомъ во имя защиты интересовъ аграріевъ и реакціоннаго юнкерства. Нѣтъ сомнѣнія, что Германія пойдетъ по первому пути, единственному законному и разумному. Съ этимъ заранѣе соглашаются болѣе разсудительные представители высшихъ классовъ, способные отдавать себѣ отчетъ въ реальныхъ причинахъ возростающаго народнаго недовольства. Народъ недоволенъ одностороннею финансовою политикою, приспособленною къ интересамъ крупныхъ землевладѣльцевъ и возлагающею главное податное бремя на трудящихся и неимущихъ; даже умѣренный налогъ съ наслѣдствъ, предложенный бывшимъ канцлеромъ Бюловымъ, былъ рѣшительно

отвергнутъ консерваторами и долженъ былъ уступить мѣсто другимъ формамъ обложенія, падающимъ преимущественно на небогатыхъ. Система протекціонизма, направленная къ искусственному вздорожанію предметовъ народнаго питанія, возбуждаетъ особенное раздраженіе народныхъ массъ и не можетъ болѣе быть защищаема правительствомъ безъ окончательнаго подрыва его авторитета. Народъ издавна требуетъ также реформы устарѣлыхъ избирательныхъ порядковъ въ Пруссіи,—порядковъ, которые еще Бисмаркъ называлъ безобразными,—и правительству придется, наконецъ, взяться за разрѣшеніе этой задачи, согласно неоднократнымъ торжественнымъ обѣщаніямъ прусскихъ королей. Эпоха либеральныхъ перемѣнъ, болѣе или менѣе крупныхъ и существенныхъ, становится неминуемою для Германіи, и это сознаніе едва ли будетъ оспариваться кѣмъ-либо при открытіи новаго рейхстага, созваннаго на 7-ое февраля (нов. ст.).

Во Франціи всякія возникающія политическія затрудненія разрѣшаются обыкновенно перемѣною министерства; такъ было и съ марокскимъ вопросомъ, когда онъ вызвалъ ядовитую критику и подалъ поводъ къ оригинальнымъ разоблаченіямъ въ сенатѣ. Въ засѣданіи сенатской комиссіи, 9-го января (нов. ст.), обнаружилось, что министръ иностранныхъ дѣлъ де-Сельвъ приписывалъ премьеру Кальо веденіе какихъ-то закулисныхъ переговоровъ съ частными предпринимателями и капиталистами относительно Марокко, и на это обстоятельство, по словамъ де-Сельва, жаловался и французскій уполномоченный въ Берлинѣ, Жюль Камбонъ. Такой небывалый еще публичный конфликтъ между главою кабинета и однимъ изъ министровъ усложнялся нѣкоторыми интересными частностями. Оффиціальный руководитель дипломатическаго вѣдомства, какъ оказалось, не зналъ или не помнилъ существенныхъ подробностей марокскаго спора; онъ не могъ, напр., установить, кто и когда впервые указалъ на территорію Конго, какъ на подходящій объектъ компенсаціи для Германіи, и кѣмъ именно съ французской стороны эта мысль была принята и одобрена.

Разумѣется, де-Сельвъ долженъ былъ выйти въ отставку, причемъ мотивировалъ свое рѣшеніе ссылкою на недостатокъ единства въ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ министерства. Такъ какъ этотъ недостатокъ не мѣшалъ ему участвовать въ окончательномъ редактированіи марокскаго соглашенія и защищать его предъ палатою депутатовъ, то запоздалый намекъ на неправильныя дѣйствія Кальо былъ оставленъ безъ вниманія. Положеніе самого Кальо было крайне шатко по многимъ причинамъ. Пользуясь репутаціею опытнаго фи-

нансиста-практика, онъ не выказалъ прозорливости и политическаго чутья въ щекотливыхъ международныхъ дѣлахъ; такъ, онъ находилъ возможнымъ устройство австрійскаго займа въ Парижѣ, хотя этотъ заемъ предназначался на военныя надобности Австро-Венгріи—ближайшей союзницы Германіи, съ которою Франція вела чрезвычайно трудные и отвѣтственные переговоры. Возникшая по этому поводу въ печати агитація помѣшала осуществленію предположеннаго займа и вмѣстѣ съ тѣмъ нанесла сильный ударъ всему министерству. Кальо надѣялся измѣнить и пополнить составъ своего кабинета, назначивъ морского министра Делькассе на мѣсто де-Сельва, а на мѣсто Делькассе — какого-нибудь адмирала; но намѣченные адмиралы уклонялись отъ предлагаемый имъ чести, а Делькассе не желалъ покинуть свое вѣдомство, пока не найдется ему подходящій и надежный преемникъ. Эта «забастовка министровъ» побудила Кальо заявить, 12-го января, о своемъ уходѣ. На слѣдующій день, 13-го числа, Франція имѣла уже новое министерство, необыкновенно блестящее по составу. Предсѣдателемъ совѣта и министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ сенаторъ Раймондъ Пуанкаре, вице-предсѣдателемъ совѣта и министромъ юстиціи—Аристидъ Бріанъ, военнымъ министромъ—депутатъ Мильеранъ, морскимъ — Делькассе, министромъ труда — сенаторъ Леонъ Буржуа, публичныхъ работъ—Жанъ Дюпюи. Соединить въ своемъ кабинетѣ такихъ двухъ бывшихъ премьеровъ, какъ Бріанъ и Буржуа, и такихъ выдающихся и популярныхъ дѣятелей, какъ Делькассе и Мильеранъ, можно было только при особомъ подъемѣ общественнаго настроенія, когда пережитый Франціею опасный внѣшній кризисъ заставлялъ особенно сильно чувствовать неудобство такого случайнаго и мало авторитетнаго министерства, какъ кабинетъ Кальо.

Въ правительственной декларацін, прочитанной 16 января въ палатѣ депутатовъ Раймондомъ Пуанкаре, въ сенатѣ—Бріаномъ, высказана рѣшимость «поддерживать между великою сосѣднею націею и Франціею, въ духѣ искренно миролюбивомъ, отношенія вѣжливости и откровенности, внушаемыя взаимнымъ соблюденіемъ ихъ интересовъ и ихъ достоинства». Болѣе чѣмъ когда-либо,—говорится далѣе,—«думаемъ мы остаться вѣрными нашимъ союзамъ и дружескимъ связямъ. Мы будемъ стараться культивировать ихъ съ тѣмъ постоянствомъ и съ тою послѣдовательностью, которыя составляютъ въ дипломатической дѣятельности лучшій залогъ прямоты и честности». Фразы о дружескихъ связяхъ и союзахъ были встрѣчены рукоплесканіями. Правительство даетъ затѣмъ, по обыкновенію, краснорѣчивыя обѣщанія реформъ и улучшеній въ разныхъ сферахъ внутренней жизни и государственнаго хозяйства; прежде всего упоминается о преобра-

зованіи избирательнаго права и о сохраненіи національнаго характера свѣтской школы; подчеркивается также необходимость держать на надлежащей высотѣ, рядомъ съ финансовымъ могуществомъ Франціи, ея военную мощь на сушѣ и на морѣ. «При всемъ глубокомъ миролюбіи нашей страны,—сказано въ заключеніе,—она не можетъ не предвидѣть всѣ случайности и должна стоять на уровнѣ всѣхъ своихъ задачъ. Армія и флотъ будутъ предметами нашихъ внимательныхъ заботъ. Какъ вы, мы видимъ въ нихъ завѣтныя опоры республики и отечества».

Декларація была принята вообще сочувственно, но вызвала нѣкоторыя возраженія со стороны крайнихъ лѣвыхъ. Она несомнѣнно проникнута духомъ умѣренности и благонадежнаго патріотизма; въ ней нѣтъ ничего такого, что могло бы удовлетворить соціалистовъ и радикаловъ. Министерству дана была возможность тотчасъ же болѣе подробно объяснить свои планы и намѣренія. По предъявленному однимъ изъ депутатовъ запросу объ общей политикѣ правительства говорили изъ министровъ только двое—Пуанкаре и Леонъ Буржуа. Особенный успѣхъ выпалъ на долю послѣдняго. Послѣ продолжительныхъ преній палата, большинствомъ 440 голосовъ противъ шести, приняла формулу, выражающую довѣріе правительству.

Министерству Пуанкаре приходилось на первыхъ порахъ выступать неоднократно съ заявленіями по весьма деликатнымъ вопросамъ иностранной политики, по поводу частыхъ захватовъ французскихъ пароходовъ итальянцами. Глава кабинета умѣлъ въ этихъ случаяхъ совмѣстить твердость тона съ мягкими и истинно дружественными оговорками относительно чувствъ родственной близости Франціи съ Италіею; но онъ ясно давалъ понять, что эти чувства не помѣшаютъ правительству принять, въ случаѣ надобности, самыя энергическія мѣры для защиты неприкосновенности французскаго флага. За сказанную въ этомъ смыслѣ рѣчь въ засѣданіи 22-го января онъ удостоился единодушныхъ овацій со стороны всей палаты, не исключая и крайнихъ группъ. Отсюда не трудно заключить, что объединеніе всѣхъ партій легче всего достигается на почвѣ внѣшняго патріотизма, хотя и возбуждаемаго случайными и сравнительно несущественными причинами. Въ этой чувствительной области требуется особая осторожность, которою не всегда отличались французы, но которую они, по общему признанію, соблюдали съ замѣчательною выдержкою во время тяжелаго марокскаго кризиса.

Положеніе дѣлъ въ Китаѣ все болѣе усложняется и запутывается. Манчжурская династія имѣетъ своимъ высшимъ представителемъ шестилѣтняго мальчика, подъ именемъ богдыхана Пуйи; отецъ его, князь Чунъ, оффиціально считается регентомъ, но избѣгаетъ отвѣтственности и предоставляетъ принятіе важнѣйшихъ рѣшеній собранію князей императорской фамиліи. Манчжурскіе принцы не имѣютъ однако никакой точки опоры въ китайскомъ народѣ; они могутъ опираться только на манчжуръ, которые по своей малочисленности не въ состояніи служить надежнымъ оплотомъ трона. Ненависть китайцевъ къ манчжурамъ не ослабѣла съ половины XVIII-го вѣка, когда водворилось владычество новой манчжурской династіи; напротивъ, она усилилась и стала непримиримою подъ вліяніемъ жестокихъ преслѣдованій и репрессій. Ничтожество двухъ послѣднихъ царствованій окончательно подорвало кредитъ монархической власти въ народѣ; номинальные богдыханы, «сыны неба», всемогущіе, будто бы, властители имперіи, были, въ сущности, безсильными плѣнниками въ своихъ роскошныхъ дворцахъ и дрожали за свое существованіе среди толпы лицемѣрныхъ охранителей-евнуховъ. Въ теченіе десятковъ лѣтъ всѣми дѣлами Китая заправляла энергическая, но ограниченная и необразованная женщина, вдовствующая императрица Тцуши, умершая въ ноябрѣ 1908-го года. Китайскіе патріоты видѣли, что манчжурская система управленія ведетъ имперію къ упадку и гибели; печальные опыты японской войны и боксерскаго движенія убѣдительно доказали необходимость коренныхъ преобразованій, но не было правителей, способныхъ приступить къ этой задачѣ. Требовался крутой и сознательный поворотъ во всей внутренней политикѣ страны, но некому было совершить его. Нельзя было ожидать ничего серьезнаго отъ манчжурскихъ князей и бутафорскихъ генераловъ, окружавшихъ эфемерный тронъ. Тогда получили широкое распространеніе революціонныя организаціи, изъ которыхъ наибольшею популярностью пользовалось общество «Komingtang». Одинъ изъ вдохновителей и вождей движенія, докторъ Сунъ-ятъ-сенъ, долго проживалъ въ Англіи, гдѣ вмѣстѣ съ медициной изучалъ западно-европейскія конституціи. Вражда къ манчжурамъ и къ ихъ выродившейся династіи допускала для китайцевъ только одинъ общепонятный лозунгъ—устраненіе манчжурской царствующей фамиліи; а такъ какъ старинныя національныя династіи вымерли, то вмѣстѣ съ паденіемъ манчжуръ падаетъ и монархія, за отсутствіемъ законныхъ кандидатовъ въ богдыханы. Отсюда одинъ практическій выходъ — установленіе республики. Къ этому неожиданному результату привела не пропаганда республиканскихъ идей, а логика историческихъ собы-

тій. Консервативнѣйшій въ мірѣ народъ очутился передъ перспективою радикальнаго политическаго переворота, который недавно еще казался бы совершенно фантастическимъ.

Когда въ южныхъ и центральныхъ провинціяхъ Китая вспыхнуло возстаніе, пекинское правительство пыталось, по обыкновенію, прибѣгнуть къ суровымъ мѣрамъ расправы, но вскорѣ убѣдилось въ своемъ безсиліи. Мѣстныя власти не имѣли въ своемъ распоряженіи никакихъ средствъ для борьбы; войска переходили на сторону возставшихъ. Ненависть къ манжурскимъ распорядителямъ объединяла всѣ классы китайскаго населенія, не исключая и чиновничества. Въ Пекинѣ стали дѣлать уступки и давать громкія обѣщанія; созваны были провинціальные делегаты, составившіе потомъ мнимое «національное собраніе», которому поручалось выработать проектъ конституціи. Тѣмъ временемъ семнадцать провинцій объявили себя независимыми отъ прежней центральной власти и устроили свое особое представительство, сначала въ Шанхаѣ, потомъ въ Нанкинѣ. Въ октябрѣ прошлаго года манчжурскіе князья, съ растерявшимся регентомъ во главѣ, обратились за спасеніемъ къ одному изъ немногихъ сановниковъ китайскаго происхожденія, Юаншикаю, находившемуся послѣдніе годы въ опалѣ. Юаншикаю дана была неограниченная власть, съ званіемъ перваго министра и главнокомандующаго, и онъ получилъ возможность вступить въ переговоры съ революціонными вождями, къ числу которыхъ принадлежало нѣсколько бывшихъ губернаторовъ и генераловъ, номинально подчинявшихся авторитету прибывшаго изъ Лондона Сунъ-ятъ-сена. Юаншикай не могъ въ душѣ желать торжества манчжуръ, но онъ надѣялся по крайней мѣрѣ сохранить конституціонную монархію въ лицѣ малолѣтняго богдыхана и примирить съ нимъ китайцевъ, уничтоживъ всѣ манчжурскія привилегіи.

Съ начала ноября (нов. стиля) посыпались императорскіе декреты, одинъ важнѣе другого. Пекинскому національному собранію предоставлено было немедленно установить главныя основы конституціоннаго строя, и собраніе тотчасъ же формулировало ихъ въ девятнадцати пунктахъ, съ просьбою утвердить и обнародовать ихъ безъ задержки, какъ «единственное средство спасенія, болѣе могущественное, чѣмъ арміи»,—что и было исполнено отъ имени трона въ тотъ же день 3-го ноября. Принятые трономъ пункты вводятъ принципы представительнаго правленія, безъ ущерба для династіи, которая «будетъ царствовать всегда». Личность императора признается священною, но власть его ограничивается конституціею. Конституціонные законы должны быть составлены и приняты національнымъ собраніемъ и затѣмъ обнародованы императо-

ромъ. Право измѣнить конституцію принадлежитъ парламенту; члены верхней палаты избираются народомъ изъ числа лицъ, удовлетворяющихъ требуемымъ для этого условіямъ; парламентъ избираетъ премьера, предлагая назначить его императору, а выборъ остальныхъ министровъ, также назначаемыхъ императоромъ, зависитъ отъ премьера. Если премьеръ, осуждаемый парламентомъ, не распуститъ его, то обязанъ выйти въ отставку, но одно министерство не можетъ прибѣгать къ роспуску болѣе одного раза. Императоръ непосредственно распоряжается арміею и флотомъ, но если эта власть употребляется въ примѣненіи къ дѣламъ внутреннимъ, то она регулируется спеціальными условіями, утвержденными парламентомъ. Императорскіе декреты не могутъ измѣнять или замѣнять законы, кромѣ только исключительныхъ случаевъ, когда дѣло идетъ объ исполненіи существующихъ законовъ или спеціально даннаго закономъ полномочія. Международные договоры не могутъ быть заключаемы безъ согласія парламента; но императоръ можетъ заключить миръ или объявить войну при отсутствіи палатъ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи парламентъ одобрилъ его рѣшеніе. Правительство не можетъ располагать бюджетомъ, если послѣдній не одобренъ парламентомъ спеціально на данный годъ; никакія отступленія отъ этого правила не допускаются. Парламентъ опредѣляетъ смѣту расходовъ императорскаго двора и вноситъ въ нее нужныя измѣненія; права и преимущества членовъ императорской фамиліи должны соотвѣтствовать конституціи.

Пекинскіе мандарины были увѣрены, что дальше идти некуда и что объявленныя перемѣны должны удовлетворить китайскій народъ. «Отнынѣ,—сказано въ декретѣ 4-го ноября,—все, что народъ предложитъ, если оно будетъ въ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ, открыто принимается нами. Небо владѣетъ народами и даетъ имъ правителей; голосъ народа есть голосъ неба... Всѣ страны должны проходить черезъ этотъ обязательный фазисъ превращенія монархіи въ конституціонное правительство. Революціонеры Китая имѣютъ мало общаго съ негодными бунтовщиками прежнихъ династій, стремившимися разрушить тронъ и разорить народъ... Меньшинство населенія неосновательно полагаетъ, что манчжуры и китайцы—двѣ различныя расы. Между ними не должно быть различія. Великіе старинные монархи Шунъ и Йю пришли съ восточной и западной границъ; тѣмъ не менѣе они были священными правителями Китая. Безъ сомнѣнія, народъ покончитъ съ кризисомъ и поставитъ четыреста милліоновъ людей въ такое положеніе, какимъ пользуются другіе народы міра». Затѣмъ изданы были указы о приготовленіи къ выборамъ для созыва парламента, о признаніи полез-

ной дѣятельности революціоннаго общества «Komingtang», съ возведеніемъ его на степень особой легальной политической партіи, и т. п. Но всѣ эти благодѣтельныя начинанія имѣли одну слабую сторону, которая обрекала ихъ на безплодіе: уничтоженіе манчжурскихъ привилегій представлялось едва ли возможнымъ при сохраненіи манчжурской династіи, и сами князья императорской фамиліи вовсе не были расположены лишиться своего прежняго участія въ государственномъ управленіи и въ государственныхъ доходахъ. Начались скрытыя и явныя интриги противъ опасныхъ нововведеній, и положеніе Юаншикая вскорѣ было поколеблено. Съ другой стороны, революціонные дѣятели настаивали на томъ, чтобы манчжурскіе князья и сановники возвратили государству неправильно присвоенныя ими богатства и владѣнія. Манчжурамъ грозила опасность потерять не только свои привилегіи, но и свои накопленныя матеріальныя средства,—а силъ для борьбы не было. Съ каждымъ днемъ положеніе придворной партіи ухудшалось, и могущество революціи возрастало. Делегаты возставшихъ провинцій въ Нанкинѣ торжественно провозгласили доктора Сунъ-ятъ-сена президентомъ китайской республики, 28-го (15) декабря; шансы соглашенія съ Пекиномъ на почвѣ конституціонныхъ уступокъ все болѣе уменьшались. Чтобы оградить свои интересы, ближайшіе защитники трона, манчжурскіе князья, рѣшились принести династію въ жертву за подобающее вознагражденіе: они предпочли обезпечить себя крупными суммами и пенсіями отъ казны, съ упраздненіемъ монархіи—вмѣсто того, чтобы рисковать остаться ни съ чѣмъ при введеніи конституціи, съ сохраненіемъ ограниченной монархической власти. Переговоры о конституціи уступили мѣсто переговорамъ объ отреченіи богдыхана и всей царствующей фамиліи, и объ условіяхъ этого отреченія. Самъ Юаншикай выставляется съ разныхъ сторонъ кандидатомъ на постъ президента республики, и одно время даже временный революціонный президентъ Сунъ-ятъ-сенъ соглашался на эту оригинальную комбинацію.

Такъ окончился миражъ великодушныхъ намѣреній и обязательствъ, которыя столь краснорѣчиво излагались въ императорскихъ китайскихъ декретахъ за послѣдніе мѣсяцы. Теперь рѣчь идетъ уже объ «отреченіи» на возможно болѣе выгодныхъ основаніяхъ, — и удивительнѣе всего, что объ этомъ одинаково хлопочутъ и манчжурскіе сановники, и скрытый ихъ противникъ Юаншикай.

Въ связи съ революціоннымъ движеніемъ, охватившимъ значительную часть Китая, возникъ очень важный для насъ вопросъ о

судьбѣ Монголіи. По этому поводу было напечатано въ нашихъ газетахъ правительственное сообщеніе, сущность котораго сводится къ признанію необходимости компромисса между монгольскою автономіею, санкціонированною восшествіемъ на престолъ духовнаго главы монголовъ, Хутухту, и китайскими притязаніями на прежнее владычество надъ Монголіею. Обѣ стороны обратились къ Россіи съ просьбою о посредничествѣ.

«Императорское правительство,—говорится въ сообщеніи,—сочло возможнымъ пойти на встрѣчу этимъ просьбамъ. Сознавая, что соглашеніе между китайцами и монголами возможно лишь если последнимъ будетъ обезпечено сохраненіе ихъ самобытнаго строя, Императорское правительство полагало, что соглашеніе это должно бы выразиться въ какомъ-либо актѣ, гарантирующемъ отказъ китайцевъ отъ нарушенія этого строя... Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство сознавало, что дѣйствительное успокоеніе въ Монголіи можетъ наступить лишь въ томъ случаѣ, если монголамъ будетъ ясно, что принимаемыя въ ихъ странѣ мѣры къ ея развитію встрѣчаютъ одобреніе какъ Императорскаго, такъ и китайскаго правительствъ, и что между Россіей и Китаемъ не существуетъ разногласія на почвѣ монгольскихъ дѣлъ.

«Императорское правительство считало, поэтому, соотвѣтствующимъ интересамъ какъ Россіи и Китая, такъ и монголовъ, выразить готовность оказывать свое дружеское содѣйствіе при проведеніи въ жизнь въ Монголіи всѣхъ нужныхъ мѣропріятій, какъ административнаго, такъ и экономическаго и культурнаго характера...

«Не желая вмѣшиваться въ происходящую въ Китаѣ борьбу и не питая агрессивныхъ замысловъ въ Монголіи, Россія, однако, не можетъ не интересоваться установленіемъ прочнаго порядка въ этой сосѣдней съ Сибирью области, гдѣ имѣются крупные торговые русскіе интересы. Вооруженная борьба между монголами и китайцами намъ нежелательна, ибо отъ нея неизбѣжно пострадаютъ сказанные наши интересы. Этимъ соображеніемъ Императорское правительство руководилось прежде всего, выражая готовность принять на себя трудную задачу посредничества между китайцами и настроенными столь враждебно противъ нихъ монголами.

«Съ другой стороны, эти крупные интересы въ Монголіи не дозволяютъ Императорскому правительству игнорировать фактически установившееся въ этой странѣ правительство. Если Монголія порветъ связь съ Китаемъ, то, при всемъ желаніи видѣть прекратившеюся китайско-монгольскую распрю, Императорское правительство силой вещей будетъ вынуждено вести съ монгольскимъ правительствомъ дѣловыя сношенія».

Намѣренія русскаго правительства изложены здѣсь въ весьма умѣренномъ и доброжелательномъ тонѣ, но готовность оказывать монголамъ содѣйствіе въ культурно-экономическомъ развитіи ихъ родины можетъ быть понята какъ указаніе на желательность протектората, который намъ совершенно не нуженъ и не могъ бы намъ ничего доставить, кромѣ новыхъ обременительныхъ расходовъ и разныхъ политическихъ затрудненій и замѣшательствъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Положеніе дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ.—Его историческія причины.—Составъ и традиціи Совѣта.—Отношеніе его къ правительству.—Положеніе, занимаемое его предсѣдателемъ.—Дѣло епископа Гермогена.—Столѣтняя годовщина Александровскаго Лицея.—И. М. Шамшинъ, Ю. Н. Милютинъ и А. А. Черкесовъ †.

Среди многочисленныхъ преградъ, затрудняющихъ и замедляющихъ нормальное развитіе русской народной жизни, далеко не послѣднее мѣсто занимаетъ Государственный Совѣтъ. Перечислять законопроекты, имъ или изъ-за него испорченные или задержанные въ своемъ движеніи, мы не станемъ: они слишкомъ хорошо извѣстны. Насъ интересуетъ теперь вопросъ о причинахъ явленія, давно уже вошедшаго въ обиходъ печальной дѣйствительности.

Что верхняя палата, вполнѣ или въ значительной мѣрѣ составленная изъ назначаемыхъ членовъ, нигдѣ не служитъ и не можетъ служить активнымъ факторомъ прогресса—это фактъ не подлежащій никакому сомнѣнію. Нигдѣ, однако, такая палата не играла и не играетъ той роли, которую усвоилъ себѣ нашъ Государственный Совѣтъ. Ко многимъ палатамъ этого типа можно примѣнить съ соотвѣтствующимъ измѣненіемъ, извѣстный французскій афоризмъ: heureux les peuples qui n'ont pas d'histoire. Счастливы, скажемъ мы, верхнія палаты, игнорируемыя исторіей — и счастливы, государства, обладающія подобными палатами. Образцомъ можетъ служить итальянскій Сенатъ, во все свое слишкомъ шестидесятилѣтнее существованіе (если считать со времени обращенія сардинскаго королевства въ конституціонную монархію) столь же мало привлекавшій къ себѣ общественное вниманіе, какъ почтенная староримская матрона. Немногимъ отличается отъ него и испанскій

Сенатъ, хотя и имѣющій въ своей средѣ, рядомъ съ назначенными, выборныхъ членовъ. Мало заставляла говорить о себѣ и австрійская палата господъ. Нѣкоторыя точки соприкосновенія съ нашимъ Государственнымъ Совѣтомъ представляетъ прусская палата господъ—но различіе и здѣсь гораздо больше, чѣмъ сходство. На передній планъ политической сцены прусская палата господъ выдвинулась, собственно говоря, только одинъ разъ, во время знаменитаго конфликта шестидесятыхъ годовъ: она систематически утверждала расходы, которые отклоняла палата депутатовъ, и этимъ давала исполнительной власти видимость опоры — именно и только, *видимость*, такъ какъ для всѣхъ была ясна признанная впослѣдствіи и самимъ правительствомъ незаконность затратъ, производимыхъ вопреки прямо выраженной волѣ народнаго представительства. Палата господъ была, въ эти смутные годы, чѣмъ-то въ родѣ спутника бисмарковской колесницы, сопровождавшаго ея бѣгъ никому не нужными побѣдными кликами. И когда она, нѣсколько лѣтъ спустя, попробовала оказать сопротивленіе повелителю (по вопросу о реформѣ мѣстнаго самоуправленія), ей скоро пришлось услышать его грозное quos ego!—и вернуться къ своему обычному ничтожеству.

Чѣмъ же объяснить своеобразную позицію, занятую нашей верхней палатой если не сразу, то весьма скоро, и упорно удерживаемую ею до настоящей минуты? Прежде всего, быть можетъ, тѣмъ, что въ значительной своей части она является учрежденіемъ старымъ, созданнымъ задолго до перехода Россіи къ обновленному строю. Этого нельзя сказать объ аналогичныхъ западно-европейскихъ верхнихъ палатахъ. Въ Пруссіи, напримѣръ, Государственный Совѣтъ существовалъ въ до-конституціонную эпоху, но онъ не былъ введенъ въ составъ палаты господъ, не унаслѣдовавшей, такимъ образомъ ни его имени, ни его традицій. У насъ Государственный Совѣтъ, за четыре года до октябрьскаго манифеста праздновавшій свою столѣтнюю годовщину, прямо занялъ мѣсто среди новыхъ законодательныхъ учрежденій, получивъ только придатокъ въ видѣ выборныхъ членовъ. Въ теченіе XIX-го вѣка Государственный Совѣтъ подвергался, въ большей или меньшей степени, вліянію различныхъ теченій—различныхъ на столько, на сколько возможны были смѣны настроеній въ высшихъ сферахъ міра, по самому своему существу склоннаго къ застою. Немногіе независимые голоса, раздававшіеся въ Государственномъ Совѣтѣ при Александрѣ I-мъ и даже въ первые годы царствованія Николая I-го, замолкли, не найдя преемниковъ. Эпоха Александра II-го унаслѣдовала Совѣтъ, составленный изъ дѣятелей прежняго времени. Великимъ реформамъ онъ сочувствовать не могъ; онѣ проходили въ жизнь скорѣе вопреки

ему, чѣмъ при его содѣйствіи. Мало по малу, однако, нѣчто свѣжее и бодрое проникло и въ его среду; какъ мѣсто успокоенія государственныхъ людей, удаляющихся или удаляемыхъ съ поприща активной службы, онъ воспринялъ въ свою среду, рядомъ съ противниками преобразованій, и бывшихъ борцовъ за ихъ осуществленіе; достаточно назвать, въ видѣ примѣра, А. В. Головнина, С. П. Старицкаго, Н. И. Стояновскаго. Еще замѣтнѣе наличность этихъ элементовъ стала тогда, когда начался періодъ контръ-реформъ. Не случайно такія мѣры, какъ новый университетскій уставъ или положеніе о земскихъ начальникахъ, встрѣчали отрицательное отношеніе со стороны большинства Госуд. Совѣта и становились законами только въ силу утвержденія верховною властью мнѣнія меньшинства.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ — и составъ Госуд. Совѣта измѣнился въ противоположномъ направленіи. Ветераны эпохи великихъ реформъ одинъ за другимъ сходили въ могилу; ихъ мѣста занимали дѣятели реакціоннаго времени или завѣдомые сторонники реакціонныхъ стремленій. На долю послѣднихъ выпадали и тѣ немногія назначенія, которыя отступали отъ обычнаго шаблона, т. е. не были послѣднимъ шагомъ по лѣстницѣ служебныхъ повышеній. Если въ началѣ 80-хъ годовъ уклоненіемъ отъ нормы былъ призывъ въ Госуд. Совѣтъ общественнаго дѣятеля (Г. П. Галагана), то нѣсколько лѣтъ спустя двери высшаго государственнаго учрежденія стали отворяться передъ особо энергичными губернаторами, передъ особо ревностными въ защитѣ сословныхъ привилегій предводителями дворянства. Бывали назначенія, въ которыхъ общественное мнѣніе усматривало слѣды вліянія одной изъ реакціонныхъ газетъ. Даже такія событія, которыя, повидимому, должны были ввести въ Государственный Совѣтъ представителей новыхъ вѣяній, приводили иногда къ прямо противоположному результату, въ силу давно образовавшагося у насъ обычая служебныхъ компенсацій. Государственный Совѣтъ издавна служитъ убѣжищемъ для болѣе крупныхъ изъ числа павшихъ (но не опальныхъ) административныхъ величинъ (какъ Сенатъ — для менѣе крупныхъ). И вотъ, когда княземъ П. Д. Святополкъ-Мирскимъ была сдѣлана попытка перехода къ новой политической системѣ, въ Государственный Совѣтъ сразу перешли нѣкоторые изъ главныхъ сотрудниковъ В. К. Плеве. Приспособленія къ новымъ условіямъ ожидать отъ нихъ, конечно, столь же трудно, какъ и отъ министровъ, генералъ-губернаторовъ и другихъ сановниковъ до-конституціонаго времени. Лицъ этой категоріи между назначенными (присутствующими) членами Государственнаго Совѣта очень много; ихъ насчитывалось, по списку, обнародованному

1-го января, не менѣе 42 (13 министровъ, одинъ намѣстникъ, 11 товарищей министра, 10 генералъ-губернаторовъ или ихъ помощниковъ, 6 губернаторовъ, одинъ директоръ департамента). Дальше идутъ семнадцать бывшихъ министровъ и три бывшихъ товарища министра конституціоннаго времени, три бывшихъ посла, семь министровъ [1]) и одинъ товарищъ министра, нынѣ занимающіе эти должности, семь высшихъ придворныхъ чиновъ, четыре высшихъ военныхъ чина, двѣнадцать сенаторовъ, одинъ бывшій губернскій предводитель дворянства и два бывшихъ профессора.

Только что приведенныя нами цифры показываютъ съ достаточною ясностью, какое выдающееся мѣсто среди назначенныхъ членовъ Государственнаго Совѣта занимаютъ лица, дошедшія до него путемъ административной карьеры. У насъ нѣтъ соотвѣтствующихъ свѣдѣній о другихъ верхнихъ палатахъ; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ ихъ составѣ, на сколько онъ образуется назначеніемъ, односторонность чувствуется гораздо меньше. Въ нѣкоторыхъ конституціяхъ—напр., испанской, итальянской—перечислены категоріи лицъ, изъ среды которыхъ могутъ быть назначаемы члены верхней палаты [2]), и въ числѣ этихъ категорій стоятъ, рядомъ съ представителями различныхъ отраслей государственной службы, депутаты, члены провинціальныхъ совѣтовъ, члены академій, профессора университетовъ, наконецъ «всѣ тѣ, кто по своимъ выдающимся заслугамъ дѣлаетъ честь своей родинѣ». По австрійскому основному закону императоръ назначаетъ членами палаты господъ «выдающихся людей, оказавшихъ услуги государству или церкви, наукѣ или искусству». Правда, нигдѣ не опредѣлено численное соотношеніе между различными группами, ничѣмъ, слѣдовательно, не обезпечено равномѣрное распредѣленіе между ними мѣстъ въ верхней палатѣ; но самый перечень ихъ служитъ нѣкоторымъ ручательствомъ въ томъ, что ни одна группа не будетъ забыта, ни одна не получитъ слишкомъ рѣшительнаго перевѣса надъ всѣми другими. У насъ преобладаніе бюрократическаго элемента, юридически ничѣмъ не ограниченное, фактически оказалось неизбѣжнымъ, такъ какъ въ составъ новаго Государственнаго Совѣта вошли почти всѣ члены прежняго, достигшіе этого званія, за весьма немногими исключеніями, занятіемъ высшихъ административныхъ должностей. Мало по малу характеръ

---

[1]) Изъ числа нынѣшнихъ министровъ или лицъ, равныхъ имъ по положенію, трое отнесены нами къ первой категоріи, такъ какъ они занимали высшіе посты и до 17-го октября 1905-го года.

[2]) Аналогичный порядокъ былъ установленъ во Франціи во время іюльской монархіи, благодаря чему пэромъ Франціи сталъ, между прочимъ, Викторъ Гюго.

нашей верхней палаты могъ быть измѣненъ послѣдующими назначеніями; но, опять-таки за рѣдкими исключеніями, они не выходили изъ обычнаго русла. Возьмемъ, для примѣра, списокъ лицъ, возведенныхъ къ новому году въ званіе членовъ Гос. Совѣта: мы найдемъ въ немъ одного бывшаго министра, четырехъ товарищей министра (изъ которыхъ двое оставлены въ этой должности, не смотря на сопряженную съ нею подчиненность), одного начальника главнаго управленія (т. е., въ сущности, директора департамента), одного сенатора и только одно лицо, обязанное своимъ назначеніемъ своей общественной дѣятельности (правильнѣе, впрочемъ было бы назвать ее противообщественною, въ виду ея связи съ совѣтомъ объединеннаго дворянства).

Государственная служба вообще—и административная въ частности—совмѣстима, однако, съ другими занятіями, расширяющими кругозоръ, способствующими пріобрѣтенію свѣдѣній, развитію навыковъ и свойствъ, особенно цѣнныхъ въ участникѣ законодательной дѣятельности. Опредѣлить, съ этой точки зрѣнія, уровень, на которомъ стоятъ назначенные члены Госуд. Совѣта, мы, конечно, не беремся; у насъ нѣтъ для этого достаточныхъ данныхъ, нѣтъ и желанія касаться всегда щекотливыхъ личныхъ вопросовъ. Мы можемъ предложить нашимъ читателямъ только одно: пускай они просмотрятъ списокъ назначенныхъ членовъ Государственнаго Совѣта и спросятъ себя, сколько въ немъ именъ, пользующихся широкою извѣстностью—извѣстностью, обусловленною не характеромъ оффиціальныхъ функцій, а личными качествами, плодами личной дѣятельности. Не думаемъ, чтобы такихъ именъ можно было насчитать больше десяти — и едва ли случайно, что значительная ихъ часть обязана своимъ блескомъ работѣ на поприщѣ суда, науки и литературы.

Итакъ, преобразованный Государственный Совѣтъ, подобно старому, стоитъ, въ одной своей половинѣ, въ самомъ близкомъ духовномъ родствѣ съ бюрократическимъ міромъ. Этимъ объясняется очень многое. Бюрократіи свойственно, вообще, служеніе принципу: quieta non movere (не двигать того, что находится въ покоѣ)—хотя бы покой былъ только видимый, кажущійся. Нужно совершенно особое стеченіе обстоятельствъ—или появленіе въ ея средѣ особо одаренной личности (въ родѣ Н. А. Милютина),—чтобы побудить ее къ разрыву съ привычнымъ прошлымъ. Понятно, какое смущеніе внесли въ ея среду событія 1905-го года. Когда волна отхлынула назадъ, смущеніе уступило мѣсто рѣшительному отпору... Другая отличительная черта бюрократіи—довѣріе къ себѣ и недовѣріе къ общественнымъ силамъ. Въ народномъ представительствѣ—даже такомъ, какое созда-

лось при дѣйствіи избирательной системы 3-го іюня,—она не могла не увидѣть докучнаго соперника, неумѣло и самонадѣянно берущагося за исконное бюрократическое дѣло. Пренебрежительно относясь къ Государственной Думѣ, верхняя палата не столько провѣряла или дополняла ея труды, сколько возобновляла ихъ съ самаго начала. Законопроекты, принятые Думой, по цѣлымъ годамъ лежали въ комиссіяхъ Государственнаго Совѣта, ничего не выигрывая отъ того ни по существу, ни даже по формѣ. Создалось то положеніе, которое теперь, въ виду близкаго конца полномочій третьей Думы, грозитъ отсрочкой на неопредѣленное время немногихъ крупныхъ реформъ, поставленныхъ на очередь министерствомъ и проведенныхъ въ нижней палатѣ. Въ свое время служба въ Государственной Канцеляріи считалась особенно трудной, въ виду строгихъ требованій, которымъ должна была удовлетворять редакція журналовъ и меморій Госуд. Совѣта. Нельзя сказать, чтобы этою строгостью достигалось хотя бы формальное совершенство издававшихся тогда законовъ; но воспоминаніе о ней порождало мысль о какихъ-то особыхъ законодательныхъ способностяхъ Государственнаго Совѣта, дающихъ ему право смотрѣть свысока на profanum vulgus Государственной Думы. Не велика была бы бѣда, еслибы это привело только къ тѣмъ «счетамъ» между обѣими палатами, о которыхъ говорилъ А. И. Гучковъ, занимая предсѣдательское мѣсто въ Государственной Думѣ; но нерасположеніе къ «профанамъ», въ связи съ другими, болѣе серьезными причинами, выразилось въ замедленіи законодательной работы, граничащемъ съ бездѣйствіемъ.

Въ Россіи, какъ и на Западѣ, бюрократическія тенденціи шли иногда въ разрѣзъ съ притязаніями привилегированныхъ сословій. Это случалось не только въ тѣ короткіе и рѣдкіе моменты, когда руками бюрократіи, въ бюрократическомъ порядкѣ, совершались дѣйствительныя перемѣны къ лучшему,—но и тогда, когда движеніе назадъ возбуждало вопросъ о дѣлежѣ вліянія и власти. У насъ, напримѣръ, въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, надъ «преобразованіями на оборотъ» въ области мѣстнаго управленія и самоуправленія трудились одновременно и представители администраціи, и представители дворянства; но они расходились между собою въ пониманіи роли, которая должна быть отведена каждому изъ союзниковъ. Положеніе о земскихъ начальникахъ было компромиссомъ, болѣе выгоднымъ для сильнѣйшаго, т. е. для бюрократіи, но удобопріемлемымъ и для слабѣйшаго. И въ настоящее время можно подмѣтить нѣчто подобное (припомнимъ, напримѣръ, разногласіе, возникшее въ совѣтѣ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства по вопросу о томъ, кто долженъ быть поставленъ во главѣ управленія преобразованнымъ уѣздомъ); но,

вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, точекъ соприкосновенія между бюрократіей и дворянствомъ теперь еще больше, чѣмъ четверть вѣка тому назадъ. И той, и другому одинаково антипатичны новыя силы, выступившія на сцену государственной жизни, новыя требованія, предъявляемыя ими, новыя формы обсужденія этихъ требованій. Въ верхахъ бюрократическаго міра специфически дворянскія стремленія находятъ сочувственный откликъ не только въ виду борьбы противъ общаго врага, но и въ виду множества нитей, соединяющихъ администрацію, въ особенности мѣстную, съ органами дворянскихъ корпорацій. Понятна, поэтому, близость, установившаяся между большинствомъ назначенныхъ членовъ Государственнаго Совѣта и тѣми изъ выборныхъ его членовъ, которые являются представителями дворянства (т. е., въ настоящую минуту, «объединеннаго» дворянства). Весьма можетъ быть, что въ средѣ послѣднихъ нерасположеніе къ новизнѣ отличается особенною интенсивностью, особенною силой; но во всякомъ случаѣ сходство дворянскихъ и бюрократическихъ чувствъ объясняетъ многое въ дѣятельности—и бездѣятельности—Государственнаго Совѣта. Волостное земство, напримѣръ, одни могутъ отвергать, главнымъ образомъ, какъ новый шагъ къ самоуправленію, другіе—какъ новый шагъ къ безсословности и къ отмѣнѣ податныхъ льготъ; мировой судъ однимъ можетъ быть непріятенъ какъ ограниченіе административнаго всевластія, другимъ—какъ источникъ дѣйствительнаго равенства передъ правосудіемъ; въ всеобщемъ обученіи одни могутъ видѣть опасность для авторитета власти, другіе—для помѣщичьяго авторитета; но различіе въ мотивахъ не устраняетъ сходства заключительныхъ выводовъ... Солидарны съ представителями дворянства, въ настоящую минуту, и многіе изъ представителей земства. Прошло то время, когда между дворянскими и земскими собраніями существовала ясно опредѣленная демаркаціонная линія, когда численное преобладаніе дворянъ въ средѣ земскихъ учрежденій не окрашивало ихъ въ ярко-сословную краску. Послѣ 1905-го года въ настроеніи земства произошла почти повсемѣстно рѣзкая перемѣна, отразившаяся, въ большей или меньшей степени, и на выборныхъ отъ земскихъ собраній членахъ Госуд. Совѣта.

Въ одномъ направленіи съ составомъ и традиціями Госуд. Совѣта дѣйствуетъ отношеніе его къ правительственной власти. Преобразованіе Государственнаго Совѣта въ законодательное собраніе совершилось (въ февралѣ 1906-го года) именно въ то время, когда опасенія, въ высшихъ сферахъ, стали брать верхъ надъ надеждами, осторожность—надъ смѣлостью, забота о сохраненіи существующаго—надъ готовностью къ кореннымъ реформамъ. Въ верхней палатѣ

съ самаго начала стали видѣть не столько орудіе политическаго и соціальнаго прогресса, сколько сдерживающій его тормазъ. И этотъ взглядъ остался въ силѣ даже тогда, когда роль тормаза въ значительной мѣрѣ стала играть избранная по правиламъ 3-го іюня Госуд. Дума. Оппозиціонныя стремленія, когда то — конечно, въ самой умѣренной дозѣ и самой скромной формѣ—проявлявшіяся въ средѣ Госуд. Совѣта, давно изсякли; онъ привыкъ не столько служить опорой для власти, сколько искать въ ней для себя опоры, и не столько провѣрять ея начинанія, сколько къ нимъ приспособляться. Эту привычку онъ перенесъ съ собою и въ новый фазисъ своего существованія. Еслибы министерство Столыпина избрало своимъ девизомъ: «реформы, и черезъ нихъ успокоеніе», большинство Госуд. Совѣта, охотно или неохотно, послѣдовало бы за нимъ, можетъ быть, по этому пути; но при лозунгѣ: «успокоеніе, потомъ реформы» ничто не мѣшало ему дать волю своимъ естественнымъ наклонностямъ. Къ этому присоединилось еще одно важное соображеніе. Назначеннымъ членамъ западно-европейскихъ верхнихъ палатъ несмѣняемость гарантирована не только на словахъ, но и на самомъ дѣлѣ; не было, кажется, примѣра, чтобы кто-либо изъ нихъ утратилъ, помимо желанія и воли, свои законодательныя полномочія. На ту же почву стало, повидимому, и наше законодательство: «члены Государственнаго Совѣта по высочайшему назначенію—сказано въ ст. 9-ой учрежденія Государственнаго Совѣта,—увольняются только по ихъ о томъ просьбамъ». Весьма скоро, однако, сила этого правила была парализована такимъ толкованіемъ ст. 9-й и 11-ой, которое дало возможность удалять назначенныхъ членовъ изъ числа «присутствующихъ», т. е., сохраняя за ними званіе и содержаніе, лишать ихъ всякаго участія въ законодательной дѣятельности [1]). Случаевъ такого удаленія было немного, но они устраняли всякое сомнѣніе въ томъ, что найденъ способъ воздѣйствія на строптивыхъ или своевольныхъ законодателей. Для тѣхъ, кто пожелалъ бы вступить на опасную дорогу, это было довольно яснымъ memento mori. Минувшій 1911-ый годъ прибавилъ къ первому предостереженію второе, еще болѣе внушительное. Всѣмъ памятно, конечно, «увольненіе въ отпускъ» двухъ назначенныхъ членовъ Госуд. Совѣта, состоявшееся вслѣдъ за отклоненіемъ законопроекта о земскихъ учрежденіяхъ въ шести Западныхъ губерніяхъ. Этимъ распоряженіемъ Госуд. Совѣтъ былъ прямо низведенъ на степень «присутственнаго мѣста», какимъ онъ, въ сущности, былъ до 1906-го года. И этого мало. Въ то же самое

[1]) Неправильность этого толкованія подробно мотивирована нами въ внутреннемъ обозрѣніи № 2 «Вѣстн. Евр.» за 1908 г.

время обнаружилась возможность устранять изъ Госуд. Совѣта и нѣкоторыхъ выборныхъ его членовъ. Стоило только министру народнаго просвѣщенія уволить отъ должности профессора А. А. Мануилова—и онъ былъ признанъ потерявшимъ право засѣдать въ Госуд. Совѣтѣ. Та же участь постигла В. И. Вернадскаго, добровольно сложившаго съ себя званіе профессора. Послѣдовательное проведеніе этого принципа выразилось бы въ результатахъ болѣе чѣмъ странныхъ: пришлось бы, напримѣръ, исключать изъ Госуд. Думы всѣхъ потерявшихъ, во время пятилѣтняго періода, свой избирательный (напр. земельный или квартирный) цензъ...

Съ ненормальными условіями, созданными для нашей верхней палаты, гармонируетъ положеніе, фактически занятое ея предсѣдателемъ. Очень характерно, въ этомъ отношеніи, недавно появившееся въ печати [1]) и никѣмъ не опровергнутое изложеніе извѣстной бесѣды крестьянъ-членовъ Думы съ М. Г. Акимовымъ. Желая «окончательно разсѣять иллюзіи крестьянъ», предсѣдатель Госуд. Совѣта объявилъ имъ, что считаетъ законопроектъ о волостномъ земствѣ, во всемъ его объемѣ, непріемлемымъ; давать подобный законъ на мѣста несвоевременно, потому что крестьяне необразованны, некультурны и матеріально не обезпечены. Это невѣжество и темнота крестьянской массы сказались, по мнѣнію М. Г. Акимова, въ той роли, которую члены Думы-крестьяне сыграли при обсужденіи вопроса о передачѣ церковно-приходскихъ школъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. Оставляя въ сторонѣ странность критерія, выбраннаго предсѣдателемъ Госуд. Совѣта для опредѣленія степени темноты крестьянства, не касаясь умѣстности сужденій о крестьянской массѣ, высказанныхъ въ разговорѣ съ ея представителями, мы подчеркнемъ только одно: увѣренность, съ которою М. Г. Акимовъ провидитъ судьбу законопроекта о волостномъ земствѣ и беретъ на себя *окончательное* разсѣяніе крестьянскихъ иллюзій. Можно ли вообразить себѣ президента любой западно-европейской верхней палаты, говорящаго въ такомъ смыслѣ и въ такомъ тонѣ съ народными представителями? Правда, за границей было бы немыслимо самое обращеніе членовъ одной палаты къ президенту другой; но и при другихъ обстоятельствахъ предсѣдатель сената или палаты господъ едва ли рѣшился бы предсказывать рѣшеніе не обсуждавшагося еще вопроса и мотивировать свое предсказаніе доводами, оскорбительными для цѣлаго класса избирателей... Едва ли найдутся въ исторіи западно-европейскихъ верхнихъ палатъ и примѣры такого обращенія президента съ членами руководимаго имъ

---

[1]) См. «Новое Время», № 12869.

собранія, какіе встрѣчаются въ лѣтописяхъ преобразованнаго Государственнаго Совѣта. Въ засѣданіи 9-го минувшаго января членъ Совѣта по выбору отъ академіи и университетовъ, Д. Д. Гриммъ, проводилъ мысль, что и при дѣйствіи закона 17-го іюня 1910-го года юридическую силу котораго ораторъ не только не отвергалъ, но прямо призналъ,—вопросъ о денежныхъ взносахъ финляндской казны взамѣнъ отбыванія финляндскими гражданами личной воинской повинности можетъ быть рѣшенъ въ порядкѣ мѣстнаго законодательства. Когда онъ сталъ доказывать, что обращеніе къ этому порядку было бы и теперь не только возможно, но, въ виду «психологическаго факта» отрицательнаго отношенія Финляндіи къ общеимперскому законодательству, и болѣе цѣлесообразно, предсѣдатель прервалъ его слѣдующими словами: «Я покорнѣйше прошу васъ этихъ вопросовъ не касаться. Если вы желаете поддерживать то отрицательное отношеніе, которое существуетъ въ Финляндіи къ закону, уже изданному, то я находилъ бы это здѣсь совершенно неумѣстнымъ. Я не понимаю, противъ чего вы говорите. Въ данномъ случаѣ починъ проявленъ Государемъ Императоромъ въ силу закона 17-го іюня, и если вы отрицаете силу этого закона, то это, конечно, безплодно, да и недопустимо. Что собственно желаете вы въ настоящее время доказать?»—«Я не отрицаю силу этого закона, напротивъ, я съ этого началъ»,—отвѣтилъ Д. Д. Гриммъ, но, не успѣвъ досказать свою мысль, опять былъ прерванъ предсѣдателемъ. «Вы предлагаете»—спросилъ М. Г. Акимовъ,—«этотъ законъ издать въ мѣстномъ порядкѣ и находите, что Гос. Совѣтъ сдѣлаетъ ошибку, если приступитъ къ обсужденію этого закона?»—Д. Д. Гриммъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ утвердительно.—«О политическихъ ошибкахъ»—продолжалъ предсѣдатель,—«здѣсь говорить не мѣсто. Что же касается точки зрѣнія политической цѣлесообразности, точки зрѣнія финляндской, касающейся дѣйствующаго закона, то продолжать разсужденія на эту тему я вамъ разрѣшить не могу». И когда Д. Д. Гриммъ вновь заговорилъ о «психологическомъ фактѣ», подчеркнувъ свое намѣреніе освѣтить его съ точки зрѣнія не финляндскихъ, а русскихъ интересовъ, предсѣдатель, находя, что «это не есть оправданіе», вновь остановилъ его, послѣ чего оратору оставалось только отказаться отъ слова, въ виду лишенія его возможности развить мотивы своего взгляда.—Въ этомъ инцидентѣ характерно все: и многословіе предсѣдателя, и невниманіе его къ ясно выраженному намѣренію оратора, и своеобразное пониманіе предѣловъ, въ которыхъ должны вращаться пренія. Сначала мотивомъ перерыва выставляется отрицаніе, будто бы, обязательной силы закона. Когда Д. Д. Гриммъ еще разъ подтверждаетъ въ сущности не требовавшее подтвержденія,—

ствовалъ, въ всеподданнѣйшей телеграммѣ, «о защитѣ святой церкви отъ неправильныхъ дѣйствій Синода». Эти дѣйствія заключались: 1) въ учрежденіи въ Москвѣ «еретической корпораціи діакониссъ», и 2) въ голосованіи вопроса о введеніи въ православной церкви «грубо противоканоническаго чина заупокойнаго моленія о еретикахъ инославныхъ», чѣмъ оказывается «самовольное, безчинное снисхожденіе къ противникамъ православной церкви». Послѣдній вопросъ, какъ видно изъ синодскаго опредѣленія, еще не получилъ разрѣшенія въ Синодѣ, а особое мнѣніе еп. Гермогена по первому вопросу представлено на усмотрѣніе Государя. «Поставленіе себя въ исключительныя условія при защитѣ своихъ воззрѣній по сравненію съ прочими членами Св. Синода и голословное опороченіе предъ Государемъ Императоромъ постановленій и сужденій Св. Синода» Синодъ призналъ поступкомъ заслуживающимъ осужденія, и выразилъ преосвященному Гермогену порицаніе. Дальнѣйшій ходъ дѣла извѣстенъ: епископу саратовскому было повелѣно удалиться въ Саратовъ, а затѣмъ, послѣ новыхъ усложненій, онъ былъ уволенъ отъ управленія епархіей, съ назначеніемъ ему мѣста жительства въ одномъ изъ монастырей Гродненской епархіи.

Совершенно ясно, такимъ образомъ, что способъ дѣйствій, избранный еп. Гермогеномъ, былъ направленъ не къ уменьшенію, а къ увеличенію зависимости церкви отъ свѣтской власти. Епископъ прямо домогался свѣтскаго вмѣшательства въ церковныя дѣла, даже не рѣшенныя еще Синодомъ. И побуждало его къ тому, отчасти, враждебное отношеніе къ «еретикамъ инославнымъ», какъ къ противникамъ православной церкви. Ни по формѣ, ни по существу принятыя имъ мѣры не отличались, слѣдовательно, отъ тѣхъ стремленій, которыми издавна создается и поддерживается ненормальное положеніе православной русской церкви. [1]). Едва ли во многихъ сердцахъ, поэтому, найдутъ отголосокъ слова, сказанныя преосвященнымъ послѣ полученія имъ указа, опредѣляющаго его участь: «благодарю Бога, что онъ сподобилъ меня понести раны Господа моего Іисуса Христа». Сколько бы ни было поклонниковъ и поклонницъ у епископа Гермогена, въ широкихъ общественныхъ сферахъ его попытка отстоять свои воззрѣнія при помощи свѣтской власти не можетъ встрѣтить симпатіи и одобренія. Успѣхъ ея былъ бы шагомъ назадъ, а не впередъ. Чтобы занять положеніе, соотвѣтствующее ея призванію, церковь должна отказаться

1) Вотъ еще дополнительная черточка, рисующая настроеніе еп. Гермогена: по словамъ «Рѣчи», онъ на другой день послѣ увольненія отъ управленія епархіею долго бесѣдовалъ съ членомъ Госуд. Думы Володимировымъ, редакторомъ «Колокола» В. М. Скворцовымъ и авторомъ книги «Наше преступленіе», г. Родіоновымъ.

отъ обращенія къ «свѣтской рукѣ». Быть можетъ, дѣло епископа Гермогена не останется безъ полезныхъ послѣдствій; быть можетъ, оно послужитъ исходной точкой для новаго движенія,—но это будетъ, во всякомъ случаѣ, не то движеніе, которое хотѣлъ вызвать бывшій саратовскій преосвященный... Еще одинъ урокъ можно вывести изъ только что закончившагося дѣла: оно свидѣтельствуетъ о неудобствахъ поощренія такихъ дѣятелей, какимъ былъ іеромонахъ Иліодоръ. Если бы въ свое время было приведено въ исполненіе опредѣленіе Синода о возвращеніи царицынскаго агитатора въ назначенный ему для жительства тульскій монастырь, это не осталось бы, по всей вѣроятности, безъ вліянія на послѣдующую дѣятельность епископа Гермогена.

Александровскій—бывшій царскосельскій—Лицей, праздновавшій на-дняхъ свою столѣтнюю годовщину, раздѣляетъ судьбу учрежденій, переживающихъ тѣ условія, при которыхъ они были созданы. Въ 1811 г. мысль о побужденіи семействъ, принадлежащихъ къ высшему—или, какъ говорится теперь, средневысшему—кругу, посылать своихъ сыновей въ общеобразовательную школу, была вполнѣ естественна и практична. Университетовъ въ то время было мало (не считая Дерпта—только три); въ Петербургѣ существовало только одно высшее учебное заведеніе (главный педагогическій институтъ, имѣвшій спеціальное назначеніе и пополнявшійся преимущественно воспитанниками духовныхъ семинарій); тяга въ военную службу не находила въ дворянской средѣ достаточнаго противовѣса, а между тѣмъ потребность въ образованныхъ людяхъ на поприщѣ гражданской службы чувствовалась все сильнѣе, въ виду совершившихся и, тѣмъ болѣе, проектировавшихся преобразованій. Для удовлетворенія этой потребности и былъ учрежденъ Лицей, цѣлью котораго оффиціально было признано «образованіе юношества, особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ государственной службы». Курсъ ученья долженъ былъ состоять изъ предметовъ, «приличныхъ этимъ важнымъ частямъ и необходимо нужныхъ для благовоспитаннаго юноши». Намѣченная цѣль была, въ значительной мѣрѣ, достигнута; Лицей исполнилъ свое назначеніе, какъ исполнило его и основанное четверть вѣка спустя училище правовѣдѣнія. Первый способствовалъ поднятію общаго уровня государственной службы, въ ея «важныхъ частяхъ»; второе положило начало искорененію взяточничества въ судахъ и подготовило успѣхъ судебной реформы. Прошло нѣсколько десятилѣтій: положеніе дѣлъ существенно измѣнилось. Стремленіе къ высшему образованію охватило широкіе, постоянно раздвигающіеся круги

и перестало нуждаться въ искусственномъ поощреніи; число университетовъ возрасло болѣе чѣмъ вдвое; рядомъ съ ними сталъ цѣлый рядъ другихъ высшихъ школъ. Небольшія учебныя корпораціи потеряли, вмѣстѣ съ своимъ спеціальнымъ назначеніемъ, право на привилегированное существованіе. Подъ именемъ привилегій мы понимаемъ здѣсь не только высшіе, сравнительно съ пріобрѣтаемыми въ университетѣ, чины, не только освобожденіе отъ государственныхъ экзаменовъ, обязательныхъ для студентовъ, но и покрытіе государствомъ части расходовъ, вызываемыхъ содержаніемъ Лицея. Школу, не имѣющую государственнаго значенія, цѣнную только для немногихъ, должны, по справедливости, поддерживать одни эти немногіе, т. е. родители или родственники такъ называемыхъ своекоштныхъ воспитанниковъ.

Намъ могутъ возразить, что какъ, съ одной стороны, отъ юридическаго факультета, такъ, съ другой, отъ училища правовѣдѣнія Лицей отличается менѣе спеціальнымъ, болѣе общеобразовательнымъ характеромъ учебнаго курса. Въ этомъ характерѣ курса можно видѣть нѣкоторое превосходство Лицея передъ училищемъ правовѣдѣнія—но отнюдь не передъ университетомъ, гдѣ всегда представляется возможность расширить свой кругозоръ, заглянуть въ другія научныя сферы. Спорнымъ, въ нашихъ глазахъ, представляется и вопросъ о томъ, сохранились ли до сихъ поръ за энциклопедичностью (во всѣхъ отношеніяхъ весьма несовершенною) лицейскаго преподаванія тѣ преимущества, которыя она, быть можетъ, имѣла въ прежнее время. Сравнивая, четверть вѣка тому назадъ, Лицей съ училищемъ правовѣдѣнія, мы констатировали тотъ фактъ, что если лицеистамъ не пришлось произвести такого переворота въ одной изъ отраслей государственной службы, какой удался правовѣдамъ, то въ исторіи русскаго общества, русской мысли первые занимаютъ болѣе видное мѣсто, чѣмъ вторые. Перечисливъ тѣхъ весьма немногихъ правовѣдовъ, которые выдвинулись если не на первый, то на видный планъ въ области литературы, науки и искусства, мы напомнили, что черезъ тридцать лѣтъ послѣ Пушкина и Дельвига въ Лицеѣ окончили курсъ Салтыковъ и Мей; изъ Лицея вышелъ такой земскій дѣятель и педагогъ, какъ баронъ Н. А. Корфъ; имена лицеистовъ можно встрѣтить между академиками, между нашими философами и соціологами. Теперь мы хотимъ сравнить не лицеистовъ съ правовѣдами, а лицеистовъ между собою. Если взять памятную книжку лицея и, откинувъ пять послѣднихъ выпусковъ, представители которыхъ только недавно вступили на житейское поприще, раздѣлить всѣ остальные на двѣ приблизительно равныя

части [1]) (съ 1817-го по 1862-ой и съ 1862-го по 1906-ой годъ), то получится слѣдующій любопытный фактъ: къ первой половинѣ принадлежатъ почти всѣ лицеисты, обязанные своей извѣстностью не государственной службѣ,—а ко второй изъ этой категоріи не принадлежитъ почти никто изъ нихъ [2]).

Другое возраженіе можетъ заключаться въ слѣдующемъ: во второмъ полустолѣтіи своего существованія, какъ и въ первомъ, Лицей даетъ Россіи не только много должностныхъ лицъ для «важныхъ частей» государственной службы, но и немало настоящихъ государственныхъ людей. Провести, съ этой точки зрѣнія, параллель между обоими полустолѣтіями было бы интересно, но неудобно, такъ какъ нельзя было бы избѣжать личныхъ вопросовъ. Ограничимся однимъ замѣчаніемъ: предусматриваемое нами возраженіе могло бы быть признано вѣскимъ только въ такомъ случаѣ, еслибы Лицей былъ единственнымъ или главнымъ разсадникомъ государственныхъ людей. На самомъ дѣлѣ это не такъ; на высшихъ должностяхъ перебывало и состоитъ немало правовѣдовъ, еще больше — студентовъ и воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. О монополіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи: тѣсто, изъ котораго дѣлаются государственные люди, приготовляется, очевидно, не въ одномъ только Александровскомъ Лицеѣ.

Закончимъ эту замѣтку словами, сказанными нами двадцать шесть лѣтъ тому назадъ по поводу пятидесятилѣтія училища

---

1) Равныя по времени, но не по числу окончившихъ курсъ, во второмъ періодѣ гораздо бо́льшему: до 1835-го года выпуски происходили только разъ въ три года, до 1881-го года—разъ въ полтора года, а съ 1883 г. происходятъ ежегодно.

2) Кромѣ именъ, упомянутыхъ выше, назовемъ еще поэтовъ—Илличевскаго, Деларю, Яхонтова, композитора Яковлева, художника В. Г. Шварца писателей—Кюхельбекера, Н. Д. Ахшарумова, В. П. Гаевскаго, переводчика Шекспира А. Л. Соколовскаго, ученыхъ—бар. Торнау, Я. К. Грота и К. С. Веселовскаго (академики), Я. В. и Н. В. Ханыковыхъ, Е. И. Ламанскаго, В. П. Безобразова (академикъ), Вельяминова-Зернова, Г. П. Вырубова, Е. В. де-Роберти, Д. Ѳ. Кобеко, историка крестьянской реформы и переводчика Мицкевича Н. П. Семенова, извѣстнаго славянофила Н. Я. Данилевскаго, земскихъ дѣятелей Е. А. Шакѣева и Н. Ф. фонъ-деръ-Флита. Объ отзывчивости старыхъ лицеистовъ на общественныя движенія говорятъ имена Пущина, Петрашевскаго, Кашкина, Европеуса, Н. и А. Серно-Соловьевичей. Примѣняя тотъ же масштабъ ко второй половинѣ выпусковъ, мы можемъ только указать въ области беллетристики—кн. Д. П. Голицына (Муравлина), въ области науки—П. Я. Дашкова и А. С. Ермолова, въ области публицистики—Р. Р. Минцлова. Нѣсколько лицеистовъ состоятъ или состояли членами Госуд. Думы и выборными членами Гос. Совѣта, но ни одинъ изъ нихъ не обратилъ и не обращаетъ на себя общаго вниманія.

правовѣдѣнія: «для учрежденія важно не только своевременное появленіе на сцену, но и своевременное оставленіе ея — или, что въ данномъ случаѣ одно и то же, своевременная метаморфоза. Исторія его пріобрѣтаетъ отъ этого новый, усиленный блескъ, потому что прошедшія его заслуги не затмѣваются послѣдующею безполезностью».

Скончавшійся въ началѣ января И. И. Шамшинъ оставилъ глубокій слѣдъ въ нашей по-реформенной исторіи. Окончивъ курсъ въ Лицеѣ въ 1857-мъ году, онъ избралъ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ и другомъ А. А. Сабуровымъ, поприще, на которое сравнительно рѣдко поступали и еще рѣже поступаютъ теперь лицеисты—поприще судебное, гдѣ въ то время назрѣвала уже коренная реформа. Подготовившись къ ней работой въ министерствѣ юстиціи, въ Сенатѣ, въ старой уголовной палатѣ, гдѣ онъ въ 1866 г. предсѣдательствовалъ, а также въ одномъ изъ юридическихъ кружковъ, образовавшихся на рубежѣ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, Ив. Ив. Шамшинъ былъ назначенъ сначала товарищемъ предсѣдателя, потомъ предсѣдателемъ С.-Петербургскаго окружного суда. Продолжая, въ общемъ завѣдываніи дѣлами суда, преданія перваго предсѣдателя, Г. Н. Мотовилова, Шамшинъ—опять-таки вмѣстѣ съ А. А. Сабуровымъ, а также съ В. И. Богаевскимъ и кн. В. А. Кейкуатовымъ, — поставилъ предсѣдательство въ судѣ присяжныхъ на ту высоту, на которой его до сихъ поръ стараются поддержать судьи, не забывшіе лучшихъ преданій лучшей эпохи нашего суда. Вскорѣ послѣ призыва къ присутствованію въ Сенатѣ, И. И. былъ включенъ въ число тѣхъ четырехъ сенаторовъ, которымъ, по докладу гр. Лорисъ-Меликова, было поручено производство ревизій въ восьми губерніяхъ [1]). Исторія этихъ ревизій, имѣвшихъ мало общаго съ прежними и послѣдующими (за исключеніемъ развѣ ревизіи Н. А. Манасеина въ остзейскомъ краѣ), еще не написана—а между тѣмъ она могла бы представить большой интересъ. Не было такой отрасли мѣстнаго управленія, недостатки которой—зависящіе не отъ упущеній или злоупотребленій должностныхъ лицъ, а отъ причинъ болѣе глубокихъ и общихъ—не были бы раскрыты и освѣщены ревизіями, съ указаніемъ средствъ ихъ исправленія. Ревизіи коснулись не только администраціи, полиціи, суда, но и земскаго и го-

---

[1]) На долю И. И. Шамшина достались губерніи Саратовская и Самарская.

родского самоуправленія, средней и низшей школы, раскола. Въ связи съ перемѣнами, готовившимися тогда въ центрѣ государства, результаты ревизій сослужили бы, можетъ быть, немалую службу въ дѣлѣ обновленія нашего государственнаго строя—но ревизіи были закончены уже при новыхъ обстоятельствахъ: уроки ихъ были забыты или сознательно отброшены въ сторону, и все пошло въ направленіи прямо противоположномъ. Это не осталось безъ вліянія и на личную судьбу большинства ревизовавшихъ сенаторовъ; широкіе пути впередъ были для нихъ надолго закрыты. Нѣсколько времени И. И. Шамшинъ стоялъ во главѣ мало подходившей къ нему межевой части, потомъ оставался рядовымъ сенаторомъ и уже на склонѣ лѣтъ былъ призванъ въ Государственный Совѣтъ. Въ работахъ Совѣта, какъ верхней палаты, пошатнувшееся здоровье не позволяло ему принимать дѣятельное участіе. Въ концѣ концовъ, онъ раздѣлилъ судьбу стольких выдающихся русскихъ государственныхъ людей: ему не дано было сдѣлать все то, для чего онъ имѣлъ способности и силы и къ чему его влекли основные его взгляды...

Въ числѣ младшихъ чиновниковъ, работавшихъ подъ руководствомъ И. И. Шамшина во время ревизіи Саратовской и Самарской губерній, находился умершій почти одновременно съ нимъ Ю. Н. Милютинъ. Участники ревизіи, къ которымъ принадлежалъ пишущій эти строки, скоро оцѣнили его зрѣлый не по лѣтамъ умъ, его серьезное отношеніе къ дѣлу. Отъ него многаго ожидали въ будущемъ, не только потому, что помнили, чей онъ сынъ, но и въ виду его личныхъ качествъ. Если эти ожиданія исполнились не вполнѣ, объясненіе тому слѣдуетъ искать отчасти въ рано разстроившемся его здоровьѣ, отчасти въ общемъ складѣ русской жизни, такъ часто мѣшающемъ способнымъ людямъ найти свою настоящую дорогу. Въ петербургской городской думѣ, гдѣ онъ примыкалъ къ группѣ «обновленцевъ», онъ оставилъ самую лучшую память. Въ союзѣ 17-го октября, однимъ изъ основателей котораго онъ былъ, онъ, если мы не ошибаемся, стоялъ близко къ такъ называемымъ «лѣвымъ октябристамъ».

Незамѣченной прошла смерть А. А. Черкесова, когда-то весьма популярнаго въ петербургскомъ обществѣ. Окончивъ курсъ въ Александровскомъ лицеѣ (вмѣстѣ съ И. И. Шамшинымъ и А. А. Сабуровымъ), онъ былъ, вскорѣ по открытіи въ Петербургѣ мирового суда, избранъ въ число столичныхъ мировыхъ судей и въ тоже время завѣдывалъ одною изъ лучшихъ петербургскихъ общественныхъ библіотекъ. Осенью 1869-го года онъ былъ арестованъ по подозрѣнію въ прикосновенности къ «нечаевскому» дѣлу; въ камерѣ его былъ

произведенъ безрезультатный обыскъ; онъ довольно долго оставался подъ стражей, и хотя слѣдствіе о немъ было прекращено за полнымъ недостаткомъ уликъ, но дальнѣйшая выборная служба была для него закрыта. Вслѣдствіе особаго распоряженія, онъ не былъ утверждаемъ даже въ должности почетнаго мирового судьи, и только на старости лѣтъ получилъ возможность занять должность мирового судьи по назначенію (въ Западномъ краѣ). Намъ хотѣлось напомнить о немъ тѣмъ, теперь уже немногимъ, которые знали его какъ одного изъ убѣжденныхъ идеалистовъ шестидесятыхъ годовъ.

ДВѢ ГОДОВЩИНЫ.

Англія чествуетъ память одного изъ великихъ ея писателей: 7-го февраля нов. ст. исполнилось сто лѣтъ со времени рожденія Чарльза Диккенса. На родинѣ его имя до сихъ поръ такъ же популярно, его сочиненія читаются такъ же усердно, какъ и при его жизни. У насъ въ Россіи его слава блеститъ теперь не такъ ярко, какъ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, когда имъ зачитывалась широкая публика, когда переводами его романовъ пріобрѣталъ извѣстность Иринархъ Введенскій, когда Диккенса можно было назвать обрусѣвшимъ или «руссифицированнымъ» писателемъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ французскій критикъ Геннекенъ примѣнилъ къ нему—и къ нашимъ Тургеневу и Льву Толстому—эпитетъ: écrivains francisés. Его знаютъ, быть можетъ, сравнительно немногіе, но тѣ, кто его знаетъ, едва ли любятъ его меньше, чѣмъ его современники. Русской душѣ близокъ его реализмъ, симпатична его гуманность, понятна и родственна его чуткость къ голосамъ жизни. Бѣлинскій недаромъ видѣлъ въ немъ союзника въ борьбѣ съ теоріей «чистаго искусства», недаромъ ссылался на него, когда утверждалъ, что «философъ говоритъ силлогизмами, поэтъ—образами и картинами, а говорятъ оба они одно и тоже» [1]. А между тѣмъ, Бѣлинскій умеръ раньше появленія такихъ романовъ Диккенса, какъ «Давидъ Копперфильдъ», «Холодный домъ», «Тяжелыя времена», «Большія ожиданія», «Повѣсть о двухъ городахъ». Устарѣло, въ громадномъ наслѣдствѣ Диккенса, только то, что было вызвано частными, преходящими недостатками англійской жизни—устарѣло, отчасти, именно благодаря горячей проповѣди романиста, возмущавшагося, напримѣръ,

[1] См. «Взглядъ на русскую литературу въ 1847 г.».

медленностью судопроизводства, неповоротливостью административнаго механизма, жестокостью школьныхъ нравовъ; но не потерпѣли отъ времени ни изображенія глубокихъ язвъ общественнаго устройства («Тяжелыя времена», «Холодный домъ»), ни удивительно проникновенные вклады въ психологію дѣтской души («Домби и сынъ», «Давидъ Копперфильдъ», «Большія ожиданія»), ни типы специфически-англійскихъ лицемѣровъ, гордецовъ и педантовъ («Мартинъ Чеззлевитъ», «Домби и сынъ», «Тяжелыя времена»), ни впечатлѣнія таинственно-вѣщаго шума приближающейся толпы («Повѣсть о двухъ городахъ»), ни такія поразительныя картины, какъ описаніе бури въ «Давидѣ Копперфильдѣ», ни блестки чудеснаго юмора, разсѣянныя въ «Пиквикскомъ клубѣ» и въ другихъ произведеніяхъ Диккенса. И все это—достояніе не одного англійскаго народа; Диккенсъ дорогъ всѣмъ тѣмъ, передъ кѣмъ раскрылись неисчерпаемыя сокровища его фантазіи и его сердца.

Другая недавняя годовщина—исполнившееся 19-го января двадцатипятилѣтіе со дня смерти С. Я. Надсона. Можетъ показаться страннымъ, что мы ставимъ рядомъ европейскую или, лучше сказать, всемірную знаменитость Диккенса—и сравнительно скромную, исключительно русскую извѣстность Надсона. Ихъ сближаетъ, въ нашихъ глазахъ, одна черта: они оба, говоря словами нашего великаго поэта, «любезны» современникамъ и потомству тѣмъ, что «пробуждали добрыя чувства». Диккенсъ былъ заступникомъ слабыхъ—дѣтей, забытыхъ и заброшенныхъ бѣдняковъ, несчастныхъ, едва сохранившихъ человѣческій образъ; Надсонъ молился «Богу страждущихъ», говорилъ слова утѣшенія «усталому брату», слышалъ призывный стонъ людского горя, присоединялся къ «крику голодныхъ и рабовъ: свободы, воздуха и свѣта!» Во всемъ остальномъ несходные между собою—въ степени таланта, въ отношеніи къ окружающей средѣ, въ общественной и житейской обстановкѣ, въ формахъ творчества, въ самой долготѣ дней,—Диккенсъ и Надсонъ одинаково апеллируютъ къ лучшимъ сторонамъ человѣческаго сердца. И имъ обоимъ за любовь платили и платятъ любовью. Сложны и многочисленны причины поразительной, до сихъ поръ не уменьшающейся популярности Надсона; мы указали, конечно, только одну изъ нихъ, намѣтивъ внутреннее его родство съ Диккенсомъ. Въ Надсонѣ очень много русскаго, и притомъ русскаго опредѣленной, не совсѣмъ еще закончившейся эпохи. Говоря въ первый разъ о стихотвореніяхъ Надсона [1]) еще при жизни поэта, мы выразили мысль, что въ его поэзіи

[1]) См. статью: «Поэты двухъ поколѣній» въ № 10 В. Евр. за 1885 г. Позднѣе мы говорили о Надсонѣ въ №№ 1 и 11 В. Евр. за 1887 г.

«отражаются, какъ въ зеркалѣ, впечатлѣнія, переживаемыя значительною частью молодежи. Колебанія государственной и общественной почвы, рѣзкіе переходы отъ одного направленія къ другому, воскресающія притязанія похороненной-было старины, неопредѣленныя очертанія скорѣе предчувствуемаго, чѣмъ предвидимаго будущаго—все это вызываетъ массу смутныхъ, разноцвѣтныхъ ощущеній, ставитъ массу неразрѣшенныхъ и трудно разрѣшимыхъ вопросовъ... Между доктринерами или фанатиками, на все имѣющими готовый отвѣтъ, и индифферентами, вовсе не заботящимися объ отвѣтѣ, идетъ длинная вереница ищущихъ, сомнѣвающихся, рвущихся впередъ, волнуемыхъ то отчаяніемъ, то надеждой. Къ этой вереницѣ принадлежитъ Надсонъ; она можетъ узнать себя въ его стихахъ; высказанное имъ испытывалось и испытывается многими. Лучшія его страницы соединяютъ въ себѣ лѣтопись его внутренней жизни съ отголосками движенія болѣе широкаго и общаго». Съ тѣхъ поръ прошло болѣе четверти вѣка—но, какъ ни велики перемѣны, происшедшія за это время въ русской дѣйствительности, движеніе, о которомъ мы тогда говорили, продолжается и теперь, по прежнему находя созвучныя ноты въ поэзіи Надсона. Въ жизни того, кто борется за свободу, за новый общественный строй, бываютъ такія же перипетіи, какъ и въ жизни влюбленнаго; какъ у Гетевской Клерхенъ (freudvoll — und leidvoll, himmelhoch jauchzend—zum Tode betrübt), радость уступаетъ мѣсто печали, восторгъ—унынію. Такія смѣны настроеній встрѣчаются и у Надсона; ему одинаково знакомы сомнѣніе и надежда, отчаяніе и вѣра. Отсюда его близость всѣмъ тѣмъ, кто стремится къ лучшему будущему, хотя бы и заволакиваемому, по временамъ, непроглядным туманомъ.

Много лѣтъ тому назадъ мы закончили нашу послѣднюю статью о Надсонѣ напоминаніемъ объ одномъ изъ стихотвореній, написанныхъ послѣ смерти Некрасова: «О, долговѣчны вы, пѣсни, поющія муки народныя, по сердцу бьющія! Пѣсни твоей, о страданій пѣвецъ, будетъ не скоро желанный конецъ; тамъ онъ, гдѣ горе людское кончается, тамъ онъ, гдѣ счастья заря занимается»!.. «Мы не хотимъ сравнивать обоихъ поэтовъ»—говорили мы дальше, —«но намъ думается, что кое-что изъ сказаннаго о Некрасовѣ примѣнимо и къ Надсону. Его пѣсни также «ударяли по сердцамъ», и конецъ, т. е. забвенье, едва ли настанетъ для нихъ раньше прекращенія тѣхъ мукъ, которыми онѣ вдохновлялись... А этимъ мукамъ не предвидится еще исхода». То же самое мы можемъ съ полнымъ убѣжденіемъ повторить и теперь: «долговѣчность» пѣсенъ Надсона коренится въ долговѣчности ихъ источника.

К. Арсеньевъ.

РАВНОПРАВІЕ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

Въ то время, какъ Петербургъ былъ занятъ «исторіей» епископа Гермогена и іеромонаха Иліодора, а Москва—пріемомъ англійскихъ гостей, въ нашей верхней палатѣ рѣшалась судьба Финляндіи, а въ нижней—судьба Польши. Періодической печати такая обильная пища оказалась не въ моготу: холмскому вопросу и пріему англійскихъ гостей посвящено было нѣсколько столбцовъ; еп. Гермогенъ также оказался не въ обидѣ; но зато «финляндскому равноправію» въ государственномъ совѣтѣ сами «Русскія Вѣдомости» отвели всего полъ-столбца. Вопросъ былъ предрѣшенъ. Никто не ожидалъ никакихъ сюрпризовъ, и только люди «принципіальные» до забвенія интересовъ самосохраненія могли еще плыть противъ теченія, зная, что въ лучшемъ случаѣ ихъ ждетъ одно издѣвательство.

Законопроектъ поражалъ своей краткостью. Его основное содержаніе изложено въ трехъ строкахъ. Онѣ гласятъ: «Русскимъ подданнымъ, не принадлежащимъ къ числу финляндскихъ гражданъ, предоставить въ Финляндіи равныя съ мѣстными гражданами права». Всѣ остальные отдѣлы касаются частностей: какъ будутъ платить впредь подати и сборы военно-служащіе, какія права на занятіе должностей въ Финляндіи обезпечены лицамъ, получившимъ высшее образованіе въ Имперіи. Попутно рѣшается даже, прибавимъ—весьма неясно, кто можетъ преподавать исторію въ финляндскихъ гимназіяхъ. Заходитъ, затѣмъ, рѣчь о томъ, что русскіе могутъ подавать иски и прошенія на родномъ языкѣ и ждать отвѣта на томъ же языкѣ. Седьмой и восьмой отдѣлы заняты вопросомъ о проведеніи въ жизнь принципа равноправія. Первый обогащаетъ Уложеніе о наказаніяхъ новою статьею 1423[1]. Финляндскія должностныя лица,—значится въ ней,—какъ состоящія на государственной службѣ, такъ и служащія по выборамъ или по вольному найму, а равно предсѣдатели и члены избирательныхъ комиссій по выборамъ какъ сеймовымъ, такъ и общиннымъ, виновныя въ умышленномъ воспрепятствованіи примѣненію закона объ уравненіи въ правахъ съ финляндскими гражданами другихъ русскихъ подданныхъ,—подвергаются взысканію отъ ста до пятисотъ рублей, или аресту на время отъ одного до трехъ мѣсяцевъ, или заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ мѣсяцевъ до одного года и

четырехъ мѣсяцевъ. Сверхъ того суду предоставляется удалить виновнаго отъ должности, а также лишить его права состоять на государственной службѣ и занимать должности по выборамъ или по вольному найму въ правительственныхъ и общественныхъ установленіяхъ всей Имперіи, со включеніемъ Финляндіи, на срокъ отъ одного года до десяти лѣтъ.

Уголовное преслѣдованіе противъ означенныхъ лицъ — объявляетъ слѣдующій затѣмъ отдѣлъ восьмой,—возбуждается, по сообщенію финляндскаго генералъ - губернатора, прокуроромъ с.-петербургской судебной палаты. Финляндскому генералъ-губернатору предоставляется, въ случаѣ возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ упомянутыхъ лицъ, кромѣ судей, временно устранять ихъ отъ должностей. Дѣла указаннаго рода производятся въ общемъ порядкѣ уголовнаго судопроизводства. Предварительныя слѣдствія производятся судебными слѣдователями с.-петербургскаго окружнаго суда. Обвиняемые судятся въ судебныхъ мѣстахъ с.-петербургскаго судебнаго округа. Пререканія о подсудности между судебными установленіями Имперіи и финляндскими учрежденіями разрѣшаются общимъ собраніемъ кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената. Опредѣленныя судебными приговорами личныя наказанія отбываются въ предѣлахъ Имперіи.

Разномыслія, возникшія при обсужденіи законопроекта въ комиссіи, нашли выраженіе въ двухъ особыхъ мнѣніяхъ и поправкахъ къ отдѣламъ первому и седьмому. Онѣ подписаны Андреемъ Александровичемъ Сабуровымъ и мною. Обѣ направлены противъ «декларативнаго характера» новаго закона и настаиваютъ на пользѣ болѣе опредѣленнаго указанія, какія именно права финляндскихъ гражданъ распространяются и на уроженцевъ Имперіи и какія именно дѣйствія, направленныя противъ равноправія, должны считаться преступными. Такими—гласитъ особое мнѣніе, редактированное А. А. Сабуровымъ,—могутъ быть признаны лишь служебныя дѣйствія, которыя представляются незаконными и могутъ выразиться какъ въ положительной, такъ и въ отрицательной формѣ. По терминологіи нашего уголовнаго кодекса эти дѣйствія составляютъ превышеніе или бездѣйствіе власти.

Поправка, предложенная Сабуровымъ, гласила, поэтому: виновные въ томъ, что, злоупотребляя предоставленною имъ властью или допустивъ противозаконное ея бездѣйствіе, умышленно препятствовали осуществленію закона объ уравненіи въ правахъ съ финляндскими гражданами другихъ русскихъ подданныхъ, подвергаются и т. д.

Кромѣ двухъ поправокъ Сабурова предложена была еще одна,

барономъ Э. Гойнингенъ-Гюне. Она предлагала прибавить къ тексту перваго отдѣла упоминаніе объ обязанностяхъ русскихъ, уравниваемыхъ въ правахъ съ финляндцами. Текстъ ея гласилъ: «русскимъ подданнымъ, не принадлежащимъ къ числу финляндскихъ гражданъ, предоставить въ Финляндіи равныя съ мѣстными гражданами права и возложить на нихъ соединенныя съ этими правами обязанности».

Противъ принятія этой поправки, защищенной рѣчью ея автора, министръ юстиціи возразилъ: «въ цѣломъ рядѣ нашихъ законовъ, кромѣ законовъ о равноправіи, постоянно привыкли считать, что когда предоставляютъ извѣстныя права вмѣстѣ съ обязанностями, то упоминаютъ только о правахъ».

Споръ не получилъ дальнѣйшаго развитія. Иначе министру можно было бы возразить, что если къ «Деклараціи правъ» предлагаемо было не разъ присоединить «Декларацію обязанностей», то ничего чрезвычайнаго не заключало въ себѣ предложеніе борона Гюнэ напомнить русскимъ, пріобрѣтающимъ въ Финляндіи право участія въ выборахъ, что отнынѣ они будутъ также нести неизвѣстныя имъ ранѣе обязанности (по платежу общинныхъ, городскихъ и государственныхъ сборовъ).

Послѣ рѣчи профессора Гримма, высказавшагося противъ самаго перехода къ постатейному чтенію, весь споръ свелся къ защитѣ или къ критикѣ поправокъ, предложенныхъ А. А. Сабуровымъ. За его болѣзнью, мнѣ, какъ подписавшему его поправку, пришлось выступать нѣсколько разъ противъ докладчика комиссіи законодательныхъ предположеній С. С. Манухина и министра юстиціи. Первый доказывалъ, что «пріемы спеціализаціи [1]) повели бы къ худшему: именно тогда, въ виду отсутствія кодификаціи финляндскихъ законовъ, возникали бы вопросы, которые трудно было бы разрѣшить. Примѣненіе спеціализаціи въ этомъ отдѣлѣ заставило бы видоизмѣнить, дополнить и отмѣнить рядъ финляндскихъ законовъ, наложить руку на цѣлый кругъ финляндскаго законодательства, обнимающаго весьма обширные вопросы. Едва ли это желательно и удобно, даже съ чисто финляндской точки зрѣнія».

Что касается до министра юстиціи, то, возражая мнѣ, онъ, собственно говоря, считался съ поправкой барона Гюне. Противъ меня главнымъ образомъ направлены были только слѣдующія заявленія министра при обсужденіи перваго отдѣла закона: «Рудольфъ Іерингъ находилъ, что краткость закона есть его истинное украшеніе. Если

---

[1]) См. Новое Время, № 12879.

нитый ученый, на котораго ссылался министръ юстиціи, и говоритъ, что краткость есть главное достоинство закона, но, сколько мнѣ извѣстно, гораздо раньше этого ученаго было высказано это положеніе устами Полонія, въ обращеніи его къ одному изъ дѣйствующихъ лицъ въ трагедіи Гамлетъ; но Полоній тутъ же подтвердилъ какъ разъ обратное—а именно, что краткость не всегда убѣдительна. Полоній говоритъ: «краткость есть душа ума, а краснорѣчіе его прикраса, поэтому я буду кратокъ. Вашъ сынъ безуменъ; такъ называю я его за тѣмъ, что въ чемъ иномъ и состоитъ безумство, когда не въ томъ, что человѣкъ безуменъ». Очевидно, Шекспиръ даетъ эту сентенцію въ доказательство того, что съ одной краткостью безъ ясности ума ничего достигнуть нельзя. И лицо, которое прослушало это заявленіе Полонія, осталось при тѣхъ же познаніяхъ, что и раньше. Когда я учился стилистикѣ Зеленецкаго, то мнѣ тоже рекомендовали краткость, но прибавляли, что злоупотреблять ею нельзя, и въ качествѣ примѣра приводили между прочимъ извѣстную фразу: «Казнить нельзя простить». Вотъ вамъ очень краткая формула. Если только точку поставить не тамъ, гдѣ нужно, то что же выйдетъ: Казнить. Нельзя простить,—или: Казнить нельзя. Простить.

А потому не будемъ стремиться къ тому, чтобы удовлетворять въ нашей законодательной дѣятельности требованіямъ стилистики Зеленецкаго. Эти соображенія намъ, законодателямъ, могутъ остаться чужды. Будемъ имѣть въ виду, что при обыкновенныхъ человѣческихъ мозгахъ и при рвеніи не по разуму, при большомъ желаніи понравиться начальству и вызвать для себя выгодныя отъ этого послѣдствія, можно толковать иногда вкривь и вкось законъ, когда онъ довольствуется выраженіемъ одного только принципа. А вотъ вамъ и доказательство утверждаемаго—въ той запискѣ, которая была намъ прислана отъ совѣта министровъ. Я нахожу въ ней слѣдующій примѣръ кривого толкованія закона, благодаря именно тому, что нѣтъ другого указанія для лицъ его интерпретирующихъ, кромѣ общаго принципа равноправія. Если вамъ угодно будетъ заглянуть въ тѣ матеріалы, которые намъ даны, то на страницѣ 17-ой, вы найдете очень любопытныя разсужденія, клонящіяся къ тому, чтобы доказать, что правила финляндскаго законодательства крайне несправедливы по отношенію къ русскимъ уроженцамъ. Разсматривается такой случай: въ Финляндіи-молъ, когда рѣчь идетъ о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, страхованіе это поставлено болѣе благопріятно для постоянныхъ рабочихъ, которыми разумѣется всего чаще являются финляндскіе граждане, чѣмъ для пришлыхъ, которые прибыли на отхожій промыселъ и большую часть времени

проводятъ внѣ предѣловъ Финляндіи; для нихъ страхованіе поставлено менѣе благопріятно, но имъ все-таки же выдаютъ двухгодовую заработную плату на правахъ страховой преміи. Господа, это тѣ же самые вопросы, которыми мы недавно занимались въ комиссіи по страхованію, при чемъ рѣчь шла вовсе не о финляндцахъ и русскихъ, а о русскихъ, распадавшихся на приходящихъ на отхожіе промыслы и на такихъ, которые живутъ на фабрикѣ. Намъ хозяева говорили, и многихъ убѣждали въ томъ, что хозяину гораздо легче принять на себя денежную отвѣтственность въ случаѣ паденія работоспособности отъ несчастнаго случая, если рабочій живетъ на мѣстѣ. Но если рабочій часть года проводитъ внѣ фабрики, такъ, что хозяинъ не можетъ знать, отчего приключилось паденіе его работоспособности, отъ несчастнаго ли случая, происшедшаго на фабрикѣ, или внѣ ея, то для хозяина это дѣло не безразлично. И вотъ, значитъ, вопросъ, который въ дѣйствительности не имѣетъ ровно никакого отношенія къ противоположенію правъ финляндскихъ гражданъ и пришлаго русскаго населенія, искусственно пригвожденъ къ вопросу о нарушеніи равноправія между финляндскими гражданами и русскими пришельцами. На основаніи его авторы пустились на всякаго рода соображенія, стремящіяся доказать, что только съ помощью примѣненія этого начала равноправія можно будетъ установить нѣкоторую справедливость. Когда мы имѣемъ образецъ такого мышленія и такого пониманія принципа равноправія національностей, равноправія финляндскихъ гражданъ съ одной стороны и русскихъ съ другой, то намъ приходится съ трепетомъ спрашивать себя: а что если не знаменитые юристы, какъ тѣ, которые вѣроятно писали эту бумагу, а юристы tout court, или даже вовсе не юристы, а простые чиновники, попавшіе въ Финляндію, начнутъ толковать одинъ голый принципъ равноправія въ угоду Полонію, что изъ этого получится? Я думаю, никакая государственная польза этимъ достигнута не будетъ.

Позвольте взять еще одинъ примѣръ. Я пока бралъ примѣры изъ законодательства финансоваго, налогового и т. д. Позвольте мнѣ коснуться теперь законодательства, регулирующаго, такъ сказать, духовные интересы. Указывалось въ качествѣ неимовѣрной несправедливости, что Александровскій или Гельсингфорскій университетъ одинъ поставляетъ протестантскихъ проповѣдниковъ въ Финляндію, а у насъ есть и другой протестантскій богословскій факультетъ. Это въ Юрьевѣ. Почему не понимать принципа равноправія въ такомъ смыслѣ, чтобы оканчивающіе въ Юрьевскомъ университетѣ могли, помимо всякихъ экзаменовъ, становиться проповѣдниками въ Финляндіи? Я спросилъ себя, что же, оканчивающіе курсъ въ Юрьевскомъ университетѣ знаютъ шведскій языкъ и

знаютъ ли финскій? Требуется ли для пастора знаніе мѣстныхъ языковъ, когда одна изъ главныхъ, существенныхъ сторонъ его дѣятельности сводится къ проповѣдыванію? Все это я сообразилъ (правда, для этого не требовалось особаго напряженія ума) и пришелъ къ тому заключенію, что русскій законодатель въ 1891-мъ году былъ болѣе правъ, когда, объявляя, что русскіе могутъ служить въ статсъ-секретаріатѣ и при генералъ - губернаторѣ, однако, поставилъ на видъ, что нужно, чтобы эти русскіе обнаружили не только знаніе тѣхъ предметовъ, которымъ они учились въ Россіи, но и знаніе финляндскихъ законовъ, понимая подъ этимъ и шведскіе законы, какъ напримѣръ тѣ, которые въ 1732 г. были изданы для регулированія гражданскихъ отношеній и до сихъ поръ имѣютъ силу. Но знаніе этихъ законовъ, шведскаго и финскаго, безъ знанія шведскаго и финскаго языковъ довольно трудно. Въ докладѣ, который былъ представленъ комиссіей, говорится: для чего всѣ эти поясненія? Очевидно, что люди, которые не знаютъ мѣстнаго языка, и не пожелаютъ служить въ Финляндіи. Но это соображеніе, позвольте вамъ сказать, нимало не успокаиваетъ меня. Да, есть люди, у которыхъ разумъ и сердце берутъ верхъ надъ интересами болѣе матеріальными. Но есть люди, которые для карьеры жертвуютъ велѣніями, диктуемыми имъ разумомъ или сердцемъ. Вотъ почему разсужденія, только что приведенныя, меня такъ же мало успокаиваютъ, какъ если бы вмѣсто ихъ привели стихъ поэта: Намъ хорошо лишь тамъ, гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ,—а это означало бы, что только тѣ люди, которые увѣрены въ этой любви и въ этомъ довѣріи финляндцевъ, и пойдутъ служить въ княжество. Вотъ, господа, какія очень простыя соображенія приходится приводить въ отвѣтъ на очень простыя опроверженія. Я полагаю, что или не хотѣли меня понять, или я дѣйствительно неясно выразился. Я предполагалъ обыкновеннѣйшаго чиновника, желающаго при этомъ услужить начальству и который, благодаря этому, подавитъ въ себѣ требованія совѣсти и требованія разума и начнетъ толковать законъ, разсчитанный на то, чтобы установить миръ, согласіе и добрыя отношенія такъ, что будетъ достигнуто какъ разъ обратное — нарушеніе мира, нарушеніе согласія и обостреніе дурныхъ отношеній. Я еще, господа, буду имѣть случай вернуться можетъ быть ко многимъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые мимоходомъ только мною затронуты, при обсужденіи другого моего возраженія. Я однако не упорствую непремѣнно въ разъ принятомъ предложеніи и потому, въ виду очень вѣрныхъ соображеній, высказанныхъ здѣсь о взаимоотношеніи правъ и обязанностей, я бы попросилъ г. предсѣдателя

поставить первой на обсужденіе поправку А. А. Сабурова, а затѣмъ уже поправку барона Э. Ф. фонъ-Гойнингенъ-Гюне......

При обсужденіи отдѣла 7-го я прознесъ слѣдующую рѣчь: «Тѣ объясненія, которыя я позволю себѣ представить вамъ въ поддержаніе поправки, внесенной А. А. Сабуровымъ и подписанной также мною имѣютъ болѣе или менѣе тотъ же характеръ, какъ и тѣ соображенія, какія были уже мною представлены при преніяхъ о первой статьѣ. Я считалъ бы нужнымъ въ новый уголовный законъ ввести большую опредѣленность. Мы привыкли думать, что такъ называемые должностные проступки сводятся обыкновенно къ двумъ: или къ превышенію власти, или къ преступному нерадѣнію; но должностной проступокъ, который бы состоялъ въ непризнаніи принципа равноправія, пока еще законодательству извѣстенъ не былъ, и я не вижу большой необходимости обогащенія имъ нашего Уложенія. Гораздо было бы правильнѣе опять-таки отказаться отъ декларативной формы закона, войти въ детали, объяснить, въ чемъ состоитъ преступное нерадѣніе, въ чемъ—преступное превышеніе власти, и карать за это превышеніе власти и за это нерадѣніе. Я не буду пускаться въ тѣ подробности, которыми А. А. Сабуровъ очень убѣдительно, на мой взглядъ, доказываетъ, что можно не быть проникнутымъ принципомъ равноправія и въ то же самое время не совершать тѣхъ нарушеній, о которыхъ я только что говорилъ, т. е. превышенія власти и преступнаго нерадѣнія. Я могу быть человѣкомъ, исполняющимъ, по найму или по выбору, тѣ или другія обязанности во время избирательной кампаніи и, какъ человѣкъ, проникнутый пристрастіемъ къ моимъ согражданамъ, сосѣдямъ и соотечественникамъ, я въ то же самое время буду въ моихъ частныхъ разговорахъ доказывать необходимость выбирать непремѣнно финляндскихъ гражданъ. Значитъ ли это, что я совершаю должностное преступленіе? Ни превышенія власти, ни преступнаго нерадѣнія въ моемъ поведеніи открыть нельзя. А между тѣмъ, только за непризнаніе принципа равноправія, меня могутъ привлечь къ отвѣтственности. Я надѣюсь и на суды с.-петербургскаго округа, и на кассаціонный правительствующій сенатъ, что въ концѣ концовъ они признаютъ, что не за что меня преслѣдовать; но пока это произойдетъ, генералъ-губернаторъ, пользуясь тѣмъ правомъ, которое даетъ ему статья 7, можетъ меня отставить отъ должности. Вотъ, господа, соображенія, опять-таки совершенно обывательскія; мнѣ, юристу, посвятившему свою жизнь больше рѣшенію теоретическихъ или историко-юридическихъ вопросовъ, приходится понижаться до уровня обыкновеннаго обывателя и мелкаго чиновника, желающаго продѣлать свою карьеру. И вотъ, съ точки зрѣнія этихъ людей, отождествляя мою психологію

съ ихъ психологіей, я и предполагаю возможность такихъ рѣшеній. А между тѣмъ, кто же намъ мѣшаетъ удовлетворить элементарному требованію—болѣе обстоятельно провести грань различія между симпатіями, вкусами, сочувствіемъ, мѣстнымъ патріотизмомъ и т. д. и превышеніемъ власти и преступнымъ нерадѣніемъ власти. Проведите это различіе, и я охотно приму эту статью. А пока вы этого не сдѣлаете, я, въ согласіи съ моей совѣстью и помня святость присяги мною данной, такую статью голосовать не могу. Позвольте въ связи съ этимъ коснуться и неразрывно связанной съ шестою статьи седьмой. Если бы еще шестая статья примѣнялась мѣстнымъ судомъ, то не могло бы быть тѣхъ кривотолкованій, которыя невольно явятся въ финляндской средѣ, когда будетъ идти слухъ о томъ, что вотъ одного изъ согражданъ не сочли даже возможнымъ судить за его патріотическое пристрастіе на мѣстѣ, какъ выражаются французы, черезъ его естественныхъ судей, juges naturels; нѣтъ, перешли границу и обратились къ судьямъ, которыхъ онъ никогда не видѣлъ, которые будутъ примѣнять при разсмотрѣніи его дѣла, другой уставъ судопроизводства, ему неизвѣстный. Подумайте, господа, сколько кривотолкованій можетъ возникнуть на этой почвѣ, а эти кривотолкованія не могутъ ли сдѣлаться источникомъ добавочной ненависти, которой мы всячески должны избѣгать? Вѣдь, господа, обязанность людей, посвятившихъ себя государственной дѣятельности—это употреблять всѣ старанія къ тому, чтобы поддержать внутренній миръ въ государствѣ и по возможности внѣшній миръ, пока это допускаетъ достоинство и честь того народа, къ которому мы принадлежимъ. Съ точки зрѣнія предупрежденія возможности новыхъ несогласій, вызываемыхъ кривотолкованіями, поводъ къ которымъ даетъ это недовѣріе къ мѣстнымъ судьямъ,—не лучше ли было бы повременить съ изданіемъ этого закона, пересмотрѣть тѣ нормы, которыя вызываютъ эти разномыслія, и затѣмъ уже, съ полной увѣренностью въ томъ, что мы исполнили весь нашъ долгъ государственныхъ людей, предупреждающихъ возможность разногласій и кривотолкованій, приступить къ вотированію этого закона. Позвольте мнѣ сказать вамъ: я такой же горячій поклонникъ принципа равноправія, какъ и другого принципа—уваженія къ культурнымъ особенностямъ націи и подведенія счетовъ съ народной психологіей. Господа, мы имѣемъ уже примѣръ примѣненія законовъ, которые сперва были непріятны финляндцамъ, но которые вошли въ жизнь. Обратите вниманіе на законы 1903 и 1900 гг. Это въ скромной средѣ проведеніе начала равноправія, въ средѣ весьма существенной. Одинъ изъ этихъ законовъ, законъ 1903-го года, даетъ русскимъ возможность пріобрѣтать собственность въ Финляндіи; законъ 1900-го года устра-

няетъ другую несправедливость—онъ даетъ возможность русскимъ крестьянскимъ коробейникамъ торговать товарами и заниматься извознымъ промысломъ, а также рядомъ другихъ. Кто примѣнялъ эти законы? Да тѣ же финляндскіе судьи. Имѣемъ ли мы основанія указывать на то, что они нарушали долгъ присяги и кривотолками позволяли себѣ непроведеніе этого закона въ жизнь? Мы такихъ фактовъ не знаемъ. Откуда же явится у насъ нравственное право передачи суда въ руки органовъ с.-петерб. судебнаго округа? Какое право имѣемъ мы наложить оскорбляющую ихъ печать недовѣрія на мѣстные финляндскіе суды? Какое основаніе имѣемъ мы допустить мысль, которая пока не доказана, что финляндскій судья нарушитъ свою священнѣйшую обязанность примѣненія закона? Скажутъ: законъ ему ненавистенъ, какъ узкому финляндскому патріоту. Да развѣ онъ не имѣетъ права выйти въ отставку и освободить себя отъ обязанности примѣненія закона, который онъ проводить въ жизнь не желаетъ? Я вижу, что нѣкоторые изъ васъ машутъ рукой въ доказательство тому, что все, что я говорю, не послужитъ къ убѣжденію вашему. Я вполнѣ допускаю это, но я желаю поступить согласно съ моей совѣстью и представить тѣ соображенія, по которымъ я, дѣйствуя искренно, не позволю себѣ причинить оскорбленія всему судебному сословію Финляндіи. Господа, позвольте въ заключеніе сказать нѣсколько вещей, которыя, разумѣется, такъ же идутъ противъ теченія, какъ и все сказанное мною сегодня. Позвольте мнѣ сказать, что если равноправіе долгое время не проводилось между русскими имперскими подданными и финляндцами, то можетъ быть причиной этому было еще одно обстоятельство, о которомъ мы съ вами не говорили, а именно то, что учрежденія Финляндіи были учрежденіями монархіи ограниченной, а учрежденія Россіи до манифеста 17 октября были учрежденіями монархіи неограниченной. Понятное дѣло, и мы всюду имѣемъ доказательство этому въ исторіи: въ интересахъ самого правительства было вовсе не поощрять право русскихъ подданныхъ, переселившихся въ Финляндію, выбирать и быть выбранными. Позвольте обратить ваше вниманіе на то, что въ запискѣ, идущей отъ совѣта министровъ, указывается на то, когда стали возникать въ Финляндіи законы, идущіе въ разрѣзъ съ началомъ равноправія. Вотъ что она буквально говоритъ: «Въ 60-хъ годахъ, одновременно съ возникновеніемъ дѣятельности сейма, въ политическихъ кругахъ великаго княжества получила признаніе широко затѣмъ распространенная теорія государственной обособленности Финляндіи». Не видя со стороны правительства Имперіи поощренія равноправію въ сферѣ политическихъ правъ, финляндцы не обязаны были выступить его

поборниками и слѣдовательно противниками имперской политики. Не настаивать же было имъ на томъ, чтобы были приняты законы, умаляющіе ихъ обособленность, ихъ мѣстную автономію! Позвольте указать на то, что въ 1900 и 1903 гг. и даже нѣсколькими годами ранѣе уже были приняты финляндцами мѣропріятія, которыми частично вводилось начало равноправія. И чѣмъ больше будутъ расширяться и укрѣпляться наши молодые представительные порядки, тѣмъ болѣе возможнымъ кажется мнѣ и со стороны финляндцевъ повтореніе того же, чего наши предки были свидѣтелями во Франціи въ концѣ XVIII вѣка, когда бретонцы, провансальцы и лангедокцы, необыкновенно дорожившіе своими привилегіями и мѣстными вольностями, принесли ихъ на алтарь отечества, говоря, что теперь они не хотятъ быть ни чѣмъ другимъ, какъ свободными французскими гражданами. Но для того чтобы этотъ результатъ былъ достигнутъ, необходимо примиреніе двухъ началъ, можетъ быть столь же утопичныхъ, по крайней мѣрѣ въ глазахъ нѣкоторыхъ изъ васъ, какъ и тѣ начала, защитникомъ которыхъ я являлся сегодня: это примиреніе принципа равноправія съ принципомъ уваженія къ культурнымъ особенностямъ народа и созданному вѣками историческому праву».

Отвѣчая на мою рѣчь, министръ юстиціи высказался противъ принятія поправки А. А. Сабурова. Онъ заявилъ, что выраженіе о превышеніи и бездѣйствіи власти не только по мнѣнію судебныхъ практиковъ, но и лучшихъ представителей науки уголовнаго права является выраженіемъ до-нельзя неопредѣленнымъ и возбуждаетъ многочисленныя сомнѣнія на практикѣ. Вводить его, поэтому, въ новый законъ весьма нежелательно. Касаясь вопроса о подчиненіи дѣлъ о финляндскихъ чиновникахъ с.-петербургской судебной палатѣ, министръ говоритъ, что никогда финляндскіе суды за время своего существованія не признавали возможнымъ разсматривать дѣла о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ имперскими, а не финляндскими законами. Защита имперскихъ законовъ можетъ быть предоставлена только русскимъ судамъ.

Поддерживая поправку Сабурова, А. Ф. Кони ограничилъ свою рѣчь исключительно соображеніями юридическаго характера и доказывалъ, что понятія «превышеніе и бездѣйствіе власти» вполнѣ опредѣленныя въ нашемъ законодательствѣ. Что же касается слова «воспрепятствованіе», то оно весьма расплывчато и нуждается въ опредѣленіи. У насъ этотъ терминъ также встрѣчается въ законѣ, карающемъ за препятствованіе къ производству выборовъ въ Г. Думу и въ Г. Совѣтъ; но тамъ онъ достаточнымъ образомъ разъясненъ, при чемъ указывается, въ какой именно формѣ

препятствованіе это можетъ быть выражено. Въ данномъ случаѣ требованіе это не выполнено. Между тѣмъ ясность въ новомъ законѣ особенно необходима, хотя бы въ виду тѣхъ суровыхъ каръ (тюремное заключеніе), которыя имъ устанавливаются.

По отдѣлу восьмому преній не было. Я счелъ нужнымъ сказать лишь нѣсколько словъ.

«За позднимъ временемъ позволю себѣ заявить только слѣдующее: если бы въ какомъ-либо законопроектѣ, къ намъ поступившемъ, было предложено за должностные проступки, совершаемые въ округѣ с.-петербургской судебной палаты, судить въ Гельсингфорсѣ, то я такой бы законъ по совѣсти не могъ утвердить своимъ согласіемъ. И вотъ, придерживаясь равноправія, на которомъ построенъ весь этотъ законъ и по которому, однако, дѣло, возникающее въ Финляндіи и вызываемое должностными проступками финляндскихъ гражданъ, будетъ разбираться слѣдователемъ петербургской судебной палаты и судиться здѣсь, въ Петербургѣ, я скажу: такого предложенія утвердить своимъ согласіемъ не могу.»

Предсѣдатель голосуетъ отдѣлъ восьмой въ редакціи Г. Думы. Противъ этой редакціи встаютъ не больше девяти человѣкъ. Отдѣлъ принятъ.

Послѣ принятія безъ преній отдѣловъ девятаго и десятаго, принятъ и весь законопроектъ въ цѣломъ.

Максимъ Ковалевскій.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ. (Печатается на основаніи п. II прилож. къ ст. 114 Уст. о ценз. и печ. (по прод. 1906 г.) по требованію Главнаго Тюремнаго Управленія).

Въ послѣднее время въ издаваемыхъ въ Псковѣ газетахъ «Псковская Жизнь» и «Псковская Правда» появился цѣлый рядъ статей и замѣтокъ, описывающихъ въ тенденціозномъ освѣщеніи порядокъ примѣненія наказаній къ арестантамъ Псковской временной каторжной тюрьмы.

Въ основу матеріала для этихъ статей, повидимому, легло полученное редакціей «Псковской Жизни» нелегальнымъ путемъ отъ

заключенныхъ, напечатанное цѣликомъ въ № 251 этой газеты «письмо изъ каторжной тюрьмы», по содержанію своему близко совпадающее съ появившейся въ октябрѣ 1911 года революціонной прокламаціей: «Ко всѣмъ соціалистическимъ партіямъ Россіи и заграницы отъ группы политическихъ соціалистовъ «Псковскаго Централа».

Вышеупомянутыя письмо и прокламація, представляющія въ ложномъ и извращенномъ изображеніи режимъ Псковской каторжной тюрьмы, послужили не только для мѣстной Псковской прессы, но и для нѣкоторыхъ столичныхъ газетъ, какъ напримѣръ, «Рѣчь» «Современное Слово», «Биржевыя Вѣдомости» и др., поводомъ для напечатанія рѣзкихъ обвинительныхъ статей противъ начальника Псковской временной каторжной тюрьмы, полковника Черленіовскаго, которому безъ какой-либо провѣрки, а лишь въ силу принятыхъ на вѣру утвержденій революціонныхъ листковъ, приписывалась особая жестокость; наложеніе же имъ тѣлесныхъ наказаній на арестантовъ объяснялось не какъ законное средство возмездія за совершенные ими проступки, а «въ видѣ орудія политической и личной мести».

На основаніи вышеозначенныхъ газетныхъ сообщеній въ № 1 за 1912 г. журнала «Вѣстникъ Европы» была помѣщена въ отдѣлѣ «Вопросы Общественной Жизни» статья, въ коей происшествія послѣдняго времени въ Псковской каторжной тюрьмѣ были изложены въ извращенномъ видѣ.

Въ дѣйствительности, согласно имѣющимся въ Главномъ Тюремномъ Управленіи даннымъ, факты представляются въ слѣдующемъ видѣ: въ Псковской каторжной тюрьмѣ обычно содержится свыше 800 каторжныхъ, среди которыхъ около 200 осужденныхъ за государственныя преступленія. Въ общемъ составѣ арестантовъ числится до 80 безсрочныхъ, изъ которыхъ нѣкоторымъ это наказаніе назначено взамѣнъ смертной казни, и около 125 осужденныхъ на сроки свыше 15 лѣтъ.

Такимъ образомъ четвертая часть заключенныхъ представляетъ собою особо опасныхъ и закоренѣлыхъ преступниковъ, а большое количество серьезныхъ политическихъ арестантовъ, обыкновенно не желающихъ подчиняться тюремному режиму, особенно осложняетъ отвѣтственную и крайне трудную задачу поддержанія порядка въ Псковской каторжной тюрьмѣ. Тѣмъ не менѣе, за истекшіе три года и вплоть до событій послѣдняго времени въ этой тюрьмѣ не было допущено какихъ-либо крупныхъ безпорядковъ, что объясняется, главнымъ образомъ, установленнымъ въ названной тюрьмѣ бдительнымъ надзоромъ за заключенными и своевременнымъ предотвращеніемъ ихъ попытокъ къ производству безпорядковъ и побѣговъ.

Такъ еще въ январѣ 1909 г. начавшіеся безпорядки, выра-

зившіеся въ крикахъ и пѣніи въ камерахъ во время церковной службы и перешедшіе въ ломаніе скамьями дверей въ камерахъ, были пресѣчены въ самомъ началѣ вызовомъ военной команды. Осенью того же года подготовлялось освобожденіе арестантовъ при переводѣ въ другую тюрьму по подложнымъ требованіямъ властей, для чего были поддѣланы въ Псковской тюрьмѣ бланки и печать прокурора тифлисскаго военно-окружнаго суда; въ это же время въ камерѣ безсрочныхъ каторжныхъ арестантовъ были обнаружены перепиленные кандалы, а подъ поломъ спрятанныя пилки. Былъ раскрытъ заговоръ организовать побѣгъ посредствомъ нападенія на стражу.

За три послѣдніе года ни въ Главное Тюремное Управленіе, ни къ мѣстнымъ властямъ не поступало жалобъ на администрацію Псковской временной каторжной тюрьмы. Между тѣмъ, за эти годы тюрьму постоянно посѣщали: Губернаторъ, Вице-Губернаторъ и Совѣтникъ Губернскаго Правленія, Инспекторъ Главнаго Тюремнаго Управленія, Врачебный Инспекторъ, Прокуроръ и его Товарищи (послѣдніе около двухъ разъ въ мѣсяцъ), при чемъ въ книгѣ для посѣтителей неизмѣнно отмѣчался образцовый порядокъ, умѣлое веденіе дѣла администраціей тюрьмы и отсутствіе жалобъ со стороны заключенныхъ.

Съ осени 1911 года администраціей Псковской каторжной тюрьмы было обращено особое вниманіе на усилившееся броженіе среди арестантовъ, преимущественно политическихъ, и на попытки ихъ сорганизоваться. Изъ перехваченной переписки было выяснено, что политическіе заключенные постепенно составили нѣсколько партійныхъ революціонныхъ кружковъ (соціалъ-демократы, соціалъ-революціонеры, анархисты-коммунисты и др.) для подготовки общихъ протестовъ въ видахъ ослабленія режима, приготовленія побѣговъ и безпорядковъ. Заключенные производили въ тюрьмѣ особую «анкету» о своемъ положеніи, данныя которой послужили матеріаломъ для названныхъ выше статей въ газетахъ и прокламаціи, издавали газету, получали съ воли нелегальныя изданія, переписывались тайнымъ путемъ черезъ подкупленныхъ лицъ со своими единомышленниками и даже подготовляли новыя преступленія въ тюрьмѣ, собирая, напримѣръ, свѣдѣнія для ложнаго оговора одного изъ заключенныхъ въ убійствѣ и пріискивая для этого лжесвидѣтелей. Характерно указаніе въ одной изъ перехваченныхъ записокъ, что «свѣдѣнія съ воли при энергичномъ натискѣ финансовъ могутъ легко доставаться».

Обнаруженіе этихъ обстоятельствъ заставило администрацію тюрьмы отнестись съ особой осмотрительностью къ настроенію за-

ключенныхъ, причемъ для предотвращенія постоянной переписки арестантовъ какъ между отдѣльными камерами, такъ и съ внѣшнимъ міромъ, временно были отобраны у нихъ тетради и замѣнены грифельными досками. Распоряженіе это, какъ препятствовавшее достиженію ихъ завѣтныхъ цѣлей къ объединенію и сношенію съ волей, не только возбудило среди арестантовъ волненіе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и побудило ихъ искать въ своей средѣ лицъ, которыя могли, по ихъ предположеніямъ, навести начальство на мысль о недозволенной перепискѣ и разстроить ихъ тайные планы объ организаціи политическихъ заключенныхъ. На этой именно почвѣ и произошли 8 октября 1911 года первые въ этомъ году болѣе крупные безпорядки.

Въ камерѣ № 20, гдѣ содержались большею частью безсрочные политическіе, находилось и нѣсколько общеуголовныхъ арестантовъ, въ томъ числѣ и нѣкій Шульцъ. Первоначально политическіе арестанты заявили начальнику тюрьмы просьбу о переводѣ отъ нихъ Шульца, который, будто бы, надъ ними издѣвался и имъ угрожалъ. По провѣркѣ оказалось, что мотивомъ удаленія его послужило то обстоятельство, что Шульцъ, не сочувствуя революціоннымъ взглядамъ политическихъ каторжныхъ, возбудилъ противъ себя подозрѣніе въ передачѣ начальству ихъ замысловъ. Въ возникшей по этому поводу взаимной ссорѣ, перешедшей затѣмъ въ ожесточенную общую драку, приняла участіе вся камера. Были пущены въ ходъ самодѣльные ножи (а не кинжалы, какъ было сказано въ газетахъ); четверо арестантовъ получили пораненія, въ томъ числѣ Шульцъ, у котораго кромѣ ножевой раны, оказалась переломленной рука. За это буйство начальникомъ тюрьмы были подвергнуты тѣлесному наказанію 17 человѣкъ (а не 49, какъ сообщалось въ газетахъ).

Событіе это было описано, между прочимъ, въ газетѣ «Рѣчь» отъ 8-го ноября и въ № 45 журнала «Право», причемъ приводилось совершенно невѣрное объясненіе о причинахъ драки, заключавшихся, будто бы, въ томъ, что Шульцъ приставалъ къ политическимъ каторжнымъ, склоняя ихъ къ педерастіи.

Однако, при посѣщеніи 23 ноября Псковской каторжной тюрьмы Начальникомъ Главнаго Тюремнаго Управленія арестанты о непристойныхъ дѣйствіяхъ со стороны Шульца ничего не заявляли, указывая лишь на него какъ на «провокатора», что въ ихъ глазахъ имѣло значеніе лица, передававшаго ихъ планы начальству.

Въ тотъ же день арестанты заявили Начальнику Главнаго Тюремнаго Управленія въ числѣ разнообразныхъ жалобъ о недовольствѣ тюремнымъ режимомъ еще о двухъ случаяхъ неправильнаго, будто бы, примѣненія тѣлеснаго наказанія къ 16 и къ 8 арестантамъ. Оба

эти случая описаны въ газетахъ и относятся къ 1909 и 1910 годамъ; ранѣе они никакихъ жалобъ со стороны арестантовъ не вызывали; это одно служитъ уже доказательствомъ, что въ настоящее время случаи эти использованы арестантами искусственно, для созданія общей картины мнимыхъ злоупотребленій. Первый случай имѣлъ мѣсто въ февралѣ 1909 года; прибывшая изъ С.-Петербургской пересыльной тюрьмы партія каторжныхъ весьма дурного поведенія, относительно которой имѣлись свѣдѣнія, что она сдѣлаетъ попытку къ безпорядкамъ, оказала упорное и дерзкое ослушаніе и не подчинялась установленному порядку. Начальникъ тюрьмы, опасаясь возникновенія безпорядковъ, подобныхъ происшедшимъ, какъ было указано выше, незадолго до того въ январѣ, когда для усмиренія буйствовавшихъ арестантовъ пришлось вызывать военную команду, вынужденъ былъ подвергнуть тѣлесному наказанію 16 арестантовъ.

Второй случай одновременнаго наложенія тѣлеснаго наказанія на нѣсколькихъ арестантовъ относится къ 30 Сентября 1910 года. Въ газетахъ событіе это описано въ такомъ видѣ, будто бы 8 каторжныхъ были наказаны розгами только по оговору страдавшаго маніей преслѣдованія душевно-больного арестанта Клементьева, котораго подстрекнулъ къ этой жалобѣ «доносчикъ», арестантъ Плохой. Клементьевъ, осужденный въ каторжныя работы за убійство жены изъ ревности, при поступленіи въ тюрьму былъ здоровъ. На почвѣ совершеннаго преступленія у него происходила душевная драма; онъ сторонился отъ общенія съ другими арестантами и замкнулся въ себѣ; другіе содержавшіеся съ нимъ арестанты объясняли эту отчужденность его несочувствіемъ ихъ планамъ, заподозрили въ немъ «доносчика» и, желая, чтобы онъ самъ просилъ перевода въ другую камеру, сперва стали его терроризировать, а потомъ и нанесли побои. Тогда Клементьевъ пожаловался на восьмерыхъ избившихъ его арестантовъ, которые, по распоряженію начальника тюрьмы, и были подвергнуты тѣлесному наказанію. При переводѣ затѣмъ въ больницу Клементьевъ не производилъ на медицинскій персоналъ впечатлѣнія душевно-больного, говорилъ здраво, но, вспоминая объ убитой женѣ и оставшихся дѣтяхъ, плакалъ и говорилъ, что жена является ему во снѣ. Впослѣдствіи онъ подъ вліяніемъ мученій совѣсти удавился въ тюремной больницѣ.

Что касается описаннаго въ газетахъ случая, будто бы тѣлесное наказаніе на арестанта Николая Иванова было наложено за непринятіе на Пасхѣ краснаго яйца отъ начальника тюрьмы, то это является совершеннымъ вымысломъ, такъ какъ за это названный арестантъ вообще никакому наказанію не подвергался; равнымъ образомъ онъ не былъ тѣлесно наказанъ, какъ это утверждаютъ

газеты, и за то, что будто бы «не смотрѣлъ въ глаза начальнику», а былъ посаженъ только на три дня въ карцеръ за отказъ снять шапку по командѣ въ отвѣтъ на привѣтствіе чиновъ администраціи. Указаніе на то, что этотъ же Ивановъ подвергся избіенію со стороны надзирателей, такъ, что его постель была залита кровью, совершенно не вѣрно. Ивановъ симулировалъ помѣшательство и былъ сначала отправленъ на испытаніе въ Виленскую окружную лечебницу, откуда былъ возвращенъ обратно какъ здоровый. Вскорѣ онъ вновь сталъ симулировать, произвелъ буйство, рвалъ на себѣ бѣлье и ногтями до крови исцарапалъ тѣло. На Иванова пришлось надѣть смирительную рубашку, для чего понадобилось употребить силу, но никакихъ побоевъ ему не наносилось, и ссылка его въ этомъ отношеніи, какъ на свидѣтеля, на священника Калиберскаго не подтвердилась.

По поводу другихъ, приведенныхъ въ газетахъ, фактовъ о примѣненіи тѣлеснаго наказанія будто бы за такіе поступки, какъ «неправильное произношеніе слова «капуста», или за то, «что не кричалъ во время порки», «за то, что еврей», «что лицо корявое», слѣдуетъ сказать, что на самомъ дѣлѣ факты не имѣли мѣста и по полной своей безсмысленности не нуждаются въ опроверженіяхъ.

Подъ вліяніемъ продолжавшагося броженія, арестантами Псковской временной каторжной тюрьмы въ числѣ 150 человѣкъ изъ 800 11-го декабря была объявлена голодовка въ видѣ протеста противъ тюремнаго режима, съ требованіемъ полнаго прекращенія тѣлесныхъ наказаній и предоставленія разныхъ льготъ. При этомъ одинъ изъ заключенныхъ Коганъ произнесъ слѣдующія угрозы начальнику тюрьмы «не я буду, если Вы не поплатитесь кровью за свои притѣсненія». Голодовка продолжалась четыре дня и прекратилась сама собой.

Не останавливаясь на всѣхъ болѣе незначительныхъ фактахъ, приводимыхъ въ газетахъ, нельзя не отмѣтить, что при посѣщеніи начальникомъ главнаго тюремнаго управленія 28 ноября 1911 г. Псковской временной каторжной тюрьмы имъ былъ констатированъ отличный внѣшній общій и по хозяйственной части порядокъ въ тюрьмѣ, прекрасное санитарное ея состояніе, хорошая пища и умѣлая организація арестантскихъ работъ.

Заявленія арестантовъ о какихъ-то хищеніяхъ продуктовъ и о 500 рубляхъ, пожертвованныхъ на улучшеніе пищи, оказались совершеннымъ вымысломъ.

Равнымъ образомъ не соотвѣтствуютъ истинѣ и приписанныя въ газетахъ начальнику главнаго тюремнаго управленія, будто бы, сказанныя имъ при ревизіи 23 ноября слова: «о необходимости про-

стить» по поводу тѣлесныхъ наказаній, примѣненныхъ въ 1909 и 1910 годахъ.

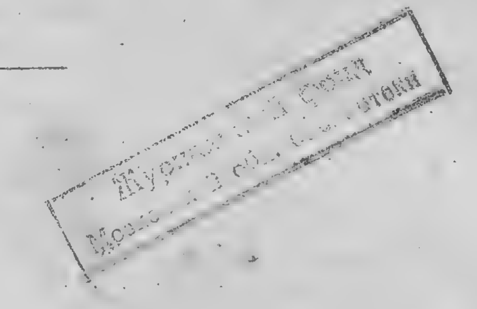
Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что примѣненіе начальникомъ Псковской временной каторжной тюрьмы тѣлеснаго наказанія производилось имъ по долгу службы, въ силу и въ предѣлахъ предоставленной ему законной власти (ст. 275 уст. ссыльн.), и не изъ приписываемыхъ ему какихъ-то личныхъ побужденій, а по оцѣнкѣ имъ обстоятельствъ каждаго отдѣльнаго случая, въ видахъ поддержанія тюремнаго режима и предупрежденія общихъ безпорядковъ, подготовлявшихся арестантами, сорганизовавшимися для этого въ особые революціонные кружки и установившими тайныя сношенія со своими находящимися на свободѣ единомышленниками.

Вмѣстѣ съ симъ очевидно, что сообщеніе въ періодическую печать политическими каторжными, завязавшими тайныя сношенія съ внѣшнимъ міромъ, тенденціозно подобраннаго матеріала о режимѣ въ названной тюрьмѣ имѣло цѣлью лишь возбужденіе общественнаго мнѣнія въ пользу политическихъ заключенныхъ, въ видахъ ослабленія установленнаго въ этой тюрьмѣ режима, что, въ свою очередь, могло бы способствовать облегченію побѣговъ и безпорядковъ.

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ВТОРАЯ.—ФЕВРАЛЬ.